РУССКОЕ СЛОВО

ЯНВАРЬ

1863

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ПЕЧАЛЬНЫЯ ВСТРѢЧИ. (Повѣсть). Н. А. Благовѣщенскій.

КАРЬЕРА. (Разсказъ). А. Г. Витковскій.

ПОДАРКИ. (Стихотв.) А. Н. Плещеевъ.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИСПАНІИ. Д. И. Каченовскій.

ИЗЪ БАРБЬЕ. (Стихотв.) Д. Д. Минаевъ.

СИБИРЬ ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ. Н. В. Шелгуновъ.

ДЕНЬГИ И ТОРГОВЛЯ. Н. В. Соколовъ.

*** (Стихотв.) Я. П. Полонскій.

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. Д. Л. Мордовцевъ.

ЭННИ ЛЕХРОЭНЪ. (Шотландская легенда). Л. А. Мей.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

Историческая школа Бекля. Г. Е. Благосвѣтловъ.
Любовь и Нигилизмъ. А. Г—овъ.
На все отозвался, ни до чего не договорился.—Стихи Вс. Крестовскаго. Изданіе А. Озерова. 2 тома Спб. 1862. Д. Д.
Забытые уголки русскаго Парнаса. По поводу стих. Вяземскаго—*«Въ гостяхъ и дома»*. М. Бурбоновъ.
Библіографическій Листокъ.—Вступленіе.—Исторія XIX вѣка Гервинуса.—Романъ И. Лажечникова—*«Не много лѣтъ назадъ»*.—Всеобщая исторія литературы, Шерра.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

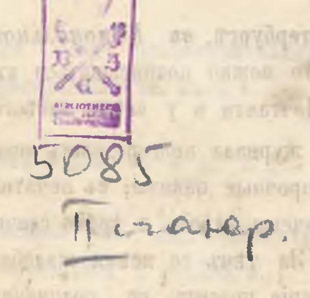
Политика. Жакъ Лефренъ.

Друзья прогресса другъ другу вѣсть подаютъ.—Ихъ солидарность. I. **Внѣшняя политика Франціи.**—Итальянскій вопросъ.—Характеристика Друэнъ де-Люи, потомка знаменитаго Игнатія Лойолы. — Его сладкогласныя ноты.—Намѣренія французскаго правительства устроить по-своему американскія государства.—Франція изъ человѣколюбія готова помогать плантаторамъ.—Миръ на словахъ и война на дѣлѣ.—Мексиканская экспедиція.—Во что обходится французамъ ихъ жажда славы.—Бѣдственное ихъ положеніе за Океаномъ.—Прокламаціи генерала Форе. — Походъ противъ африканскихъ негровъ. II. **Внутреннія дѣла.**—Борьба за франкмасонское общество.—Направленіе французской литературы, принимаемое вслѣдствіе законовъ о прессѣ.—Графъ Кастелланъ — герой 2-го декабря. — Новый парижскій архіепископъ.—Бѣдствія рабочихъ классовъ въ провинціяхъ.—Частная благотворительность и духовенство—противъ нея.—III. **Юридическая хроника.**—Процессъ по вопросу: могутъ ли женщины быть наборщиками въ типографіяхъ? Такъ называемый процессъ **пятидесяти.**—Процессъ мнимой отцеубійцы, г-жи Дуазъ. IV. **Клерикальныя извѣстія.**—Раздача индульгенцій и іезуитская пропаганда.

Домашняя лѣтопись.

Общественная самодѣятельность среди бездѣятельности; отчего у насъ нѣтъ людей способныхъ?—оттого что мы—*народъ будущаго.* — Замѣтка изъ

См. на оборотъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО СЛОВА,

ЖУРНАЛА УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО

ВЪ 1863 ГОДУ.

Начиная пятый годъ своего изданія, «Русское Слово» не измѣняетъ ни прежней программы, ни объема, ни своего нравственнаго характера.

Каждая книжка, отъ 25—30 листовъ большого формата, будетъ состоять изъ трехъ главныхъ отдѣловъ: въ первомъ будутъ помѣщаемы оригинальныя повѣсти, разсказы, очерки, драмы и статьи учено-литературнаго содержанія. Въ этомъ отдѣлѣ намъ обѣщано участіе *А. Н. Островскаго*, *Щедрина*, *Н. Г. Помяловскаго*, *А. П. Полонскаго*, *А. А. Потѣхина*, *А. Г. Витковскаго*, *Я. П. Благовѣщенскаго*, *І. И. Шишкина*, *Д. Григоровича и др.* Статьи экономическаго содержанія будутъ выходить изъ подъ редакціи *Н. В. Соколова*.

II. КРИТИЧЕСКІЙ отдѣлъ будетъ составляться подъ редакціей г. *Благосвѣтлова*.

III. ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННЫЯ ДѢЛА: внѣшняя политика, домашняя лѣтопись и дневникъ Темнаго человѣка—подъ редакціей гг. Благосвѣтлова, *Жака Лефреня* и *Д. Д. Минаева*.

Годовое изданіе «Русскаго Слова» будетъ состоять изъ 12 книжекъ. Цѣна двѣнадцати книжкамъ 12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкой 14 р. Подписка принимается въ Главной Конторѣ Русскаго

Слова, въ С. Петербургѣ, *въ Колокольной улицѣ, въ д. Миллера № 3.* Кромѣ того можно подписываться въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При отправкѣ журнала иногороднымъ подписчикамъ книжки будутъ заклеиваться въ прочные пакеты, съ печатными бандеролями, на которыхъ будутъ означены адресъ и время сдачи каждой книжки въ Газетную Экспедицію. За тѣмъ со всѣми жалобами на неисправную доставку журнала Редакція проситъ гг. подписчиковъ обращаться прямо въ Почтамтъ.

Нѣсколько словъ нашимъ старымъ подписчикамъ.

Вслѣдствіе прекращенія нашего изданія, по распоряженію правительства на 8 мѣсяцевъ, Редакція, не желая оставлять своихъ подписчиковъ въ неопредѣленномъ положеніи относительно удовлетворенія ихъ за недоданныя книжки, извѣстила еще въ прошломъ іюлѣ особеннымъ письмомъ каждаго изъ нихъ, предложивъ на выборъ: 1) получить по разсчету обратно деньги за недоданныя книжки; 2) принять нижеозначенными изданіями на сумму, равную 7 р., или 3) оставить слѣдующія къ возврату деньги на будущій годъ, въ счетъ подписной суммы за «Русское Слово». Съ тѣмъ вмѣстѣ редакція увѣдомила, что самое изданіе журнала передано графомъ Кушелевымъ-Безбородко Г. Е. Благосвѣтлову, завѣдывавшему въ послѣдніе два года Редакціею Русскаго Слова.

Теперь мы считаемъ долгомъ поблагодарить нашихъ старыхъ подписчиковъ, изъ которыхъ девять десятыхъ пожелали выписывать журналъ и въ 1863 г. Кто перевелъ подписную сумму на будущій годъ, тѣхъ покорнѣйше просимъ дослать только 7 р. за полное годовое изданіе «Русскаго Слова». Нѣкоторые потребовали отъ насъ изданіями: изданія имъ высланы черезъ Газетную Экспедицію С.-Петерб. Почтамта. Желавшіе получить обратно деньги — удовлетворены согласно ихъ просьбѣ. Но редакція, къ сожалѣнію, еще доселѣ не получила никакого увѣдомленія отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подписчиковъ, и потому проситъ ихъ сообщить въ теченіи этого мѣсяца свои адресы, въ случаѣ перемѣны мѣста жительства, и дослать дополнительную подписную сумму.

Срокъ же самаго удовлетворенія, продолжавшагося болѣе пяти мѣсяцевъ, уже кончился.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 14 января 1863 г.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1863.

Одобрено Ценсурою. С. Петербургъ, 30 Января 1863 г.

ПЕЧАЛЬНЫЯ ВСТРѢЧИ.

(Изъ замѣтокъ туриста)

Далеко отсюда, гдѣ-то на югѣ Россіи, есть незначительный уѣздный городокъ съ обыкновенной казарменной физіономіей, съ сѣрыми заборами и желтыми присутственными мѣстами, въ которомъ обыватели вѣчно заняты мелкими интересами бюрократическаго и откупного свойства, и, съ ужасомъ открещиваясь отъ разныхъ нововведеній, придерживаются еще стараго китайскаго закона: «чинъ чина почитай;» —словомъ одинъ изъ тѣхъ заплѣсневѣлыхъ городковъ, какіе сотнями раскинулись по Россіи и похожи другъ на друга, какъ родные братья. Въ этотъ городокъ занесла меня нелегкая по капризу моихъ товарищей-туристовъ, которымъ почему-то вздумалось назначить его для всѣхъ насъ сборнымъ мѣстомъ. Пріѣхалъ я, какъ слѣдуетъ, на перекладныхъ, въ пыли и грязи, избитый и изломанный, и остановился по уговору въ ближайшей гостиницѣ: «Москва». Въ гостиницѣ оказалось неудобно и дорого, а такъ какъ я человѣкъ небогатый, то и счелъ за лучшее справиться, нѣтъ ли гдѣ по близости уютной комнатки съ харчами и подешевле. Съ этою цѣлью, на другой же день я отправился на поиски.

Гостиница стояла на самомъ краю города. Она выходила лицомъ на широкую, безлюдную улицу, перерѣзанную глу-

бокими колеями. Среди улицы стояли лужи и въ нихъ барахтались свиньи; кое-гдѣ изъ за комковъ грязи торчали камни почтенной величины — признаки мостовой, которую всегда осторожно объѣзжаютъ неприхотливые обыватели городка. По обѣ стороны ея чиннымъ рядомъ вытянулись деревянные домики сѣраго цвѣта съ палисадниками и упирались въ какое-то непроходимое болото, за которымъ шло городское кладбище. Я пошелъ вдоль по улицѣ по направленію къ болоту, и вотъ вижу у одного незатѣйливаго домика съ мезониномъ, подлѣ калитки, сидитъ тщедушная, точно обглоданная кѣмъ-то, личность, въ халатѣ и покуриваетъ трубочку; а у калитки бѣлѣется надпись: «отдается комната въ мезонинѣ». Тебя-то мнѣ и надо.

— Гдѣ же тутъ комната? спросилъ я у личности.

— А вамъ комнату надо? спросила та въ свою очередь, быстро поднявшись и согнувъ спину.

— Да, я бы посмотрѣлъ.

— Хе, хе, хе... такъ это у меня-съ; я хозяинъ...— И съ этими словами онъ проворно повернулся и вошелъ въ калитку. Я за нимъ. На лѣстницѣ встрѣтила насъ довольно полная женщина среднихъ лѣтъ и сурово оглядѣла меня съ головы до ногъ. За ней появилось сморщенное лицо старухи въ исполинскомъ чепцѣ.

— Смотри, мать моя, заговорила первая:—онъ опять кого-то тащитъ сюда. Кого ты поймалъ еще, свиное рыло? что за дьяволы такіе, покою не даютъ.

— Шш... не кричи, Марья Ефимовна, это тово... квартиру...

— Да вы наёмщикъ что ли? спросила та болѣе ласково.

— Наёмщикъ, отвѣчалъ я.

— Такъ извините пожалуйста, я совсѣмъ съ толку сбилась; мало ли кто тутъ шляется... Пожалуйте-съ.

Она въ попыхахъ бросилась впередъ и отворила двери. Мы прошли черезъ темный узкій коридоръ и очутились въ небольшой комнатѣ, загроможденной до нельзя разнымъ тряпьемъ и посудой. Барыня вошла да такъ и ахнула.

— Батюшки-свѣты, закричала она всплеснувъ руками, — да здѣсь слякоть-то какая... Ольга, а Ольга! гдѣ ты тамъ?

— Чего вамъ?—спросила черноглазая дѣвушка выглянувъ изъ дверей.

— Схвати наши юпки-то живѣе, вишь мущина.

Но дѣвушка взглянула на меня только мелькомъ и мигомъ исчезла. Хозяйка заахала и заметалась по комнатѣ, схватывая что попало.

— Да что вы такъ хлопочете? вмѣшался я: — юпки дѣлу не мѣшаютъ. Мы сперва порядимся, а потомъ и прибирайте какъ знаете.

— Какъ же, батюшка, можно, чтобъ срамъ такой вышелъ; вѣдь людей стыдно. Да вы изъ благородныхъ, или такъ какой?...

— Я и самъ не знаю, сударыня, отвѣтилъ я уклончиво и сталъ оглядывать комнату. Комната ничего, какъ слѣдуетъ быть ей: съ окномъ на улицу, съ обоями...

— Сколько же вы просите за нее?

— Прежде ходила по 9 цѣлковыхъ со столомъ, и деньги впередъ брали.

— Да я, можетъ быть, всего только нѣсколько дней проживу. Давайте рядиться поденно.

— Что жъ, мы лишняго не возьмемъ: положите ужь по рублю ассигнаціями въ сутки. Сами прислуживать будемъ.

— Ну хорошо; положу.

— Такъ здѣсь прибрать надо.

— А прибрать еще успѣете; я переберусь къ вечеру.

На томъ и порѣшили.

Подъ вечеръ я прислалъ на новоселье свои вещи: чемоданъ, подушку и ящикъ съ рисовальными принадлежностями, а потомъ и самъ приплелся. Комната моя, между тѣмъ, приняла уже болѣе приличный видъ; мебель разставили въ порядкѣ, полы вымыли, даже штору съ бахрамой привѣсили у окна, чего я не замѣтилъ прежде. Хозяйка встрѣтила меня въ чепцѣ съ розовыми лентами и съ жеманной улыбкой. Она долго передвигала изъ угла въ уголъ мои вещи, стараясь дать имъ болѣе удобное помѣщеніе; потомъ отерла потъ съ лица и усѣлась на диванъ съ видимымъ желаніемъ побесѣдовать со мною.

— Ну, ужь умаялась я съ этой комнатой, начала она:—

столько возни было, что не приведи господи. Теперь стало почище.

— Да, теперь почище.

— Тутъ, знаете, до васъ жила одна вдова регистраторша, болѣе года жила, Опенкова; можетъ слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Сидора Кузмича покойника племянница. Такъ, я вамъ скажу, просто злость беретъ на нее. Въ годъ-то она такъ отдѣлала эту комнату, что и подобія никакого въ ней не осталось; вездѣ, бывало, грязь у ней; валяется разное тряпье да мусоръ, что клоповъ-то однихъ развела—уму непостижимо; ужь такъ рады были, что выѣхала... А вотъ вы, какъ видно, человѣкъ чистый, любите, значитъ, аккуратность всякую...

— Конечно, говорю, чистота вещь хорошая.

— Ну и все же мужчина, порядокъ, значитъ, понимаете, не то что нашъ братъ—баба. Нѣтъ, ужь закаялась я пускать бабъ къ себѣ на квартиру: окромя ссоръ да сплетень ничего-то отъ нихъ нѣту. Сперва все еще нешто; поговоришь себѣ, знаете, кофейку вмѣстѣ выпьешь, будто и съ человѣкомъ, а потомъ и пойдетъ исторія: и зачѣмъ-де ейный кофейникъ съ плиты сдвинула, сливки недосмотрѣла, корыто вынесла не во время,—въ день-то такъ надоѣстъ, что и мѣста отъ ней не найдти. Въ нѣсколько дней пронюхаетъ всю подноготную, а потомъ и слушай отъ нее разные попреки; конечно, у кого грѣховъ нѣту, а все же нехорошо. Такъ-то.

— Да; это негодится.

— Да и мужъ-то у меня не изъ праведныхъ, продолжала она:—глупѣе всякаго дерева, а къ юпкамъ льнетъ не хуже другихъ. Нече грѣха таить, охотникъ до скороми... Вотъ и теперь съ нами одна старая дѣвка живетъ, ужь чего кажется гаже ейное рыло; поглядѣть, такъ просто съ души воротитъ, а нѣтъ вѣдь: чуть увернешься куда, онъ какъ тутъ, отпускаетъ ей разные куры-муры. Мнѣ-то все одно: пускай любовничаетъ коли охота есть, да людей стыдно: все же мужъ вѣдь... А вы долгонько проживете съ нами? прибавила она вкрадчиво.

Можетъ быть, недѣлю, а можетъ и болѣе. Мнѣ надо здѣсь

дождаться своихъ товарищей, и потомъ всѣ вмѣстѣ поѣдемъ дальше.

— Куда это? смѣю спросить.

— Далеко.

— Такъ. Ну, богъ дастъ, сживемся; у насъ не соскучитесь. Вотъ въ окошечко поглядите, народъ тамъ ходитъ; а тутъ и церковь близехонько. Диванъ у васъ мягкій, заснете какъ убитый; коли плюнуть понадобится, такъ вотъ тутъ тазъ стоитъ... Мы люди хоть и не богатые, да смирные; мужъ мой тоже изъ благородныхъ, прежде чиновникомъ былъ, а теперь въ полицію нанялся писать,—вотъ съ нимъ когда потолкуете...

— Потолкуемъ,—отчего жъ не потолковать.

— А теперь я пойду. Вамъ съ дороги отдохнуть надо. Коли что понадобится, постучите въ перегородку.

— Хорошо, постучу.

Хозяйка вышла. Я опять сталъ разглядывать свое помѣщеніе. Одна только перегодка отдѣляла меня отъ сосѣднихъ комнатъ, такъ что я становился невольнымъ свидѣтелемъ хозяйскихъ разговоровъ и хлопотъ. На перегородкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ косыми глазами безъ рамки и безъ стекла и Петръ великій на Ладожскомъ озерѣ, уже пожелтѣлый и облитый чѣмъ-то. У перегородки, плотно прижавшись къ ней, стоялъ колченогій столъ, покрытый бѣлою скатертью съ желтыми пятнышками по мѣстамъ; по сторонамъ два дѣдовскіе стула съ клеенчатыми подушками. Напротивъ, у стѣнки клеенчатый диванъ, изрытый впадинами и буграми отъ частыхъ сидѣній на немъ; надъ спинкой проведены пальцами по обоямъ кровавыя полосы отъ казни извѣстнаго рода преступниковъ, и выше, подъ стекломъ, висѣлъ патентъ на первый чинъ въ золоченой рамкѣ. Въ углу, на деревянномъ треугольникѣ помѣщалась большая икона въ ризѣ, увѣшанная четками, лентами и цвѣтами; передъ нею засаленная книга съ церковной физіономіей, коробка съ ладаномъ и прилѣпленъ восковой огарокъ, засиженный мухами. Въ другомъ углу трубка и тазъ съ пескомъ... Ничего, жить можно, подумалъ я и опустился на диванъ. Сколько разъ приходилось мнѣ на пути останавливаться въ комнатахъ, и всѣ онѣ будто выли-

ты въ одну форму: та же мебель, вызывающая разныя воспоминанія чего-то прошлаго; тѣ же хозяева, будто знакомые и видѣнные уже гдѣ-то; наконецъ то же стараніе прикрыть семейную голь и нищету приличною наружностью, чтобы эта голь не сразу бросилась въ глаза. А между тѣмъ изъ подъ этой парадной покрышки такъ и сквозитъ голая правда, видится весь нехитрый бытъ семьи, ея вѣрованьица и вѣчное поклоненіе тѣмъ враждебнымъ силамъ, которыя гнетутъ и давятъ ихъ незатѣйливую жизнь; та же перегородка съ узкимъ отверстіемъ подъ потолкомъ, сквозь которое я слышалъ, бывало, столько семейныхъ сценъ, большею частію грязныхъ, печальныхъ, которыхъ становишься невольнымъ участникомъ, и невольно же страдаешь за эту жалкую, безвыходную жизнь. Много пришлось мнѣ колесить по Россіи, заглядывая мимоѣздомъ въ разные закоулки нашего общественнаго быта, и много грустныхъ впечатлѣній вынесъ я изъ этой страннической жизни. Все-то пришлось мнѣ видѣть слезы да вздохи, жизнь лицемѣрную, угнетенную, безнадежность будущаго и вѣчную борьбу съ разными самодурствами. Богъ знаетъ почему это такъ случалось: нарочно ли судьба наталкивала меня на такія встрѣчи; зависѣло ли это отъ желчнаго настроенія души моей, побуждающаго отыскивать темныя пятна и въ свѣтлыхъ, повидимому, сторонахъ жизни, или на самомъ дѣлѣ дѣйствительность на Руси такая безотрадная и искаженная, что трудно встрѣтить въ ней кружокъ, гдѣ бы люди жили спокойно, не тяготясь другъ другомъ и безъ упрековъ совѣсти глядѣли въ свое прошлое и будущее... Горько становится на сердцѣ, когда подумаешь, что даже у насъ незамѣтно не только *явнаго* протеста противъ такой жизни, но даже простого, робкаго желанія вырваться когда нибудь изъ подъ гнетущей ферулы ея. А если гдѣ и явится честная личность съ требованіями лучшей жизни, то она или зачахнетъ съ тоски, заѣденная самимъ обществомъ, или, послѣ напрасной борьбы, все-таки смирится и стушуется съ общимъ колоритомъ кружка. Сильна еще въ русской натурѣ привычка къ дикой старинѣ своей, и легко примиряется эта натура съ каждымъ натискомъ судьбы...

Что-то здѣсь узнаю я чрезъ эту перегородку? Успѣютъ

ли въ эти дни высказаться мои хозяева? А чуется мнѣ, что и здѣсь что нибудь да не такъ; хозяйка уже проговорилась, что у нихъ есть какіе-то грѣхи, боящіеся гласности, да и обстановка что-то слишкомъ знакомая: не даромъ же она навела меня на горькія думы. А вотъ увидимъ...

Въ сумерки въ мою комнату вошла Ольга съ чайнымъ приборомъ и засвѣтила огонь. Она была причесана очень кокетливо и одѣта въ чистое ситцевое платье, отъ котораго еще пахло недавнимъ мытьемъ. Теперь только я замѣтилъ, что эта дѣвушка хоть куда: стройная, свѣженькая, съ черными ясными глазками, которые смотрятъ такъ ласково, будто заглядываютъ въ самую душу и нѣжатъ ее.

— Я кажется не во время пришла, заговорила она звучнымъ голосомъ,—вы еще отдыхаете.

— Нѣтъ я не сплю, моя милая.

— Ужь и *милая*; что такъ скоро?

— А кто же вы? спросилъ я приподнявшись.

— Я дочь отставного губернскаго секретаря, вашего хозяина.

— Вы?

— Да, я. Чему-жъ вы удивляетесь?

— Извините, я полагалъ...

— Вы думали, что я служанка? Ошиблись.

— Въ такомъ случаѣ болѣе не буду называть милой. Какъ же зовутъ вашего папашу?

— Зовутъ его Иваномъ Иванычемъ Андреевымъ; съ нимъ живетъ его супруга Марья Ефимовна, а при нихъ дочь Ольга. Вотъ вамъ все наше семейство.

— Давно я не встрѣчалъ такихъ бойкихъ дѣвушекъ, какъ вы.

— О, я бѣдовая!.. Ну, гдѣ же чай вашъ? или вы сами заварите?

— Да нѣтъ, вы скажите еще одно: вамъ есть пятнадцать лѣтъ, или нѣтъ еще?

— Опять ошиблись. Мнѣ о Рождествѣ минуло семнадцать.

— Какая большая! Чай и женихъ есть?

— Можетъ быть... Да что же вы въ самомъ дѣлѣ не отвѣчаете, гдѣ у васъ чай?

— Не безпокойтесь; я самъ заварю. Вы дайте только самоваръ, да приходите пить чай вмѣстѣ со мной!

— Благодарю. Это будетъ слишкомъ много для перваго знакомства.

— Ольга! что ты тамъ такъ долго балагуришь съ мущиной? крикнула хозяйка черезъ перегородку:—смотри я Осипу Петровичу скажу!

— Я сейчасъ иду

— Что это за Осипъ Петровичъ? спросилъ я.

— Это одинъ страшный человѣкъ, которымъ меня постоянно пугаютъ,—отвѣтила Ольга уже въ дверяхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она внесла маленькій самоваръ, и принялась хлопотать около стола. Я отыскалъ свой дорожный погребецъ съ чаемъ и отдалъ въ ея распоряженіе. Долго она возилась съ нимъ, стараясь уставить всѣ вещи на небольшой площадкѣ стола; потомъ заварила чайникъ, поставила его на самоваръ, прикрыла салфеткой и мелькомъ взглянула на меня. Я улыбался.

— Вы кажется смѣетесь надо мной? спросила она, зарумянившись.

— Нѣтъ, я любуюсь вашимъ умѣньемъ хозяйничать.

— Любуйтесь сколько угодно, только чуръ не смѣяться.

— А знаете, объ чемъ я хочу просить васъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Позвольте мнѣ срисовать ваше личико въ свой альбомъ.

— Это зачѣмъ?

— Такъ, для памяти.

— А вамъ непремѣнно надо помнить меня?

— Конечно. У меня есть привычка срисовывать въ свой альбомъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ понравятся.

Она засмѣялась и кокетливо поправила волосы.

— Пейте лучше чай, онъ уже настоялся. Налить вамъ?

— А вы что же не отвѣчаете на мою просьбу.

— Послѣ когда нибудь отвѣчу... Видите, я опять заговорилась съ вами, а меня бранить будутъ. До свиданья.

Она взглянула на меня, улыбнулась еще разъ и торопливо вышла.

— Вѣроятно, избалованная любимица папеньки да маменьки, подумалъ я, усаживаясь къ столу. Надобно будетъ сойдтись съ нею, чтобы не умереть здѣсь отъ скуки, пока пріѣдутъ товарищи. А сойдтись съ ней кажется не трудно...

Стаканъ съ нарисованной на немъ мухой и чайникъ, оказались подозрительной чистоты; вода чѣмъ-то пахла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я отказался бы отъ такого напитка, но, поѣздивъ по Руси, убѣдился, что это едва ли не общая принадлежность нашего хозяйства, и привыкъ. Можно привыкнуть и къ грязи... За перегородкой кто-то мѣрно скрипѣлъ перомъ и шепотомъ диктовалъ себѣ разные титулы и выраженія канцелярской риторики. Изъ кухни слышался крикъ двухъ спорящихъ бабьихъ голосовъ. Вотъ эти голоса приближаются, и наконецъ ясно обозначился голосъ хозяйки, ругавшей на чемъ свѣтъ стоитъ свою сожительницу-старуху. Дѣлать нечего, пришлось и мнѣ выслушать эту ругань.

— И родня-то вся у тебя подлая была, кричитъ хозяйка, такъ и ты въ нее вышла, аспидъ эдакой!

— Ужь кто бы говорилъ, да не ты; шла бы къ полюбовнику-то своему, да вѣшалась бы ему на шею,—тоже родней колоть стала!

— Ну что жъ, коли любовникъ есть, у тебя небось его не было! а кто Алексѣя-то Митрича обокралъ, какъ не ты? Зато насъ никто въ воровствѣ не попрекнетъ... Мы не воры...

— Не воры вы... А за что твоего мужа изъ службы-то выгнали?..

— Убогой человѣкъ; ума не было, такъ и выгнали.

— Врешь ты, знаю я эту штуку: небось сумасшедшимъ прикинулся, какъ за казенныя деньги отвѣчать пришлось...

— Ужь меня-то не троньте, бога ради! вмѣшался смирно хозяинъ.

— Кто тебя, дурень, трогаетъ! Эхъ ты булыжная головушка! Проглядѣлъ жену да дочку!..

— Ну ладно, полно; ужинать пора.

Голоса притихли. Слышу, накрываютъ на столъ.

— Садитесь съ богомъ, говоритъ хозяйка, а гдѣ же Ольга?

— Вотъ ты за дочкой-то глядѣла бы лучше, а то сломитъ она свою головушку; больно прытка стала.

— Да замолчишь ли ты, аспидъ? Коли жить съ нами не любо, такъ убирайся куда хошь, не неволимъ.

— Уйдти-то мнѣ не долго, только вамъ не поздоровится отъ того...

— Полноте, Василиса Андревна, заговорилъ хозяинъ ласково—вѣдь это тово... шутки все.

— Такъ чего жъ она лается?

На минуту смолкли и сѣли къ столу. Зазвенѣли ложки.

— Нѣтъ ли водочки? спрашиваетъ хозяинъ:—кажись тамъ еще осталось маленько?

— Нѣтъ для тебя водки, пьяница!.. А ты гдѣ пропадала, мать моя?..

— На огородѣ была, отвѣчаетъ Ольга.

— То-то, на огородѣ... Садись-ко, да рожу перекрести сперва. Совсѣмъ ты у меня отъ рукъ отбилась, вотъ ужо тебя проучитъ Осипъ Петровичъ.

— Пусть проучитъ. Я сама скажу ему, что вы все ругаетесь.

Опять слышится чавканье, прихлебываніе и стукъ тарелокъ; запахло щами, потомъ какимъ-то пряннымъ запахомъ. Послѣ ужина у кого-то началась отрыжка и запахло жуковымъ; затѣмъ кто-то чихнулъ, и ему пожелали здравствовать, на что тотъ отвѣтилъ громкимъ зѣвкомъ. Потомъ разбрелись всѣ, и говоръ послышался уже въ кухнѣ, а рядомъ остался только хозяинъ. Пользуясь безлюдіемъ, онъ осторожно зазвенѣлъ рюмкой, глотнулъ, крякнулъ и принялся чистить сапоги, будто ни въ чемъ не бывало. Мнѣ, наконецъ, надоѣло все это, и я сталъ подумывать, чѣмъ бы развлечься. Заглянулъ въ окно: темно; гулять, значитъ, трудно; сѣлъ было писать, да нѣтъ, не пишется; ухо точно нарочно прислушивается къ малѣйшему шороху и отвлекаетъ вниманіе отъ работы...

Пробило 10 часовъ. Я легъ. Слышу, рядомъ хозяинъ двигаетъ стуломъ и апетитно почесывается; вотъ заскрипѣла кровать, и его костлявое тѣло стукнулось о перегородку,

изъ чего я заключилъ, что въ сосѣдствѣ со мною стоитъ супружеское ложе. Вотъ идетъ и хозяйка.

— Ты спишь? спрашиваетъ она вполголоса.

— Нѣтъ еще, отвѣчаетъ мужъ.

— Завтра сходи къ Осипу Петровичу.

— Схожу.

— Надо у него денегъ взять; Ольга башмаки совсѣмъ стоптала.

— Ладно.

— Что-то животъ у меня болитъ сегодня, продолжаетъ она чрезъ нѣсколько минутъ.

Мужъ молчитъ. Опять скрипитъ кровать, звенятъ стклянки и начинается долгое втиранье. Пахнетъ камфорой. Силы моей не стало; я накинулъ на голову подушку и вдругъ къ ужасу своему, чувствую по запаху, что недалеко отъ меня клопъ прогуливается. Нѣтъ, думаю, видно не всѣхъ еще звѣрей вывела отсюда хозяйка, и рѣшился спать сидя. А въ квартирѣ уже храпъ только слышится, да мѣрный стукъ маятника. Кто-то изъ спящихъ въ просонкахъ хватилъ колѣномъ въ перегородку; я вздрогнулъ, портреты припрыгнули; затѣмъ раздался продолжительный стонъ, сонное чавканье и храпѣнье на иной манеръ. И долго не могъ заснуть я.

Когда я проснулся, самоваръ былъ уже на столѣ и около него суетилась хозяйка.

— Пора вставать, батюшка, сказала она, замѣтивъ, что я открылъ глаза: —вѣдь скоро полдень; я ужь два раза кофею напилась, а вы еще спите.

— А вотъ встану, отвѣчалъ я.

— Каково почивали?

— Плохо, сударыня, клопы заѣли.

— Ну такъ я и знала, что клоповъ тьма; чистила, кажись, хорошо, а все есть. Вотъ ужо надо посмотрѣть, совсѣмъ забыла вчерась...

Хозяйка сняла икону и вынесла; на мѣстѣ ея остался густой рядъ паутины. Я одѣлся. Въ открытое окно свѣтило солнышко и подувалъ вѣтерокъ...

— Можно къ вамъ войдти? послышался голосъ Ольги.

— Войдите.

Ольга принесла мнѣ булки къ чаю. Въ ея лицѣ я замѣтилъ сегодня маленькую перемѣну: что-то невеселое проглядывало въ немъ.

— Вы, говорятъ, очень плохо спали? спросила она.

— Можетъ быть. Это со мною часто бываетъ.

— И сновъ никакихъ не видали?

— Какъ не видать сновъ; видѣлъ очень много.

— Какіе же сны? веселые?

— А вамъ хочется знать?

— Да такъ; примѣты есть. Надо помнить сны, какіе грезятся на новомъ мѣстѣ.

— Мнѣ слишкомъ часто приходится перемѣнять мѣста. Гдѣ же тутъ упомнить всѣ примѣты...

— Зачѣмъ вы такъ долго спите? Это вредно. Сегодня утро было прекрасное; я думала, вы гулять пойдете.

— Да гдѣ же гулять-то? По городу развѣ?

— Нѣтъ, тутъ поле есть; кладбище недалеко, тамъ много смѣшныхъ надписей...

— Я всегда страюсь держать себя подальше отъ кладбища. Что за прогулка среди покойниковъ! Развѣ съ вами?

— Мнѣ съ вами гулять не позволятъ.

— А одинъ я не пойду. Ну что же портретъ вашъ? вы вчера не хотѣли мнѣ отвѣчать.

— Я говорила объ этомъ съ маменькой и она позволила мнѣ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы оставили намъ этотъ портретъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется нарисовать его въ двухъ экземплярахъ.

— Какъ знаете.

— Прекрасно; я согласенъ. Когда же позволите начать работу?

— Это зависитъ отъ васъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Хотите сегодня?

— Я готова.

— Да, батюшка, ужь вы будьте такъ добры, вмѣшалась неожиданно хозяйка, показываясь въ дверяхъ: — напишите

мнѣ, пожалуйста, Ольгу! Намъ ужь давно хочется имѣть ейный портретъ, да и Осипу Петровичу, чай, будетъ пріятно.

— А вы, въ награду за это, должны хорошенько вычистить мою комнату.

— Вычищу, батюшка, какъ святъ богъ говорю. Сегодня же будете спать спокойно.

— Ну хорошо.

— Бѣги же, Ольга, приготовь живѣе столъ, да переодѣнься. Краски-то у васъ есть?

— Все есть, только мѣсто дайте.

— А вотъ мы сейчасъ. Живѣе, Ольга!

И обѣ онѣ торопливо выбѣжали.

За перегородкой на нѣсколько минутъ поднялась суматоха; что-то передвигали и рылись въ комодахъ. Затѣмъ хозяйка объявила мнѣ, что все готово. Я захватилъ съ собою ящикъ съ матеріалами и вмѣстѣ съ нею вошелъ въ просторную и чистую комнату, вѣроятно назначенную для пріема гостей. У окна приготовленъ былъ столъ, покрытый синей салфеткой, а подлѣ стола стояла Ольга, одѣтая въ самое парадное платье и съ цвѣтами на головѣ. Нѣсколько времени прошло въ выборѣ мѣста и позы. Ольга хохотала какъ ребенокъ, безпрестанно заглядывая въ зеркало и дѣлая разныя гримасы. Мать охала, сердилась и своей бѣготней надоѣла мнѣ до нельзя. Наконецъ усѣлись, какъ слѣдуетъ, и я взялся за карандашъ. Наступило молчаніе.

— Не мѣшаю ли я вамъ? спросила шопотомъ хозяйка.

— Признаться, было бы лучше, если бъ вы ушли, отвѣчалъ я.

— Такъ я уйду: кстати и супъ посмотрѣть надо. Смотри, Ольга, сиди смирно! я въ щелку буду посматривать! —И погрозивъ ей пальцемъ, она вышла на цыпочкахъ. Ольга вслѣдъ ей комически перекрестилась и едва удержалась отъ хохота.

— Какая вы шалунья! произнесъ я.

— О, вы еще не знаете, на что̀ я способна рѣшиться. Скажите, пожалуйста, съ вами можно быть откровенной? Вы не шпіонъ, не доносчикъ?

— Конечно; что за вопросъ.

— Ну такъ смотрите, что я буду дѣлать.

Она прислушалась, подошла къ печкѣ и отворила трубу. Потомъ изъ кармана осторожно вынула измятую папироску и закурила.

— Вы курите?

— Какъ видите.

— Вы, вѣроятно, бывали гдѣ нибудь въ большихъ городахъ?

— Да, я пять лѣтъ жила въ нашемъ губернскомъ городѣ и училась тамъ въ пансіонѣ.

— Вотъ вы какая!

Да-съ. А вы небось думали, что я служанка? Я училась по французски, по нѣмецки, музыкѣ и разнымъ другимъ наукамъ... Впрочемъ, сказать по правдѣ, эти науки не пригодились мнѣ ни къ чему.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Здѣшніе жители не спрашиваютъ о наукахъ; говорятъ, что и безъ нихъ жить можно. Ахъ, если бы вы знали какіе здѣсь всѣ невѣжи и глупые, точно кто нарочно собралъ со всего свѣта дураковъ да уродовъ, и посадилъ въ нашъ городъ. Здѣсь право можно умереть съ тоски.

— И будто вы скучаете когда нибудь?

Ольга взглянула на меня пристально.

— Васъ это вѣрно очень удивляетъ? Не правда ли, я вамъ кажусь самой безпечной и веселой дѣвушкой? А между тѣмъ мнѣ частенько приходится даже плакать.

— Плакать? О чемъ это?

— Причины есть... Тш... идетъ кто-то.

Ольга проворно бросила въ трубу папироску и перелетѣла на стулъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что, идетъ на ладъ? спросила хозяйка за дверью.

— Какъ же, идетъ.

— Ну сиди смирно, Ольга.—И шаги удалились.

— Вы очень поблѣднѣли, замѣтилъ я.

— Еще-бы. Здѣсь еще никто не знаетъ, что я курю.

— А если я проговорюсь когда нибудь?

— Избави боже! такая сцена выйдетъ, что и подумать страшно. Нѣтъ, ужь вы, пожалуйста, будьте на моей сторонѣ. Будемте друзьями, а не врагами.

— Пожалуй будемте. Кромѣ шутокъ, вы начинаете интересовать меня.

— Очень рада!

Ольга улыбнулась, потомъ задумалась о чемъ-то и вздохнула. Нѣсколько минутъ прошло безъ разговора.

— Вы любите читать? спросилъ я.

— Очень люблю, да къ несчастью нечего. Прежде, бывало, я читала цѣлые дни и ночи на пролетъ.

— Конечно, все больше романы да повѣсти?

— Да, я люблю романы, потому что тамъ описывается жизнь такая заманчивая, страстная, и встрѣчаются люди не такіе, какъ здѣсь. Когда я читаю романы, я всегда припоминаю кое-что изъ своей жизни, или воображаю себя на мѣстѣ дѣйствующихъ лицъ; а это пріятно.

— Вы, я вижу, большая мечтательница.

— Можетъ быть; но что̀ же дѣлать, если жизнь-то у меня не слишкомъ веселая. Сплетни городскія меня не занимаютъ, удовольствій никакихъ нѣтъ, изъ домашнихъ съ кѣмъ нибудь и поговорила бы, да страшно: обругаютъ пожалуй,—у насъ вѣдь цѣлые дни ругаются да дерутся. Поглядишь только на нихъ, да и пойдешь въ свою комнатку, подальше отъ грѣха. Право я согласилась бы снова начать учиться, лишь бы только жить въ губернскомъ городѣ, а не здѣсь.

— Видно вамъ пришла по сердцу городская жизнь?

— Еще бы. Тамъ и общество лучше, и развлеченій много. Тамъ можно встрѣтить людей умныхъ и воспитанныхъ. Тамъ, напримѣръ, я познакомилась съ братомъ одной моей подруги; да это такой человѣкъ, какихъ поискать надо...

— А! понимаю.

— Что̀ вы понимаете? Нѣтъ вы пожалуйста не думайте, что я... что онъ... Ну да, конечно: онъ мнѣ нравился; да такіе люди не могутъ не нравиться, и тамъ всѣ его любили. Мы вмѣстѣ съ нимъ читали, разговаривали, даже учились; онъ объяснилъ мнѣ многое, чего я прежде не понимала... Видите ли какъ я откровенно говорю съ вами? Если бы это слышала маменька, досталось бы мнѣ... Вы не смѣетесь?

— Что жъ смѣяться? Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ дѣльный.

— Очень умный. Я точно переродилась послѣ него и стала смотрѣть на все другими глазами.

— Ну, а что же, напримѣръ, объяснялъ онъ вамъ?

— Многое, всего не припомнить. Онъ говорилъ что-то о жизни, о поэзіи, бранилъ наше общество..... помню только, что на меня очень сильно дѣйствовали эти разговоры и я много думала о нихъ. Знаете что: этотъ студентъ лицомъ немного походитъ на васъ...

— Браво! значитъ вамъ пріятно видѣть меня?

— Это почему?

— Да потому, что я напоминаю вамъ вашъ *предметъ*.

— Напротивъ: я даже стараюсь скорѣе забыть эту встрѣчу. За мной вѣдь слѣдятъ здѣсь, и бѣда, если кто нибудь узнаетъ, особенно Осипъ Петровичъ.

— Кстати, кто этотъ Осипъ Петровичъ? Я часто слышу у васъ это имя.

— Это здѣшній купецъ-иконописецъ, человѣкъ очень богатый и съ вѣсомъ.

— Какое же онъ имѣетъ право вмѣшиваться въ ваши дѣла?

— Онъ мой женихъ.

— Какъ, вы въ самомъ дѣлѣ невѣста? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Давно уже. Скоро два года.

Я пристально поглядѣлъ на Ольгу. Она слегка поблѣднѣла.

— Но свадьба еще нескоро, прибавила она торопливо:— у него умерла мать, такъ онъ на цѣлый годъ отложилъ свадьбу. Годъ исполнится 6-го февраля, слѣдовательно мнѣ остается еще пять мѣсяцевъ свободы, а можетъ быть и больше... Видите, какая я счастливая!..

Въ это время ручка двери нерѣшительно зашевелилась; потомъ въ дверяхъ образовалась широкая скважина и въ этой скважинѣ появилась желтая, точно испуганная физіономія хозяина.

— Я войду-съ? сказалъ онъ съ подобострастной улыбкой и съёжившись, будто надъ нимъ висѣлъ кулакъ.

— Войдите.

Хозяинъ осторожно приблизился къ столу, и съ той же

приторной улыбкой сталъ глядѣть то на меня, то на рисунокъ.

— Это вы... дочь мою?

— Да, это ея портретъ.

— Руками?...

— Что «руками»?

— То-есть, я хотѣлъ спросить, какъ это вы писали?... Извините! хе, хе, хе!...

— Я писалъ акварелью, водяными красками.

— Такъ-съ. Это значитъ...

Онъ не договорилъ что̀ это значитъ, и принялся разсматривать рисунокъ. Ольга тоже взглянула на мою работу и улыбнулась.

— Будто это я? сказала она:— вы нарисовали какую-то красавицу, а не меня!

— А я по глазамъ вашимъ вижу, что вы довольны портретомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, вы мнѣ слишкомъ польстили. Пожалуйста нарисуйте меня попроще и похуже.

— Хорошо; это можно.

Ольга хотѣла еще что-то сказать, но отецъ ущипнулъ ее за руку и сердито махнулъ головой. Я замѣтилъ эту продѣлку и улыбнулся. Ольга вспыхнула и погрозила мнѣ пальцемъ.

— Такъ это вы... какъ же? спросилъ опять хозяинъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе нѣжности.

— Водяными красками, опять отвѣчалъ я.

— Нѣтъ; то-есть... извините... я хотѣлъ спросить, сколько примѣрно вамъ за труды...

— Я не требую ничего; это въ знакъ памяти.

— А!.. очень пріятно...

— Хотите видѣть Осипа Петровича? тихонько спросила меня Ольга.

— Хотѣлось бы.

— Такъ приходите сюда вечеромъ, онъ будетъ у насъ. Папаша! заговорила она громко:—пригласите къ намъ сегодня господина живописца: онъ очень хочетъ познакомиться съ Осипомъ Петровичемъ.

— Какого живописца?

— Да вотъ ихъ—Ольга указала на меня.

— А! это вы-съ?...

Улыбка хозяина прошла во всю ширину рта. Уставивъ на меня глаза, онъ два раза поклонился, и потомъ сахарнымъ голоскомъ произнесъ: «пожалуйте!»

Въ сумерки я отправился по приглашенію въ ту же гостиную, гдѣ рисовалъ утромъ. Она была прибрана и вымыта; у кіоты горѣла лампадка Въ углу подъ иконой сидѣла Василиса Андревна въ чепцѣ и большой шали съ бахрамою и вязала что-то длинными спицами. При входѣ моемъ, она съ достоинствомъ качнула головою и хотѣла что-то сказать, но только зашевелила губами. У одного окна расположилась Ольга съ пяльцами; у другого, согнувшись дугой, сидѣлъ хозяинъ и размашисто переписывалъ какую-то бумагу. Хозяйка, растрепанная и засаленная, по обыкновенію металась изъ конца въ конецъ съ озабоченнымъ видомъ. Замѣтивъ меня, она поправила съѣхавшій на бокъ чепецъ и потное лицо ея залоснилось еще болѣе.

— Вотъ такъ! милости просимъ; не побрезгуйте нашимъ знакомствомъ!—сказала она, утираясь концомъ передника,—мы вѣдь тоже благородные! Не взыщите, батюшка, что я передъ вами неодѣтая стою! Такъ захлопоталась, что некогда и въ зеркало поглядѣться. Нельзя же вѣдь! Осипъ Петровичъ нашъ благодѣтель; кабы не онъ, такъ я вамъ скажу, давно бы намъ надо по міру идти, — на этого дуралея надежда плоха (она кивнула на мужа!) Вотъ познакомтесь съ Осипомъ Петровичемъ,—онъ человѣкъ хорошій!—крутенекъ, правда, а знаетъ какъ при людяхъ держать себя. Да что жъ ты, Иванъ Иванычъ, болваномъ сидишь? обратилась она къ мужу: — вишь гости пришли! А я, ужь вы извините, пойду пріодѣнусь.

Иванъ Иванычъ тотчасъ убралъ свою работу и подошелъ ко мнѣ. Мы сѣли. Хозяинъ ёжился и думалъ, съ чего бы начать разговоръ; я тоже молчалъ и отъ нечего дѣлать разсматривалъ злую фигуру Василисы Андревны, которая вся

углубилась въ свои спицы и порою бросала на меня недружелюбные взгляды. Отъ старости, или отъ привычки, только у ней нижняя губа отстала отъ верхней, и выказывала два желтые зуба съ черными пятнами; лѣвая бровь постоянно вздрагивала. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ она раздвинетъ свои зубы и пропуститъ сквозь нихъ накопившіяся на языкѣ злыя рѣчи, но зубы оставались по прежнему сжаты... Наконецъ хозяинъ спросилъ меня, играю ли я въ шашки? я отвѣчалъ что нѣтъ, и онъ снова задумался. Ольга взглянула на меня и почему-то улыбнулась. Старуха громко зѣвнула и три раза перекрестила ротъ.

— Идетъ, идетъ! шепнула хозяйка, вбѣжавъ въ комнату и торопясь зажечь свѣчи съ бумажными розетками:—да еще не одинъ: какой-то монахъ съ нимъ!...

На лицахъ присутствующихъ появилась тревога. Всѣ точно испугались и засуетились. «Видно хорошъ благодѣтель!» подумалъ я, замѣтивъ эту тревогу.

На лѣстницѣ послышались голоса.

— Сюды, за мной, отецъ Онуфрій! эй вы, вислоухіе! огня!

— Отцы мои, никакъ ругается... не въ духѣ значитъ!—проговорила хозяйка въ испугѣ и бросилась къ лѣстницѣ со свѣчкой. Иванъ Иванычъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, да такъ и не смогъ: губы его больно дрожали. Ольга убѣжала.

Въ сѣняхъ нѣсколько времени слышалась возня и хлопанье дверей. Хозяйка сдавленнымъ голосомъ говорила разныя ласковыя слова, а гость безцеремонно осаживалъ ее: «чего лѣзешь-то? за порогомъ здороваться не слѣдуетъ; ты сперва въ комнату введи!»—Милости просимъ, батюшка, Осипъ Петровичъ, пожалуйте!

И вотъ въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ лысиной и курчавой бородкой, въ длиннополомъ кафтанѣ синяго цвѣта и личныхъ сапогахъ, покрытыхъ еще мокрою грязью. Онъ былъ довольно полонъ и говорилъ басомъ. Въ рябоватомъ лицѣ его, будто облитомъ масломъ, и сѣрыхъ проворныхъ глазахъ, тоже съ масломъ, такъ и видѣлось, что онъ большой охотникъ до женскаго пола.

— За этимъ охотникомъ вошелъ субъектъ съ носомъ на подобіе сливы, припухшими глазами и пучкомъ жидкихъ, крас-

новатыхъ волосъ въ бородѣ. Этотъ субъектъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ прежде однимъ изъ тѣхъ странниковъ, кои промышляютъ на Руси сборомъ подаяній. Послѣ разныхъ неудачъ и треволненій житейскихъ, онъ опредѣлился келейникомъ къ эконому сосѣдняго монастыря, и, какъ человѣкъ сметливый, до того приластился къ нему, что тотъ довѣрялъ ему сдѣлки съ иконописцами и разныя закупки по мелочамъ. Поэтому келейникъ пользовался большимъ почетомъ между иконописцами и людьми извѣстнаго закала, и даже прослылъ между ними за *отца* Онуфрія, будто и заправскій монахъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе своихъ долгихъ странствованій, онъ вполнѣ освоился съ наукою ханжества, и зналъ какъ кому потрафить...

Оглядѣвъ общество, Онуфрій почему-то улыбнулся во весь ротъ. Въ комнатѣ запахло водкой.

— Ну теперь здравствуй, Марья, сказалъ Осипъ Петровичъ, обращаясь къ хозяйкѣ: — теперь и поздороваться можно; а то лѣзетъ въ самыхъ дверяхъ.

— Не буду, голубчикъ! отвѣтила та, и бросилась было целовать его руку, но Осипъ Петровичъ отдернулъ ее и проговорилъ отрывисто, «въ губы!» Затѣмъ произошло обычное целованіе.

— А гдѣ Ольга?—спросилъ гость.

— Сейчасъ вышла куда-то.

— Куда вышла? отыщи!

Хозяйка отправилась къ двери, но Ольга сама вошла въ комнату и издали поклонилась благодѣтелю. Благодѣтель нахмурился.

— Нешто такъ здороваются съ женихомъ? строго замѣтилъ онъ. Ну-ка подойди сюда!

Та подошла.

— Целуй!

Ольга взглянула мелькомъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ я, и измѣнилась въ лицѣ. У Осипа Петровича челюсти начали пошевеливаться и глаза подернулись точно туманомъ. Онъ сурово посмотрѣлъ на мать.

— Да что она съума что ли сошла сегодня?..

— Оля, поцалуй, голубушка, Осипа Петровича! вмѣшалась

мать, замѣтивъ, что ее стѣсняетъ мое присутствіе. — Кто жъ тебя осудитъ, коли ты поцалуешь жениха? Иди же, стерва, прибавила она шопотомъ и тихонько показала ей кулакъ.

Сопротивляться больше не было возможности. Послѣ минутнаго колебанья, Ольга судорожно приложила свои губки къ мохнатой щекѣ жениха и хотѣла убѣжать, но тотъ удержалъ ее.

— Ишь ты, какая прыткая стала! сказалъ онъ. Смотри, братъ, меня не переучишь! только потому прощаю, что смазлива больно!.. Гляди-ко, Онуфрій, какая у меня невѣста-то знатная! кровь съ молокомъ!... Просто, братъ, объѣденье.

Онуфрій поглядѣлъ и выразительно прищелкнулъ языкомъ.

— Что, небось, слюнки текутъ!

— Да пустите же меня! сквозь слезы вскрикнула Ольга.

— Куда жъ ты?

— У меня голова болитъ, пустите!

— Ну ступай, ступай! приневоливать не хочу, пока еще въ дѣвкахъ; а вотъ ужо женимся, такъ покажемся... А это жъ кто такой? спросилъ онъ, замѣтивъ меня.

Меня представили какъ жильца и живописца.

— Вотъ какъ! такъ вы по нашей части? товарищъ, значитъ! Очень пріятно-съ! Мы тоже кое-что смекаемъ въ этихъ дѣлахъ, только больше все на счетъ иконъ-съ; святыню, значитъ, творимъ. Вы откуда же?

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ я.

— По нашему изъ Питера? такъ-съ. Это вѣдь нѣметчина, городъ познанія добра и зла! чистому, говорятъ, оттуда не выйдти, потому, значитъ, соблазну много. Такъ-съ. Что жъ ты мнѣ раньше не сказала, Марья, что у тебя новый гость есть?

— Забыла, батюшка, видитъ богъ, забыла. Да онъ у насъ ничего; такой смирный...

— Ну, очень радъ знакомство вести, можетъ и пригодимся когда... Вотъ и съ этимъ сойдитесь, тоже пригодится, добавилъ онъ, указывая на Онуфрія: — этотъ человѣкъ, я вамъ доложу, всѣ мѣдяныя трубы прошелъ, своими глазами чорта видѣлъ, познакомиться слѣдуетъ-съ.

— Очень радъ! въ свою очередь-отвѣчалъ я.

— Познакомь и насъ, Осипъ Петровичъ, съ угоднымъ-то человѣкомъ! Въ первый разъ видимъ...

— Онуфрія-то? Да это такой человѣкъ, которымъ дорожить надо, особливо нашему брату: заказовъ тьму дѣлаетъ и платитъ чистаганчикомъ. Такіе люди намъ на руку. Кланяйся!

Онуфрій поклонился. Его широкая улыбка исчезла, и лицо мгновенно измѣнилось на постный ладъ.

— Изъ какого монастыря, батюшка?

— ... Сп... Сперва у Духа былъ-съ; а потомъ тутъ къ святымъ угодникамъ перешолъ, двѣнадцать верстъ отсюда; отвѣтилъ смиренно Онуфрій и отеръ рукавомъ усы, потому что больно брызгалъ и плевался во время разговора.

— А давно спасаться изволите?

— Семь лѣтъ уже спасаюсь милостями царицы небесной... Сперва книжкой жилъ года три, на построеніе сбиралъ; а потомъ опредѣлился къ братіи, нечѣмъ жить стало Нонче мало сбору бываетъ, такъ невыгодно-съ.

— Да ты, братъ, нешто себѣ деньги-то собиралъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, на церковь. Мы обнаковенно платимъ въ монастырь примѣрно сто, аль двѣсти рублевъ въ годъ, а потомъ и выручаемъ книжкой. Что наберемъ лишку, такъ это ужъ намъ за труды причитается; а то чѣмъ же жить то!

— Вотъ какъ. Ну, а за что отъ Духа-то выгнали?

— Плевое дѣло вышло-съ. Грѣхъ тамъ одинъ попуталъ меня, такъ на исповѣди духовникъ выдалъ, ну и выгнали-съ. Да видно господь все къ лучшему дѣлаетъ: здѣсь жить не впримѣръ лучше.

— А какой грѣхъ-то?

— Да что вамъ знать, Осипъ Петровичъ! Мало-ли какой грѣхъ; всякіе грѣхи бываютъ, уклончиво отвѣтилъ странникъ.

— Это конечно! Вашему брату надо сперва языкъ развязать, а потомъ спрашивать... Ну что жъ, сядемъ. Водки что ли?

— Пью-съ

— Марья! дай намъ водки!

Хозяйка принесла графинъ водки съ закуской и поставила

передъ гостями. Гости молча выпили по первой и задумались. Ольга заняла свое мѣсто у окна и безсознательно вертѣла въ рукахъ клубокъ съ нитками. Иванъ Иванычъ, почуявъ знакомый запахъ, понабрался храбрости, и съ улыбкой приблизился къ пьющимъ. Лицо его отъ страха и надежды до того сморщилось, что Осипъ Петровичъ, глядя на него, самъ изволилъ улыбнуться.

— Что, курицынъ, сынъ почуялъ небось, гдѣ раки зимуютъ? замѣтилъ онъ; вотъ погляди, отецъ Онуфрій, это называется мужъ моей... то бишь, какъ ее, Марьи Ефимовны; дуракъ набитый вѣдь, а водочку любитъ.

— Вы все тово-съ... шутите? хе, хе, хе!

— Какія тутъ, братецъ, шутки; товаръ лицомъ видѣнъ. Ну трескай же!

Иванъ Иванычъ выпилъ, крякнулъ и лукаво подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— Чего подмигиваешь? Выпилъ и съ глазъ долой! Закуски не дамъ. А вы-то что жъ? спросилъ онъ меня, аль сивухи не пьете?

— Сивухи не пью, отвѣчалъ я.

— Конечно, гдѣ вамъ сивуху, вѣдь изъ Питера. Дѣлать нечего. Марья, давай намъ настоящаго вина! Кутить будемъ.

— Вина-то нѣтъ, Осипъ Петровичъ; ужь попейте лучше сивушки!

Благодѣтель посмотрѣлъ на нее и опять нахмурился.

— Коли говорятъ тебѣ толкомъ, такъ ты неси. Учить что ли вздумала? Чтобъ было вино; хоть роди да подай! Слышишь?

— Деньги-то, Осипъ Петровичъ?... ей богу ни копѣйки въ домѣ...

— Молчи, говорятъ тебѣ! Отдамъ завтра, дьяволъ васъ возьми; мало еще я переплатилъ вамъ?..

Хозяйка впопыхахъ выбѣжала изъ комнаты.

— Ишь вѣдь умъ-то какой у этихъ бабъ; словомъ ихъ никакъ не проймешь, все бить надо! Вѣдь захочу, по міру пущу! обезславлю, коли перечить стали! Хорошъ вѣдь былъ, такъ нѣтъ, надо было въ сердце вогнать! Дьяволы!

Осипъ Петровичь хватилъ кулакомъ по столу и плюнулъ

Всѣ стихли и ждали, что будетъ. Только Василиса Андревна не могла стерпѣть и огрызлась, бросая свирѣпые взгляды на Осипа Петровича.

— Ты чего еще тамъ? спросилъ тотъ.

— Хоть бы чужихъ людей постыдился каверзы-то дѣлать! проворчала Василиса Андревна.

— Молчи, старая барышня, пришибу!

— Не больно-то смѣешь! Я не Марья Ефимовна твоя, на шею не повѣшусь; мы и законы найдемъ, судъ-то недалеко!..

— Ради бога оставьте! вмѣшалась тихо Ольга, подбѣгая къ ней;—вѣдь онъ убьетъ васъ!..

— Какъ еще посмѣетъ...

— Ну счастлива ты, старая барышня, что у меня рука болитъ, а то бы помнила сегодняшнiй день...

Осипъ Петровичъ посмотрѣлъ мелькомъ на меня, потомъ на Ольгу, и, богъ знаетъ, совѣсть ли тронула его, или умоляющiй взглядъ Ольги слишкомъ силенъ былъ, только онъ, несмотря на вызывающее ворчанiе старухи, переборолъ-таки свой гнѣвъ и только залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки. Послѣ этого онъ утерся концомъ салфетки и обратился къ Онуфрiю.

— Вотъ горе мое, курицынъ сынъ, сказалъ онъ:—рука все что-то болитъ у меня; никакъ вылечить не могу.

— Свихнули что ли?

— Нѣтъ, не свихнулъ, а тутъ, братъ, скверное дѣло вышло. Писали мы это недавно икону «искушенiе въ пустынѣ», для собора, протопопъ заказывалъ, — а мальчишка позолотчикъ, еще новенькiй, и паляпалъ золото не тамъ гдѣ надо. Что жъ ты-молъ, свиное рыло, золото понапрасну тратишь?—говорю я ему,—да и далъ щелчка ради шутки. Тотъ осерчалъ: вы, говоритъ, болтайте, да рукамъ воли не давайте, а то, говоритъ, жаловаться буду. Эхъ взорвало меня послѣ этого; рука сама размахнулась, да такъ я удачно съѣздилъ ему въ зубы, что и ему-то всю скулу своротилъ, да и себѣ руку поранилъ. Опосля ходилъ жаловаться, да съ меня, братъ, взятки гладки, не боюсь.

— Это ничево! произнесъ Онуфрiй:—слѣдуетъ!..

— Кой чортъ слѣдуетъ! Самъ вижу что скверно, да что тутъ дѣлать; не удержишься. Выпьемъ-ка?

Выпили.

— Такъ-то, отецъ Онуфрій, наше дѣло такое, что однимъ добромъ тутъ ничего не подѣлаешь. Я, братъ, самъ тертый калачъ, самого бывало дирывали не на животъ, а на смерть; зато теперь и человѣкомъ сталъ: однихъ мальчиковъ до тридцати штукъ держу, да и запасецъ про черный день есть. А ты попробуй-ка скопить этотъ запасецъ, съ одной копѣйки до капиталу дойдти, такъ и увидишь, что тутъ не однимъ добромъ дѣйствовать надо.

— Да; тутъ сноровка требуется.

— Мало того, сноровка; тутъ, братъ, голова нужна; хитрить надо, а то, тово гляди, самого надуютъ, потому всякой тоже норовитъ надуть. На томъ и торговля вся стоитъ. Я такъ смекаю: что глупаго и надуть не грѣхъ, вотъ что.

— Извѣстное дѣло.

— А у насъ народъ мало что глупъ, совѣсти-то въ немъ ни на грошъ нѣту. Онъ все норовитъ, какъ бы подешевле достать благостыню; такъ что кажную копѣйку съ торгу брать приходится; а того не разсуждаетъ, что человѣку тоже пить-ѣсть надо, да мальчиковъ еще кормить. Вотъ хоть къ примѣру наше мастерство. Извѣстное дѣло, если кто умѣючи заказъ дѣлаетъ, да платитъ по совѣсти, тому и работаешь какъ надо быть. А то придетъ изъ-за тридевять земель какой нибудь мужиченко, и проситъ написать ему такую икону, или такой рисунокъ дастъ, что и не сообразишь сразу, а самъ цѣну плевую даетъ, ну такого можно и надуть, потому глупъ больно. Такому подчасъ и сбудешь залежалую, али Петръ за Якова сойдетъ; кто жъ его повѣрять станетъ! Эхъ, выдѣлывалъ-таки я штуки съ этимъ народомъ,—вспомнить любо!.. Приходитъ, знаешь, разъ ко мнѣ мужикъ и проситъ написать ему *зимняго* Николу. А дѣло-то было по веснѣ. Вотъ я ему и говорю: такъ и такъ, братъ, не могу написать тебѣ зимняго, потому вешній Никола осерчаетъ, надо сперва его написать. Да какъ же, говоритъ, быть-то? у насъ деревня зимнему празднуетъ? Какъ хошь, говорю, жди до зимы, а теперь не могу, да и самъ

не радъ будешь, коли напишу. Мужикъ кланяется, двойную цѣну даетъ, лишь бы я грѣхъ на душу взялъ; а я поломался еще маленько, да и заломилъ вчетверо... Ничего, далъ. У другого мужика я разъ проѣздомъ подмѣнилъ икону: вмѣсто своей, чужую, плохонькую поставилъ, а свою-то увезъ. Мужикъ въ горѣ, шумъ поднялъ, а я какъ тутъ ему вѣсточку шлю, что твоя-де икона у меня, сама пришла, выручай! Ну, и выручилъ за золотую цѣну, потому явленная стала. А мнѣ еще почетъ отъ людей. Много такихъ штукъ приходилось выкидывать, и ничего, сходило; богъ миловалъ. Тоже вотъ насчетъ раскольниковъ, сколько грѣха-то на душу бралъ! Бывало, нѣтъ денегъ, вотъ и напишешь темной вохрой какого нибудь святителя, на маперъ стариннаго писанья, потомъ прокоптишь его сутки трои въ печи, чтобы поблекнулъ да поистрескался и несешь къ раскольникамъ. А тѣ, извѣстно, за цѣной не постоятъ, только бы икона подъ стать имъ подошла. Этому дѣлу я выучился у покойнаго хозяина своего, пока еще въ ученикахъ былъ... Да что тутъ толковать, кабы не говенье да добрыя дѣла, давно бы сидѣть въ аду моей душенкѣ. Много грѣха было!

— У кого жъ грѣховъ нѣту?

— Да вѣдь досадно, право, на глупость людскую; ну, думаешь, отчего жъ не поживиться, коли кладъ самъ въ руки дается... Вотъ оно что. А добрыя дѣла я почитаю какъ слѣдуетъ и, по мѣрѣ силъ, помогаю кому надо.

— Ну а намъ-то, Осипъ Петровичъ, вы по совѣсти малюете?

— Самъ, братецъ, видишь: все на чистоту идетъ. Такими заказчиками, какъ ты, нашему брату дорожить надо. Выпьемъ-ка!

Выпили.

Вотъ что, Осипъ Петровичъ, заговорилъ Онуфрій запинаясь:—вотъ вы сами изволили сказать, что тово... заказу мы больно много дѣлаемъ, такъ вы за труды-то мнѣ уважите?..

— Много-ль надо?

— Нѣтъ, вы мнѣ напишите икону получше этакъ, да съ золотомъ.

— Ольховую, аль сосновую?

— Ужь это какъ вы тамъ сами знаете.

— Коли уважить, такъ ольховую надо. Ладно. Да не хошь ли ты лучше взять готовую? Знатная икона, 12-ти вершковая, на золотомъ фондѣ?

— Нѣтъ, мнѣ новую охота имѣть.

— Ну что жъ и новую напишемъ, намъ это все одно.

Въ это время хозяйка робко внесла бутылку какого-то темнаго вина, и поставила на столъ. Осипъ Петровичъ разнѣжился и обнялъ хозяйку.

— Ты не сердись на меня, Маша, что я тебя давича облаялъ! сказалъ онъ ей:—это такъ только съ языка сорвалось, зачѣмъ перечить мнѣ стала.

— Да нешто я смѣю сердиться, Осипъ Петровичъ? Вы нашъ благодѣтель; все въ вашей волѣ.

— То-то, знаю я тебя. Ты вѣдь знатная у меня баба! Я тебя шибко любилъ, и кабы за мужемъ не была, мы бы зажили съ тобой припѣваючи. А теперь нѣтъ; нашлись люди и получше тебя. Гдѣ Оля?

— Здѣсь, отвѣтила Ольга.

— Поди сюда!

— Да вы опять будете глупости дѣлать?

— Не буду. Я только погляжу на тебя.

— Ну, смотрите!

Ольга подошла. Осипъ Петровичъ выпустилъ Марью Ефимовну и взялъ за талью Ольгу.

— Ишь какая хорошенькая; щечки какъ яблочки, глазки ясные, губки... эхъ губки-то какія! Да ты полюбуйся, Онуфрій, что за дѣвка-то у меня: смакъ просто, гляди кожа-то какая, словно бархатъ.

Онуфрій ухмыльнулся и, выпивъ рюмку, произнесъ: «ничего-таки».

— Вотъ ужо женимся, продолжалъ разнѣженный женихъ, впиваясь глазами въ дѣвушку:—свадьбу учинимъ такую, что небу жарко будетъ. Ахъ ты, кралечка моя писаная!.. Ну смотри, Марья,—обратился онъ къ хозяйкѣ,—коли ты меня надуешь, бѣда будетъ! говорю заранѣе.

— Грѣхъ вамъ говорить-то такія вещи, Осипъ Петровичъ, отвѣтила та, ухмыляясь.

А вотъ увидимъ. Такъ-то, братъ Онуфрій, много трудовыхъ рублевиковъ ухлопалъ я на эту семью: домъ былъ въ закладѣ—выкупилъ; въ томъ, значитъ, и росписочку имѣю; мужу въ полиціи работу нашелъ; всѣ эти тряпки, что на ней да на метери видишь, все мое! захочу, все назадъ возьму; все подай, коли обижать меня стали! Вотъ что. Тѣмъ-то мнѣ и счастье везетъ, зато и помогаетъ мнѣ господь милостивый, что я благодѣтельствую много, хлѣбъ даю бѣднымъ... Ну что жъ, мусью, обратился онъ ко мнѣ:—вотъ и винцо принесли заморское. Не угодно ли?

— Пожалуй, дайте.

Осипъ Петровичъ налилъ мнѣ стаканъ.

— А мы съ тобой опять насчетъ простоты пройдемся; я, братъ, не знаю толку въ этой кислятинѣ.

— Сивая не въ примѣръ лучше, отвѣтилъ Онуфрій, утирая слюнки, которыя окончательно выходили изъ повиновенія. Потребовали новый графинъ, и выпили еще по стаканчику.

— Я такъ разсуждаю, отецъ Онуфрій, заговорилъ опять Осипъ Петровичъ:—думаю, что жизнь наша совсѣмъ не такъ идетъ, какъ ей идти надобно! Кабы мнѣ волю полную дали, да богатство большое, я бы не такъ зажилъ. Я бы перво-на-перво церковь выстроилъ, да при ней богадѣльню большую, для бѣдныхъ, а потомъ задалъ бы пиръ во всю ивановскую. Работу бросилъ бы совсѣмъ—ну ее къ чорту! а самъ все бы только пировалъ! Умомъ меня богъ не обидѣлъ, да я и не подлецъ какой, чтобъ работать при богатствѣ-то. Ты думаешь, что я подлецъ, отецъ Онуфрій?

— Что?

— Нѣтъ, ты не думай, что я подлецъ! Я, братъ, человѣкъ честный, ей-богу честный!.. Я ни передъ кѣмъ шапки не ломалъ, никого не загубилъ! Я, братъ, своими боками выперъ въ люди!.. Выпьемъ-ка еще! Пить, такъ пить ужь!..

Выпили. Осипъ Петровичъ подсѣлъ поближе къ Онуфрію и обнялъ его.

— Эхъ, братъ Онуфрій, люблю я странниковъ! Странники

знатные люди, съ ними можно душу отвести. А я не дуракъ; я не подлецъ, братъ, ты меня еще не знаешь... Вотъ что!

— А тово... спасаться желаешь? спросилъ Онуфрій какъ-то сонно.

— Радъ бы, душа моя, да грѣховъ-то больно много. Я и то всѣ посты соблюдаю...

— А ты больше жертвуй!..

— Куда жертвовать-то? Жертвовалъ много, да что толку? А ты вотъ лучше людямъ помогай, примѣрно какъ я, и будетъ тебѣ счастье. А я и домъ выкупилъ... Я, братъ... Осипъ Петровичъ наклонился къ уху собесѣдника и сталъ шептать ему, но такъ, что всѣ слышали;—я съ Марьей Ефимовной-то тово... понимаешь?.. А мужъ дуракъ, ему бы деньги... Выпьемъ-ка!

Выпили.

— Я, братъ, нѣтъ... Я не дуракъ... Слышишь? Хочешь я тебя выгоню отсюда, какъ собаку выгоню? А?

— Зачѣмъ?

— Хочу, значитъ, показать, что я тутъ силу имѣю. Захочу, всѣхъ выгоню. Я никого не боюсь!.. А Оля!.. гдѣ Оля? Эхъ, славная будетъ баба... Не любитъ она меня, самъ вижу, да постой... слюбимся, богъ дастъ: дурь-то выгоню... ей богу!..

Я взглянулъ на Ольгу. Она сидѣла въ томъ же положеніи и такъ же упорно глядѣла на улицу. Хозяинъ, угостившись вдоволь, втихомолку всхрапывалъ, и отъ кого-то лѣниво отмахивался. Хозяйка тихонько шныряла изъ угла въ уголъ, боязливо поглядывая на пирующихъ и безпрестанно выбѣгала изъ комнаты. Василисы Андревны уже не было: ея дѣвственное сердце, вѣроятно, не вынесло такого срама. Я подошелъ къ Ольгѣ.

— Вы думаете о чемъ-то?

— Нѣтъ, смотрю въ окно.

— Да тамъ ничего не видно.

— Я вижу.

— Прощайте, я ухожу, Ольга Ивановна.

— Нѣтъ, останьтесь еще немного. Вѣроятно, онъ скоро уѣдетъ.

— Зачѣмъ же остаться? Я и то наглядѣлся на него досыта.

— Онъ при васъ сдерживается немного. А то, пожалуй, шумѣть будетъ. Останьтесь!

Я остался. Осипъ Петровичъ, уже измѣнившимся голосомъ, долго еще увѣрялъ Онуфрія, что онъ не подлецъ и много еще добра сдѣлаетъ на свѣтѣ, особенно когда женится; а Онуфрій молча таращилъ на него свои посовѣвшіе глаза и глоталъ рюмку за рюмкой. Порой на его раскраснѣвшейся физіономіи появлялась довольно хитрая улыбка, показывавшая, что онъ хоть и пьянъ, а все-таки «себѣ на умѣ», и понимаетъ больше, чѣмъ оно кажется въ виду. Наконецъ Осипъ Петровичъ громко объявилъ, что онъ спать хочетъ, и при этомъ спокойно смахнулъ всю посуду со стола на полъ. Раздался звонъ разбитаго стекла. Хозяева вскочили въ попыхахъ, предчувствуя грозу. Но грозы на этотъ разъ не случилось.

— Спать хочу! повторилъ Осипъ Петровичъ, стараясь подняться. Онъ оглядѣлъ комнату, посмотрѣлъ на меня и хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукою.

— Ведите меня домой! Маша!—проводи меня!

— Сейчасъ батюшка. Не зашибись только.

Она торопливо накинула салопишко, захватила фонарь и подъ руки повела благодѣтеля. Осипъ Петровичъ пошелъ безъ сопротивленія. За нимъ, пошатываясь, поплелся Онуфрій, видимо стараясь скрыться отъ постороннихъ взглядовъ. На лѣстницѣ долго еще слышалась стукотня и хлопанье. Потомъ все стихло.

Ольга отшатнулась отъ окна и перекрестилась. Она совсѣмъ ожила: глазки повеселѣли, и появилась улыбка.

— Ну, слава богу! сказала она:—сегодня обошлось безъ шума и драки. Теперь я пойду спать спокойно. Завтра будемъ рисовать?

— Будемъ, отвѣчалъ я.

— Ну, до свиданья!—И кивнувъ мнѣ головкой, она убѣжала.

А хозяинъ такъ и остался на стулѣ.

Я вернулся въ свою комнату, и, не раздѣваясь, бросился

на диванъ. Скверно было на сердцѣ. Такъ и мерещилась мнѣ дикая фигура благодѣтеля и опошлѣвшая личность хозяйки, цалующей его руку. Скоро же раскрылись предо мною тайны этой семьи! Бѣдная Ольга! чѣмъ же ты-то виновата, что обстоятельства осудили тебя на такую безотрадную жизнь?...

Ночь я провелъ плохо, и проснулся съ головною болью и разстроенными нервами. Досадно было на себя; пора бы кажется привыкнуть къ этимъ обыденнымъ явленіямъ нашей жизни. А нѣтъ, нѣтъ вѣдь; при каждомъ новомъ столкновеніи съ нашимъ семейнымъ складомъ, невольно закипаетъ желчь и встаетъ безсильная злоба.

Я явился въ залу позже обыкновеннаго. Ольга уже ожидала меня на своемъ мѣстѣ. Она была, по прежнему, весела; я не замѣтилъ въ ней и тѣни какой-нибудь тревожной думы. Съ той же безпечной улыбкой, какъ и въ прошлый разъ, подошла она ко мнѣ и протянула руку.

— Вы съ каждымъ днемъ встаете позже и позже, сказала она. Я жду васъ больше часу. Стыдно-съ!

— Извините, Ольга Ивановна, мнѣ опять что-то худо спалось.

— Вѣрно опять мѣшалъ кто-нибудь?

— Безсонница мѣшала... Знаете, Ольга Ивановна, я почти всю ночь думалъ о васъ и о вашемъ женихѣ.

— Ну, и что же выдумали?

— Ничего; полюбовался только вашимъ будущимъ счастьемъ. Я удивляюсь, какъ это вы можете быть такъ спокойны, даже веселы.

— Чего же плакать-то?

— Да какъ же? Вамъ придется всю жизнь провозиться съ этимъ человѣкомъ.

— До этого еще такъ далеко, что и думать не стоитъ... Да нѣтъ, лучше оставимъ это! Давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

— А мнѣ хотѣлось бы потолковать съ вами именно о вашемъ будущемъ. Согласны?

— Пожалуй, только вѣдь это очень скучная вещь...

— А вотъ увидимъ. Садитесь же.

Мы сѣли на свои мѣста и я принялся за работу. Безпечность Ольги быстро пропала и на лицѣ ея показались признаки душевной тревоги.

— Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ нѣсколько словъ отъ души, началъ я. Вы милая дѣвушка, въ васъ очень много симпатичнаго. Не знаю, какъ умѣли вы сохранить вашу свѣжую душу среди такой грубой обстановки, но только я убѣжденъ, что у васъ и сердце честное... Вы не сердитесь на меня за такую откровенность?

— За похвалы не сердятся, — отвѣтила Ольга.

— Я вчера долго думалъ о вашемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ, и мнѣ кажется, что немного радостей выпадетъ на вашу долю. Положимъ, что вашъ женихъ человѣкъ богатый и живетъ припѣваючи; положимъ даже, что онъ любитъ васъ, но неужели вы надѣетесь когда-нибудь привыкнуть къ нему? Пожалѣйте себя, Ольга Ивановна!

— Да развѣ это отъ меня зависитъ?

— Отъ кого же? Отъ вашей маменьки?

— Нѣтъ, отъ самого Осипа Петровича. Вы вчера сами могли замѣтить, что онъ у насъ полный хозяинъ въ домѣ, и все что только мы имѣемъ теперь, все далъ намъ Осипъ Петровичъ. За всѣ эти благодѣянія онъ требуетъ, чтобы я была его женою. Что жъ я тутъ могу сдѣлать?

— Скажите пожалуйста, какъ вы сошлись съ этимъ благодѣтелемъ?

— Я знаю его съ малолѣтства, еще когда онъ учился рисовать и нанималъ комнатку подлѣ насъ. Тогда онъ былъ такой добрый и ласковый и все бывало рисовалъ съ меня херувимовъ. Потомъ меня отвезли въ городъ учиться и я ужь черезъ пять лѣтъ встрѣтилась съ нимъ у своихъ знакомыхъ на имянинахъ. Вѣрно я тогда очень приглянулась ему, потому что скоро послѣ этой встрѣчи меня взяли изъ пансіона и объявили невѣстой Осипа Петровича. Я конечно не соглашалась, меня долго уговаривали, матушка со слезами умоляла меня спасти семью отъ вѣчной нужды, говорила, что этотъ бракъ единственное наше счастье и что иначе

намъ всѣмъ придется по міру идти. Я рѣшилась, потому что нельзя было не рѣшиться...

— И вы погубите себя?

— Вѣрно, мнѣ надо погибнуть.

— Что жъ, это жертва?

— Я не знаю что это... Я мало думала. Вообще я стараюсь какъ можно меньше думать объ этомъ. Такъ спокойнѣе... Я насильно старалась пріучить себя къ Осипу Петровичу, гостила у него, видѣла какъ онъ дерется и ругается...

— И привыкли?

— Нѣтъ, не могу. Еслибъ я никуда не выѣзжала отсюда, можетъ быть и привыкла бы, а теперь нѣтъ... И кажется никогда не привыкну.

— Ольга Ивановна! такъ бросьте же эти усилія! Ваша жизнь принадлежитъ однѣмъ вамъ, и какова бы ни была эта жизнь, все-таки надо пользоваться ею. Разстройте этотъ бракъ! Бѣгите отсюда!..

— Что вы это говорите? перебила Ольга въ испугѣ: — объ этомъ и думать страшно! Я никогда не рѣшусь погубить родителей; онъ ихъ уморитъ голодомъ, въ тюрьму запретъ... Да и куда бѣжать мнѣ? Чѣмъ жить? Я должна буду отказаться отъ родни и потерять доброе имя!.. Нѣтъ пусть лучше будетъ, что будетъ! Притомъ до свадьбы еще пять мѣсяцевъ осталось, — вѣдь это двадцать слишкомъ недѣль; въ это время многое можетъ перемѣниться!

— Вы, какъ школьникъ, считаете сколько вамъ остается каникулъ?

— Да, и дорожу каждымъ днемъ. Въ жизни много бываетъ разныхъ неожиданныхъ случаевъ; почемъ знаете, можетъ быть и на мою долю выпадетъ такой случай. Я молюсь объ этомъ; молюсь каждый день и вѣрю, что богъ поможетъ мнѣ.

— Чего жъ вы надѣетесь?

— Мало ли чего! Все можетъ быть. Можетъ, я простужусь и умру; а можетъ быть... конечно, это очень злая надежда, но тоже иногда приходитъ въ голову: можетъ быть, Осипъ Петровичъ захвораетъ что ли, или даже... умретъ до этого срока! Мнѣ право совѣстно высказывать это желаніе..

— Оно очень естественно! Ваше *доброе имя* отъ этого не пострадаетъ!..

— Знаете, о чемъ я хочу просить васъ: помолитесь и вы когда-нибудь за меня! Будемте вмѣстѣ молиться... За что же право мнѣ погибать-то? Я кажется зла никому не сдѣлала... Хотѣлось бы еще пожить на свободѣ; все еще приходятъ въ голову сладкія думы!...

— И эти думы конечно заставляютъ васъ примиряться съ дѣйствительностью? Плохое счастье!

— А я все-таки дорожу имъ. Мнѣ право хотѣлось бы совсѣмъ забыться, чтобы не замѣчать ничего, что дѣлается кругомъ; и кажется я добьюсь этого.

Ольга вздохнула и пригорюнилась.

— Я все думаю, продолжала она въ раздумьи: — отчего это нѣкоторымъ дѣвицамъ точно на роду написано счастье? Все-то имъ удается, живутъ припѣваючи, любятъ кого хотятъ;—только мнѣ такая горькая доля выпала... Или вѣрно онѣ лучше меня?..

— Гдѣ жъ вы видите это счастье, Ольга Ивановна? Многіе *кажутся* счастливыми только потому, что не стараются, или не могутъ вдуматься въ свое положеніе. Свою волю имѣютъ очень немногіе.

— А вѣдь и я бы могла быть счастлива!

— Чего жъ бы вы желали для вашего счастья?

— Чего? Многаго хотѣлось бы мнѣ. Я хотѣла бы жить въ кругу хорошихъ и умныхъ людей, а не такихъ уродовъ какъ здѣсь; хотѣлось бы повеселиться отъ души, а главное: побольше имѣть свободы и надежды въ будущемъ... Вы не можете себѣ представить, какъ опротивѣла мнѣ эта пошлая жизнь. Вѣдь я здѣсь заперта какъ въ тюрьмѣ, нигдѣ не бываю, ни съ кѣмъ не знакома, всѣ смотрятъ на меня какъ-то странно, точно я ужь собственность Осипа Петровича. Ходишь цѣлый день изъ угла въ уголъ, какъ шальная, или уйдешь въ свою комнату и тамъ тѣшишь себя разными мечтами. Это постоянное одиночество такъ пріучило меня къ мечтательности, что я будто и не живу здѣсь, а въ какомъ то фантастическомъ мірѣ. И странныя вещи стали недавно случаться со мною. Иногда, напримѣръ, задумаюсь о чемъ

нибудь и вотъ мнѣ покажется вдругъ, что кто-то стоитъ за мною и шепчетъ мнѣ такимъ ласковымъ и нѣжнымъ голосомъ про любовь и про счастье, потомъ очнешься, оглядишься: никого нѣтъ, а въ ушахъ все еще отдаются эти разговоры, точно кто живой былъ у меня; даже страшно сдѣлается... Иногда представится мнѣ огромная, освѣщенная комната, народъ ходитъ, гремитъ музыка, танцы... я танцую безъ отдыха... потомъ будто въ садъ какой-то вхожу, а тамъ мѣсяцъ видѣнъ и откуда-то слышится пѣсня, такая грустная, задушевная, такъ и льется, точно съ неба... Слушаешь эту пѣсню, а у самой сердце надрывается, слезъ удержать нельзя.... Боже мой! право я, кажется, когда нибудь съ ума сойду! — закричала Ольга и закрыла лицо руками.

— Ольга Ивановна! не убивайте же себя, ради бога. Право мнѣ вѣрится, что вы будете когда нибудь счастливы и найдете друга по сердцу.

Она спустила руки и устремила на меня глаза. Въ нихъ были слезы.

— Вы плачете, Ольга?—спросилъ я подходя къ ней.

— Да, плачу. Я часто плачу. Знаете, я давно не говорила такъ откровенно, какъ теперь; все одна да одна, не съ кѣмъ слова сказать!...

— Вы совсѣмъ больны! Вамъ надо лечиться! сказалъ я. Сдѣлайте милость будьте всегда откровенны со мною, передавайте мнѣ всѣ ваши боли, и мы вмѣстѣ подумаемъ, что бы тутъ сдѣлать. Согласны?

— Извольте! проговорила Ольга, подавая мнѣ руку, и улыбнулась сквозь слезы.—Зачѣмъ вы только гость нашъ? прибавила она тихо.—Если бы вы постоянно жили здѣсь, можетъ быть мы сдѣлались бы настоящими друзьями. А то вы скоро уѣдете и мнѣ опять придется считать дни и часы до свадьбы, съ надеждой, что женихъ какъ нибудь умретъ. Какое незавидное счастье! Ну садитесь же и рисуйте, кажется кто-то идетъ...

За дверью дѣйствительно послышался шумъ и рѣзкій говоръ. Затѣмъ дверь широко распахнулась и въ комнату вошелъ Осипъ Петровичъ, сумрачный какъ туча. За нимъ,

въ почтительномъ отдаленьи, двигалась хозяйка, на которой отъ страху лица не было. Ольга поблѣднѣла и быстро вскочила со стула, но я попросилъ ее сѣсть и продолжалъ занятіе. Осипъ Петровичъ на минуту остановился, подозрительно оглядѣлъ насъ, потомъ медленно подошелъ къ столу и сталъ смотрѣть на мою работу.

— Это вы ейный портретъ дѣлаете? спросилъ онъ.

— Да; отвѣчалъ я.

Осипъ Петровичъ вздохнулъ. Хозяйка тихонько дѣлала мнѣ какіе-то знаки.

— А позвольте освѣдомиться, кто васъ просилъ приступить къ эфтому дѣлу? Опять спросилъ онъ.

— Мнѣ самому захотѣлось имѣть портретъ Ольги Ивановны, и я просилъ позволенія срисовать.

— А на что онъ вамъ, осмѣлюсь спросить?

— Да такъ, охота пришла.

— Охота? гмъ!...

— Они, батюшка Осипъ Петр...

— Молчать!!!..

У меня въ ушахъ зазвенѣло отъ этого крика. Ну, думаю, начнется исторія. Но исторія разыгралась позже. Осипъ Петровичъ нѣсколько минутъ простоялъ молча и опять вздохнулъ такимъ выразительнымъ вздохомъ, что хозяйка, понявшая его значеніе, поблѣднѣла еще болѣе. Потомъ онъ сурово взглянулъ на Ольгу и вышелъ. Ольга сейчасъ же оставила свое мѣсто и подбѣжала къ двери.

— Ради бога, скорѣе кончайте и уходите! въ тревогѣ прошептала она, прислушиваясь.

— Посидите еще одну минутку, я сейчасъ кончу.

— Не могу больше... до свиданья!..

И она удалилась Я собралъ свои вещи и тоже побрелъ въ свою комнату. Издали слышалъ я крикъ взбѣшоннаго благодѣтеля и плачъ хозяйки, потомъ какой-то грохотъ, будто что просыпалось, опять бабій вопль, шлепанье оплеухи, стукъ двери, и затѣмъ все стихло.

— Ну что, ушелъ? послышался дрожащій голосъ хозяина изъ за перегородки.

— Ушелъ окаянный, избилъ совсѣмъ! охъ ты жизнь моя

пропащая! горе горькое!... всю-то жизнь маяться да плакаться, ласковаго слова ни отъ кого не услышишь!... А все изъ за тебя, болванъ ты эдакой, — обратилась она къ мужу; — за тебя, дурака, меня силой выдали, погубили меня, спротинушку...

И затѣмъ пошелъ длинный рядъ ругательствъ мужу.

— Не скучай, Марья Ефимовна! проговорилъ тотъ въ видѣ утѣшенія:—вотъ я выйду сейчасъ... И дѣйствительно вышелъ, а Марья Ефимовна одна осталась плакать. И долго пришлось мнѣ слушать этотъ горькій, монотонный вопль съ разными причитаньями, которыми нашъ народъ обыкновенно передаетъ ясному воздуху да птицамъ перелетнымъ все свое горе, всю боль, накипѣвшую на сердцѣ отъ разныхъ затаенныхъ страданій. Въ этихъ причитаніяхъ высказалась вся душа хозяйки, тоже забитая горемъ и испорченная разными самодурствами. И у ней когда-то были свѣтлыя надежды, да жизнь сложилась не такъ какъ хотѣлось; а потомъ любовь глупая, да нищета горькая высосали изъ бѣдной женщины остатки человѣческихъ соковъ, истощили послѣднія силы...

На слѣдующій день, утромъ, хозяйка по обыкновенію внесла ко мнѣ самоваръ и справилась о здоровьѣ. Потомъ, съ разными обинякамн и предисловіями, объявила мнѣ, что они люди простые и потому могутъ обойдтись и безъ портрета; а кстати и Ольга сегодня не совсѣмъ здорова, такъ работы наши слѣдуетъ прекратить. Изъ всего этого я могъ понять, что причиною вчерашней исторіи былъ портретъ, начатый мною безъ вѣдома Осипа Петровича.

— Скажите откровенно, Марья Ефимовна, спросилъ я:—не пора ли мнѣ убираться отсюда? Кажется, на меня косо поглядываетъ вашъ благодѣтель?

— Чего жъ ему поглядывать-то на васъ; вы человѣкъ посторонній. Живите себѣ на здоровье. Вѣдь вамъ, чай, недолго осталось ждать пріятелей-то вашихъ?

— Можетъ быть, на дняхъ пріѣдутъ.

— Такъ что жъ вамъ торопиться-то?

— А Ольга Ивановна нездорова?

— Да, нездорова что-то: ночью жаръ былъ... Однако, мнѣ идти надо. Простите, батюшка!

И Марья Ефимовна вышла, несмотря на мое желаніе продлить разговоръ и разузнать что нибудь объ Ольгѣ.

Я остался одинъ; досталъ неоконченный портретъ Ольги и принялся оканчивать его за глаза. Мнѣ такъ живо представились черты лица Ольги, что это было очень не трудно, и черезъ два часа портретъ былъ готовъ. Я поставилъ его на своемъ столѣ и задумался. Бѣдная Оля! думалъ я. Не сжиться твоей дѣтской душѣ съ этою дохлою жизнью; не спасутъ тебя отъ гибели ни молитвы, ни слезы твои. Какъ теперь вижу тебя въ будущемъ: убитая, безотвѣтная, прячешься ты гдѣ нибудь отъ кулака... А мужъ бушуетъ и ищетъ услады въ пьянствѣ и развратѣ; онъ отъ всей души ненавидитъ тебя: ему нужна была не женщина, а *жена* въ обиходномъ смыслѣ; его зачерствѣлое сердце не пойметъ и не признаетъ твоихъ честныхъ требованій. Кто же виноватъ въ твоей гибели? Мать? Мужъ?... Нѣтъ, не они виноваты. Они живутъ по примѣру другихъ и искренно вѣрятъ въ собственную честность: ихъ существованіе тоже подточено и искажено нашимъ житейскимъ складомъ... А не виноватъ ли здѣсь тотъ узкій взглядъ на нравственность, который мы схватываемъ на вѣру при нашемъ воспитаніи, и которому потомъ насильно подчиняется вся обрядовая сторона нашей жизни? Вѣдь кажется чего бы лучше человѣку бросить свое незавидное житье и искать другого по вкусу и характеру? Чего бы легче ему вырваться изъ этой душной обстановки, гдѣ общество смотритъ враждебно на всякую попытку къ свободѣ? Къ этой рѣшимости побуждаетъ человѣка животный инстинктъ самосохраненія... А нѣтъ, нельзя! Тутъ, извольте видѣть, страдаетъ доброе имя, долгъ обязываетъ, и требуется жертва для счастья родителей, которые заранѣе отравили всю жизнь своего дѣтища. И подобные принципы такъ сильно въѣлись въ уставъ нашего семейнаго склада, что даже самое желаніе самосохраненія кажется преступленіемъ. А между тѣмъ этотъ *нравственный формализмъ* губитъ у насъ тысячи жизней; онъ же погубилъ Марью Ефимовну, выдавъ ее, по волѣ родительской, замужъ за неми-

лаго,—онъ же погубилъ и Ольгу. Зло неизбѣжное, которому и конца не предвидится! Эхъ ты доля наша горемычная! Все-то приходится намъ жить не такъ какъ хочется, а такъ, какъ судьба велитъ!!..

Прошло нѣсколько дней. Объ Ольгѣ ни слуху, ни духу. Романъ, значитъ, кончился въ самомъ началѣ. Нѣсколько разъ я спрашивалъ объ ней хозяйку, но изъ ея уклончивыхъ отвѣтовъ я могъ узнать только, что она дома и все еще нездорова. Жизнь катилась своимъ чередомъ съ утомительнымъ однообразіемъ, таже повседневная ругань и хлопоты, обѣдъ да ужинъ, такой ужь глухой и замкнутый въ своихъ животныхъ интересахъ кружокъ, куда не въ силахъ забрести ни одна свѣтлая мысль. Разъ я слышалъ мелькомъ голосъ Осипа Петровича, который упрекалъ хозяевъ, что они живутъ больно прихотливо, и что при ихъ бѣдности имъ слѣдуетъ «распинать свою плоть со страстьми и похотьми». Разъ слышалъ, какъ хозяинъ пришелъ изъ гостей пьяненькій и выкинулъ какую-то интимную штучку съ Василисой Андревной. Хозяйка при этомъ въ сотый разъ прочитала ему длинную рацею о нравственности христіанской и намекнула, что онъ долженъ увиваться около одной только юпки, именно ейной, хозяйкиной. Въ отвѣтъ на это пьяненькій хозяинъ что-то сгрубилъ своей мамочкѣ, и за то получилъ отъ нея полновѣсный ударъ кулакомъ въ спину.

Наконецъ какъ-то въ коридорѣ я неожиданно встрѣтилъ Ольгу. Она вспыхнула и хотѣла убѣжать, но я удержалъ ее.

— Ольга Ивановна, ради бога, что съ вами? спросилъ я.— Вы нездоровы?

— Да!.. Нѣтъ, я такъ... Говорите тише! прибавила она оглядываясь и блѣднѣя.

— Зачѣмъ же вы забыли меня? спрашивалъ я. Вѣроятно тутъ виноватъ вашъ женихъ?

— Да; онъ боится, чтобы я не влюбилась въ васъ.

— Да развѣ это можетъ случиться такъ скоро?

— Спросите у него... Однако, мнѣ нужно идти. До свиданья.

— Ольга Ивановна! Одну минуточку...

— Что вамъ?

— Мнѣ опять хотѣлось бы поговорить съ вами и докончить прошлый разговоръ... Какъ бы это устроить?..

Ольга улыбнулась, погрозила мнѣ и быстро исчезла за дверью. Я вернулся въ свою комнату.

— Что ты тамъ говорила съ жильцомъ? слышу, спрашиваетъ ее хозяйка.

— Онъ просилъ, чтобы поскорѣе самоваръ приготовили, отвѣтила Ольга, незадумываясь.

— Что больно рано сегодня?

Незнаю. Вѣрно, нездоровъ.

— Ну ладно. Я сейчасъ поставлю.

Самоваръ дѣйствительно явился раньше обыкновеннаго. Хозяйка съ сердобольнымъ участіемъ спросила меня о припадкахъ моей болѣзни и посовѣтовала напиться вмѣсто чаю липоваго цвѣту, а на ночь вытереться свѣчнымъ саломъ. Я обѣщался.

Была суббота. Вечеромъ загудѣли городскіе колокола и набожные старики и старухи по первому удару тронулись ко храму божію, ради успокоенія грѣшной совѣсти. Мои хозяева, послѣ продолжительныхъ сборовъ, тоже ушли. Я остался одинъ и отъ нечего дѣлать сталъ пересматривать книги, валявшіяся на моемъ столѣ. Вдругъ слышу кто-то за дверью шепчетъ мое имя.

— Кто тамъ? спрашиваю.

— У васъ никого нѣтъ? послышался голосъ Ольги.

— Да это вы, Ольга Ивановна?

— Я... Заприте, пожалуйста, окно. Мнѣ хочется войдти къ вамъ... Я проворно заперъ окно, спустилъ штору, и ввелъ къ себѣ дорогую гостью. Она была одѣта очень нарядно и въ шляпкѣ.

— Какими судьбами? — спросилъ я, не вѣря глазамъ.

— Да такъ... Мнѣ право совѣстно. Мнѣ хотѣлось еще разъ видѣться съ вами...

— Ну вотъ, спасибо! А вашихъ вѣрно никого нѣтъ дома?

— Никого. Папа въ церкви; Василиса Андреевна гоститъ

гдѣ-то, а маменька у Осипа Петровича. Вы слышали: онъ очень болѣнъ?..

— Браво! и можетъ быть умретъ?

— Вы все смѣетесь...

— Ну, не буду. Садитесь же, дорогая гостья. Вы вѣдь посидите у меня нѣсколько минутъ?

— Да; я пробуду у васъ до семи часовъ, а потомъ опять отправлюсь въ церковь, чтобы папа могъ отыскать меня.

— Прекрасно.

Ольга сѣла, робко сняла шляпку и взглянула на меня такъ привѣтливо и нѣжно, что у меня захолонуло сердце.

— Наконецъ-то я опять вижу васъ, сказала она, а я думала, что такъ и не придется больше поговорить съ вами... Боже мой! что это я сдѣлала! Ну да все равно. Вы вѣдь не осудите?..

— Конечно.

— Право, я думала, что умру.

— Вѣроятно опять Осипъ Петровичъ...

— Вообразите, этотъ извергъ наслушался сплетенъ Василисы Андреевны и вздумалъ ревновать меня къ вамъ. Онъ сказалъ, что если я еще хоть разъ буду говорить съ вами, то онъ жестоко проучитъ меня. Да я, какъ видите, не боюсь его, и нарочно пришла къ вамъ одна, да еще вечеромъ... (Она засмѣялась). Онъ думаетъ меня пріучить къ себѣ кулакомъ, такъ нѣтъ, не пріучитъ... Пусть, пожалуй, убьетъ; туда и дорога!

— Что это вы сегодня все о смерти толкуете? Умереть не трудно, да что толку изъ того?

— Да мнѣ ужь теперь все равно!..

— Вѣрно рѣшились на что нибудь?

— Нѣтъ, не рѣшилась, а такъ, спячка какая-то напала: ни о чемъ думать не хочется... Да и не стоитъ! Надо ждать, что будетъ.

— А если свадьба будетъ?

— Тогда камень на шею, да въ воду...

— Плохо-съ! Нѣтъ вамъ надо полечиться немного.

— Опять вы это говорите. Я совсѣмъ здорова.

— Нѣтъ, больны вы, Ольга Ивановна. Вѣдь эти тяжелыя

впечатлѣнія для мозга и сердца такъ же вредны, какъ тяжелая пища для желудка. Тутъ можно нажить такія болѣзни, отъ которыхъ и лекарства потомъ не помогутъ.

— Что жъ тутъ дѣлать мнѣ?

— Надо избѣгать этихъ вредныхъ впечатлѣній. Прежде всего надо бросить эти напрасныя думы о лунѣ, другѣ и разныхъ городскихъ удовольствіяхъ, потому что онѣ ни къ чему не приведутъ, и только будутъ раздражать васъ. Право, вамъ бы слѣдовало сразу покончить съ своею горькою долею и бѣжать отсюда. Гдѣ бы вы ни пріютились, повѣрьте, хуже этаго не будетъ.

— Немогу! Силъ не хватитъ погубить отца и мать.

— Да они же васъ губятъ!...

— Ну и пусть губятъ! отвѣтила Ольга тономъ, не допускавшимъ болѣе возраженій.

— Въ такомъ случаѣ вамъ остается только одна незавидная дорога: замужество съ Осипомъ Петровичемъ, потому что отъ этого замужества зависитъ, какъ вы говорите, счастье и честь вашихъ родителей. Теперь надо позаботиться только о томъ, какъ бы легче пройдти по этой дорогѣ и поискать, нѣтъ ли и здѣсь какихъ средствъ достигнуть если не счастья, то возможнаго спокойствія. Не убиваться же въ самомъ дѣлѣ. Жизнь, какова бы она ни была, все-таки жизнь и надо съумѣть воспользоваться ею.

— Ольга вздохнула и безсознательно перебирала ленты своей шляпки.

Мнѣ кажется, тутъ остается одно только средство: надо будетъ вамъ, во что бы то ни стало, пріобрѣсть вліяніе на Осипа Петровича и даже передѣлать его на свой ладъ.

— Ольга съ удивленіемъ подняла на меня глаза.

— Я не понимаю, какъ вамъ могло это придти въ голову? сказала она. Я, такая слабая, и могу передѣлать Осипа Петровича? Опомнитесь!

И она засмѣялась.

— Но вѣдь укрощаютъ же дикихъ звѣрей и подчиняютъ же ихъ человѣческой волѣ, несмотря на то, что человѣкъ гораздо слабѣе ихъ. А Осипъ Петровичъ хоть и звѣрь, но всетаки съ человѣческимъ видомъ, слѣдовательно имѣетъ нѣ-

что и человѣческое. У васъ есть умъ, много чувства и нѣжности, а въ этихъ чувствахъ, при содѣйствіи ума, такая сила вліянія, какой рѣдкая натура не подчинится.

— Какъ же это сдѣлать? Это для меня совершенная новость.

— А вотъ подумаемъ. Я еще мало знаю Осипа Петровича, но мнѣ кажется, что такихъ людей болѣе всего ожесточаетъ сопротивленіе, и именно сопротивленіе тѣхъ лицъ, надъ которыми они сознаютъ свою силу и свое вліяніе. Въ этомъ сопротивленіи они видятъ оскорбленіе своего достоинства и своихъ мнимыхъ правъ, и въ то же время чувствуютъ, что всѣ ихъ ненавидятъ. Такіе люди не испытали не только любви посторонней, но даже простой ласки, и потому она непремѣнно должна имѣть на нихъ вліяніе.

Теперь понятно какъ надо обращаться съ ними. Первое время вы приласкаете немного Осипа Петровича и будете подчиняться малѣйшимъ прихотямъ его, чтобы удалить по возможности всѣ причины ссоры. Потомъ вы будете изучать его натуру, и вѣроятно подмѣтите въ ней еще какую нибудь слабую струну, на которую можно дѣйствовать съ успѣхомъ... Онъ, кажется, не шутя любитъ васъ, и если вы хоть наружно отвѣтите на его любовь, онъ будетъ вашъ.

— Мнѣ — любить Осипа Петровича? Мнѣ ласкаться къ нему? Да какъ же это возможно, если я его ненавижу и дрожу при одномъ его имени? Поставьте себя на мое мѣсто, и поймите, что вы учите меня лицемѣрію и самоубійству.

— Я не говорю, что это нравственно и честно, но что же дѣлать, когда нѣтъ другихъ средствъ, и когда искренностью тутъ ничего не подѣлаешь! Горько сознаться въ этомъ, а надо. Въ нашемъ обществѣ часто бываютъ такія тяжелыя положенія, что только хитростью и вывернешься изъ нихъ. Гдѣ же тутъ идти на проломъ, когда у насъ все почти основано на одномъ притворствѣ и грубомъ деспотизмѣ... А жить вѣдь хочется!.. Зато путемъ ласки и покорности вы можете достигнуть многаго; вы заставите Осипа Петровича любить и уважать васъ...

— Очень нужна мнѣ его любовь и уваженіе!

— Отъ этого зависитъ ваше счастье. Вы будете имѣть свободу, деньги, занятіе, кругъ знакомства по выбору и проч. и проч.

— Но вѣдь это грѣхъ, наконецъ!

— Напротивъ, церковь *заповѣдываетъ* женѣ любить мужа, сводъ законовъ *приказываетъ* тоже самое; въ глазахъ вашихъ родныхъ вы будете вполнѣ честны; наконецъ вы сдѣлаете доброе дѣло для общества, усмиривъ такого дикаря. А развѣ это грѣхъ?

— Мечта...

— Можетъ быть и мечта, но отчего же не попытаться, тѣмъ болѣе, что выхода нѣтъ другого. Помните, что жизнь не повторится и надо пользоваться ею.

Ольга задумалась.

— Положимъ даже, что все это осуществится, произнесла она въ раздумьи, положимъ, что я буду имѣть маленькую волю, но жизнь, вся жизнь съ такимъ отвратительнымъ человѣкомъ! похоронить всѣ свои надежды ужасно!.. Нѣтъ, я лучше буду его оскорблять, добьюсь, чтобы онъ ненавидѣлъ меня и прогналъ.

— Такъ лучше рѣшайтесь бѣжать теперь!

— Нѣтъ, нѣтъ... Боже мой! да что же мнѣ дѣлать? Хоть бы умереть скорѣй право, хоть бы съ ума сойдти!..

Ольга зарыдала.

— Другъ мой, успокойтесь! Пораздумайте лучше о моихъ совѣтахъ, и вы сами убѣдитесь, что для васъ нѣтъ другой дороги къ счастью...

— Вамъ легко говорить такъ. Вы не я... Да нѣтъ, ради бога оставимте этотъ разговоръ! времени впереди много, а онъ къ тому же болѣнъ теперь... Нѣтъ, и думать больше не хочу объ немъ; стану молиться и можетъ быть... Да и зачѣмъ вы опять заговорили объ этомъ? Я думала провести время весело, хотѣла познакомиться съ вами, узнать отъ васъ кое-что, а вы довели меня до слезъ...

— Ахъ, Ольга Ивановна, если бы вы знали, какъ я горячо сочувствую вашему горю! Мнѣ право больно видѣть ваши слезы!

— Такъ дайте же мнѣ честное слово, что вы не будете впередъ говорить со мной объ этомъ проклятомъ будущемъ?

— Если хотите, даю!

— И кончено.

Ольга подняла голову и взглянула на меня сквозь слезы. Ей хотѣлось сейчасъ же выгнать изъ головы всѣ эти горькія безотвязныя думы и уже не возвращаться къ нимъ никогда.

— Вы откровенны? спросила она.

— Съ вами готовъ быть.

— Разскажите мнѣ что нибудь о себѣ.

— Не стоитъ, Ольга Ивановна, да и что хорошаго будетъ, если вы меня узнаете! У меня теперь одно въ головѣ: я вотъ радъ, что вы сидите у меня, милая гостья, и откровенны со мною... И вы еще жалуетесь, что у васъ рѣшимости никакой нѣтъ, а вотъ рѣшились же придти ко мнѣ!

— Къ вамъ—дѣло другое... Да нѣтъ, я глупость сдѣлала.

— Какую же глупость? У васъ много горя накипѣло на душѣ, захотѣлось высказаться, а высказаться некому, вотъ вы и довѣрились мнѣ. За это вамъ спасибо! Право — мнѣ кажется, я буду очень скучать при разлукѣ съ вами.

Ольга улыбнулась и глаза ея подернулись влагой...

. . . .

Въ это время кто-то постучался у наружныхъ дверей. Ольга поблѣднѣла и засуетилась.

— Ахъ, боже мой! это вѣрно папа пришелъ. Сколько времени?

— Скоро восемь.

— Что жъ мнѣ дѣлать? Скажу, что мнѣ дурно сдѣлалось въ церкви... И растрепавъ себѣ волосы, будто отъ лежанья, она побѣжала отворять.

Чрезъ нѣсколько секундъ она опять вошла встревоженная.

— Васъ спрашиваютъ, сказала она.

— Кто такой?

— Не знаю, кажется мальчикъ изъ сосѣдняго трактира.

— Я-съ самый-съ, сказалъ *мальчикъ* въ бѣломъ передникѣ, просовывая въ дверь свою лысую голову.

— Что такое, видно пріѣхали?

— Точно такъ-съ, какіе-то господа сейчасъ пріѣхали и вотъ вамъ письмецо прислали.

Я пробѣжалъ письмо. Мои спутники увѣдомляли меня, что прибыли благополучно въ городъ и просили сію же минуту

навѣстить ихъ, потому что они, можетъ быть, завтра отправятся дальше. Мальчикъ ушелъ.

— Пріѣхали? спросила Ольга какъ-то глухо.

— Да, пріѣхали.

— Когда же вы уѣдете?

— Не знаю еще, вотъ условимся. Надо пойдти къ нимъ, а то, пожалуй, и ждать не станутъ.

— Посидите немного, еще рано.

Я сѣлъ. Ольга устремила на меня долгій, задумчивый взглядъ и кусала губы. Я замѣтилъ въ ней нервную дрожь.

— Нѣтъ, ужь теперь ничего не выйдетъ, проговорила она будто про себя и взяла свою шляпку: вы сегодня вернетесь.

— Вернусь, и, можетъ быть, успѣю еще увидѣться съ вами?

Ольга не сказала ни слова и вышла. Я накинулъ пальто и засвѣтилъ свой походный фонарь. На лѣстницѣ я опять встрѣтилъ ее уже со свѣчей въ рукѣ. Она вышла провожать меня. Лицо дѣвушки сохраняло какое-то сдержанное, напряженное выраженіе, будто она силилась сказать мнѣ что-то задушевное, да не смѣла.

— Что вы будете дѣлать однѣ? спросилъ я.

— Мечтать буду, отвѣтила она, стараясь улыбнуться, но улыбки не вышло.

— Приходите же скорѣй! крикнула она, когда я уже былъ на дворѣ, и громко хлопнула дверью.

Я торопливо пошелъ шагать по грязи, думая, какъ бы въ самомъ дѣлѣ скорѣе отдѣлаться отъ товарищей. А у самого въ ушахъ все еще отдавался знакомый голосъ, и чудилось мнѣ, что она рыдаетъ тамъ теперь одинокая...

. . . .

Поздно уже ночью возвращался я домой. Не далеко отъ воротъ дома я встрѣтилъ Ивана Ивановича, который, подъ хмѣлькомъ о чемъ-то жарко толковалъ съ пріятелемъ въ сѣрой истасканной шинели. Завидѣвъ меня, Иванъ Иванычъ ухорски снялъ шляпу и выкинувъ неловко антраша ногою, подступилъ ко мнѣ съ вопросомъ: какъ я объ немъ думаю?— Я отвѣтилъ, что считаю его за хорошаго хозяина.

— Нѣтъ, врете-съ, вы меня тово-съ, дуракомъ считаете.

— Какъ же я смѣю? отвѣчалъ я, неузнавая своего смиреннаго хозяина.

— Да-съ, я дуракъ чистѣйшій! Жена гуляетъ, дочь плачетъ, а я кучу... Вотъ оно какъ! Пойдемте-ка въ заведеніе, я вамъ сегодня все разскажу! У меня сегодня тово... языкъ есть.

— Нѣтъ ужь, мнѣ бы домой пора.

— Ну, домой пойдемте!.. Прощай, братъ! промычалъ онъ товарищу.

Мы пошли. Съ уходомъ товарища храбрость Ивана Иваныча внезапно исчезла, и онъ заговорилъ своимъ вѣчнымъ говоромъ.

— Вы меня извините... а я сегодня нездоровъ, то есть тово... А вы, чуръ, ни гугу...я... понимаете?.. Нѣтъ,вы не совсѣмъ... и т. д.

Въ этомъ родѣ Иванъ Иванычъ добрался наконецъ до откровенности и сказалъ, что онъ пошелъ было ко всенощной, да увидавъ, что Ольга скрылась куда-то, заблагоразсудилъ самъ лучше пойдти къ товарищу. Онъ былъ увѣренъ, что жена не придетъ ночевать; и потому дѣйствовалъ смѣло. Потомъ онъ объявилъ мнѣ, что сегодня въ полдень Осипа Петровича параличъ хватилъ, и что онъ, можетъ быть помретъ, оставивъ имъ по завѣщанію часть имѣнія. Изъ этой бесѣды я понялъ, что хозяинъ живетъ двойственною жизнью: дома стушовывается, а внѣ дома тихомолкомъ устраиваетъ пирушки, и интимничаетъ съ барынями разнаго сорта, понялъ также, что изъ подъ этой коры вѣковѣчнаго лицемѣрія порой просвѣчиваетъ добрая, но забитая съ малолѣтства душа.

Ольга отворила намъ двери.

— Матери нѣтъ? спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Нѣтъ.

— А ты гдѣ была? Отвѣчай-ка?

— Я дома была, а вы-то гдѣ были такъ долго?

— Я? Молчи! не твое дѣло.

— Пойдемте! Я уложу васъ спать.

— Уложи, Оля, уложи; я молчать буду... Ахъ, Оля, если

бы ты знала!.. Да нѣтъ, не скажу, ни зачто не скажу: пусть лучше убьетъ меня богъ!..

— Скажите, папа!

— Нѣтъ, не скажу. Молчать! Вѣдь отецъ...

И не сказалъ.

Ольга увела его въ спальню, и я долго прислушивался, какъ она помогала ему раздѣваться и окутывала одѣяломъ, прося заснуть поскорѣе, но Иванъ Иванычъ разчувствовался и все лѣзъ ее цаловать, приговаривая: «если бы ты знала!..» Наконецъ, Ольга ушла. Иванъ Иванычъ нѣсколько минутъ вздыхалъ и читалъ разныя молитвы; потомъ поднялся, подошелъ къ шкапику, но шкапикъ оказался запертымъ....

Утромъ воротилась хозяйка не въ духѣ. При самомъ входѣ она выругала мужа такъ энергично, что тотъ поспѣшилъ скорѣе убраться. Потомъ, подъ ея руками стали летать по комнатамъ разные неодушевленные предметы; слышу, сковородникъ летитъ, котелъ запрыгалъ, чашка разбилась и т. п. Видно, самой хозяйкѣ попало свыше...

Я сталъ понемногу собираться въ дорогу и разсчитался съ Марьей Ефимовной. Та изъявила сожалѣніе, что я такъ не долго прожилъ у нихъ, но это сожалѣніе было высказано такимъ тономъ, что мнѣ захотѣлось поскорѣе уѣхать. Въ послѣднее время она недружелюбно поглядывала на меня; будто подозрѣвала что-то.

Вечеромъ, я опять отправился къ товарищамъ и на лѣстницѣ столкнулся съ Ольгой. Увидѣвъ меня, она поблѣднѣла и едва не загасила свѣчу. Мы раскланялись.

— Я слышалъ, что у Осипа Петровича параличъ? спросилъ я.

— Онъ ужь выздоровѣлъ. Такого человѣка и смерть не скоро одолѣетъ.

— А я завтра утромъ уѣзжаю.

— Счастливый путь вамъ. А мнѣ надо завтра идти въ гости къ жениху, и, кажется, придется скоро совсѣмъ переселиться къ нему.

— Вы будете помнить меня, Ольга Ивановна?

Ольга молчала.

— Вы молчите?

— Зачѣмъ вамъ знать это?.. Впрочемъ знайте, что мнѣ безъ васъ будетъ очень тяжело.

— Богъ дастъ, не будетъ. Обдумайте только по серьезнѣе мой совѣтъ вчерашній.

— Да вѣдь это не утѣшенье!..

— Чѣмъ же мнѣ утѣшить васъ?

Ольга замялась.

— Вотъ что: если вы когда нибудь будете проѣзжать черезъ нашъ городъ, заѣзжайте къ намъ!

— Но это будетъ черезъ годъ, не раньше.

— О, какъ долго еще! Что-то будетъ тогда!

— Увидимъ.

Я началъ спускаться по лѣстницѣ. Ольга шла за мною.

— А я хотѣла васъ попросить... произнесла она чуть слышно, — вы не зайдете ли сегодня ко всенощной, я тамъ буду .. Поговоримъ въ послѣдній разъ...

— Можетъ быть, зайду.

— Да нѣтъ, я боюсь...

Ольга еще что-то силилась сказать, но опять не рѣшилась. Ея глаза горѣли неестественнымъ блескомъ, въ нихъ видѣнъ былъ слѣдъ долгой и горячей думы.

— И мы ужь не увидимся съ вами? спросила она.

— Завтра я зайду проститься.

— Завтра... это при всѣхъ! такое чинное будетъ прощанье... А мнѣ бы поплакать хотѣлось съ вами! Хотѣлось бы отъ души сказать вамъ спасибо за ваше вниманіе ко мнѣ. Я надѣялась... Ахъ право, что это какія у меня глупыя слезы?... Не вѣрьте имъ, пожалуста!

Ольга спѣшила стерѣть выкатившіяся слезинки, а между тѣмъ голосъ ея слабѣлъ и дребезжалъ отъ наплыва ихъ.

— Какая я глупая, право, все плачу!.. Вотъ вы совсѣмъ спокойны... До свиданья же, приходите въ церковь!..

И прежде, чѣмъ я успѣлъ придти въ себя, Ольга была уже на верху лѣстницы, и отерѣвъ наскоро лицо, скрылась за дверью.

Ко всенощной я не пошелъ. Я предчувствовалъ слезы и

тяжелыя сцены прощанья, и боялся разстроить себя окончательно. Товарищи мои были веселы; говорили, что не узнают меня и подтрунивали на мой счетъ. Я разсердился и ушелъ раньше обыкновеннаго. Потомъ, по обыкновенію, я сталъ досадовать на себя, зачѣмъ не пошелъ въ церковь и тѣмъ лишилъ себя, можетъ быть, лучшихъ минутъ моего знакомства съ Ольгой. И долго, всю ночь почти ворочался съ боку на бокъ, припоминая себѣ всѣ подробности нашихъ свиданій. Потомъ мнѣ вспомнилась хозяйка, жилица и ярко представился весь печальный бытъ этой семьи съ ея затаенными болями и интересами. Все члены ея глядятъ въ разныя стороны, каждому жизнь поперегъ горла встала, грызутся они, хитрятъ, надуваютъ другъ друга, и между тѣмъ живутъ вмѣстѣ... Вотъ она, картинка семейнаго счастья, картинка не новая, къ которой ужь приглядѣлся нашъ незатѣйливый взглядъ! Со стороны посмотрѣть, такъ подумаешь, что здѣсь-то и есть источникъ довольства,—такъ все это замаскировано, приглажено, подведено подъ общій уровень; а попробуйте заглянуть подъ эту маску, то ли вы увидите?.. Гдѣ жъ ты наше счастье-то? Куда запряталось? Или и ты замаскировано, какъ и горе? И тебя, знать, не приглянешь сразу?..

А между тѣмъ за перегородкой хозяева спокойно храпятъ и потягиваются. Часу во второмъ ночи кто-то изъ нихъ проснулся и испилъ квасу.

— Жилецъ-то уѣзжаетъ поутру? спросилъ спросонья хозяинъ.

— Кажись, уѣзжаетъ, собрался,—отвѣтила хозяйка нехотя.

— А деньги отдалъ?

— Отдалъ.

— Сколько?

— 2 р. 70 к. серебра.

— А прибавки небось никакой не далъ? а? Марья Ефимовна?..

— Да спи ты, чортъ, пожалуйста! какая тутъ тебѣ прибавка!..

При этомъ Марья Ефимовна сердито толкнула мужа ногой.

Они замолчали, и опять стали отсвистывать носами разныя трели.

А спитъ ли Ольга?...

Утромъ рано меня разбудилъ трактирный мальчикъ, сказавъ, что господа уже одѣмши и тарантасъ приказали закладывать. Погода была сѣренькая и покрапывалъ мелкій дождикъ, — значитъ все обстояло какъ слѣдуетъ. Я пошелъ на хозяйскую половину прощаться. Хозяева уже ожидали меня, а Ольги не было.

— Можетъ, вы соскучили съ нами, вы вѣдь питерскіе, сказала хозяйка;—на томъ извините, да не поминайте лихомъ! Жаль вотъ дождичекъ идетъ, а то бы хорошо было ѣхать. Дорога тутъ ровная, мигомъ доѣдете до станціи...

— А гдѣ же Ольга Ивановна? мнѣ хотѣлось бы съ ней проститься.

— Богъ ее знаетъ, простудилась видно опять, вчера сходила ко всенощной, а теперь вотъ и лежитъ. Да вы присядьте, я ее позову, пожалуй. Оно вѣдь и слѣдуетъ посидѣть передъ дорогой.

Я сѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ Ольгу. Я подивился ея необыкновенной блѣдности и худобѣ.

— Вы опять хвораете? спросилъ я.

— Опять.

— А я пришолъ пожелать вамъ на прощаньи счастья въ будущемъ.

Ольга протянула мнѣ руку.

— Благодарю васъ! проговорила она серьезно и сопровождая слово взглядомъ, въ которомъ я прочелъ заслуженный мною упрекъ;—не забывайте насъ!

— Можетъ быть, когда нибудь и вы вспомните наши бесѣды?

— Гдѣ ужь ей помнить, вмѣшалась хозяйка:—у ней теперь и безъ того заботъ много,—замужъ пора.

Всѣ замолчали. Затѣмъ я отдалъ всѣмъ офиціальный поклонъ, выслушалъ обычныя напутствія и вышелъ. Иванъ Иванычъ пошелъ провожать меня и всю дорогу до гостиницы говорилъ что-то; но я, признаюсь, не слыхалъ. Потомъ мы сѣли въ тарантасъ; тройка рванула, и потянулись

мимо насъ сѣренькіе домики городка. Вотъ поровнялись и съ нашимъ домикомъ. Въ тусклыхъ стеклахъ мезонина силился я разсмотрѣть одно печальное личико, но не видалъ его; только въ томъ окнѣ, у котораго, бывало сиживалъ я, мелькало озабоченное лицо хозяйки. Знать она прибирала мою комнату для новаго жильца... А Ольги такъ и не видать больше.

И вотъ опять дорога! Новыя встрѣчи и знакомства. Куда-то занесетъ она меня, съ кѣмъ-то столкнетъ на пути? Чортъ знаетъ какъ скверно на сердцѣ стало... И съ чего бы, кажется? Мнѣ-то какое дѣло до чужой бѣды? вѣдь и слезъ не хватитъ, коли оплакивать каждую встрѣчу... А товарищи беззаботно хохочутъ и поютъ веселыя пѣсенки. Давайте же, братцы вмѣстѣ пѣть и смѣяться! Эхъ, лети, несись тройка! Унеси ты мое горе!..

Н. А. Благовѣщенскій.

КАРЬЕРА.

I

Въ одномъ изъ домовъ заброшеннаго уѣзднаго города, въ довольно большой комнатѣ, съ голыми грязными стѣнами, съ двумя тусклыми окнами, упиравшимися въ деревянную крышу сосѣдняго сарая, съ дырявымъ ломбернымъ столомъ да нѣсколькими стульями, медленно, изъ угла въ уголъ, ходилъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый, демикотоновый, черкесскій казакинъ, отороченный узенькимъ галунчикомъ и неимовѣрно засаленый на груди и локтяхъ; изъ подъ него болтались желтыя широчайшія шаровары, тоже не совсѣмъ свѣтлыя; на ногахъ шлепали остроконечныя туфли безъ задковъ. Рябое и одутлое лицо его съ небольшими сѣрыми глазами ничего не выражало; подъ носомъ спускались очень длинные рыжіе усы; волосы на головѣ были коротко выстрижены. Онъ останавливался то у окна, и барабанилъ пальцами по стеклу, то взглядывалъ на шипѣвшій на столѣ крошечный самоваръ, на стаканъ съ остатками недопитаго чая, на полуразбитый чайникъ, на засаленую колоду картъ, головную щетку, банку помады, бритву и проч. хозяйственныя принадлежности, тутъ же помѣщавшіяся; то просто, не останавливаясь, тянулъ изъ догорѣвшей трубки, то поворачивалъ голову къ стоявшему въ углу подобію кровати, очень хитро подпертому двумя разломанными стульями и однимъ толстымъ полѣномъ.

На кровати, подъ сѣрою офицерскою шинелью, вытянувшись на спинѣ, лежалъ другой человѣкъ. Голова его опрокинулась за подушку, одна рука свѣсилась, ротъ раскрылся, деревянное угреватое лицо какъ будто улыбалось. Онъ дремалъ сладкимъ, утреннимъ сномъ, нѣсколько разъ просыпался, морщился, моргалъ глазами и тотчасъ засыпалъ снова.

Человѣкъ въ казакинѣ дунулъ въ трубку, высыпалъ пепелъ въ жестянку изъ подъ сардинокъ, захватилъ щепотку табаку изъ эполетной коробки, набилъ, закурилъ снова, и снова зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Иванъ Семенычъ, а Иванъ Семенычъ?! произнесъ онъ наконецъ, остановившись предъ кроватью товарища.

Послѣдній открылъ глаза.

— Вставать время, двѣнадцатый часъ, чай перестоялся, самоваръ простылъ, убѣдительно продолжалъ первый; но замѣтивъ, что товарищъ снова закрылъ глаза, громко крикнулъ: Иванъ Семенычъ!

Тотъ встрепенулся и поднялъ голову.

— А? прохрипѣлъ онъ.

— Да вставайте, ради христа, полно валяться вамъ, какъ не стыдно, право! замѣтилъ человѣкъ въ казакинѣ, сильно затянулся и зашагалъ по комнатѣ.

Товарищъ поднялся и сѣлъ на кровати, но долго еще оставался неподвиженъ; долго покачивалась голова его, наконецъ опомнился, засунулъ руку подъ подушку, вытащилъ носки и сталъ обуваться, потомъ свѣсилъ ноги съ кровати, натянулъ на нихъ старенькіе сапоги, закурилъ окурокъ папиросы, посидѣлъ, подумалъ, всталъ, накинулъ на себя шинель, замѣнявшую и халатъ, и одѣяло, и крикнулъ: Лихачевъ!

За стѣной кто-то громко высморкался, и черезъ минуту явился Лихачевъ, неуклюжій малый съ помятымъ крупнымъ лицомъ, похожимъ на нечищеный самоваръ, и жесткими щетинистыми усами, одѣтый въ какую-то куртку и синіе холстинные съ краснымъ кантомъ брюки, заправленные въ сапожные голенища.

— Ну!... чего морду вытянулъ, дикобразъ! снова крикнулъ человѣкъ въ шинели и продолжительно зѣвнулъ.

— Лихачевъ принесъ какую-то плошку и ковшъ воды!... Иванъ Семенычъ сталъ умываться.

— Иванъ Семенычъ Бубниковъ и товарищъ его Андрей Петровичъ Кротиковъ вовсе не походили другъ на друга. Оба они были офицерами одного и того же армейскаго полка, оба величались одинаковымъ поручичьимъ чиномъ. Жили вмѣстѣ, считались друзьями, и за всѣмъ тѣмъ, по нѣскольку разъ въ день ссорились, бранились и совершенно незамѣтно мирились. Общаго между ними ничего не было, кромѣ матеріальныхъ средствъ: и тотъ и другой, кромѣ забраннаго впередъ жалованья, двухъ, трехъ сюртуковъ, пары сапогъ, бритвы, да полдюжины разнаго бѣлья, ничего не имѣли. Впрочемъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ Андрей Петровичъ нѣсколько перещеголялъ своего пріятеля. У него было домашнее платье, казакинъ съ желтыми шароварами, туфли, длинный черешневый чубукъ и очень хорошій портъ-сигаръ съ изображеніемъ голой женщины; напротивъ, у Ивана Семеныча ничего этого не было, дома онъ ходилъ, смотря по времени года, или въ шинели, или безъ нея, а чубука не держалъ и трубки не курилъ, называя ее *мовэжанръ* и предпочитая ей очень крѣпкія папиросы собственной фабрикаціи. Андрей Петровичъ учился когда-то въ младшихъ классахъ губернской гимназіи, но по страсти къ военной службѣ и совершенной неспособности къ латинскому языку, поступилъ въ полкъ юнкеромъ и по прошествіи извѣстнаго срока, былъ произведенъ въ офицеры. Иванъ Семенычъ воспитывался въ столицѣ, въ кадетскомъ корпусѣ. Кротиковъ ничего не зналъ, никогда не читалъ никакой книги, кромѣ рекрутской школы, не бывалъ ни въ какомъ обществѣ, исключая своего холостого офицерскаго круга: написать рапортъ, записку, было для него дѣломъ величайшаго затрудненія. Бубниковъ зналъ наизустъ нѣсколько стиховъ Жуковскаго и Пушкина, хорошо декламировалъ: «Буяновъ мой сосѣдъ!» почитывалъ романы, а въ обществѣ, въ особенности дамскомъ, что называется — собаку съѣлъ. Товарищи называли его сердцеѣдомъ и *ферлакуромъ*. Андрей Петровичъ сознавалъ свое незнаніе и не стыдился его, отчасти даже наслаждался имъ. Иванъ Семенычъ, напротивъ, любилъ отлить пулю, похвастаться, занестись въ науку. Андрей Петровичъ больше молчалъ, говорилъ неохотно, отрывисто, такъ, какъ будто выколачивали изъ него каждое слово. Иванъ Семенычъ часто трещалъ безъ умолку, разсыпался трелью,

точно дробь на барабанѣ выдѣлывалъ. Кротиковъ смотрѣлъ на вещи прямо, безъ разсужденій. Бубниковъ любилъ пофилософствовать, пуститься въ отвлеченность. Одѣвался Андрей Петровичъ безъ всякихъ претензій, носилъ сюртукъ изъ довольно толстаго сукна и тоненькіе какъ блинъ эполеты, перчатки его были всегда грязны, съ разорванными пальцами. Бубниковъ любилъ щегольнуть, задать шику, выставить толстую бронзовую цѣпочку, вставить въ глазъ стеклышко, надушиться, напомадиться, высморкаться въ батистовый платокъ и публично стряхнуть его; въ чистыхъ перчаткахъ онъ всегда выставлялъ руки, а въ грязныхъ тщательно пряталъ ихъ. Андрей Петровичъ стригъ волосы подъ гребенку, такъ что издали голова его казалась покрытою сѣрою шапочкой. Иванъ Семеньичъ, несмотря на всѣ преслѣдованія со стороны начальства, носилъ длинные волосы *а-ла-мужикъ* и въ торжественныхъ случаяхъ завивалъ ихъ. Кротиковъ былъ совершенный бобыль, родныхъ у него никого не было. У Бубникова жила мать въ Петербургѣ, съ которой онъ хоть изрѣдка, но все-таки переписывался. Андрей Петровичъ любилъ порядокъ въ жизни, онъ вставалъ всегда въ одинаковую пору, обѣдалъ, чай пилъ—все въ свое время. Ивана Семеньича никогда нельзя было добудиться, онъ обладалъ удивительною способностью спать когда и сколько угодно. Еще прежде, живя одинъ, въ случаѣ надобности встать въ извѣстную пору, онъ всегда съ вечера наказывалъ деньщику, во что̀ бы то ни стало, разбудить себя, даже съ кровати стащить, но приходило утро и всѣ усилія бѣднаго деньщика оставались напрасными; баринъ или сердился на него, грозился даже морду побить, или упрашивалъ дать полежать минуточку, увѣрялъ, что рано еще, что часы врутъ и непремѣнно просыпалъ назначенное время. Я тебѣ приказывалъ за ноги стащить, приказывалъ я тебѣ?—говорилъ онъ обыкновенно.

— Помилуйте, ваше благородіе:—вы ногамъ брыкаетесь, гдѣ же тутъ стащить васъ!—отвѣчалъ деньщикъ.

— Такъ что, что брыкаюсь, а ты ухвати за ноги, такъ и брыкаться не буду... ты дуракъ, вотъ что, изъ за васъ только распечки получай!—заключалъ огорченный Иванъ Семеньичъ.

Кротиковъ былъ хорошимъ исполнительнымъ служакой, каждое приказаніе начальства было для него свято и ненарушимо.

Бубниковъ служилъ съ нѣкоторымъ тономъ; въ полку его называли не въ насмѣшку либераломъ. Андрей Петровичъ отличался умѣренностью и акуратностью, никому не былъ долженъ; изъ крѣпкихъ напитковъ употреблялъ одну водку.

Иванъ Семенычъ существовалъ на счетъ всего торговаго и ремесленнаго населенія города, пилъ все, что подъ руку попадется, при случаѣ любилъ на показъ всѣмъ откупорить бутылку шампанскаго. Андрей Петровичъ всегда очень усердно уплеталъ изготовленый Лихачевымъ обѣдъ. Иванъ Семенычъ уплеталъ его тоже усердно, но всегда ворчалъ и разсказывалъ про разныя изысканныя блюда, которыми онъ наслаждался въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Несмотря на такое различіе въ привычкахъ и характерахъ, несмотря даже на то, что Бубниковъ любилъ подшутить, посмѣяться надъ своимъ товарищемъ, а за глаза называлъ его не иначе какъ бурбономъ, они были какъ-то незамѣтно привязаны другъ къ другу и отдѣлиться изъ нихъ никто не думалъ.

Андрей Петровичъ если не уважалъ Ивана Семеныча, то по крайней мѣрѣ видѣлъ въ немъ что-то отличное отъ самого себя, болѣе совершенное, высшее; онъ поблажалъ ему, какъ поблажаетъ нянька избалованному барченку, и только иногда, глухо, несмѣло ворчалъ, глядя на безпорядочную жизнь товарища. Въ домѣ Иванъ Семенычъ игралъ главную роль: онъ держалъ себя совершенно по барски, даже по барски бранилъ Лихачева, жилъ какъ у христа за пазухой, а Андрей Петровичъ жилъ дядькой, какъ будто и существовалъ только для того, чтобъ товарищу было поудобнѣе. Иванъ Семеновичъ, напримѣръ, нѣжился на кровати, ему лѣнь было съ мѣста подняться, руку протянуть, Андрей Петровичъ подавалъ ему спичку и папиросу; нужно было денщика позвать, Андрей Петровичъ отправлялся за нимъ. Вообще Кротиковъ любилъ Бубникова, хотя и не пользовался взаимнымъ расположеніемъ; онъ внутренно досадовалъ, когда Иванъ Семенычъ безпутничалъ, засиживался гдѣ-нибудь черезчуръ долго, неохотно безъ него обѣдалъ, дѣлался веселѣе, когда онъ былъ въ духѣ, а при размолвкахъ, маленькихъ ссорахъ, первый поддавался и заискивалъ примиренія. — Зато Иванъ Семенычъ ничего этого не чувствовалъ; онъ жилъ съ Кротиковымъ, какъ будто своимъ присутствіемъ честь ему дѣлалъ.

Онъ даже не совсѣмъ исправно платилъ за харчи свои, но Андрей Петровичъ и это терпѣлъ, какъ будто такъ и быть должно, какъ будто товарищъ по самой породѣ своей долженъ былъ пользоваться особенной привилегіей.

Зато Лихачевъ терпѣть не могъ Бубникова; иногда, выведеный изъ терпѣнія барскою бранью, онъ даже жаловался Андрею Петровичу.—Ты, дуракъ, терпѣть долженъ; услышалъ бы Иванъ Семенычъ — морду бъ тебѣ побилъ! флегматически замѣчалъ послѣдній.

Прошло нѣсколько минутъ, Иванъ Семенычъ умылся, сполоснулъ стаканъ, выплеснулъ изъ него на полъ и налилъ себѣ совсѣмъ простывшаго чаю. Лице его улыбалось, онъ былъ въ духѣ и казалось что-то сообщить хотѣлъ, да только обдумывалъ какъ начать разговоръ. Андрей Петровичъ тоже успокоился и тоже украдкой улыбнулся, набилъ третью трубку и остановился посрединѣ комнаты.

— Чай-то простылъ небось, самоваръ бы подогрѣть надо, въ полголоса замѣтилъ онъ.

— Ну его чай, къ чорту чай! отвѣтилъ Бубниковъ, залпомъ выпилъ цѣлые полстакана и отодвинулъ его въ сторону. —Вы лучше спросите, гдѣ я былъ вчера, вотъ что спросите? продолжалъ онъ, повертываясь на стулѣ и торжествующими глазами посматривая на товарища.

— Гдѣ были?.. у генерала чтоли сидѣли!

— Ну его генерала!.. вы думаете, что лучше генерала и людей нѣтъ? стану я унижаться, подъѣзжать къ нему, дудки!.. время не то.

— Генералъ васъ любитъ, въ примѣръ ставитъ, вы человѣкъ такой, у генерала вамъ идетъ бывать!— замѣтилъ Кротиковъ.

Иванъ Семенычъ гордо тряхнулъ головой.

— Ну, у Кологривовыхъ были?

— Нѣтъ-съ, и не у Кологривовыхъ!

— Ну кто жъ васъ знаетъ! рѣшилъ Андрей Петровичъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Я тамъ былъ, куда можетъ быть не всякаго и пустятъ... рай магомета!.. вотъ гдѣ я былъ! торжественно произнесъ

Иванъ Семенычъ, сложилъ пальцы, чмокнулъ въ нихъ и распустилъ по воздуху.

Кротиковъ остановился.

Бубниковъ пристально смотрѣлъ на него.

— Я былъ... я у Разлюляевыхъ былъ: на распѣвъ произнесъ онъ.

— Не знаю! отрывисто отвѣтилъ Андрей Петровичъ и покачалъ головой.

Иванъ Семенычъ усмѣхнулся.

— Знаю, что не знаете, гдѣ вамъ знать, никто не знаетъ... это, батюшка, такіе люди... во первыхъ, старушка, помѣщица, триста душъ имѣетъ, триста!.. въ нашемъ братѣ военномъ души не слышитъ, говоритъ что лучше офицеровъ никакихъ людей на свѣтѣ нѣтъ, о гусарахъ безъ слезъ говорить не можетъ... понимаете вы это, чувствуете!.. а во вторыхъ, дѣвица у ней есть, Sophie по имени, дочкой приходится! Онъ перевелъ духъ и глубоко вздохнулъ. Такая дѣвица, близко подойдти нельзя, смерть, укусить тянетъ, красота неописанная!..

У Кротикова на губахъ мелькнуло что-то въ родѣ улыбки; онъ хотѣлъ возражать, но Иванъ Семенычъ перебилъ его.

— Носикъ! продолжалъ онъ постепенно, воодушевляясь и размахивая руками: — понимаете ли, ну носикъ, — пустяки кажется, штучка такая, а съ чѣмъ сравнить, не знаешь... губки розовенькія, пухленькія, надъ ними ямочка, складочки разныя, въ глазахъ небеса, глаза смѣются... вы видѣли когда глаза смѣются, а?.. видѣли?

— Не видалъ, не случалось! — отрывисто отвѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Ну-съ, а эти смѣются, хохочутъ, бѣгаютъ, шельмы этакія... грудь, шейка, тальица, тутъ бантики, билендрясы разные, все это тамъ дрянцо ихнее, enchanté просто! — Андрей Петровичъ очень серьёзно тянулъ изъ трубки. — А живутъ, по прежнему, продолжалъ Иванъ Семенычъ, незамѣчая, что шинель давно опустилась съ плечъ его и обнажила довольно грязную рубашку; — войдете, сѣни, ну въ сѣняхъ ничего нѣтъ, въ сѣняхъ пустяки, тьма... передняя, гостиная, въ гостиной темные обои пущены, полумракъ, на полу коверъ, собака на немъ сдѣлана, живая, на собакѣ цвѣты, мебель... вы въ Петербургѣ

въ палкинскомъ трактирѣ были?—вдругъ вопросительно добавилъ онъ.

— Я въ Петербургѣ никогда не былъ, отвѣтилъ Андрей Петровичъ.

Иванъ Семенычъ презрительно улыбнулся и махнулъ рукой. —Я и забылъ, что вы нигдѣ не были; вы послѣ этого меня и понимать не можете, вы въ жизни ничего порядочнаго не видали... Въ палкинскомъ трактирѣ есть одна комната, похожая на эту гостиную. — Ужинъ подали, во первыхъ, закуска, грибки, селедочка съ лукомъ, какая-то рыбка копченая, другая рыбка, водка трехъ сортовъ... Я по всѣмъ прошелся. — Онъ щелкнулъ себя пальцемъ по шеѣ. Потому нельзя, люди такіе, неотступно просятъ, маменька доброты необыкновенной, дочка!.. Онъ махнулъ рукой.—За ужиномъ котлетки, вотъ это котлетки, это не то, что свинья Лихачевъ своими лапами лѣпитъ; послѣ котлетъ хересъ, тамъ жаркое, тамъ опять хересъ,—наливку подали, на корешкахъ настоенную, выпьешь рюмку, цѣлаго солдатика проглотишь!

— На корешкахъ крѣпко! флегматически отозвался Андрей Петровичъ. Да вы какъ же попали къ нимъ?

Иванъ Семенычъ улыбнулся и закурилъ папироску.

— Какъ?.. а попалъ потому, что тутъ есть! Онъ постучалъ себя въ лобъ.—Попалъ потому, что знаю гдѣ раки зимуютъ. Иду я по генеральской улицѣ, отъ казначея вышелъ, жалованье тамъ раздавали, а получилъ сами знаете, — три рубля пятнадцать копѣекъ... хандра на меня напала; въ головѣ это прачки, портные, сапожники, черти разные, просто не знаешь которой стороны держаться, иду и думаю, о своемъ положеніи, то есть, думаю къ Гришкѣ зайдти, Ѳедоръ Иванычу съ горя хватить, а тутъ понимаете и тарантасъ стоитъ, лошади тоже не дурны, рыжія, коренникъ хорошъ, грудь подлецъ такъ впередъ и выпятилъ, спрашиваю у кучера: — чьи? Полковницы Разлюляевой, говоритъ. Зашелъ, вижу сидятъ двѣ барыни, сладенькое дрянцо какое-то покупаютъ, я знаете этакъ правымъ глазомъ взглянулъ на нихъ, рюмочку порѣшилъ, папиросу хочу закурить, гляжу старуха ко мнѣ. Извините, говоритъ, господинъ офицеръ, такъ и такъ, у меня, говоритъ, мужъ тоже въ военной службѣ служилъ, я, говоритъ, въ имѣніи

живу, военныхъ люблю, сто верстъ отсюдова, на зиму вотъ въ городъ пріѣхала, очень пріятно познакомиться,—вы, говоритъ, здѣшняго баталіона?—Здѣшняго-съ!

— Pardon, осмѣлюсь, говоритъ, попросить вашего совѣта, такъ и такъ вотъ, говоритъ, у меня племянникъ есть, совсѣмъ никуда негодный, учиться не хочетъ, изъ трехъ мѣстъ выгоняли, такъ нельзя ли, говоритъ, къ вамъ юнкеромъ пристроить. Я, говоритъ, никакихъ этихъ дѣлъ не знаю, очень бы обязали насчетъ прошеній и прочаго. — Я разумѣется все это объяснилъ какъ слѣдуетъ, думаю почему не помочь, *комъ-иль-фо*, слышу по французски говорятъ, тары да бары, разговорились мы, словно вѣкъ жили вмѣстѣ, я Ѳедоръ Иванычу снова хватилъ, старуха это мое имя узнала,—милости просимъ, говоритъ, къ намъ, безъ всякой церемоніи, чай пить, у насъ, говоритъ, и мѣсто въ тарантасѣ свободное!.. мѣсто! Онъ на минуту остановился и сильно нѣсколько разъ затянулся.

— Позвольте, вотъ тутъ-то романъ и начинается, тутъ самая суть, тутъ рай-то и есть!.. посадили меня, можете себѣ представить, противъ дочери посадили! каково положеніе, покраснѣлъ, ей богу покраснѣлъ, въ головѣ туманъ, ничего сообразить не могу... вы, Андрей Петровичъ, понять меня не можете, у васъ характеръ не такой, вамъ не случалось и говорить съ хорошенькой.

— Какъ не случалось, вонъ и съ Марьей Трофимовной говорилъ! отвѣтилъ Кротиковъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Ну, нашли примѣнять кого, Марью Трофимовну, мѣщанку, съ этакимъ аристократическимъ ангеломъ сравнивать; у ней отъ рукъ мыломъ несетъ; порядочная женщина пахнетъ иначе, вы только понюхайте порядочную женщину; отъ порядочной женщины яблоками пахнетъ.

Андрей Петровичъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Вы всегда, Иванъ Семенычъ, богъ знаетъ, что скажете, медленно произнесъ онъ.

— Такъ что жъ вру, по вашему... ну а отъ генеральши чѣмъ пахнетъ?

— Кто ее знаетъ чѣмъ, духами чтоли какими.

— Нѣтъ-съ, не духами, а понимаете ли вы, что у порядоч-

ной женщины свой запахъ есть, свои духи; вы вотъ какъ ни надушитесь, а такъ пахнуть не будете... ну!..

Андрей Петровичъ нѣсколько сконфузился.

— Пріѣхали, легко стало, продолжалъ Бубниковъ; чай подали; горничная тоже не дурна у нихъ, бестія должна быть дѣвчонка... разговорился я съ дочкой, умница такая,—о чемъ хотите, въ философію даже пускается... сидитъ вотъ такъ она... садитесь Андрей Петровичъ...

Андрей Петровичъ опустился на стулъ.

— Тутъ мать, тутъ эта горничная съ подносомъ вертится, продолжалъ Иванъ Семенычъ указывая руками:—я съ лѣваго фланга пристроился; о Парижѣ заговорили какъ тамъ въ газетахъ про Наполеона пишутъ.

— Вѣдь вы въ Парижѣ не были, несмѣло замѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Такъ что—что не былъ, развѣ о томъ гдѣ не былъ и говорить нельзя... вы на Кавказѣ же не были, а про черкесовъ говорите, вотъ и казакинъ черкесскій носите.

— Черкесовъ всѣ знаютъ, ужъ народъ такой, по прежнему отозвался Кротиковъ.

— А Парижа не знаютъ? Лондона тоже не знаютъ? Италіи не знаютъ? экую чушь несете!.. вотъ вы не учились ничему, такъ дальше солдатскихъ щей да своего носа ничего и не знаете; срамъ просто; а поучились бы такъ и узнали, что на это географія, наука такая есть, посмотришь на васъ такъ даже противно становится.

— А вы не смотрите, отвѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Какъ же это не смотрѣть?.. васъ же образовать хочу, сами въ глаза лѣзете, лучше сказали бы спасибо.

— Мнѣ вашего образованія не нужно... я въ вашемъ образованіи не нуждаюсь; вы думаете, что ужь я вотъ такъ глупъ совсѣмъ.

— Разумѣется глупы.

Андрей Петровичъ чуть-чуть поблѣднѣлъ.

— Почему же это-съ, вотъ вы всегда сами ни съ того ни съ чего начинаете, браниться лѣзете.

— И бранюсь; нельзя не бранится; если вы ничего не знаете, молчите лучше.

— И вы молчите; если я глупъ, значитъ со мной и разговаривать нечего, молчать лучше! произнесъ Андрей Петровичъ дрожащимъ голосомъ.

Иванъ Семенычъ съ пренебреженіемъ отвернулся отъ него и въ самомъ дѣлѣ замолчалъ.

Оба пріятеля просидѣли еще нѣсколько времени. Андрей Петровичъ набилъ четвертую трубку, совершенно углубился въ нее, и только изъ подлобья взглядывалъ на Ивана Семеныча. Иванъ Семенычъ разсѣянно смотрѣлъ въ окно, и барабанилъ пальцами по стеклу. Наконецъ первый всталъ и зашагалъ по комнатѣ; второй принялся сперва что-то насвистывать, потомъ пѣть, и кончилось тѣмъ, что растянулся на кровати.

Только во время обѣда, за говяжьими битками, они снова помирились. Андрей Петровичъ, вѣроятно по случаю полученія жалованья, раскутился, послалъ за двумя бутылками пива, и тѣмъ окончательно успокоилъ своего раздраженнаго сожителя. Иванъ Семенычъ принялся снова рисовать идеалы своей армейской фантазіей и мечтать о своемъ новомъ знакомствѣ съ Разлюляевыми.

Андрей Петровичъ слушалъ его совершенно подобострастно, ни на что не возражалъ, а только улыбался и поддакивалъ.

II

Прошло нѣсколько дней. Пріятели послѣ обѣда отдыхали на своихъ кроватяхъ и молча тянули—одинъ трубку, другой папиросу. Иванъ Семенычъ лежалъ на спинѣ и глядѣлъ въ усѣянный пятнами потолокъ; Андрей Петровичъ повернулся на бокъ и подперъ рукою голову. Въ комнатѣ было грязно и дымно, на полу соръ, папиросные окурки... мелкій, осенній дождь сыпался дробью по окнамъ. Скверно, скучно!

Иванъ Семенычъ продолжительно вздохнулъ.

— Эка шельма, вишь ты жирный какой! говорилъ Андрей Петровичъ, какъ бы самъ съ собою, устремивъ глаза на пол-

зающаго по подушкѣ клопа; эка тварь подлая... къ теплу все! добавилъ онъ и смахнулъ рукой.

Иванъ Семенычъ все лежалъ неподвижно; видно было, что какая-то мысль тревожила его.

Молчаніе возобновилось.

— Андрей Петровичъ! вдругъ началъ Бубниковъ, закладывая руки подъ голову и не спуская глазъ съ потолка.

— Что, Иванъ Семенычъ? отозвался Кротиковъ.

— Что?.. а вотъ что, знаете что я задумалъ?

— Не знаю.

— Угадайте!

— Кто васъ знаетъ.

— Иванъ Семенычъ улыбнулся.

— Вы только раньше времени не говорите ни кому; лежу это я, знаете, третьяго дня, васъ дома не было, тоска на меня нашла, душа поетъ, по сердцу скребутъ кошки, точно съ похмѣлья: вотъ я и началъ думать, думать, куда ни повернись все скверно выходитъ; я взялъ да и задумалъ...

— Что-съ?

— Угадайте!

— Не угадаешь!

— Жениться задумалъ!

Андрей Петровичъ быстро поднялъ на товарища глаза, но тотчасъ же опять опустилъ ихъ.

— Вотъ какъ, дѣло доброе! отвѣчалъ онъ равнодушно.

— Доброе-то доброе, великолѣпное дѣло, а чортъ его знаетъ, штучка тоже!.. а я такъ думаю, Андрей Петровичъ, что вся эта жизнь наша дрянь, проволочка одна, выѣденнаго яйца не стоитъ!.. вы только возьмите какъ мы живемъ, утромъ лежишь, днемъ лежишь, почью лежишь, скверно! Иванъ Семенычъ отъ негодованія даже плюнулъ на середину комнаты.

— Извѣстно лежишь—время свободное, вотъ богъ дастъ ученья пойдутъ, тутъ праздникъ церковный, парадъ будетъ, флегматически отозвался Кротиковъ.

Иванъ Семенычъ не слушалъ его и продолжалъ развивать начатую тему.

— Вѣдь если теперь подумать о себѣ, о своемъ положеніи, то есть, взять что такое мы, ну и кончено, говорилъ онъ какъ

бы самъ съ собою; взять хоть себя напримѣръ, — воспитывался въ корпусѣ, въ чистотѣ, науки разныя проходилъ, по литературѣ первымъ ученикомъ былъ,—ей богу!—Онъ повернулся лицемъ къ Кротикову. — Я, Андрей Петровичъ, такія сочиненія махалъ, что если сказать вамъ — вы и не поймете ничего, начальство въ восторгъ приходило и какъ теперь помню, какъ оно расхвалило мое разсужденіе объ искусствѣ быть нравственнымъ....

— Да-съ, пробормоталъ Андрей Петровичъ и въ знакъ удивленія покачалъ головой.

— А тутъ ни къ чему все, здѣсь объ этомъ и говорить не съ кѣмъ, сами посудите кто здѣсь живетъ, куда не придешь только на счетъ выпивки все... Тоже къ порядку привыкъ, въ корпусѣ-ли, у матери-ли, всегда порядокъ соблюдаешь, въ каждый положенный день бѣлье чистое и все какъ слѣдуетъ... Я въ эдакой жизни просто жить не могу, опротивѣла она мнѣ, вы посмотрите только, гдѣ нечищеный сапогъ, гдѣ щетка, вонъ умывальникъ съ утра не вынесенъ, срамъ, порядочнаго человѣка принять нельзя.

— Порядокъ завести можно; Лихачеву приказать полъ вымыть, чисто будетъ, замѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Что полъ, полъ пустяки... и Лихачевъ свинья, продолжалъ Иванъ Семенычъ съ возрастающей энергіей; вы посмотрите только въ чемъ ходитъ онъ; заглянулъ это я разъ въ кухню, какъ онъ тамъ битки стряпаетъ, ну и плюнулъ, два дня ѣсть не могъ.

Андрей Петровичъ задумался, какъ бы вспоминая, когда же его товарищъ два дня не ѣлъ.

— А отчего? средствъ нѣтъ! поставленъ ты, можно сказать, на благородную ногу, во всемъ долженъ содержать себя въ порядкѣ, званіе свое поддерживать, въ толстый платокъ не высморкайся, засмѣются, свиньей назовутъ, тьфу! — Иванъ Семенычъ вторично плюнулъ и повернулся на бокъ. — До такого положенія доходишь, что даже самого себя совѣстно, молчишь только!.. Впереди тоже ничего нѣтъ; что впереди?.. крошки, выжимки разныя!... Другой можетъ и привыкъ жить такъ, другому ничего, такъ ужь родился, такое воспитаніе получилъ, а я, сами посудите, я въ толстомъ сукнѣ ходить не буду,

тѣло у меня не такое, — нѣжности, говорятъ... нѣтъ-съ не нѣжности, а потребность благородныя средства къ жизни имѣть... наслаждаться... такъ сказать пользу изъ своего существованія извлекать... варьироваться! — добавилъ Иванъ Семенычъ, вытянулся на спинѣ и на губахъ его мелькнула какая-то злая, презрительная улыбка.

Онъ внутренно сознавалъ правоту своихъ словъ и въ настоящую минуту видѣлъ въ себѣ чуть ли не героя, котораго судьба богъ знаетъ почему неотступно мучила и преслѣдовала.

Андрей Петровичъ молчалъ, тянулъ изъ трубки и только нѣсколько минутъ спустя рѣшился подать свое мнѣніе.

— А я, Иванъ Семенычъ, такъ думаю, произнесъ онъ съ разстановкой, что вамъ здѣсь служить не мѣсто; съ вашимъ умомъ и образованіемъ карьеру можно себѣ составить,—высшее званіе получить.

Бубниковъ самодовольно улыбнулся; замѣчаніе товарища пріятно шевельнулось на его сердцѣ.

— Я, голубчикъ Андрей Петровичъ, не о карьерѣ хлопочу, карьера всегда откроется: въ одномъ мѣстѣ не поймутъ, въ другомъ оцѣнятъ, говорилъ онъ серьёзно: — я карьеру всегда могу найдти, у меня вонъ въ Петербургѣ тетка есть, что хотите выхлопочетъ, на такой дорогѣ стоитъ. Я, Андрей Петровичъ, разбогатѣть хочу, богачемъ сдѣлаться, да-съ!... Я полагаю такъ, что нашему брату только женитьбой и устроить себя можно; накрылъ тысячъ пятьдесятъ, ну и шабашъ, живи!

Кротиковъ поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на товарища.

— Какъ пятьдесятъ тысячъ?! спросилъ онъ.

— Такъ пятьдесятъ, а не то деревня... домъ каменный, все равно.

— Да какой же дуракъ дастъ ихъ?

— Не дуракъ, невѣста дастъ; которая пойдетъ, та и дастъ.

— Пятьдесятъ тысячъ?!

— Ну да, пятьдесятъ тысячъ!

— Господь съ вами, Иванъ Семенычъ, какъ же можно?

— Разумѣется можно, а по вашему что жь, пять цѣлковыхъ взять?

— Пять не пять, а вотъ развѣ тысячу.

Иванъ Семенычъ захохоталъ. Онъ внутренно начиналъ сердиться, но на этотъ разъ удержался, ему хотѣлось говорить, высказаться досыта.

— Экъ хватили тоже!... вы, Андрей Петровичъ, разсуждаете, какъ, съ позволенія сказать, солдатикъ какой нибудь, вамъ салопъ да перину, такъ вы и женитесь!

— Да за что же пятьдесятъ тысячъ?—сами посудите.

— Какъ за что, вѣдь вы женитесь?

— Ну?

— Ну такъ какъ же вамъ даромъ-то жениться, вѣдь даромъ ничего на свѣтѣ не дѣлается?

— Да вѣдь у васъ-то ничего нѣтъ?

— Такъ что,—что нѣтъ... какъ ничего? позвольте, вы въ соображеніе возьмите, я мужчина, у меня есть лицо, чинъ, званіе! что жъ прикажете даромъ отдать все это? изъ за чего жъ вы учились, бились, служили? я продаю свое тѣло и душу, что жъ по вашему и это пятидесяти тысячъ не стоитъ?

Кротиковъ богъ знаетъ почему засмѣялся.

— Не знаю-съ, можетъ за васъ и дадутъ, замѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— То-то не знаете, а я вамъ скажу что дадутъ навѣрно; вотъ тогда и посмотримъ. Меня еще бабушка въ Петербургѣ на купчихѣ женить хотѣла, да молодъ былъ.

Оба пріятели помолчали. Иванъ Семенычъ по прежнему уставилъ глаза въ потолокъ.—Андрей Петровичъ протяжно зѣвнулъ, вытянулся и заложилъ руки подъ голову.

— Видѣли? вдругъ произнесъ онъ приподнимаясь на кровати.

— Что?

— Сашка прошла.

— Чортъ съ ней!

— Она на васъ сердится, труболетомъ называетъ, ходить, говоритъ, не буду.

— Пусть не ходитъ.

Андрей Петровичъ опустился на подушку.—Молчаніе возобновилось.

— Вѣдь во что тоже оцѣнить себя? нужно самую середку выбрать, снова заговорилъ Иванъ Семенычъ;—благоразуміе соблюсти; съ пятидесятью тысячами очень хорошо себя устроить мо-

жно... Во первыхъ всѣ долги заплачу, обезпечу себя, платье, бѣлье, все это въ порядкѣ; въ этой трущобѣ тоже жить не буду, въ Петербургъ, заграницу уѣду, вотъ вамъ и карьера... тутъ не бось и по службѣ повезетъ; у женатаго человѣка совсѣмъ идеи другія; въ квартирѣ какъ слѣдуетъ, спальня, гостиная, кабинетъ, пріемная, все это въ своемъ видѣ, насчетъ вкуса милости просимъ, съ англійской королевой потягаемся... въ гостиной штофъ, зеркала, ковры, кабинетъ сафьяномъ обитъ, на одной стѣнѣ картины, на другой ландкарта, потому мужчинѣ это идетъ, видно что человѣкъ знаетъ что нибудь. У богатаго человѣка совсѣмъ видъ другой; богатый человѣкъ хоть и глупъ, да никто ему въ глаза этого сказать не смѣетъ, потому и физіономія у него такая, точно весь свѣтъ проглотилъ... надѣлъ очки, книгъ въ кабинетъ наставилъ, ну ученостью и запахло!

— У полкового командира ничего мебель... кушетку новую видѣли?

— Дрянь!... вы посмотрите, когда я женюсь, вотъ только раньше времени говорить не хочется.

Иванъ Семенычъ съ минуту помолчалъ и вдругъ на лицѣ его мелькнула радостная улыбка; видно было, что-то отрадное шевельнулось на его сердцѣ, ему надо было перевести въ слова мечту свою; онъ заговорилъ снова.

— Тутъ, Андрей Петровичъ, вы себѣ представить не можете, упоеніе!... вѣдь почему я жениться хочу? встанешь это въ свое время, бѣлье на тебѣ чистое, голландское, халатъ шелковый. Я шелковые халаты смерть люблю; въ шелковомъ халатѣ тепло, мягко; жена это въ утренемъ капотишкѣ, знаете сквозитъ все и благоухаетъ; придешь въ столовую, тамъ ужь серебряный самоваръ кипитъ, лакей во фракѣ вытянулся, рыло у него благообразное, на рукахъ перчатки, все чисто, мило.... жена тебѣ сама чай разливаетъ, тамъ можно заняться чѣмъ, пожалуй хоть почитать, на кухнѣ повара трещатъ, сядешь обѣдать, все это разлюли, каждымъ кускомъ облизываешься, не думаешь, что туда, можетъ, чортъ знаетъ чего насовано;... вечеромъ въ гости, въ театръ, не то кто нибудь изъ знакомыхъ придетъ, хоть вы, Андрей Петровичъ, вамъ тоже пріятнѣе въ порядочный домъ придти, вамъ полировка нужна, вы одичали совсѣмъ, ей-богу одичали!... жена это на фортепьянахъ пріударитъ, поетъ, со-

ловьемъ заливается, а ты только сидишь себѣ такъ, даже глаза отъ удовольствія закатываются!... Тутъ по крайней мѣрѣ есть жить для чего; вы представьте себѣ, сядетъ возлѣ васъ пупырушекъ этакой, погладитъ, обойметъ, подставитъ губки, такъ и проситъ, что дескать поцѣлуй ты меня, вѣдь это не то, что Александра Ивановна какая нибудь, тутъ вся музыка въ поцѣлуѣ, отстать не захотите, прелесть!

«Обойми, поцѣлуй,
Выпей душу до дна!»

продекламировалъ онъ въ порывѣ восторга.

Андрей Петровичъ потянулся на кровати и улыбнулся, какъ котъ, у котораго пощекотали за ухомъ.

— Какъ это вы живо разсказываете, смѣшно даже! замѣтилъ онъ.

— Живо?... въ свѣтѣ жилъ; я если женюсь, вы не узнаете меня, страсть!... сила необъятная!... Деревню дадутъ, продамъ; а не то и въ деревнѣ жить можно, хозяйствомъ заняться.

— Съ деревней возни много.... мужики лѣниться станутъ, замѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Какъ лѣниться, у меня лѣниться?... нѣтъ, батюшка, дудки, старосту такого выберу, что просто наказаніе божіе, трепетать будутъ!

— Въ деревнѣ всякую штуку устроить можно, одной наливки цѣлый погребъ заведу, собакъ, охоту тамъ разную, мосты, бесѣдки, фонтаны.... Вы смородиновку у Рыбникова пили?

— Пилъ-съ.

— Хороша смородиновка?

— Хороша!

— А пили вы когда нибудь наливку изъ листа черной смородины съ стручковымъ перцемъ?

— Нѣтъ, такой не пилъ.

— Вотъ, батюшка, штучка, пальцы проглотите!

— Надо быть крѣпко?

— Такъ что—что крѣпко.. женюсь это я все заведу.... пріѣзжайте, сами увидите.... Я намедни у Петра Дмитрича коньяку со сливками хватилъ, — ничего, мягко; онъ это Марфой посадницей называетъ.... Вотъ домъ тоже хорошо, дома — доходъ вѣрный, квартиру себѣ можно устроить такую, что фу-фу!

— Какіе жильцы навяжутся; другой жилецъ и комнаты запакоститъ и денегъ не заплатитъ.

— А не заплатитъ—вьюшки вынуть, рамы выставить, Лихачева только заставить, онъ черную работу любитъ, его женатому человѣку въ комнатѣ и держать нельзя: беременная женщина испугаться можетъ. Иванъ Семенычъ на минуту задумался. Вы, Андрей Петровичъ, портному много должны? вдругъ спросилъ онъ.

— Ничего не долженъ.

— Нужно теплую одежду сшить; сошьетъ, я думаю.... не знаю что лучше, шинель или пальто?

— Пальто лучше.

— Шинель солиднѣе какъ-то, теплѣе.

— Въ пальто ходить удобнѣе.

— Въ шинели если хорошій бобровый воротникъ, да еще лацкана, эффекту много.... въ моемъ положеніи эффектъ необходимъ; вотъ часовъ нѣтъ, безъ часовъ бѣда тоже. Бубликовъ глубоко вздохнулъ и задумался.—Андрей Петровичъ! произнесъ онъ нѣсколько спустя, какимъ-то особенно ласковымъ тономъ.

— Что-съ?

— Вотъ вы, Андрей Петровичъ, говорите, что портному ничего не должны, стало быть онъ и повѣритъ вамъ, закажите ему пальто, будто бы для себя.... а я вамъ долженъ буду, а?

Кротиковъ на минуту задумался.—А вы какъ же отдадите мнѣ? спросилъ онъ, оглядывая товарища.

— Какъ отдамъ!.. женюсь и отдамъ.

— Вы кромѣ шутокъ жениться задумали?

— Извѣстно, кромѣ шутокъ, честное слово далъ, хотите пари?

— Зачѣмъ же пари? господь съ вами.

— А затѣмъ, чтобъ вѣрнѣе было; хотите шипучки дюжину.... я передъ свадьбой мальчишникъ устрою.... жизнь эту пошлую спровадить нужно, безъ шипучки нельзя!... На свадьбѣ тоже безъ трехъ дюжинъ ни-ни!... Я вамъ за харчи тоже долженъ.... вотъ за одно бы и сквитались.... вполголоса добавилъ Иванъ Семенычъ.

Андрей Петровичъ сидѣлъ углубившись въ трубку.

— Вамъ на свадьбу калинковскихъ пѣвчихъ придется позвать, совершенно неожиданно проговорилъ онъ.

Иванъ Семенычъ вопросительно взглянулъ на него.

— Эка бестія, тоже отдѣлаться хочетъ, подумалъ онъ самъ съ собою и громко продолжалъ: —Зайцевскіе лучше, у зайцевскихъ есть басина одинъ, пьяница бестія, а какъ хватитъ конецъ многолѣтія, страсть!... намедни это докторша была, дурно сдѣлалось, такъ замертво изъ церкви и вынесли; показалось ей будто земля проваливается, такъ хватилъ.

Оба товарища засмѣялись.

— Вотъ насчетъ дѣтей забота: ребята пойдутъ—бѣда!.. мамки, няньки разныя, говорилъ Бубниковъ, привставъ на постели и подгибая подъ себя ноги; — хорошо еще если мальчики, мальчики лучше, буяны бестіи!

— Баловать ненужно.... чуть зашалилъ отхлестать сейчасъ, замѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Извѣстно отхлестать! подтвердилъ Бубниковъ.

Андрей Петровичъ пристально поглядѣлъ на своего товарища, хотѣлъ что-то сказать, и только нѣсколько спустя проговорилъ вполголоса. Возня, Иванъ Семенычъ; нашему брату жениться не слѣдуетъ, жить нечѣмъ!

— Какъ нечѣмъ?... я же вамъ говорю пятьдесятъ тысячъ возьму!

— А невѣста есть?

— Разумѣется, есть.

— Разлюляева?

— А хоть бы и Разлюляева? Разлюляева душка! Я, сами знаете, рожу не возьму... рябыхъ терпѣть не могу, рябая бѣда... рябой, хоть милльонъ давай, ни за что не возьму!

— Отдадутъ?

— Какъ же не отдать, навѣрно отдадутъ... мы и квартирьера запустили.

— Какъ квартирьера?

— Такъ насчетъ приданаго, т.-е. оцѣнку сдѣлали.

— Не надуютъ?

— Кого? меня-то надуютъ, нѣтъ шалишь, человѣкъ тотъ не родился, который бы надулъ меня, вотъ что!

Оба помолчали.

— Вы, Иванъ Семенычъ, и предложеніе сдѣлали? началъ Кротиковъ.

— Нѣтъ не дѣлалъ... обиняком только.

— Какъ обиняком?

— Такъ... говорю, что къ женитьбѣ влеченіе чувствую.

— А она что-жъ?

— Ничего, молчитъ... краснѣетъ да ухмыляется.

Андрей Петровичъ задумался.

— Я думаю предложеніе страшно дѣлать, неловко какъ-то, помолчавъ замѣтилъ онъ.

— Чѣмъ неловко... это вотъ вы волкомъ смотрите, вамъ и неловко... Такъ и такъ, влюбленъ, жить безъ васъ не могу, осчастливьте... можно на колѣни встать, заплакать можно.

Андрей Петровичъ засмѣялся.

— А вдругъ откажутъ? спросилъ онъ.

— А откажутъ, такъ и чортъ съ ней; не одна, такъ другая, была бы только охота, энергія, сила воли нужна... ну вотъ же честное слово женюсь, слышите—честное слово! почти крикнулъ Бубниковъ, вскочилъ съ постели и ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

Андрей Петровичъ пристально посмотрѣлъ на него.

Иванъ Семенычъ рѣшительно расходился, лице его покраснѣло, шинель съ плечъ свалилась, онъ неистово размахивалъ руками и самыми яркими красками описывалъ будущее счастіе.

Андрей Петровичъ слушалъ его очень серьёзно, и медленно тянулъ изъ трубки.

— Вы, Иванъ Семенычъ, какъ же тутъ дѣйствовать намѣрены, неужто такъ - таки просто предложеніе и сдѣлаете? нѣсколько спустя спросилъ онъ.

— Разумѣется сдѣлаю: завтра же и сдѣлаю, влюбленъ! Бубниковъ провелъ рукою по горлу.

Андрей Петровичъ задумался.

— Вотъ вы говорите: откажутъ; откажутъ—нехорошо, зачѣмъ, говорилъ онъ съ растановкой, то опуская, то поднимая глаза; такую невѣсту, какъ вы говорите, не скоро найдешь... а только вамъ нужно зарекомендовать себя... Я, Иванъ Семенычъ, такъ полагаю, вы извините меня, дѣло это важное, серьёзное, первостатейное дѣло; извѣстно, почему счастья не попробовать? счастья человѣкъ всегда искать долженъ, а только вамъ лучше къ начальству обратиться.

Бубниковъ хотѣлъ было захохотать, однако удержался и вытаращилъ глаза.

— Нѣтъ-съ, вы не смѣйтесь, Иванъ Семенычъ; — къ начальству вѣрнѣе будетъ, дѣло черезъ начальство повести, продолжалъ Андрей Петровичъ съ большой самоувѣренностью; начальство обходить не слѣдуетъ, начальство васъ любитъ, за хорошаго офицера считаетъ, въ примѣръ ставитъ.... начальство вамъ очень помочь можетъ, генеральское слово, сами знаете... генералъ если пріѣдетъ, такъ не то, что нашъ братъ, ему повѣрятъ, ему, и почетъ другой, ему, можетъ, отказать не посмѣютъ, изъ уваженія къ его особѣ согласятся... Я примѣръ знаю, у меня эта штучка вотъ гдѣ сидитъ! добавилъ онъ необыкновенно энергически, вскочилъ съ кровати и ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ.

Бубниковъ стоялъ какъ вкопаный, улыбка исчезла съ лица его, ротъ раскрылся, онъ не спускалъ глазъ съ товарища.

— Какъ къ начальству... что вы говорите такое... ему что за дѣло? произнесъ онъ въ нерѣшительности.

— А то и дѣло, чтобъ подчиненному помочь.... да-съ!... начальствомъ брезговать не приходится.... вы вотъ и знакомы у генерала.

Иванъ Семенычъ все стоялъ какъ вкопаный и вдругъ бросился на шею къ Кротикову.

— Андрей Петровичъ, голубчикъ, благодѣтель!... говорилъ онъ, чмокая Кротикова въ его рыжіе усы; экую механику сочинилъ, вѣкъ бы въ голову не пришло... по начальству, извѣстно по начальству, уважутъ, генеральское слово уважутъ, отказать не посмѣютъ? говорилъ онъ въ порывѣ восторга.

Андрей Петровичъ только смѣялся отъ удовольствія. — Да-съ!... вотъ и я на что нибудь пригодился, хоть и дуракомъ называете, и смѣетесь, а все пригодился, произнесъ онъ съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Я, Андрей Петровичъ, не забуду... женюсь, ей богу не забуду! повторилъ Бубниковъ, и снова бросился обнимать товарища.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Иванъ Семенычъ занялся мытьемъ перчатокъ. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, смѣялся, разсуждалъ самъ съ собою; ему казалось, что всѣ его мечты осуществились, что онъ летитъ куда-то, что съ нимъ и вокругъ

его совершается что-то необыкновенное. Онъ взглянулъ на стѣны комнаты и, казалось, удивился, что могъ до сихъ поръ существовать въ нихъ. Вошедшій, безъ сюртука въ одной ситцевой рубашкѣ, Лихачевъ показался ему совершенно отвратительнымъ.

— Къ этой чучелѣ никакая ливрея не подойдетъ, его хоть въ золото наряди! подумалъ онъ самъ съ собою.

Напротивъ, Андрей Петровичъ казался не въ духѣ; цѣлый вечеръ онъ не сходилъ съ кровати и притворился спящимъ. Намѣреніе товарища совершенно озадачило его, сбило съ толку. Онъ привыкъ къ Бубникову; ему показалось, что безъ него онъ и жить не можетъ; въ головѣ его мелькнула мысль, нельзя ли будетъ по прежнему поселиться съ Иваномъ Семенычемъ, платить ему за харчи. «Разбогатѣетъ, отсюда въ Петербургъ уѣдетъ, знать насъ не захочетъ!» подумалъ онъ, вздохнулъ и уткнулъ въ подушку голову.

III

На другой день утромъ Иванъ Семенычъ, даже безъ помощи Лихачева, проснулся раньше обыкновеннаго; ночью ему приснился очень хорошій сонъ; онъ видѣлъ будто бы на цѣлую сажень отдѣлился отъ земли и какъ птица несся по воздуху. Онъ проворно вскочилъ съ кровати, тщательно умылся, на скоро хлебнулъ чаю, сдѣлалъ аккуратный проборъ на головѣ, надѣлъ чистое бѣлье, освѣдомился хорошо ли сапоги вычищены, пощупалъ вымытыя наканунѣ перчатки, приказалъ Лихачеву какъ можно лучше мундиръ вычистить и навязать на него новенькія эполеты, взглянулъ въ крошечное, стоявшее на столѣ, зеркальце, улыбнулся, погладилъ себя рукою по щекѣ и подбородку, и сталъ одѣваться. Въ движеніяхъ его было что-то лихорадочное, руки слегка дрожали, въ лицѣ выражалось волненіе. Онъ застегнулъ мундиръ, встряхнулъ чистый носовой платокъ, сунулъ его въ карманъ, поправилъ эполеты на плечахъ, снова взглянулъ въ зеркало и остановился. Казалось,

какое-то сомнѣніе вдругъ шевельнулось въ немъ. Стоявшій въ сторонѣ Лихачевъ, выпуча глаза, смотрѣлъ на барина и держалъ на ладоняхъ приготовленную каску.

Иванъ Семенычъ сильно нѣсколько разъ затянулся и вдругъ обернулся къ Кротикову.

Послѣдній, казалось, и теперь хотѣлъ притвориться спящимъ, по крайней мѣрѣ онъ уже давно лежалъ на спинѣ съ прищуренными глазами, а между тѣмъ зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ товарища.

— Андрей Петровичъ! громко произнесъ Бубниковъ и швырнулъ папиросу.

— Андрей Петровичъ открылъ глаза.

— А!? прокряхтѣлъ онъ.

— Я готовъ!

— Куда-съ?

— Къ генералу.

— Что жъ, съ богомъ, дай богъ въ добрый часъ! замѣтилъ Кротиковъ и слегка вздохнулъ.

— А вѣдь неловко какъ-то.

— Какъ знаете!.. безъ начальства ничего не подѣлаете. Сами говорите, что тутъ какая-то и сила, и воля нужна, прощайте, съ богомъ!

Андрей Петровичъ снова повернулся къ стѣнѣ. Будниковъ ничего не отвѣтилъ, махнулъ рукой, схватилъ каску и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Кротиковъ въ ту же минуту вскочилъ съ постели. Одѣваться давай!.. ну... живо, ворочайся, одѣваться! говорилъ онъ, толкая Лихачева и торопливо набивая трубку. — Новое, все новое, сюртукъ новый, эполеты новые, ничего не жалѣй, все къ чорту, ну! Онъ совершенно расходился, никогда въ жизни не бывалъ онъ въ такомъ волненіи, сѣрые глаза его сверкали и бѣгали, щеки вдругъ разгорѣлись, онъ такъ жадно тянулъ изъ трубки, какъ будто на вѣки вѣчные прощался съ нею, какъ будто разомъ хотѣлъ высосать всю ея внутренность. Лихачевъ, развѣсивъ на рукахъ барскіе брюки, выпуча глаза смотрѣлъ на него.

Андрей Петровичъ выпустилъ густое облако табачнаго дыма, сунулъ трубку въ уголъ и сталъ одѣваться. Казалось

онъ самъ себя не помнилъ, надѣлъ сапогъ не на ту ногу и назвалъ и сапогъ, и самого себя, чортомъ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ онъ еле дотрогивался новенькаго своего сюртука, а теперь обращался съ нимъ безъ всякой церемоніи, даже не стряхнулъ, не осмотрѣлъ его предварительно, два раза провелъ щеткой по рыжимъ усамъ своимъ, натянулъ довольно чистыя перчатки, но тотчасъ же снялъ ихъ и сунулъ въ карманъ, схватилъ фуражку, накинулъ шинель и вышелъ на улицу.

Лихачевъ молча проводилъ его глазами, потомъ высморкался, поднялъ съ полу окурокъ папиросы, два раза до слезъ затянулся имъ, плюнулъ, провелъ рукою по мокрымъ губамъ своимъ, и медленно почесывая затылокъ, удалился на свою половину, крошечную полутемную каморку съ прокислымъ воздухомъ.

Андрей Петровичъ между тѣмъ пробирался черезъ лужи, по какому-то закоулку. Онъ шелъ, опустивъ голову; въ походкѣ его было что-то нерѣшительное; лице казалось задумчивымъ, почти мрачнымъ. Женись, что жъ, женись, господь съ тобой! шепталъ онъ самъ съ собою; за что это пятьдесятъ тысячъ, страсть... махина цѣлая... фу! по французски говоритъ, ну и говори... начальство доброе, начальство въ хорошемъ офицерѣ всегда участіе приметъ... Жениться хорошо, съ женой спокойнѣе, тамъ роту дадутъ, хозяйствомъ завестись можно, свои выгоды соблюсти, ротному командиру безъ жены неловко... сказать прямо да и шабашъ. Я тоже человѣкъ, съ какой стати я себя унижать буду... такой же офицеръ, шаркать да фигурить не умѣю... дѣвица, на фортепьянахъ играетъ... отецъ не оставитъ, экипируетъ тоже. Онъ остановился у низенькаго деревяннаго дома.

— Господи боже мой! прошепталъ онъ, пожалъ плечами, надѣлъ чистыя перчатки, одернулъ сюртукъ, усы расправилъ, подошелъ къ калиткѣ и потихоньку, какъ воръ, растворилъ ее.

Въ это самое время Иванъ Семенычъ охорашивался въ генеральской передней.

Вытянувшійся въ струнку вѣстовой, выпуча глаза, смотрѣлъ на него.

Иванъ Семенычъ высморкался и вступилъ въ залу. Лице

его было красное; рука, державшая каску, дрожала; что-то, похожее на робость, вдругъ овладѣло имъ. Деревня, триста душъ! шепнулъ ему чей-то голосъ, и Будниковъ выпрямился, даже каблуками щелкнулъ. Вѣстовой, съ прижатыми по швамъ руками, на поскахъ прошелъ мимо него.

Будниковъ еще больше выпрямился и отставилъ впередъ правую ногу; что-то величественное проглядывало во всей его фигурѣ; сознаніе собственнаго достоинства отражалось во всемъ, начиная съ блестящихъ сапоговъ, до завитого хохолка волосъ на головѣ.

Черезъ минуту вѣстовой по прежнему прошелъ мимо. Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги.

Иванъ Семенычъ приставилъ ногу и поднялъ голову.

Въ залу вошелъ генералъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ голой шеей, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, небольшого роста, съ сѣдыми усами, подстриженными въ уровень съ верхнею губою, маленькими сѣрыми глазками и большимъ птичьимъ носомъ.

Иванъ Семенычъ съ удивительною ловкостью поклонился ему, громко щелкнулъ каблуками и быстро поднялъ голову.

— А!.. Здравствуйте, что скажете! произнесъ генералъ, засовывая руки въ карманы. Онъ говорилъ очень отрывисто, какъ будто командовалъ.

Иванъ Семенычъ вторично съ тою же ловкостью поклонился.

— Къ вашему превосходительству, осмѣлился утруждать высокое вниманіе вашего превосходительства, уваженіе и почетъ, которые по справедливости изволили заслужить, ваше превосходительство... благоговѣніе общества, ваше превосходительство... Будниковъ на послѣднемъ словѣ заикнулся и кашлянулъ.

Генералъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— А?! что прикажете, мой милый, чѣмъ служить могу? произнесъ онъ довольно ласково и на губахъ его мелькнула едва замѣтная улыбка.

Иванъ Семенычъ ободрился и поклонился еще разъ.

— Благодѣянія вашего превосходительства! высокое участіе, проливаемое на подчиненныхъ, даютъ смѣлость!.. одно слово вашего превосходительства можетъ воскресить человѣ-

ка, такъ сказать, возвысить его, сдѣлать полезнымъ отечеству! Будниковъ понизилъ голосъ и опустилъ голову.

Генералъ снова пристально посмотрѣлъ на него.

— Благодарю, благодарю васъ... Что прикажете, мой милый, чѣмъ служить могу? отрывисто повторилъ онъ.

— Всякій человѣкъ, ваше превосходительство, надеждой живетъ, надежда питаетъ человѣка, помышлять и надѣяться осмѣлился... Состоя на службѣ подъ милостивымъ начальствомъ вашего превосходительства, можно сказать, ни трудовъ, ни силъ не жалѣя... отеческое вниманіе вашего превосходительства....

Бубниковъ на минуту остановился и вдругъ поднялъ голову.

— Я, ваше превосходительство, одного счастія себѣ желаю, я, съ разрѣшенія вашего превосходительства жениться задумалъ! совершенно смѣло добавилъ онъ.

Генералъ весело улыбнулся.

— А!?. очень радъ, очень радъ, я люблю женатыхъ, къ женатому всегда больше довѣрія можно имѣть... поздравляю васъ, отъ души поздравляю, женитьба, такъ сказать, священная обязанность человѣка! Онъ протянулъ руку.

Послѣдній съ особеннымъ чувствомъ пожалъ ее.

— Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство, священная! повторилъ онъ и низко поклонился.

Генералъ зашагалъ по комнатѣ.

— Хороша собой? спросилъ онъ.

— Мила, ваше превосходительство, отвѣтилъ Иванъ Семеньічъ, бокомъ слѣдуя за начальникомъ.

— Мила?

— Точно такъ, ваше превосходительство, очень мила.

— Молода?

— Дѣвица, ваше превосходительство, въ совершенныхъ годахъ, ваше превосходительство.

— Блондинка или брюнетка?

— И блондинка и брюнетка, среднее, ваше превосходительство.

— Какого званія?

— Дворянскаго, благороднаго званія, ваше превосходительство.

— Съ образованіемъ?

— Съ образованіемъ, ваше превосходительство, по французски говоритъ, на фортепьянахъ тоже играетъ.

— Умная, кроткая дѣвушка?

— И умная, и кроткая, совершенно кроткая, ваше превосходительство.

— Имѣетъ состояніе?

— Въ здѣшнемъ уѣздѣ триста душъ, ваше превосходительство.

Генералъ вдругъ остановился и поднялъ голову.

— Триста?!

— Точно такъ, ваше превосходительство, у матери триста душъ, ваше превосходительство, единственная ненаглядная дочь, ваше превосходительство.

Генералъ засмѣялся.

— Прекрасно, безподобно!.. Поздравляю, отъ души поздравляю. Я очень, очень радъ! Онъ вторично протянулъ руку.

— Какъ фамилія?

— Разлюляева, ваше превосходительство.

Генералъ на минуту задумался. — Не знаю! отрывисто произнесъ онъ, и снова зашагалъ по комнатѣ.

Иванъ Семенычъ бокомъ послѣдовалъ за нимъ.

— Воля вашего превосходительства; отъ милостивой воли вашего превосходительства, можно сказать, все счастіе жизни зависитъ, благополучіе можно сказать, говорилъ онъ нѣсколько плачевнымъ тономъ;—не заслужилъ, ваше превосходительство... если бы ваше превосходительство замолвить слово изволили, насчетъ поведенія то-есть, и въ служебномъ отношеніи, съ начальственной стороны, ваше превосходительство, слово вашего превосходительства законъ: кто же осмѣлится идти противъ него...

Генералъ вдругъ остановился и взглянулъ на Бубникова. Онъ стоялъ потупивъ голову и опустивъ глаза въ землю, во всей фигурѣ его было что-то необыкновенно почтительное, губы вытянулись и слегка дрожали, щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, продолжалъ онъ болѣе и болѣе плачевнымъ тономъ:—конечно я не стою чести покровительства вашего превосходительства, а собственно, же-

лая быть полезнымъ отечеству, такъ какъ я ничтожный офицеръ и сознаю свое ничтожество, осмѣлился утруждать особу вашего превосходительства... одно слово вашего превосходительства!...

Бубниковъ поднялъ голову; на глазахъ его показались слезы. Генералъ въ свою очередь казался растроганнымъ.

— Чего-жъ вы хотите, мой милый, произнесъ онъ очень ласково, пожимая руку гостя:—я съ своей стороны готовъ помочь вамъ. Я очень люблю васъ... обязанность начальника, обязанность человѣка... странно бы было упускать хорошую партію, тутъ есть разсчетъ, выгода... женившись вы можете открыть себѣ дорогу, карьеру сдѣлать!

— Точно такъ, ваше превосходительство, карьеру... карьеру... ваше превосходительство! повторилъ Бубниковъ и низко поклонился; онъ хотѣлъ что-то сказать, но генералъ прервалъ его.

— Да! продолжалъ онъ, я могу рекомендовать васъ; тутъ долгъ, обязанность... если нужно, я могу съѣздить къ вашей невѣстѣ; я полагаю даже что это не лишнее будетъ поговорить съ ней, съ матерью, такъ сказать заявить, упрочить, дать толчокъ!.. Я могу съѣздить сегодня же, сейчасъ если нужно.

Иванъ Семенычъ совершенно растерялся.

— Не смѣю думать, ваше превосходительство! благодѣянія вашего превосходительства утруждать осмѣлился!.. бормоталъ онъ и вдругъ громко прибавилъ:—Къ нимъ, ваше превосходительство, и мундира надѣвать не нужно, онѣ во всякомъ видѣ почтутъ за счастіе видѣть особу вашего превосходительства.

— Она съ матерью живетъ? мать старуха?

— Старуха, ваше превосходительство, къ военному званію большое пристрастіе имѣетъ, у ней и мужъ въ военной службѣ служилъ, въ гусарахъ... гусаровъ очень любитъ, ваше превосходительство. Я тоже могу въ гусары перейдти, ей только объяснить, что вотъ насчетъ перевода препятствій не имѣется... дама она очень ограниченная, ваше превосходительство.

— Ха, ха, ха, ограниченная, глупая?

— Совершенно глупая, все на картахъ гадаетъ, ваше пре-

восходительство, на трефоваго короля гадаетъ; что только, ваше превосходительство, сказать изволите—все исполнитъ, всякое желаніе вашего превосходительства.

— Ха, ха, ха, прекрасно, прекрасно, такъ сегодня же и ѣхать... Я съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ, мой милѣйшій, поздравляю, поздравляю васъ!

— Онъ поцѣловалъ Бубнпкова въ губы.

Послѣдній покраснѣлъ еще болѣе, глаза его были влажны, сердце такъ и стучало, онъ не зналъ что говорить, какъ благодарить генерала и только низко кланялся.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, вы ей скажите, что я до генерала дослужусь, бормоталъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

Въ восторгѣ онъ прибѣжалъ къ себѣ на квартиру, ему хотѣлось какъ можно скорѣй сообщить обо всемъ Кротикову, подѣлиться съ нимъ и пріемомъ генерала, и своей надеждой на будущее счастіе.

— Гдѣ Андрей Петровичъ, онъ куда дѣлся? спросилъ онъ въ совершенномъ недоумѣніи Лихачева.

— Ушли... все новое надѣли... такъ за вамъ и ушли.

— Новое?

— Точно такъ, новое, сапоги новые!

Иванъ Семенычъ пожалъ плечами.

Часа два онъ просидѣлъ дома, въ самомъ тревожномъ состояніи и все поджидалъ товарища, выкурилъ сряду нѣсколько папиросъ, заглядывалъ въ окна, вытащилъ изъ валявшейся на столѣ колоды нѣсколько картъ, то красныхъ, то черныхъ, какъ будто загадывалъ на что-то, переспросилъ нѣсколько разъ Лихачева, какъ одѣлся Кротиковъ, какіе эполеты навязалъ, въ какую сторону ушелъ, но не добился никакого толку, и наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, ушелъ изъ дому.

— Андрей Петровичъ возвратился домой только вечеромъ, и въ свою очередь тотчасъ же освѣдомился у Лихачева объ Иванѣ Семенычѣ.

— Ушли... васъ ожидали, часа два сидѣли, а тамъ и ушли, отвѣтилъ деньщикъ.

У Разлюляевыхъ! подумалъ Кротиковъ, снялъ сюртукъ, набилъ трубку, закурилъ ее, и присѣлъ на кровати. Въ лицѣ его

было что-то торжественное, казалось онъ совершилъ какой-то подвигъ и самъ внутренно удивлялся ему, не вѣрилъ въ его дѣйствительность. Онъ какъ-то странно улыбнулся самъ съ собою, щелкнулъ языкомъ, покачалъ головой, заложилъ руки за шею и сильно вытянулся.

— Все у нихъ сидитъ! снова подумалъ онъ, всталъ, хотѣлъ набить вторую трубку, какъ вдругъ Иванъ Семеныч ворвался въ комнату.

Фуражка его торчала на затылкѣ, шинель съ плечъ спустилась, все лицо горѣло, онъ весь запыхался.

Андрей Петровичъ тоже покраснѣлъ слегка и разиня ротъ остановился посреди комнаты.

— Кричите ура!.. ура!.. ура! крикнулъ наконецъ Иванъ Семенычъ, такимъ задыхающимся голосомъ, какъ будто кто нибудь душилъ его.—Ой, задохнусь... Лихачевъ воды!.. воды!.. отдали... кончили!.. Ура! неистово закричалъ онъ, и залпомъ проглотилъ цѣлый стаканъ воды, едва державшійся въ его дрожащихъ рукахъ.

— Кончили?.. женитесь? выговорилъ Андрей Петровичъ и засмѣялся.

Иванъ Семенычъ бросился къ нему на шею.

— Мамочка... душечка... благодѣтель... геніальное дѣло состряпали! говорилъ онъ, чмокая товарища въ щеки и губы и крѣпко сжимая его шею своими руками. — Кончено, все кончено... благословили... образомъ благословили... Спасителемъ... поцѣловались, въ губки поцѣловались, деревню отдаютъ, триста душъ отдаютъ, дайте задушу... задушу на радостяхъ, одѣвайтесь, ура!.. кутить хочу... ничего не жаль... шампанскаго!

Онъ схватилъ сюртукъ Кротикова и бросилъ его ему на плечи.

— Одѣвайтесь... живо одѣвайтесь, повторялъ онъ, засовывая руку товарища въ рукавъ сюртука, — ты чего стоишь, морда ископаемая... ура, ура, кричи... ура! гаркнулъ онъ подъ самымъ ухомъ деньщика и разставилъ врозь руки.

— Ура! глухо повторилъ Лихачевъ.

— Застегивай его, живо, ну!.. шапку... шинель давай!

Андрей Петровичъ хотѣлъ что-то сказать, но Бубниковъ снова бросился его лобызать.

Они вышли на улицу... Иванъ Семенычъ бѣжалъ какъ угорѣлый впередъ, Кротиковъ едва поспѣвалъ за нимъ.

— Идите, Андрей Петровичъ, ради Бога идите; я теперь вселенную переверну... силу, страсть въ себѣ чувствую!.. говорилъ онъ, безпрестанно оглядываясь.

Они вошли въ гостиницу «Мадритъ», единственную во всемъ городѣ.—Машину завести... развеселое, радостное... Камаринскую качай! крикнулъ Бубниковъ, хлопнулъ полового по спинѣ, перевернулъ его на лѣво кругомъ, самъ выкинулъ ногами какое-то антраша, схватилъ за талью Андрея Петровича и приподнялъ его съ полу.

— Душка, милка моя! проговорилъ онъ чмокая въ воздухъ.

Кротиковъ только улыбался, и какъ-то снисходительно, какъ взрослый на ребенка, посматривалъ на расходившагося товарища.

— Да-съ, Андрей Петровичъ, говорилъ за ужиномъ Бубниковъ, вторично наполняя стаканъ шампанскимъ; выпейте только, вы меня не жалѣйте, качайте!.. чего душа захочетъ—требуйте... Я теперь въ такомъ ударѣ нахожусь, что понимаете, весь бы городъ шампанскимъ залилъ!.. гуляй, такъ гуляй... свадьба, такъ свадьба... цѣлому полку обѣдъ закачу... по улицамъ иллюминацію пущу, въ колокола будутъ звонить, въ газетахъ опишутъ... я, Андрей Петровичъ, прославлю себя, вы посмотрите только, впереди что будетъ, страсть, молнія, громъ небесный! Онъ стукнулъ кулакомъ по столу, чокнулся съ Кротиковымъ, залпомъ выпилъ шампанское и швырнулъ стаканъ на полъ.—Бей!.. ничего не жалѣй!.. все разнесу... за все заплачу! кричалъ онъ половому, подбиравшему разлетѣвшееся по сторонамъ стекло.

— Большому кораблю большое и плаваніе! замѣтилъ Андрей Петровичъ, улыбнулся и тотчасъ прибавилъ:—а я, Иванъ Семенычъ, такъ думаю, что такому человѣку, какъ мнѣ, и гоняться за большимъ не слѣдуетъ, потому нельзя-съ!

Бубниковъ махнулъ рукой и снова наполнилъ стаканъ.

— Да-съ! продолжалъ Андрей Петровичъ, гораздо развязнѣе обыкновеннаго:—я собственно ваше желаніе услышавши, скука меня взяла... что думаю, все жили вдвоемъ, теперь одному придется, привычка такая-съ!... опять же насчетъ имѣнія... вотъ

вы взяли да и разбогатѣли, обезпечили себя, вамъ это ничего не стоитъ, вы ужь человѣкъ такой; а моя какая жизнь, ну и лѣта тоже, хочется то-есть расположиться къ кому нибудь, друга завести, чувство такое имѣешь... отъ порядочной женщины, всегда и порядочное слово услышишь, пріятно время провести можно, книжку почитать!.. Я тоже Иванъ Семенычъ, жениться задумалъ! добавилъ онъ какъ-то глухо, какъ будто испугался чего-то; даже щеки его вдругъ покраснѣли и руки задрожали.

Бубниковъ вытаращилъ глаза на него.

— Какъ жениться!.. что вы врете такое! крикнулъ онъ и разинулъ ротъ отъ изумленія.

— Не вру-съ... Ей богу жениться, по вашему примѣру собственно, продолжалъ Андрей Петровичъ какимъ-то оправдательнымъ тономъ; сами посудите, конечно съ вами я не могу равняться... а человѣкъ тоже, меня вѣдь скоро ротнымъ командиромъ сдѣлаютъ, ротному командиру съ женой пріятнѣе... Я и предложеніе сдѣлалъ, сегодня сдѣлалъ-съ... по французски тоже говоритъ.

— Иванъ Семенычъ залпомъ осушилъ стаканъ и бросился цѣловать Кротикова.

— Мошенникъ ты этакой!... душка! разбойникъ!... какова бестія, по слѣдамъ пошелъ... удралъ штуку.... папочка.... мамочка!... ура!... шампанскаго!... качай! заревѣлъ онъ — говори на комъ, говори!

Андрей Петровичъ потупилъ глаза въ землю.

— Я, Иванъ Семенычъ; дѣвица она скромная, изволите знать, въ здѣшнемъ судѣ служитъ, Мухосердовъ, рыжій такой, такъ вотъ свояченица его, Татьяной Степановной зовутъ.

— А деньги есть?

Кротиковъ слегка вздохнулъ.

— Не въ деньгахъ счастье, говорится пословица. Конечно ваше дѣло другое. За вами гоняться нельзя-съ.... а я полагаю, что для меня достаточно будетъ... потому я больше по расположенію.... тысяча рублей денегъ, приданое сдѣлаютъ.

— Дрянь! очень серьёзно замѣтилъ Бубниковъ, и тотчасъ прибавилъ:—а впрочемъ все отъ человѣка зависитъ, кто какъ привыкъ, кто съ какой точки на жизнь смотритъ, одинъ ограничится квасомъ... а я этого не могу, мнѣ дорогое вино подавай! Онъ

стукнулъ стаканомъ по столу и подвинулъ его къ половому, явившемуся съ бутылкой шампанскаго.

— Все сдѣлаютъ какъ слѣдуетъ, экипируютъ, платье, бѣлье, шубу энотовую даютъ, мѣхъ старенькій, а хорошій, покрышку новую дѣлаютъ, дюжину столовыхъ ложекъ серебряныхъ, чайныхъ дюжину, посуду кухонную... что жъ, Иванъ Семенычъ, мнѣ потому и понравилось, что дѣвица съ образованіемъ, пріятно время провести можно, книжку почитать.

— Ничего, женитесь!... Качай!... свадьбу въ одинъ день сдѣлаемъ, отчего не жениться, выпьемъ на радостяхъ... ты, Андрюша, заплати здѣсь.... тамъ все разомъ отдамъ! добавилъ онъ довольно гордо, взъерошилъ руками волосы и развалился на диванѣ.

— Заплачу-съ! отвѣчалъ со вздохомъ Андрей Петровичъ и полѣзъ въ карманъ.—Неужто не отдастъ... отдастъ! подумалъ онъ и дрожащею рукою отдалъ послѣднія ассигнаціи.

Они чокнулись, выпили, обнялись и поцѣловались. Бубниковъ даже полового угостилъ, велѣлъ ему стать на столъ и ура кричать.

Ровно черезъ мѣсяцъ оба пріятеля были обвѣнчаны.

IV.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Андрей Петровичъ остался въ томъ же полку и получилъ роту. Онъ нисколько не измѣнился, только немножко сгорбился, да волосы на головѣ его порѣдѣли; даже казакинъ на немъ остался тотъ же. Семейная жизнь его съ перваго же дня вошла въ ту обычную колею, по которой она совершаетъ свое безмятежное, мѣщански-однообразное теченіе на землѣ русской. Ничто не шевелило этой жизнью, ничто не возмущало халатнаго спокойствія и послѣобѣденныхъ удобствъ Андрея Петровича. Кругомъ его иногда такъ было тихо, что если бы не бой часовъ съ кукушкой, или чириканье чижа въ подоконной клѣткѣ, то можно было бы подумать, что въ этомъ домикѣ живетъ не ротный командиръ, а спасающійся отшельникъ.

Жена Андрея Петровича, Татьяна Степановна, была изъ разряда тѣхъ кроткихъ и богобоязненныхъ нашихъ женъ, которыя считаютъ высшимъ своимъ призваніемъ на землѣ—хорошее соленье огурцовъ и неусыпный присмотръ за обѣдами, приготовляемыми по вкусу мужа. Всѣ страсти, всѣ надежды и стремленія этой женщины сосредоточивались на томъ, чтобы не выйдти изъ должнаго повиновенія супругу и не позволить какому нибудь дерзкому мышенку забраться въ ея обильную кладовую. У Татьяны Степановны не было ни сильныхъ привязанностей, ни антипатій; минутные крошечные порывы ея водянистой натуры тотчасъ же сдерживались тѣмъ умѣреннымъ тактомъ, который не покидалъ ее даже во снѣ. Она любила своего мужа, но въ ея любви не было ничего похожаго на увлеченіе или на раздражительность пылкаго характера. Эта супружеская любовь была такъ же мѣрна и правильна, какъ свареніе желудка послѣ легкаго обѣда. Благодаря этому счастливому сочетанію двухъ спокойнѣйшихъ темпераментовъ, приплодъ дѣтей у Андрея Петровича шелъ отлично. Каждый годъ у него являлся новый членъ семейства и, вмѣстѣ съ крикомъ и пачкотней дѣтскаго свойства, вносилъ въ домъ новыя хлопоты и нѣкоторое разнообразіе въ жизнь благополучнѣйшихъ супруговъ. Нѣтъ надобности прибавлять,—читатель самъ догадается,—что Андрей Петровичъ и Татьяна Степановна чѣмъ дольше жили, тѣмъ больше благоденствовали, какъ только можетъ благоденствовать мирный семьянинъ нашей болотно-незыблемой провинціи.

Совершенно другой дорогой пошелъ Иванъ Семенычъ.

Онъ давно въ отставкѣ; онъ оставилъ службу вскорѣ послѣ свадьбы и поселился съ женой въ деревнѣ. Генералъ, сосватавшій его, уговаривалъ Ивана Семеныча служить, увѣрялъ, что долгъ и честь того требуютъ, что передъ нимъ теперь открылось какое-то обширное поприще, но Бубниковъ знать ничего не хотѣлъ, даже отвѣтилъ генералу какъ-то черезчуръ гордо, заносчиво, и простившись съ бывшими товарищами, т. е., кутнувъ съ ними во всю ивановскую, во всю мочь и удаль своей натуры, уѣхалъ—на покой.

Другого такого кутежа ни жители города, ни офицеры не помнили.—На этомъ кутежѣ какой-то маіоръ и сюртукъ свой поте-

рялъ. Онъ даже происходилъ гдѣ-то за городомъ, подъ открытымъ небомъ, на травѣ, съ пѣснями и плясками.

Въ деревнѣ Иванъ Семенычъ, казалось, остепенился; въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ держалъ себя съ удивительнымъ достоинствомъ, казался истиннымъ бариномъ, толковалъ о хозяйствѣ, о посѣвахъ, намѣревался всѣмъ заняться, передѣлать то и другое, дрессировалъ дворню, жену называлъ *мамочкой*, мечталъ о перестройкѣ дома, даже думалъ какую-то башню на немъ поставить и флагъ выкинуть. Но всѣ эти мечты такъ мечтами и остались; онѣ какъ будто съ похмѣлья пролетѣли въ головѣ Бубникова и осуществились развѣ на одной дворнѣ.

Мало по малу онъ угомонился и сталъ цѣлые дни проводить на крылечкѣ своего дома, въ халатѣ, съ трубкой въ рукахъ, и забавляться то тѣмъ, то другимъ членомъ своей прислуги. Находчивость его въ этомъ случаѣ была изумительная.

Шелъ мальчикъ черезъ дворъ.—Иванъ Семенычъ непремѣнно подзывалъ его.

— Ванька!.. сюда! кричалъ онъ громовымъ голосомъ.

Ванька подходилъ и, выпуча глаза, смотрѣлъ на барина.

— Прыгать умѣешь?

— Умѣю-съ!

— Валяй чрезъ лужу!

— Не прыгнешь... велика больно!

— Валяй!.. вскрикивалъ Бубниковъ и поднималъ на него чубукъ свой.

Ванька пускался что есть духу и шлепался на срединѣ лужи.

Иванъ Семенычъ хохоталъ какъ сумасшедшій.

— Подойди сюда! кричалъ онъ тому же Ванькѣ.

Мальчикъ подходилъ снова.

— Стой смирно!

Ванька стоялъ вытянувшись и дрожалъ отъ страха.

Иванъ Семенычъ долго цѣлился ему въ носъ и наконецъ давалъ сильный щелчокъ...

Шла дюжая дѣвка... Онъ подзывалъ дѣвку.

— Чего пришла... звали развѣ? спрашивалъ онъ совершенно серьёзно.

Дѣвка хихикала и закрывала лицо рукой.

— Пошла вонъ!

Дѣвка уходила.

Иванъ Семенычъ снова подзывалъ ее.

— Опять пришла!.. ахъ ты мерзкая, кто звалъ тебя, кто?

— Вы-съ!

— Я?!.. ахъ ты хамка этакая, ты еще говорить смѣешь, на барина врать смѣешь, ты думаешь баринъ такъ вотъ и прельстится тобой... ахъ ты подлая, повернись, дѣлать нечего, повернись!

Дѣвка мялась на одномъ мѣстѣ.

— Повернись! грозно вскрикивалъ Иванъ Семенычъ.

Дѣвка повертывалась.

Онъ такъ ловко толкалъ ее ногой сзади, что она непремѣнно садилась на землю.

Брела какая нибудь старуха съ котомкой за плечами—Иванъ Семенычъ не обходилъ и ее.

— Вы-съ!.. какъ васъ... Степанида чертовка-съ!.. пожалуйте-съ! кричалъ онъ.

Старуха подходила.

— Здравствуй бабушка, какъ богъ милуетъ... какъ ноги держутъ!

— Спасибо, кормилецъ... держутъ по милости... держутъ!

— Что это у тебя въ котомкѣ, бабушка?

— Грибочки, родименькій... грибковъ набрала-съ!

— Хорошее дѣло грибки, люблю грибочки, покажи-ка бабушка.

Бабушка повертывалась и подставляла котомку.

Иванъ Семенычъ сперва смотрѣлъ въ нее и вдругъ, разомъ, такъ сильно напиралъ, что старуха непремѣнно шлепалась на земь, а онъ хохоталъ, извинялся передъ ней и увѣрялъ, что въ котомку нечистая сила засѣла.

Каждая изъ этихъ исторій повторялась понѣскольку разъ сряду; были у Ивана Семеныча и другія штуки, по лучше этихъ, да всего не перескажешь.

Разъ даже онъ вздумалъ въ томъ же вкусѣ и надъ женою подшутить.

— Софья Петровна!... Софья Петровна! крикнулъ онъ благимъ матомъ, какъ будто кто нибудь рѣзалъ его.

Софья Петровна испугалась, опрометью выбѣжала изъ ком-

натъ, и вдругъ грохнулась на крыльцо. Она и не замѣтила, что въ дверяхъ на порогѣ доска лежала.

Иванъ Семенычъ хохоталъ, держалъ себя за животъ, а у Софьи Петровны кровь носомъ пошла.

Впрочемъ и эти затѣи скоро пріѣлись Бубникову. Онъ сталъ ихъ всячески разнообразить, потомъ совершенно бросилъ. Чаще прежняго отлучался изъ дому, съ каждымъ днемъ выпивалъ больше и больше водки, выглядѣлъ угрюмѣе, свирѣпѣе. — Онъ или лежалъ цѣлый день неподвижно, никто не смѣлъ подступиться къ нему, или кричалъ, бранился, или какъ-то нагло шутилъ надъ женой, и разсказывалъ пошлые анекдоты, или пропадалъ богъ знаетъ куда.

Софья Петровна все въ тихомолку сносила. Она выглядѣла какимъ-то затертымъ, болѣзненнымъ существомъ, съ блѣднымъ, чахлымъ лицомъ и мутными, впалыми глазами; она какъ будто приготовилась къ своей участи, какъ будто знала, что ей во всякомъ случаѣ погибнуть придется. Мать ея бывала въ деревнѣ только наѣздомъ; она очень была рада, что выдала дочь за-мужъ, у ней были какіе-то свои интересы, свои разсчеты... Разъ какъ-то Иванъ Семенычъ пропалъ на цѣлую недѣлю; его искали по сосѣдямъ, справились даже по всѣмъ окрестнымъ постоялымъ дворамъ, кабакамъ, и нигдѣ не нашли.

Софья Петровна и рукой махнула, помолилась жарче обыкновеннаго и спать легла.

Кто знаетъ, можетъ быть она и рада была, что отдохнула немного, избавилась на время отъ крику, отъ брани, отъ ласкъ непрошенныхъ—и подневольныхъ.

Но вотъ на разсвѣтѣ, дикая, разгульная пѣсня, съ звономъ колокольчика, съ визгомъ и свистомъ, разбудила ее. Нѣсколько голосовъ, казалось, хотѣли перекричать другъ друга.

Софья Петровна вскочила съ постели, бросилась къ окну, да такъ и обомлѣла.

На дворѣ, въ темнотѣ, запряженной тройкою ухорскихъ лошадей, съ росписной дугой, бубенчиками и лентами, сидѣли обнявшись трое мужчинъ и неистово орали. Четвертый, Иванъ Семенычъ, въ ямщицкой шапкѣ на затылкѣ, въ оборванномъ платьѣ, помѣщался на облучкѣ. Возлѣ него ямщикъ съ непокрытой головой въ красной рубахѣ.

Всѣ покачивались, всѣ были пьяны.

Софья Петровна отскочила отъ окна, заперла дверь на замокъ и стала поспѣшно одѣваться; руки ея сильно дрожали.

— Жена!... барыня!... мадамъ!... выходи жена!... гостей встрѣчай! кричалъ за стѣной Иванъ Семенычъ.

Софья Петровна стояла блѣдная, какъ смерть, и не могла двинуться съ мѣста.

Крики за стѣной крѣпчали.

— Жена!... Сонька!... вдругъ заоралъ Бубниковъ у самой двери и сильно ударилъ въ нее.

Софья Петровна вздрогнула и ничего не отвѣчала.

— Отвори!... черти вы этакіе!... дверь разнесу!... гаркнулъ Иванъ Семенычъ и, что есть мочи треснулъ ногою.

Дверь распахнулась.

— Мамочка!... мамка!... съ сосѣдями прикатилъ, загулялъ!.. гостей встрѣчай!... угощеніе!... водки... ничего не жалѣй!... качай!... цѣлуй, мамка, цѣлуй!...

Онъ схватилъ ее руками за шею и сталъ цѣловать въ губы.

Она стояла неподвижно, и только слегка отстранилась отъ него.

— Я къ этимъ гостямъ не пойду, что хочешь, то и дѣлай со мной, а я не пойду! довольно твердо проговорила она.

Иванъ Семенычъ позеленѣлъ.

— Не пойдешь! кричалъ онъ покачиваясь и выставляя впередъ кулаки свои; не пойдешь!... цѣловать заставлю... всѣхъ цѣлуй!... хочу... мужъ!... тиранъ!... плясать пойдешь!... пѣсни пѣть... дѣвокъ зови... деревню кличь!... качай!... все разнесу!.. праху не оставлю!

— Постыдился бы ты, бога бы ты побоялся! горько замѣтила Софья Петровна.

— Чего!... учить меня!... пошла гостей величать!... пошла!.. не трави меня, молчи! Онъ занесъ надъ ней свой дюжій кулакъ.

— Не пойду! повторила Софья Петровна.

Иванъ Семенычъ взмахнулъ кулакомъ, Софья Петровна успѣла отскочить отъ него,—онъ дико захохоталъ, схватилъ ее за руку и поволокъ за собой.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, въ глазахъ ея помутилось,

кровь похолодѣла, она схватилась за косякъ двери и грохнулась на полъ.

Иванъ Семенычъ взглянулъ на нее, плюнулъ, откинулъ ея ноги за дверь, послалъ къ ней какую-то старуху и отправился догуливать.

И долго, долго пировала компанія, чего тутъ только не было, и пѣсни, и пляски, и балалайка, крикъ, свистъ, топанье, взвизгиванье женскихъ голосовъ... Разгулъ свирѣпый, безобразный, разгулъ на смерть!... Страшно и отвратительно глупо!

Нѣсколько мѣсяцевъ погулялъ такимъ образомъ Иванъ Семенычъ, да не добромъ и кончилъ: разбили его въ кабакѣ гдѣ-то... Софья Петровна осталась одна докапчивать свое вялое, чахлое и горемычное существованіе.

А. Витковскій.

ПОДАРКИ.

(Изъ Морица Гартмана.)

—

— Нашъ милый гость спѣшитъ отсюда.
Скажите дѣти — что ему
Дадите вы, чтобы подольше
Остался онъ у насъ въ дому?

***

И старшій сынъ отвѣтилъ быстро:
«Мой соколъ — гостю лучшій даръ.
Онъ прежде былъ красивъ — а нынче
Въ крыло подстрѣленъ, слѣпъ и старъ».

***

Другой сказалъ: а я въ придачу
Стрѣлу, пожалуй, гостю дамъ.
Она враговъ не поражаетъ,
Но въ грудь вонзается стрѣлкамъ.

***

Словамъ ихъ дочь внимала грустно;
И тихо молвила потомъ:
Я гостю всё отдать готова —
Не откажу ему ни въ чемъ.

***

Ему нарядъ свой драгоцѣнный,
Ему свой перстень — отдаю;
Свое дѣвическое ложе —
Постель пуховую свою!

***

— Такъ пусть же гость уходитъ съ миромъ!
Прискорбно мнѣ, что сыновья
Мои — дарятъ ему такъ мало —
Даритъ такъ много дочь моя!

А. Плещеевъ.

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ИСПАНІИ *).

1. Область и городъ Валенсія.

Давно замѣчено, что туристы имѣютъ много упорныхъ, почти неодолимыхъ предразсудковъ. Они считаютъ напр. непремѣннымъ долгомъ хвалить Андалузію на счетъ остальной Испаніи и Гвадалкивиръ на счетъ другихъ рѣкъ южной Европы. Этотъ предразсудокъ, что бы ни говорила исторія въ его пользу, вводитъ въ заблужденіе чуть не цѣлый свѣтъ. Люди воображаютъ, будто за Пиренеями нѣтъ ничего хорошаго кромѣ Андалузіи. А между тѣмъ разочароваться въ ея прославленныхъ красотахъ очень легко: стоитъ только проѣхать пространство отъ Каролины до Севильи. Самое тоскливое чувство овладѣваетъ здѣсь путешественникомъ, какъ бы онъ ни былъ настроенъ на восторгъ. Безотрадная равнина тянется кругомъ до краевъ горизонта. Оливковыя де-

*) Эти разсказы почерпнуты изъ путевыхъ записокъ и личныхъ воспоминаній автора. Онъ провелъ въ Испаніи около пяти недѣль, лѣтомъ 1859 года. Въ такое короткое время, разумѣется, нельзя было думать «о глубокихъ и серьезныхъ изысканіяхъ». Но всякому туристу приходится наблюдать и смекать. Авторъ предварительно познакомился съ языкомъ, литературою и учрежденіями народа, среди котораго путешествовалъ, и слѣд. можетъ говорить о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ странѣ, отъ насъ далекой и вообще любопытной. Читатели найдутъ здѣсь также матеріалы для исторіи испанскаго искусства: они или собраны на мѣстѣ, или взяты изъ сочиненій, изданныхъ спеціалистами. Нѣкоторыя фактическія подробности о Валенсіи заимствованы авторомъ у Форда, который справедливо считается лучшимъ, если не единственнымъ, знатокомъ Испаніи. Его классическая книга (Handbook for Spain, 1855) — драгоцѣнное пособіе для всѣхъ путешественниковъ, за исключеніемъ впрочемъ Русскихъ, которые мало ею пользовались. Предлагая публикѣ на первый разъ одну часть своихъ записокъ въ формѣ разсказовъ, авторъ надѣется обработать и другія части, когда позволитъ время.

ревья, которыми она усажена, смотрятъ уныло и придаютъ странѣ невыносимо однообразный видъ. Отъ нихъ нѣтъ ни тѣни, ни прохлады; они не возвышаются среди степи, какъ дубы, не манятъ привѣтливо къ себѣ, какъ зеленыя ракиты и бодрыя груши Малороссіи, не разговариваютъ листьями, какъ березы сѣвера; подъ ними не хочется отдохнуть. Поэтическій Гвадалквивиръ просто безобразенъ. Его воды окрашены самымъ непривлекательнымъ, т. е. мутно-желтымъ или болотнымъ цвѣтомъ. Отъ Севильи до Кадикса та же невеселая картина. Она смѣняется только тогда, когда передъ вами засинѣетъ впереди Средиземное море и покажутся во всей прелести юга живописныя бухты Испаніи и скалистые берега Африки. Вообще Андалузія, съ изгнаніемъ мавровъ утратила много своихъ прелестей. Въ ней радуютъ взоръ одни историческіе города, украшенные безсмертными памятниками искусства. Напротивъ — ея сельская природа носитъ на себѣ слѣды общественнаго упадка и человѣческой лѣни. Гдѣ въ старину были цвѣтущія деревни, тамъ теперь не видно жилья. Нѣкогда богатыя долины обратились въ пустыри или, какъ выражаются андалузы,—въ степи и выгоны (dehesas y despoblados), потому что брошены въ добычу животнымъ и на произволъ судьбы. Изрѣдка, тамъ и сямъ попадаются уголки, спасенные небомъ и взлелѣянные руками человѣка. Отыскать эти оазисы, убранные роскошною растительностью, не легко; они лежатъ вдали отъ большихъ дорогъ, или закрыты горами, окружающими Гранаду, Ронду и Малагу.

Но развѣ только и свѣта, что въ окнѣ! Кто смотрѣлъ на Испанію безъ предубѣжденій, тотъ знаетъ, какъ она разнообразна. Въ ея старомъ и поблекшемъ вѣнцѣ сохранилось еще довольно драгоцѣнныхъ камней. Ни деспотизмъ, ни вѣковая лѣнь, ни злая судьба не могли убить силъ природы въ этомъ удивительномъ краю. Не даромъ легенда говоритъ, что богъ обѣщалъ Св. Іакову, патрону Испаніи, надѣлить ее благодатною землей. Въ самомъ дѣлѣ, сколько неистощимыхъ богатствъ разсѣяно на небольшомъ пространствѣ пиренейскаго полуострова! Хлѣбородныя поля Галиціи и Кастиліи, пастбища Эстремадуры, виноградники Хереса и Малаги, рудники Мурсіи, всегда казались завидными Европѣ. Но перломъ Испаніи безспорно слѣдуетъ назвать Валенсію. Природа и культура здѣсь соединились, чтобы произвести чудеса красоты. Сѣверный человѣкъ входитъ въ эту счастливую страну и не вѣритъ своимъ очарованнымъ глазамъ; ему кажется, будто онъ грезитъ, или видитъ волшебный сонъ. Мавры, жители роскошнѣйшихъ

странъ юга, называли эту страну своимъ раемъ и выдумали, будто на нее упала часть неба. Въ самомъ дѣлѣ Валенсія далеко превосходитъ Андалузію. Едва ли даже можно сравнивать эти двѣ провинціи; близкія по климату и по своимъ тропическимъ произведеніямъ, онѣ въ другихъ отношеніяхъ совершенно непохожи. Андалузія страдаетъ отъ недостатка воды, Валенсія наполнена водою; въ Андалузіи много безлюдныхъ мѣстъ, Валенсія густо населена; въ Андалузіи сады и лѣса рѣдки, вся Валенсія есть одинъ огромный лѣсъ или, какъ говорятъ испанцы, природный садъ (huerta), усѣянный небольшими городами, безчисленными деревнями и хуторами. Въ этомъ саду четыре или пять разъ въ годъ собираются роскошные плоды: лимоны, апельсины, финики, абрикосы, фиги; самыя болота Валенсіи покрыты рисомъ и обращены на пользу жителей. Вообще земля здѣсь неутомима: ей нѣтъ покоя отъ вѣчно грѣющаго солнца и отъ постоянныхъ ирригацій. Благословенный крэй рѣзко отдѣляется отъ центральныхъ провинцій Испаніи цѣпью горъ; онѣ плотно берегутъ Валенсію съ сѣвера отъ вѣтровъ и холода, даютъ ей въ изобиліи топливо и посылаютъ множество ручьевъ и рѣчекъ. Мавры, надо сказать, превосходно воспользовались водою, чтобы усилить плодородіе почвы. Имъ обязана своимъ развитіемъ система орошеній, которая до сихъ поръ служитъ главнымъ источникомъ богатства для Валенсіи. Не будучи знатокомъ гидравлики, не берусь объяснить, какъ именно устроены и дѣйствуютъ здѣсь безчисленные каналы. Извѣстно только, что они поддерживаются въ странѣ съ давнихъ временъ, по преданіямъ. Жители Валенсіи управляютъ своими рѣками и каналами, какъ хотятъ, во имя общей пользы; распредѣленіе воды по участкамъ для нихъ вопросъ первостепенной важности. Къ удивленію, гражданскіе споры, отсюда возникающіе, рѣшаются быстро, справедливо, неподкупно, безъ бумаги, чернилъ и перьевъ по старому обычаю, да съ помощью здраваго смысла и совѣсти въ судѣ de los acequieros, или del riego de las aguas, учрежденномъ еще арабами. Члены его выбираются изъ инженеровъ и землевладѣльцевъ; каждый четвергъ въ 12 часовъ утра они имѣютъ засѣданіе на открытомъ воздухѣ подлѣ главныхъ дверей собора. Не понимаю, какъ испанская бюрократія сноситъ такой порядокъ судопроизводства, какъ она не признала его опаснымъ для отечества. Въ этомъ королевствѣ иногда встрѣчаются рядомъ самыя гнилыя и самыя здоровыя учрежденія. Тутъ же въ Валенсіи можно безнаказанно убить человѣка и нельзя захватить на свое поле лишней воды у сосѣда; взяточники сидятъ въ старыхъ дворцахъ города вѣроятно для

того, чтобы не было видно сколько они берутъ съ просителей, а народные посредники дѣлаютъ свое дѣло безбоязненно на открытомъ воздухѣ.

Область Валенсія съ 8-го столѣтія была населена маврами и въ теченіе нѣкотораго времени составляла отдѣльное королевство. Городъ этого имени былъ построенъ еще римлянами, которые основали здѣсь военную колонію. Сидъ отнялъ Валенсію у арабовъ и управлялъ ею деспотически до самой смерти своей. Въ 1228 г. она поступила подъ власть аррагонскихъ королей и, вслѣдствіе брака Изабеллы съ Фердинандомъ, была присоединена къ Кастиліи. Впрочемъ, за нею долго сохранялся титулъ королевства, она имѣла свои законодательныя собранія и привилегіи (кортесы и фуэросы) подобно остальнымъ провинціямъ Испаніи. Первый ударъ благосостоянію Валенсіи нанесенъ былъ Филиппомъ III. Въ 1610 г. онъ выгналъ отсюда 200,000 мавровъ—земледѣльцевъ и промышленниковъ. Во время войны за испанское наслѣдство жители Валенсіи держали австрійскую сторону и за это были лишены своихъ вольностей Филиппомъ V. Въ 1808 г. они снова поднялись противъ французовъ и въ другой разъ потерпѣли жестокое пораженіе. Сюше вошелъ сюда съ войсками. Капитуляція для него не имѣла силы и значенія. Онъ не пощадилъ столицы королевства, разстрѣлялъ враговъ и взялъ съ богатаго края огромную контрибуцію (въ 37 милл. реаловъ). Только въ 1813 г. Валенсія была очищена отъ иностранныхъ войскъ и передана испанцамъ. Нѣкоторые патріоты, помня старину, хотѣли было возстановить здѣсь самоуправленіе, но это удалось ненадолго. Фердинандъ VII подчинилъ Валенсію общимъ законамъ. Недовольные переселились въ Алжиръ и съ ними, кажется, исчезли послѣднія преданія свободы.

Несмотря на эти несчастія, чудный край все еще питаетъ около милліона жителей. Народъ здѣсь правда не богатъ, но зато веселъ. Пауперизмъ въ Валенсіи неизвѣстенъ, потому что человѣкъ можетъ существовать на открытомъ воздухѣ, не боясь холода, почти не нуждаясь въ кровѣ и защитѣ. Щедрая природа посылаетъ ему пищу за самый ничтожный трудъ. Нужды здѣшняго крестьянина очень ограничены: онъ питается арбузами да апельсинами, совершенно счастливъ когда можетъ ѣсть gazpacho *) и считаетъ себя царемъ земли, когда достаетъ

*) Супъ изъ пареннаго хлѣба, плодовъ и масла, на вкусъ не совсѣмъ пріятный, въ родѣ нашей тюри, но съ особеннымъ запахомъ.

свое любимое блюдо—pollo con arroz (курицу съ рисомъ). Завидна въ этомъ отношеніи доля юга: бѣдные люди тамъ не страдаютъ отъ неугомоннаго аппетита. Про Валенсію даже ходитъ поговорка, что она ничего солиднаго, существеннаго, питательнаго не производитъ. Въ этой странѣ мясо, какъ трава, трава все равно что вода, мужчина женоподобенъ, а женщина почти ничто. Впрочемъ ничтожество не значитъ безобразіе. Напротивъ, женщины въ Валенсіи не уступаютъ красотой андалузкамъ. Особенно гордятся онѣ своими роскошными косами и потому не носятъ головного убора. Черные волосы у нихъ заплетены на славу и связаны серебрянымъ или черепаховымъ треугольнымъ гребешкомъ. Сложены эти красавицы чудесно; одѣты не прихотливо, но классически; ихъ можно видѣть за работою на улицѣ; дома сидѣть онѣ не охотницы. Между ними многія носятъ на шеѣ кресты и медальоны, желая предохранить себя талисманами отъ дурного глаза и разныхъ болѣзней. Лечиться онѣ вообще не любятъ; въ медицину не вѣрятъ, слѣдуя, должно быть, старой пословицѣ, которая говоритъ, что у медиковъ Валенсіи фалды длинны, а наука коротка (los medicos de Valencia tienen luengas faldas y poca ciencia). Это можно отнести ко всѣмъ испанскимъ врачамъ; отъ нихъ путешественникъ долженъ беречь себя больше, чѣмъ отъ разбойниковъ; разбойники чаще грабятъ, но рѣже убиваютъ, лекаря всегда грабятъ и непремѣнно убиваютъ.

Мужскіе костюмы въ Валенсіи очень оригинальны и отличаются восточнымъ, азіатскимъ характеромъ. На ногахъ жители носятъ вмѣсто нашихъ сапогъ сандаліи и чулки безъ подошвъ. Отсюда пословица, что кошелекъ испанскаго студента похожъ на валенсіанскій чулокъ, т. е. имѣетъ вмѣсто дна прорѣху. Бѣлые панталоны (Calces de traveta или bragas) считаются роскошью и не всегда употребительны, зато красный шелковый поясъ или шарфъ есть необходимая принадлежность; онъ живописно падаетъ съ таліи и оттѣняетъ плисовую куртку съ открытыми рукавами; на плечахъ у жителей Валенсіи накинутъ плащъ, а головы обвязаны платкомъ, который нѣсколько напоминаетъ тюрбанъ. Чичиковъ съ трудомъ различилъ бы здѣсь издали мужика отъ бабы.

Вообще въ этомъ народѣ, начиная съ физіономіи, много африканскихъ свойствъ. Палящее солнце дѣлаетъ цвѣтъ лица его смуглымъ, воображеніе пылкимъ, огненнымъ, а характеръ безпокойнымъ, раздражительнымъ и до крайности суевѣрнымъ. Онъ любитъ религіозныя процессіи, падокъ на чудеса, и говоря безпристрастно, до сихъ поръ поклоняется идоламъ. Христіанство здѣсь не уничтожило, а только слегка

измѣнило языческіе обычаи. Когда испанское правительство въ 1715 году хотѣло ввести въ Валенсіи общій календарь и мадридскіе праздники, жители протестовали: «мы не желаемъ чужихъ святыхъ, у насъ есть свои», смѣло говорили они королямъ и не захотѣли отказаться отъ отечественнаго культа, какъ отъ самой драгоцѣнной привилегіи. Главными патронами Валенсіи считаются San Vicente de Ferrer и nuestra Senora de los Desamparados *).

Народъ въ Валенсіи имѣетъ еще другія менѣе почтенныя качества. Онъ мастерски владѣетъ ножемъ и любитъ мстить за себя, не ожидая заступничества со стороны закона. Убійства самыя измѣнническія и ужасные случаи здѣсь зачастую. Валенсія — рай, населенный демонами, говоритъ пословица. Полиція въ этой странѣ безсильна и не имѣетъ средствъ открыть преступниковъ: жители не выдаютъ ихъ изъ страха или изъ потворства. А поймать здѣсь убійцу трудно: онъ задумываетъ и дѣлаетъ свое дѣло съ изумительною ловкостью, нападаетъ на жертву изъ-за угла неожиданно. Жестокость у бандитовъ Валенсіи прикрыта невинностью и веселостью; они рѣжутъ шутя и, нанесши ударъ, не конфузятся. Вѣдь Александръ и Цезарь Борджіа родомъ изъ этого края. Отечество ихъ городъ Хотива или С. Фелипе; своихъ сподвижниковъ они набирали въ Валенсіи. Одинъ изъ этихъ sicarios (головорѣзовъ) прославился искусствомъ распарывать горло большимъ гвоздемъ, и потомъ, сдѣлавшись монахомъ, основалъ вооруженное братство Микалетовъ. О семействѣ Борджіа нѣтъ нужды говорить подробно. Римъ испыталъ на себѣ владычество этой злокачественной породы тигровъ и гіенъ въ человѣческихъ образахъ. Но въ отечествѣ, она произвела даже одного святого: San Francisco de Borja, іезуита.

---

*) О San Vicente нужно сказать нѣсколько словъ. Какъ любимецъ народа Валенсіи онъ часто изображается художниками въ видѣ человѣка, летящаго къ небу со свиткомъ въ рукахъ, на которомъ написано: бойтесь бога (timete deum). Онъ родился въ 1350 году и еще подъ сердцемъ матери издавалъ звуки, похожіе на собачій лай. Испугавшись она пошла къ епископу, который увѣрялъ ее, что ея сынъ загрызетъ волковъ ереси и прогонитъ ихъ въ адъ. Пророчество епископа сбылось. San Vicente сдѣлался доминиканцемъ (Domini canis) и объявилъ крестовый походъ противъ евреевъ. За нимъ слѣдовали ученики, которые имѣли обычай бичевать другъ друга. San Vicente обратилъ къ вѣрѣ огнемъ и мечемъ до 100,000 еретиковъ. Популярность его въ Валенсіи превосходитъ всякое описаніе: жители находятъ въ немъ всѣ свои качества и приписываютъ ему множество чудесъ. Эти чудеса служатъ предметомъ религіозныхъ драмъ, которыя даются до сихъ поръ на городскихъ улицахъ. По милости своего патрона Валенсія будто бы защищена на вѣки отъ грома и молніи. См. Ford, Spain; 1, 378, 379 (London 1855, Murray).

До сихъ поръ ходитъ дурная слава про жителей Валенсіи. Этимъ объясняется, почему иностранцы неохотно сюда ѣздятъ. Чудный край извѣстенъ гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Между тѣмъ опасенія путешественниковъ преувеличены. Личность человѣка ограждена въ Валенсіи почти въ такой же степени, какъ въ Андалузіи, и не меньше, чѣмъ въ Неаполѣ или въ Сициліи. Иностранецъ можетъ днемъ спокойно бродить по главному городу и даже въ его окрестностяхъ. Осторожность конечно не мѣшаетъ. Поздніе прогулки и особенно столкновенія съ чернью опасны. Въ отдаленныхъ округахъ провинціи нападенія, говорятъ, случаются чаще, но и здѣсь не слышно, чтобы ходили по дорогамъ разбойничьи шайки.

Но странно предполагать, будто Валенсія производитъ только убійцъ и бандитовъ. Народъ, населяющій эту область, какъ всѣ южные народы, имѣетъ, кромѣ пороковъ и страстей, свои добрыя качества. Онъ свирѣпъ, мстителенъ, кровожаденъ, когда раздраженъ, но то же самое можно замѣтить о жителяхъ Андалузіи. Они показались мнѣ еще испорченнѣе. Чернь въ Малагѣ отличается неслыханнымъ цинизмомъ и корыстолюбіемъ. Здѣсь готовы убить человѣка за грошъ. Развратъ Неаполитанцевъ также вошелъ въ пословицу и заразилъ насквозь всѣ классы народа. Напротивъ, въ Валенсіи высшія и среднія сословія отличаются довольно мирнымъ характеромъ. Ножъ между ними уже не въ ходу. Самые простолюдины не такъ страшны, какъ ихъ описываютъ. Они прибѣгаютъ къ убійству преимущественно по дѣламъ любовнымъ, когда оскорблена ихъ личность или честь. И въ этомъ можетъ быть виновата горячая испанская кровь. Наконецъ, согласитесь, много значитъ для людей сила привычки и стараго обычая.

Какъ бы то ни было, Валенсія въ высшей степени интересна. Не говоря о натуралистахъ, которые найдутъ здѣсь неисчерпаемую оранжерею, каждому любителю искусства и литературы, путешествующему по Испаніи, слѣдовало бы заглянуть въ этотъ роскошный уголокъ, хотя бы для того, чтобы подышать ароматнымъ воздухомъ апельсинныхъ рощъ, кактусовъ и магнолій, да посмотрѣть на чудные памятники зодчества и живописи въ главномъ городѣ. Больнымъ людямъ совѣтуютъ проводить здѣсь зиму; здоровымъ можно пріѣзжать и лѣтомъ. Валенсія навѣрное понравится всѣмъ и каждому; ее полюбитъ даже отчаянный антикварій, потому что не далеко отъ нея лежитъ въ развалинахъ древній Сагунтъ (Мурвіедро). Южная Европа вообще рѣзко отличается отъ сѣверной и вотъ чѣмъ именно: городская жизнь на югѣ началась рань-

ше, была привольнѣе и оставила по себѣ болѣе глубокіе слѣды. Въ Италіи и въ Испаніи почти каждый городъ оригиналенъ. Здѣсь политическое единство устроилось недавно и даже единство національное не пустило такихъ глубокихъ корней, какъ въ Англіи и Франціи. Обитатели юга, несмотря на роскошь природы, всегда чуждались деревень и предпочитали городской бытъ. Умъ, богатство, красота, честолюбіе, словомъ всѣ общественныя силы стремились высказать себя въ городахъ. Это исключительное направленіе до сихъ поръ не ослабѣло. Между тѣмъ какъ англичане, нѣмцы, голландцы заботятся преимущественно объ украшеніи своихъ сельскихъ домовъ, итальянцы и испанцы едва примиряются съ мыслью провесть нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ. Даже жизнь на загородныхъ дачахъ кажется имъ скучною. Зато каждая провинція въ Италіи и въ Испаніи имѣетъ свою любимую столицу или нѣсколько избранныхъ резиденцій, куда стекается какъ промышленный, такъ и земледѣльческій классъ. Отсюда объясняется огромное число и необыкновенное развитіе городовъ на югѣ Европы. Они мало похожи на сѣверные. Съ ними можно сравнить только тѣ, которые когда-то входили въ составъ Ганзы, Рейнскаго союза или голландской конфедераціи. На столицѣ Валенсіи также отразился характеръ южнаго города. Она имѣетъ своеобразную, рѣзкую физіономію и во всѣхъ отношеніяхъ достойна изученія. Здѣсь издавна процвѣтало искусство и развивалась мѣстная литература. Умственное и художественное движеніе Валенсіи началось еще при маврахъ. Они были покровителями философіи и архитектуры. Затѣмъ наступила эпоха политической самостоятельности. Она воспитала, какъ и слѣдовало ожидать, талантливыхъ людей. Сильные знаніемъ или свободнымъ творчествомъ, они оставили въ городѣ памятники своей дѣятельности, которые до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе. Имена и дѣла этихъ людей вполнѣ заслуживаютъ общую извѣстность. До какой степени было велико ихъ вліяніе, видно уже изъ того, что общество въ Валенсіи, даже во времена инквизиціи упорно удерживало любовь къ просвѣщенію и считалось однимъ изъ самыхъ утонченныхъ на полуостровѣ. Преданія науки заронились въ этомъ городѣ очень глубоко. Здѣсь раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Испаніи введено было книгопечатаніе (1474). Въ Валенсіи родился Луисъ Вивесъ—философъ, котораго сравниваютъ съ Бэкономъ, по многосторонности образованія и энергіи мысли; она произвела также хорошихъ юристовъ, историковъ и поэтовъ. Къ сожалѣнію деспотизмъ испанскихъ королей и духовенства

убилъ въ этомъ краю, какъ и вездѣ, науку и литературу. Не нашедши себѣ выхода, мысль даровитаго народа замерла и угасла. Ученые долго вели неравную борьбу съ правительствомъ и наконецъ замолчали. Упадокъ наступилъ разомъ. Сила обстоятельствъ сломила испанцевъ именно тогда, когда въ нихъ пробудилось самосознаніе, когда плоды старой свободы созрѣли, когда въ университетахъ явились дѣльные и смѣлые профессора. Этотъ страшный переворотъ совершился во времена Филиппа II и Филиппа III. За нимъ слѣдуетъ летаргическій сонъ прекрасной страны, отъ котораго она не пробудилась до сихъ поръ. Удивительно, что даже въ XVIII вѣкѣ Валенсія пыталась обновить свою умственную жизнь. Майансъ, Семпере, Каванильесъ, Масдеу были достойными представителями критическаго духа, который повѣялъ сюда изъ Франціи. Съ ними какъ будто воскресло книгопечатаніе; купцы начали жертвовать капиталы на дорогія изданія; въ городѣ устроились образцовыя типографіи. Но это былъ послѣдній протестъ противъ общаго невѣжества и равнодушія къ наукѣ. Французская война положила рѣшительный конецъ литературной дѣятельности. Валенсія, обѣднѣвъ послѣ осадъ, грабежей и контрибуцій, покорилась своей судьбѣ.

Еще замѣчательнѣе исторія живописи въ Валенсіи. Искусство это родилось здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ Испаніи, подъ вліяніемъ итальянскихъ артистовъ, но впослѣдствіи, именно съ XVI вѣка, оно приняло совершенно самобытный характеръ. Художники Валенсіи безъ всякаго внѣшняго пособія, собственными дарованіями и трудами, достигли изумительнаго совершенства. Изъ нихъ только одинъ (и далеко не лучшій), именно Рибера, пріобрѣлъ извѣстность въ Европѣ. Кажется, онъ былъ особенно счастливъ въ практической жизни. Ему удалось пробраться въ южную Италію и познакомиться тамъ съ произведеніями великихъ мастеровъ. Итальянцы называли его Spagnoletto. Онъ писалъ много и оставилъ послѣ себя даровитыхъ учениковъ, которые страшно его боялись, потому что онъ былъ свирѣпъ въ обращеніи съ ними. Картины Риберы разсѣяны по лучшимъ галереямъ Запада. Онѣ отличаются мрачнымъ колоритомъ и направленіемъ. На немъ, кажется, отразились непріятныя стороны характера его соотечественниковъ, именно суевѣріе и фанатизмъ. Теологическіе сюжеты: пытка, мученичество, экстазъ, аскетическое созерцаніе,—вотъ темы, надъ которыми онъ преимущественно работалъ. За это нѣкоторые даютъ ему названіе палача въ живописи. Красоты, граціи, мягкости у него напрасно искать; зато много въ немъ энергіи, силы, правильности и меткости. Во всякомъ случаѣ, по

картинамъ Риберы далеко нельзя судить о валенсiанской школѣ. Всѣ образцовыя ея произведенiя находятся въ отечественномъ городѣ, немногiя въ Мадридѣ, въ другiя государства они почти не были вывозимы. Я помню, что видѣлъ двѣ или три картины этой школы только въ знаменитомъ собранiи князя Эстергази въ Вѣнѣ, да въ одной изъ частныхъ галерей Лондона. Но прежде чѣмъ буду описывать картины въ Валенсiи, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ испанской живописи вообще. Живопись въ Испанiи такъ же, какъ въ Италiи, носитъ на себѣ печать религiознаго вдохновенiя. Иначе и не могло быть. Извѣстно изъ исторiи, что у всѣхъ народовъ искусство развилось подъ сильнымъ влiянiемъ вѣры и пробужденнаго ею энтузiазма. У народа, подобнаго испанскому, это влiянiе естественно сдѣлалось господствующимъ: надѣленный огненнымъ воображенiемъ, настроенный къ чудесному, движимый фанатизмомъ, онъ особенно любилъ картины въ храмѣ, куда приходилъ молиться и каяться. Художники были принуждены сообразоваться съ требованiями общественнаго вкуса, и потому сосредоточили свое вниманiе на сюжетахъ богословскихъ; къ тому же у нихъ почти не было свѣтскихъ покровителей; они работали исключительно для монастырей и церквей. Испанiя не имѣла Медичисовъ. Изъ королей только Филиппъ IV страстно любилъ живопись; прочiе оставались къ ней равнодушными. Ни пейзажъ, ни жанръ, ни портретное искусство не находили поддержки въ обществѣ. Одинъ Веласкесъ, какъ живописецъ придворный, могъ заниматься свѣтскими сюжетами; прочiе художники, получая свое дневное пропитанiе отъ духовенства и вѣрующихъ, должны были посвятить свои таланты церкви. Между тѣмъ наклонность къ реализму въ живописи начала проявляться у испанцевъ очень рано. Народъ хотѣлъ, чтобы его боги были похожи на людей, имѣли плоть и кровь, жизнь и силу, Отсюда не трудно понять чѣмъ испанское искусство отличается отъ италья нскаго. Въ той и другой странѣ сложился, можно сказать, свой особенный идеалъ красоты. Итальянскiе художники, какъ греки, высоко цѣнили правильность формъ и очертанiй; они стремились изобразить красоту вѣчную, неувядаемую, такъ сказать, созерцательную; напротивъ, художники испанскiе искали красоты земной, натуральной, и осязательной. У первыхъ любимые женскiе типы — возвышенно-спокойны, какъ античныя статуи; у вторыхъ — страстны, томны, выразительны, какъ красавицы юга. Этотъ контрастъ очень замѣтенъ на великихъ образцахъ, напр. на мадоннахъ Рафаэля и Мурильо. Въ манерѣ и обстановкѣ группъ

художники обѣихъ странъ также оригинальны. У итальянцевъ преобладаетъ достоинство, умѣренность въ позахъ и какое-то врожденное благородство, испанцы смѣлы, полны энергіи, рѣзки и даже грубоваты. Въ этомъ отношеніи они нѣсколько подходятъ къ фламандцамъ. Странно, что несмотря на постоянное вліяніе итальянскихъ школъ на испанскія, эти послѣднія остались вѣрны себѣ и сохранили до строгости національный отпечатокъ. Веласкеса и Мурильо можно узнать не только по силѣ таланта, но также по разнымъ характеристическимъ свойствамъ и подробностямъ. Наклонность къ ужасному и сверхъестественному сильно проявляется на картинахъ, писанныхъ испанскими мастерами. Они иногда не церемонятся съ законами природы, лишь бы поразить душу зрителя. Нужно сказать еще, что рисунки ихъ часто неправильны, потому что они не изучали анатоміи такъ тщательно, какъ итальянцы. Нагихъ изображеній испанская церковь вообще не допускала. Напротивъ, въ Италіи на этотъ счетъ были снисходительнѣе, требуя въ замѣнъ того отъ художниковъ знанія человѣческаго тѣла. Самобытныя школы живописи развились собственно въ двухъ городахъ Испаніи—въ Севильѣ и Валенсіи. Что касается до прочихъ городовъ, тамъ жили иногда замѣчательные художники и даже оставляли по себѣ нѣсколько учениковъ, но этимъ оканчивалась ихъ дѣятельность. Ученики не поддерживали преданій или разсѣявались. Такъ Веласкесъ провелъ большую часть своей жизни въ Мадридѣ, при дворѣ, куда его призвалъ Филиппъ IV, Моралесъ работалъ въ пустынной Эстремадурѣ. Толедо и Вальядолидъ также дали пристанище двумъ или тремъ талантливымъ артистамъ. Но главнымъ средоточіемъ испанскаго искусства считалась Севилья. Здѣсь въ продолженіе полутораста лѣтъ сложились преданія и воспитались великіе мастера Испаніи, между которыми самое видное мѣсто принадлежитъ Алонсо-Кано, Сурбарану и Мурильо. Талантъ Веласкеса также первоначально выработался въ этой школѣ. Впрочемъ объ ней не мѣсто теперь распространяться.

Въ Валенсіи школа живописцевъ была не такъ многочисленна и существовала не болѣе ста лѣтъ. Она жила, можно сказать, одиноко и не дѣйствовала за предѣлами своего края. Ее поняли и оцѣнили уже тогда, когда она исчезла. Художники Валенсіи не пріобрѣли громкой славы; имъ не покровительствовали короли; ихъ картины не продавались въ Америку, не имѣли сбыта даже въ Испаніи, они работали скромно, повинуясь вдохновенію, не ожидая лавровъ и наградъ. О нихъ и теперь мало знаютъ. Между тѣмъ въ числѣ этихъ людей есть геніаль-

ные мастера. Основателемъ школы Валенсіанской можно считать Рибальту старшаго (Francisco Ribalta). Онъ жилъ въ концѣ XVI вѣка. У него былъ сынъ, юноша необыкновенныхъ дарованій, которому къ несчастію суждено было умереть девятнадцати лѣтъ. Этотъ Рибальта младшій оставилъ нѣсколько картинъ удивительной красоты. Смотря на нихъ, можно думать, что въ немъ Испанія потеряла своего Рубенса. Сила, меткость, грандіозный размахъ кисти и глубокое чувство—отличительныя его качества. Будучи почти ребенкомъ, онъ бралъ библейскіе сюжеты и выполнялъ ихъ мастерски. Около того же времени Валенсія произвела художника, близкаго по манерѣ и по идеаламъ къ Рафаэлю, Хуана Висенте Хоанеса. Не имѣя средствъ выѣхать изъ родного города для изученія великихъ образцовъ, онъ достигъ въ своемъ искусствѣ непонятнаго совершенства. Нѣкоторыя его картины рѣшительно ни въ чемъ не уступаютъ Рафаэлевымъ: въ нихъ та же красота, то же величіе, та же неподражаемая отдѣлка. Какъ послѣ Рафаэля въ Италіи, такъ послѣ Хоанеса въ Валенсіи живопись начала падать. Дальше некуда было идти, не къ чему стремиться. Послѣдніе представители школы валенсіанской Орренте, Эспиноза и Марчъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, кажутся обыкновенными, даже посредственными. Къ концу XVII столѣтія искусство въ Валенсіи исчезло, какъ въ Севильѣ съ смертью Мурильо.

---

2. Путешествіе изъ Малаги въ Валенсію.

Я думалъ было провести въ Валенсіи по крайней мѣрѣ недѣлю. Но въ дорогѣ, особенно по Испаніи, человѣкомъ управляетъ капризная судьба. Здѣсь мы съ тобою, братъ Санчо, окунемъ руки по самые локти въ то, что называютъ приключеніями, говорилъ Донъ-Кихотъ своему спутнику. Счастливый человѣкъ! Его хоть много били, но онъ путешествовалъ вдвоемъ съ преданнымъ оруженосцемъ, къ тому же сосѣдомъ, родомъ изъ одного околотка. Другой вкусъ имѣютъ приключенія для человѣка, который забрелъ богъ знаетъ куда, въ невѣдомую страну, и не видитъ тамъ подлѣ себя знакомой души. Если даже онъ не испытываетъ побоевъ, то съ нимъ случаются разнаго рода нравственныя пытки. Горе тому, кому, какъ напр. мнѣ, придется ждать паро-

хода въ городѣ, гдѣ, кромѣ виноторговцевъ лѣтомъ и чахоточныхъ зимою, никто на долго не останавливается. Я никогда не забуду проведенныхъ въ Малагѣ ужасныхъ дней тоски, одиночества и нетерпѣнія. Наконецъ на третьи сутки явился желанный пароходъ и я избавился отъ Малаги. Повозившись до изнеможенія съ дорожными подлецами, которыхъ въ Испаніи довольно, я добрался до палубы Boetis и почувствовалъ себя гораздо веселѣе на морѣ, среди качки и волненія. Вѣтеръ былъ страшный; пароходишка ѣхалъ, какъ русскія сани по ухабамъ. Около полутора сутокъ тащились мы до Картахены. Къ счастію общество на Boetis было довольно интересное. Капитанъ оказался артистомъ и не колотилъ матросовъ, какъ его товарищъ, съ которымъ я познакомился на Меркуріѣ. Въ числѣ пассажировъ нашелся купецъ изъ Гваякиля (что въ Экуадорѣ) и чиновникъ съ женою изъ Валенсіи. Я пустился въ бесѣду сначала съ купцомъ, очень образованнымъ, бывалымъ человѣкомъ. Его разсказы о политическомъ состояніи Экуадора очень меня заняли.

«Вы хотите знать, началъ онъ, что у насъ за порядки? Какъ бы объяснить вамъ покороче? Мы страдаемъ отъ генераловъ. Это наша политическая язва, столько же губительная, сколько желтая лихорадка, которой такъ боятся европейцы. И между тѣмъ законы наши чрезвычайно либеральны. У насъ почти всѣ должности замѣщаются по выборамъ, свобода книгопечатанія обезпечена, министры признаются отвѣтственными, — а толку нѣтъ и быть не можетъ. Всевозможныя гарантіи ни къ чему не служатъ въ обществѣ, которое разрознено, пропитано насквозь взаимною враждою, невѣжествомъ и предразсудками. Оно безсильно и потому терпитъ всевозможныя посягательства на личность, честь и собственность гражданъ. Кто владѣетъ войскомъ въ Экуадорѣ, тотъ всѣмъ владѣетъ. Правленіе въ нашей республикѣ есть собственно военный деспотизмъ. Оно безпрестанно переходитъ изъ рукъ одного честолюбца въ руки другого, какъ ремесло, хоть опасное, но очень выгодное. Конкуренція въ этомъ ремеслѣ довольно обширна. Экуадоръ, правда, нельзя назвать федераціею, но онъ состоитъ изъ провинцій, которыя въ старину управлялись генералъ-капитанами. Этотъ испанскій обычай ведется и теперь, несмотря на нашу воображаемую независимость. Мы только перестали повиноваться метрополіи, но ея преданія засѣли глубоко на нашей землѣ. А вѣдь земля-то Экуадоръ пребогатая! Она производитъ кофе, какао, кошениль въ огромномъ количествѣ. Нѣтъ у насъ только рукъ да дорогъ,

да суда». — Отчего же нѣтъ рукъ, спросилъ я купца? — «Во первыхъ оттого, отвѣчалъ онъ, что населенiе Экуадора не велико, во вторыхъ оттого, что нѣтъ повода работать. Вы сегодня поработаете, а завтра васъ ограбятъ. Воровство кругомъ ужасное; я вотъ насилу могъ выбраться изъ дому; самый трудный путь для меня былъ по родной странѣ. А между тѣмъ она точно рай земной. Вѣдь право ее нельзя не любить. Вы восхищаетесь природою здѣсь, но повѣрьте, Испанiя ничто передъ Экуадоромъ. Если вы знакомы съ описанiями Гумбольдта, то вы имѣете нѣкоторое понятiе о моемъ отечествѣ.» И купецъ началъ мнѣ описывать съ восторгомъ Кито (Quito) и его окрестности (этотъ городъ, какъ извѣстно, лежитъ на значительной высотѣ подъ самымъ экваторомъ). Я слушалъ его описанiе тѣмъ съ большимъ вниманiемъ, что не читалъ Гумбольдта. Наконецъ мы опять воротились къ политикѣ. Я все добивался знать, почему люди, живя среди роскошнаго климата и естественныхъ богатствъ, такъ упорно грабятъ и обкрадываютъ другъ друга. Купецъ ссылался на то, что населенiе Экуадора разнокожее, указывалъ на предразсудки противъ негровъ, на отчужденность между индѣйцами и жителями испанской крови. Его доводы меня не совсѣмъ убѣдили. Общее воровство должно имѣть болѣе глубокiя причины, оно случается, подумалъ я, и между однокожими. «Вѣроятно у васъ есть рабство?» спросилъ я его. — «Нѣтъ, возразилъ купецъ, мы всѣ равны передъ закономъ! — «Какъ идетъ просвѣщенiе?» — «Вяло. Европейцы къ намъ не являются, боясь желтой лихорадки, а сами мы лѣнивы. Къ тому же Испанiя почти не дала намъ никакой умственной пищи, кромѣ безсмертнаго Донъ-Кихота.» — «А читаютъ у васъ эту книгу?» — «Какъ-же! Сервантесъ — любимый человѣкъ во всей южной Америкѣ!»

Мы согласились, что просвѣщенiе само по себѣ не уничтожитъ воровства, что для этого нужны другiя силы и средства. «Скажите, спросилъ я въ заключенiе, «неужели народъ равнодушенъ къ такому правленiю, какъ у васъ? Развѣ ему не надоѣли смуты и безпорядки? Развѣ онъ хладнокровно сноситъ надъ собою военное господство! «Кто у васъ выбираетъ президента?« — Прежде выбиралъ конгресъ, а теперь народъ. Это впрочемъ не измѣнило положенiя дѣлъ къ лучшему. Всюду, куда ни приходили испанцы, они приносили съ собою cosas de Espana! И здѣсь, и у насъ нѣтъ другого политическаго искусства кромѣ интригъ между сильными и угнетенiя слабыхъ; власть имѣетъ одну цѣль — обогащенiе правителей; вмѣсто закона дѣйствуетъ фаво-

ритизмъ и протекція. Мы такъ же какъ и граждане нашей старой метрополіи, ждемъ выхода къ лучшему. Если вы думаете, что я слишкомъ отчаяваюсь за наше племя — спросите вотъ этого чиновника, какъ идутъ дѣла въ Испаніи!

Я послѣдовалъ совѣту купца и перешелъ къ чиновнику. Чиновникъ тоже оказался очень неглупымъ человѣкомъ и кое-что сообщилъ о дѣлахъ своей страны. Замѣтивъ, что я интересуюсь вопросами административными, онъ особенно распространился о положеніи своей братіи. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ состоитъ на службѣ у губернатора Валенсіи и занимаетъ довольно видное мѣсто. Мнѣнія его также достойны вниманія; помню, что онъ говорилъ энергически, безъ заднихъ мыслей, ничего не утаивая.

«Въ Испаніи, замѣтилъ онъ, управленіе до сихъ поръ основано на произволѣ и носитъ чисто военный характеръ. Всякая перемѣна министерства у насъ сопровождается изгнаніемъ старыхъ чиновниковъ и замѣщеніемъ вакантныхъ мѣстъ фаворитами. Если бы при назначеніи новаго правительства упразднялись только высшія должности, странно было бы негодовать на это. Иначе и быть не можетъ. Съ паденіемъ партіи, естественно падаютъ ея главные руководители. Но подчиненныя орудія администраціи — лица большею частью страдательныя. На нихъ нельзя смотрѣть, какъ на защитниковъ извѣстнаго политическаго порядка. Я не вижу почему они должны терять свои мѣста съ министрами. Между тѣмъ при нашей теперешной системѣ, ни одинъ чиновникъ не чувствуетъ себя безопаснымъ и потому-то старается всѣми способами нажиться, ограбить народъ и казну. Въ 1843 г. уничтоженъ былъ послѣдній законъ, ограждавшій право на пенсіи по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ службы. Съ тѣхъ поръ насъ выгоняютъ безъ церемоніи, нисколько не заботясь о нашей судьбѣ. Мы въ полномъ смыслѣ слова — пролетаріи, опасные для государства, вредные для общества. Жалованье въ гражданской службѣ самое ничтожное; военные, особенно генералы, получаютъ больше. Для судьи, администратора и полицейскаго взяточничество — единственное средство себя обезпечить.

— Но вѣдь судъ у васъ публичный? замѣтилъ я? — «Что же за бѣда, отвѣчалъ чиновникъ. Судьи берутъ частнымъ образомъ, а охотниковъ давать найдется много! Подкупъ въ нашихъ правахъ».

«Вообще не думайте, что конституціонныя формы приносятъ Испаніи практическую пользу. Формы ничего не значатъ, какъ бы онѣ ни были блистательны. У насъ, напримѣръ, есть конгрессъ, есть пред-

ставительная система, примѣняется выборное начало. Но присмотритесь хорошенько: кто нами правитъ? Вы думаете, партіи? Замѣтьте, что это слово въ послѣднее время потеряло политическій характеръ. Умѣренные, moderados, раздробились на три, progressistos на двѣ враждебныя и ненавидящія одна другую шайки. Онѣ грабятъ народъ поочередно; во главѣ каждой стоитъ генералъ или поддерживаемый генералами министръ. Нарваэсъ, Браво-Мурсильо и Санъ-Луисъ считаютъ себя moderados, но въ сущности абсолютисты; по крайней мѣрѣ конституціонныя ихъ убѣжденія незамѣтны для здраваго смысла и простого глаза. То же самое можно сказать о различіи чистыхъ (puros) отъ сдержанныхъ (templados) прогресистовъ. Государственное устройство никому изъ нихъ недорого, а произволъ дорогъ всѣмъ правителямъ. Партія въ Испаніи имѣетъ чисто военное значеніе: захвативъ власть, министры распоряжаются страною неограниченно. Учрежденія, которыя у насъ признаны на бумагѣ, не выросли изъ народа, а какъ будто навязаны ему извнѣ (todos son impuestos a la nacion); ими двигаютъ какъ угодно, на право и на лѣво, по вліянію интересовъ и связей. Депутатовъ мы не выбираемъ, а намъ указываютъ; муниципальныя власти назначаются вездѣ, кромѣ Бискайскихъ областей, министрами на французскій манеръ. Централизація, прежде неизвѣстная Испаніи, развилась до послѣднихъ границъ».

Я слышалъ почти то же отъ всѣхъ сколько нибудь образованныхъ испанцевъ. «Гдѣ же вы видите лекарство противъ зла? спросилъ я чиновника, конечно вы не отчаяваетесь?» «Но и не жду ничего хорошаго, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ... «Отчаяніе въ порядочномъ и развитомъ человѣкѣ всегда наводитъ тоску. Я упорно не хотѣлъ вѣрить и до сихъ поръ не вѣрю, что положеніе Испаніи безнадежно. Ея упадокъ, мнѣ кажется, есть прямое послѣдствіе неблагопріятныхъ условій, въ которые она была поставлена въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ. Деспотизмъ не только задержалъ естественное развитіе этой страны, не только убилъ въ ней свободу, но увлекъ народъ на ложную дорогу, къ безумнымъ внѣшнимъ предпріятіямъ и военнымъ подвигамъ. Между тѣмъ въ даровитости испанскаго народа никакъ нельзя сомнѣваться; онъ громко заявилъ въ своей исторіи энергію, терпѣніе и политическій смыслъ. Старыя испанскія учрежденія въ высшей степени достойны вниманія. Сравнительно съ учрежденіями другихъ народовъ въ средніе вѣка они кажутся лучшими. Въ Испаніи была развита не только городская и общинная, но въ такой же степени провин-

ціальная жизнь. Здѣсь собственно зародилось представительное правленіе. Всѣ эти богатые задатки свободы Габсбургскій домъ стеръ съ лица земли. Благородный народъ отупѣлъ и потерялъ сознаніе подъ ударами своихъ тирановъ свѣтскихъ и духовныхъ. Но ни инквизиція, ни роковое пораженіе при Вильяларѣ, ни безславныя времена послѣднихъ Габсбурговъ и первыхъ Бурбоновъ, ни внѣшнія несчастія не разрушили въ немъ любви къ отечеству. Героемъ выступилъ онъ противъ французовъ и, руководимый инстинктомъ и старыми преданіями, отстоялъ внѣшнюю независимость. Подъ вліяніемъ патріотизма въ 1812 г. опять воскресли въ немъ сильныя стремленія къ внутренней свободѣ. Отсюда произошли новыя испытанія и междоусобія. Онѣ были неизбѣжны: народъ потерялъ гражданскія привычки и не могъ устроиться мирно; руководителями его были энтузіасты, неопытные какъ онъ самъ, незнакомые съ политическимъ искусствомъ. Борьба приняла конвульсивный, судорожный характеръ и кончилась, какъ слѣдовало ожидать, усталостью. Но какъ ни утомлена Испанія, какъ ни глубокъ ея сонъ, не все для нея потерянно. Солдатъ и крестьянинъ до сихъ поръ сохранили свою первобытную свѣжесть и чистоту. Ихъ здравый смыслъ, честность, вѣрность, остроуміе и добродушную удаль я самъ имѣлъ возможность наблюдать. Мои собесѣдники также хвалили добрыя качества простого испанскаго народа. По словамъ чиновника, земледѣльческій классъ въ сѣверныхъ и внутреннихъ провинціяхъ есть самое здоровое, благородное и привлекательное населеніе на полуостровѣ. Отчего же происходитъ видимая апатія или безсиліе націи? Думаю, что отъ недостатка спокойной, такъ сказать, будничной политической дѣятельности. Въ обществѣ испанскомъ высшія, или такъ называемыя руководящія и богатыя сословія развращены насквозь и совершенно неспособны къ гражданскому дѣлу, а низшія оставлены на произволъ судьбы и нуждъ, заняты добываніемъ насущнаго хлѣба. При безнадежномъ гніеніи аристократіи, при отсутствіи просвѣщенія, при господствѣ несвойственной Испаніи, заносной, французской централизаціи и бюрократіи государство является какимъ-то чуждымъ, искусственнымъ учрежденіемъ, а народъ живетъ по прежнему въ гражданской праздности. Можетъ ли правительство, связанное по ногамъ и по рукамъ собственными своими орудіями, дѣйствовать съ успѣхомъ? Разумѣется, не можетъ; гдѣ нѣтъ политическаго упражненія, тамъ политика непремѣнно дѣлается добычею военныхъ честолюбцевъ и всякаго рода дилетантовъ, выскочекъ и говоруновъ. Что значитъ для Испаніи конституція безъ самоуправленія?

Очень мало. Изъ кого здѣсь состоятъ представители народа? Изъ людей, которые не знаютъ даже интересовъ своего города и села, потому что города и села отданы чиновникамъ въ полное распоряженіе. Неудивительно даже, если народъ часто выбираетъ чиновниковъ своими депутатами: больше ихъ не изъ кого выбрать. Отсюда ясно, что Испанія не воскреснетъ, пока земледѣльцы и промышленныя сословія не будутъ призваны къ участію сначала въ окружномъ и провинціальномъ управленіи, а потомъ приготовленные въ этой лучшей, единственной школѣ, и къ участію въ общихъ дѣлахъ страны. Нынѣшняя система, очевидно, обречена на смерть. Конституціонныя формы, на которыхъ она построена, оказались мертвыми и негодными. Ихъ надѣялись усовершенствовать, но не могли. Общество осталось нетронутымъ: одна часть его продолжаетъ гнить, другая лишена голоса и безпомощна. Крестьянинъ и солдатъ спасли отечество въ минуту опасности, но не подвинули ни на шагъ впередъ его политическаго развитія по своей простотѣ и невѣжеству. Вообще, гдѣ нѣтъ національнаго духа и единства, нѣтъ гражданъ, а есть только разрозненныя, враждебныя, непохожія между собою, непонимающія одна другую касты, тамъ трудно помышлять о порядкѣ и справедливости, тамъ государство не представляетъ живого, крѣпкаго органическаго тѣла, тамъ есть только административная машина. Такую машину имѣетъ современная Испанія. Надо согласиться, что отъ этого она нисколько не выигрываетъ. Но возвратимся къ разсказу. Мнѣ хотѣлось больше описывать Испанію, чѣмъ разсуждать о ея будущности.

Мы не останавливались въ Альмеріи и направили путь прямо на Картахену. Что за чудный портъ устроила здѣсь природа! Представьте себѣ необъятную бухту, окруженную горами, защищенную даже съ моря скалою, которая какъ нарочно выдвинулась у самаго входа. Такой пристани съ фонаремъ поискать на свѣтѣ. Но человѣкъ мало работалъ, чтобы оживить и сдѣлать для себя удобнымъ это восхитительное мѣсто. Въ Картахенѣ невидно ни флота, ни движенія, ни торговли; городокъ выглядываетъ мертво и скромно. Приплытіе новаго парохода составляетъ для жителей событіе. Кажется, лучшее средство уничтожить всемірное значеніе гаваней состоитъ въ томъ, чтобы обращать ихъ въ военные арсеналы. Такъ поступили испанцы съ Картахеною. Они строятъ здѣсь флотъ, воображая или желая доказать, что они по прежнему страшны на морѣ. А на дѣлѣ выходитъ, что никто ихъ не боится и даже не знаетъ, что Картахена существуетъ.

Мы сошли на берегъ и отправились осматривать доки цѣлою толпой. Намъ показали все по протекціи чиновника, который былъ нашимъ путеводителемъ. Изъ воображаемой армады на лицо оказалась одна корвета, дѣйствительно хорошо построенная, но, какъ слѣдовало ожидать, не въ Картахенѣ, а въ Англіи. Въ числѣ туземныхъ издѣлій мы не нашли ничего кромѣ лодокъ. Начальникъ порта видимо гордился пустыми доками и знаменитымъ арсеналомъ. Видя опрятность мастерскихъ, которая доказываетъ только, что въ нихъ мало работаютъ, испанцы пришли въ восторгъ отъ величія отечества. Потомъ мы пустились бродить по улицамъ Картахены. Какой контрастъ съ старыми историческими городами Испаніи. Тамъ остались памятники широкой жизни и свободы; здѣсь отеческое правленіе Габсбурговъ и Бурбоновъ ничего не произвело для вниманія путешественника. Въ новыхъ городахъ Испаніи можно найдти только плохой театръ, неизбѣжную plaza de toros (циркъ для боя быковъ) и Casino. Это послѣднее заведеніе въ Картахенѣ недурно. Испанцы должно быть издержали на него много денегъ, въ ущербъ комфорту собственныхъ домовъ. Они любятъ публичную, или, лучше сказать, уличную жизнь, какъ всѣ обитатели юга. Толпы празднаго, скучающаго народа съ утра до вечера проводятъ время въ Casino, играя въ карты или кости. Мы видѣли здѣсь трактирныя физіономіи, которыя такъ часто можно встрѣтить въ россійскихъ губернскихъ городахъ. Гораздо интереснѣе простолюдины въ Картахенѣ. Они сохранили свою національную одежду. Мужчины носятъ костюмъ въ родѣ горнаго шотландскаго, именно куртку и бѣлую юпку. Женщины одѣваются красиво, но пестро и черезчуръ нарядно. При черной мантильѣ часто попадается желтый платокъ и разноцвѣтное платье. Къ сожалѣнію, криполинъ проникъ и въ эти отдаленныя страны.

Уставши бродить по городу, я возвратился на пароходъ наслаждаться закатомъ солнца и прохладою ночи. Пойдти въ театръ у меня недостало духу. Въ Испаніи рѣдко можно видѣть національную драму на сценѣ. Кальдеронъ и Лопе-де-Вега забыты. Публика, особенно провинціальная, предпочитаетъ водевили, передѣланныя съ французскаго à la russe, или пробавляется плохими итальянскими операми. Гремучій Верди и здѣсь дѣйствуетъ на нервы массою тромбоновъ и литавръ. Но избавившись отъ одной бѣды, я попалъ въ другую. На палубѣ бесѣдовали бригадиръ съ отставнымъ офицеромъ изъ каталонскихъ дворянъ. Слова ихъ, что называется, били меня по ушамъ; имъ, какъ будто, хотѣлось внушить иностранцу высокое мнѣніе объ Испаніи. Зная,

что я русскій, они коснулись восточной войны и похвалили нашу храбрость. Мы были увѣрены, замѣтилъ одинъ, что французы и англичане долго простоятъ подъ Севастополемъ: этотъ городъ могла бы взять развѣ одна испанская пѣхота! Мнѣ показалось, что господинъ преувеличиваетъ. Но его собесѣдникъ пошелъ дальше. «Есть ли у васъ въ Россіи аристократія?» спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: «ужь конечно ей далеко до нашей. Мы можемъ похвалиться, что имѣемъ самыя знатныя фамиліи, какъ напримѣръ, Монтихо, (Montijo) съ которыми императоры считаютъ за честь соединяться бракомъ. Только испанская grandezza достойна занимать первый тронъ въ свѣтѣ и въ силахъ поддерживать его блескъ. Знаете ли вы, что жена Наполеона III испанка?

Такія разсужденія мнѣ нерѣдко случалось слышать за Пиренеями, особенно когда я сталкивался съ дворянствомъ и воинствомъ. Надутость и чванство высшихъ классовъ Испаніи просто непонятны и рѣшительно отталкиваютъ. Есть люди, которые смотрятъ на эти качества снисходительно, но я не вижу въ нихъ ничего кромѣ доказательства ограниченности и тупого самодовольства. Нельзя не уважать старой гордости въ простомъ крестьянинѣ Кастиліи: она происходитъ въ немъ отъ чувства независимости, отъ сознанія, что онъ такой же hidalgo viejo yrancio *), какъ всякій грандъ. Понятна гордость свободнаго и богатаго англичанина, ему есть чѣмъ гордиться. Но смѣшно видѣть упоеніе собственнымъ величіемъ въ гнилыхъ и упадшихъ сословіяхъ. Они обыкновенно гордятся браками да родствомъ за недостаткомъ другихъ болѣе дѣйствительныхъ заслугъ и менѣе случайныхъ преимуществъ. Мои собесѣдники часто напоминали мнѣ индѣйскихъ пѣтуховъ. Эти птицы и похожіе на нихъ люди удивляютъ насъ своею сосредоточенностью. Между ними не трудно отыскать истинныхъ философовъ, углубленныхъ въ созерцаніе собственнаго ничтожества. Не у всякаго достанетъ на столько терпѣнія, чтобы разрывать хламъ домашнихъ архивовъ и отыскивать въ немъ вмѣсто гражданскихъ подвиговъ, совершенныхъ предками, ихъ семейныя, никому ненужныя связи и генеалогическія преданія.

Мы выѣхали изъ Картахены утромъ и поплыли по направленію къ Аликанте. Берега здѣсь скалисты и негостепріимны: природа кругомъ дика; изрѣдка виднѣются остатки сторожевыхъ башенъ, построенныхъ

---

*) Потомокъ Готовъ, человѣкъ христіанской крови.

въ средніе вѣка для наблюденія за маврами и морскими разбойниками; тамъ и сямъ попадаются рудники, разработываемые по большей части иностранцами. Аликанте городъ скучный; видѣть въ немъ почти нечего, хотя онъ стоитъ на красивомъ мѣстѣ. Недалеко отъ города есть островъ, убѣжище неистребимыхъ въ Испаніи контрабандистовъ. Мы не выходили на берегъ и принуждены были, за недостаткомъ гавани, остановиться въ морѣ и выдерживать качку. До Валенсіи оставалось еще часовъ десять ѣзды. На пароходѣ царствовала скука. Къ счастію я могъ тамъ отдохнуть отъ испанскаго самохвальства. Въ числѣ пассажировъ отыскался одинъ итальянецъ, старый солдатъ и сподвижникъ Гарибальди. Онъ жилъ въ изгнаніи послѣ несчастій 1849 года и, услышавъ о возвращеніи въ Европу своего вождя спѣшилъ къ нему снова поступить въ ряды волонтеровъ. Я съ нимъ разговорился. Испанія повидимому очень ему надоѣла. Онъ долго жилъ въ Севильѣ и приходилъ въ ужасъ отъ андалузовъ; ихъ нравы казались ему дикими, хотя онъ самъ былъ родомъ изъ Неаполя и, судя по наружности, не отличался кротостью. «Насъ считаютъ, сказалъ онъ, самымъ лѣнивымъ и развратнымъ народомъ въ Европѣ, но я нигдѣ не видалъ такой лѣности и такого разврата, какъ въ Андалузіи. При всей легкости нравовъ и шаткости супружескихъ отношеній въ Италіи, мужья по крайней мѣрѣ имѣютъ обычай кормить своихъ женъ. Въ Севильѣ и этому обычаю не слѣдуютъ. Тамъ живутъ наоборотъ; жена часто доставляетъ пропитаніе своему лѣнивому супругу и принуждена продавать себя въ cazas de tapadillos *).

Когда я началъ распрашивать солдата о войнахъ 1848 и 1849 г.г., онъ замѣтно одушевился; потухшіе глаза его загорѣлись, изношенное годами и больное лицо помолодѣло. Рѣчь коснулась Гарибальди. «Не я одинъ служилъ ему душою и тѣломъ, сказалъ онъ съ чувствомъ; мы всѣ его безъ памяти любимъ. Кто зналъ въ дѣлѣ этого человѣка, тотъ не можетъ отъ него оторваться и связываетъ съ нимъ жизнь навсегда. Гарибальди не только храбръ, добръ, благороденъ, онъ отдалъ всего себя Италіи, онъ истребилъ, вырвалъ съ корнемъ изъ души своей мысль о личномъ интересѣ. Ему ничего ненужно, онъ не имѣетъ понятія о комфортѣ и разорялся нѣсколько разъ. Все имущество и наслѣдство, которое перешло въ его руки роздано солдатамъ. Теперь у него опять

---

*) Такъ называются дома, гдѣ назначаются свиданія. Сюда приходятъ испанки, завернувшись въ мантилью. Tapadillo значитъ инкогнито.

есть деньги, а послѣ войны навѣрное не будетъ ни гроша. Всѣхъ солдатъ своихъ онъ знаетъ насквозь; отъ него трудно утаить что нибудь; достоинства и пороки каждаго онъ опредѣлилъ вѣрно и точно. Грабежа и жестокости онъ не терпитъ, потому что самъ безкорыстенъ и кротокъ, какъ дитя. Я былъ свидѣтелемъ похоронъ его жены, видѣлъ его слезы и самъ плакалъ. Съ нами участвовалъ во всѣхъ походахъ одинъ негръ, котораго генералъ вывезъ изъ Америки. Этотъ негръ былъ преданъ Гарибальди, какъ вѣрная собака! Онъ сражался удивительно и ловилъ австрійцевъ арканомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ; его боялись враги какъ чорта. Къ несчастію онъ умеръ въ Римѣ; гробъ его провожали всѣ друзья Италіи.» Этотъ безъискусственный разсказъ сократилъ для меня разстояніе отъ Аликанте до Валенсіи. Я незамѣтно очутился въ странѣ, нисколько не похожей на ту, которую мы проѣхали. Передъ нами открылась huerta во всемъ блескѣ красоты. Я до сихъ поръ не видалъ ничего подобнаго. Трудно было оторвать глаза отъ роскошнаго царства лимоновъ и апельсиновъ. Необозримая долина сливалась въ одну волшебную рощу и невольно манила къ себѣ. Издалека съ палубы парохода ея пространство скрадывалось. Обманутому глазу чудилось, что оно невелико. Такъ бы и обѣжалъ въ минуту весь край. Между тѣмъ отъ моря до города Валенсіи еще версты двѣ. Мы пристали къ порту часовъ въ 12 утра и должны были взять тартану. Этотъ національный экипажъ похожъ на нѣмецкую бричку, окрашенную зеленымъ цвѣтомъ, съ тою разницею, что онъ о двухъ колесахъ; другіе называютъ тартану сухопутною гондолою. Извощики Валенсіи готовы драться за пассажировъ чуть не на ножахъ. Тарифъ не имѣетъ для нихъ силы безъ договора. У меня нашелся товарищъ, молодой испанецъ, тупой и недалекій, котораго ничто кромѣ женщинъ не могло одушевить. Но въ путешествіи по незнакомой странѣ людей не разбираютъ по уму. Въ Валенсіи непріятнѣе всего быть одинокимъ. Поэтому я обрадовался спутнику и мы поѣхали вмѣстѣ великолѣпною аллеею абрикосовъ, шелковицъ, кактусовъ и другихъ незнакомыхъ мнѣ тропическихъ растеній. Несмотря на жаръ, воздухъ былъ напоенъ ароматомъ; тонкій запахъ цвѣтовъ и плодовъ мы почуяли еще на морѣ. За городскими стѣнами насъ ожидалъ сюрпризъ: мы попали на скверъ, усаженный деревьями, на которыхъ висѣли зрѣлые апельсины, и магноліями въ полномъ цвѣту. Признаюсь, у меня, какъ у сѣвернаго человѣка, закружилась голова.

---

3. Прогулка по Валенсіи.

Пристроившись кое-какъ въ гостиницѣ, я побѣжалъ смотрѣть городъ. Нужно было спѣшить: пароходъ отходилъ на другой день; минуты были сочтены. Не имѣя въ рукахъ плана, я шелъ на удачу и попалъ прямо въ соборъ (la Seo). Наружность этого зданія неправильна. Оно испорчено вставками, пристройками и починками. Немногія детали носятъ на себѣ слѣды первоначальнаго плана. Хороша только башня да двѣ готическія двери, напоминающія Бургосъ и Толедо. Остальныя части храма подновлены такъ безтолково, что рѣшительно портятъ общее впечатлѣніе. Внутренность собора тоже загромождена и не имѣетъ вида. Нужно долго въ нее всматриваться, чтобы отыскать архитектурныя красоты. Я сначала не обратилъ на нихъ вниманія. Меня отвлекли фрески и картины, которыхъ здѣсь множество. Хуану-Хоанесу конечно принадлежитъ въ соборѣ первое мѣсто. Жаль только, что краски здѣсь потемнѣли отъ дыма; одна только пурпуровая (morado), которою славилась школа Валенсіи, сохранила свой неподражаемый блескъ. Нужно сказать еще, что фрески Хоанеса и его послѣдователей далеко ниже масляныхъ картинъ: онѣ писаны не такъ свободно, какъ, напримѣръ, знаменитыя фрески Липпи и Мазаччіо во Флоренціи; въ нихъ нѣтъ ни нѣжности, ни перелива цвѣтовъ; онѣ кажутся грубыми и нѣсколько угловатыми; даже выраженія лицъ неудачны и натянуты. Такое чувство производитъ, напримѣръ, знаменитое «крещеніе» Хоанеса. Другіе мастера выбирали притомъ самые непривлекательные сюжеты. На колесованіе и мученіе святыхъ вообще смотрѣть непріятно. Испанскіе живописцы въ этомъ случаѣ какъ-то особенно безпощадны; у нихъ нѣтъ деликатности: они не церемонятся съ предметомъ и стараются превзойдти другъ друга въ изображеніи ужасовъ пытки и казни. Чтобы оцѣнить талантъ Хоанеса, нужно познакомиться съ тѣми картинами, которыя писаны масляными красками. Изъ нихъ въ соборѣ особенно приковываетъ къ себѣ глаза св. семейство. Здѣсь Хоанесъ приближается къ Рафаэлю: его мадонны такъ же величавы, младенцы столько же очаровательны; лицо Іосифа не менѣе выразительно. И однакожъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ простымъ подражателемъ Санціо; сходство между ними объясняется тѣмъ, что они одинаково понимали идеалъ красоты и святости. Художникъ Валенсіи напалъ на дорогу мастера Урбино невольно, подъ вліяніемъ своего генія. Едва ли даже имѣлъ онъ случай изучать Рафаэля; сколько из-

вѣстно, бѣдность не позволила ему путешествовать по Италіи; онъ никогда не выѣзжалъ изъ отечества. Какъ богата должна быть природа артиста, который дошелъ самостоятельнымъ путемъ, безъ помощи, до такой высоты! Въ портретной живописи Хоанесъ болѣе напоминаетъ Дюрера и нѣкоторыхъ изъ предшественниковъ Рафаэля: очертанія лицъ у него нѣсколько угловаты, краски кажутся рѣзкими, можетъ быть отъ недостатка свѣта въ церкви, или отъ времени. Особенно любилъ онъ изображать Христа. Въ соборѣ Валенсіи есть одна подобная картина или, говоря правильнѣе, икона. Отдѣлка ея необыкновенно тщательна, но ликъ Спасителя не производитъ такого впечатлѣнія, какъ можно было бы ожидать. Хоанесъ, какъ Рафаэль въ первой манерѣ, повидимому, держался отчасти византійскихъ преданій; ему удалось выразить болѣе жалобу и страданіе, нежели умъ и кротость на челѣ мученика Голгофы. У итальянцевъ этотъ идеалъ схваченъ глубже и дѣйствуетъ сильнѣе; напримѣръ, извѣстную картину Тиціана «Christo della moneta» нельзя забыть: она врѣзывается въ душу навсегда.

Три сакристіи (ризницы) въ соборѣ заключаютъ много великихъ произведеній школы Валенсіанской. Несеніе креста Ривольты старшаго занимаетъ здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ. Картина эта, по манерѣ и выполненію, напоминаетъ Себастьяна дель Піамбо. Оба художника одинаково сильны своими граціозными композиціями и неподражаемымъ колоритомъ. Другая картина «положеніе во гробъ» приписывается венеціанцу Джованни Беллино; третья «креститель» Сурбарану, знаменитому севильскому художнику. Изъ произведеній скульптуры есть здѣсь чудное распятіе неизвѣстнаго мастера. Думаютъ, что оно принадлежитъ одному изъ учениковъ Микель-Анджело. Столько же замѣчателенъ главный алтарь или иконостасъ. Онъ былъ прежде отдѣланъ накладнымъ серебромъ (1498), но французы не оставили драгоцѣннаго металла на стѣнахъ и ограбили все, что могли. Имъ неудалось однакоже унести съ собою расписанныхъ дверей, о которыхъ Филиппъ IV справедливо замѣтилъ, что «если алтарь сдѣланъ изъ серебра, то онѣ изъ чистаго золота». Увѣряютъ, что надъ ними работалъ Леонардо-да-Винчи съ своими учениками Паоло-де-Ареджіо и Франческо-Неаполи (1506), по заказу Родриго Борха. Какъ бы то ни было, фрески эти заслуживаютъ европейской извѣстности; нѣкоторые изъ нихъ по отдѣлкѣ едва ли не выше Мазаччіо. Онѣ здѣсь какъ бы погребены и закрыты отъ глазъ истинныхъ цѣнителей искусства.

Сзади алтаря въ соборѣ Валенсіи (какъ въ другихъ соборахъ Ис-

паніи и Франціи) есть барельефы хорошей работы. Они изображаютъ разныя событія библейскаго міра. Знатоки очень восхищаются ими, но простому любителю они представляются обыкновенными. Кто видѣлъ Шартръ и Бургосъ, тотъ имѣетъ понятіе о лучшихъ произведеніяхъ этого рода. Въ Бургосѣ, напримѣръ, группы на барельефахъ до того оживлены, что кажутся подвижными.

Осмотрѣвъ, сколько было возможно, главный корпусъ собора, я перешелъ въ капеллы. И въ нихъ разсыпаны щедрою рукою памятники человѣческаго творчества. Въ этомъ отношеніи каждый древній храмъ Испаніи есть художественная галерея съ тою разницею, что здѣсь изображенія и статуи стоять на своемъ мѣстѣ, куда онѣ были предназначены художникомъ. Одна капелла наполнена картинами Орренте, этого Бассано Валенсіи, столько же плодовитаго и не менѣе оригинальнаго, какъ самъ Джакопо-Бассано. Когда Орренте задумалъ изобразить Св. Севастьяна, Ривальта метко съострилъ надъ нимъ. «Постойте, сказалъ онъ, вы увидите настоящаго santo de lana (святого въ шерсти)». Этотъ даровитый художникъ хоть строго, но вѣрно опредѣлилъ характеръ своего соперника Орренте, которому всегда больше удавались овцы, чѣмъ человѣческія лица. О Бассано конечно нельзя этого сказать: онъ былъ по крайней мѣрѣ хорошій портретистъ. Впрочемъ его группы столько же однообразны, сколько группы Орренте. Пробывъ въ соборѣ около двухъ часовъ, я далеко не успѣлъ осмотрѣть его въ подробности и отложилъ изученіе до другого дня. Такъ какъ въ церкви происходила служба, то мнѣ не показали самыхъ знаменитыхъ картинъ Хоанеса надъ алтаремъ. Надѣясь взглянуть на нихъ послѣ, я снова отправился бродить по городу. Красоту его описать трудно. Здѣсь въ одинъ часъ увидишь столько великаго, сколько въ иной столицѣ, построенной на военный манеръ, не отыщешь въ недѣлю. На каждомъ шагу бросаются въ глаза или оригинальное по архитектурѣ зданіе, или великолѣпный дворъ (patio), или готическая галерея, или стройная колонада. Валенсія показалась мнѣ привлекательнѣе Севильи. Столица Андалузіи беретъ верхъ только своимъ соборомъ, украшеннымъ хиральдою; площади въ ней не такъ хороши. Что касается до улицъ, онѣ одинаково узки во всѣхъ испанскихъ городахъ. Но ненужно забывать, что онѣ защищаютъ человѣка противъ жара, который здѣсь самый опасный врагъ гражданъ. Притомъ же онѣ чрезвычайно живописны. Соприкасаясь близко между собою балконами, дома внутри очень удобны и просторны. Почти вездѣ есть patio или закрытая сверху

стеклами галерея, которая отворяется въ хорошую погоду. По большей части она охлаждается фонтаномъ. Галерея служитъ испанцу гостиною; онъ проводитъ въ ней цѣлый день и отдыхаетъ или дѣлаетъ сьесту (siesta). Вообще мы слишкомъ предубѣждены противъ старыхъ городовъ и не можемъ простить имъ узкихъ улицъ. Но на самомъ дѣлѣ отъ этого происходитъ одно важное неудобство, именно—чѣмъ тѣснѣе, улица, тѣмъ больше она требуетъ отъ жителя опрятности. Съ русскими привычками конечно не слѣдуетъ устраивать города на старый ладъ. Мы провинціалы любимъ бросать за окна и за ворота все, что попало; губернская полиція смотритъ на это сквозь пальцы: ни намъ, ни ей дѣла нѣтъ до сосѣда или до сосѣдняго дома. Наши пространныя площади и пустыри рѣдко содержатся въ чистотѣ. Нужно много рукъ, чтобы предохранить ихъ отъ грязи и запустѣнія. Говорятъ, что узкія улицы не даютъ сосѣдямъ покоя отъ сплетней, но и широкія улицы, судя по опыту, не мѣшаютъ сплетнямъ; какъ ни просторно живемъ мы, но каждый знаетъ хорошо, что дѣлается въ околоткѣ. Другое неудобство старыхъ городовъ опасность отъ пожара—едва ли можно назвать серьезнымъ: здѣсь многое зависитъ отъ устройства пожарныхъ командъ. Наши губернскіе города, несмотря на то, что раскинуты въ безконечность, горѣли съ большимъ успѣхомъ. Далѣе говорятъ, что въ старыхъ городахъ хорошія зданія загромождены и не имѣютъ вида. Но я не знаю городовъ новыхъ, которые были бы такъ оригинальны и разнохарактерны, какъ напримѣръ Валенсія или Севилья. Отличительное свойство нашихъ построекъ монотонность и казарменный видъ. Кромѣ большихъ городовъ Россіи и Америки, гдѣ почти всѣ дома похожи одинъ на другой какъ двѣ капли воды, даже Парижъ и Лондонъ, именно въ тѣхъ кварталахъ, которые отдѣланы въ наше время, очень однообразны. Здѣсь хоть и просторно, да скучно: глаза притупляются видѣть одно и то же. Многоэтажныя зданія затянуты, какъ солдаты. Въ старину люди, должно быть, имѣли больше изобрѣтательности, меньше охоты къ безцвѣтному подражанію... Впрочемъ о вкусахъ не спорятъ. Я люблю старые города; другому могутъ нравиться новые. Дѣло только въ томъ, что не всегда въ первыхъ жить тѣсно, а въ послѣднихъ просторно. Въ Москвѣ, напримѣръ, улицы узки; въ Петербургѣ широки, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что Петербургъ привольнѣе, что въ немъ можно раскинуться на такую широкую ногу, какъ въ Москвѣ.

Въ гостиницѣ за обѣдомъ я нашелъ самое пестрое общество. Здѣсь

были испанцы и французы. Разговоръ шелъ жаркій и довольно интересный. Толковали о крестныхъ ходахъ, которые такъ любитъ Валенсія. Одинъ французъ жаловался на это и выражалъ сильное негодованіе на суевѣріе. Испанцы спорили, но онъ побилъ ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ, именно крѣпкими словами. Слова эти онъ усвоилъ себѣ лучше, чѣмъ самый языкъ испанскій. Нужно замѣтить, что они довольно сходны съ нашими русскими. Но мы по крайней мѣрѣ не гордимся этими словами, какъ лучшимъ народнымъ достояніемъ. Намъ даже досадно, что мы не можемъ пройдти по улицѣ, не слыша ихъ около себя; они не даромъ называются площадными. Особенно жаль бываетъ дамъ, когда ихъ слухъ поражаетъ такое слово. Простой народъ конечно не легко отъучить отъ его привычекъ. Русскій извощикъ считаетъ употребленіе крѣпкаго слова своимъ естественнымъ правомъ. Но если бы за это наложенъ былъ штрафъ, хоть напримѣръ, въ городахъ, — доходы ихъ могли бы значительно увеличиться. Опасно только народное волненіе. Въ Испаніи привычками употреблять крѣпкія слова заражены не одни погонщики муловъ, но всѣ классы общества безъ исключенія. Даже дамы часто ихъ произносятъ, только съ измѣненіемъ. Вмѣсто грубаго *carajo*, онѣ говорятъ, напримѣръ, нѣжное *caramba*, что по-русски можно перевести: чортъ возьми, между тѣмъ какъ первое выраженіе въ печати вовсе неупотребительно. И такъ, когда французъ забросалъ испанцевъ крѣпкими словами, они не нашлись, что возразить ему. Имъ показалось, что онъ привелъ въ свою пользу самые неотразимые аргументы; нѣкоторые изъ нихъ даже пришли въ восторгъ и, обращаясь другъ къ другу, замѣтили: «да что съ нимъ спорить? Онъ одинъ изъ нашихъ (è uno de nosotros) и разсуждаетъ, какъ чистый испанецъ!»

Послѣ обѣда я пошелъ отыскивать одного профессора, къ которому у меня было рекомендательное письмо. Этотъ почтенный человѣкъ встрѣтилъ меня очень радушно. Въ Валенсію иностранцы заѣзжаютъ рѣдко, а потому пользуются особеннымъ гостепріимствомъ. Вообще въ Испаніи, кромѣ Мадрида, народъ держится патріархальныхъ обычаевъ; французская холодная, официальная и отталкивающая вѣжливость еще не зашла сюда. Къ тому же ученая республика слѣдуетъ своимъ обычаямъ всемірнаго братства. Они такъ вкоренились въ Европѣ, что я не знаю, найдется ли человѣкъ, который бы рѣшился отъ нихъ отступить. Въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, какъ только узнаютъ, что вы иностранный профессоръ или студентъ, вамъ уже не позволятъ обѣдать внѣ

университета. Въ Германіи васъ повезутъ въ Кнеіре, чтобы распить въ знакъ фратернитета кружку пива, въ Голландіи напоятъ чаемъ, въ Бельгіи виномъ, въ Испаніи угостятъ шоколадомъ или мороженымъ. Но всего дороже, разумѣется, дружеская бесѣда, возможность провести вечеръ съ неглупымъ товарищемъ, т. е. забыть свое одиночество. Когда я пришелъ къ профессору, онъ дѣлалъ сьесту (siesta); подлѣ него сидѣли жена и дочь. Увидѣвши чужого, онѣ скрылись, точно одичавшія хуторянки. Мы остались вдвоемъ. Въ профессорѣ, несмотря на то, что онъ живетъ въ глуши, «отрѣзанный, какъ мы выражаемся, отъ умственнаго движенія Европы», я нашелъ образованнаго человѣка. Онъ соединялъ, по обычаю западныхъ профессоровъ ученыя занятія съ адвокатурою. Ѳемида отчасти положила на него свою печать. (Онъ напоминалъ по виду провинціальнаго чиновника), но не стерла съ его лица простодушія и наивности. Одинъ московскій ученый важно увѣрялъ меня, что эти послѣднія качества свойственны всѣмъ провинціаламъ. Какъ бы то ни было, мнѣ съ этимъ профессоромъ было веселѣе болтать, чѣмъ съ нѣкоторыми московскими и даже петербургскими учеными. Говорилъ онъ обо всемъ, что было на душѣ, безъ претензій, и притомъ говорилъ дѣльно. Упадокъ Испаніи, разумѣется, не былъ для него секретомъ. «Дѣла у насъ, сказалъ онъ между прочимъ, идутъ изъ рукъ вонъ плохо. Испанія управляется безтолково и беззаконно. Мало того, что въ ней принята система французской администраціи; мало того, что надъ королевствомъ господствуетъ Мадридъ, хуже всего наборъ чиновниковъ. Мѣста раздаются не по заслугамъ, не по экзаменамъ, не по конкурсу, а просто по прихоти. Фавориты и protegés сильныхъ лицъ занимаютъ всѣ сколько нибудь важныя или выгодныя должности и грабятъ народъ. Мы недовольны, но не знаемъ, что дѣлать; революціи не помогаютъ, хартіи безсильны, законы пишутся понапрасну. Если бы можно было надѣяться на будущее, мы бы терпѣли и работали. Но чего ждать, скажите, когда просвѣщеніе идетъ не впередъ, а назадъ? Вотъ, напримѣръ, въ Валенсіи когда-то процвѣтала литература, процвѣталъ университетъ, а теперь что? Всѣ заснули. Литераторы наши переводятъ французскія книжонки; профессора въ провинціяхъ почти ничего не дѣлаютъ. Въ Мадридѣ вы еще видѣли что нибудь похожее на жизнь, а здѣсь найдете совершенное запустѣніе. Вы интересуетесь юриспруденціею. Теперь въ Испаніи почти нѣтъ оригинальныхъ юристовъ; журналъ, который издается въ столицѣ (юридическое обозрѣніе) наполненъ чужимъ привознымъ товаромъ. Прежде

у насъ была своя мысль, своя наука; теперь мы питаемся крохами иностранцевъ. Посмотрите лучше на книги, которыя я вамъ покажу: вотъ памятники настоящей испанской публицистики. И профессоръ вынесъ мнѣ изъ своей библіотеки нѣсколько фоліантовъ, существованія которыхъ я конечно и не подозрѣвалъ. Два изъ нихъ показались мнѣ особенно интересными. Это трактаты знаменитаго юриста Валенсіи *Санса* (Saenz) de regimine civitatis et regni Valentiae (1676) и de re criminali (собраніе уголовныхъ процессовъ). Сансъ былъ послѣднимъ защитникомъ свободы въ своемъ отечествѣ и народнымъ учителемъ въ полномъ смыслѣ слова. Другія книги относились къ каноническому праву, именно были написаны противъ папскихъ притязаній. Замѣчательно, что всѣ лучшіе умы Испаніи отстаивали національную церковь; если судить по литературѣ, ни одна страна не была такъ враждебна стремленіямъ римскаго двора повелѣвать духовенствомъ. Самъ Филиппъ II сочувствовалъ отечественнымъ канонистамъ и даже, къ удивленію, иногда защищалъ ихъ противъ инквизиціи. Но въ исторіи силенъ только успѣхъ; побѣжденныхъ людей не замѣчаютъ, имъ даже не ведутъ счета. Защитники церковнаго самоуправленія во Франціи одолѣли и потому пользуются извѣстностью; въ Испаніи ихъ задушили и они забыты. «Да и къ чему служатъ теперь эти книги, горько прибавилъ мой собесѣдникъ: вы знаете, что послѣднимъ конкордатомъ правительство сдѣлало папѣ уступки наперекоръ всѣмъ историческимъ преданіямъ! Впрочемъ я ихъ читаю за неимѣніемъ лучшихъ и слѣжу за тѣмъ, что пишутъ у насъ о старинѣ. Любимая моя книга есть bibliotheca Hispana vetus et nova Николая Антоніо: я нахожу въ ней то, что мнѣ дорого въ моей отчизнѣ и чего мы лишились теперь, когда стали жить не на свой ладъ. Я неисправимый патріотъ, какъ вы видите, и врагъ чужеземныхъ обычаевъ».

Объ университетѣ въ Валенсіи профессоръ отозвался печально. «Правительство, замѣтилъ онъ, безпрестанно мѣняетъ наши уставы, а всего лучше было бы возвратиться къ старымъ. Къ чему намъ подражать французскимъ коллегіямъ, когда у насъ были свои оригинальные, народные университеты?» И профессоръ повторилъ извѣстное изрѣченіе, что науку легче убить, чѣмъ поднять. «Но я не хочу наводить на васъ тоску разсказами, прибавилъ онъ; пойдемъ лучше гулять по Валенсіи! Жаль, что вы такъ скоро ѣдете; у насъ есть что посмотрѣть! Мы теперь перестали жить, но когда-то жили на славу.»

И мы отправились въ городъ. Наступилъ вечеръ. Къ намъ скоро

присоединилось нѣсколько знакомыхъ профессоровъ и между ними одно духовное лицо въ такой шляпѣ, въ какой обыкновенно изображается Don Basilio въ «Севильскомъ цирюльникѣ.» Профессоръ отрекомендовалъ меня имъ словами: caballero ruso! Произнести мое имя было ему не подъ силу; онъ довольствовался тѣмъ, что прибавилъ: catedratico *) en la Universidad imperial. Испанцы рѣшительно не могли понять, что занесло человѣка такъ далеко и распрашивали меня, гдѣ я сышалъ о Валенсіи. Извѣстно, что они сами меньше путешествуютъ, чѣмъ другіе европейскіе народы. Изъ нихъ рѣдко кто видѣлъ даже свою страну. Этимъ отчасти объясняются ихъ предразсудки, отсталость и мѣстная исключительность. Мы отправились гурьбой въ городской садъ. Вечеромъ въ воздухѣ разлитъ былъ самый тонкій запахъ цвѣтовъ. Мнѣ, какъ иностранцу, сорвали самую роскошную магнолію и, распрашивая о русскихъ снѣгахъ, показывали всѣ рѣдкости тропической страны. Я убѣдился что здѣсь растетъ подъ открытымъ небомъ не только пальма, но даже бамбукъ. И неудивителнно. Въ Валенсіи никогда не бываетъ болѣе двухъ градусовъ холоду. Мнѣ, сѣверному жителю, казалось, что я залетѣлъ куда-то на другую планету. Народу на гуляньѣ было множество въ самыхъ живописныхъ національныхъ костюмахъ. Въ Испаніи городская жизнь кипитъ особенно ночью. Въ домахъ вы не увидите огня; все стремится на улицу, въ церковь, въ кофейню. Какъ нарочно въ городѣ былъ тогда праздникъ тѣла господня (del corpus). Въ это время происходятъ цѣлую недѣлю процессіи и торжества; храмы освѣщаются великолѣпно, толпа участвуетъ въ церемоніяхъ; духовенство въ сопровожденіи вѣрующихъ носитъ дары, иконы, хоругви, знамена изъ одной церкви въ другую; присутственныя мѣста закрываются; торговля останавливается. Мы прошли по главнымъ улицамъ, пытались пробиться въ одну изъ церквей сквозь густую толпу, не успѣли въ этомъ и наконецъ принуждены были занять мѣсто въ кондитерской, наполненной народомъ. Здѣсь намъ подали сливочное мороженое, которымъ славится Валенсія и подобное которому по вкусу и дешевизнѣ можно найдти развѣ въ Неаполѣ. Прохладительные напитки въ Испаніи чрезвычайно разнообразны: они приготовляются изъ апельсиновъ, лимоновъ, гранатовъ и т. п. Сокъ плодовъ этихъ слегка замороженъ и однакоже сохраняетъ свѣжій ароматъ. Кромѣ того испанцы искусно составляютъ смѣшанныя мороженыя изъ разныхъ эссенцій, подбав-

*) Такъ называютъ испанцы профессоровъ.

ляя къ нимъ ваниль или душистыя травы. Эти пріятныя микстуры могутъ вознаградить гастронома за недостатки испанской кухни въ другихъ отношеніяхъ. Курицу на деревянномъ маслѣ особенно сладко заѣдать мороженымъ и апельсинами. А что это за апельсины? Мы здѣсь не имѣемъ о нихъ никакого понятія. Намъ привозятъ подобіе этого плода, но его сущность, т. е. букетъ, улетаетъ съ корабля, должно быть, въ благословенную Валенсію или въ Севилью.

Мнѣ не хотѣлось возвращаться домой, но я уступилъ благоразумію. На осмотръ Валенсіи у меня оставалось еще цѣлое утро; нужно было имъ воспользоваться и къ позднему обѣду поспѣть на пароходъ. Одинъ изъ знакомыхъ профессоровъ къ счастію вызвался быть моимъ чичероне съ самаго разсвѣта. И такъ я простился съ добродушными спутниками и, волею неволею, отправился спать. Но какой тутъ сонъ придетъ, когда любопытство раздражено, когда голова кружится отъ огней, отъ толпы, отъ запаха цвѣтовъ! Къ счастію тупой видъ юнаго моего товарища съ парохода подѣйствовалъ на меня прозаически. Мы взяли съ нимъ одну большую комнату съ двумя постелями. Благоразумный юноша, наслышавшись о бандитахъ въ Валенсіи, сильно безпокоился, заперъ ставни наглухо и наконецъ видимо сталъ припрятывать отъ меня свои часы и деньги. Мнѣ было смѣшно и вовсе не обидно, что онъ бросаетъ въ мою сторону испуганные взгляды. Я даже старался его успокоить, замѣтивши ему, когда онъ раздѣлся, что мы теперь оба въ одинаковомъ положеніи. Но онъ не понялъ намека и потушивъ свѣчу, продолжалъ ворочаться. Какъ нарочно, чтобы испугать его, на улицѣ раздался громкій крикъ: Ave Maria doce e medio, sereno *). Тупой испанецъ даже не узналъ съ разу, что это распѣваетъ на какой-то особенный голосъ ночной сторожъ и хотѣлъ было зажигать свѣчу. Наконецъ дѣло объяснилось и мы заснули, — я съ мыслями о завтрашнихъ нахожденіяхъ, онъ, можетъ быть, съ надеждою, что я его до утра зарѣжу.

И точно, слѣдующій день былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ дней въ моей жизни! Едва разсвѣло, какъ я уже обнялъ Валенсію въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. взошелъ на микалетъ или на соборную ко-

---

*) Дѣва радуйся, половина перваго, ясно. За этотъ напѣвъ ночныхъ сторожей въ Валенсіи называютъ ясными (sereno), такъ какъ темныя дождливыя ночи случаются здѣсь очень рѣдко.

локольню, откуда городъ и его окрестности видны во всей красотѣ. Легенда говоритъ (или правильнѣе лжетъ), будто Сидъ показывалъ отсюда своей женѣ и дочерямъ красоты завоеваннаго имъ земнаго рая.

Если это невѣрно исторически (въ чемъ ручаются лѣтописи: микалетъ былъ выстроенъ позже), о Сидѣ можно пожалѣть. Впрочемъ утѣшимся: есть люди, которые увѣряютъ, что тутъ стояла другая башня, воздвигнутая маврами! Какъ бы то ни было, на микалетъ непремѣнно нужно взойдти путешественнику и притомъ не въ жаркую пору. По башнѣ приходится взбираться на двѣсти ступеней. Видъ отсюда очаровательный. Онъ нѣсколько напоминаетъ перспективу съ башни, построенной на площади св. Марка. Передъ вами такой же поэтическій городъ съ кривыми, извилистыми, какъ лабиринтъ, улицами; недалеко отъ него синѣетъ море; съ противоположной стороны тянется долина, изрѣзанная каналами и рѣчками. Но есть въ окрестностяхъ Валенсіи и то, чего нѣтъ возлѣ Венеціи, именно необозримый садъ или лѣсъ изъ апельсиновъ, лимоновъ, абрикосовъ, лавровъ и миртовъ, усѣянный живописными дачами, фермами, деревенскими домиками, кустами олеандровъ, магнолій, розъ, кактусовъ и другихъ роскошныхъ растеній. Городъ, кругомъ убранный зеленью, цвѣтами и плодами, стоитъ какъ красавица—въ праздничномъ нарядѣ, и смѣется, и манитъ къ себѣ. Съ высоты птичьяго полета вы любуетесь его мавританскими дворцами и готическими зданіями. Глаза ваши разбѣгаются и не могутъ успокоиться. Васъ проковываетъ то прихотливая кровля, то patio, то колоннада, то голубятня курьезной архитектуры (жители Валенсіи изстари любили держать голубей на домахъ), то бесѣдка. А сколько въ городѣ красивыхъ мостовъ и грандіозныхъ воротъ! Мосты здѣсь какъ будто занимаютъ должности безъ дѣла; лѣтомъ подъ ними нѣтъ воды, но это не мѣшаетъ имъ приносить пользу, когда весною и осенью надуваются горныя рѣки. Нѣкоторые изъ мостовъ построены лѣтъ за пятьсотъ назадъ, другіе сохранились со временъ мавританскаго владычества. Стѣны и ворота Валенсіи, несмотря на осады и опустошеніе французовъ все еще держатся, хотя крѣпость отчасти измѣнила своему первоначальному назначенію. Одно мѣсто около цитадели, подъ названіемъ glorietta, превращено въ бульваръ; церковь—въ магазинъ; внутри нѣкоторыхъ башенъ и воротъ устроены тюрьмы и школы. Когда-то недалеко отъ крѣпости существовалъ монастырь, въ которомъ любитель искусства нашелъ бы цѣлую галерею картинъ и статуй; теперь отъ него остались только стѣны, да величественные порталы, за-

крытые апельсинными деревьями. Французы разграбили и унесли отсюда почти все; кое-что въ послѣдствіи было отнято назадъ и помѣщается въ городскомъ музеѣ. На западъ отъ Грао чрезъ Валенсію идетъ желѣзная дорога, единственная въ мірѣ по красотѣ мѣстоположенія и единственная въ Испаніи по благоустройству и порядку, въ которомъ ее содержатъ. Вся эта панорама красуется съ башни въ неописанномъ блескѣ тропической природы. Воздухъ въ Валенсіи такъ сухъ и ясенъ, что приближаетъ къ глазамъ отдаленные предметы какъ будто волшебною силой. И прибавьте къ этому удивительное явленіе—темно-голубое, почти синее южное небо, подъ которымъ не смѣетъ показаться туманъ, куда входъ ему запрещенъ строгимъ закономъ! Правду сказалъ Фордъ, что изъ этой невозмутимой атмосферы вынесъ Мурильо свой золотистый, нѣжно-прозрачный свѣтъ, которымъ окружены у него благословенныя дѣвы, возносящіяся въ рай. Какъ досадно, что башня, съ которой видны такіе виды, недостроена, да вдобавокъ обезображена глупымъ архитекторомъ нашего времени! Основная ея форма готическая осьмиугольная. Первымъ строителемъ микалета былъ Хуанъ Франкъ, зодчій XIV вѣка. Онъ предполагалъ возвести башню на 350 футовъ, но кончилъ ее только до половины. Хорошо было бы если бы его работа осталась нетронутою. Къ несчастію испанцы не щадятъ древнихъ памятниковъ. Они какъ будто любятъ доказывать наглядно и разительно превосходство древнихъ народныхъ зодчихъ передъ безталанными, патентованными академиками и портятъ все великое, не церемонясь. Микалетъ пострадалъ отъ дюжиннаго пачкуна: онъ кое-гдѣ замазалъ украшенія башни и поставилъ на ея вершинѣ что-то очень нелѣпое въ родѣ галлереи или фонаря. Ему хотѣлось такъ или иначе закончить зданіе, до котораго въ другой странѣ ему не позволили бы прикоснуться.

Простоялъ бы я на башнѣ нѣсколько часовъ, если бы мой спутникъ не вывелъ меня изъ забытья. Мы сошли внизъ. Время летѣло. Нужно было торопиться. Говорятъ, будто все, что кажется прекраснымъ издалека, проигрываетъ, когда станешь къ нему близко лицомъ къ лицу. Это несправедливо, по крайней мѣрѣ относительно Валенсіи. Она имѣетъ свойство обезоруживать критику. Я мало знаю городовъ, въ которыхъ было бы разсыпано столько вкуса. Особенно разнообразна здѣсь архитектура. Между зданіями на главной площади бросается въ глаза lonja de seda или биржевая зала, гдѣ въ старину продавали шелкъ,—великолѣпный готическій дворецъ XV вѣка. Она почти ничѣмъ не

обезображена, только окна да гербы съ изваяніями пострадали отъ французовъ; немного осталось на нихъ украшеній и медальоновъ. Зато крыльцо чудной работы сохранилось; арки нетронуты и одна другой наряднѣе; онѣ мнѣ напомнили линконскій соборъ въ Англіи своими лиственными украшеніями. Украшенія эти выработаны изъ камня такъ тонко, что, если бы не цвѣтъ, ихъ можно было бы принять за натуральные листья съ деревевъ. Зала убрана витыми колоннами и разноцвѣтными кафлями (azulejos), которыми такъ славилась Испанія.

Самые богатые дома Валенсіи находятся на улицѣ кавалеровъ. Они отдѣланы не только изящно, но очень разнообразно. Ихъ строители, должно быть, избѣгали подражаній и повтореній. Почти каждое зданіе отмѣчено чѣмъ нибудь оригинальнымъ; здѣсь изобрѣтательность зодчаго высказалась въ устройствѣ patio, тамъ онъ положилъ печать своего генія на галереѣ; въ слѣдующемъ домѣ хотѣлъ выдвинуть колоннаду или отличиться каріатидами. Только пошлость не находила здѣсь себѣ мѣста. Чтобы изучать ее, нужно посѣтить нѣкоторые изъ новыхъ городовъ. Нельзя не пожалѣть, что многія общественныя зданія разрушены: какъ они были великолѣпны, я сужу по остаткамъ городской думы, отъ которой уцѣлѣла вполнѣ только одна капелла, къ несчастью подновленная, по испанскому обычаю, безъ малѣйшаго вкуса и съ полнымъ отсутствіемъ толка. Зато палатою кортесовъ можно любоваться досыта. Здѣсь помѣщаются теперь присутственныя мѣста и суды. Слава богу, что испанскіе повытчики еще не успѣли запачкать чернилами и взяточничествомъ главную залу: ихъ туда, какъ я слышалъ, не пускаютъ. Эту залу позвольте описать подробнѣе: она просто заглядѣнье. Въ ней любитель искусства найдетъ сокровища, если захочетъ поискать. И между тѣмъ она стоитъ пустая. Да кому же въ самомъ дѣлѣ жить здѣсь? Старая свобода исчезла, ея защитники давно лежатъ въ своихъ холодныхъ могилахъ и обратились въ прахъ, никто не занялъ ихъ почетнаго мѣста. Но въ сторону воспоминанія. Пусть зала эта говоритъ сама за себя!

Наружность палаты еще довольно обыкновенна. Стоитъ она благородно въ своей дорической простотѣ; видъ съ ея балконовъ чудесный, но входя внутрь, я не ждалъ ничего чрезвычайнаго. Въ передней висятъ портреты аррагонскихъ королей, строгія воинственныя лица; мечъ одного изъ нихъ Іакова, завоевателя Валенсіи, хранится здѣсь въ памятномъ ящикѣ съ городскими ключами, отнятыми у мавровъ. Но вотъ намъ отворили двери на лѣво и мы увидѣли залу, которая мало

имѣетъ себѣ подобныхъ въ самой Испаніи. Ея стѣны разрисованы al fresco; на каждой изъ четырехъ сторонъ помѣщаются отдѣленія кортесовъ (королевское, военное, духовное, депутатское) въ томъ порядкѣ, въ какомъ они засѣдали въ общемъ собраніи. Эти энергическія, выразительныя физіономіи сняты съ натуры художникомъ Валенсіи Сариньеньей (Zarinena, 1592). Время не пощадило ихъ; усердные слуги новаго порядка усиливались стереть преданія свободы и замазали масломъ почти всѣ лица, кромѣ мадонны, которую живописецъ помѣстилъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Странно впрочемъ, что невѣжество неуспѣло уничтожить этотъ памятникъ живого искусства: пострадала одежда, фонъ на фрескахъ немного стерся, но лица сохранились и только глядятъ угрюмѣе, какъ бы негодуя на свою судьбу. Лучшее украшеніе залы есть особеннаго рода потолокъ, или такъ называемый софитъ. Отъ него получаетъ она въ высшей степени поэтическій характеръ. Потолокъ этотъ какъ будто выточенъ изъ дерева: пространство между брусьями обложено золотомъ и раздѣляется на мелкія перегородки; онѣ убраны точно бахромою, и съ каждой виситъ роскошная кисть. Потолками этой работы Испанія преимущественно славится; ихъ можно встрѣтить и во Франціи въ нѣкоторыхъ старыхъ зданіяхъ, но здѣсь они рѣдки и притомъ измѣнили свою форму въ готическомъ вкусѣ. Напротивъ, потолокъ, о которомъ я говорю, носитъ на себѣ характеръ мавританскій.

Этимъ еще не исчерпываются богатства залы. Ея карнизы — образцовое произведеніе искусства! Они отдѣланы такъ фантастически, такъ изящно, прихотливо и разнообразно, что я не знаю, съ чѣмъ сравнить эту работу. Здѣсь неизвѣстный художникъ разсыпалъ щедрою рукой цвѣты и плоды, помѣстилъ въ самыхъ живописныхъ, непринужденныхъ позахъ и гармоническихъ сочетаніяхъ купидоновъ, миѳологическія фигуры, чудовища, — и между тѣмъ ничего не сдѣлалъ лишняго, не впалъ въ эффектацію, не перешелъ въ пестроту, не испортилъ впечатлѣнія. Инстинктъ гармоніи есть лучшій признакъ здороваго и развитаго вкуса. Повидимому нѣтъ матеріяла неблагороднѣе для ваятеля и рѣзчика какъ дерево. Къ тому же мы привыкли судить о подобныхъ работахъ по дурнымъ образцамъ. Такъ называемое *рококо*, обыкновенная манера отдѣлки комнатъ, принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ рѣзьба по дереву пришла въ упадокъ. Страсть къ разноцвѣтнымъ лѣпнымъ украшеніямъ достигла до такой степени, что произведенія этого рода сдѣлались просто невыносимыми.

Мы проходимъ мимо нихъ какъ можно скорѣе, чтобы сберечь глаза отъ утомленія. Я не знаю ничего безобразнѣе нѣкоторыхъ залъ Лувра, убранныхъ такимъ образомъ. Къ несчастію подражаніе французамъ вошло въ моду, истинный вкусъ постепенно портился и наконецъ былъ вовсе утраченъ. Карнизъ въ Валенсіи не имѣетъ ничего общаго съ уродливыми произведеніями временъ Людовика XIV и XV. Окна въ залѣ также замѣчательны своими оригинальными узорами; ни одно изъ нихъ не похоже на другое. Кафли и перила съ небольшими столбами, соединяющія карнизъ въ одно стройное цѣлое, дополняютъ общій эффектъ залы. Я едва могъ изучать ея детали подъ вліяніемъ восторга, который она пробуждаетъ. Здѣсь я почувствовалъ, что творчество есть лучшій даръ человѣка, что этимъ даромъ мы имѣемъ право гордиться и должны пользоваться, если на самомъ дѣлѣ хотимъ возвыситься надъ животными.

Мнѣ предстояло еще видѣть много прекраснаго. Валенсію нельзя исчерпать въ день: она можетъ занимать туриста по крайней мѣрѣ недѣлю. Ея сокровища разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Не будучи въ состояніи осмотрѣть все, я выбралъ лучшее, слѣдуя указаніямъ моего чичероне. Мы не забыли и университета. Правда, по наружности это старое зданіе непривлекательно, но помѣщенная въ немъ библіотека очень богата и заслуживаетъ осмотра. Жаль, что она испытываетъ судьбу всѣхъ библіотекъ Испаніи (и нѣкоторыхъ въ Россіи). Ее можно назвать неподвижною въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы случайно, какъ бы нехотя и между тѣмъ очень метко, употребляемъ это названіе. Она лежитъ нетронутая; ея сокровища гніютъ въ пыли и безъ пользы. Испанцы не любятъ читать. Хотя библіотекарь увѣрялъ меня, что молодежь работаетъ, но я нашелъ въ залѣ всего двухъ человѣкъ, и то кажется не студентовъ. Главные посѣтители библіотекъ въ Испаніи заѣзжіе французы, англичане и американцы. Они знаютъ лучше литературу этой страны, чѣмъ ея лѣнивые граждане, которые успѣли перезабыть все, что сдѣлали ихъ славные предки. Мнѣ показывали здѣсь первую книгу, напечатанную въ Испаніи (1474), рыцарскіе романы (1496), богатое собраніе литературныхъ дѣятелей Валенсіи и разныя рѣдкости. Многія книги написаны на мѣстномъ, романскомъ нарѣчіи (lemosin), до сихъ поръ употребительномъ въ народѣ. Валенсія имѣла прежде знаменитую библіотеку, но она была разграблена французами. Теперешнее книгохранилище, собранное изъ упраздненныхъ монастырей, заключаетъ около 40 т. томовъ. Рѣдкія инкунабулы, древніе неподражаемо разрисованные

волюмы и дорогія иллюминованныя рукописи греческихъ и латинскихъ классиковъ, здѣсь находящихся, невольно приковываютъ глаза библіофила. Всѣ эти сокровища спаслись отъ грабежа чудомъ: какой-то патріотъ увезъ ихъ въ Майорку передъ нашествіемъ непріятеля.

Остальные часы я посвятилъ осмотру картинъ въ церквахъ, въ городскомъ музеѣ и частныхъ галереяхъ Валенсіи. Скульптурою она небогата. Больше всего, разумѣется, интересовалъ меня Хоанесъ. Мой спутникъ угадалъ это и, сколько было возможно, удовлетворилъ моему любопытству. Онъ повелъ меня сначала въ бывшую іезуитскую церковь (теперь св. Іоанна). Здѣсь находится знаменитая «концепція» (зачатіе) великаго художника. Я много слышалъ прежде объ этой чудной картинѣ и, нужно признаться, она меня не разочаровала. Хоанесъ не только достигъ красоты Мурильо, но едвали не превзошелъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ какъ севильскій живописецъ по своей страстной натурѣ даетъ иногда слишкомъ земное выраженіе небесной дѣвѣ, Рафаэль Валенсіи изобразилъ этотъ ликъ во всей его невинной и идеальной прелести. Мадонна Хоанеса спокойна; она молится безъ экстаза, ея глаза, обращенные къ небу, смотрятъ торжественно и кротко, но это не уменьшаетъ ни теплоты молитвы, ни силы взора. Эмблемы у обоихъ художниковъ почти одинаковы: голубая одежда и бѣлый поясъ составляютъ у нихъ какъ бы существенныя принадлежности чистой, непорочной дѣвы, символъ ея совершенствъ. Легенда говоритъ, что эта картина была написана по слѣдующему случаю. Одному монаху, Мартину де Альквaро, явилась во снѣ богоматерь и выразила желаніе чтобы онъ ее изобразилъ на картинѣ. Монахъ, не будучи художникомъ, обратился къ Хоанесу и описалъ ему въ подробности свое видѣніе. Хоанесъ принялся за работу, но работа не шла. Приписывая свою неудачу грѣхамъ и небесному гнѣву, онъ счелъ нужнымъ приготовить себя къ дѣлу молитвою и покаяніемъ. Послѣ продолжительнаго поста, усилія Хоанеса увѣнчались успѣхомъ; вдохновеніе къ нему возвратилось, и когда картина была окончена, сама богоматерь сошла съ неба благодарить его *). Скептикъ нашего времени, быть можетъ, посмѣется надъ этимъ сказаніемъ, но въ немъ есть глубокій смыслъ. Оно выражаетъ благоговѣйный взглядъ истинныхъ художниковъ на творчество. Если они вѣрили простодушно, за то любили искренно свое искусство, зато идеалы, ими созданные, выше заказ-

---

*) Ford, Spain 1. 376 (Lond. 1855).

ныхъ идеаловъ XIX вѣка. Теперь «вдохновеніе» дешевле: его можно купить за деньги, но къ несчастію число хорошихъ картинъ отъ этого нѣсколько поуменьшилось. Должно быть чего нибудь недостаетъ намъ, чтобы произвести образцы, подобные старымъ, очень немногаго — энтузіазма, возвышенности помысловъ. Но утѣшимся! Публика его не требуетъ. Она любитъ посредственность. Нашъ Хоанесъ (въ русскомъ переводѣ какъ нарочно выходитъ Ивановъ) умеръ непонятый, съ горечью и тоскою въ душѣ, а безталанные академики получаютъ дорогіе заказы. Неправда-ли, господа, есть чему порадоваться? Какъ мы быстро ѣдемъ на торной колеѣ невѣжества? Можно ли называть эту легкую ѣзду прогресомъ? Картина, о которой я говорю, хранится какъ святыня за стекломъ. Жители Валенсіи приходятъ передъ нею молиться. Карлъ IV думалъ было взять ее въ Мадридъ, но испугался народнаго возстанія. Честь и слава городамъ, которые такъ умѣютъ цѣнить свои сокровища! Въ этомъ отношеніи Испанія еще непохожа на Францію, гдѣ все свозится въ Парижъ, во имя спасительной централизаціи. Я видѣлъ еще св. семейство Хоанеса въ андреевской церкви. Оно уступаетъ соборному тѣмъ, что младенецъ вышелъ не такъ удачно, но мадонна и окружающія лица очень напоминаютъ Рафаэля. Мнѣ показали наконецъ и тѣ картины великаго артиста, которыя помѣщаются надъ алтаремъ въ кафедральномъ храмѣ. Но я не видалъ къ моему несчастію его «тайной вечери» въ церкви св. Николая: тамъ происходила служба и къ алтарю нельзя было подойдти, не нарушая порядка. Это лучшее его произведеніе — по словамъ знатоковъ испанской живописи Сеанъ Вермудеса и Стерлинга; говорятъ, оно не уступаетъ ни въ композиціи, ни въ отдѣлкѣ извѣстному «cenacolo» Леонардо да Винчи. Есть еще въ одномъ старомъ монастырѣ, недалеко отъ Валенсіи, «св. Францискъ» Хоанеса необыкновенной красоты, но у меня недостало времени туда поѣхать.

Въ церкви св. Мартина и въ Colegio del corpus можно изучать Рибальту старшаго. Его картины впрочемъ ниже Хоанеса и къ тому же дурно освѣщены. Напр. «положеніе въ гробъ» (въ первой изъ указанныхъ церквей) интересно только боковыми фигурами; тѣло Христа кажется миніатюрнымъ. «Христосъ у столба» въ Colegio замѣчательнѣе и напоминаетъ по манерѣ Себастьяно дель Піамбо. Здѣсь же есть интересные портреты Сариньены и «несеніе креста» набожнаго Моралеса. Лучшія картины Рибальты «св. семейство», «тайная вечеря» и санъ-Висенте де Ферреръ, окруженный Христомъ и святыми,» помѣщены въ боковыхъ капеллахъ и почти не видны. Не берусь судить объ нихъ.

Знатоки увѣряютъ, что онѣ близко подходятъ къ Тиціану и Фанъ-Дейку. Что касается до самой церкви, она построена по плану лучшаго архитектора Испаніи Эрреры и очень красива. Patio, который при ней находится, великолѣпенъ; крыльцо (escalera) — чудной работы. Внутренность зданія нѣсколько темна, можетъ быть отъ того, что оно было предназначено основателемъ для мрачно-торжественныхъ католическихъ церемоній. Фордъ разсказываетъ, что въ этой церкви прежде совершался въ великую пятницу старинный обрядъ, который можно видѣть и въ нѣкоторыхъ другихъ католическихъ странахъ. Именно въ 10 часовъ утра окна завѣшиваются, пространство надъ алтаремъ покрываютъ пурпуровымъ саваномъ въ знакъ траура; у престола тихо молится священникъ, за нимъ всѣ становятся на колѣни и слушаютъ miserere. Когда пропоютъ первый стихъ, картина надъ алтаремъ опускается безъ шума, съ помощью особеннаго механизма; на ея мѣстѣ остается лиловая ткань съ желтыми полосами; она смѣняется сѣрою и за тѣмъ черною. Наконецъ, когда воображеніе зрителей настроено къ чудесному, послѣдній покровъ разрывается и они видятъ передъ собою распятіе, изображающее Христа въ послѣднюю минуту его земной жизни, съ печатью смерти на челѣ; церемонія завершается чуднымъ пѣніемъ*). Это распятіе, какъ произведеніе искусства, въ высшей степени драгоцѣнно. Оно принадлежало основателю храма и, судя по темному колориту и тонкой рѣзьбѣ на деревѣ, относится къ отдаленному времени.

Городской музей Валенсіи находится въ упраздненномъ монастырѣ del Carmen и заключаетъ въ себѣ не мало сокровищъ искусства. Сюда же перенесенъ прахъ Хоанеса въ 1842 году. Гробъ великаго художника лежитъ недалеко отъ трехъ его любимыхъ картинъ. Путешественникъ невольно на нихъ заглядится. Онѣ изображаютъ Христа съ чашею и, какъ я замѣтилъ прежде, должны быть названы иконами, а не картинами. Одна между ними отдѣлана тщательно. Здѣсь Хоанесъ поражаетъ преимущественно искусствомъ перспективы и выпуклостью формъ. Вы видите передъ собою занавѣсъ, сдѣланную такъ натурально, что ее хочется отдернуть руками; за нею какъ будто въ нѣкоторомъ разстояніи помѣщена фигура Спасителя. Наряду съ Хоанесомъ вниманіе зрителя приковываетъ «пригвожденіе къ кресту», Рибальты младшаго. Этотъ юноша въ самомъ дѣлѣ выше своего отца

*) Ford, Spain, 1, 373.

и по композиціи и по манерѣ. Сторожъ музея, простой испанецъ, говорилъ мнѣ, что онъ цѣлую жизнь смотритъ на пригвожденіе къ кресту съ восторгомъ и никогда не перестаетъ сожалѣть о ранней смерти художника. Картина, о которой идетъ рѣчь, написана имъ на 18 году. Не могу выразить, какая видна въ ней сила, истина, смѣлость! Здѣсь самый разборчивый, самый строгій критикъ не найдетъ почти ни одной черты для порицанія, ни тѣни эффектаціи. Лицо Христа выражаетъ достоинство и терпѣніе; лица мучителей свирѣпы, но естественны; вся группа, — непринуждена и живописна; она занята своимъ дѣломъ серьезно и рѣшительно. Вдали видна богоматерь, окруженная женскимъ участіемъ; эти лица, къ сожалѣнію, темны и, кажется, менѣе удачны. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ картина изумляетъ. Если сравнить съ нею другія произведенія въ подобномъ родѣ (напр. Рубенсовы въ Антверпенѣ), Ривальтѣ едва ли не придется отдать преимущество. Онъ мастерски выполнилъ одинъ изъ грандіознѣйшихъ сюжетовъ библейской исторіи.

Прочія картины въ музеѣ второстепеннаго достоинства. Я по крайней мѣрѣ не имѣлъ силы оцѣнить ихъ красоту, послѣ Хоанеса и Ривальты младшаго. Да и можно ли смотрѣть на мученичество Риберы, на портреты Эспинозы, на непріятныя каррикатуры Боско, который пріобрѣлъ популярность вмѣстѣ съ упадкомъ вкуса въ Испаніи, когда тутъ же рядомъ есть много превосходнаго? Среди перловъ красоты не легко заниматься холоднымъ изученіемъ археологіи. Впрочемъ антикварій найдетъ въ музеѣ любопытный алтарь 15 вѣка, древнѣйшей работы, и нѣсколько картинъ въ византійскомъ вкусѣ, доказывающихъ, что этотъ стиль вездѣ положилъ начало самостоятельному творчеству. Валенсія столько же, сколько Россія, испытала на себѣ общій законъ, по которому шло художественное развитіе новоевропейскихъ народовъ. Хоанесъ и Ривальта увѣнчали школу, которая сначала выступила робко, усвоила себѣ угловатыя чужеземныя формы и стѣснительныя преданія, а потомъ мало по малу освободилась отъ нихъ и выработала свой типъ. Эти формы и преданія въ началѣ искусства принесли большую пользу; сдерживая незрѣлые порывы фантазіи, онѣ заставили художниковъ сосредоточить вниманіе на внѣшней отдѣлкѣ картинъ. Потомъ, когда была пріобрѣтена опытность въ употребленіи красокъ, разгаданы тайны свѣта и тѣни, изученъ колоритъ и т. п., пришло время сбросить преданіе. Искусство явилось вооруженнымъ и завоевало себѣ во-время полную свободу. Подражаніе долго было усло-

віемъ прогресса. Совершенство вообще не дается человѣку разомъ, но пріобрѣтается путемъ навыка и упражненія. Только самодуры воображають, будто они родились величайшими артистами, что имъ суждено по внутреннему призванію опередить другихъ безъ усилія и труда, что природа дала имъ способность создавать великое, не подчиняясь законамъ творчества. Они могутъ разочароваться въ своемъ заблужденіи, если захотятъ хорошенько присмотрѣться, какимъ образомъ работали надъ искусствомъ истинно-артистическіе народы.

Мнѣ удалось видѣть еще двѣ изъ частныхъ галерей, которыми, кстати замѣтить, очень богата Валенсія. Одно собраніе принадлежитъ какому-то канонику, страстному любителю живописи. Съ неподдѣльнымъ восторгомъ показывалъ онъ мнѣ своего Хоанеса (св. семейство, окруженное отцами церкви). Эта картина миніатюрнѣе другихъ, и замѣчательна не столько по композиціи, сколько по отдѣлкѣ. Неопытный глазъ она не поражаетъ, но если смотрѣть на нее въ увеличительное стекло, ея достоинства кажутся изумительными. Я не думалъ, тобы Хоанесъ овладѣлъ анатоміею въ такой степени. Онъ обозначилъ не только жилы, мускулы, углубленія на лицахъ и тѣлахъ такого маленькаго размѣра, но прозрачно отдѣлилъ каждый волосокъ отъ другого. Такое трудолюбіе, такая добросовѣстность въ геніальномъ человѣкѣ просто кажется непонятною. Въ наше время геніи, получивъ отъ публики дипломъ на это званіе, уже не заботятся объ отдѣлкѣ, а только объ эффектѣ. У каноника есть также рисунки и эскизы Хоанеса, сдѣланные карандашемъ, да кромѣ того чей-то портретъ малютки въ стилѣ Веласкеса, и святой Іоаннъ въ стилѣ Мурильо. Эту послѣднюю картину каноникъ приписываетъ Гвидо Рени, но мнѣ не вѣрится. Кто видѣлъ произведенія Гвидо Рени (а кто ихъ не видалъ!), тотъ согласится, что они отличаются эффектаціею. Прославленный болонскій художникъ особенно полюбился французамъ; они признаютъ его чуть не основателемъ своей модной школы; въ немъ особенно имъ нравятся натянутыя позы, уродливыя и кокетливыя фигуры, блистательное освѣщеніе. Напротивъ—картина, о которой я говорю, исполнена простоты и силы. Если ее писалъ Гвидо Рени, то онъ не произвелъ ничего подобнаго. Ликъ святого исполненъ такого неподдѣльнаго благоговѣнія, что, смотря на него, хочется молиться и плакать. Каноникъ увѣрялъ, что онъ не въ силахъ разстаться съ этою картиною и не отдастъ ее ни за какія деньги. «Для меня, прибавилъ онъ, нѣтъ ничего дороже моей галлереи; мнѣ больше нечего любить!» Я мало

встрѣчалъ такихъ канониковъ на свѣтѣ, и при прощаньи искренно сознался, что онъ заслуживаетъ носить титулъ santissimo padre. Въ его собраніи я между прочимъ нашелъ рукописную библію съ миніатюрными изображеніями, вырѣзанными на деревянномъ переплетѣ. Эта книга должна быть очень древняя. Каноникъ относитъ ее къ 13-му столѣтію.

Другое собраніе принадлежитъ купцу Луису Пастору. Здѣсь можно познакомиться съ второстепенными художниками Валенсіи, именно съ портретами Сарніеньи, мадоннами Эспинозы и съ батальнымъ живописцемъ Марчемъ (1660). До какой степени школа эта упала въ 18 вѣкѣ, видно по картинамъ Вергары и Коморона, онѣ ниже всякой критики. Между позднѣйшими артистами Валенсіи замѣчателенъ *Иепесъ* (Yepes) по сходству съ фламандцами; онъ рисовалъ только животныхъ, плоды и мясо съ необыкновеннымъ искусствомъ. Имя его едва ли кому нибудь извѣстно внѣ Испаніи. Между тѣмъ онъ нисколько не уступаетъ своимъ сѣвернымъ соперникамъ, извѣстнымъ въ наше время натуральною школою.

---

4. На пути въ Барселону.

Все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ. Съ неуловимой скоростью летятъ минуты наслажденія. Судьба посылаетъ ихъ намъ скупо, изрѣдка, чтобы по словамъ поэта «человѣкъ не баловался». Къ вечеру я уѣхалъ изъ Валенсіи. Бѣглый обзоръ этого чуднаго города, конечно, далеко не насытилъ моего любопытства, но я не требовалъ многаго. Не каждый изъ насъ пользуется въ путешествіи досугомъ и полною свободою жить сколько угодно тамъ, гдѣ ему нравится. Отплывая на пароходѣ въ Барселону, я могъ еще въ продолженіе трехъ часовъ смотрѣть на Валенсію и думать о ней. Долго виднѣлись во всей красѣ ея церкви и башни, озаренныя вечернимъ солнцемъ; не скоро закрывалась передъ нами роскошная huerta. Какъ ни сильна была качка, я упорно стоялъ на палубѣ и смотрѣлъ на этотъ великолѣпный уголокъ Европы. Вотъ мы миновали Мурвіедро; вотъ отодвинулись отъ берега и повернули круто на сѣверъ. А мои глаза все были прикованы къ группѣ апельсинныхъ деревьевъ! Наконецъ стало смеркать-

ся; она превратилась въ едва замѣтную точку и слилась съ горизонтомъ. Прежде чѣмъ я сказалъ Валенсіи въ тихомолку послѣднее прости, много безпорядочныхъ мыслей, много чувствъ и радостныхъ и грустныхъ, откликнулось въ моей душѣ. Онѣ закосили меня нѣсколько разъ далеко, потомъ снова возвращали назадъ, словомъ—настроили къ мечтательности. Въ такомъ странномъ состояніи человѣкъ не отвѣчаетъ за то, что ему приходитъ въ голову. Его можно считать за безумнаго или больного, какъ кому угодно. Но было бы смѣшно стыдиться этихъ грезъ: мы поддаемся имъ невольно; притомъ же онѣ большею частію безвредны. Путешествіе дѣйствуетъ на нервы, дорожная мечтательность и сантиментальность столько же простительна, сколько дорожная усталость. Свобода грезить въ вагонѣ, на пароходѣ и даже на перекладныхъ есть наше лучшее, неотъемлемое достояніе. Стряхивая съ себя прозу обыденной жизни и пускаясь въ дальній путь, мы становимся вольными гражданами міра и въ нѣкоторой степени поэтами. Если поэтамъ дано право высказывать публикѣ все, что имъ диктуетъ вдохновеніе, то почему же путешественникъ не можетъ передать ближнимъ тѣхъ думъ, желаній и призраковъ, которые на него навѣваетъ дорога? Не велика бѣда, если люди сочтутъ это за бредъ и ненужный вздоръ! Они прощаютъ и не такіе грѣхи! Вѣдь замѣчательно, что русскіе путешественники сходятся между собою во многомъ и даже грезятъ на одинъ ладъ. Должно быть, Европа всѣхъ ихъ настроиваетъ извѣстнымъ образомъ. Мнѣ кажется, объяснить это не трудно: они испытываютъ здѣсь новое чувство, которое имъ было прежде почти незнакомо. Видя себя среди великолѣпныхъ городовъ, окруженные памятниками широкой, свободной дѣятельности минувшихъ вѣковъ, они невольно переносятся мыслью и сердцемъ въ отечество, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Россія почти не пробуждаетъ въ насъ этого историческаго чувства, этого уваженія къ сѣдой, богатой творчествомъ и опытомъ древности. Мы не бережемъ своихъ развалинъ, не увиваемъ ихъ плющами, не поддерживаемъ падающаго дѣдовскаго жилища, не лелѣемъ столѣтнихъ могилъ. Мы даже не завидуемъ Европѣ, что она дорожитъ «священными останками старины». Къ чему намъ скелеты ветхихъ зданій, гробы да кости людей? Мы народъ молодой; мы живемъ въ настоящемъ и въ будущемъ! Все это прекрасно, но медаль имѣетъ и обратную сторону. Мнѣ кажется,—не худо бы сначала воспользоваться своими дѣйствительными и воображаемыми преимуществами и тогда уже гордиться ими. А то вотъ что выходитъ

теперь! У насъ все старое мертво и забыто, а новое непрочно; нигдѣ и ни въ чемъ не видно послѣдовательной, преемственной работы; отжившее поколѣніе уноситъ съ собою въ гробъ свои думы и дѣла, свою радость и печаль; новое, считая себя выше отцовъ, кончаетъ тѣмъ, что слѣдуетъ ихъ примѣру; люди самые сильные проходятъ незамѣтно, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда, какъ сказалъ поэтъ. Вообще недостатокъ историческаго чувства объясняетъ въ нашемъ характерѣ очень многое, больше, чѣмъ вы думаете. Не согрѣтые этимъ чувствомъ, мы привыкли жить беззаботно, очертя голову, неоглядываясь, съ тупой увѣренностью въ успѣхѣ; любимъ все начинать съизнова; ни въ чемъ не доходимъ съ терпѣніемъ до желанной цѣли, а только строимъ дикіе планы и воздушные замки, или говоря по просту, горячимся и раздражаемся въ молодости, а въ старости проводимъ, какъ Маниловъ, прудъ и мостъ, именно тамъ, гдѣ вовсе не нужно. Другіе работаютъ, успѣваютъ или ошибаются, падаютъ и снова встаютъ, а русскій человѣкъ все готовится къ чему-то великому, расправляетъ мускулы и члены, отмѣриваетъ себѣ мѣсто, потираетъ то лобъ, то затылокъ, толкуетъ о реакціи, не дѣлая шагу назадъ, или о прогресѣ, не трогаясь впередъ, споритъ до зарѣза о пустякахъ, даже дерется, когда не слѣдуетъ драться и оканчиваетъ угрозою: постой, я имъ всѣмъ покажу! А между тѣмъ ни толки, ни споры, ни побѣды не привели насъ до сихъ поръ ни къ чему опредѣленному. Мы остались при самымъ добрыхъ помыслахъ, при самыхъ искреннихъ стремленіяхъ и подвигахъ, въ гражданственности нашей неоригинальными, непрочными, непонятными, загадочными для себя и для другихъ. И нельзя сказать, чтобы въ Россіи не было энергическихъ и благородныхъ людей. Дарованіями мы необижены. Горе въ томъ только, что люди способные у насъ неудавались или пропадали, что мы не умѣли или не хотѣли ими пользоваться. Явится хорошій человѣкъ и погибнетъ отъ непогоды, или размечется во всѣ стороны, да растратитъ попусту силы свои! Говорятъ, что это происходитъ отъ нашей разносторонности, отъ желанія двинуться разомъ на всѣхъ парусахъ, отъ прыткости и бойкости русской натуры. Можетъ быть. Но пора же наконецъ установиться. Вѣчно толковать о качествахъ хотя бы самыхъ блистательныхъ, которыя не даютъ плодовъ обществу, право, утомительно и скучно. Героическая эпоха широкихъ натуръ, не признанныхъ геніевъ, тоскующихъ и пьянствующихъ отъ нечего дѣлать, миновала. Время разсчета насту-

пило; напрасныя ожиданія надоѣли. Насъ спрашиваютъ отовсюду, что вы сдѣлали съ обширною страною, которая вамъ досталась въ наслѣдіе, чѣмъ ее украсили, какіе памятники на ней поставили, чтобы отмѣтить свой слѣдъ въ исторіи и вдохнуть въ душу потомковъ свою лучшую мысль, свои надежды и тревоги, свое горе и свой восторгъ? Вотъ прошла тысяча лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы сидимъ на этой богатой плодородной землѣ! А какой отвѣтъ дадимъ мы за себя и за нее? Такой же, какой могли дать наши предки. Чрезъ всю исторію Россіи пронеслись восклицанія: авось, да небось! а между тѣмъ наша страна осталась необдѣланною, неубранною, а кое-гдѣ даже совершенно дикою страною. Есть цѣлые края и пространства на Руси, гдѣ какъ будто люди не жили или враги прошли: тишина и тоска основали тутъ царство; кругомъ лежатъ безконечные пустыри. Точно испанскія dehesas и des poblados! А чѣмъ наша южная природа хуже, неблагодарнѣе? Развѣ новороссійскія степи не кладъ для трудолюбиваго народа? Развѣ нѣмцы-колонисты не съумѣли тамъ устроиться? То-то и бѣда, что русскій человѣкъ можетъ, да не хочетъ: радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! Ему какъ бы сшить да сточать на живую нитку, поскорѣй, чтобы новое сегодня валилось завтра. Скажите, долго ли мы будемъ пробавляться такимъ образомъ? Неужели намъ суждено «приходить въ вѣчное восхищеніе» отъ чужихъ земель и никогда не обработать своей собственной земли! Развѣ одни иностранцы владѣютъ тайною культуры? Развѣ у насъ нѣтъ благодатныхъ уголковъ, гдѣ можно развести садъ такой же роскошный, какъ huerta Валенсіи? Здѣсь говорятъ же, что Россія имѣетъ свою Испанію, свою Италію и Швейцарію! Кавказскія области, Крымъ и Бессарабія способны производить всѣ тропическія растенія и плоды. Чтобы вызвать здѣсь наружу естественныя богатства, нужна только работа двухъ, трехъ поколѣній. Если мы съумѣли кое-что сдѣлать въ центральной Россіи, при неблагопріятномъ климатѣ, то на югѣ мы могли бы устроить себѣ земной рай. Даже новороссійскія степи, если ими заняться, мало уступятъ Ломбардіи и Ламанчѣ, или Эстремадурѣ. Насъ увѣряютъ, что трудно достать воды въ Екатеринославской и Херсонской губерніи. Но и въ странахъ, о которыхъ я говорю, рѣки высохли. Дуэро, Тахо, Гвадалквивиръ—грязные ручьи сравнительно съ роскошнымъ Днѣпромъ и быстрымъ Бугомъ...

Вы видите, въ какія темныя и отдаленныя области дорожный человѣкъ позволяетъ себѣ заѣзжать. Но, увлекаясь безпорядочными мечтами

и грезами, безпрестанно наталкиваешься на неразрѣшимыя задачи и трудные вопросы. Что дѣлать? Помучишься съ ними, да и стараешься потомъ какъ нибудь отъ нихъ отдѣлаться. Помню, напримѣръ, что подъ свѣжимъ воспоминаніемъ о Валенсіи мнѣ пришли на мысль наши губернскіе города. Почему я началъ объ нихъ безпокоиться, трудно сказать. Должно быть такъ, ради контраста между ними и провинціальными городами Испаніи. Контрастъ въ самомъ дѣлѣ поразительный! Въ Испаніи и Италіи всякій городъ имѣетъ свой запахъ, свои преданія, свою физіономію, даже свой взглядъ на вещи и отношенія жизни. Въ Россіи губернскіе города такъ похожи между собою, что ихъ трудно удержать въ памяти по одиночкѣ. Мнѣ кажется, что мы имѣемъ только два городскихъ типа и что даже эти типы различаются только по мѣстоположенію, а во всемъ другомъ удобно смѣшиваются. Помните ли какъ всѣмъ намъ понравилось названіе: Крутогорскъ. Мы узнали въ немъ что-то родное. Въ pendant къ нему можно поставить—Грязнодолинскъ. Почти всѣ новые города (а сколько новыхъ, именно между губернскими!) невыносимо-однообразны и безцвѣтны; старые по крайней мѣрѣ поставлены лучше, красивѣе, удобнѣе. Отъ чего же происходитъ это однообразіе? Отъ того особенно, что мы ими вовсе не занимаемся. Мѣстныя привязанности у насъ рѣдки и не глубоки. Для охотниковъ пожить и отличиться есть столицы. Туда стремятся способные и богатые люди служить, или наслаждаться. Въ губернскіе города мы ѣдемъ прозябать, копить деньги; они кажутся образованнымъ людямъ чѣмъ-то въ родѣ ссылки. Одни изъ насъ думаютъ, что Россія въ Петербургѣ, другіе,—что она въ Москвѣ. Если мы и заводимъ что нибудь въ *губерніи*, то ради подражанія. Объ оригинальности, или самобытности никто между нами не заботится. Мы готовы смѣяться надъ тѣмъ, кто бы рѣшился доказывать, что сходства между губернскими городами слѣдуетъ избѣгать, что нѣтъ имъ никакой надобности жить чужимъ умомъ и заимствовать изъ столицъ моды, мысли и стремленія. Мы рады, что похожи на французовъ, у которыхъ все тянетъ къ Парижу. Но и во Франціи умные люди понимаютъ, что это болѣзненное состояніе. Для Россіи приливъ жизни къ центру и онѣмѣніе членовъ можетъ имѣть еще болѣе дурныя послѣдствія. Россія велика, разнохарактерна; она не завела удобныхъ путей сообщенія. Если примѣръ столицъ будетъ для насъ указомъ, то мы никогда не выйдемъ изъ пеленокъ. Многіе восхищаются тѣмъ, что всякое доброе начинаніе въ столицахъ отзывается въ губернскихъ городахъ. Не думаю, чтобы отъ этого можно было при-

ходить въ восторгъ. Столицы имѣютъ свои преимущества и невыгоды, свои удачи и ошибки. Если какое нибудь общественное дѣло идетъ въ столицѣ безуспѣшно, оно падаетъ и въ провинціи. Но по естественнымъ законамъ жизни этого не должно быть. Пусть каждый округъ и городъ думаетъ за себя, имѣетъ свои потребности, идетъ независимою дорогой! Тогда только можно будетъ всѣмъ намъ давать отчетъ другъ другу въ своихъ препятствіяхъ, отвѣчать за нихъ собственною, а не чужою головою. При нормальномъ состояніи общества, жизнь обнимаетъ всѣ его слои и составы. Провинція слишкомъ обширна, чтобы стереться въ одну страдательную, глухо-нѣмую массу. Въ ней скрыто много свѣжихъ, нетронутыхъ силъ. Она не такъ шумна и увлекательна, какъ столица, но зато представляетъ больше досуга и покоя, меньше безплодной суеты и тревоги. Мы, живя въ провинціи, можемъ, если захочемъ, вполнѣ принадлежать себѣ и дѣлать свое дѣло, не отвлекаясь ничѣмъ постороннимъ. Свободно распоряжаться собою не пустая выгода, если человѣкъ хорошо ею пользуется. Прибавьте къ этому, что люди въ провинціи короче знаютъ другъ друга, что ихъ интересы и мысли не такъ разрознены, какъ интересы и мысли столичныхъ жителей. Словомъ я хочу сказать, что мы должны во имя справедливости и общаго блага признать за провинціею право жить и дѣйствовать своимъ умомъ. Но скоро ли она овладѣетъ этимъ правомъ въ Россіи, я не рѣшился предсказывать даже тогда, когда грезилъ. Можетъ быть сомнѣніе напало на меня отъ морской качки. Но и теперь, сидя на мѣстѣ, я робѣю и не питаю большихъ надеждъ на провинціи, когда подумаю о нынѣшнемъ ихъ застоѣ, когда посмотрю на мертвую тишину нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Вы видите, я снова наткнулся на трудный, практическій вопросъ. Странно, что онъ такъ неотвязно меня мучилъ. Не отложить ли его въ сторону. Не успокоиться ли мыслью, что наши дѣти объ немъ подумаютъ, когда придетъ ихъ очередь, что имъ будетъ лучше и просторнѣе жить въ губерніяхъ? Во всякомъ случаѣ мы видимъ, отчего провинція спитъ, и знаемъ при какихъ условіяхъ она можетъ проснуться. Чтобы наступила эта желаемая эпоха, нужно между губернскими городами взаимное соревнованіе, а не тупое стремленіе копировать столицы; далѣе понятія провинціаловъ должны измѣниться къ лучшему и очиститься. Теперь, напримѣръ, всѣ мы толкуемъ о нашей любви къ Россіи, забывая что Россія велика, что понять и охватить ее трудно, что ея области неизмѣримы, безконечны и непохожи одна на другую. Патріотическіе помыслы и стрем-

ленія у насъ неопредѣленны, теряются въ безплодныхъ желаніяхъ, исчезаютъ въ пространствѣ. Наши потомки будутъ разсуждать иначе. Ихъ неудовлетворитъ темная, идеальная, платоническая любовь къ отечеству. Они будутъ любить не словомъ, а на дѣлѣ, сознательно. Они почувствуютъ сильнѣе насъ привязанность къ родному мѣсту, *къ своему краю* и конечно сдѣлаютъ больше для цѣлой Россіи. Естественное влеченіе человѣка къ дому есть источникъ другихъ болѣе широкихъ влеченій. Только на этой крѣпкой опорѣ можно созидать что нибудь прочное. Отсюда начинается творческая самодѣятельность, здѣсь ея зародышъ или исходная точка. Гдѣ община, городъ, провинція, не устроены и запущены, тамъ нѣтъ еще гражданскаго суда, тамъ не можетъ человѣкъ вполнѣ понимать пользу государства и дѣйствовать съ успѣхомъ для цѣлаго народа. Наше поколѣніе думаетъ иначе. Въ немъ работаетъ какой-то лихорадочный космополитизмъ. Оно говоритъ о любви безпредѣльной, о сочувствіи къ цѣлому свѣту и не въ силахъ справиться съ близкими вопросами, съ своею семейною, городскою, провинціальною жизнію. Оно живетъ въ мірѣ идей и въ разладѣ съ дѣйствительностью; оно грезитъ, точно качаясь на пароходѣ, среди волненій моря...

Мечтая объ этихъ отдаленныхъ предметахъ, я должно быть платилъ дань своему поколѣнію и опомнившись, снова вернулся въ Валенсію. Мнѣ представился вопросъ: что же въ ней завиднаго кромѣ щедрой природы, которую, разумѣется, не всякій городъ можетъ купить? Чѣмъ она дорога въ равной степени и жителямъ, и путешественнику? Почему ее называютъ единственною, несравненною красавицей Испаніи. Понятно почему. Въ ней есть оригинальные памятники прошлой жизни и вѣковой самодѣятельности. Она создала ихъ руками своего народа, воспитала художниковъ, цѣнила трудъ и творчество. Почетное мѣсто между городами Европы принадлежитъ ей по праву. Даже теперь, когда ее одолѣли невзгоды, она владѣетъ нетлѣнными сокровищами искусства, дорожитъ славными преданіями и гордится собою. Можетъ быть, эти памятники когда нибудь дадутъ ей силу возвратить назадъ свой блескъ или по крайней мѣрѣ отстоять себя отъ новыхъ враговъ, какъ она отстаивала прежде свою свободу. Говорятъ, что города, какъ люди, живутъ только одинъ разъ на свѣтѣ. Едва ли такъ. Непрочны города искусственные, созданные насиліемъ и мимолетною прихотью, какъ Мадридъ, какъ многія столицы на свѣтѣ! Ихъ некому поддерживать кромѣ правительства. Онѣ блистаютъ, пока въ нихъ живетъ дворъ и влечетъ

къ себѣ знать, красоту, богатство, честолюбіе; отнимите отъ нихъ это наплывное населеніе и онѣ упадутъ или сдѣлаются ничтожными, такъ какъ не имѣютъ внутренней притязательной силы, а только всасываютъ лучшіе соки страны, чтобы ихъ испортить. Города, созданные мѣстными потребностями одного края, родившіеся сами собою, прочнѣе. Они не уступаютъ ни внѣшнимъ невзгодамъ, ни всесокрушающему времени. Римъ обновлялся нѣсколько разъ и до сихъ поръ не переставалъ жить. Ему поставили крѣпкій фундаментъ вѣка; его нельзя истребить и вырвать съ корнемъ. Продолжительность городовъ много зависитъ отъ нихъ самихъ. Гдѣ есть граждане, движимые чувствомъ общей пользы, тамъ найдутся средства усилить значеніе города, сдѣлать его дорогимъ для жителей свего края и особенно окрестныхъ деревень, которыя находятъ въ немъ сбытъ продуктовъ, работу, пропитаніе. Каждый городъ можетъ, если захочетъ, быть полезнымъ центромъ или вреднымъ наростомъ. Если въ немъ имѣетъ пріютъ только праздность и развратъ, нѣтъ дѣятельности, добрыхъ стремленій и духа предпріятій, онъ даромъ бременитъ землю. Если, напротивъ, онъ поддерживаетъ изобрѣтательность, вызываетъ способности, даетъ выходъ забытымъ людямъ, заботится о просвѣщеніи, народномъ здоровьи, обмѣнѣ общественныхъ нуждъ, поддерживаетъ искусство, — его существованіе прочно и благодѣтельно для общества...

Долго рисовалъ я самъ себѣ городскую жизнь для нашихъ потомковъ, вѣроятно потому, что мнѣ неудалось испытать ея прелести на своемъ вѣку въ Россіи. У насъ понимаютъ городъ исключительно, какъ центръ торговли; напрасно нѣкоторые столичные публицисты думаютъ, что тамъ, гдѣ есть университеты, жители слишкомъ интересуются науками; къ удивленію, торговля даже имѣетъ свойство отталкивать отъ себя умственную жизнь. А объ искусствѣ мы еще меньше заботимся. Наши прогресисты конечно не знаютъ многого, что творится кругомъ нихъ; живя постоянно въ мірѣ идей, гоняя впередъ и впередъ несчастное, испуганное общество, стегая кнутомъ своего остроумія усталыхъ и одряхлѣвшихъ либераловъ, они забываютъ про мастеровыхъ, правду сказать, очень нужныхъ для прогреса людей. А прежняя и нынѣшняя судьба ихъ въ Россіи была бы достойна вниманія! Если заключать по тѣмъ образцамъ, какіе мнѣ случалось видѣть, между ними были и есть великіе артисты. Сколько талантовъ этого рода погибло въ крѣпостномъ состояніи! Даже будучи вольными людьми, они не находили поддержки. На нихъ смотрѣли какъ на ремес-

ленниковъ, забывая что между искусствомъ и ремесломъ разстояніе близко и есть точки соприкосновенія, что нигдѣ и никогда одно не было рѣзко отдѣлено отъ другого. Но главное дѣло въ томъ, разумѣется, что люди, о которыхъ я говорю, свои, да мужички, или мѣщане и во всякомъ случаѣ не академики. Мы любимъ патенты и дипломы: у насъ безъ бумаги трудно въ моду войдти. Зато какъ дадутъ бумагу, все кончено. Бумага говоритъ, ты, молъ, будь архитекторомъ, а ты живописцемъ, зато что учился въ академіи, хоть и дѣла своего не знаешь какъ слѣдуетъ! И ученикъ академіи уже смотритъ свысока на мастеровыхъ. Онъ даетъ имъ планъ зданія и деспотически приказываетъ дѣлать что нужно. Если ему поручено построить храмъ въ византійскомъ вкусѣ, онъ такой выдумаетъ, что если бы поднять на свѣтъ византійскихъ архитекторовъ, они бы снова умерли со страху, смотря на своихъ россійскихъ послѣдователей. Но больше всего наши патентованные художники любятъ, какъ говоритъ народъ, мудрить, т. е. смѣшивать разнохарактерные стили въ самыхъ курьезныхъ и подъ-часъ безвкусныхъ сочетаніяхъ. А истинные наши мастера и рабочія руки остаются безъ поддержки, безъ привѣта и сочувствія. Ихъ способности и умѣнье признаетъ и прихотливый баринъ, и безтолковый архитекторъ, и разсчетливый подрядчикъ, да нѣтъ хода этимъ силамъ. Лежатъ онѣ погребенными, управляетъ ими чужая воля, да горькая нужда, да круговое невѣжество. Неужели вы думаете, что простой русскій человѣкъ не сдѣлалъ бы того, чѣмъ гордится Валенсія и подобные ей города? Развѣ тамъ жили и работали особенной породы люди? Развѣ наша порода ниже и глупѣе? Повѣрьте, мужичекъ справилъ бы вамъ на славу и дворецъ и patio, и потолокъ — софитъ, какъ въ залѣ кортесовъ, и храмъ, достойный удивленія. Засматривались ли наши умѣренные и прогресисты на затѣйливую архитектуру и деревянную рѣзьбу русской избы съ ея фронтонами и оконницами, или постоялаго двора въ московской и въ тульской губерніи? Едва ли. А то бы они увидѣли здѣсь своего рода легкій и кудрявый, довольно близкій къ мавританскому, стиль и образцы, получше тѣхъ византійскихъ, которымъ наши академики такъ неудачно подражаютъ. Что русскіе способны къ живописи, въ этомъ также смѣшно сомнѣваться. Не говоря о великихъ художникахъ, которые у насъ вышли большею частію изъ рядовъ народа, въ иныхъ губерніяхъ есть цѣлыя артели или вольныя труппы живописцевъ-самоучекъ, никому неизвѣстныхъ дальше своего околотка, но тѣмъ не менѣе достойныхъ вниманія и сочувствія.

Мнѣ самому случилось неожиданно въ глуши найдти цѣлую школу живописи, совершенно самобытную. Она была основана лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Орлѣ однимъ заброшеннымъ, но талантливымъ учителемъ рисованія въ гимназіи, потомъ распространилась по уѣздамъ и состоитъ изъ простыхъ мѣщанъ, вольноотпущенныхъ и другихъ бѣдняковъ. Занимается она отдѣлкою иконостасовъ и расписываніемъ церквей; частные заказы ей дѣлаютъ рѣдко. Кому въ самомъ дѣлѣ придетъ въ голову поддерживать дарованія людей, непризнанныхъ и неудостоенныхъ академической степени? Кто замѣтитъ, что у нихъ есть достоинства и вкусъ? Мы любимъ, какъ извѣстно, изучать только недостатки у себя дома, а похвалу бережемъ для иностранцевъ. Между тѣмъ въ кругу этихъ самородныхъ альфрещиковъ (отъ al fresco), мастеровъ по лѣпной части, рѣзчиковъ по дереву и пр., есть, я помню, одинъ замѣчательный русскій человѣкъ. Его талантъ въ другомъ мѣстѣ нашелъ бы цѣнителей. Ему бы не дали погибать въ тяжкой борьбѣ съ бѣдностью и невѣжествомъ. Имя этого художника Тихонъ Леонычъ Коноваловъ. Онъ не признанъ академиками, но признанъ народомъ Онъ простъ, какъ дитя, но гордъ и благороденъ, милостыни не проситъ, работать не усталъ, перебиваться кое-какъ можетъ. Поблагодаримъ за это судьбу! Но позвольте разсказать вамъ анекдотъ, изъ котораго вы поймете, въ какой средѣ ему суждено жить. Однажды онъ написалъ масляными красками «избіеніе младенцевъ»; картина вышла такая, что на нее всякій засматривался; младенцы, разумѣется, были нагіе. Это не понравилось церковному начальству. Зачѣмъ ты рисуешь дѣтей голенькими, сказало начальство артисту. Прикрой ихъ, а не то я позову маляра замазать картину совсѣмъ. Живописецъ выслушалъ приказъ со слезами на глазахъ, а маляръ испортилъ его любимое произведеніе. Какъ вы хотите послѣ этого, чтобы народный мастеръ достигъ совершенства въ отдѣлкѣ, изучилъ анатомію, позы и т. п.? Впрочемъ, что я говорю? Вѣдь мой пріятель никогда не видалъ великихъ образцовъ; у него нѣтъ хорошихъ красокъ; онъ пишетъ фигуры святыхъ въ человѣческій ростъ, *глазомѣромъ*, съ плохихъ гравюръ и литографій Рафаэля. Не думайте однакожъ, что онъ работаетъ небрежно, какъ попало, ради барышей. Онъ сидитъ надъ каждой церковью по годамъ и всегда почти въ убыткѣ, потому что не разсчитываетъ какъ подрядчикъ, а выполняетъ заказъ честно, отдается весь своему искусству, не щадя ни силъ, ни здоровья. Ему хочется все сдѣлать получше, а не похуже. Дай Богъ всѣмъ намъ

трудиться такъ добросовѣстно, какъ трудится этотъ простой человѣкъ! Смотря на его блѣдное, страдальческое, но ясное и кроткое лицо, читая грустную думу въ его глубокихъ глазахъ, я припоминалъ портреты старыхъ художниковъ Италіи и Испаніи! Боже мой, какое сходство и въ наружности и въ общественномъ положеніи между нимъ и этими бѣдняками! Они тоже пили горькую чашу въ жизни. Андрей-дель-Сарто написалъ лучшую мадонну за мѣшокъ пшеницы (Madonna del sacco), Мурильо ходилъ въ монастырь обѣдать, за неимѣніемъ собственнаго стола. Но по крайней мѣрѣ теперь ихъ картины цѣнятся высоко любителями искусства. Непонятыя при жизни, онѣ достигли славы по смерти. Общество такъ устроено, что истиннымъ художникамъ нельзя жаловаться; они терпятъ, пока работаютъ, но въ могилѣ лежатъ весело и спокойно.

— Однако, что же это вы разсказываете? замѣтитъ мнѣ кто нибудь изъ моихъ слушателей. Вы обѣщали описывать намъ Валенсію, а вмѣсто обѣщаннаго пустились въ сантиментальныя воспоминанія? Пора вамъ честь знать и кончить. — Извините, я самъ вижу, что увлекся и забылъ свои обязанности. Но зачѣмъ же вы слушали терпѣливо мои грезы? Было бы перервать! Дѣйствительная, практическая жизнь съ нами не деликатничаетъ. Она дала мнѣ почувствовать свою силу даже на пароходѣ. Я задумался всего часа на два или на три и пришелъ въ себя къ ночи, когда на палубѣ собрались всѣ пассажиры, спасаясь отъ духоты въ каютахъ, тѣмъ болѣе, что качка усилилась. Я увидѣлъ передъ собою самое пестрое общество. Тутъ были не одни испанцы, но также англичане и французы. На представителяхъ каждой народности можно было изучить ея характеръ. Волею неволею я бросилъ свои мечты и перешелъ къ наблюденіямъ. Больше всего мнѣ понравилась группа испанскихъ солдатъ и мужиковъ въ третьемъ классѣ. Они лежали въ самомъ живописномъ безпорядкѣ и какъ бы просились на картину. Зачѣмъ Мурильо умеръ такъ рано, думалъ я, и не оставилъ наслѣдниковъ? Почему между ними нѣтъ артиста? Зачѣмъ Испанія офранцузилась? Нѣкоторые изъ солдатъ и мужиковъ уже заснули; другіе болтали между собою; одинъ парень напѣвалъ заунывную пѣсню съ безконечными переливами... Такія пѣсни можно слышать только въ Россіи да въ Испаніи. Онѣ хватаютъ за живое; въ нихъ сердце чуетъ безнадежную тоску, безвыходное горе; забитый народъ жалуется въ этихъ мелодіяхъ либо на судьбу, либо не знаю на что. А впрочемъ какое намъ дѣло, господа, до его жалобъ! Мы на

нихъ не обращаемъ вниманія. Намъ хорошо; къ тому же у насъ есть свои заботы; мы не даромъ живемъ на свѣтѣ. Народныя пѣсни интересны только для любителей музыки; un homme d'ésprit, un homme cultivé, человѣкъ, который держитъ себя серьезно и съ достоинствомъ, не разгадаетъ ихъ смысла. И въ самомъ дѣлѣ: на пароходѣ никто не слушалъ заунывной мелодіи испанскаго мужика! Каждый пассажиръ былъ занятъ собою. Англичанинъ упорно боролся съ качкою и все старался пройдти по одной досточкѣ, не шатаясь ни въ ту, ни въ другую сторону; послѣ долгихъ усилій ему удалось достигнуть своей цѣли: онъ побѣдилъ море. Два француза, выпивши вмѣстѣ коньяку, пришли въ восторгъ и жарко бесѣдовали о революціи, о великой арміи и о славѣ своего отечества. Надутый каталонецъ, офранцуженный дворянинъ котораго мнѣнія объ испанской аристократіи я передалъ въ началѣ разсказа, ходилъ взадъ и впередъ съ важнымъ торжественнымъ видомъ. Я еще прежде замѣтилъ, что онъ во что-то углубленъ и не смотритъ вокругъ себя. Хотя ему приходилось шагать подлѣ перегородки третьяго класса, онъ не удостоилъ взглядомъ тамошнюю чернь; грустная мелодія мужика не коснулась его высокоблагороднаго слуха; самая качка была ему нечувствительна; оказалось, что онъ, неизвѣстно почему, хотя дѣло шло къ ночи, усердно примѣрялъ новыя желтыя, изящныя, чудной лайки, перчатки. Натянувши ихъ на руки, онъ продолжалъ ими играть и любоваться. Пріятно было смотрѣть на его милыя, невинныя упражненія. Я очень люблю людей, которые сносятъ морскія и общественныя качки, народныя пѣсни и скорби, натягивая желтыя перчатки съ непоколебимымъ достоинствомъ. Они заняты ближайшимъ визитомъ, а, можетъ быть, обдумываютъ повести аттаку на простое сердце съ хорошимъ приданымъ, или замышляютъ другую отличную спекуляцію. Ихъ никто не исправитъ, ничто не измѣнитъ. Люди этого рода найдутся не въ одной Испаніи.

Я и самъ хорошо не разслышалъ словъ унылой мелодіи. А хотѣлось понять ее! Чтобы вмѣстѣ понять и офранцуженнаго дворянина, я обратился къ нему за объясненіемъ. «Право, не знаю, о чемъ онъ поетъ; мнѣ мало знакомы мужицкія пѣсни; кажется слова въ нихъ безразличны», отвѣчалъ онъ. «Неужели? извините, caballero, что я васъ утруждаю». Въ это время волна сильно ударила пароходъ въ бокъ. Пѣсня замолкла. Всѣ мы и даже достойный caballero зашатались; я понялъ, что мнѣ отъ него толку не добиться, и пожелалъ ему спокойной ночи.

Мартъ 1862. Д. Каченовскій.

(ИЗЪ БАРБЬЕ).

О, кто же ты, кто ты, великая жена?
Сравнимъ ли мы тебя съ графиней благородной,
Которая дрожитъ и падаетъ, блѣдна,
Подслушавъ у дверей случайно крикъ народный?
Нѣтъ, эта женщина прекрасна, но дика —
Съ могучимъ голосомъ, съ могучими сосцами,
Овладѣвать вездѣ способная сердцами,
Движеньемъ глазъ своихъ, проворна и легка.
Ей нуженъ крикъ толпы, ей наслажденье въ спорахъ,
Она бѣжитъ туда, гдѣ выстрѣлы гремятъ,
Гдѣ запахомъ своимъ въ ней страсти дразнитъ порохъ
И гдѣ колокола слились въ одинъ набатъ.
Лишь только выходцу изъ черни отдавала
Она порывъ своей восторженной любви
И этотъ мощный станъ лишь только обвивала
Рука не разъ одинъ алѣвшая въ крови.

Дм. Минаевъ.

СИБИРЬ
ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

I

НАМЪ ПОЛЕЗНѢЕ ТЕПЕРЬ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПО РОССІИ, ЧѢМЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За нами нѣтъ экономическихъ рутинныхъ преданій и предразсудковъ, которые мѣшали бы ясному пониманію правильныхъ общественныхъ отношеній; мы не имѣемъ за собой ни борьбы феодальнаго дворянства съ буржуазіей, ни систематически-проведенной эксплуатаціи пролетарія капиталистомъ; мы не участвовали въ соціальныхъ переворотахъ западной Европы, не внесли въ ея экономическое развитіе ни новыхъ идей, ни изобрѣтеній. Наши понятія о трудѣ, о задѣльной платѣ, о значеніи человѣческихъ силъ, призванныхъ для разработки данныхъ намъ богатствъ природы — были всегда понятіями патріархальными и довольно дикими. Это обстоятельство, повидимому, благопріятствуетъ нашему будущему экономическому воспитанію; мы приступаемъ къ нему съ голыми руками, безъ запаса матеріаловъ и наблюденій, но зато и безъ тѣхъ ложныхъ теорій, которыя съ половины прошлаго вѣка наводняютъ такъ называемую экономическую науку. Намъ было бы легче начать всякую новую реформу и провести ее въ дѣйствительную жизнь, если бъ мы не страдали другимъ недостаткомъ — рѣшительнымъ отсутствіемъ экономическаго смысла и сознанія тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя начинаютъ выступать на сцену и ставятъ въ тупикъ наши бѣдныя головы. Многому, что̀ происходитъ кругомъ насъ, мы удивляемся, потому что многаго не понимаемъ, а непониманію нашему

самыхъ обыкновенныхъ явленій общественной жизни есть поразительные примѣры...

Между тѣмъ экономическій переломъ такъ или иначе совершается въ Россіи; онъ застаетъ насъ въ расплохъ, неприготовленными, среди глубокаго невѣжества и еще болѣе глубокой апатіи. Передъ нами поднимаются различные вопросы жизни, на которые намъ постоянно приходится отвѣчать извѣстной поговоркой: *авось вывезетъ!* Пожалуй и *вывезетъ,* но куда, — вотъ на что трудно отвѣтить человѣку, дѣйствующему ощупью и въ потьмахъ. Что мы плохо знаемъ себя — это неудивительно, но удивительно, что мы и не хотимъ познакомиться съ собой по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это необходимо нашимъ насущнымъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ мы походимъ на того путника старой басни, который, испугавшись своей собственной тѣни, бѣжалъ отъ нея вдоль неизвѣстной дороги.

Въ настоящее время я не только предпочитаю путешествіе по Россіи — какъ оно ни скучно и грустно — путешествію за границей, но нахожу его въ высшей степени поучительнымъ. Въ западной Европѣ общественныя формы уже сложились, а у насъ онѣ только приходятъ въ броженіе и формируются; тамъ добыты окончательные результаты по многимъ экономическимъ реформамъ, а у насъ едва положено имъ начало. Но наблюдателю гораздо легче изучить ту жизнь, которая еще не вошла въ замкнутыя рамки и каждымъ новымъ поворотомъ даетъ намъ чувствовать свою нелѣпость или хорошую сторону. Надъ такой жизнью можно производить всевозможныя наблюденія и выводить изъ нихъ болѣе или менѣе вѣрныя заключенія. Съ чего бы мы ни начали, все для насъ ново, и всякій хорошо выслѣженный фактъ даетъ новую идею и приводитъ къ новому знанію.

Въ этомъ я вполнѣ убѣдился, проѣхавъ въ качествѣ туриста отъ центра Россіи до глубокаго сѣверо-востока Сибири.

II

ТВЕРЬ. БУРЛАКИ. ВОЛЖСКОЕ ПАРОХОДСТВО.

Есть два города на сибирскомъ трактѣ, отличающіеся полнѣйшимъ безлюдьемъ при довольно крупной цифрѣ населенія — Тверь и Пермь. Объѣхавъ Тверь по всѣмъ направленіямъ, я встрѣтилъ на улицѣ только

одного гарнизоннаго солдата, на другой бабу, и на третьей пьянаго мужика. Остальныя улицы были совершенно пусты, точно моровая язва прошла по городу. А между тѣмъ въ Твери считается 27 т. жителей, 685 каменныхъ домовъ и 2139 деревянныхъ. Разумѣется, если заглянуть во всѣ эти дома, можно найдти въ нихъ людей, но почему всѣ они сидятъ дома? Что они дѣлаютъ? Чѣмъ живутъ? Какіе вопросы занимаютъ ихъ? Въ чемъ ихъ общественная жизнь?

Общественной жизни для Твери нѣтъ, да и быть не можетъ. И кому, и съ какой стати, заниматься общественными вопросами? Въ числѣ 27 т. считается 2,404 человѣка дворянъ, т. е. служащихъ и не служащихъ чиновниковъ. Первые пишутъ въ канцеляріяхъ; вторые или пишутъ дома, или ничего не пишутъ.—Далѣе 1144 лица духовныхъ, изъ нихъ 187 монаховъ; наконецъ 4,014 лицъ военнаго вѣдомства. Такимъ образомъ почти 7 т. человѣкъ или 30% общаго населенія на столько имѣютъ значенія въ экономической жизни города, на сколько они дѣйствительно способствуютъ производительному труду его жителей. Въ остальной цифрѣ населенія считается 1500 человѣкъ купцовъ и почетныхъ гражданъ, и 13,000 мѣщанъ и сельскаго сословія, въ которыхъ собственно и заключается экономическая сила города. Но и въ этой силѣ нужно сдѣлать еще подраздѣленіе: въ городѣ и его окрестностяхъ существуетъ нѣсколько фабрикъ и заводовъ, дающихъ занятіе 5,000 человѣкъ, считая мастеровъ, рабочихъ и учениковъ. Затѣмъ остается около 10,000 народу, неимѣющаго постоянныхъ занятій. Чѣмъ же живутъ эти люди? Положеніе ихъ довольно странное. Хотя Тверская губернія и считается хлѣбной, но она не накормливаетъ досыта крестьянъ, потому что земледѣліе даетъ крестьянину хлѣбъ въ количествѣ, не всегда достаточномъ на его собственное пропитаніе. Поэтому для уплаты податей и для поддержанія своего домашняго хозяйства крестьянинъ долженъ отыскивать новыя средства. Но въ чемъ найдти ему эти средства? Фабрикъ и заводовъ мало; крестьянская промышленность, довольно развитая въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тверской губерніи, не на столько однако сильна, чтобы могла дать занятіе всѣмъ тѣмъ, кого не кормитъ земледѣліе; наконецъ, мѣщане своимъ городскимъ положеніемъ поставлены внѣ возможности быть земледѣльцами. Какъ же добыть этому народу средства для существованія и для уплаты всѣхъ повинностей? Въ другихъ мѣстностяхъ, лежащихъ менѣе выгодно, чѣмъ Тверь, голодный и нуждающійся народъ уходитъ на заработки и, бросивъ домъ и семью, бредетъ пѣшкомъ иногда тысячи за

двѣ, за три верстъ. Въ Твери и Тверской губерніи, лежащей по водной системѣ, бѣдняки идутъ наниматься для разгрузки судовъ и въ бурлаки. Этимъ дѣломъ занимаются въ Тверской губерніи до 50,000 человѣкъ, т. е. тридцатая часть всего населенія, не обезпеченная ни сельскими промыслами, ни земледѣліемъ, должна заниматься почти каторжной работой, убійственной и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Только крайность можетъ принудить человѣка идти въ эту работу, а потому въ нее идутъ люди мало или вовсе безземельные, все богатство которыхъ заключается въ ихъ дюжихъ мышцахъ, да въ способности переносить всевозможныя лишенія, голодъ и холодъ. Плата бурлакамъ обыкновенно самая незначительная; напримѣръ, за проводъ судна отъ Сундыря до Астрахани, на протяженіи болѣе полуторы тысячъ верстъ, бурлакъ получаетъ самую высшую задѣльную плату отъ 15 до 18 рублей. За эти деньги онъ долженъ *сломать* путь туда и обратно, и за всѣми расходами на ѣду, одежду, рукавицы, лишку у него останется отъ 1 до 4 руб. Отъ Чебоксаръ до Рыбинска бурлакъ получаетъ 7 руб.; на проходъ туда и обратно нужно два мѣсяца. Расходуя на ѣду по 5 к. въ день и на все остальное 2 р., у него останется чистой прибыли 2 рубля. Но нужно видѣть своими собственными глазами, что̀ значитъ бурлачество; какъ лежитъ человѣкъ всей тяжестью тѣла на лямкѣ, таща судно; что̀ ѣстъ человѣкъ на свои жалкія 5 копѣекъ; какъ, ради дешевизны содержанія, онъ накидывается на огурцы, на всякія сырыя, дешевыя овощи; какъ, вѣчно мокрый то отъ дождя, то отъ шлепанья по низменному или залитому водой бичевнику, онъ страдаетъ болѣзнями желудка и простудой; какъ мретъ онъ легко отъ тифозныхъ горячекъ и отъ холеры. Наши статистики не знаютъ ничего этого. Они не опредѣляли ни тягости этого ужаснаго труда, ни размѣра смертности, которой подвергаются бурлаки, ни отупѣнія человѣка, проводящаго полжизни въ этомъ чисто воловьемъ дѣлѣ, ни нравственности этого забитаго нуждой человѣка. Бурлаковъ обвиняютъ въ грубости, пьянствѣ, жестокости. Все это правда. Бурлакъ точно пьетъ крѣпко; при случаѣ, напившись въ бурлацкой компаніи онъ и убьетъ своего товарища изъ за пустого слова, даже не понимая того, что онъ убиваетъ человѣка. Слово бурлакъ сдѣлалось синонимомъ человѣка грубаго, дикаго, стоящаго на самой низкой степени умственнаго развитія. Но и этому дикому человѣку, сдѣлавшемуся дикимъ отъ условій и характера его дѣятельности, съ нѣкотораго времени начала грозить опасность. Въ волжскомъ судоходствѣ свершается

переворотъ и бурлакъ годъ отъ году становится менѣе нужнымъ. Изъ отчетовъ начальника V дистанціи путей сообщенія видно (Лаптевъ, Казанск. губ.), что мимо этой дистанціи проплыло *въ пятилѣтіе*, 1848—52 г.

Рабочихъ.	Коноводныхъ машинъ.	Разшивъ.	Тихвинокъ.	Досчаниковъ.	Барокъ, баржъ, полу-барокъ.
67,067	104	1027	532	595	158
въ пятилѣтіе 1853—57 года.					
59,394	81	965	400	368	569.

Такимъ образомъ въ пять лѣтъ число рабочихъ уменьшилось на 12%, уменьшилось и число всѣхъ остальныхъ судовъ; но въ замѣнъ того увеличилось число барокъ и баржъ. Причина въ томъ, что волжскаго плаванія коснулась европейская цивилизація; паровая сила стала замѣнять мускульную силу человѣка, и въ судовомъ дѣлѣ стало являться у насъ то, что съ изобрѣтеніемъ машинъ и парового двигателя явилось уже давно въ промышленной дѣятельности Европы,—человѣкъ становится менѣе нуженъ. Съ появленіемъ волжскаго пароходства стало быстро уменьшаться число коноводныхъ машинъ и всѣхъ остальныхъ судовъ, плавающихъ подъ парусами и на бичевѣ; но зато значительно увеличилось число судовъ буксируемыхъ, какъ барки и баржи, и увеличилась вмѣстимость ихъ. Все это, разумѣется, и должно было случиться, потому что трудно представить что нибудь безобразнѣе изчезающихъ судовъ. Русскій человѣкъ самоучка—«самородокъ»—изобрѣталъ уродливую посудину въ то время, когда Европа давно знала пароходъ. Самое безобразное и неуклюжее изъ всѣхъ судовъ, разумѣется, коноводная машина, замѣнявшая прежде пароходъ. Правда, машина эта изобрѣтена не русскимъ самородкомъ, а французскимъ механикомъ Пуадеборомъ, въ 1815 году, но и французъ дѣйствовалъ тутъ подъ вліяніемъ того русскаго генія, по которому иностранецъ, пріѣхавъ въ Россію, становится инымъ человѣкомъ. Коноводная машина имѣетъ видъ плавающей деревни. Это плоскодонное судно срубается изъ самыхъ толстыхъ брусьевъ и обшивается тоже бревнами, потому что нельзя же считать досками пластины въ 3 до $4^1/_4$ вершковъ толщины. Такое судно, имѣющее до 40 сажень длины и до 10 сажень ширины, носитъ двѣ палубы и усажено разными клѣтушками и миніатюрными, раскрашенными домиками. На машинѣ помѣщается отъ 80 до 200 лошадей и отъ 60 до 200 рабочихъ. Способъ плаванія на этой допотопной посудинѣ слѣдующій: на лодкѣ завозятъ и бросаютъ въ воду

якорь, укрѣпленный на канатѣ въ 6—8 вершковъ въ окружности; другимъ свободнымъ концомъ канатъ навертывается лошадьми на вертикальный валъ, и такимъ образомъ судно, по мѣрѣ наматыванія каната, приближается къ закинутому якорю. Потомъ якорь вытаскивается, снова закидывается, канатъ наматывается на валъ и т. д. Коноводная машина дѣлаетъ въ сутки отъ 20 до 30 верстъ; она можетъ тащить до 20 подчалковъ, съ грузомъ до 500,000 пудовъ. Цѣна машины, смотря по ея размѣру, отъ 15 до 30 т. руб.; служить она около 10 лѣтъ. Неудобство машины разумѣется прежде всего въ ея огромныхъ размѣрахъ. Отъ этого она ходитъ вверхъ только до Нижняго и по Камѣ, т. е. только по глубокой водѣ; въ мелкихъ же мѣстахъ приходится нерѣдко подчалки распауживать, т. е. перегружать товаръ на мелкія суда. Машины возможны въ мѣстностяхъ, не перешедшихъ вполнѣ отъ скотоводства къ земледѣлію, и вотъ почему: въ 1850 году плавало по Волгѣ болѣе 33 коноводныхъ машинъ; полагая на каждую только по 100 лошадей, всего требовалось 3,300 лошадей. Лошади эти, закупаемыя въ заволжскихъ степяхъ, употребляются всего на одинъ рейсъ. Въ степяхъ лошадей много и онѣ дешевы, но есть ли возможность сбывать ежегодно въ Нижнемъ или въ Москвѣ 3,000 лошадей? Возможность разумѣется была, потому что половина лошадей падаетъ отъ труднаго круженія на одномъ мѣстѣ, а другую продаютъ за безцѣнокъ. Такимъ образомъ киргизскимъ лошадямъ открывался сбытъ, котораго безъ машинъ онѣ бы и не имѣли. Разумѣется, для этого нужно, чтобы въ странѣ жили киргизы, водились безконечныя степи и существовали лошади, которыхъ можно покупать и продавать за безцѣнокъ, не балуя ни роскошной пищей, ни внимательнымъ уходомъ. По всѣмъ этимъ причинамъ правъ и Пуадеборъ, правы и хозяева коноводныхъ машинъ, плѣнившіеся его изобрѣтеніемъ. Да и могли ли они поступить иначе? Развѣ могъ существовать въ 1815 году на Волгѣ пароходъ? Гдѣ были люди для его управленія, когда еще въ 1862 году дѣло это идетъ плохо? Пароходы предполагаютъ въ странѣ извѣстную степень цивилизаціи; и народъ, и рабочіе, и машинное производство—все должно стоять въ уровень съ возможностью проявленія и поддержанія подобнаго дѣла. Вотъ почему за полвѣка до нашего времени не могъ явиться и не явился ни одинъ пароходъ на Волгѣ, а явилась на водахъ ея неуклюжая коноводная машина.

Остальныя волжскія суда того же характера. Всѣ они поражаютъ своей неуклюжестью, медленностью хода и приспособлены именно для

того, чтобы какъ можно болѣе замедлить плаваніе и затруднить рабочаго. Даже самое быстрое на ходу судно—разшива, съ ея исполинскимъ парусомъ, плохо рекомендуетъ нашихъ самородныхъ судовыхъ строителей. Парусъ дѣйствительно громаденъ; длиной и шириной онъ равенъ длинѣ мачты, а мачта имѣетъ 15 сажень высоты и составляется изъ пяти деревъ. Въ сильный вѣтеръ нѣтъ никакихъ средствъ опустить его, и въ такихъ случаяхъ парусъ разрѣзываютъ. Кромѣ такого проявленія русской находчивости разшивы даютъ себя знать и художественной изобрѣтательностью ихъ. На носу разшивы рисуются обыкновенно глаза, или дѣлается изображеніе какихъ-то никому невѣдомыхъ звѣрей и чудовищъ; а борты украшаются рѣзьбой топорной работы. И это еще самое красивое и самое быстрое изъ волжскихъ судовъ! Всѣхъ ихъ по Волгѣ плаваетъ до 25,000 штукъ и разсчитывая, какъ это и принято, на 1000 пудовъ клади отъ 4 до 5 человѣкъ, а грузъ каждаго судна въ 5,000 пудовъ, окажется, что судовымъ промысломъ занимается на Волгѣ болѣе 400 тысячъ народу. Въ этомъ итогѣ пароходы сдѣлали убыль на 12% въ теченіе пяти лѣтъ, т. е. ежегодно 10,000 человѣкъ лишились своего привычнаго заработка. Положеніе бурлаковъ въ этомъ случаѣ совершенно такое же, какъ ямщиковъ, вытѣсненныхъ изъ своего промысла желѣзными дорогами. Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ, что пароходы, желѣзныя дороги и всѣ новыя изобрѣтенія дѣлающія человѣческую силу лишней, не нужны. Напротивъ, для общаго хода экономическаго и всякаго другого прогресса они необходимы; но дѣло въ томъ, когда еще этотъ общій ходъ отразится на всѣхъ? когда для бурлака или ямщика пароходы и желѣзныя дороги принесутъ выгоду? До тѣхъ же поръ выгоды желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ распредѣлятся между немногимъ числомъ капиталистовъ и монополистовъ, и сотни тысячъ людей, не подготовленныхъ ничѣмъ ко внезапной перемѣнѣ, не владѣющихъ ничѣмъ кромѣ физической силы, которая становится ненужной, должны будутъ обратиться къ другимъ занятіямъ. А какое занятіе найдетъ себѣ бурлакъ, неимѣющій дома достаточно земли, или ямщикъ, отвыкшій отъ сохи? Вотъ почему, рядомъ съ экономическимъ развитіемъ страны, въ то время, когда въ промышленной дѣятельности народа наступаетъ новая пора, когда новая сила пробиваетъ себѣ дорогу, для силы старой, становящейся лишней, долженъ быть открытъ также выходъ. Человѣкъ подготовленный, развитой, найдетъ себѣ путь, а куда кинуться человѣку, котораго всѣ таланты ограничи-

вались способностью тянуть на бичевѣ разшиву? Въ западной Европѣ, когда вновь явившіяся машины начали вытѣснять рабочаго, онъ не придумалъ вначалѣ ничего лучшаго, какъ ломать ихъ. Но рабочій скоро замѣтилъ и самъ, что это глупо, что такимъ дикимъ протестомъ онъ не улучшитъ своего бѣдственнаго положенія и не остановитъ экономическаго прогресса. И у насъ ямщики пытались снимать съ желѣзныхъ дорогъ рельсы, желая мстить желѣзной дорогѣ, которую считали причиной своего голода. Простой человѣкъ понялъ вѣрно фактъ, какъ это и всегда онъ дѣлаетъ, но идти далѣе простого наблюденія у него недостало силъ. Когда одни изъ безпомощныхъ выразили свое безсиліе местью такого рода, другіе могли пойдти на дѣла и еще худшія. Наши статистики, не занимавшіеся еще до сихъ поръ уголовными вопросами въ связи съ экономическими, разумѣется не въ состояніи указать фактовъ увеличенія числа преступленій въ годы трудные для народа. Но и не имѣя данныхъ изъ русской жизни, а основываясь исключительно на наблюденіяхъ западной Европы, можно сказать утвердительно, что при быстромъ измѣненіи положенія рабочихъ, когда они цѣлыми массами лишаются возможности привычнаго заработка, неговоря уже про то, что уровень ихъ общаго благосостоянія понижается вдругъ, многіе изъ нихъ рѣшаются на преступленія, на которыя прежде они бы и не рѣшились. Напримѣръ во Франціи въ 1846 г. находились подъ судомъ за воровство 31,768 человѣкъ, а въ дорогомъ 1847 г., число ихъ увеличилось до 41,626. Въ Англіи съ возвышеніемъ цѣны на жизненные припасы и при торговомъ кризисѣ, въ 1837 году, число арестованій увеличилось противъ предшествовавшаго года вдругъ на 2600 человѣкъ. Тѣ же самыя причины дѣйствуютъ и у насъ, хотя мы и не въ состояніи подкрѣпить ихъ цифрами изъ русской жизни. И у насъ, какъ и вездѣ, преступленія, вызываемыя нуждой и лишеніями, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Отъ этого наибольшее число людей наказывается за воровство, мошенничество, конокрадство. Эти преступленія составляютъ у насъ около 70—80% общаго числа преступленій, а по сословіямъ наибольшая доля ихъ приходится на мѣщанъ, т. е. на людей, находящихся въ самыхъ невыгодныхъ экономическихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ развитіе волжскаго пароходства обнаружило прежде всего вліяніе на бурлаковъ, лишивъ ихъ прежняго, привычнаго имъ заработка. Крестьянинъ шелъ въ бурлаки, разумѣется только потому

что его гнала нужда; но вотъ явилось пароходство, бурлакъ началъ становиться лишнимъ, земли же, талантовъ и промышленнаго образованія у него не прибавилось. Чѣмъ же стали заниматься эти лишніе люди, сколько изъ нихъ пошло пилить дрова на пароходы, сколько опредѣлилось на биржи, сколько разбрелось по другимъ рѣкамъ, а сколько очутилось въ партіяхъ арестантовъ, идущихъ въ Сибирь? На эти вопросы у насъ нѣтъ отвѣта.

Къ счастію для крестьянъ Казанской, Пензенской, Тверской, Нижегородской, Самарской, Симбирской и другихъ губерній, промышлявшихъ судовой работой, пароходство ползетъ у насъ медленно. Русскіе купцы, не любя гоняться за Европой, придерживались болѣе коноводныхъ машинъ, разшивъ, бѣлянъ и не заводили пароходовъ. Въ то время, какъ въ Америкѣ, со времени появленія въ 1811 году перваго парохода и до 1852 года, явилось 1450 пароходовъ, у насъ на Волгѣ съ 1820 года, когда были заведены пароходы для доставленія на Кавказъ провіанта, и до 1861 года, т. е. за то же число лѣтъ, построено 250 пароходовъ. Изъ нихъ буксирныхъ и кабестановыхъ, т. е. служащихъ собственно для перевоза груза и вспомогательныхъ къ нимъ, около двухсотъ. Особенное развитіе пароходства началось по окончаніи крымской войны и со времени возбужденія крестьянскаго вопроса. Причина въ томъ, что людямъ, имѣвшимъ прежде возможность жить не думая, пришлось подумать о средствахъ существованія. Вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій государства, пониженія банковаго процента—деньгамъ, лежавшимъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, нужно было дать другое болѣе выгодное помѣщеніе, и вотъ пошли всякія компаніи, товарищества, акціонерныя общества. Всѣ они прозябаютъ жизнью жалкаго паразитизма, и если бы о дѣятельности ихъ не напоминала скандалёзная ихъ хроника, то для общественнаго вниманія они не имѣли бы ни малѣйшаго интереса. А между тѣмъ въ главѣ управленія стоятъ иногда люди весьма почтенные; уставы обществъ написаны всегда обстоятельно; гдѣ нужно, выписываются даже изъ-за границы машины, мастера и даже рабочіе. Внѣшность самая благообразная, а внутри безтолочь, неурядица, убытокъ. Иностранецъ приписалъ бы все это недостатку знанія, неспособности и экономической незрѣлости русскаго человѣка, и былъ бы правъ. Если неудается, то очевидно не умѣемъ обращаться съ своими интересами; умѣли бы — такъ бы удалось. Въ волжскомъ пароходствѣ мы тоже не показали особеннаго развитія и пониманія дѣла. Для человѣка неком-

мерческаго это замѣтно особенно въ легкомъ пассажирномъ пароходствѣ. Напримѣръ — компанія «Самолетъ», этотъ аристократъ и баричъ волжскаго пароходства поражаетъ больше всѣхъ своей неспособностью понимать вещи надлежащимъ образомъ. У «Самолета» все изящно, все поражаетъ блескомъ и претензіей на великосвѣтскость и деликатность. Вездѣ прекрасныя пристани, удобныя сходни, лоцмана и рабочіе въ красныхъ рубашкахъ, на шляпахъ мѣдныя бляхи съ надписью «Самолетъ», пароходы свистятъ и звонятъ по три раза. Ну,—все какъ слѣдуетъ. Правда, что красныя рубашки шьются всѣ на одинъ ростъ, гуртомъ, вѣроятно въ Петербургѣ, и потому матросы высокаго роста для соблюденія приличія должны обтягивать рубашки безпрестанно спереди; правда и то, что изъ экономіи красныя рубашки надѣваются только, когда пароходы пристаютъ къ главнымъ пристанямъ. Но это еще не важно и не подрываетъ кредита общества. Но вотъ бѣда. На пароходѣ, плывшемъ изъ Твери, было мѣстъ 3-го класса всего 13, а продали билетовъ 36. Это произошло оттого, что мѣста продавались въ двухъ мѣстахъ: на тверской станціи желѣзной дороги и въ конторѣ пароходства, на берегу Волги. Когда сошлись всѣ пассажиры, очутилось на каждомъ мѣстѣ по два человѣка. Первые возстали противъ этого два священника явившіеся послѣ всѣхъ. Одинъ изъ нихъ, высокій и какъ видно энергическій человѣкъ, потребовалъ капитана. «Вы должны и т. д., началъ священникъ. А капитанъ, курляндскій нѣмецъ, сталъ кричать, что онъ ничего не долженъ и ничего не знаетъ, а всѣмъ вѣдаетъ контора. Пошли въ контору. Явился благовидный, съ бородкой, господинъ, выслушалъ претензію пассажировъ, и предложилъ дамамъ каюту 1-го класса. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Нашлись другіе безмѣстные. Снова въ контору. Но на этотъ разъ контора, имѣя дѣло съ мужчинами, оказалась менѣе деликатной. Она дала знать, что на диванахъ лежать вовсе не полагается, а слѣдуетъ сидѣть по двое. Безпокойные люди стали возражать даже и на этотъ, повидимому, вполнѣ благоразумный отвѣтъ. Какъ! слѣдуетъ сидѣть?! Зачѣмъ же вы публиковали, что диванъ дается каждому пассажиру?» Многимъ стало жаль капитана, потому что его, какъ единственнаго представителя общества «Самолетъ» разсвирѣпѣвшіе пассажиры просто рвали на части. Тогда болѣе кроткіе вступились за капитана. «Капитанъ тутъ невиноватъ, говорили они, виновата контора, зачѣмъ продаетъ она билеты въ двойномъ числѣ». Того же мнѣнія былъ и чистенькій, съ бородкой опрятнаго вида, бѣлокурый нѣмецъ. Его сочув-

ствіе къ невинности было награждено впослѣдствіи: капитанъ помѣстилъ его въ каюту перваго класса. Вообще смятеніе было большое и шумъ какъ въ торговой банѣ. Только два дворовыхъ человѣка, купеческаго вида, сидѣли молча, не принимая въ сумятицѣ никакого участія. Они знали очень хорошо, чѣмъ все это должно кончиться. Энергическій священникъ заявилъ мысль, что нужно прибѣгнуть къ гласности, но дворовые люди и тутъ молчали. Молодой студентъ, еврейской наружности и, какъ впослѣдствіи оказалось, человѣкъ не особенной храбрости, даже съострилъ по поводу красныхъ рубашекъ лоцмановъ и матросовъ, сказавъ что-то на счетъ неопасности краснаго цвѣта; но дѣло все не подвигалось. Наконецъ шумъ кричавшихъ поутихъ; жертва общаго негодованія, капитанъ, исчезъ; недовольные побранили еще между собой общество «Самолета», и разговоры начали склоняться понемногу къ другимъ предметамъ. Все успокоилось, хотя мѣстъ и не прибавилось. Да и чего было шумѣть. И дѣйствительно господа пошумѣли, зная что имъ сойдетъ съ рукъ, и успокоились, не сдѣлавъ ничего.

Когда все затихло, многіе, въ томъ числѣ и я, принялись смотрѣть въ дыру парохода на машину; ко мнѣ подходитъ капитанъ и говоритъ: «подождите немного, я дамъ вамъ мѣсто въ 1-мъ классѣ.»

Дня два или три спустя, ужь недалеко отъ Нижняго, въ холодный и темный какъ труба вечеръ, пассажиры, забравшись въ каюту, занимались невинными разговорами. Вошелъ штурманскій офицеръ и замѣтилъ, что по океану въ такую темь плавать опасно. Никто изъ насъ не видѣлъ океана и замѣчаніе штурмана осталось вводной фразой, не имѣвшей вліянія на направленіе бесѣды. Не прошло десяти минутъ, какъ раздался сильный трескъ. Всѣ переглянулись вопросительно. Пароходъ затрещалъ второй разъ. На многихъ лицахъ выразился испугъ; нѣкоторые изъ пассажировъ бросились на палубу. Тамъ смятеніе, суетня, крикъ. Ничего нельзя разобрать. Бабы плачутъ и охаютъ; одна изъ нихъ кричитъ—ахъ, горимъ, горимъ! Никто не знаетъ въ чемъ дѣло; а темь такая, что въ двухъ шагахъ не видно человѣка; только за кормой и передъ носомъ парохода, всматриваясь пристально, можно было замѣтить двѣ огромныя, какъ будто свѣтловатыя, удаляющіяся тѣни. Съ кормы раздаются крики: задній ходъ, задній ходъ, топоръ, топоръ, топоръ! Новая суетня и бѣготня. Топоръ подали. Опять крикъ «кидай

якорь, выпускай пары!» Кинули якорь, начали выпускать пары. Все начало успокоиваться и дѣло разъяснилось. Шли двѣ разшивы, обѣ намъ на встрѣчу; одна прямо на носъ нашего парохода, другая по діагонали, перерѣзавъ намъ дорогу. Послѣдняя задѣла бортомъ корму парохода—первый трескъ,—и затѣмъ запустила лапы своего висѣвшаго на боку якоря въ желѣзную обшивку, и за руль. На разшивѣ тотчасъ же замѣтили бѣду и въ одно мгновеніе обрубили канатъ, такъ что нашъ топоръ опоздалъ. Если общее смятеніе и страхъ пассажировъ считать за ничто, то компанія Самолета оказалась въ выигрышѣ; правда въ обшивкѣ явились небывалыя въ ней дыры, но зато достался даромъ огромный якорь. Утромъ на разсвѣтѣ оказалось, что мы стоимъ у самой косы; не зацѣпи насъ разшива, капитанъ непремѣнно посадилъ бы пароходъ на мель. Что лучше—не знаю. Но если нашъ капитанъ оказался слабъ въ мореходномъ дѣлѣ, зато онъ обнаружилъ дипломатическія способности. Передъ отправленіемъ въ путь онъ зашелъ въ нашу каюту. Хотя было еще очень рано, но штурманъ пилъ уже хересъ. До прихода капитана всѣ бранили его, но только что онъ завелъ рѣчь о происшествіи, всѣ стали его оправдывать и штурманъ предложилъ даже стаканъ хересу. Капитанъ отказался, посидѣлъ минуть пять и ушелъ. Наконецъ добрались мы и до Нижняго. Здѣсь слѣдовало пересаживаться на другой пароходъ. Но на какой — никто не знаетъ и спросить некого. Одни говорятъ, что пойдетъ «Быстрый», другіе—«Прогрессъ». Мы причалили къ послѣднему. На Прогрессѣ всѣ спали, даже не было видно человѣка, наконецъ показался на палубѣ какой-то мужикъ. Нашъ капитанъ закричалъ ему: «принимай канатъ». Но для рабочаго дѣло это оказалось непривычнымъ; онъ суетился, не зная какъ крѣпить. Затѣмъ выскочилъ еще какой-то мужикъ, сталъ тоже суетиться, и наконецъ имъ удалось какъ-то привязать насъ къ «Прогрессу». Положили сходни и началась перегрузка вещей. Шелъ дождь; каждый пассажиръ хотѣлъ видѣть своими глазами, что его вещи точно перенесутъ; вещи бросали какъ кули съ мукой, оставляя подъ дождемъ. Кто-то замѣтилъ, что вещи могутъ портиться и тогда явилось полотно, которымъ ихъ и закрыли. Наконецъ кончилась и перекладка; перемоченные пассажиры собрались въ каютѣ новаго парохода. Въ это время является къ намъ какой-то господинъ изъ I класса и предлагаетъ подписать благодарственный актъ нашему старому капитану за благополучную доставку насъ до Нижняго. Пошли толки и споры. Студентъ-матрикулистъ согласился раньше всѣхъ подписать свидѣтельство, но другіе болѣе строптивые ни-

какъ не соглашались, не понимая за что благодарить, тѣмъ болѣе что доставка хотя въ сущности и вышла благополучна, потому что никому не проломили голову, не проткнули бока, никого не убили и не утопили; но корма у парохода получила сверхштатныя дыры и пассажиры рисковали попасть на съѣденіе рыбамъ.

Подписей на актѣ явилось у насъ немного, зато весь первый классъ, гдѣ и сочинялся актъ, въ краснорѣчивыхъ фразахъ увѣрялъ неизвѣстно кого-то, что, благодаря распорядительности капитана, всѣ пассажиры живы и невредимы. Въ чемъ же тутъ дипломатія капитана? А дипломатія его въ томъ, что онъ забѣжалъ къ намъ, чтобы вывѣдать наше мнѣніе и, узнавъ что его никто не винитъ, упросилъ первый классъ дать ему свидѣтельство, чтобы оправдаться предъ директорами въ пріобрѣтеніи пароходомъ сверхкомплектныхъ дыръ. По словеснымъ объясненіямъ всѣхъ лицъ, сочувствовавшихъ капитану, во всемъ винились разшивы, а люди противной партіи увѣряли, что намъ не слѣдовало втираться въ встрѣчный судовой караванъ и что слава богу, что все такъ кончилось: попадись мы между разшивами, онѣ сдавили бы нашъ желѣзненькій пароходикъ въ блинъ.

Есть еще обстоятельство, хотя и не вредящее интересамъ компаніи, но для пассажировъ все-таки не совсѣмъ пріятное. Большая часть пароходовъ строена въ Бельгіи, на заводѣ Кокериля. Бельгія страна маленькая: всю ее вдоль и поперекъ можно проѣхать въ шесть часовъ; климатъ тамошній тоже не похожъ на русскій, и потому заграничный человѣкъ для своего рѣчного плаванія придумалъ пароходы, въ которыхъ все разсчитано на короткое плаваніе въ хорошую погоду. У насъ нѣсколько иначе. Отъ Твери до Астрахани почти 5 т. верстъ; Волга во время вѣтра стоитъ Балтійскаго моря: она ломаетъ барки десятками; отъ Твери до Астрахани приходится плыть едва ли не болѣе десяти сутокъ; очевидно, что такое плаваніе требуетъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ удобствъ, въ родѣ тѣхъ, какія придумали иностранцы для своихъ морскихъ пароходовъ.

Разумѣется, Джонъ Кокериль можетъ не знать ничего этого, но зато общество Самолета, общество русское, знаетъ хорошо русскаго человѣка. Оно знаетъ, что мы не нуждаемся ни въ какихъ удобствахъ, не то что французъ или англичанинъ; оно знаетъ, что мы выносливы, стерпимъ и холодъ, и голодъ, и мокроту, и грязь, и невыносимую дороговизну всего, и пьяную компанію, и крупныя выраженія. Все это дѣйствительно выноситъ русскій человѣкъ, и, приноровляясь къ этимъ

качествамъ, выстроены всѣ волжскіе пароходы. Положимъ, что для людей, непривычныхъ къ удобствамъ, первый и второй классъ очень хороши, но о простыхъ ужь никакъ нельзя сказать этого; даже киргизу или буряту, привыкшему жить всегда на открытомъ воздухѣ, покажется тамъ и холодно, и мокро. Но отъ киргиза зависитъ залѣзть подъ кошму или спрятаться въ кибитку, а куда дѣться пассажиру 3 класса, выставленному на открытой палубѣ всѣмъ вѣтрамъ и непогодамъ въ теченіе десяти сутокъ холоднаго осенняго плаванія? И сколько между ними женщинъ съ маленькими и даже грудными дѣтьми! Разумѣется, можно привыкнуть ко всему; можно привыкнуть и къ тому, чтобы смотрѣть совершенно равнодушно на свернувшихся калачомъ, мокрыхъ и дрожащихъ отъ холода людей, лежащихъ въ повалку на палубѣ, на скамьяхъ, подъ скамьями, у пассажирскаго багажа, у пароходной трубы и вообще у всякаго выдающагося пароходнаго предмета, представляющаго хоть малѣйшую защиту противъ дождя и вѣтра.

Въ Нижнемъ на нашъ пароходъ посадили цѣлую партію солдатъ, все безсрочно-отпускныхъ, и плыли они кажется въ Казань, а можетъ и дальше. Шелъ дождь съ вѣтромъ. Жалкія солдатскія, поношенныя шинели промокли въ секунду. Дрожатъ бѣдные солдаты, покуриваютъ свои коротенькія трубки, чтобы хотя этимъ отогрѣться немного, да отпускаютъ съ горя разныя балагурства и остроты. Но отъ этого не становится имъ ни теплѣе, ни суше. Между пассажирами нашлось нѣсколько утопистовъ, неумѣвшихъ понять почему солдаты должны дрожать отъ мокроты и холода. Утописты отправились на берегъ, въ контору, и обратились съ просьбой къ главному агенту общества. Господинъ въ штабъ-офицерскомъ форменномъ пальто выслушалъ снисходительно ихъ просьбу, заключавшуюся въ томъ, чтобы позволено было растянуть на пароходѣ пологъ, чтобы спасти несчастныхъ отъ лихорадки. На эту простую и легко выполнимую просьбу послѣдовало весьма ученое разсужденіе объ остойчивости судна, о бимсахъ и брамстеньгахъ, о нордъ-остѣ и зюдъ-вестѣ, и на основаніи всего этого выведена невозможность устроить на пароходѣ покрышку изъ паруса. Въ заключеніе прибавлено, что такой вѣжливый отвѣтъ послѣдовалъ потому, что просьба была выражена вѣжливо. Просители воротились ни съ чѣмъ. На «Прогрессѣ» ихъ встрѣтилъ помощникъ капитана, человѣкъ еще совсѣмъ молодой и кажется не служившій никогда во флотѣ. Сначала онъ думалъ что просители хлопочутъ о своей прислугѣ, но когда ему разсказали, что рѣчь идетъ о людяхъ совершенно постороннихъ, онъ никакъ не могъ

переварить этого и только пожалъ плечами. Къ счастью дождь шелъ не всю ночь и къ утру солдаты просохли. Больныхъ повидимому не оказалось.

Но почему же всѣ эти обстоятельства не вредятъ нисколько интересамъ компаніи? Очень просто. Компанія сообразила свое дѣло такъ: если она тѣмъ или другимъ путемъ заберетъ въ свои руки плаваніе отъ Твери до Рыбинска, то пассажиръ, сѣвшій въ Твери, будетъ въ рукахъ команіи не только до Рыбинска, но и до Астрахани, если онъ только плыветъ туда. А если пассажиръ въ ея рукахъ, то съ нимъ можно дѣлать все что угодно. Поэтому «Самолетъ» построивъ 37 пароходовъ, откупилъ отъ другихъ компаній плаваніе по Волгѣ отъ Твери до Рыбинска, надбавилъ противъ прежнихъ годовъ плату за мѣста и за багажъ и разыгриваетъ на Волгѣ роль монополиста-откупщика. Монополистъ знаетъ свою силу; онъ, какъ никуда негодная почтовая дорога, хочешь не хочешь, а поѣдешь, когда миновать ее невозможно. Но зато и пассажиръ, садящійся на пароходъ русской компаніи, управляемый спеціалистами, знаетъ впередъ, что во всѣхъ капитанахъ, агентахъ и такъ далѣе встрѣтитъ людей самаго изящнаго вида, съ золотыми галунами на фуражкахъ и съ удовлетворительнымъ знаніемъ французскаго языка; онъ знаетъ впередъ, что съ самаго вступленія на палубу парохода на него повѣетъ воздухомъ управы благочинія; онъ знаетъ впередъ, что пароходъ или затешется въ караванъ разшивъ или садетъ на мель, или столкнется съ другимъ пароходомъ, или въ немъ откроется течь, или вообще съ пароходомъ случится что нибудь и случится непремѣнно; онъ знаетъ также, что если онъ самъ не будетъ стоять при своихъ вещахъ, то ихъ переломаютъ и перебьютъ, и что ни одинъ человѣкъ изъ корабельной прислуги и лицъ, управляющихъ ею, не подумаетъ, что чемоданъ не куль съ картофелемъ, что онъ боится дождя, боится ломки; онъ знаетъ впередъ, что въ одной съ нимъ каютѣ встрѣтится если не цѣлая компанія пьяныхъ, то хоть одинъ пьяный, и что этотъ человѣкъ будетъ чудодѣйничать въ самое неурочное время. Подобныя обстоятельства во второмъ классѣ вещь обыкновенная; третій классъ уже гораздо приличнѣе. Наконецъ онъ знаетъ, что изъ буфета брать ничего не слѣдуетъ; что каждый буфетъ существующій на пароходѣ, есть новая форма косвеннаго налога, налагаемаго компаніей на проѣзжающихъ; иначе сказать, это замаскированная прибавка на плату за мѣста, падающая на тѣхъ, кто не можетъ питаться вареными яйцами и молокомъ, продаваемыми бабами на пристаняхъ. У компаніи же

въ этомъ случаѣ такой разсчетъ. Отдавая желающему содержаніе буфета на пароходѣ, компанія обязываетъ буфетчика кормить капитана, его помощника и кажется механика и машинистовъ; кромѣ того буфетчикъ платитъ еще деньгами сто рублей въ лѣто. Весь этотъ расходъ составляетъ въ лѣто около 500 руб., слѣдовательно на всѣхъ 37 пароходахъ общество получаетъ за содержаніе буфетовъ 18,500 руб., которые должны выплатить ему тѣ же проѣзжающіе, платящіе уже и такъ даромъ за весь страхъ, неудобства и всякое неустройство, ожидающее ихъ на пароходѣ. Сущность монополя всегда одна и та же— заплатишь, когда взять иначе негдѣ. Совершенно какъ въ откупѣ. Одно только непонятно, за что такіе повсемѣстные нападки на винный откупъ? Развѣ зато, что онъ собираетъ миллъоны, а другимъ достаются тысячи. А развѣ всѣ наши молодыя компаніи, общества и товарищества не хлопочатъ прежде всего захватить въ свои руки все дѣло и вытѣснить противниковъ? Развѣ каждое изъ нихъ не монополистъ? И такая экономическая неурядица является какъ-разъ въ то время, когда у насъ расплодилось такъ много политико-экономовъ и даже существуетъ политико-экономическій комитетъ! Они разумѣется отвѣтятъ, что монополь происходитъ отъ недостатка соперничества. Но будто бы это такъ? Соперничество и является иногда, да его закупятъ или составятъ съ нимъ одну компанію.

Патріархальность экономическаго быта рѣшительно кончается для насъ. Помѣщикъ перестадъ быть отцомъ и кормильцемъ своихъ крестьянъ, и прославленная общинность русскаго человѣка даетъ себя чувствовать во всѣхъ экономическихъ предпріятіяхъ созидающейся русской буржуазіи. Теперь для насъ наступаетъ время монополя: прежній свободный ямщикъ смѣнился вольной почтой и, переставъ быть самъ хозяиномъ, поступилъ въ работники къ новому монополисту. Люди, гнушавшіеся прежде ямщичьимъ промысломъ, теперь стали отбивать его отъ коренного ямщика, не предоставивъ крестьянину, въ замѣнъ отнятаго отъ него промысла, ни пяди лишней земли, ни тѣни возможности вознаградить чѣмъ нибудь отнятый отъ него заработокъ. На политико-экономическомъ языкѣ это называется: Laissez faire, laissez passer. А кто же мѣшаетъ этому ямщику или бурлаку снимать подряды на вольную почту, устроивать въ компаніи желѣзныя дороги, заводить на Волгѣ пароходство? Разумѣется, никто кромѣ безсилія, т. е. бѣдности и неразвитія. Вытѣснить его отовсюду не трудно, но только едва ли это разсчетливо.

Забирая въ свои руки монополь, и убивая старый судоходный промыселъ, пароходы берутъ за доставку грузовъ гораздо дороже противъ судовъ непаровыхъ. За первый рейсъ буксирные пароходы берутъ по 1,35 к. съ пуда за сто верстъ, за слѣдующіе 0,86 к.; кабестанные, т. е. тѣ же машины, но въ которыхъ лошади замѣнены паромъ, берутъ за рейсъ отъ 0,97 — 0,73 к. съ пуда за 100 верстъ. Такимъ образомъ за доставку хлѣба отъ устья Камы до Астрахани пароходы берутъ съ пуда отъ 45 до 50 коп., а сплавнымъ судоходствомъ обходится въ 40 копѣекъ доставка четверти, и не отъ устья Камы, а съ Вятскихъ пристаней, т. е. пароходы берутъ съ пуда въ девять и въ десять разъ дороже. Здѣсь вся причина въ скорости хода. Но есть одно обстоятельство, по которому пароходы не вытѣснятъ совершенно сплавного судоходства. Послѣднее можетъ производиться гораздо дешевле потому, что постройка и содержаніе судовъ требуютъ меньшихъ издержекъ, слѣдовательно доступнѣе крестьянамъ; эта-то значительная дешевизна и не дастъ ему окончательно упасть.

Еще одно замѣчаніе о пароходахъ. Въ сутки непрерывной работы пароходы потребляютъ слѣдующее количество дровъ: забѣжка, или завозня 5—5 $^{1}/_{2}$ сажень одпополенныхъ, аршинныхъ дровъ; кабестанный, 60-ти-сильный — 18 с., двухсотъ-сильный, съ машиной низкаго давленія 36 с.; легкій, пассажирный 80-ти-сильный—25 сажень. Среднимъ числомъ въ сутки, считая только пять мѣсяцевъ плаванія, всѣ двѣсти пятьдесятъ пароходовъ сжигаютъ 75,000 куб. сажень дровъ! «Самолетъ» было попробовалъ топить углемъ, но говорятъ, нашелъ невыгоднымъ. Многіе съ ужасомъ отзовутся объ этомъ страшномъ истребленіи лѣсовъ, но ужасъ будетъ совершенно напрасенъ. Разумѣется жаль, что лѣсъ рубится безпорядочно, но дрова, какъ извѣстно, идутъ изъ мѣстъ лѣсистыхъ, а лѣсистыхъ мѣстъ у насъ еще слишкомъ много и отъ нихъ страдаетъ русскій климатъ. При всемъ своемъ громадномъ пространствѣ Россія бѣдна обработанною землей, и крестьяне многихъ губерній въ ней нуждаются. Не для нихъ ли подготовляются эти пустыри, происходящіе отъ безпорядочныхъ рубокъ и лѣсныхъ пожаровъ? Въ такомъ случаѣ не лучше ли отдать половину нашихъ глухихъ и болотистыхъ лѣсовъ нуждающимся крестьянамъ теперь же?

III.

УПАДОКЪ КАЗАНИ И КАЗАНСКИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

Казань давно славится своимъ мыломъ, кожами и тарантасами, а многіе хвалятъ ее и за красоту. Все это патріотическое увлеченіе. Относительно наружной красоты Казань имѣетъ видъ новаго, только-что строющагося города; нѣтъ ни одной улицы безъ щепокъ, бревенъ, кирпича, мусора. При малѣйшемъ вѣтрѣ соръ мететъ въ глаза, совсѣмъ какъ въ Нубіи или Сахарѣ. Интересно бы знать, на сколько сокращается жизнь казанскихъ жителей оттого, что вмѣсто воздуха они дышатъ щепками, сѣномъ и всякимъ соромъ! Увеличенію пыли много способствуетъ общій всѣмъ русскимъ городамъ способъ мощенія улицъ. Способъ этотъ весьма простъ: уложатъ рядкомъ камушки, посыплютъ ихъ толченымъ кирпичемъ и положатъ сверху на палецъ песку. При малѣйшемъ вѣтрѣ песокъ несетъ въ глаза проходящимъ и проѣзжающимъ, несетъ въ окна домовъ. Снесенный песокъ очевидно не достигаетъ цѣли, потому что послѣ перваго вѣтра не остается его ни зерна на вновь сдѣланной мостовой. А между тѣмъ сколько у насъ ученыхъ инженеровъ, спеціально посвятившихъ себя устройству путей сообщенія; или можетъ быть городскія улицы не пути сообщенія? Отчего же, остановившись на прадѣдовскомъ способѣ мощенія улицъ, мы въ теченіе тысячелѣтія не подвинулись въ этомъ дѣлѣ ни на шагъ? Единственно потому, что пыль и соръ не считаются у насъ неудобствами жизни и въ хорошихъ дорогахъ мы не нуждаемся. Иностранцы—другое дѣло. Хорошую дорогу они считаютъ важной вещью и въ экономическомъ отношеніи, и въ отношеніи здоровья, и въ отношеніи удобствъ жизни; оттого у нихъ вездѣ шоссе и хорошія мостовыя. У насъ же не нужно ни того, ни другого; поэтому наши крестьяне не стѣсняются нисколько непроходимой грязью въ деревняхъ, а городскіе жители непроходимыми мостовыми въ городахъ. Когда тѣмъ и другимъ дурныя дороги сдѣлаются невыносимыми, съ той же минуты начнутъ появляться у насъ и хорошіе пути сообщенія. Такъ же далеко ушли мы и съ своей знаменитой паркетной дорогой. Въ Казани, на главной Воскресенской улицѣ есть тоже въ двухъ мѣстахъ, въ видѣ небольшихъ заплатокъ, торцовая мостовая. Эта мостовая, составляющая гордость Россіи и изобрѣтенная Гурьевымъ, дѣлается и нынче, какъ дѣлалась тридцать лѣтъ назадъ. По прежнему кладется она совсѣмъ горизонтально, безъ вся-

кихъ стоковъ; по прежнему торцы выпучиваются въ серединѣ, и по прежнему такая дорога болѣе трехъ лѣтъ не можетъ существовать. А кажется, что̀ можетъ быть проще того соображенія, что для стока дождевой воды мостовая должна имѣть нѣсколько выпуклую поверхность; что торцы у своихъ верхнихъ концовъ не должны прилегать вплоть одинъ къ другому и тогда, при расбуханіи отъ влажности, они не станутъ принимать видъ пуповины, а раздадутся въ бока. Варшавскимъ, напримѣръ, жителямъ не нравится дурная торцовая, и потому тамъ дошли до такого ея устройства, что она служитъ двадцать лѣтъ безъ всякаго ремонта; дѣлаютъ ее не изъ ели или сосны, а изъ дуба, и кладутъ не на деревянную горизонтальную подстилку, а на плотную выпуклую известковую смазку. Непривычка къ удобствамъ и низкій уровень матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей—одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему одно общество находитъ удобнымъ то, что для другого невыносимо. Этимъ обстоятельствомъ, и единственно этимъ, объясняется причина многихъ явленій въ экономической жизни русскаго человѣка.

Промыслы Казанской губерніи, составившіе ей репутацію, въ настоящее время пользуются совершенно несправедливо извѣстностью: Первое и доселѣ значительное производство — кожевенное, зависитъ отъ такихъ условій, при которыхъ ему должно упасть непремѣнно, если въ земледѣльческомъ сословіи не разовьется большее благосостояніе. Изъ статистическихъ свѣдѣній видно (Лаптевъ Каз. губ.), что въ 1811 году считалось въ Казани 130 кожевенныхъ заводовъ, а въ 1857 году только 41. Въ 1828 году было выработано 357 т. кожъ, а въ 1857 году 635 т. Изъ этого видно, что число заводовъ уменьшилось на двѣ трети, а количество выдѣланныхъ кожъ увеличилось на 278 т. штукъ. Если смотрѣть на такой фактъ съ точки зрѣнія общихъ выводовъ, то можно радоваться и увеличенію производства, и уменьшенію числа заводовъ. Увеличеніе производства—это сила теперешней Казани; такая же сила и меньшее число заводовъ, производящихъ значительно большее количество кожъ. Но подобный взглядъ на дѣло будетъ чисто англійскій, ибо въ уменьшеніи числа заводовъ слѣдуетъ видѣть уменьшеніе на двѣ трети числа самостоятельныхъ хозяевъ, и возвышеніе уровня благосостоянія немногихъ насчетъ многихъ. Гораздо было бы лучше, если бы 635 т. кожъ распредѣлились нынче между 260 заводами, чѣмъ между 41. Кромѣ подобнаго ослабленія казанскаго кожевеннаго производства въ послѣднее время перестали выдѣлываться тамъ

такіе сорты, которые выработывались прежде десятками тысячъ. Напримѣръ, въ 1815 году на 15 татарскихъ заводахъ выдѣлывалось кромѣ козловыхъ 43,800 штукъ красной юфти, въ 1824 году только 1050 штукъ, а въ тридцатыхъ годахъ производство красной юфти совершенно прекратилось.

Матеріалъ для обработки доставляется въ Казань изъ губерній Пермской, Вятской, Симбирской, Астраханской, Самарской и Оренбургской. Лучшими сырыми кожами считаются сибирскія, и онѣ идутъ на выдѣлку высшихъ сортовъ. Самыя дурныя кожи доставляются изъ окрестностей Казани. Остальные матеріалы, необходимыя для дубленія, кромѣ корья, — квасцы, купоросъ, конопляное масло, рыбій жиръ, сандалъ, сода, поташъ, и проч. покупаются на нижегородской ярмаркѣ. Изъ этого одного видно, что кожевенному производству, получающему всѣ сырые продукты изъ другихъ губерній, нѣтъ непремѣнной причины существовать въ Казани. Искусство казанскихъ мастеровыхъ и рабочихъ тоже не такого высокаго достоинства, чтобъ они были незамѣнимы въ другихъ мѣстахъ; напротивъ, число хорошихъ и добросовѣстныхъ мастеровыхъ весьма ограничено и разумѣется сдѣлалось еще меньше съ тѣхъ поръ, когда число заводовъ стало уменьшаться и прежніе хозяева должны были идти въ мастеровые или даже въ рабочіе къ другимъ болѣе богатымъ хозяевамъ. Единственный заводъ, отличающійся выдѣлкой кожъ (козловыхъ) — заводъ Котелова. Другіе заводы не пользуются такой репутаціей: Казанскій опоекъ не можетъ никакъ сравняться съ опойкомъ петербургскимъ, и вообще петербургскія, московскія, вятскія крупныя кожи вовсе не хуже, напротивъ — лучше казанскихъ. Въ казанскомъ кожевенномъ производствѣ, какъ и въ русской мостовой, незамѣтно тѣни прогресса и стремленія къ улучшенію дѣла. Отъ этой спячки русскаго человѣка его вытѣсняютъ вездѣ на иностранныхъ рынкахъ; въ хлѣбѣ нашемъ нуждаются менѣе, потому что явилось соперничество Америки, Венгріи и славянскихъ земель; въ Китаѣ вытѣсняютъ насъ англичане и французы; даже въ нашей домашней чайной торговлѣ встрѣтили мы себѣ соперниковъ въ англичанахъ.

Если бы Казань владѣла какимъ нибудь секретомъ, или только въ ней бы и находились мастера научно понимающіе дѣло и постоянно стремящіеся къ улучшенію, тогда бы еще кожевенное производство могло считаться спеціальностью и славой Казани. Но ничего подобнаго Казань не представляетъ. Тамошніе мастера работаютъ такъ, а не иначе потому, что ихъ такъ научили; и работаетъ мастеръ однимъ спосо-

бомъ до самой смерти. При такомъ порядкѣ производства, основанномъ исключительно на практикѣ, производству совершенствоваться или совсѣмъ невозможно, или оно должно подвигаться весьма медленно; иначе сказать — производство должно падать. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. За немногими счастливыми исключеніями, какъ Котеловъ, или новая компанія для обработки кожъ, остальные мастера закостенѣли въ рутинѣ; что будетъ съ новымъ поколѣніемъ? Но и съ новымъ выйдетъ то же самое, если оно останется на той же степени образованія, какъ его почтенные предки.

Но если казанскіе мастера поймутъ и узнаютъ свое дѣло такъ же хорошо, какъ англійскіе кожевники, все-таки, съ улучшеніемъ путей сообщенія въ восточной Россіи, казанскому производству не удержаться уже потому, что сырье не составляетъ мѣстнаго продукта, а доставляется въ Казань. Точно такъ же, какъ оно тянется въ Казань, оно можетъ потянуться и въ другія губерніи. Причина въ томъ, что скотоводство въ Казанской губерніи въ совершенномъ упадкѣ, а при нынѣшнихъ условіяхъ земледѣльческаго быта и состояніи сельскаго хозяйства оно и не можетъ подняться. Луговодство у крестьянъ естественное, т. е. что уродится, то и хорошо; нѣтъ ни дренажей, ни орошеній. Но это бы все еще ничего, если бы крестьяне имѣли достаточно земли, а земли у нихъ именно столько, что скотъ можно держать только полусытымъ. Вотъ разсчетъ, приводимый Лаптевымъ. Принимая, что десятина даетъ даже 100 пудовъ сѣна, получится со всѣхъ покосовъ Казанской губерніи 4,540,000 пудовъ сѣна въ годъ. Всего скота въ губерніи считается 2,030,000 головъ; чтобы содержать его всю зиму на сѣнѣ, нужно 10,150,000 пудовъ, а сѣна собирается только 4 1/2 миллиона. Очевидно, что содержать на сѣнѣ скотъ невозможно, и приходится по необходимости кормить его соломой, сгнившими соломенными крышами и всякой дрянью. При такой непитательной пищѣ получается скотъ малорослый и слабый. Здѣшнія лошади на седьмомъ году оказываются негодными для работы, и рѣдкая лошадь держится до 15 лѣтъ. Рогатый скотъ нѣсколько лучше и единственно потому, что онъ легче переноситъ голодъ, дурную пищу, скверную воду и всякія лишенія. Не говоря уже про недостатокъ въ сѣнѣ, въ Казанской губерніи есть мѣста, напримѣръ—Ядринскій уѣздъ, гдѣ зачастую встрѣчается недостатокъ въ соломѣ, и скотъ къ веснѣ едва волочитъ ноги. Какое же можетъ быть скотоводство, когда скоту ѣсть нечего! И послѣ этого находятся еще чудаки, обвиняющіе крестьянина въ томъ, что онъ не забо-

тится объ улучшеніи породы скота; что порядочный купленый скотъ перерождается у него въ слабосильный и мелкій! Разумѣется, казанскій крестьянинъ не читалъ ни Бабста, ни его руководства къ разведенію крупнаго рогатаго скота, ни The Cow, dairy husbandry and cattle breeding, да и къ чему онъ станетъ читать ихъ, когда знаетъ, что скотъ кормить нечѣмъ. Развѣ для того, чтобы почувствовать сильнѣе, что на его скотѣ отражается неумолимый мальтусовъ законъ? Также несправедливо обвиняютъ крестьянина и въ томъ, что у него падаетъ много скота, что изъ числа заболѣвающей скотины умираетъ 75%, что крестьяне не умѣютъ ни предупреждать, не лечить заразы. Разумѣется смѣшно, что для предупрежденія чумы просверливаютъ у скота въ рогахъ дырочки и опускаютъ туда каплю ртути. Но вѣдь если понять лучше этотъ фактъ, такъ и смѣшного въ немъ ничего нѣтъ. Въ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ были люди, кажется, очень умные и образованные, въ обществѣ петербургскихъ водопроводовъ тоже, а дѣла ихъ оказались гораздо хуже мужицкаго скотоводства казанскихъ крестьянъ.

Какъ съ скотоводствомъ, такъ и съ мыловареньемъ. Кто хочетъ сберечь кожу на лицѣ и на рукахъ, тотъ, разумѣется, не долженъ мыться такъ называемымъ казанскимъ мыломъ. Прежде, лѣтъ двадцать назадъ, варилось въ Казани много мыла, но потомъ стали соперничать съ нею верховыя губерніи и казанскій мыльный промыселъ началъ упадать. Теперь Казань варитъ только до 40,000 пудовъ мыла, тогда какъ прежде на заводѣ одного Золотарева приготовлялось его до 100,000 пудовъ въ годъ. Всѣхъ мыльныхъ заводовъ въ Казани десять и всѣ они принадлежатъ татарамъ (Лаптевъ). Причина упадка казанскаго мыльнаго производства не въ томъ, чтобы недоставало для него сырыхъ продуктовъ, а въ невѣжествѣ мастеровъ. Ни одинъ изъ нихъ не понимаетъ сущности процесса, и въ то время, какъ въ Англіи и во Франціи дѣло это стало на научныхъ началахъ, казанскій татаринъ работаетъ все такъ же, какъ работали его предки во время завоеванія Казанскаго царства. Понятно, что лучшія и дешевѣйшія мыла, какъ напримѣръ французскаго гигіеническаго общества, или приготовляемое русскою компаніей подъ названіемъ «царскаго мыла», должны были вытѣснить казанское яичное мыло. Вмѣсто того, чтобы улучшить производство и удержать за собой мѣсто въ торговлѣ, мыловары бросились на плутовство и въ дешевые сорты яичнаго мыла стали класть желтую краску. Отъ такихъ сортовъ мыла лупится кожа, и несмотря на то, оно продается въ Казани по 60 к. сер. за фунтъ.

Въ той же степени, какъ падаетъ мыловаренье, упадаетъ сальный промыселъ и сально-свѣчное производство. Образцы сальныхъ свѣчей, бывавшіе на промышленныхъ выставкахъ, отличались и недоброкачественнымъ саломъ и небрежнымъ приготовленіемъ. А между тѣмъ, выработывая свѣчей до 100,000 пудовъ въ годъ, фабриканты, кажется, могли бы имѣть возможность заниматься этимъ дѣломъ добросовѣстно и улучшать производство. Но отчего же они не улучшаютъ производства? Отчего не идутъ вровень съ успѣхами технологіи? А потому и не идутъ, что не могутъ идти. Изъ 11 свѣчныхъ заводовъ 9 принадлежатъ купцамъ, т. е. людямъ, имѣющимъ повидимому возможность получить образованіе и повести дѣло порядочно, а дѣло все-таки идетъ дурно по той же причинѣ, по которой русскіе купцы не умѣютъ устроить заграничной торговли, не имѣютъ биржи въ Москвѣ, а на жалкой петербургской биржѣ находятся въ рукахъ заграничныхъ коммиссіонеровъ и биржевыхъ маклеровъ. Но если бы казанскіе свѣчные заводчики оказались вдругъ людьми просвѣщенными и развитыми; если бы они сравнялись въ познаніяхъ съ Муспратомъ, то и въ этомъ случаѣ не поддержали бы вполнѣ сально-свѣчного производства, съ которымъ стало конкурировать производство пальмовыхъ и стеариновыхъ свѣчей. Еще въ одномъ случаѣ могли бы процвѣтать сальные заводы Казани, но для этого нужно условіе, еще долго невозможное въ Россіи —возвышеніе матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Разумѣется, если предположить, что крестьяне найдутъ освѣщеніе лучиной и каганцомъ неудобнымъ и нездоровымъ, и станутъ жечь сальныя свѣчи, то найдется порядочная работа и не для однихъ казанскихъ заводовъ; въ этомъ случаѣ Россія доведетъ свое сально-свѣчное производство до громадной цифры двухъ милльоновъ пудовъ, не считая стеариновыхъ и пальмовыхъ свѣчей. Но когда еще наступитъ такое блаженное время!

Вообще уровень матеріальнаго благосостоянія крестьянъ Казанской губерніи очень не великъ. Занимаясь преимущественно земледѣліемъ, они не въ состояніи существовать исключительно имъ. Подспорьемъ служатъ промысловыя занятія, къ которымъ прибѣгаютъ крестьяне, какъ къ единственному средству уплаты податей и разныхъ денежныхъ сборовъ. Не имѣя капиталовъ, крестьяне перебиваются кое-какъ, съ своей промышленностью и едва сводятъ концы съ концами. Одна изъ важнѣйшихъ промышленностей Казанской губерніи — лѣсная, т.-е. заготовка дровъ, бревенъ, приготовленіе мочалъ, тканье рогожъ и гонка смолы и дегтя. Рубкой и возкой лѣса крестьяне занимаются исклю-

чительно зимой. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два работника выставятъ промышленнику 26 саж., т.-е. срубятъ, вывезутъ и выгонятъ къ главному пункту по мелочнымъ рѣчкамъ. За это платится рабочимъ 30 руб.; исключивъ всѣ расходы на инструменты, на содержаніе самихъ рабочихъ и лошадей, составляющіе до 19 рублей, остается на двухъ чистой прибыли 11 рублей или по 5 р. 50 к. на человѣка. Вотъ весь зимній заработокъ крестьянина, живущаго заготовкой лѣса. Строевой лѣсъ даетъ нѣсколько болѣе выгодъ. Но и въ этомъ скудномъ промыслѣ крестьянину приходится испытывать потери. Особенно страдаютъ черемисы и чуваши, какъ народъ болѣе смирный. Подряжаясь заготовлять лѣсъ пятериками, они должны сдать болѣе; отъ рабочихъ требуютъ лишней прикладки на 1 аршинъ, а безъ этого не даютъ расплаты. Такимъ образомъ изъ жалкихъ 5 р. 50 к. украдетъ еще часть безсовѣстный приказчикъ! Въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ одна физическая сила еще недостаточна, а требуется нѣкоторое техническое образованіе, крестьянскій заработокъ нѣсколько болѣе. Напримѣръ тканье рогожъ даетъ чистаго заработка въ четыре мѣсяца болѣе 7 руб., а дѣланіе кулей и цыновокъ отъ 10 до 12 рублей. Такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ выгодныхъ заработковъ даетъ отъ 2 1/2 до 3 руб. въ мѣсяцъ. Остальные промыслы—дѣланіе гребенокъ, гончарное производство, выдѣлка овчинъ, кузнечное мастерство даютъ еще менѣе. На кузнечномъ ремеслѣ, считающемся однимъ изъ выгодныхъ, кузнецъ получаетъ выгодъ чистаго дохода немного болѣе 20 рублей. Кузнецы же деревенскіе, работающіе въ покрививившихся, жалкаго вида, кузницахъ и занимающіеся поправкой и изготовленіемъ земледѣльческихъ орудій, оковкой телѣгъ, заработываютъ выгодъ не болѣе 25 рублей, а за всѣми расходами на матеріалъ, содержаніе кузницы и ремонтъ инструментовъ, очистится не болѣе 8 рублей серебромъ. Для людей недостаточно знакомыхъ съ промышленными силами крестьянъ, цифры эти пояснятъ, почему экономическій бытъ крестьянъ не отличается особеннымъ блескомъ; почему у него и сермяга плоха, и изба смотритъ на бокъ, и ѣстъ онъ всякую дрянь, вдохновившую русскихъ патріотовъ сочинить извѣстную поговорку—«что русскому здорово, то нѣмцу смерть». Дѣйствительно, нужно имѣть очень ограниченныя потребности и желудокъ травояднаго животнаго, чтобы переваривать смѣсь изъ сырого кваса, рѣдьки, кочарыжекъ, кислаго молока, огурцовъ, составляющихъ обыкновенную пищу русскаго крестьянина. Людямъ, незнакомымъ съ физіологіей и новѣйшими ея открытіями, кажется смѣш-

нымъ, когда послѣдователи Молешота и Фохта жалѣютъ нѣмцевъ, питающихся картофелемъ; когда нравственныя качества человѣка и его энергію они ставятъ въ прямой зависимости отъ пищи; когда они дѣлаютъ параллель между травояднымъ, вялымъ воломъ и энергическимъ хищнымъ животнымъ. Но смѣхъ въ этомъ случаѣ ничего не опровергаетъ и ничего не доказываетъ, кромѣ невѣжества и недостатка познаній. Сельскіе хозяева давно знаютъ, что тяжелая работа и дурная пища создаютъ даже изъ хорошаго скота породу тупую и слабосильную. Законы физіологіи одинаковы для всѣхъ животныхъ организмовъ и, разумѣется, тысяча лѣтъ, въ теченіе которыхъ русскій человѣкъ не питался мясомъ двѣсти постныхъ дней въ году, а полтораста дней потому, что нѣтъ мяса, и замѣнилъ животную пищу растительной, должны были сдѣлать въ его организмѣ большую перемѣну и сообщить его нравственнымъ качествамъ и характеру нѣсколько воловій оттѣнокъ. Чтобы понять все значеніе мясной пищи, нужно взглянуть на англичанина. Его свѣжесть, плотность, сила мускуловъ и энергія находится въ прямой связи съ хорошей питательной, мясной пищей.

Въ томъ, что русскій крестьянинъ ѣстъ кочарыжки и огурцы, винить его, разумѣется, нельзя, менѣе всего виноватъ онъ самъ. Наше образованное сословіе вышло изъ того же народа и, очутившись въ иныхъ условіяхъ, скоро научилось не только ѣсть говядину, но и вошло во вкусъ французской кухни. Весь вопросъ исключительно въ развитіи экономическихъ условій, въ возможности развитія матеріальнаго благосостоянія. Но пока условія экономическаго быта русскаго крестьянина не измѣнятся, онъ не перестанетъ быть травояднымъ, и не почувствуетъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ потребностей, въ недостаткѣ которыхъ его укоряютъ наши самородки-моралисты. Теперь всѣхъ безпокоитъ забота объ образованіи мужика; каждый придумываетъ свой проектъ, желая создать у насъ вѣкъ Перикла, но забываютъ моралисты одно—что на голодное брюхо—ученіе глухо; что человѣку сытому, имѣющему досугъ отъ заботъ о пропитаніи, явится сама собой потребность къ такъ называемымъ высшимъ наслажденіямъ, и тогда вѣкъ Перикла придетъ самъ собой. Насъ одолѣваетъ бѣдность и больше ничего. Всѣ же жалобы на пьянство, грубость и всякіе пороки русскаго человѣка, при всей ихъ справедливости, пустыя слова и больше ничего, пока не обезпечены потребности желудка и не улучшенъ матеріальный бытъ. Но уровень матеріальныхъ потребностей

русскаго человѣка не поднимется скоро даже при весьма выгодныхъ условіяхъ экономическаго быта. Нужно, чтобы цѣлое поколѣніе привыкло жить иначе и воспиталось въ новыхъ условіяхъ и гражданскаго, и экономическаго положенія.

Въ Казани есть еще промыселъ, составляющій ея славу и гордость — тарантасы и сани. Этимъ дѣломъ занимается не Казань собственно, а прилегающія къ ней селенія. Достоинство экипажей зависитъ преимущественно отъ хорошей ихъ ковки. Куютъ экипажи подгородные кузнецы, а оси идутъ изъ тагильскаго завода Демидова. Приготовленіе кузововъ, хода и колесъ составляетъ отдѣльный промыселъ. Такимъ образомъ въ казанскомъ экипажномъ производствѣ существуетъ полнѣйшая система раздѣленія работъ, а въ Казани только собираются экипажи, и отдѣлываются окончательно. Этимъ занимаются особые хозяева-мастера. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ Романовъ. Особенность Романова въ томъ, что онъ работаетъ безъ запроса и безъ обмана. Экипажъ, купленный у Романова, стóитъ нѣсколько дороже, чѣмъ у другихъ мастеровъ, но зато купившій можетъ быть смѣло увѣренъ, что экипажъ пройдетъ пять тысячъ верстъ по ужасной сибирской дорогѣ безъ починки. Этого нельзя сказать про тарантасы другихъ мастеровъ. Хорошее качество романовскихъ тарантасовъ зависитъ отъ строгаго пріема работы деревенскихъ мастеровъ. Пленки въ желѣзѣ, неакуратность, неточность работы и пригонки отдѣльныхъ частей, допускаемыя другими мастерами, Романовыми не допускаются и ненадежная вещь не принимается. Но зато болѣе акуратная работа оплачивается дороже; въ этомъ причина высшей цѣны романовскихъ тарантасовъ, которые продаются рублей на двадцать пять дороже противъ экипажей другихъ мастеровъ. Зачѣмъ же не всѣ экипажи дѣлаются одного качества? На это казанскій мастеръ отвѣтитъ, что есть покупщики, которымъ нужны не качество вещи, а только низкая цѣна, и для такихъ-то покупщиковъ и работаютъ мастера спустя рукава.

Экипажный промыселъ, кажется, единственный, которому суждено процвѣтать еще долго въ Казани. Причина въ томъ, что Казань лежитъ какъ-разъ въ ближайшемъ пунктѣ къ мѣстамъ, гдѣ еще долго нельзя будетъ ѣздить въ экипажахъ европейскаго фасона; что казанскіе мастера дѣйствительно овладѣли вполнѣ технической стороной тарантаснаго дѣла и едва ли гдѣ нибудь въ Россіи найдутся имъ соперники; наконецъ, въ Казанской губерніи произрастаютъ какъ-разъ всѣ дре-

весныя породы, имѣющія качества, необходимыя для сообщенія деревяннымъ частямъ экипажа высшей доброты: липа, дубъ, вязъ, береза. Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, пароходства и шоссейныхъ дорогъ тарантасы будутъ все болѣе и болѣе оттѣсняться къ востоку и сдѣлаются наконецъ достояніемъ исключительно Сибири; а въ этомъ случаѣ, разумѣется, самымъ естественнымъ пунктомъ ихъ изготовленія будетъ Казань.

Съ другой стороны то, что поможетъ тарантасу остаться спеціальностью Казани, убьетъ промыслы, составлявшіе до сихъ поръ исключительную особенность этого города. До развитія пароходства Казань играла значительную роль, какъ дѣйствительно удобнѣйшій пунктъ для доставки и сбыта сырыхъ произведеній. Казань служила складочнымъ пунктомъ сибирскимъ товарамъ, приходившимъ зимнимъ путемъ; точно такъ же и товары съ Нижегородской ярмарки, назначавшіеся въ Сибирь и въ Уральскій край, шли водой до Казани и отсюда уже гужемъ. Съ развитіемъ пароходства по Камѣ это значеніе Казани стало падать, и промежуточнымъ складочнымъ пунктомъ, въ торговыхъ сношеніяхъ съ Сибирью и губерніями при-уральскими дѣлается Пермь. Отъ этого число обозовъ, проходящихъ въ Казань, годъ отъ году уменьшается, и городъ Казань какъ торговый пунктъ, несмотря на развитіе торговли вообще въ Казанской губерніи, годъ отъ году падаетъ. Такимъ образомъ съ 1835 по 1840 годъ разгружалось въ Казани товаровъ среднимъ числомъ на 4,309,356 руб., а въ 1857 году только на 2,910,795 руб. Грузилось же товаровъ: съ 1835—1840 годъ на 3,490,182 р., а въ 1857 году на 3,994,883 р. (Лаптевъ). Цифры эти, разумѣется, не даютъ вполнѣ точнаго понятія о степени и характерѣ упадка торговли Казани, потому что вмѣсто рода и количества товаровъ указываютъ неясную и шаткую величину ихъ цѣны. Но ужь такова у насъ манера собирать статистическія свѣдѣнія, что изъ нихъ никогда почти нельзя получить вполнѣ точнаго понятія о предметѣ, и вмѣсто цифръ, имѣющихъ смыслъ, приходится удовольствоваться или цифрами, дающими приблизительное понятіе, или несчастными *средними* выводами, недающими никакого понятія. Впрочемъ, зная, что цѣны на всѣ предметы первой необходимости поднялись въ Россіи въ послѣднее тысячелѣтіе почти вдвое, легко увидимъ, что привозъ товаровъ въ Казань уменьшится въ теченіе двадцати лѣтъ на 65 %, а вывозъ почти на 40 %.

IV.

КАМА. ПЕРМЬ. РУССКІЯ МЕХАНИЧЕСКІЯ СПОСОБНОСТИ.

Отъ Казани до Перми можно плыть съ удовлетворительными удобствами на пароходахъ общества «Самолетъ», «Кавказъ и Меркурій». Плаваніе совершается въ пятеро сутокъ и тянется нестерпимо долго. Причина очень простая. Кама гораздо многоводнѣе Волги и способнѣе для судоходства. Ни пороговъ, ни мелей по ней нѣтъ. Она вскрывается позже Волги, течетъ быстрѣе и можетъ поднимать суда большого размѣра. Вотъ и все о Камѣ, что̀ узнаетъ любознательный путешественникъ въ первые же полчаса плаванія. Затѣмъ, во всѣ остальные пятеро сутокъ, передъ нимъ многоводная, широкая рѣка, протекающая по пустынной, необработанной, безлюдной мѣстности. Хотя на Камѣ, въ предѣлахъ Казанской губерніи, считается два города и 23 деревни, съ населеніемъ около 35 т. душъ, такъ что на каждую версту приходится по 19 человѣкъ, и по одному населенному пункту на каждыя 7 верстъ, но, глядя на необитаемость и пустынность береговъ рѣки, не сомнѣваешься и въ этомъ разсчетѣ; а между тѣмъ разсчетъ вѣренъ. Дѣло въ томъ, что деревни стоятъ не на самомъ берегу, и замѣчаешь ихъ только тогда, когда пароходъ останавливается у станціи для грузки дровъ. Грузятъ дрова дѣвки и бабы, получая за это самую ничтожную плату, если не ошибаюсь — полторы или двѣ копѣйки за сажень.

Непріятность путешествія увеличивается у насъ въ Россіи тѣмъ, что невозможно разсчитать заранѣе ни времени, ни издержекъ, ни способа поѣздки. Отъ этого, вмѣсто десяти дней пути, приходится иногда проѣхать мѣсяцъ, вмѣсто рубля истратить два, и разсчитывая на пароходъ, ѣхать въ дѣйствительности въ телѣгѣ. Знаетъ ли, напримѣръ, хоть одинъ изъ жителей Россіи во сколько времени и въ чемъ можно ѣхать, ну хоть въ Сибирь, и во сколько обойдется ему дорога? Никто этого не знаетъ кромѣ тѣхъ, кто уже ѣздилъ разъ; ни въ одномъ печатномъ объявленіи нельзя найдти отвѣта на эти вопросы. Да и тѣ, кто ѣздилъ, могутъ сказать утвердительно только о пути того времени, когда они совершали его. Въ Петербургѣ можно узнать только одно, что изъ Твери идутъ пароходы «Самолета» до Казани и потомъ до Перми. Публикаціи объ этомъ помѣщаются довольно часто въ газетахъ. Но есть ли кромѣ Самолета другія компаніи—это неизвѣстно; что̀ беретъ

Самолетъ за мѣста и за багажъ — въ объявленіяхъ компаніи не говорится. За этими свѣдѣніями нужно отправляться въ правленіе общества. Далѣе, что̀ стоитъ содержаніе на пароходѣ — также неизвѣстно. Разумѣется, разсчитывая на maximum, т.-е. предполагая, что стаканъ воды стоитъ 25 к., а порція супу или котлетъ 1 р., можно еще сообразить кое-что. Но всѣ эти свѣдѣнія далеко не полны. Всѣ наши компаніи пароходства, кажется, и хлопочутъ только объ одномъ — сдѣлать какъ можно менѣе извѣстнымъ именно то, что̀ болѣе всего интересуетъ путешественника. Отъ этого въ объявленіяхъ Самолета развѣ только въ гостиницахъ обозначены дни и часы отхода пароходовъ, а цѣнъ не показано. Потомъ, никому неизвѣстно, существуютъ ли на Волгѣ другія пароходныя компаніи. Только во время плаванія узнаешь, что есть общество «Кавказъ и Меркурій», «Волга», «Польза», «Дружина», «Нептунъ» и другія; что пароходы общества «Волги» лучшіе; что на нихъ лучше и содержаніе, лучше и помѣщеніе; нѣтъ ничего напоминающаго управу благочинія и т. д. Зачѣмъ же общества эти не даютъ знать о себѣ? Отчего только «Самолетъ» и черными, и красными объявленіями накричалъ о себѣ такъ, что петербургскіе жители имѣютъ полное право думать, что кромѣ пароходовъ «Самолета» другихъ и не плаваетъ по Волгѣ. Въ этомъ случаѣ «Самолетъ» одинъ и поступалъ по европейски, хотя и не вполнѣ, потому что умолчалъ о цѣнахъ, но по крайней мѣрѣ на столько хорошо, что заявилъ о своемъ существованіи, а другія компаніи не сдѣлали даже этого, разсчитывая по древнеславянскому обычаю, что кому что̀ нужно, тотъ и найдетъ что ищетъ. Впрочемъ, если бы цѣны за проѣздъ и были объявлены, путешественникъ не долженъ быть увѣренъ, что съ него возьмутъ по объявленію. Со мной было два случая. Проученный «Самолетомъ», который отъ Твери до Казани беретъ за багажъ 1 р. 25 к., съ пуда, такъ что вещи обошлись мнѣ ровно столько, сколько я заплатилъ за мѣсто, я не захотѣлъ повторить такую же исторію съ отправкой вещей отъ Казани до Перми, гдѣ съ пуда берутъ по рублю. По справкамъ оказалось, что можно послать вещи съ буксирнымъ пароходомъ по 36 к., съ пуда, а съ меня взяли только 20 к. Отчего же могло это случиться? Случилось очень просто — пароходная любезность и больше ничего. Отъ пріемщика зависѣло взглянуть на чемоданы и сундуки какъ на «багажъ» или какъ на «товаръ»; онъ взглянулъ какъ на товаръ. На Байкалѣ поступаютъ иначе. Компанія публикуетъ, что за переправу тарантаса берется отъ 10 до 15 рублей. Подъѣзжаешь къ

берегу, отправляешься въ контору и узнаешь, что переправа тарантаса будетъ стоить 30 руб. Какъ тридцать! Да у васъ въ объявленіи сказано отъ 10 до 15? — Да, сказано, но вашъ тарантасъ большой. — Ну такъ вы и публикуйте, что за большіе тарантасы 30 руб. — Намъ осенью даютъ по шестидесяти, только ради бога возьмите; впрочемъ поговорите съ хозяиномъ. — Переговоры кончились тѣмъ, что взяли 15 р. Къ чему такія исторіи? Однимъ только и можно объяснить ихъ, что въ Азіи и въ мѣстахъ пограничныхъ съ ней не слѣдуетъ ожидать европейскихъ порядковъ. Въ этомъ же причина почему русскіе промышленники до сихъ поръ не понимаютъ всей важности объявленій. Неговоря уже про удобство для покупателей и самъ продавецъ остается въ большомъ выигрышѣ. У насъ не такъ. Еще петербургскіе торговцы научились отъ иностранцевъ понимать важность объявленій, но провинціальные считаютъ ихъ рѣшительнымъ пустякомъ, вѣроятно основываясь на томъ, что истинное достоинство невозможно ни скрыть, ни убавить, и что оно всплыветъ какъ правда. Жаль только, что правда не всегда всплываетъ, или всплываетъ поздно. По этой же причинѣ и казанскіе мастера, гордые своей извѣстностью, не считаютъ нужнымъ ни публиковать о своихъ тарантасахъ, ни объяснять въ какихъ мѣстахъ, губерніяхъ или городахъ есть склады казанскихъ тарантасовъ. Можно ихъ обвинить еще и въ томъ, что они не хотятъ знать промышленныхъ выставокъ. Разумѣется, для плохихъ и недобросовѣстныхъ мастеровъ, разсчитывающихъ на обманъ, выставки не представляютъ ничего привлекательнаго, кромѣ самообличенія, но для мастера, вѣрно понимающаго торговое и промышленное дѣло и дорожащаго хорошею репутаціей, выставка имѣетъ большое значеніе: она лучшая рекомендація его издѣлій, создающая извѣстность и привлекающая покупщиковъ. Этого до сихъ поръ не понимаютъ ни тарантасные, ни всякіе другіе русскіе мастера, и оттого теряютъ обоюдно и торговцы, и покупатели. Не зная, что въ Казани есть такіе мастера какъ Романовъ, и что тарантасы его совершенно новые продаются въ Перми, я забрался въ Казань десятью днями ранѣе, чтобы уладить себѣ тарантасъ по вкусу. Потомъ однако оказалось, что сожалѣніе совершенно напрасно; время все равно пришлось бы потерять, и опять отъ той же причины — недостатка объявленій. О буксирныхъ пароходахъ приходится справляться также только въ конторѣ, что для казанскаго жителя не совсѣмъ удобно, потому что пароходная пристань лежитъ за 7 верстъ отъ города, а для иногородныхъ и совсѣмъ не-

возможно. Случается однако, что за два дни до прихода парохода, или въ день прихода, разнесутъ по городу объявленія и наклеятъ ихъ кое въ какихъ лавкахъ. Но и такимъ объявленіямъ вѣрить вполнѣ не слѣдуетъ, потому что, если срокъ отплытія назначенъ 25 числа, то ничто не мѣшаетъ пароходу отплыть въ дѣйствительности 28 или даже 1-го числа слѣдующаго мѣсяца. Точно такъ же, если вамъ скажутъ что вещи ваши прибудутъ въ Пермь чрезъ десять дней, не вѣрьте и этому. За свое легковѣріе я поплатился тѣмъ, что прожилъ въ Перми четыре дня въ ожиданіи своихъ вещей, плывшихъ, вмѣсто десяти, пятнадцать дней. Человѣкъ факта легко оправдаетъ все это. Но дѣло не въ оправданіи: всякому дѣйствію есть всегда причина, а въ томъ, что у насъ нельзя ничего разсчитать, что у насъ не знаешь ни о чемъ во время и вѣрно; что вмѣсто десяти дней тратишь на поѣздку двадцать четыре; что не сообразишь ни расходовъ, ни времени и наткнешься на такія случайности, которыя невозможны ни въ одномъ маломальски благоустроенномъ обществѣ. Мы приходимъ въ великое удивленіе, читая въ газетахъ, что лондонскій часовой мастеръ Беннетъ заплатилъ тысячу фунтовъ (6,250 р.) за помѣщеніе объявленія на первой страницѣ каталога нынѣшней лондонской выставки. А между тѣмъ Беннетъ больше ничего, какъ человѣкъ, вполнѣ понимающій значеніе и важность объявленій; человѣкъ, знающій навѣрное, что вмѣсто тысячи фунтовъ, истраченныхъ имъ на объявленіе, онъ получитъ двѣ.

Какъ я уже сказалъ, на всемъ сибирскомъ трактѣ только два города, отличающіеся совершенной мертвенностью. Пермь въ этомъ случаѣ далеко перещеголяла Тверь. Въ Твери встрѣтилъ я на улицахъ хотя трехъ человѣкъ; но въ Перми, проживъ четыре дня и разъѣзжая по городу по разнымъ направленіямъ, я не встрѣчалъ кромѣ куръ и собакъ рѣшительно никого. Только по утрамъ нарушалась мертвенность бряцаніемъ цѣпей арестантовъ, проходившихъ по нашей улицѣ подъ карауломъ; то же бряцанье повторялось вечеромъ, когда арестанты возвращались съ работы. Случалось еще иногда, что пропылитъ мимо извощикъ вздумавшій прокатиться, видно со скуки, недождавшись сѣдока. Даже въ гостиномъ дворѣ та же тишина и отсутствіе жизни. Проходилъ я мимо его нѣсколько разъ и ни въ одной лавкѣ не видѣлъ ни одного покупщика. Въ то время, какъ въ казенномъ, аристократическомъ городѣ, населенномъ властями и цивилизованнымъ сословіемъ, не было рѣшительно признаковъ жизни, точно будто бы всѣ отдыхали послѣ плотнаго торжественнаго обѣда, въ нижней части города, на берегу Камы,

у соляныхъ магазиновъ и на пристаняхъ буксирныхъ пароходовъ было довольно оживлено. Нельзя сказать, чтобы оживленіе это могло сравняться съ дѣятельностью приволжскихъ городовъ, но по крайней мѣрѣ были видны люди. Главнѣйшая работа шла у казенныхъ соляныхъ магазиновъ. Грузилась соль. Сотни двѣ женщинъ, молодыхъ и сильныхъ, бойко носили мѣшки съ солью, подшучивая другъ надъ другомъ и подсмѣиваясь иногда за надзиравшими за ними солдатами. Работа заключалась въ слѣдующемъ. Каждая женщина принимала на суднѣ мѣшокъ въ два пуда, взваливала его на плеча, взносила по узкой, прямой, высокой лѣстницѣ, пристроенной снаружи магазина, въ самый верхъ, высыпала соль внутрь магазина, сбѣгала внизъ, потомъ на барку, подставляла мѣшокъ работнику, тотъ насыпалъ его полный солью, и она съ нимъ поднималась вновь подъ крышу магазина. За эту постоянную бѣготню въ теченіе 12 часовъ съ грузомъ вверхъ и внизъ платится работницѣ 15 к. Разумѣется, надо очень нуждаться въ деньгахъ и жить въ сторонѣ, представляющей весьма слабую возможность ихъ заработка, чтобы идти на такой бурлацкій трудъ за 15 копѣекъ! Это—экономическая сторона вопроса, въ которой нужно винить не женщинъ, а тѣ обстоятельства, которыя гонятъ ихъ въ эту работу. Еще хорошо что явился и этотъ промыселъ. А то чѣмъ бы существовать мѣщанамъ въ этомъ юномъ городѣ, гдѣ незамѣтно никакихъ признаковъ жизни, никакихъ признаковъ потребности въ человѣческомъ трудѣ, никакого экономическаго и промышленнаго развитія. Но въ этомъ дѣлѣ есть еще и сторона техническая, и тутъ представляется замѣчательная неспособность работницъ упростить и облегчить свой трудъ. Онѣ могли бы насыпать соль въ магазинъ, не бѣгая внизъ и вверхъ по лѣстницѣ. Стоило бы только встать въ два ряда, отъ барки съ солью до двери магазина; одинъ рядъ передавалъ бы мѣшки съ солью, для высыпки въ магазинъ, а другой рядъ возвращалъ бы на барку опорожненные мѣшки для новой нагрузки, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ Самарѣ, при засыпкѣ магазиновъ пшеницей. Но работницамъ даже и не приходитъ мысль упростить свой трудъ. Онѣ находятъ свою работу тяжелой; возвращаясь домой чувствуютъ боль и въ лопаткахъ, и въ икрахъ, и въ рукахъ, а явившись на работу на завтра продолжаютъ ее тѣмъ же способомъ, какъ дѣлали и вчера, и третьяго дня. Эту пассивность русскаго рабочаго можно видѣть чаще всего при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ. Отрицать совершенно прогрессъ въ этомъ дѣлѣ нельзя, но прогрессъ этотъ даетъ себя чувство-

вать слишкомъ медленно. Разумѣется, петербургскіе биржевые артельщики наловчились катать бочки, носить ящики, возить экипажи, перетаскивать и ломкій и неломкій товаръ. Но довольно видѣть петербургскаго же ломового извощика, чтобы оцѣнить и ловкость, и способности провинціальнаго носильщика. Онъ рѣшительно какъ будто бы и не владѣетъ другими способностями, кромѣ медвѣжей силы, и только въ ней ищетъ спасенья. Оттого, зацѣпитъ ли вещь за бортъ парохода, или за какой нибудь предметъ, случайно лежащій на дорогѣ, рабочій только усугубитъ упругость мускуловъ, наляжетъ всѣмъ тѣломъ и глядишь, вещь дѣйствительно пройдетъ; а того что лопнетъ бортъ парохода, или сломится вещь—рабочій не разбираетъ; ему нужно сломать всѣ препятствія и онъ точно ихъ ломаетъ. Татары въ этомъ случаѣ далеко способнѣе русскихъ: въ нихъ больше сметки и меньше медвѣжьей неуклюжести; въ Казани ихъ предпочитаютъ русскимъ рабочимъ Особенно больно смотрѣть на грузку вещей и товаровъ, гдѣ пароходство возникло недавно — лѣтъ десять, пятнадцать. Кажется вкатить бочку — вещь простая, и бочки точно вкатываютъ легко, если приходится катить прямо, безъ всякихъ поворотовъ. Но дѣло принимаетъ другой видъ, когда встрѣтится новый случай. Такъ въ Тюмени грузили баржу бочками. Приходилось ихъ грузить не изъ магазина, прямо по сходнямъ положеннымъ на баржу, а съ лодки, подплывшей къ сходнямъ съ боку. Вся трудность заключалась въ томъ, чтобы сдвинуть бочку съ мѣста и, докативъ ее до главныхъ сходней, повернуть на нихъ подъ прямымъ угломъ и затѣмъ катить на баржу. Всѣхъ бочекъ было штукъ триста. Кажется сейчасъ же и можно бы было сообразить всѣ трудности; но рабочіе не утруждали себя соображеніями. «Ну-ка, ребята, на махъ» самое обыкновенное правило рабочихъ примѣнялось и тутъ къ каждой бочкѣ и зато сколько было брани, крику, уханья, сколько потратилось лишней силы, сколько ушло даромъ времени! Если рабочіе получали поденщины 20 к., то ужь разумѣется каждый изъ нихъ на одной этой грузкѣ истратилъ силы за четыре рабочихъ дня. Но съ другой стороны правъ и чернорабочій, когда онъ говоритъ, что ему нельзя дѣлать иначе. Къ его физической силѣ окружающая его экономическая дѣятельность не дала ему никакого подспорья. Англичане, нѣмцы и французы придумали разныя подъемныя машины и разными вспомогательными механическими средствами старались сократить расходъ на физическую силу. Но русскій купецъ и промышленникъ должно быть еще не нуждается

въ этомъ; грузились же товары сотни лѣтъ простымъ способомъ, отчего же имъ не грузиться еще сотни лѣтъ тѣмъ же способомъ? Дѣйствуя въ водоворотѣ такихъ экономическихъ понятій и чернорабочій остается все тѣмъ же ломовикомъ и еще долго останется имъ. Разумѣется, прежде чѣмъ мы доростемъ до вспомогательныхъ механическихъ средствъ, много поломаемъ пароходовъ, потопимъ грузу и всякаго товара, измучимъ животныхъ и задавимъ людей. Но стоитъ ли сокрушаться объ этихъ мелочахъ, когда весь вредъ заключается только въ томъ, что вмѣсто одной силы тратится двѣ, вмѣсто часа — сутки, вмѣсто рубля — пять рублей. Незная русскихъ механическихъ способностей, штетинскіе нѣмцы удивляются отчего бочки съ саломъ приходятъ къ нимъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что необходимо перемѣнить на всѣхъ обручи. Для нѣмцевъ это тѣмъ болѣе непонятно, что бочки плывутъ на пароходѣ, гдѣ укладываются неподвижно и слѣдовательно лопнуть обручамъ нѣтъ никакой причины; но нѣмцы не знаютъ только одного, какимъ способомъ вкатились бочки въ трюмъ; въ этомъ-то и весь секретъ. А что бы сказали нѣмцы, когда бы увидѣли байкальскій способъ разгрузки пароходовъ! Со стороны Иркутска, гдѣ стоитъ «знаменитая» гостинница, устроена на Байкалѣ пристань, и товары и экипажи взводятся на пароходѣ удобно по сходнямъ. Но съ другой, посольской стороны не существуетъ никакихъ удобствъ ни для путешественниковъ, ни для ихъ вещей, ни для самаго парохода. Пристани на берегу нѣтъ, и потому пароходъ бросаетъ якорь не доходя до берега за полверсты. Этотъ способъ остановки не считается нигдѣ въ свѣтѣ удобнымъ; не считается онъ удобнымъ и на Байкалѣ, съ той только разницей, что во всѣхъ частяхъ свѣта люди, дожившие до сознанія какого нибудь неудобства стараются его устранить. На Байкалѣ это нѣсколько иначе. Всѣ, и хозяева пароходовъ, и купцы, отправляющіе свои товары, и путешественники, и представители мѣстной власти, и простой народъ, и пароходная прислуга находятъ, что останавливаться въ открытомъ озерѣ во время качки, — а Байкалъ не бываетъ никогда спокоенъ—не совсѣмъ удобно. Но изъ этого ничего не выходитъ; пристани все таки нѣтъ, да вѣроятно пройдетъ еще столѣтіе, прежде чѣмъ она явится. Скажутъ, что дамба или вообще пристань такого устройства, въ которую бы входилъ пароходъ спокойно во время бури, стоитъ дорого, кому ее строить, да и зачѣмъ, когда пристаютъ пароходы и такъ. Разумѣется, дамба или искусственная гавань стоитъ денегъ; но не нужно забывать, что здѣсь

идетъ рѣчь о кяхтинскомъ трактѣ, объ единственномъ почтовомъ и торговомъ пути, соединяющемъ Забайкалье и Амуръ съ Россіей. Въ западной Европѣ мѣста, неимѣющія и сотой доли такого значенія, устраиваются такъ, чтобъ людямъ не приходилось ни рисковать жизнью, ни имуществомъ. Есть, напримѣръ, на сѣверномъ берегу Франціи, при впаденіи Сены въ Ламаншъ, небольшая деревушка Трувиль, населенная рыбаками. Приставать здѣсь къ берегу очень неудобно, потому что Ламаншъ такъ же неспокоенъ, какъ и Байкалъ. И вотъ люди устроили входъ для своихъ рыбачьихъ судовъ и укрываются въ него въ бурю. Эти самые бѣдные рыбаки, поселясь на посольской сторонѣ Байкала, разумѣется давно бы устроили пристань и гавань; а байкальцы, перенесенные въ Трувиль, только бы сокрушались, что Ламаншъ ломаетъ и топитъ суда, и сдружившись съ этой бѣдой, не шевельнули бы ни однимъ пальцемъ для ея устраненія. Эти-то самые байкальцы разгружаютъ свои пароходы такъ: Байкальскіе пароходы имѣютъ размѣры пароходовъ мореходныхъ: они высоки, съ глухими бортами. Пассажировъ и вещи принимаютъ въ большія лодки и на веслахъ доставляютъ на берегъ. Лодки устроены для перевозки тюковъ, но не людей; а потому въ нихъ нѣтъ лавокъ и каждый пассажиръ садится на чемъ знаетъ и какъ знаетъ. Обыкновенно сидѣньемъ служатъ собственныя вещи. Это еще все ничего и самое маленькое изъ неудобствъ; точно также, хотя и неудобно, по выносимо—пересаживаніе съ парохода въ лодку. Если лодка подойдетъ къ трапу, то, опустившись по немъ, путешественнику остается сдѣлать только на дно лодки прыжокъ въ два аршина; но если этого по какимъ нибудь причинамъ не случится, и придется садиться съ носа, то путешественнику предстоитъ трудная штука опуститься съ высоты двухъ сажень. Все это говорится о пароходѣ «Генералъ Корсаковъ»; можетъ быть другой пароходъ удобнѣе—не знаю. Разумѣется, матросы облегчаютъ по возможности эту операцію; одинъ возьметъ васъ за руку, другой подъ мышку, третій за талію, такъ что того и гляди что или вывихнутъ руку, или сломятъ ребро. Но положеніе экипажей и лошадей гораздо ужаснѣе. Здѣсь русская изобрѣтательность и смышленность, прославленная покойнымъ Булгаринымъ, доходитъ дѣйствительно до высшаго своего развитія. Положить сходни съ парохода на лодку невозможно, потому что и лодку, и пароходъ качаетъ. А потому байкальцы ухитрились такъ. Къ концу фокъ-реи, т. е. къ поперечной перекладинѣ первой носовой мачты, привязываются крѣпкіе желѣзные блоки, съ пропущен-

ными сквозь нихъ толстыми смолеными канатами. Концы этихъ канатовъ захватываютъ лошадь подъ животъ у переднихъ и заднихъ ногъ, а за противоположные концы берутся люди и тянутъ лошадь къ верху. Такъ какъ концы фокъ-реи выдаются за борты парохода, или говоря яснѣе, она много длиннѣе ширины парохода, то приподнятая лошадь, отдѣлившись отъ палубы, повиснетъ на канатахъ совершенно вертикально надъ водой. Тогда начинаютъ спускать канаты по немногу, пока лошадь не встанетъ на дно подведенной къ пароходу лодки. Такимъ же способомъ опускаютъ въ лодку и тарантасы, зацѣпляя ихъ канатами за переднія и заднія колеса. Для безопасности тарантасы разгружаются совершенно. Но это не мѣшаетъ владѣльцу тарантаса смотрѣть съ ужасомъ, когда экипажъ его, отдѣлившись отъ парохода начнетъ приходить въ вертикальное положеніе и повиснетъ на высотѣ двухъ, а можетъ, и трехъ сажень надъ лодкой. Это самая критическая минута, особенно если затрещатъ канаты и блокъ, что случается нерѣдко. Разумѣется, управляющій пароходомъ увѣряетъ, что это ничего, что тарантасъ опустятъ спокойно; но сомнительно, чтобы и онъ самъ былъ дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что говоритъ.

Всѣ эти факты, повидимому мелкіе, мы приводимъ не безъ основанія: они важны въ томъ отношеніи, что показываютъ, что на каждой степени экономическаго развитія и цивилизаціи человѣкъ проявляетъ свои способности и находчивость такъ или иначе. Россія въ этомъ отношеніи, можетъ быть, и счастливѣе покамѣстъ западной Европы, потому что успѣхи механики стоятъ у насъ въ уровень съ развитіемъ остальныхъ сторонъ экономической дѣятельности, какъ это было на западѣ до изобрѣтенія машинъ. Съ развитіемъ ихъ и съ громадными успѣхами механики, машина замѣнила человѣка; производительность фабрикъ и мануфактуръ усилилась въ гигантскихъ размѣрахъ, тогда какъ земледѣліе, благодаря отсталости агрономіи и земледѣльческой химіи, осталась при прежней продуктивности и при прежнихъ несовершенныхъ способахъ культуры. Вотъ почему человѣку, сдѣлавшемуся лишнимъ не находилось мѣста въ земледѣльческомъ быту и не оставалось куска хлѣба. Отъ подобной бѣды спасала насъ до сихъ поръ единственно наша экономическая отсталость и неразвитость при самомъ низкомъ уровнѣ потребностей крестьянскаго сословія. Въ этой патріархальности быта, при несовершенствѣ всѣхъ пріемовъ, требовалось во всемъ большее число рабочихъ рукъ и больше времени; оттого лишніе люди оказывались невозможными, а вся

страна, производя мало и имѣла всего мало. Но теперь начинается у насъ другой порядокъ. Къ какимъ онъ приведетъ результатамъ, сказать еще нельзя, потому что неизвѣстно какъ мы разрѣшимъ вопросы, касающіеся земледѣльческаго быта Россіи; въ какой пропорціи установится число безземельныхъ къ земледѣльцамъ, и на сколько привьется къ народу артельное начало, во всѣхъ производствахъ, служащихъ подспорьемъ его земледѣльческой производительности. Въ настоящее время вѣрно только одно, что на всѣхъ европейскихъ рынкахъ мы должны уступать иностранцамъ даже въ сбытѣ хлѣба. Роль житницы, если не вполнѣ кончилась, то уже начинаетъ кончаться для Россіи. Австралія, Америка, Австрійскія славянскія земли и Венгрія доставляютъ въ Европу хлѣбъ и высшаго достоинства, и по болѣе низкой цѣнѣ, чѣмъ Россія, и Россіи не имѣющей ни желѣзныхъ дорогъ, ни устроенныхъ и главныхъ путей, ни шоссе, рѣшительно невозможно съ ними бороться. Вытѣсненная разъ на европейскомъ рынкѣ, ей будетъ очень трудно возстановить свои отношенія, и пройдутъ десятки лѣтъ, прежде чѣмъ Россія войдетъ въ силу и вернетъ павшее къ ней довѣріе. Но все будетъ зависѣть отъ того, какую роль въ общей производительности Россіи будетъ играть земледѣльческое сословіе. «Во времена очень тяжелыя, говоритъ Мишле (Le Peuple, ч. I гл. 1.) —это слова Стюарта Милля—въ эпохи всеобщей бѣдности, когда и богачъ бываетъ принужденъ продавать, бѣднякъ видитъ себя въ состояніи покупать; не является никакихъ покупателей; приходитъ въ лохмотьяхъ поселянинъ съ своимъ луидоромъ и пріобрѣтаетъ клочокъ земли. За этими временами раззоренія, когда поселянинъ могъ только пріобрѣтать землю, всегда слѣдовало внезапное возвышеніе изобилія, котораго не умѣли объяснить. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, довершаетъ свое раззореніе въ Италіи, дворянство, идущее въ походъ, принуждено продавать; земли, перейдя въ новыя руки, вдругъ разцвѣтаютъ; народъ работаетъ, строится. Это прекрасное время на языкѣ монархической исторіи называется временемъ «добраго» Людовика XII».

«Къ несчастію, оно непродолжительно. Едва земля приведена въ хорошее положеніе, на нее обрушивается фискъ; начинаются религіозныя волненія, истребляющія все, что есть на землѣ; начинаются ужасныя бѣдствія, страшные голодные годы, въ которые матери ѣдятъ своихъ дѣтей. Можно ли повѣрить, что страна оправится? Но едва окончилась война, на этомъ опустошенномъ полѣ, изъ этой еще ды-

мящейся хижины является поселянинъ съ деньгами, которыя успѣлъ сберечь. Онъ покупаетъ; черезъ 10 лѣтъ лицо Франціи измѣнилось; черезъ 20 или 30 всѣ имѣнія удвоились, утроились въ цѣнности. Эта эпоха также называется именемъ короля, именемъ «добраго» Генриха IV и великаго Ришелье.»

«О третьей эпохѣ ненужно и говорить — это была эпоха революціи.»

«Кто хочетъ изучать картины, противоположныя этимъ, пусть сравнитъ эти историческіе періоды, ознаменованные раздробленіемъ большой и созданіемъ малой собственности, съ тяжелымъ страданіемъ націи, сопровождавшимъ изгнаніе мелкихъ йоменовъ для очищенія мѣста большимъ пастбищамъ, съ этимъ великимъ экономическимъ событіемъ англійской исторіи въ XVI вѣкѣ и съ продолжительнымъ ухудшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ послѣ этого событія.»

Любители историческихъ примѣровъ найдутъ о чемъ подумать надъ этами фактами, объясняемыми весьма просто экономической теоріей послѣдняго времени. Понятно, почему нужно желать, чтобы для экономическаго благосостоянія всякой страны каждый земледѣлецъ имѣлъ свою или общинную землю; чтобы не существовало большихъ личныхъ богатствъ; чтобы большія предпріятія свершались участіемъ множества мелкихъ капиталовъ; чтобы земледѣлецъ не былъ принужденъ идти въ рабочіе или къ земледѣльцу, или къ фабриканту; и чтобы артельное начало и экономическая самостоятельность служила основаніемъ всей экономической дѣятельности. Желанія эти, кажется, очень умѣренны; но и для осуществленія ихъ нужно пережить много и ждать долго.

Во всю дорогу отъ Казани до Перми представился мнѣ только одинъ интересный экономическій фактъ. Плыла съ нами артель судорабочихъ изъ крестьянъ, приписанныхъ къ какому-то частному заводу. Послѣ освобожденія крестьяне эти, для уплаты разныхъ податей и повинностей, увидѣли необходимость идти на заработокъ. Дома добыть деньги было рѣшительно невозможно, и крестьяне отправились на промыселъ, доступный всякому человѣку, когда у него цѣлы руки и ноги, — въ бурлачество. За проводъ судовъ отъ Перми до Казани каждый рабочій получалъ ровно столько, что уплативъ за мѣсто на пароходѣ и затѣмъ пройдя пѣшкомъ 500 верстъ до своей деревни, онъ возвращался безъ копѣйки въ карманѣ, употребивъ на такую выгодную работу два мѣсяца. Очень можетъ быть, что крестьяне эти, какъ новички, дозволяли себѣ излишество, неизвѣстныя бурлакамъ, т. е. кромѣ

хлѣба и воды ѣли иногда молоко или даже брали мясо; очевидно, что люди не умѣли справиться съ заработанными деньгами, не умѣли разсчитать десять рублей такъ, чтобы имъ достало пяти рублей въ мѣсяцъ—на сапоги, рукавицы, лямку, ѣду и за мѣста на пароходѣ. Вотъ они и наказаны за неразсчетливость!

V.

Пашня вмѣсто дороги. Екатеринбургъ. Фабричные. Ихъ техническая неразвитость.

Пермская губернія прославилась своими почтовыми дорогами, но вотъ какой дорогой пришлось мнѣ ѣхать въ началѣ іюня, на Тюмень. Дорога имѣла видъ узкой и безконечно длинной пашни, взрытой плугами на глубину 6 — 10 вершковъ. Мѣстами эта пашня была тверда какъ камень, и тогда экипажъ трясло и кидало изъ стороны въ сторону, такъ что приходилось то подскакивать и биться теменемъ въ верхъ тарантаса, то качаться изъ стороны въ сторону, какъ обороченный маятникъ; мѣстами же борозды были залиты водой, и тогда къ качанью и тряскѣ прибавлялось новое неудобство: лошади, оступаясь, брызгали грязью, или выбившись изъ силъ, останавливались въ самомъ скверномъ и трудномъ мѣстѣ дороги. А между тѣмъ по сторонамъ дороги стояли рядомъ, на ровномъ разстояніи, кучи песку, поросшаго травой. Слѣдуетъ полагать, что песокъ этотъ свезенъ для поправленія дороги. Въ длинномъ спискѣ медалей и отзывовъ, присужденныхъ на нынѣшней лондонской выставкѣ, не встрѣчается Пермская губернія. Вѣроятно изъ скромности, Пермь не выслала ни фотографическаго изображенія своихъ дорогъ, ни куска этого невиданнаго нигдѣ въ мірѣ образца мѣстной производительности. Ужь разумѣется, кусокъ пермской дороги былъ бы самымъ любопытнымъ предметомъ выставки, и мѣриломъ мѣстнаго русскаго пониманья важности хорошихъ сообщеній, и вліянія ихъ на сбытъ и цѣнность русскихъ произведеній. Кстати замѣчу, что тюменскимъ трактомъ проходятъ въ годъ болѣе 80,000 однихъ чайныхъ мѣстъ, т. е. до шести съ половиною милліоновъ фунтовъ чая; что обыкновенно на лошадь кладется пять мѣстъ, или только 10

пудовъ; что по шоссе та же лошадь можетъ везти до 70 пудовъ, по деревянной дорогѣ 250 пудовъ, и по желѣзнымъ рельсамъ до 700 пудовъ, такъ что тюменскимъ трактомъ обозная лошадь тянетъ въ семь разъ менѣе противъ шоссе и въ семьдесятъ разъ менѣе противъ желѣзной дороги. Очевидно, что экономическое развитіе страны съ пермско-тюменскими дорогами невозможно; намъ невозможно стать въ уровень съ западной Европой, пока во всѣхъ своихъ промышленныхъ предпріятіяхъ мы будемъ тратить силъ въ семьдесятъ разъ болѣе противъ нее.

А между тѣмъ былая слава пермскихъ дорогъ—вовсе не мѣстный патріотизмъ. Тамошнія дороги были точно хороши, пока ихъ поправляли натурой. Эта своего рода барщина, раззорительная для народа, даровыхъ силъ котораго не жалѣли ни становые, ни исправники, заставила замѣнить натуральную повинность денежною. Въ Кунгурскомъ уѣздѣ, напримѣръ, собирается 40 к. съ души, деньги сдаются подрядчику и ужь тотъ обязанъ чинить и содержать дорогу. Несмотря на то, что денежный сборъ есть редуцировка прежней натуральной повинности, и въ качествѣ дороги не должно бы быть замѣтно никакихъ перемѣнъ, дорога стала все-таки хуже. Причину этого можетъ объяснить лучше всего мѣстная земская полиція. Впрочемъ не вездѣ крестьяне освобождены отъ натуральной повинности. Еще и теперь сгоняютъ мѣстами крестьянъ за сто верстъ и чѣмъ разстояніе участка дальше отъ мѣста жительства крестьянъ, тѣмъ дорога хуже. Особенно дурны участки, содержимые башкирами.—Отчего у васъ такая скверная дорога, спросилъ я ямщика одной изъ станцій передъ Екатеринбургомъ?—Да извѣстное дѣло:—башкиръ, отвѣтилъ ямщикъ. Впрочемъ башкиръ, или русскій, но содержаніе дорогъ натурой вещь невозможная. Оно возможно только въ томъ случаѣ, если не ставить ни во что раззореніе крестьянъ; если же смотрѣть на крестьянина, какъ на земледѣльца и беречь его, то хорошее качество дорогъ невозможно, потому что весной, въ распутицу, дорогу чинить нельзя, пока она не высохнетъ; а лѣтомъ сухую дорогу чинить не за чѣмъ—укатаютъ и безъ починки. Вѣроятно въ этомъ и причина, почему пермскія дороги такъ дурны во всякое время года.

Екатеринбургъ хотя и считается уѣзднымъ городомъ Пермской губерніи, но онъ скорѣе походитъ на губернскій,—въ городѣ и дома лучше и жизни больше и потребности населенія разнообразнѣе. Причина въ томъ, что Екатеринбургъ игралъ до сихъ поръ роль столицы Ура-

ла; въ немъ были и свои заводы, и свои фабрики, и свои мастерскія, благодаря казеннымъ рабочимъ горнаго вѣдомства. Екатеринбургъ былъ мѣстнымъ центромъ. Но роль его измѣнится, если уральская желѣзная дорога минуетъ его и будутъ закрыты казенные заводы и фабрики. Съ Екатеринбургомъ случится то же, что дѣлается уже съ Казанью. Впрочемъ ужь и теперь нѣкоторыя изъ его заведеній живутъ старой славоіі. Особенно разочаровываетъ гранильная фабрика; первое разочарованіе въ томъ, что она вовсе не «гранильная». На фабрикѣ ничего не гранятъ и нѣтъ въ ней ни одного камешка, который предполагалось бы гранить. Фабрика занимается исключительно приготовленіемъ столовъ, чашъ, вазъ и гигантскихъ свѣтильниковъ, въ родѣ тѣхъ, какіе служили украшеніемъ дворцовъ Семирамиды. Все это дѣлается изъ камня, исключительно по петербургскимъ заказамъ.

Человѣкъ, ожидающій увидѣть блестящее заведеніе, ошибется жестоко, потому что ему покажутъ всего одну комнату пыльную и грязную съ двадцатью рабочими, занятыми точеньемъ и шлифованьемъ какихъ-то каменныхъ обрубковъ. Изъ этихъ обрубковъ будутъ составлены впослѣдствіи канделабры. Объ эффектѣ этихъ будущихъ свѣтильниковъ сказать теперь еще ничего нельзя, но можно знать одно, что они будутъ очень велики и очень хорошо отшлифованы. За исключеніемъ свѣтильниковъ, находящихся въ работѣ кажется уже два года, въ настоящее время ничего не дѣлается, да вѣроятно и эти свѣтильники лебединая пѣснь екатеринбургской гранильной фабрики.

Всѣхъ людей на фабрикѣ 100 человѣкъ; изъ нихъ работаютъ, въ двѣ смѣны, отъ 20 до 30 человѣкъ, остальные занимаютъ караулы и исполняютъ разныя хозяйственныя работы по фабрикѣ. Казенные мастеровые, какъ называются рабочіе, получаютъ жалованье довольно скудное; ученикъ въ мѣсяцъ 25 копѣекъ, а рабочіе по тремъ разрядамъ: 55 к., 90 коп. и самое большое—1 р. 10 к.; къ этому въ придачу провіантъ: два пуда муки на взрослаго рабочаго и по 1 пуду на ребенка. На жену тоже два пуда. Срокъ службы 35 лѣтъ. Прослужившій безукоризненно увольнялся съ пенсіей одной трети жалованья. Такимъ образомъ человѣкъ хоть и хорошій, но не особенно искусный получавшій 90 к. жалованья и паекъ на себя, жену и на дѣтей, прослужа 35 лѣтъ и обезсилѣвъ отъ работы и старости, увольнялся въ отставку съ пенсіономъ въ 3 р. 60 к. въ годъ, или 30 копѣекъ въ мѣсяцъ. Для человѣка семейнаго, кажется, не особенно много, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время пудъ муки стоитъ въ

Екатеринбургѣ 1 р., сѣна пудъ 90 к., дрова сосновыя 2 р. за одноаршинную сажень. Такимъ образомъ на пенсіонъ въ 3 р. 60 к. можно имѣть хлѣба печенаго, считая на пудъ муки двадцать фунтовъ припеку,—216 фунтовъ, а полагая на взрослаго человѣка только 3 фунта въ день, этого количества достанетъ всего на 72 дня. Чѣмъ же существуетъ хилый, неспособный къ работѣ человѣкъ? Чѣмъ! существуетъ какъ знаетъ. А между тѣмъ прослужить 35 лѣтъ и сохранить силы едва ли возможно мастеровому. Извѣстны болѣзни англійскихъ шлифовщиковъ; болѣзни разныхъ сортовъ, но главнѣйшая изъ нихъ легочная чахотка. Въ Англіи дѣло это извѣстно потому, что англійское правительство наряжало для изслѣдованія разныхъ вопросовъ фабричнаго дѣла особыя коммисіи. У насъ хотя и не было правительственныхъ коммисій и частныхъ наблюденій, потому что не пришло для этого время, тѣмъ не менѣе довольно увидѣть шлифовальщика, чтобы сказать, что онъ страдаетъ грудью. Блѣдный цвѣтъ, общая худоба тѣла, несвободное дыханіе—вотъ признаки екатеринбургскихъ шлифовальщиковъ. Они и сами говорятъ, что всѣ страдаютъ чахоткой, потому что приходится дышать постоянно тонкой пылью наждака. Они очень хорошо знаютъ, что къ этому яду надо привыкать съ молоду, что свѣжій взрослый человѣкъ не выноситъ отравы и скоро умираетъ. Но что же дѣлать рабочему, когда не отъ него зависитъ быть или не быть шлифовальщикомъ? И онъ шелъ въ шлифовальщики, зная что у него будетъ и болѣть грудь, и разовьется чахотка, и что онъ сильно сократитъ свою жизнь. Правда бывали примѣры, что бывшій мастеровой достигалъ глубокой старости; но кто можетъ сказать сколько бы онъ прожилъ, если бы не работалъ наждакомъ? Одно средство нашли рабочіе, чтобы хотя нѣсколько ослабить вредное вліяніе наждаковой пыли. Они курятъ махорку и откашливаютъ мокроту, смѣшанную съ наждакомъ. Кто не куритъ, не можетъ долго выносить работы и скоро умираетъ. Въ Англіи, гдѣ вопросъ о шлифовальщикахъ обращалъ на себя серьезное вниманіе, къ шлифовальнымъ станкамъ придѣлываютъ особые снаряды, увлекающіе пыль. У насъ этого нѣтъ.

Теперь вопросъ о казенныхъ мастеровыхъ уже оконченъ; всѣ они должны быть уволены и будутъ работать на фабрикѣ по вольному найму съ платой 8, 10, 13 и 15 руб. жалованья въ мѣсяцъ. Этой мѣрой положеніе однихъ улучшится—тѣхъ, которые останутся на фабрикѣ; другимъ будетъ хуже, разумѣется временно, пока не пріищутъ себѣ занятіе и не перейдутъ на пашню. Переходъ къ земледѣлію для

фабричнаго рабочаго не легокъ; занятіе совершенно непривычное, требующее значительно большей физической силы, чѣмъ какая есть у человѣка съ разстроенной уже грудью, и требующее средствъ на первоначальное обзаведеніе, которыхъ тоже не можетъ быть у человѣка, получавшаго 55 или 90 к. въ мѣсяцъ. А между тѣмъ цѣны на все растутъ совершенно несоразмѣрно съ возвышеніемъ общаго благосостоянія, а плата рабочему остается въ прежней пропорціи. Очевидно, что рабочему худо. Разумѣется время, какъ говорятъ, лечитъ все, пройдуть года и человѣкъ установится, найдетъ занятіе и хлѣбъ. Но для этого нужно время, а голодному ждать нельзя — онъ хочетъ ѣсть сегодня. Вопросы подобнаго рода для западной Европы вопросы жизни, но для насъ они были до сихъ поръ исключительно теоріей, да и то для очень немногихъ; остальные едва ли знаютъ о нихъ по наслышкѣ. Вотъ почему люди дальновидные смотрятъ строго на всѣ явленія, касающіеся экономическаго быта Россіи. Къ сожалѣнію, у насъ не обращаютъ еще никакого вниманія на статистику преступленій. Точныхъ цифръ у насъ нѣтъ, да покамѣстъ и быть не можетъ, потому что не всѣ проступки и преступленія открываются. Въ этомъ случаѣ общій голосъ гораздо достовѣрнѣе отчетовъ уголовныхъ палатъ и полицій, а общій голось говоритъ, что въ послѣднее время число кражъ въ Екатеринбургѣ увеличилось. Одна система наказаній безсильна измѣнить такое положеніе дѣла.

Екатеринбургъ составилъ себѣ нѣкогда извѣстность своими каменными вещицами. Извѣстность эта тоже незаслуженная, потому что все производство ограничилось во все время какой нибудь сотней вещицъ. Для приготовленія прессъ-папье, печатокъ, пуговокъ и подобной мелочи въ Екатеринбургѣ не существуетъ особаго заведенія, и дѣломъ этимъ занимаются мастеровые гранильной фабрики въ свободное время и продаютъ ихъ въ мѣстные галантерейные магазины. Но и это жалкое въ настоящее время производство могло бы быть доведено до степени довольно значительной мѣстной промышленности, если бы въ рабочихъ было побольше образованія, вкуса, и если бы имъ дали средства повести его въ болѣе широкихъ размѣрахъ, на артельномъ началѣ. При той бѣдности, въ которой находится рабочій, ему невозможно ни образовать себя, ни достать рисунковъ; они поневолѣ работаютъ на купца, забирая деньги впередъ по мелочи, и, тратя по мелочи, сидятъ всегда безъ денегъ. Совсѣмъ другое, когда рабочій перестанетъ дѣлать ни къ чему ненужную каменную малину, смородину, крыжовникъ,

дрянныя запонки и печати изъ топаза, которыя тоже покупаютъ немногіе. Кто и гдѣ видѣлъ эти издѣлія, если не жилъ на Уралѣ? Да много ли ихъ и на Уралѣ? Но и производство этихъ мелкихъ вещей могло бы стоять гораздо выше, если бы между рабочими были рисовальщики. Искусства у рабочихъ много; они выполняютъ всякій рисунокъ; но они, какъ и архангельскіе рѣзчики, работаютъ по прадѣдовскимъ образцамъ, бѣднымъ и по содержанію и по выбору. Отъ этого кромѣ малины, смородины и смородинаго листа рѣзчики-самородки не въ состояніи придумать ничего новаго; а если и появится новинка, то всѣ рабочіе накинутся на нее, и у всѣхъ пошелъ одинъ фасонъ, точно будто вышелъ приказъ отъ исправника бросить всѣ остальные. Такъ случилось нынче съ печатями въ видѣ штофа и боченка; ужь другихъ печатей почти и не увидишь въ екатеринбургскихъ магазинахъ. А между тѣмъ, занимаясь приготовленіемъ печатокъ и запонокъ, мастера могли бы заняться приготовленіемъ болѣе серьезныхъ вещей изъ мрамора, который лежитъ подъ самымъ городомъ. Теперь въ Петербургъ привозятъ изъ заграницы бѣлыя мраморныя доски для столовъ, и доски эти покупаются для буфетовъ за баснословную цѣну—по 5 к. за квадратный вершокъ. Потребность въ такихъ доскахъ должна увеличиваться постоянно, потому что наши трактирщики поймутъ же наконецъ необходимость и выгоду замѣнить вѣчно-грязное бѣлье бѣлыми мраморными досками на столахъ, какъ это и введено почти повсемѣстно во Франціи и Бельгіи. Разсчетъ прямой—не нужно бѣлья, которое при всей своей грубости стоитъ все-таки дорого, исчезнутъ лаковые столы съ вѣчными бѣлыми кругами и пятнами; устранится постоянный расходъ на стирку бѣлья и на полировку столовъ, и наконецъ явится мебель во всякомъ случаѣ болѣе изящная и прочная, чѣмъ та, къ которой привыкли посѣтители русскихъ трактировъ. Кромѣ столовъ можно бы приготовлять подоконники, камины, доски для комодовъ, ночныхъ столиковъ, анатомическихъ театровъ и разныя мелкія вещи. За исключеніемъ 300 верстъ, вся доставка до Нижняго, Петербурга и Москвы производилась бы водой, слѣдовательно дешево. Разумѣется, промышленность эта не получила бы всесвѣтнаго значенія, но во всякомъ случаѣ она дала бы занятіе большому числу рукъ и принесла бы болѣе выгодъ, чѣмъ нынѣшнее приготовленіе прессъ-папье съ малиной и печатей въ видѣ штофовъ.

VI.

Сибирскій холодъ.

Сибирь — страна самая холодная изъ всѣхъ частей земного шара. Ужасъ, внушаемый иностранцамъ даже однимъ словомъ—Сибирь—имѣетъ вѣрное основаніе. Только коренные сибиряки и люди осибирившіеся приходятъ въ восторгъ отъ сибирскихъ морозовъ и разсказываютъ чудеса о сибирскихъ арбузахъ, дикихъ персикахъ, китайскихъ яблоняхъ и объ удивительной флорѣ степей. Все что они говорятъ объ арбузахъ и дикихъ фруктовыхъ деревьяхъ совершенная правда. Все это ростетъ дѣйствительно въ Сибири; но хитрость сибиряковъ въ томъ, что отъ людей, незнакомыхъ съ географіей Сибири, они скрываютъ какъ велико пространство такихъ благорастворенныхъ уголковъ. Европейская Россія извѣстнѣе и своимъ климатомъ, и своей растительностью, а потому выдавать южный берегъ Крыма за всю Россію было бы неосторожно.

Повторяю, — Сибирь страна самая холодная на всемъ земномъ шарѣ, и вотъ почему западная Европа, окруженная со всѣхъ сторонъ морями, отличается умѣреннымъ климатомъ, потому что морскіе вѣтры, доходящіе до самой ея средины, прохлаждаютъ лѣтніе жары и возвышаютъ зимнюю температуру. А это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: морской воздухъ средиземнаго моря, согрѣваемый горячимъ вѣтромъ, съ роскошныхъ степей Африки приноситъ лѣтомъ въ Европу умѣренную теплоту; точно также воды Атлантическаго океана нагрѣваются теплыми вѣтрами, дующими со стороны Америки. Отъ этого воды, окружающіе Европу, лѣтомъ приносятъ прохладу, а зимой теплоту. Въ Сибири совершенно на выворотъ. Согрѣвающее и умѣряющее вліяніе вѣтровъ западной Европы уменьшается по мѣрѣ приближенія ихъ къ востоку, и уже въ Россіи, а тѣмъ болѣе въ восточныхъ ея частяхъ, вліяніе это совершенно прекращается; поэтому Россія отличается климатомъ въ высшей степени континентальнымъ. Сибирь находится еще въ болѣе изолированномъ положеніи; она лежитъ такъ, что ничто не смягчаетъ суровости ея мѣстныхъ климатическихъ условій. Теплые вѣтры западной Европы до нея не доходятъ, а хребты Гималайскій, Алтайскій и Саянскій не только не пускаютъ въ Сибирь экваторіальнаго тепла со стороны южной Азіи, но еще и холодятъ воздухъ своими снѣжными вершинами. Защищенная вполнѣ со стороны вліянія теплыхъ вѣтровъ, Сибирь открыта вполнѣ со стороны Ледовитаго океана

и Курильскихъ острововъ. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Сибири море, покрытое вѣчными льдами, и льды Охотскаго моря постоянно понижаютъ температуру материка. Только небольшое пространство земли по южному склону Алтайскаго хребта, защищенное отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ пользуется южнымъ тепломъ. Но этотъ кусокъ земли сравнительно съ площадью Сибири гораздо меньше южнаго берега Крыма.

Вслѣдствіе своего географическаго положенія Сибирь отличается особенной сухостью воздуха, а эта сухость создаетъ въ свою очередь рѣзкіе переходы отъ лѣтней къ зимней температурѣ. Вотъ почему лѣто въ Сибири знойное, а зима въ высшей степени холодна, такъ что морозы доходятъ до 40 и болѣе градусовъ. Вотъ почему Сибирь, и особенно Забайкалье, отличается инеями, такъ что хлѣбъ побивается ими даже въ іюлѣ мѣсяцѣ, и вотъ почему теплое время года относительно гораздо короче холоднаго; въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Сибири уже сильные холода. Въ огромной полосѣ сѣверной Сибири лежитъ вѣчный подземный ледъ и не можетъ быть колодцевъ, такъ что люди пользуются снѣжной водой. Въ Нерчинскомъ краѣ ледяная кора начинается на 4 аршина глубины, въ мѣстахъ открытыхъ, гдѣ лучи солнца дѣйствуютъ сильнѣе; въ мѣстахъ же закрытыхъ, лѣсныхъ, моховыхъ даже на одинъ аршинъ. Въ Нерчинскомъ округѣ есть шахты, въ каменноугольныхъ развѣдкахъ, глубиной въ 13 сажень, а въ Якутскѣ колодезь въ 60 сажень глубины, въ которыхъ не дорылись до талой земли.

При такихъ климатическихъ условіяхъ Сибирь представляетъ особенныя трудности для сельско-хозяйственной культуры. Первое затрудненіе—страшные морозы и иней. Въ Забайкальѣ снѣгу падаетъ мало, такъ что снѣгъ въ поль-аршина считается уже большимъ. Въ мѣстахъ открытыхъ и степныхъ снѣгъ легко сдувается вѣтрами и во многихъ мѣстахъ земля обнажается отъ него совершенно. Обнаженная земля легко крошится отъ стужи, даетъ трещины иногда даже въ полъ-аршина шириной и легко сдувается вѣтрами, обнажая корни хлѣбныхъ растеній. Вотъ причина, почему въ большей части Сибири сѣется ярица. Иней—другое страшное зло Сибири. Ранніе инеи нерѣдко побиваютъ хлѣбъ; но иногда инеи случаются въ самой срединѣ лѣта. Лѣтній иней бываетъ вреденъ не тѣмъ, что онъ силенъ, а тѣмъ, если случится въ ясную погоду и замерзшія растенія оттаятъ быстро. Оттого страдаютъ особенно поля, обращенныя къ юго-востоку.

Такое несчастное соединеніе обстоятельствъ, наиболѣе вредныхъ для

растительности, создали въ Сибири относительно бѣдную флору и фауну. Сибирь бѣднѣе числомъ видовъ растеній, чѣмъ страны, находящіяся съ нею подъ одной долготой. На сѣверѣ Сибири, во всю длину Ледовитаго океана, тянется полоса земли въ 150—200 верстъ шириной, лишенная всякой древесной растительности. Мѣстность эта, представляющая площадь въ 90 милльоновъ десятинъ, покрыта исключительно мхомъ, тундрами, каменистыми мѣстами съ лишаями и только кое-гдѣ, по суходоламъ, травяными растеніями. Слѣдующее затѣмъ пространство есть уже полоса древопрозябанія, а затѣмъ и хлѣбныхъ растеній. Тутъ уже возможна культура, но культура бѣдная. Изъ древесныхъ породъ господствующія: лиственница, кедръ, сосна, ель, береза, осина. Къ нимъ примѣшаны и ростутъ мѣстами тополь, липа, ива. По мѣрѣ возвышенія мѣстъ и подъемовъ горъ деревья становятся мельче и во многихъ мѣстахъ лѣсъ пересталъ рости на такихъ горныхъ высотахъ, гдѣ онъ росъ прежде. Причина этого не въ измѣненіи климатическихъ условій, а въ тѣхъ затрудненіяхъ вообще, какія представляются растительности. Подобное обстоятельство встрѣтилось и на знаменитомъ Брокенѣ. Вершину его обнажили нѣкогда отъ лѣса, а теперь, несмотря на все искусство нѣмецкихъ лѣсничихъ, имъ неудается культивировать его. А между тѣмъ климатъ Германіи сталъ умѣреннѣе. То же самое ждетъ и сибирскія горы и возвышенныя мѣста. Лѣсъ рубится на нихъ свободно, лѣсныя мѣста обнажаются, почва, лишенная защиты, теряетъ слой лѣсного назема и постепенно становится безплоднѣе и безплоднѣе. Наконецъ она сдѣлается невозможной и для лѣсной, и для культуры хлѣбныхъ растеній. Этимъ путемъ убавляется площадь земли, годной для культуры постепенно, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ. Разумѣется, негодность эта не безусловная. Можетъ наступить время, когда недостатокъ земли научитъ человѣка ростить хлѣбъ и лѣсъ на каменьяхъ, но пока еще наступитъ для Сибири время подобныхъ знаній, пройдутъ столѣтія; а въ эти столѣтія обнаженіе каменистыхъ и высокихъ мѣстъ будетъ идти все тѣмъ же путемъ и увеличитъ на много и площадь безплодныхъ пространствъ Сибири.

Фруктовыхъ деревъ въ Сибири нѣтъ и быть не можетъ; потому что корни деревъ не вынесутъ температуры мерзлой земли, а цвѣты побиваются ранними морозами. Только на южныхъ покатостяхъ нерчинскихъ горъ, растутъ дикій персикъ и китайская яблонь. Эта бѣдность въ фруктахъ пополняется нѣсколько ягодами. Въ Сибири ростетъ клубника, смородина, малина, крыжовникъ, клюква, брусника, мамура,

морошка. Ростутъ онѣ, разумѣется, не вездѣ и большая часть держится мѣстъ болѣе теплыхъ; только морошка, клюква и частью брусника, идутъ довольно далеко на сѣверъ. Такая же бѣдность и въ огородныхъ овощахъ. Короткое лѣто мѣшаетъ вызрѣвать многимъ изъ нихъ и только рѣдька и капуста, какъ менѣе чувствительныя къ холоду, ростутъ почти повсемѣстно, хотя и не достигаютъ своего полнаго размѣра.

Въ животномъ царствѣ Сибири такая же бѣдность, какъ и въ царствѣ растительномъ. Напримѣръ, въ Европѣ считается 143 вида млекопитающихъ, а въ Сибири только 92. Европейское обиліе рыбъ тоже невозможно для Сибири, съ ея рѣками, впадающими въ Ледовитое море и съ низкой температурой ихъ воды.

Въ этой странѣ, жалкой по своему географическому положенію, странѣ рѣзкихъ переходовъ отъ крайностей жара къ морозамъ, леденящимъ ртуть, странѣ жалкой растительности, борьба съ природой не легка. Нужно обладать исключительными качествами, владѣть большой энергіей и большими знаніями, чтобы одолѣть подобную природу. Но владѣетъ ли сибирякъ подобными свойствами? Что сдѣлалъ онъ съ своей страной и насколько покорилъ себѣ природу? Сибирякъ сдѣлалъ мало, онъ вовсе и не одолѣвалъ природу, онъ только подчинялся ей. Если на пути попадались ему рѣки, онъ останавливался, но не шелъ дальше. Если морозъ леденилъ его, онъ старался привыкнуть къ нему, но не строилъ своего дома теплѣе. Если у него не росла морковь, свекла или капуста, онъ переставалъ ихъ сѣять, но не дѣлалъ ничего, чтобы заставить землю производить то, чего она не производила прежде. Подъ Тюменью нѣсколько лѣтъ сряду были неурожаи и крестьяне стали бросать даже хлѣбопашество; но увидѣвъ, что безъ хлѣбопашества существовать нельзя, снова взялись за него и опять по тому же методу, какъ и прежде. Частные случаи покажутъ лучше, насколько слабъ сибирякъ предъ окружающей его природой.

Н. Шелгуновъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

ДЕНЬГИ И ТОРГОВЛЯ.

Конечно, каждый изъ насъ желаетъ жить возможно лучше и дешевле. Однако на дѣлѣ оказывается, что со дня на день жить намъ становится хуже и дороже. Въ настоящее время всѣ мы горько жалуемся на возрастающую дороговизну, живемъ кое-какъ, перебиваясь, и уныло восклицаемъ—«охъ, тяжелыя времена наступили: раззореніе—да и только!»

Странное дѣло! Давно ли мы сами такъ громко проповѣдывали объ изобиліи нашихъ свободныхъ капиталовъ, объ успѣхахъ разныхъ промышленныхъ предпріятій, о благодѣяніяхъ свободной торговли, о неисчерпаемыхъ богатствахъ нашей родной земли! Давно ли съ такимъ увлеченіемъ, съ такой неподражаемой довѣрчивостью мы раскупали на расхватъ акціи и облигаціи всевозможныхъ компаній и обществъ.

Съ 1856 года мы жили мирно; ни война, ни голодъ, ни холера или чума, короче — ни одно общественное, повальное бѣдствіе не мѣшало развитію нашего матеріальнаго благосостоянія. Съ этой самой поры у насъ, дѣйствительно, началась безпримѣрная экономическая дѣятельность. Мы стали строить желѣзныя дороги, заводить пароходство, учреждать общественные банки, понижать тарифы, освобождать промышленность и торговлю... Въ послѣднія шесть лѣтъ у насъ появилось множество торговыхъ домовъ, а сумма капиталовъ, затраченныхъ разными промышленными обществами и компаніями, достигла громадной, неслыханной цифры—500 милліоновъ... Какое,

подумаешь у насъ богатство! Сколько капиталовъ и денегъ, и какая предпріимчивость?...

Почему же мы стали жаловаться теперь на безденежье, на общую дороговизну жизни!

Потому, говорятъ всѣ въ одинъ голосъ, что денегъ у насъ теперь мало.

И такъ, по общему убѣжденію, причина настоящаго горя — *безденежье.*

Деньги, деньги! кто васъ не любитъ?! О если бы намъ всѣмъ удалось имѣть много денегъ, то мы были бы богаты, очень богаты.

Дешевизна и удобства жизни—наша постоянная забота, наше неизмѣнное желаніе; это безспорно. Но при всемъ томъ болѣе всего мы любимъ деньги, настоящія деньги, то есть звонкую монету, золотую и серебряную. Мало того: мы любимъ золото и серебро не только какъ деньги, на которыя можно купить что угодно, но какъ кумиръ, достойный страстнаго обожанія. Сундукъ, наполненный золотомъ, повергаетъ насъ въ оцѣпенѣніе, наводитъ какой-то благоговѣйный ужасъ и заставляетъ преклоняться—и мы преклоняемся невольно, готовые молиться, какъ нѣкогда молились евреи передъ золотымъ тельцомъ. Для насъ золото — символъ богатства, власти, славы и счастія; вотъ почему мы и любимъ его 'такъ платонически и обожаемъ, какъ идола. Для капиталиста и купца, кромѣ того, золото и серебро представляютъ жизнь, разумъ и добродѣтель торговли. Экономисты называютъ благородные металлы товарами и считаютъ ихъ нисколько не выше дёгтя, сала, пеньки—всякаго другого продукта. Какая страшная профанація!

Допустимъ даже, что деньги—товаръ; все-таки это товаръ не простой, а первостатейный, *благородный*; такой товаръ, который служитъ образцовою мѣрою для всѣхъ остальныхъ произведеній труда и остается вездѣ незамѣнимымъ орудіемъ торговли; отъ денегъ зависитъ производство, потребленіе и обращеніе всѣхъ товаровъ и цѣнностей вообще. Съ деньгами все идетъ хорошо; а при безденежьи—работы замедляются, кредитъ падаетъ, предпріятія лопаются, потребленіе уменьшается, и купцы не знаютъ куда дѣваться съ товарами. Въ общественной экономіи обращеніе звонкой монеты имѣетъ такое же значеніе, какъ обращеніе крови въ тѣлѣ человѣка. Безденежье такъ же гибельно дѣйствуетъ на экономическую жизнь общества, какъ и малокровіе на здоровье человѣка. Отъ неправильнаго крово-

обращенія нашъ организмъ сильно страдаетъ; когда же кровь перестаетъ вовсе обращаться, то человѣкъ неизбѣжно умираетъ. То же явленіе замѣчается и въ обществѣ, которое нуждается въ деньгахъ. При недостаткѣ звонкой монеты, когда обращеніе ея замедляется, въ обществѣ происходитъ экономическій кризисъ: кредитъ исчезаетъ, промышленность падаетъ, въ торговлѣ ощущается застой и за тѣмъ наступаетъ дороговизна товаровъ. Купецъ отказывается продавать ихъ дешево, потому что не увѣренъ въ сбытѣ, опасается потерять затраченый капиталъ и принужденъ брать дорого съ каждаго покупателя, съ цѣлью выручить побольше и застраховать себя отъ разоренія. При безденежьи исчезаетъ торговое довѣріе, проценты возвышаются и порождаютъ дороговизну. За тѣмъ общая дороговизна жизни уменьшаетъ потребленіе, а слѣдовательно и производство.

И такъ, когда въ странѣ чувствуется недостатокъ въ деньгахъ, сбытъ и обращеніе товаровъ прекращается; это фактъ, не подлежащій сомнѣнію и очевидный для каждаго купца. Что дѣлать въ такомъ положеніи? Неужели насильно гнать покупателей на рынокъ, и заставлять ихъ платить за товары наличными деньгами, которыхъ нѣтъ?! Но можетъ быть, не прибѣгая къ такому дикому и нелѣпому средству противъ застоя торговли и безденежья, лучше вывозить свои товары за-границу и предлагать ихъ въ замѣнъ денегъ? А если иностранцы не нуждаются въ нашихъ товарахъ, или не хотятъ платить за нихъ деньгами, что дѣлать тогда? Достать въ кредитъ? У кого? Свои капиталисты не согласятся дать денегъ: это почти навѣрное; для нихъ, при такихъ обстоятельствахъ, деньги все — и надежда, и безопасность, и увѣренность за будущее. Но, и можетъ быть, иностранцы менѣе запуганы и болѣе довѣрчивы? Правда; бывали примѣры, что иностранные капиталисты давали въ кредитъ звонкую монету, за большіе проценты. Какую же особенную пользу извлекала страна отъ этого временнаго, почти минутнаго пособія? Послѣдствія извѣстны: едва только золото и серебро, пріобрѣтенныя въ кредитъ, выпускались въ обращеніе, они незамѣтно исчезали и положеніе финансовыхъ дѣлъ страны становилось еще тягостнѣе.

И такъ, ни кредитъ, ни заграничная торговля не могутъ дать денегъ, а если и дадутъ ихъ, то не дешево онѣ обойдутся. Почему? Потому, что деньги не такой простой товаръ, какъ думаютъ экономисты, а товаръ дорогой, всѣми обожаемый. Деньги — товаръ идеальный, представитель всѣхъ остальныхъ товаровъ. Вотъ почему

только тотъ можетъ назваться богачемъ, у кого много звонкой монеты. Дѣйствительно: кто имѣетъ только товаръ, тотъ, строго говоря, еще не богатъ; ему необходимо прежде всего сбыть, промѣнять его на деньги; онъ долженъ подчиниться всѣмъ условіямъ мѣны, условіямъ часто опаснымъ, потому что самое ничтожное, непредвидѣнное обстоятельство можетъ иногда уронить цѣну товара или совершенно лишить его сбыта. Но кто имѣетъ деньги, тотъ, напротивъ того, владѣетъ такимъ товаромъ, сбытъ котораго всегда обезпеченъ, потому что каждый нуждается въ немъ и ищетъ его. У кого есть деньги, тотъ всегда и вездѣ можетъ пріобрѣсть всѣ товары на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при самыхъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. Денежный капиталистъ повсюду полный господинъ; деньги въ его карманѣ то же, что козырная масть въ рукахъ игрока. А козырная двойка, какъ извѣстно, бьетъ тузовъ, королей, дамъ... всѣ не козырныя масти. Это понятно каждому; одни только отсталые экономисты несогласны съ общимъ убѣжденіемъ. Они говорятъ: что за нелѣпость жаловаться на безденежье? Что такое золото и серебро, если не такой же товаръ, какъ хлѣбъ, вино, сукно!.. Если же золото и серебро тотъ же товаръ, то на что жаловаться? Промѣняйте ваши товары на золото, если въ немъ нуждаетесь, или достаньте его въ кредитъ. Если бы у насъ было много товаровъ, если бы намъ вѣрили въ кредитъ, то мы всегда имѣли бы возможность пріобрѣсти необходимое количество золота и серебра».

Короче: если бы всѣ были богаты, то никто не былъ бы бѣденъ, и экономисты были бы правы.

Наши экономисты говорятъ: «цѣна всякаго товара опредѣляется отношеніемъ *запроса* къ *предложенію*. Чѣмъ на рынкѣ товару больше, тѣмъ онъ дешевле, и наоборотъ. Но цѣна денегъ тоже зависитъ отъ ихъ количества, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ, онѣ дешевле... Слѣдовательно, на обиліе или недостатокъ денегъ слѣдуетъ смотрѣть точно такъ же, какъ на обиліе или недостатокъ всякаго другого товара, напр. пороха, устрицъ, нюхательнаго табаку и проч. Мало того: золото и серебро въ монетѣ негодны для употребленія; ихъ нельзя ни ѣсть, ни курить, а нюхать не стоитъ. Потому гораздо лучше вывозить золото, а взамѣнъ его получать изъ-за границы устрицы; чѣмъ болѣе у насъ будетъ устрицъ, а менѣе золота, тѣмъ для насъ полезнѣе и пріятнѣе». На этомъ забавномъ разсуж

деніи наши экономисты основали свое ученіе о свободѣ международной торговли.

Цѣна денегъ, какъ и всякаго товара вообще, опредѣляется отношеніемъ запроса къ предложенію: въ этомъ экономисты правы. Но отсюда еще нельзя вывести заключенія, будто деньги такой же товаръ, какъ устрицы, и на этомъ выводѣ строить цѣлую теорію. Конечно, количество денегъ можетъ измѣняться и измѣняется, смотря по времени и мѣсту. Такимъ образомъ за одно и то же количество звонкой монеты можно купить, то больше, то меньше другихъ товаровъ. Однако, при такомъ колебаніи цѣнъ на деньги, ихъ *качество* и *значеніе* остаются неизмѣнными. Другими словами—деньги всегда и вездѣ берутся охотно всѣми при каждой уплатѣ, при каждомъ разсчетѣ, между тѣмъ какъ всякій другой товаръ могутъ и не принять. Вы покупаете у купца, положимъ, сукно; онъ съ васъ проситъ десять рублей. Если вы дадите ему десять цѣлковыхъ, онъ возьметъ ихъ охотно; а предложите ему сто устрицъ, по десяти коп. за каждую, онъ откажется и прибавитъ, что ему нужны вовсе не устрицы, а деньги, на которыя онъ купитъ, что̀ ему угодно.

Такимъ образомъ деньги, какъ посредникъ торговли, вовсе не товаръ, какимъ считаютъ его экономисты. Безъ нюхательнаго табаку, устрицъ, пороха и многихъ другихъ товаровъ, торговля можетъ всегда существовать; но пока представителемъ всѣхъ цѣнностей остаются деньги, до тѣхъ поръ безъ нихъ она немыслима.

Кому случалось наблюдать за ходомъ торговыхъ дѣлъ, тотъ, безъ сомнѣнія не могъ не обратить вниманія на слѣдующее явленіе: какъ только, по какимъ-либо обстоятельствамъ, часть звонкой монеты выходила изъ обращенія и затѣмъ раздавалась жалоба на безденежье, то въ лавкахъ и въ магазинахъ товаръ не находилъ сбыта, или раскупался очень медленно. Неизбѣжными послѣдствіями такого явленія были всегда — застой въ торговлѣ, уменьшеніе потребленія и производства, дороговизна жизни, прекращеніе промышленныхъ предпріятій, частые случаи банкротства и ликвидацій. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ всегда подрывало общественное благосостояніе и разрѣшалось самыми опасными финансовыми кризисами.

Намъ извѣстно, что наши экономисты объясняютъ подобное явленіе совершенно иначе, обвиняя во всемъ монополь и таможенную систему. Экономисты потратили вообще очень много остроумія и написали множество книгъ, съ цѣлью выставить на общее посмѣяніе и

поруганіе приверженцевъ запретительной системы, которые, по ихъ словамъ, были такъ глупы, что считали богатствомъ однѣ только деньги. Нѣтъ! меркантилисты знаютъ, не хуже экономистовъ, что съ ними, безъ другихъ товаровъ, можно умереть съ голоду; они знаютъ, что деньги служатъ только всесильнымъ орудіемъ торговли, рычагомъ обращенія товаровъ, представителемъ всѣхъ цѣнностей; покороче сказать, ихъ мнѣнію, деньги—талисманъ, дающій власть, богатство, независимость и безопасность. Логика за нихъ; за нихъ и сама исторія всѣхъ народовъ. Заблужденіе и вина меркантилистовъ состоитъ въ томъ, что они упорно отстаиваютъ денежное право, монополь и тунеядство денегъ, какъ привилегированнаго посредника торговли. Что̀ же касается экономистовъ, то, нападая на односторонность взгляда меркантилистовъ, на торговлю и богатство, они въ сущности воюютъ противъ денегъ. При этомъ, однако, экономисты забыли одно важное обстоятельство: прежде отрицанія таможенной системы нужно найдти средство, какъ въ торговлѣ обойтись безъ посредничества и монополя звонкой монеты. Такимъ образомъ, если отрицать запретительную систему, то слѣдуетъ отрицать и деньги. Иначе свободная торговля — нелѣпость и зло.

Дѣйствительно, если бы въ международной торговлѣ товары мѣнялись только на товары, какъ въ первобытныя времена, то нечего было бы и спорить о необходимости свободной торговли. Но, къ сожалѣнію, дѣла ведутся не такъ: товары мѣняются, покупаются и продаются при посредничествѣ денегъ, *которыми оплачивается разница между привозомъ и вывозомъ.* Положимъ, для примѣра, что въ Россію привозится на 100 миллльоновъ англійскихъ товаровъ; взамѣнъ ихъ Россія отпускаетъ своихъ произведеній только на 90 милл. Товары мѣняются на товары,—слѣдовательно 90 милл. англійскихъ товаровъ продаются за 90 милл. русскихъ. Въ этомъ случаѣ торговый балансъ на сторонѣ Англіи, которая за остальныя 10 милл. привозу получаетъ 10 милл. *золотомъ.* Но такъ какъ англичане, конечно, стараются привозить въ Россію болѣе, чѣмъ вывозить изъ нея, то Россія должна постоянно приплачивать деньги за ввозные къ ней товары англійскихъ мануфактуръ и заводовъ.

— Что̀ же за бѣда? говорятъ рыцари такъ называемой свободной торговли. Недостатокъ денегъ въ Россіи подниметъ ихъ цѣну, запросъ на звонкую монету увеличится и тѣ же самые англичане не замедлятъ предложить ее; неужели, въ самомъ дѣлѣ, они берутъ у

насъ деньги за тѣмъ только, чтобы копить ихъ или зарывать въ землю!?..

Кто споритъ! англичане очень хорошо понимаютъ, что собирать и держать деньги безъ оборота неразсчетливо, — а потому безъ оборота ихъ и не держутъ.

Но спрашивается: дадутъ-ли они свои деньги даромъ?—нѣтъ; согласятся ли промѣнять ихъ на товары?—тоже нѣтъ, потому что имъ самимъ трудно сбывать свои товары, а чужіе покупаютъ они болѣе за тѣмъ, чтобы вывозить ихъ обратно въ видѣ мануфактурныхъ издѣлій. И такъ—взамѣнъ же чего согласятс.. они дать свои деньги?.. Очевидно, что имъ выгоднѣе всего дать ихъ *въ кредитъ*, подъ обезпеченный залогъ, за большіе проценты, или, не надѣясь получить свой долгъ деньгами, они постараются захватить въ свои руки недвижимую собственность страны: землю, дома, эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ....

Наши экономисты, впрочемъ, сами сознаются во вредѣ заграничныхъ займовъ. Даже Рошеръ, самый отсталой изъ современныхъ экономистовъ, и тотъ говоритъ, что «занимать у иностранцевъ деньги все равно, что уступать имъ провинцію».

И такъ, пока золото и серебро сохранятъ свое всесильное вліяніе на торговлю, пока мы будемъ вывозить свои деньги, а потомъ доставать за проценты, до тѣхъ поръ свобода торговли—утопія. Опытъ доказалъ, что свобода внѣшней торговли всегда и всюду требовала рабства труда.

Но при свободной торговлѣ, скажутъ многіе, иностранная конкурренція обуздаетъ нашихъ монополистовъ, откроетъ сбытъ нашихъ произведеній, понизитъ цѣны привозныхъ товаровъ и обезпечитъ дешевизну жизни...

По нашему убѣжденію требовать внѣшней торговли, изъ ненависти къ злоупотребленію домашнихъ монополей, значитъ бросаться изъ огня да въ полымя. Неужели монополистъ-соотечественникъ достоинъ осужденія, а монополистъ-иноземецъ, убивающій его своею конкурренціей, можетъ пользоваться нашимъ расположеніемъ за то только, что имѣетъ возможность продавать дешевле свои товары? Но каждому извѣстно, — торговое соперничество убиваетъ соперничество; въ торговлѣ побѣда всегда на сторонѣ большихъ капиталовъ, и трофей такой побѣды всегда и вездѣ — монополь. И такъ — обезпечьте прежде трудъ, подчините ему капиталъ, уничтожьте цар-

ство денегъ, устройте кредитъ на началахъ взаимнаго обмѣна, а потомъ уже зовите на вашъ устроенный домашній рынокъ иностранныхъ гостей мѣнять товары на товары. Отсталые экономисты нападаютъ на запретительную систему и провозглашаютъ свободу торговли; они бросаются изъ нелѣпости въ нелѣпость. Если запретительная система не выдерживаетъ критики и отрицанія, то съ другой стороны такъ называемая свобода торговли должна быть отрицаема въ свою очередь. Почему? потому что и меркантилисты и отсталые экономисты приходятъ къ одному и тому же заключенію, а именно,—«торговля и кредитъ нуждаются въ звонкой монетѣ и не могутъ безъ нея обойтись». Такимъ образомъ, несмотря на видимое несогласіе, защитники и противники таможенной системы въ сущности проповѣдуютъ одно и то же. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что одни говорятъ искренно, а другіе лицемѣрятъ.

Нѣтъ сомнѣнія, торговля должна быть свободна; того требуетъ здравый смыслъ, справедливость и право. Свобода труда и свобода торговли—понятія нераздѣльныя. Но всякая цѣль предполагаетъ средства, а потому, если мы желаемъ свободы торговли, то спрашивается: какъ осуществить эту свободу? Наши экономисты требуютъ уничтоженія таможенъ или, по крайней мѣрѣ, пониженія тарифа, уменьшенія пошлинъ на всѣ привозные товары. *Laissez faire*, *laissez passer*—вотъ въ этихъ четырехъ словахъ, взятыхъ на прокатъ за границею, заключается вся ихъ мудрость, даже вся наука; затѣмъ они становятся вверхъ ногами и идутъ вспять. Рутинные экономисты подмѣтили, что люди склонны увлекаться словами, особенно громкими, и потому пустили въ ходъ свое ученіе о торговлѣ, подъ прикрытіемъ звучнаго слова — *свобода*. Нашлись люди, которые повѣрили имъ *на-слово* и сдѣлались ярыми приверженцами ихъ ученія. Слова, слова и слова — вотъ весь смыслъ ученія отсталыхъ экономистовъ... Тутъ невольно припомнишь то мѣсто трагедіи Гёте «*Фаустъ*», гдѣ ученикъ спрашиваетъ Мефистофеля.

«Но все-таки словамъ
Должна *идея* быть основой?

На этотъ разумный вопросъ своего ученика Мефистофель отвѣчаетъ:

«Ну, да... Немного лишь заботьтесь вы о ней;
Вѣдь гдѣ недостаетъ идеи,

Тамъ ихъ словами замѣняютъ:
Словами спорить можно вамъ,
Словами *цѣлыя системы* созидаютъ..
Ну, какъ не вѣрить тутъ словамъ?!..

Пора, наконецъ, ученикамъ отсталыхъ экономистовъ спросить своихъ многоуважаемыхъ учителей: какой смыслъ имѣютъ ихъ два магическіе слова—*свобода торговли?* Если эта свобода предполагаетъ только безпошлинный ввозъ заграничныхъ товаровъ, соперничество иностранныхъ фабрикъ и заводовъ съ нашими, — то она вовсе не свобода, а торговая анархія, меркантильный произволъ, право сильнаго надъ слабымъ, рабство труда и торжество капитала.

Свобода въ торговлѣ, конечно, должна быть основана на взаимномъ, *равномъ* обмѣнѣ товаровъ и произведеній всякаго рода. Неравенство въ обмѣнѣ, въ каждой торговой сдѣлкѣ — идея противная совѣсти и экономическому закону. Поэтому каждый, кто вымѣниваетъ свой товаръ или капиталъ, долженъ получать взамѣнъ того цѣнность равную, не болѣе и не менѣе того, что̀ самъ даетъ. Короче — идея, смыслъ, законъ торговли и всей общественной экономіи—*балансъ*, уравненіе купли и продажи. Всякая сдѣлка, противная этому закону, имѣетъ самыя гибельныя послѣдствія.

Теперь спрашивается, можетъ ли свобода торговли, которую проповѣдуютъ отсталые экономисты, осуществить этотъ *балансъ* привоза съ вывозомъ? Нѣтъ! Почему?—потому что оплачивая привозъ не товарами, а настоящими деньгами, намъ приходится потомъ просить ихъ обратно, для поддержанія торговли, и платить за нихъ проценты. Иностранцы привозятъ къ намъ фабричныя издѣлія, берутъ взамѣнъ ихъ наши сырые продукты и *въ добавокъ* получаютъ еще наше золото. Съ увеличеніемъ запроса на иностранные товары мы должны вывозить все болѣе и болѣе денегъ, пока, наконецъ, безденежье и застой торговли не заставятъ насъ обратиться къ иностранцамъ съ просьбою возвратить часть вывезенныхъ отъ насъ денегъ и дать ихъ намъ въ кредитъ... Такимъ образомъ золото, которое мы отдавали сами, положимъ, за 5, получаемъ отъ иностранцевъ уже за 6, 7, 8, 9, 10 и т. д., смотря по тому, на сколько они намъ довѣряютъ. Отсталые экономисты говорятъ: «товары мѣняются на товары; золото и серебро также товаръ, и такъ мѣняйте его на что̀ хотите, на вино, сукно, устрицы и проч.; вамъ нечего бояться нарушенія баланса, торговой справедливости».

На дѣлѣ, однако, оказывается совершенно противное. Свобода торговли, о которой такъ кричатъ экономисты, явно нарушаетъ равенство взаимной мѣны, потому что намъ приходится покупать у иностранцевъ свое золото *дороже*, чѣмъ мы его продаемъ. И такъ, по ученію экономистовъ, свобода торговли ничто иное, какъ торговая неправда, говоря проще—обманъ.

Развѣ, послѣ этого, экономисты имѣютъ право утверждать, что, при такъ называемой свободѣ внѣшней торговли, привозъ равенъ вывозу?! Развѣ, оплачивая привозъ иностранныхъ издѣлій нашимъ золотомъ и земледѣльческими продуктами, мы можемъ сохранить торговый балансъ и соблюсти первый законъ торговли — *равенство купли и продажи?!* Никогда. Не перестанемъ повторять: звонкая монета не товаръ, а орудіе мѣны; по своему вліянію на торговлю, она вовсе не похожа на пеньку, сало, кожи и прочіе продукты, которые мы отправляемъ за границу. По этому отдавая иностранцамъ золото за ихъ товары, мы переплачиваемъ лишнее, лишаемъ себя того, въ чемъ сами нуждаемся, безъ чего не можетъ обойдтись наша торговля и промышленность. Наконецъ — пеньку, сало, хлѣбъ и прочіе вывозные товары, мы имѣемъ возможность заготовлять въ какомъ угодно количествѣ, смотря по запросу, между тѣмъ какъ обиліе благородныхъ металловъ не зависитъ отъ нашей воли, а отъ богатства рудниковъ и розсыпей. Рудникъ не пахатная земля, не даетъ урожая; его надо разработывать, а эта разработка требуетъ чрезвычайныхъ затратъ и зачастую раззоряетъ золотопромышленника. И такъ, если мы можемъ свободно сбывать наши земледѣльческіе продукты, то съ другой стороны вывозъ звонкой монеты всегда имѣетъ гибельныя послѣдствія. Рано или поздно намъ все-таки придется доставать ее для возстановленія кредита и обращенія, и покупать по дорогой цѣнѣ то же самое золото, которое мы продавали дешево. Нужда въ деньгахъ — вотъ вся исторія торговли. Всѣ торговыя выгоды на сторонѣ той націи, которая имѣетъ много денегъ и ссужаетъ ими неимущихъ или промотавшихся. Кто богаче — капиталистъ, располагающій наличными деньгами, или купецъ, у котораго имѣется только товаръ, требующій сбыта? Капиталистъ за свои деньги всегда можетъ купить, что̀ захочетъ, а купецъ зачастую дѣлается банкротомъ, если товаръ его не раскупается. И послѣ этого наши экономисты думаютъ увѣрить купцовъ, что деньги—простой товаръ! Нѣтъ, каждый купецъ очень хорошо понимаетъ, что торговать безъ денегъ — значитъ бан-

кротиться. Вотъ почему неумѣренный вывозъ звонкой монеты за границу всегда сопровождался самыми опасными торговыми кризисами.

Отсталой экономистъ разсуждаетъ: «положимъ, что изъ Россіи станутъ постоянно вывозить золото и серебро; что̀ изъ этого выйдетъ? Сначала этотъ вывозъ истощитъ запасы и фондъ банка, а затѣмъ уйдетъ за границу и звонкая монета, находящаяся у насъ въ обращеніи. Съ уменьшеніемъ количества денегъ въ Россіи, цѣна ихъ, конечно, станетъ возвышаться и онѣ сдѣлаются тѣмъ дороже, чѣмъ останется ихъ меньше. Но по мѣрѣ дорожанія денегъ, цѣна всѣхъ товаровъ неизбѣжно понизится и жить намъ будетъ дешевле. Положимъ, въ Россіи было прежде въ обращеніи звонкой монеты на 150 милльоновъ; затѣмъ, послѣ вывоза, ее осталось только на 50 милльоновъ, т. е. втрое меньше. Но чѣмъ денегъ меньше, тѣмъ онѣ дороже; поэтому если мы за товаръ платили прежде три рубли, то, при безденежьи, станемъ платить за него только рубль. Развѣ для насъ это дурно? Нисколько... И такъ наши деньги ушли за границу, тамъ ихъ стало много, онѣ подешевѣли, а товары, конечно, поднялись въ цѣнѣ. Развѣ иностранцамъ хорошо? Развѣ въ такомъ положеніи жить имъ дешево? Развѣ они могутъ сбывать свои товары, цѣна которыхъ, вслѣдствіе обилія денегъ, увеличилась вдвое или втрое? Конечно нѣтъ. И такъ, продолжаетъ экономистъ, напрасно мы боимся безденежья; чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ лучше для насъ и хуже для иностранцевъ. Защитники таможень увѣряютъ, что не слѣдуетъ понижать тарифа, а напротивъ того его нужно возвышать для того, чтобы мы употребляли товары собственнаго издѣлія. Не слушайте этихъ обскурантовъ; они сами не понимаютъ, что̀ говорятъ. Зачѣмъ таможни, когда и при свободной торговлѣ мы не станемъ покупать чужеземныхъ товаровъ, а будемъ пользоваться своими. Намъ стоитъ только отдать иностранцамъ какъ можно болѣе золота и серебра, и затѣмъ у насъ настанетъ такая дешевизна, что купцы будутъ продавать свои товары за безцѣнокъ, просто даромъ.

«Но такъ, къ сожалѣнію, дѣло кончиться не можетъ, со вздохомъ говоритъ добродушный экономистъ. Иностранцы рано или поздно позавидуютъ нашему счастію и станутъ отдавать намъ тѣ самыя деньги, которыя прежде брали у насъ съ такою жадностью. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Если товаръ у насъ подешевѣлъ, а деньги вздорожали, то, разумѣется, иностранцы сообразятъ, что имъ гораздо выгоднѣе промѣнять свое золото на нашъ дешевый товаръ. Славный

народъ—эти русскіе! озолотимъ ихъ, скажутъ иностранцы, и станутъ бочками привозить къ намъ звонкую монету; а мы изъ снисхожденія, конечно, будемъ предлагать имъ свои товары. Такимъ-то образомъ мы угодимъ иностранцамъ, выведемъ ихъ изъ затруднительнаго положенія и заслужимъ ихъ любовь и расположеніе. Вотъ что значитъ свободная торговля! Вотъ какое благодѣяніе можетъ оказать она нашему любезному отечеству! Пусть Россія вывозитъ за границу какъ можно болѣе звонкой монеты; копить деньги безполезно, безплодно; копить ихъ—значитъ возвышать цѣны на всѣ товары и тѣмъ самымъ порождать дороговизну жизни. И такъ—отдадимъ иностранцамъ всѣ деньги, снимемъ таможни и — жить намъ будетъ дешево, весело и спокойно.

Просимъ читателя извинить насъ; мы утомляемъ, можетъ быть даже сердимъ его, выставляя на видъ софизмы такъ называемыхъ экономистовъ. Мы сами понимаемъ, что они не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія. Но что дѣлать? Волей-неволей приходится иногда указывать на такія нелѣпости, которыя способны возбудить только сожалѣніе. Мы сейчасъ привели образчикъ разсужденія отсталого экономиста о пользѣ свободной торговли. По тону этого разсужденія читатель можетъ подумать, что мы его придумали сами, съ цѣлью осмѣять ученіе школы такъ называемыхъ экономистовъ... Напрасно... Эти господа говорятъ сами за себя: загляните изъ любопытства въ сочиненіе г. И. Горлова (Нач. Пол. эк. т. 2 стр. 165, 7, 8), въ любую, наконецъ, книгу англійскихъ и французскихъ софистовъ, учениковъ Мальтуса. Что это за человѣкъ? спроситъ любопытный читатель. Мальтусъ—англичанинъ. Онъ много писалъ на своемъ вѣку, считался ученымъ и умеръ въ 1834 году, оставивъ послѣ своей смерти 11 дочерей, которымъ завѣщалъ не вступать въ бракъ. По какой причинѣ, зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ: Мальтусъ любилъ ближнихъ и желалъ имъ всевозможныхъ благъ. Но, по несчастію, ему пришла въ голову та мысль, что всѣ бѣдствія людей происходятъ отъ того, что ихъ рождается слишкомъ много и земля не въ состояніи ихъ прокармливать. Эта мысль до такой степени безпокоила Мальтуса насчетъ участи бѣднаго человѣчества, что подъ самыми страшными угрозами онъ сталъ проповѣдывать воздержаніе отъ брака, какъ единственно-разумное средство спасенія отъ голодной смерти. «Не женитесь! говорилъ онъ; подумайте о томъ, что ожидаетъ вашихъ дѣтей... Развѣ вы не знаете, что людей плодится гораздо болѣе, чѣмъ поросятъ;

телятъ, рѣпы, капусты, и пр.» Такое зловѣщее ученіе англичанина нашло жаркихъ послѣдователей, которые, подъ названіемъ экономистовъ, до сихъ поръ проповѣдуютъ его въ Англіи и Франціи, изъ любви къ человѣчеству и наперекоръ здравому смыслу. Эти же самые экономисты придумали свою теорію о свободной торговлѣ и совѣтуютъ намъ, тоже наперекоръ здравому смыслу, вывозить заграницу звонкую монету, заниматься только земледѣліемъ, а фабричныя издѣлія покупать у иностранцевъ.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что ученіе о свободѣ торговли родилось въ Англіи, а оттуда какъ зараза проникло и на континентъ. Англійскіе экономисты первые ополчились противъ меркантильной системы и напали на нее съ крайнимъ ожесточеніемъ, доходившимъ до бѣшенства. Что же касается французскихъ экономистовъ, то они только воспѣвали подвиги своихъ вождей и вербовали для нихъ въ Европѣ новыхъ поборниковъ свободной торговли. «Смерть меркантилистамъ, обожателямъ золота»! кричали экономисты, падая на колѣна передъ золотымъ тельцомъ. Англія, эта страна свободной торговли, которая вела и ведетъ всюду войну противъ меркантильной системы, сама разсылаетъ во всѣ концы земного шара своихъ золотоискателей и снаряжаетъ десятки тысячъ кораблей для привоза золота. Благодаря меркантильной системѣ, Англія успѣла скопить несмѣтныя богатства, развить свою фабричную промышленность и упрочить свой торговый монополь на всемірномъ рынкѣ. Вѣрная своимъ экономическимъ преданіямъ, она никогда не думала отказываться отъ этой системы и до сихъ поръ преслѣдуетъ тѣ же торговыя цѣли, какъ двѣсти или четыреста лѣтъ тому назадъ.

Дѣйствительно: какая цѣль меркантильной системы, которая по справедливости заслуживаетъ общую ненависть?

Цѣль ея самая простая. Она заключается въ томъ, чтобы скопить какъ можно болѣе золота и этимъ страшнымъ орудіемъ кредита и торговли поработить всюду трудъ, господствовать на всемірномъ рынкѣ и распоряжаться судьбою народовъ. Короче—меркантильная система — это царство денегъ, владычество капитала и заговоръ противъ рабочихъ классовъ. Копить золото, заниматься лихоимствомъ, покупать трудъ и товары по самой дешевой цѣнѣ, продавать ихъ возможно дороже, искать всюду монополя труда и торговли — вотъ цѣль меркантилистовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, въ особенности же англичанъ.

Въ прежнія времена эта гнусная цѣль достигалась грабежомъ, насиліемъ, рабствомъ покоренныхъ или подвластныхъ народовъ и, наконецъ, колоніальною системою.

Въ нашъ гуманный вѣкъ англичане придумали для этой цѣли другое средство — такъ называемую «свободу торговли». *Honny soit qui mal y pense.*

Англія хорошо знаетъ, что въ ея рукахъ свободная торговля дѣлается *свободнымъ монополемъ*, самымъ вѣрнымъ средствомъ добиться владычества на сушѣ и моряхъ. Англія знаетъ, что ни одна страна не можетъ соперничать съ нею ни капиталами, ни военноторговымъ флотомъ, ни фабричною промышленностью... Всемірный монополь ея уже обезпеченъ и упроченъ; ей остается только усыпить народы, заглушить въ нихъ чувство самосохраненія и заставить признать свободу внѣшней торговли, какъ догматъ науки, какъ условіе *sine quâ non* экономическаго прогресса и идеалъ международныхъ сношеній. Обязанность распространять ученіе о свободѣ торговли и усыплять народы приняли на себя добровольно отсталые экономисты и всѣ англоманы вообще. Чтò же касается самихъ англичанъ, то они уже достигли своей цѣли — въ Индіи, Португаліи, Турціи, Китаѣ; тамъ уже процвѣтаетъ свобода торговли. Остается теперь осуществить ее въ Россіи, Испаніи, Италіи и вообще въ Европѣ. Чтò жъ! почему не попытаться? И вотъ раздаются клики англомановъ-экономистовъ.

— Вы, испанцы, итальянцы, русскіе и другіе отсталые, невѣжественные народы! Пора вамъ перестать быть варварами и позорить XIX вѣкъ! Объявляйте поскорѣе полную свободу внѣшней торговли, закрывайте ваши негодные заводы и фабрики, пускайте по міру милльоны рабочихъ, раскупайте у англичанъ ихъ дешевые товары, занимайтесь только добываніемъ сырыхъ продуктовъ и отдавайте Англіи все ваше золото. Зачѣмъ вамъ, необразованнымъ народамъ, этотъ презрѣнный металлъ? Онъ нуженъ англійскимъ купцамъ и капиталистамъ, которые умѣютъ пускать его въ оборотъ, отдавать всюду въ ростъ за большіе проценты, скупать, перекупать, подкупать—все что угодно... Зачѣмъ вамъ золото, когда вы не умѣете имъ пользоваться? Отдавайте его англичанамъ, они научатъ васъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ обходиться. Когда нужда заставитъ васъ понять цѣну денегъ, когда у васъ ихъ не станетъ для домашняго обихода, тогда и обращайтесь съ просьбою къ англичанамъ: будьте увѣ-

рены—они дадутъ вамъ денегъ, дадутъ, разумѣется, въ займы... Всякая наука, сами знаете, не обходится даромъ. И такъ кричите—да здравствуетъ великая Англія и свободная съ нею торговля!

Нѣтъ! пора намъ знать, что эта пресловутая свобода торговли дѣлается въ рукахъ англичанъ свободнымъ ихъ монополемъ, тѣмъ вѣрнымъ орудіемъ систематическаго раззоренія народовъ, которое они приводятъ въ дѣйствіе всѣми политико-экономическими средствами—помощію подкуповъ, субсидій, безпошлиннаго ввоза своихъ товаровъ, скопленія денегъ, непомѣрнаго развитія военно-торговаго флота, завладѣнія приморскими укрѣпленными пунктами и пр... Какъ чудовищный удавъ душитъ Англія вселенную и какъ ненасытный вампиръ сосетъ она кровь раззоренныхъ и прокаженныхъ ею народовъ—ирландцевъ, индейцевъ, китайцевъ, турокъ...

Что жъ? смѣлѣй, англофилы! проповѣдуйте свободу торговли... Мы васъ готовы слушать и понижать наши тарифы; а тамъ что̀ будетъ—то будетъ... *Omnis stultitia laborat fastidio suo.*

Наши купцы стали жаловаться въ послѣднее время на безденежье, упадокъ кредита, застой торговли и вообще на разстройство своихъ дѣлъ. Безъ денегъ и кредита, говорятъ они, наша торговля идти не можетъ; а денегъ у насъ нѣтъ, нѣтъ значитъ и кредита. Куда же дѣвались деньги? Ушли за границу.

Въ 1857 году нашъ тарифъ былъ значительно пониженъ; вслѣдствіе этого привозъ иностранныхъ товаровъ увеличился и превысилъ вывозъ нашихъ продуктовъ. Такимъ образомъ торговый балансъ былъ нарушенъ и, чтобы окупить привозъ, мы должны были вывозить за границу нашу звонкую монету, которой безъ того было уже мало въ обращеніи, по причинѣ большого выпуска кредитныхъ билетовъ и пр.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1-го января 1857 до 1-го января 1861 года, заграничная наша торговля требовала *ежегоднаго* вывоза золота и серебра на сумму 23 милльоновъ рублей.

Что̀ же касается привоза благородныхъ металловъ, то въ теченіе этого времени мы получали ежегодно среднимъ числомъ только 6 милльоновъ.

Слѣдовательно, вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Россіи превосходилъ ихъ привозъ ежегодно среднимъ числомъ на сумму болѣе 17 милльоновъ.

Вотъ цифры ежегоднаго вывоза нашего золота и серебра и привоза ихъ изъ за границы, съ 1857 до 1861 года.

	вывозъ.	привозъ.	вывезено болѣе на
		Миллюоны рублей сер.	
1857	23,7	8,7	15.
1858	30,8	6,5	24,3
1859	28,6	2,8	25,8
1860	9,9	7,1	2,8
Ит го за 4 года	93.	25,1	67,9
Среднимъ числомъ ежегодно	23,2	6,2	17,2

И такъ съ 1857 до 1861 года, въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, мы отдали иностраннымъ купцамъ 94 миллыона, оплачивая золотомъ и серебромъ разницу между привозомъ и вывозомъ, а сами получили только 25 миллыоновъ. Поэтому въ эти четыре года вывозъ нашей звонкой монеты превысилъ привозъ ея на 68 миллыоновъ. Вотъ во что̀ обошлась намъ внѣшняя торговля послѣ пониженія тарифа. Но это еще не все: въ теченіе этого самаго времени Россія затратила большое количество золота для уплаты внѣшняго государственнаго долга, на покупки за границею разныхъ вещей для арміи, флота, главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, на жалованье своимъ посольствамъ и миссіямъ и проч. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать—сколько золота тратятъ за границей наши путешественники, сколько уносятъ его контрабандисты на азіятской границѣ. Соображая все это, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ послѣднее время Россія теряла *ежегодно* — болѣе 90 милліоновъ рублей звонкою монетой. Что̀ значитъ, въ сравненіи съ этою громадной суммой, то количество золота и серебра, которое мы добываемъ на Уралѣ и въ Сибири?!

Добываніе золота и серебра началось въ Россіи болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ. Золота добываютъ теперь ежегодно на сумму до 20 миллыоновъ рублей; серебра не много болѣе миллыона. Въ послѣднія тридцать пять лѣтъ въ Россіи добыто благородныхъ металловъ круглымъ числомъ до 500 миллыоновъ, почти столько же, сколько получается ежегодно со всѣхъ мѣстъ земного шара. Повидимому, слѣдовало бы предполагать, что Россія имѣетъ золота болѣе всѣхъ

государствъ. Однако, на дѣлѣ оказывается противное. Драгоцѣнные металлы у насъ не оставались, а постоянно вывозились въ Азію, путемъ контрабанды, и въ Европу—на платежи по займамъ и пр...

При всемъ томъ, до начала крымской войны, въ звонкой монетѣ у насъ не было недостатка; цѣнность золота и серебра, находившихся въ обращеніи, простиралась, какъ извѣстно, на сумму свыше 150 милльоновъ. Съ 1853 года дѣла принимаютъ другой оборотъ. Крымская война потребовала чрезвычайнаго выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ, и вслѣдъ за тѣмъ золото стало уходить за границу, особенно вслѣдствіе прекращенія размѣна билетовъ, который продолжался до начала 1862 г.

Всѣмъ извѣстно, что въ государственномъ банкѣ находится такъ называемый размѣнный фондъ, для обмѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Если этотъ обмѣнъ производится безостановочно, то, разумѣется, кредитные билеты ходятъ по номинальной цѣнѣ; въ противномъ случаѣ, они падаютъ; другими словами—цѣна всѣхъ товаровъ возвышается. При этомъ, однако, надо замѣтить, что количество бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ въ обращеніе, должно соотвѣтствовать потребностямъ самого обращенія; иначе избытокъ ихъ произведетъ дороговизну. Такимъ образомъ рыночная цѣна товаровъ зависитъ у насъ, прежде всего, отъ количества кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, и отъ состоянія размѣннаго фонда. Чѣмъ менѣе въ банкѣ звонкой монеты, чѣмъ затруднительнѣе размѣнъ кредитныхъ билетовъ и чѣмъ больше находится ихъ въ обращеніи, тѣмъ, разумѣется, жить становится дороже. Это понятно каждому.

Въ 1854 году былъ произведенъ чрезвычайный выпускъ кредитныхъ билетовъ, и въ 1857 году количество ихъ возросло до громадной цифры — 735 милльоновъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1862 года, когда, наконецъ, сдѣланъ былъ седьмой внѣшній заемъ у Ротшильда въ 15 милльоновъ фунтовъ стерлинговъ. Этотъ заемъ далъ возможность банку открыть размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, хотя и съ учетомъ 11%, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять нашъ вексельный курсъ и цѣнность бумажнаго рубля, которая упала на 60%.

Торговля нуждается въ деньгахъ и кредитѣ; безъ нихъ она немыслима. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. И такъ каждый купецъ ведетъ торговлю на наличныя, или въ кредитъ. Въ кредитъ можно доставать деньги или частнымъ образомъ, или въ банкѣ. Ко-

нечно, при общемъ безденежьи, занимать деньги у частныхъ лицъ весьма невыгодно, въ томъ отношеніи, что каждый капиталистъ боится рисковать, а потому становится крайне требовательнымъ насчетъ обеспеченія займа и возвышаетъ процентъ болѣе обыкновеннаго. Въ такихъ обстоятельствахъ купцу, или вообще промышленнику, разумѣется лучше всего обращаться за кредитомъ въ банкъ.

Для оживленія нашей торговли учрежденъ такъ называемый «государственный банкъ». Главное назначеніе его, однако, состоитъ въ упроченіи государственной кредитной системы, а потому, по словамъ нашихъ экономистовъ, онъ не можетъ оказать большого пособія торговлѣ и промышленности. «При томъ, говоритъ г. Безобразовъ, нашъ банкъ, какъ учрежденіе казенное и централизованное, обремененное отвѣтственностью государственною, не можетъ вдаваться въ кредитныя сдѣлки сколько нибудь *рискованныя* и *неблагонадежныя*;.. а наша торговля, особенно въ настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, *всего болѣе можетъ быть нуждается въ подобныхъ сдѣлкахъ!* (sic).

И такъ, по мнѣнію нашего экономиста, — «промышленность и торговля въ Россіи совершенно лишены тѣхъ могущественныхъ пособій кредита и банковъ, которыя болѣе всего содѣйствовали колоссальнымъ успѣхамъ народнаго хозяйства въ западной Европѣ». Что намъ дѣлать, г.г. экономисты? помогите нашему горю. Вотъ вы намъ совѣтуете теперь уничтожить таможни и провозгласить свободу заграничной торговли. Прекрасно. Но какъ намъ торговать, когда у насъ нѣтъ денегъ, а иностранцы ихъ требуютъ поминутно? И почему, г.г. ученые, у насъ теперь такое безденежье?

Г. Горловъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ. «Кромѣ звонкой монеты у насъ находится еще въ обращеніи большое количество бумажныхъ денегъ, т.-е. кредитныхъ билетовъ. Эти деньги сами по себѣ не имѣютъ внутренней цѣнности; это — простая бумага, которая выпускается съ тѣмъ условіемъ, чтобы предъявитель могъ обмѣнять ее, по желанію, на золото или серебро. У насъ кредитные билеты введены въ 1843 году; для обеспеченія ихъ размѣна и курса опредѣленъ фондъ, который долженъ составлять не менѣе $^1/_6$ всѣхъ выпускаемыхъ билетовъ. Съ 1849 масса ихъ стала увеличиваться довольно быстро, а въ 1854 году, во время Крымской войны, достигла цифры 356 милльоновъ р. с. За тѣмъ, въ теченіи 4 лѣтъ, до 1857 года, сумма бумажныхъ денегъ удвои-

лась и дошла до 735 миллъоновъ. Сначала, какъ помнитъ каждый, такой громадный выпускъ билетовъ далъ сильный толчекъ нашей промышленности. У насъ появилось множество спекуляторовъ, составителей всевозможныхъ компаній и обществъ, а откупщики стали страшно богатѣть. Но скоро, затѣмъ, наступила иная пора. Обиліе бумажныхъ денегъ на рынкѣ подняло цѣны на всѣ товары, а болѣе всего на золото и серебро. Эта дороговизна отразилась, разумѣется, и на внѣшней торговлѣ, послѣ пониженія тарифа и усиленнагопривоза заграничныхъ товаровъ. При этомъ заграничные купцы, не желая покупать нашихъ сырыхъ продуктовъ, по причинѣ ихъ вздорожанія, потребовали уплаты звонкою монетою, и тѣмъ поставили насъ еще въ болѣе затруднительное положеніе. И такъ звонкая монета вышла у насъ изъ обращенія; лажъ на нее поднялся выше 10 %. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, понизился нашъ вексельный курсъ за-границей, а на домашнемъ рынкѣ всѣ товары страшно вздорожали.» Такъ, по мнѣнію нашего экономиста, розыгрался у насъ финансовый и торговый кризисъ. «Среди этого всеобщаго кризиса, замѣчаетъ г. Горловъ, каждый, конечно, старается спасти свой денежный капиталъ, обращаетъ его на покупку домовъ, земель, государственныхъ бумагъ и разныхъ акцій. Упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ порождаетъ биржевую игру, ажіотажъ, частыя банкротства купеческихъ домовъ. Что же касается казны, то, послѣ минутныхъ выгодъ отъ выпуска бумажныхъ денегъ, она сильно и болѣзненно ощущаетъ всѣ его послѣдствія въ разныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, въ постоянномъ дефицитѣ, въ потрясенномъ кредитѣ и неудачахъ по производству заграничныхъ и внутреннихъ займовъ *)».

Совершенно справедливо. Наши экономисты умѣли хорошо подмѣтить и описать всѣ недостатки существующей у насъ кредитной системы. Но почему эти ученые такъ упорно отстаиваютъ свои собственныя системы, теоріи, утопіи и считаютъ ихъ непреложными истинами?! Неужели ученіе о свободѣ торговли, которое они проповѣдуютъ съ такимъ юношескимъ увлеченіемъ, можетъ принести пользу Россіи при настоящемъ ея экономическомъ состояніи? Почему думаютъ они, что мы можемъ вывозить за-границу нашу звонкую монету, когда сами утверждаютъ, что намъ нужны капиталы, что ни банкъ

*) *Ив. Горловъ.* Начала полит. экономіи, т. 2, гл. IX.

нашъ, ни одно кредитное учрежденіе не могутъ обойдтись безъ наличныхъ денегъ?! Странное противурѣчіе!

Отсталые экономисты, вооружаясь противъ меркантильной системы, требуютъ только снятія таможенъ, а не уничтоженія владычества денегъ, этого идола меркантилистовъ. «Laissez faire, laissez passer» —далѣе этого не идутъ рыцари свободной торговли. Почему? потому что, въ сущности, они самые отчаянные меркантилисты, защитники монополя и паризитизма денегъ. За что, въ самомъ дѣлѣ, отсталые экономисты нападаютъ на меркантилистовъ, когда ихъ ученіе о кредитѣ и банкахъ ничто иное, какъ та же меркантильная система, тотъ же анахронизмъ?! Постараемся разъяснить это тождество.

По мѣрѣ того, какъ сталъ укореняться въ обществахъ пагубный предразсудокъ насчетъ значенія денегъ, онѣ мало по малу пріобрѣли неограниченную власть на всемірномъ рынкѣ и сдѣлались въ глазахъ каждаго какимъ-то идоломъ. Это одностороннее воззрѣніе, очевидно, должно было совершенно исказить понятіе о принципѣ богатства, цѣли труда и условіяхъ мѣны. Вотъ коренная мысль, давшая начало двумъ системамъ—меркантильной и банковой, которыя взаимно себя поддерживаютъ и одна безъ другой немыслимы.

Мы говоримъ прямо: меркантилисты и отсталые экономисты напрасно нападаютъ другъ на друга и считаютъ себя непримиримыми врагами. Ихъ понятія, убѣжденія, взгляды на общественную экономію совершенно одинаковы и насъ въ этомъ не разубѣдитъ никто. Меркантилисты и отсталые экономисты—просто родные, не признающіе своего родства. Эти братья-близнецы до сихъ поръ не понимаютъ и не узнаютъ другъ друга; вотъ причина ихъ взаимной вражды и постоянной ссоры. Впрочемъ, по пословицѣ, милые ссорятся, только тѣшатся...

Меркантилисты говорятъ: деньги—богатство. Если бы намъ удалось надѣлить всѣхъ деньгами, дать каждому много денегъ, то всѣ были бы богаты. И такъ станемъ копить деньги, не позволимъ иностранцамъ вывозить ихъ изъ нашего отечества, а напротивъ того—заставимъ ихъ самихъ покупать наши товары за деньги, за настоящія деньги. Таможни, тарифы съ высокими пошлинами на заграничныя издѣлія, запрещеніе вывоза золота и серебра—вотъ единственныя условія богатства и счастія. Денегъ намъ, денегъ—съ ними не пропадемъ.

— Какая нелѣпость! какое сумасшествіе! восклицаютъ эконо-

мисты. Развѣ деньги—богатство? развѣ, отдавая иностранцамъ наши товары и получая отъ нихъ золото, мы можемъ быть богаты и счастливы?.. Нѣтъ! все богатство заключается въ вещахъ, идущихъ на употребленіе, а не въ деньгахъ. Если бы люди послушались меркантилистовъ и согласились на дѣлѣ примѣнить ихъ безумное ученіе, мы должны были бы вывезти всѣ свои товары за границу, а сами умереть голодной смертью на грудѣ золота.. Вотъ что значитъ меркантилизмъ!.. А таможни и тарифы! Кто защищаетъ ихъ теперь? — Одни только монополисты, которые ставятъ всегда свои личныя выгоды выше общаго интереса, одни только люди своекорыстные могутъ отстаивать запретительную систему и желать возвышенія тарифа. Эти эгоисты не думаютъ вовсе о томъ, какой вредъ приноситъ всему обществу ихъ фабричный и заводскій монополь, и какое гибельное вліяніе имѣетъ онъ на внутреннюю и внѣшнюю торговлю! Дороговизна домашнихъ издѣлій и товаровъ, дурная ихъ выдѣлка, ограниченность сбыта, застой торговыхъ дѣлъ и торговые кризисы—вотъ благодѣянія меркантильной системы, вотъ что она можетъ сдѣлать для народнаго благосостоянія!.. Мы уже не говоримъ о томъ, на сколько эта система можетъ поддержать международныя отношенія и упрочить общій миръ! Война, война и война—вотъ вся исторія меркантильной системы!

Но довольно.—Мы не станемъ повторять того, что говорили экономисты противъ таможень, тарифовъ и запретительной системы вообще. Все это слишкомъ старо, избито и, смѣемъ думать, успѣло уже надоѣсть каждому. Пора, наконецъ, и самимъ экономистамъ нѣсколько успокоиться, отказаться отъ дальнѣйшихъ нападеній на меркантилистовъ и заключить съ ними, если не прочный миръ, то, по крайней мѣрѣ, перемиріе. Худой миръ, какъ говорится, лучше доброй брани. Мало того: зачѣмъ рыцари свободной торговли станутъ предпринимать новые крестовые походы противъ меркантилистовъ, если, по своему убѣжденію, одержали надъ ними рѣшительную побѣду и покрыли себя неувядаемою славою, въ глазахъ современниковъ и потомства?!. Мы цѣнимъ доблестные подвиги этихъ рыцарей, сами удивляемся ихъ непоколебимому мужеству, но, признаться сказать: намъ больно, что они воевали противъ своихъ же родныхъ и единовѣрцевъ.

Меркантильное ученіе, какъ извѣстно, безконтрольно господствовало въ Европѣ до конца XVIII вѣка. До того времени всѣ считали

его непреложною истиною. Но вотъ является сочиненіе англичанина Адама Смита *«о богатствѣ народовъ»*, и въ школѣ меркантилистовъ происходитъ расколъ; она распадается на двѣ противныя секты — староверовъ и реформаторовъ, между которыми вскорѣ завязывается упорная, отчаянная война, которая тянется и до сихъ поръ. Меркантилисты-староверы отстаиваютъ запретительную систему, а меркантилисты-экономисты проповѣдуютъ свободу торговли и требуютъ уничтоженія таможенъ.

Кто изъ насъ правъ, а кто виноватъ? По нашему мнѣнію, неправы и тѣ и другіе, потому что, въ сущности, они защищаютъ одну и ту же меркантильную систему и спорятъ только о формѣ. Меркантилисты хотятъ удержать старое устройство таможенъ, а отсталые экономисты желаютъ замѣнить его новымъ. Постараемся объяснить это.

По убѣжденію меркантилистовъ, все богатство заключается въ деньгахъ. Поэтому они говорятъ: «мы не должны вывозить своихъ денегъ за-границу; напротивъ того—чѣмъ болѣе станемъ получать ихъ оттуда, тѣмъ для насъ лучше».

На это экономисты справедливо замѣчаютъ: «и такъ отдайте иностранцамъ всѣ ваши товары и умирайте голодною смертью на мѣшкахъ съ золотомъ. Того требуетъ логика вашей системы».

Это замѣчаніе экономистовъ восхитительно; оно доводитъ меркантильную систему до очевидной нелѣпости и рушитъ ее окончательно.

Разсмотримъ теперь теорію самихъ экономистовъ и постараемся узнать, чѣмъ она отличается отъ системы меркантилистовъ.

Экономисты говорятъ: «въ международной торговлѣ товары покупаются и продаются на товары. Деньги—тоже товаръ. Слѣдовательно привозъ всегда равноцѣненъ съ вывозомъ, все равно—будемъ-ли мы платить иностранцамъ деньгами, или товарами. Мало того: звонкая монета не идетъ на употребленіе, а служитъ только орудіемъ мѣны и обращенія товаровъ; поэтому для насъ выгоднѣе отдавать ее, чѣмъ получать. Чѣмъ меньше у насъ останется денегъ, а болѣе вещей и товаровъ, тѣмъ мы будемъ богаче.

И такъ теорія экономистовъ о торговлѣ, *повидимому*, совершенно противуположна меркантильной системѣ. Однако, по наружности не судятъ; посмотримъ до чего должна довести насъ логика.

«Чѣмъ больше у насъ будетъ товаровъ и меньше денегъ, тѣмъ для насъ лучше». Такъ говорятъ экономисты.

И такъ — отдадимъ иностранцамъ всю нашу звонкую монету и

останемся съ однѣми только вещами; мы будемъ тогда богаты, очень богаты. Зачѣмъ намъ деньги, когда намъ отъ нихъ ни тепло, ни холодно. Мы нуждаемся въ хлѣбѣ, мясѣ, суннѣ и прочихъ товарахъ и вещахъ; съ ними мы не пропадемъ, а съ однѣми деньгами умремъ съ голоду. Это вѣрно, какъ 2+2=4.

Доводы экономистовъ, кажется, убѣдительны. Намъ остается только примѣнить ихъ на дѣлѣ, или, какъ говорятъ ученые, согласить теорію съ практикой. И такъ—вывеземъ за-границу всѣ наличныя деньги, до послѣдняго гроша, и останемся съ одними только товарами; того требуетъ логика экономистовъ. Что же дальше?

— Мѣняйте теперь товары на товары, продавайте, покупайте, удовлетворяйте вашимъ нуждамъ и желаніямъ. Такъ говорятъ экономисты.

— Прекрасно; умныя рѣчи пріятно и слушать. Но какъ, спрашивается, производить мѣну? Неужели *натурою*, какъ это дѣлалось въ первобытныя, допотопныя времена? Развѣ такая мѣна возможна въ современномъ обществѣ?

На этотъ основательный и неизбѣжный вопросъ экономистъ отвѣчаетъ: Нѣтъ! такая мѣна невозможна. «Представимъ себѣ общество, *въ которомъ нѣтъ денегъ*, и потому мѣна совершается натурою; мѣняющіеся будутъ тогда встрѣчать на каждомъ шагу неодолимыя препятствія. Одинъ, положимъ, имѣетъ много холста и желалъ бы промѣнять его на хлѣбъ; но владѣлецъ хлѣба въ холстѣ не нуждается и потому *мѣна состояться не можетъ*. Много пройдетъ времени въ безплодныхъ поискахъ, прежде чѣмъ найдется человѣкъ, который имѣетъ хлѣбъ и готовъ его обмѣнять на холстъ; а между тѣмъ потребленіе хлѣба принадлежитъ къ такимъ потребностямъ, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть надолго откладываемо». (И. Горловъ).

Ученый говоритъ, какъ пишетъ, хотя слогъ его не отличается особенной легкостью. Но дѣло не въ томъ.—И такъ экономистъ доказываетъ самъ, что безъ денегъ мѣна товаровъ затруднительна, даже невозможна. Мало того: если у насъ не будетъ денегъ, то съ одними товарами, не имѣя возможности пустить ихъ въ обращеніе, мы можемъ умереть съ голоду.

Короче—логика экономистовъ приводитъ ихъ къ тому же самому зловѣщему заключенію, какъ и меркантилистовъ. Жить обществу съ однѣми деньгами безъ товаровъ, или съ одними только товарами

безъ денегъ, въ обоихъ случаяхъ—нельзя. *Голодная смерть*—вотъ что ожидаетъ людей, если бы они согласились логически осуществить на дѣлѣ меркантильную систему, или теорію свободной торговли. Сама логика доводитъ до нелѣпости (*reductio ad absurdum*) и доказываетъ весь абсолютизмъ, всю несостоятельность этихъ двухъ ученій.

Но, спросятъ насъ, почему меркантилисты и экономисты неизбѣжно приходятъ къ одному и тому же заключенію? Между ними, кажется, нѣтъ ничего общаго; ихъ понятія, убѣжденія и взгляды на экономію общества, повидимому, даже совершенно противуположны. Къ одному и тому же заключенію могутъ придти только люди, которые разсуждаютъ на основаніи одного общаго принципа. Неужели меркатильная система и теорія свободной торговли построены на одномъ и томъ же принципѣ?

Дѣйствительно такъ. Меркантилисты и рыцари свободной торговли одинаково убѣждены въ томъ, что для обмѣна товаровъ и ихъ обращенія (т. е. для торговли и кредита) необходимы *деньги*. Вотъ ихъ общая исходная точка, вотъ принципъ, въ силу котораго они неизбѣжно приходятъ къ одному и тому же заключенію и добиваются одной общей цѣли—«помѣшать вывозу денегъ заграницу, сократить привозъ иностранныхъ товаровъ и произвести застой въ торговлѣ и промышленности». Для достиженія всякой цѣли могутъ быть употреблены различныя средства; поэтому и цѣль, которую преслѣдуютъ сообща меркантилисты и отсталые экономисты, достигается ими разными путями... Тутъ мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Поборники свободной торговли упрекали меркантилистовъ особенно за то, что они придавали большое значеніе деньгамъ и почитали ихъ источникомъ богатства. «Они видѣли, говоритъ г. Горловъ, что на деньги все можно достать, что частный человѣкъ богатъ, когда имѣетъ много денегъ, и это наблюденіе надъ домашнею экономіею распространили, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, и на народное хозяйство. Подъ вліяніемъ этихъ идей и развилась запретительная, или таможенная система».

Экономисты всегда жестоко нападали на принципъ запретительной системы, то есть на монополь денегъ и первенствующее ихъ значеніе въ общественной экономіи. Читая трактаты о свободѣ торговли, невнимательный, или довѣрчивый человѣкъ легко можетъ подумать,

что экономисты ведутъ войну противъ денегъ и хотятъ совершенно изгнать ихъ изъ употребленія. Ничуть не бывало.

Проповѣдники свободы торга утверждаютъ, напримѣръ, что *товары мѣняются на товары*. Однако, на дѣлѣ оказывается, что они не вѣрятъ истинѣ этого принципа и продолжаютъ, па голосъ меркантилистовъ, пѣть хвалебныя пѣсни въ честь денегъ, этого необходимаго, по ихъ мнѣнію, посредника торговли и незамѣнимаго, полезнаго орудія кредита.

«Деньги, говоритъ г. Горловъ, со словъ всѣхъ экономистовъ, деньги—необходимый спутникъ мѣны... Невозможность мѣны натурою можетъ быть устранена только помощію денегъ». Что же значитъ, послѣ этого, аксіома—товары мѣняются только на товары?—чистая мистификація. Далѣе: восхваляя всѣ превосходныя, несравненныя добродѣтели денегъ, г. Горловъ замѣчаетъ: «дорогіе металлы отличаются постоянствомъ своей цѣнности и однокачественностью; между тѣмъ всѣ другіе металлы—желѣзо, мѣдь и прочіе товары—хлѣбъ, кожи, ленъ бываютъ качествъ разнообразныхъ *и слѣдовательно, принимая ихъ, можно всегда подвергнуться потерямъ и убыткамъ*». (sic). Вотъ что говоритъ экономистъ, который совѣтуетъ намъ вывозить дорогіе металлы и промѣнивать ихъ на товары!! Вотъ что говоритъ тотъ самый г. Горловъ; который постоянно увѣрялъ, что звонкая монета такой же товаръ, какъ соль, пенька и хлѣбъ, а потому мы *ничего не потеряемъ*, если станемъ вывозить ее и промѣнивать на заграничные товары.» Какъ объяснить подобное противорѣчіе ученаго? Что значитъ, послѣ этого, его увѣреніе, будто въ международной торговлѣ привозъ *всегда* равноцѣненъ вывозу, если онъ самъ говоритъ, что, промѣнивая деньги на товары, можно *всегда* потерпѣть убытокъ!.. Теперь все ясно: ученіе поборниковъ свободной торговли, ихъ аксіома—привозъ равноцѣненъ съ вывозомъ—просто подлогъ, возведенный въ теорію!

И такъ экономисты, волей-неволей, сами обличаютъ себя, впадаютъ въ противурѣчіе и рушатъ свою теорію. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Ложный принципъ всегда приводитъ къ нелѣпымъ заключеніямъ и заставляетъ прибѣгать къ софистикѣ. Еслибы экономисты дѣйствительно желали свободы торговли и смотрѣли на деньги, какъ на простой товаръ, то конечно спасли бы себя отъ противурѣчія и непослѣдовательности... Къ сожалѣнію, преданія мер-

кантилизма еще сильны и денежное идолопоклонство до сихъ поръ не исчезло.

«Деньги необходимый спутникъ и орудіе мѣны; деньги—такой товаръ, цѣнность котораго мало измѣняется; за деньги каждый легко пріобрѣтаетъ все, что ему нужно; деньги—распорядитель обращенія; деньги поощряютъ людей къ бережливости; деньги создаютъ кредитъ...» Вотъ что говоритъ о деньгахъ г. Горловъ, который такъ издѣвается надъ меркантилистами, называя ихъ обскурантами!!

— Денегъ, денегъ и денегъ! Намъ всѣмъ нужны деньги; безденежье насъ погубитъ! Такъ говорятъ меркантилисты.

— Безденежье! всѣ купцы и промышленники жалуются на это зло... Но что такое безденежье? Это только—недостатокъ, отсутствіе *кредита* въ торговыхъ дѣлахъ! Намъ нуженъ теперь кредитъ и кредитъ! Такъ говорятъ экономисты.

Въ настоящее время всѣ требуютъ кредита. Это любимая тема и нашихъ ученыхъ. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ г. Безобразовъ, что наша промышленность и торговля лишены могущественныхъ пособій кредита и банковъ... Намъ нужно позаботиться объ улучшеніи нашихъ кредитныхъ сдѣлокъ, объ облегченіи ихъ посредствомъ банковыхъ операцій, о привлеченіи къ намъ иностранныхъ капиталовъ...»

И такъ, по словамъ ученыхъ, торговля и промышленность нуждаются въ кредитѣ; *безъ него онѣ немыслимы*. Кредитъ, какъ извѣстно каждому, есть выдача впередъ, ссуда денегъ за условные проценты и подъ извѣстный, заранѣе опредѣленный залогъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ, кредитъ и деньги, деньги и кредитъ—понятія неразрывныя, взаимно другъ друга предполагающія. Кредитъ опирается на деньги и заявляетъ ихъ власть надъ всѣми произведеніями труда. Въ рукахъ банкира и вообще кредитора деньги становятся распорядителями сбыта всѣхъ товаровъ; безъ денегъ они не имѣютъ обращенія.

Въ настоящее время банки управляютъ ходомъ всей промышленности и торговли. Громадное, неотразимое ихъ вліяніе на экономію обществъ стало замѣтно особенно послѣ тѣхъ страшныхъ торговыхъ кризисовъ, которые испытала Европа и Америка въ послѣднія двадцать лѣтъ. Эти кризисы заявляются тѣмъ, что въ обществѣ вдругъ обнаруживается общій застой промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ и наступаетъ пора экономическаго террора, пора ликвидацій и бан-

кротствъ. Что порождаетъ эти кризисы?—такъ называемое сжатіе кредита. Объяснимъ въ чемъ дѣло.

Торговля и промышленность нуждаются въ кредитѣ и въ услугахъ банковъ. Кредитъ, какъ мы сказали, есть ссуда денегъ. Эту ссуду производятъ банки, которые ведутъ всѣ операціи насчетъ своего металлическаго фонда и постороннихъ вкладовъ; безъ фонда ни одинъ банкъ не существуетъ. Теперь, спрашивается, что дѣлаетъ банкъ, когда къ нему обращаются за деньгами купцы и промышленники? Онъ производитъ денежную ссуду подъ залогъ векселей, на опредѣленный срокъ и съ извѣстнымъ учетомъ. Когда въ кассѣ банка много наличныхъ денегъ, а въ портфелѣ мало векселей, короче—когда въ торговлѣ застой, то банкъ въ безопасности.

Но лишь только промышленность и торговля начинаютъ сильно нуждаться въ услугахъ банка и обращаться къ нему за деньгами, то онъ тотчасъ же принимаетъ рѣшительныя мѣры для сокращенія кредита. Это неизбѣжно, потому что банкъ производя ссуды подъ векселя наличными деньгами, долженъ въ то же самое время заботиться о томъ, чтобы у него оставался всегда необходимый фондъ, для обеспеченія билетовъ, которые онъ выпустилъ въ обращеніе. Въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ банкротство. Для сокращенія кредита и поддержанія своей кассы, банкъ обыкновенно принужденъ бываетъ, или увеличить учетный процентъ съ векселей и другихъ срочныхъ бумагъ и уменьшить срокъ ссуды, или объявить насильственный курсъ своихъ билетовъ; другими словами—отказаться отъ ихъ размѣна на звонкую монету. Такимъ образотъ отъ состоянія портфеля и кассы будетъ зависѣть расширеніе, или сжатіе кредита. Когда въ портфелѣ накопляется много векселей, а въ кассѣ остается мало денегъ, то банкъ сейчасъ же сокращаетъ кредитъ и затѣмъ разражается торговый и промышленный кризисъ.

Въ Англіи, Франціи и Америкѣ эти кризисы стали повторяться съ изумительною точностью, не только годъ въ годъ, но почти мѣсяцъ въ мѣсяцъ. Передъ наступленіемъ кризиса въ обществѣ всегда замѣчается какая-то болѣзненная, лихорадочная дѣятельность: рождается множество промышленныхъ предпріятій, всѣми овладѣваетъ жажда обогащенія и каждый наровитъ зажить въ счетъ будущихъ благъ.

Такое напряженное состояніе, конечно, отражается болѣе всего на промышленности и на торговлѣ. Работы на фабрикахъ и въ мастерскихъ закипаютъ, лавки заваливаются товарами, вывозъ и при-

возъ ихъ усиливаются безпрестанно... Но вдругъ всѣ каналы оказываются переполненными, нѣтъ болѣе стока, теченіе прекращается, всюду обнаруживается застой, предпріятія лопаются, деньги исчезаютъ, много товаровъ продается за безцѣнокъ, другіе страшно дорожаютъ, кредитъ падаетъ... Такъ разражается кризисъ и наступаетъ пора ликвидацій.

Въ этихъ случаяхъ банки лучше всего предсказываютъ близость кризиса; это своего рода барометры. Подробный и строгій анализъ офиціальныхъ отчетовъ банковъ Франціи, Англіи и Америки доказываетъ, что промышленные и торговые кризисы происходятъ безпорно вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія учетовъ и истощенія банковаго металлическаго фонда.

Въ 1839 году, какъ извѣстно, торговый кризисъ розыгрался одновременно въ Англіи, Франціи и Сѣв. Америкѣ. Съ того времени онъ повторился въ этихъ государствахъ два раза—въ 1847 и 1857 годахъ, и каждый разъ по отчетамъ банковъ оказывается, что сумма учетовъ (портфель) далеко превышала сумму наличныхъ денегъ (металлическій фондъ).

Возмемъ для примѣра періодъ съ 1847 до 1858 года. Данныя заимствованы изъ сочиненія г. Жюглара—des crises commerciales, *D-r Juglar*. 1862.

Французскій банкъ. Въ 1847 году, во время *кризиса*, сумма ежегоднаго учета возвысилась до 1,327 милльоновъ франковъ; металлическій фондъ понизился до 57 милльон. фр. Послѣ *ликвидаціи*, въ 1849 г. было учтено только на 256 милл. фр.; фондъ поднялся на 626 милл. Въ 1857—новый *кризисъ:* учетная сумма—2,085 милл.; фондъ—72 милл. Въ 1859 г., послѣ *ликвидаціи*, учетъ—1.144 милл.; фондъ—287 милл. Изъ этого видно, что кризисъ всегда происходилъ, вслѣдствіе несоразмѣрнаго увеличенія суммы ежегоднаго учета, при чемъ банкъ былъ не въ состояніи удовлетворять запросамъ торговли и поневолѣ сжималъ кредитъ.

Тѣ же самыя явленія и съ тою же послѣдовательностью происходили и въ англійскомъ банкѣ. Въ 1847 году—*кризисъ:* учетъ—38 милл. ф. стерл.; фондъ—8 милл. 1849 г.—*ликвидація:* учетъ—4 милл.; фондъ—22 милл. 1857 г.—*кризисъ:* учетъ возвышается до 49 милл.; фондъ истощается до 6 милл.

Этихъ примѣровъ, кажется, вполнѣ достаточно для доказательства того, что всякій банкъ, основанный *на денежномъ фондѣ*, не въ

состоянiи удовлетворять требованiямъ торговли. Мало того: чѣмъ требованiя и нужды ея сильнѣе, настоятельнѣе, тѣмъ банкъ недоступнѣе и скупѣе. Тутъ банкъ, впрочемъ, нисколько не виноватъ: онъ желаетъ только спастись, а вовсе не вредить торговлѣ. Если же интересы ея страдаютъ, то виновата сама; зачѣмъ не хочетъ обойдтись безъ денегъ!

Самые гибельные торговые и финансовые кризисы случаются въ неурожайные годы и во время войнъ. Тутъ-то болѣе всего и обнаруживается вся несостоятельность банковъ, какъ учрежденiй для общественной пользы. Закупка хлѣба и военныя издержки требуютъ всегда вывоза за границу большого количества звонкой монеты, которая, по обыкновенiю, стекается въ банки и служитъ фондомъ для обеспеченiя ихъ существованiя. Такимъ образомъ, когда, по случаю неурожая или войны, отъ банковъ требуютъ звонкой монеты, они принуждены задерживать ея вывозъ и сокращать кредитъ для купцовъ и фабрикантовъ.

Съ 1815 по 1847 годъ, Францiя четырнадцать разъ нуждалась въ привозѣ иностраннаго хлѣба, и банкъ постоянно ставилъ купцовъ въ самое затруднительное положенiе, принимая ихъ векселя на срокъ не долѣе 45 дней и возвышая учетъ болѣе 6 %! И странное дѣло! во время неурожая, когда французское правительство снимало таможни и объявляло безпошлинный, свободный провозъ хлѣба, тогда именно банкъ и налагалъ запрещенiе на вывозъ звонкой монеты, уничтожая при этомъ свободу торговли! Развѣ это не доказываетъ что, подъ владычествомъ денегъ, банкъ обращается въ таможню! И такъ прежде чѣмъ кричать противъ таможенъ, экономисты должны подумать о томъ, какъ исправить недостатки кредитной системы и избавить банки отъ тиранiи золота! Неужели банкъ не можетъ, въ самомъ дѣлѣ, обойтись безъ металлическаго фонда, этого баласта, который мѣшаетъ ему быть полезнымъ для общества учрежденiемъ?!. Вотъ вопросъ, отъ рѣшенiя котораго зависитъ идти обществу путемъ экономическаго прогресса, или рядомъ торговыхъ и финансовыхъ кризисовъ. Съ году на годъ, по мѣрѣ того, какъ международныя сношенiя все болѣе и болѣе развиваются, эти кризисы учащаются и становятся гибельнѣе по своимъ послѣдствiямъ. Всѣ финансисты согласны съ тѣмъ, что значительный перевѣсъ привоза надъ вывозомъ, нарушая торговый балансъ, ставитъ оборотные банки въ самое отчаянное положенiе и угрожаетъ иногда конечнымъ банкротствомъ...

По отчетамъ банковъ видно, что, въ этихъ случаяхъ, портфель ихъ наполняется чрезъ мѣру векселями, а запасъ звонкой монеты сильно истощается, вслѣдствіе усиленныхъ на нее требованій со стороны купцовъ и предъявителей банковыхъ билетовъ. Оборотные банки, какъ извѣстно, принимаютъ къ учету векселя и другія срочныя бумаги и, взамѣнъ ихъ, выдаютъ звонкую монету, или свои *билеты на предъявителя* съ обязательствомъ размѣнять ихъ, по востребованію на золото и серебро.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что кромѣ выдачи билетовъ на предъявителя, взамѣнъ векселей, оборотный банкъ выпускаетъ обыкновенно эти билеты просто для собственныхъ выгодъ, полагаясь на довѣріе публики. Правда — банкъ обязуется принимать эти билеты тотчасъ же, по предъявленіи, и мѣнять ихъ на звонкую монету, по востребованіи; но правда и то, что этотъ размѣнъ зависитъ не отъ доброй воли банкира, а отъ состоянія его кассы. Такимъ образомъ случается, что въ данную минуту оборотный банкъ отказывается отъ размѣна и объявляетъ насильственный курсъ своихъ билетовъ. Мало того: банкъ не можетъ размѣнять всѣхъ своихъ билетовъ уже потому, что размѣнный фондъ его бываетъ въ 6, 10, 20, 40, даже 100 разъ менѣе суммы выпущенныхъ билетовъ. Выпускъ билетовъ на предъявителя и по предъявленію основанъ чисто на теоріи вѣроятности и зависитъ отъ произвола банкира. Въ Америкѣ случается, что фондъ оборотнаго банка составляетъ только 4% всей суммы выпущенныхъ билетовъ. Ясно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ настоящій кредиторъ вовсе не банкиръ, а публика, которая, по довѣрчивости, не требуетъ размѣна билетовъ...

Какую, спрашивается, имѣютъ цѣну подобные билеты, лишенные всякаго матеріальнаго обеспеченія?!

«Банковые билеты, говоритъ г. Горловъ, служатъ *для замѣны денегъ*. Эти билеты неизвѣстны въ Россіи». И прекрасно; намъ остается только радоваться, что мы избавлены пока отъ банкирскихъ продѣлокъ, которыя никогда не обходятся даромъ!

Да! къ счастію нашему — у насъ еще не успѣли появиться тѣ *благодѣтельныя* кредитныя учрежденія, которыя, по словамъ экономистовъ, «болѣе всего содѣйствовали колоссальнымъ успѣхамъ народнаго хозяйства въ западной Европѣ». Мы знаемъ, какъ дешево обошлись эти «колоссальные» успѣхи! Непрерывный рядъ ликвидацій, банкротствъ и кризисовъ—вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, вся исто-

рія англійскихъ, французскихъ и американскихъ банковъ. Нѣтъ! экономисты жестоко ошибаются, когда утверждаютъ, что своими колоссальными успѣхами Европа обязана кредитнымъ учрежденіямъ... Нѣтъ! трудъ, одинъ только упорный трудъ создавалъ и можетъ создавать богатство; а кредитъ всегда заставлялъ людей жить въ счетъ будущихъ благъ, заѣдать будущее. Отчего это происходило? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, кредитъ не можетъ способствовать развитію народнаго благосостоянія?

До настоящаго времени кредитъ далеко не соотвѣтствуетъ своему назначенію, надеждамъ своихъ поборниковъ и справедливымъ требованіямъ самого общества. Вотъ главная причина, почему онъ порождалъ столько бѣдствій, столько грустныхъ обольщеній.

Самое поразительное доказательство того младенческаго состоянія, въ которомъ находится еще кредитъ, какъ экономическая сила, заключается въ отсутствіи основательнаго знанія его свойствъ и назначенія. Вотъ почему онъ до сихъ поръ остается самымъ темнымъ и запутаннымъ вопросомъ общественной экономіи. По сіе время еще господствуетъ убѣжденіе, что пользоваться кредитомъ значитъ жить въ счетъ будущихъ благъ. Такъ думаютъ и многіе экономисты. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, послушаемъ, что говоритъ о кредитѣ нашъ экономистъ, г. Безобразовъ, въ предисловіи къ своему переводу сочиненія Курселя-Сенёля — «Банки».

«Можно считать великимъ благомъ въ экономіи человѣческаго общества такую силу, которая *позволяетъ относить затрудненія настоящаго на способы будущаго*, замѣнять недостатокъ одной эпохи излишками другой». Эта сила, конечно, — кредитъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Безобразовъ говоритъ слѣдующее:

«Спеціальное призваніе кредита, какъ въ частномъ, такъ и въ народномъ хозяйствѣ — дать хозяину (?) силу превозмочь временныя затрудненія въ производствѣ богатства, уменьшить ущербы въ способахъ настоящаго *посредствомъ отнесенія части ущербовъ на счетъ способовъ будущаго*».

Кто можетъ, кромѣ экономиста, выражаться такимъ языкомъ! Еслибы г. Безобразовъ говорилъ по-русски и не имѣлъ притязанія на учёность, то сказалъ бы просто: цѣль кредита состоитъ въ томъ, чтобы дать человѣку возможность обернуться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и пожить въ счетъ будущихъ благъ. Это, кажется, яснѣе.

Теперь, спрашивается, таково-ли, дѣйствительно, должно быть назначеніе кредита?

Не желая произносить собственнаго сужденія, приведемъ слова г. Цешковскаго, автора замѣчательнаго сочиненія «Du Crèdit et de la Circulation» которое, конечно, извѣстно каждому экономисту.

«Прежде всего слѣдуетъ произнести судъ надъ однимъ заблужденіемъ, господствующемъ въ теоріи, которое имѣетъ ощущительное значеніе и на практикѣ. Изслѣдуя настоящія свойства кредита, многіе окончательно стали воображать, что кредитъ ничто иное, какъ *предвареніе* (anticipation) будущаго... По истиннѣ, если бы подобное мнѣніе не было ложнымъ, то оно пало бы самымъ страшнымъ обвиненіемъ на тѣхъ, которые превозносятъ пользу кредита, или извиняютъ такой явный грабежъ, грабежъ тѣмъ болѣе гнусный, что онъ свершается безнаказанно и сваливаетъ все бремя на тѣ поколѣнія, которыя не могутъ возстать противъ подобнаго злодѣйства, потому что ихъ еще нѣтъ на свѣтѣ».

Вотъ какъ смотритъ философъ на мнѣніе о кредитѣ такихъ экономистовъ, какъ Безобразовъ и К°.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если съ такимъ взглядомъ на кредитъ г. Безобразовъ рѣшается утверждать, что «наша торговля всего болѣе, можетъ быть (?!), нуждается въ рискованныхъ и неблагонадежныхъ торговыхъ сдѣлкахъ». По его убѣжденію—«Еврей—передовой человѣкъ въ дѣлѣ кредита на всѣмъ земномъ шарѣ».

Г. Безобразовъ, рыцарь свободной торговли, проповѣдуетъ, что въ Россіи слѣдуетъ завести частные банки. По его словамъ—банковыя операціи, или торговля деньгами, должны быть занятіемъ частныхъ людей. Дѣло, говоритъ онъ, для котораго нужны капиталъ и коммерческая голова, въ которомъ есть, рискъ и есть *пожива* (!!), *по мнѣнію экономиста,* не пригодно для казны, а должно быть въ рукахъ частнаго лица».

И такъ, на томъ соображеніи, что въ банкирскомъ дѣлѣ можетъ быть пожива, г. Безобразовъ проповѣдуетъ свободу банковъ... Прекрасно. Но что разумѣетъ онъ подъ словомъ—*пожива* въ такомъ учрежденіи, какъ банкъ, которое должно всегда подлежать общественному контролю, потому что ему довѣряютъ свое имущество, свою честь милльоны семействъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ книгѣ Курсель-Сенеля, которую перевелъ г. Безобразовъ для нашего поученія.

«Всѣ древніе отвергали законность роста и смотрѣли на него, какъ на дурное дѣло. Это мнѣніе (?!) вкралось (!) въ католическую церковь—и даже (!) въ наше время оно проявилось въ новомъ видѣ и съ большею силою.

«Заимодавецъ, говорили древніе, не имѣетъ права брать процентъ, потому что деньги, которыми онъ ссужаетъ, по самой природѣ своей, безплодны и непроизводительны».

Пока остановимся на этой выпискѣ. Г. Курсель-Сенёль сожалѣетъ о томъ, что древніе думали о лихоимствѣ не такъ, какъ онъ самъ. Напрасно: не только древніе, но и современные люди остаются при томъ глубокомъ убѣжденіи, что лихоимство—самый гнусный порокъ, хуже преступленія. Вотъ почему лихоимецъ заслуживаетъ не только презрѣніе и ненависть со стороны общества, но и подлежитъ строгому суду, по законамъ государства. Законъ, признавая неподкупность человѣческой совѣсти, включилъ лихоимство въ число позорныхъ преступленій и поставилъ ростовщика на ряду съ воромъ и разбойникомъ. «Не дѣлай другому того, чего самъ не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ другіе.» Вотъ основаніе отношеній людей, живущихъ въ обществѣ.—Но законодатель видѣлъ, что процентъ не свыше 6, считался достаточнымъ вознагражденіемъ за услугу заимодавца и утвердилъ этотъ процентъ, если не по принципу, то на дѣлѣ. Процентъ выше 6 по закону считается уже лихоимствомъ, заимодавецъ подлежитъ суду, какъ преступникъ противъ общественной нравственности.

Но Курсель-Сенёль и всѣ экономисты разсуждаютъ иначе.

Они говорятъ: «Петръ занялъ у Ивана на 20%. Есть ли тутъ лихоимство? Да, утверждаетъ законъ, потому что величина процента превышаетъ 6 на 100. Нѣтъ, отвѣчаютъ въ одинъ голосъ и наука и *нравственность* (?!!)» (см. гл. VIII).

Далѣе экономистъ говоритъ:

«Было замѣчено также, что законы противъ лихоимства всегда легко обойти.

«Было замѣчено также, что установленіе закономъ величины процента было прямымъ *нарушеніемъ права собственности* (sic), и притомъ нарушеніемъ смѣшнымъ». Но довольно... довольно... пусть экономисты, разъ навсегда, перестанутъ говорить о нравственности... Ихъ ученіе не сдѣлается лучше, если они будутъ называть «собственность—лихоимствомъ».

Да, г. Безобразовъ! хорошую изволили перевести вы книгу на нашъ языкъ!

Что же такое свобода банковъ, которую проповѣдуетъ намъ Курсель-Сенёль устами г. Безобразова?

Свобода брать какіе угодно проценты, другими словами—свобода лихоимства. Вотъ что такое свобода банковъ.

«Частныя банки, замѣчаетъ самъ г. Безобразовъ, дѣло совершено новое для Россіи, *въ идеѣ* возникнувшее весьма недавно, подобно многимъ другимъ дѣламъ и, подобно имъ, еще не близкое къ своему осуществленію. Послѣднее зависитъ отъ многихъ условій, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ распространеніе свѣдѣній о банкахъ: о томъ какъ они устроиваются и какъ дѣйствуютъ».

Частные банки устроиваются просто: банкиръ старается привлечь къ себѣ вкладчиковъ обѣщаніемъ платить имъ большіе проценты, а за тѣмъ начинаетъ торговать чужими деньгами и выпускать на нихъ билеты. Вкладчикъ получаетъ проценты и когда теряетъ довѣріе къ банкиру, то беретъ назадъ свой капиталъ, если банкъ не лопнулъ. Когда частныхъ банковъ появляется много, то, по соперничеству, каждый банкиръ старается заманить къ себѣ вкладчика, какъ купецъ покупателя. Конечно, по закону конкурренціи, побѣду одерживаютъ всегда самые богатые банкиры, которые могутъ предложить большіе проценты своимъ паціентамъ—вкладчикамъ. Теперь, спросятъ насъ, какъ дѣйствуютъ частные банки? Тоже очень просто: они банкротятся по нѣсколько вдругъ и пускаютъ по міру своихъ заимодавцевъ. Банкротство—это привилегія частныхъ банковъ.

Такимъ образомъ свобода банковъ не только свобода лихоимства, но и свобода банкротства. Частные банки Сѣв.-Амер. Соед. Штатовъ никогда не могли предотвратить ни однаго финансоваго и торговаго кризиса; напротивъ того, когда онъ разражался, то банки всегда лопались одинъ за другимъ съ ужасающею быстротою. Эти случаи побудили нью-іоркское правительство прибѣгнуть къ весьма странной мѣрѣ: оно объявило, что билеты лопнувшаго банка будутъ уплачиваться изъ государственныхъ суммъ. Для покрытія этихъ расходовъ каждый частный банкъ обязанъ вносить въ государственное казначейство $^1/_2$ $^0/_0$ съ своего оборотнаго капитала. Эти вносы составляютъ такъ называемый «фондъ обеспеченія» (*safety found*). Понятно, что подобная мѣра не говоритъ въ пользу частныхъ банковъ.

Монополь и свобода банковъ — двѣ крайности, ложныя по принципу и вредныя на дѣлѣ. Пока звонкая монета будетъ служить ору-

діемъ торговли и обращенія, до тѣхъ поръ ни одна банковая система не будетъ въ состояніи удовлетворять требованіямъ и ожиданіямъ общества. Эта истина безспорная, которая подтверждается самыми осязательными фактами изъ исторіи банковъ съ 1694 года, со времени основанія англійскаго банка.

Подъ владычествомъ денегъ кредитъ—утопія; мало того—онъ остается до сихъ поръ баснословнымъ сфинксомъ, котораго не могутъ разгадать экономисты. *Devine ou je te dévore*—вотъ послѣднее слово кредита.

«Для всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаютъ у насъ промышленность и торговля, придумано въ послѣднее время особое выраженіе «*безденежье*»; на него то собственно всѣ жалуются.» Такъ говоритъ г. Безобразовъ, поклонникъ свободы банковъ и торговли.

«Но что же такое безденежье?» спрашиваетъ онъ и, за тѣмъ, продолжаетъ: «Можно сказать безошибочно, что *подъ безденежьемъ*, на которое всѣ жалуются, надо всего болѣе разумѣть недостатокъ кредита, а всего менѣе *недостатокъ собственно денегъ*». Послѣднія три слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

Ошибается, г. Безобразовъ, ошибается жестоко. — Подъ безденежьемъ надо разумѣть вовсе не отсутствіе кредита, а наоборотъ, подъ словомъ — кредитъ слѣдуетъ разумѣть недостатокъ денегъ. Это такъ ясно, что мы рѣшительно не понимаемъ, почему г. Безобразовъ могъ высказать мысль, противную здравому смыслу. Кредитъ появлялся вездѣ только по причинѣ недостатка денегъ; другой причины его появленія и существованія быть не могло. Если бы у каждаго было достаточно денегъ для всѣхъ обыденныхъ расходовъ, то конечно каждый платилъ бы наличными и покупалъ на наличныя.

Почему же такъ не дѣлается? потому что у насъ не достаетъ наличныхъ денегъ для всѣхъ разсчетовъ и мы принуждены изобрѣтать разнаго рода средства, чтобы замѣнить настоящія деньги — денежными знаками. Векселя, банковые билеты и пр., все это изобрѣтенія *кредитныя*, цѣль которыхъ удовлетворить запросу на настоящія деньги, единственно признаннаго теперь орудія торговли и обращенія.

Очевидная, всѣми признанная цѣль кредита и банковъ заключается въ томъ, чтобы возможно болѣе упростить всѣ торговыя сдѣлки, ускорить обращеніе и сбытъ произведеній, сблизить продавцевъ и покупателей, а главное—изгнать изъ общаго употребленія звонкую монету, какъ самое дорогое и варварское орудіе мѣны. Чѣмъ болѣе

какая-либо страна дѣлаетъ успѣховъ въ промышленности и торговлѣ, чѣмъ болѣе она производитъ, — тѣмъ менѣе нуждается въ наличныхъ деньгахъ, въ золотѣ и серебрѣ. Въ настоящее время въ Англіи $^9/_{10}$ всѣхъ уплатъ совершается безъ помощи звонкой монеты, даже безъ банковыхъ билетовъ. Въ Лондонѣ существуетъ такъ называемый «ликвидаціонный банкъ», который производитъ свои операціи простымъ сравненіемъ приходо-расходныхъ счетовъ, по кредитнымъ документамъ. Благодаря такому способу, этотъ банкъ ежедневно ведетъ дѣла на сумму свыше 4 миллъоновъ, имѣя фондъ не болѣе 200.000. Этотъ примѣръ ясно доказываетъ, какъ легко обойдтись въ торговыхъ сдѣлкахъ безъ посредничества денегъ. И какое значеніе, наконецъ, могутъ имѣть деньги, когда вексель вполнѣ замѣняетъ ихъ!.. Стоитъ только обобщить его, сдѣлать ходячею монетою — и царству золота пробьетъ послѣдній часъ. При настоящемъ экономическомъ развитіи Европы, деньги служатъ только помѣхою для торговли и промышленности, облагая тяжелою податью всѣ произведенія труда, которыя должны были бы обмѣниваться, покупаться и продаваться безъ ихъ вмѣшательства.

Каждому извѣстно, что всякая торговая сдѣлка распадается на двѣ операціи—покупку и продажу. Покупатель расплачивается наличными, или беретъ въ кредитъ; брать въ кредитъ вообще невыгодно въ томъ отношеніи, что приходится платить извѣстный процентъ. Какъ избѣжать этого, если нѣтъ денегъ въ наличности? Англійскіе купцы и лавочники не имѣютъ обыкновенія держать денегъ у себя дома, а отдаютъ ихъ банкиру, съ тѣмъ, чтобы онъ производилъ всѣ платежи по ихъ билетамъ на предъявителя—по «*чекамъ*». Эти билеты часто ходятъ довольно долгое время по рукамъ, прежде чѣмъ поступаютъ къ банкиру.

Употребленія денегъ можно бы избѣжать гораздо лучше выдачею такого векселя, который бы ходилъ безпрепятственно, наравнѣ съ монетою. Каждый знаетъ, что вексель тѣмъ надежнѣе, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ за себя поручителей. Вотъ почему вѣрные векселя принимаются также охотно, какъ и настоящія деньги. Самое главное ихъ неудобство заключается въ томъ, что они подлежатъ денежному учёту. Освободить вексель отъ такого рабства—значило бы обратить его въ ходячую монету, а тѣмъ самымъ, разъ на всегда, избавиться отъ монополя денегъ, которыя мѣшаютъ сбыту и обращенію това-

ровъ и производятъ только застой и кризисъ въ торговлѣ и промышленноси.

Если принять въ соображеніе, что употребленіе векселей распространяется со дня на день, если въ Англіи, Франціи, Бельгіи и другихъ государствахъ они большею частью замѣняютъ уже настоящія деньги, то смѣло можно сказать, что вексель долженъ сдѣлаться единственнымъ орудіемъ обращенія. Самое важное и неоспоримое преимущество векселей надъ всѣми прочими кредитными знаками заключается въ томъ, что ихъ обращеніе основано на круговой порукѣ всѣхъ плательщиковъ. Чѣмъ болѣе на векселѣ передаточныхъ надписей, тѣмъ онъ надежнѣе. Поэтому вся задача заключается въ томъ, чтобы обобщить это начало взаимности и круговой поруки, сдѣлать частный, имянной вексель—общественнымъ, безымяннымъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы *реализація* его производилась только на товары и произведенія труда вообще, а не на деньги. Если это осуществится, то исполнится, наконецъ, тотъ экономическій законъ, въ силу котораго всякая торговая сдѣлка, всякая покупка и продажа станетъ происходить прямо, по накладнымъ и векселямъ, безъ посредничества денегъ, употребленіе которыхъ такъ убыточно и, при томъ, совершенно безполезно. Быстрота и правильность торговыхъ оборотовъ, обезпеченіе и легкость сбыта—вотъ главныя условія экономическаго развитія общества. Выполнить эти условія возможно только въ томъ случаѣ, когда сбытъ и обращеніе товаровъ будутъ основаны не на деньгахъ, а на упрощенной вексельной системѣ.

Товары мѣняются на товары; такова научная экономическая формула.

Товары мѣняются на деньги; такова рутина, которая страшно вредитъ торговлѣ и промышленности. Пока эта рутина не исчезнетъ, до тѣхъ поръ свобода торговли, о которой мечтаютъ экономисты,—если не мистификація, то, по крайней мѣрѣ—химера, неумѣстность.

Н. Соколовъ.

* * *

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я не даромъ такъ жарко цѣлую тебя —
Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я таилъ мои страсти — былъ робокъ и нѣмъ.
И за ту, что меня обожгла безъ огня,
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была бы щитомъ,
Да убитая, спитъ подъ могильнымъ крестомъ.
Всё, что въ сердце моемъ загоралось для нихъ
Догорая пусть гаснетъ въ объятьяхъ твоихъ.

Я. Полонскій.

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ *

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗНАКОМАГО ДОНЦА.)

(184...)

Чувство страха и невыносимо-гнетущей тоски сдавило мое сердце, когда я въ первый разъ увидѣлъ Донъ, а на другой сторонѣ Н....ую станицу, гдѣ мы съ братомъ должны были поступить въ окружное училище. Мнѣ было девять лѣтъ и до того времени я никуда не выѣзжалъ изъ дому. Неудивительно, если меня испугалъ видъ мѣста, гдѣ я долженъ былъ получить первоначальное воспитаніе, когда отъ старшаго брата,—третьяго, которому было лѣтъ тринадцать и который уже былъ знакомъ съ училищемъ, я такъ много наслушался ужасовъ про свирѣпаго Данила Степановича, не менѣе свирѣпаго Ивана Ивановича и прочихъ бичей училища. Хоть и стыдно было плакать, но я заплакалъ.

— Экая плакса! въ училищѣ тебя отучатъ ревѣть, сказалъ мнѣ старшій братъ тономъ покровительства; но видно было, что у него самого мурашки забѣгали по спинѣ, когда нашъ экипажъ въѣхалъ на паромъ.

— Я слышалъ, маменька, что Данило Степановичъ не будетъ ужъ учить у насъ, продолжалъ онъ, вопросительно обращаясь къ матери, которая ѣхала съ нами, чтобы самой отдать насъ въ заведеніе.

— Не знаю, отвѣчала она:—а что, онъ васъ любитъ?

Братъ на минуту замялся.

— Гм—да, маменька, любитъ... только у него одна бровь выше другой...

Онъ задумался. Видно было, что грозный образъ Данила Степановича носился въ его воображеніи... Я это чувствовалъ по его прежнимъ разсказамъ. Мнѣ самому казалось, что одна бровь Данила

*) Начало «Воспоминаній» было напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ, 1860.

Степановича уже поднимается... вотъ поднялась, на средину лба... вотъ...

— Это все наши ученики купаются, сказалъ братъ, показывая рукою по направленію каната, на которомъ шелъ паромъ:—ну-ка, попробуй переплыть черезъ Донъ! а у насъ любой второклассникъ переплыветъ, продолжалъ онъ самодовольно (веселая картина купанья видимо заслонила собой пасмурную тѣнь Данила Степановича).

— Я переплыву, сказалъ Петруша, другой братъ, который былъ старше меня двумя годами. До того времени онъ упорно молчалъ.

— Да ты-то пожалуй и переплывешь — а вотъ онъ не переплыветъ.

— Я и Данила Степановича не боюсь, продолжалъ Петруша, хотя, говоря это, онъ оглядывался, какъ будто всматриваясь, нѣтъ ли у кого-нибудь на паромѣ бровей, расположенныхъ не на одной линіи.

— Ну ужь, Петруша, ты это такъ только...

— Нѣтъ, не такъ! Вонъ у насъ на мельницѣ я видѣлъ старика; у того одна бровь еще выше; и то я не испугался.

— Ну ужь, братъ...

— Что жъ, Вася, замѣтила мать, Петруша правду говоритъ: что̀ бояться человѣка, если у него одна бровь выше другой!

— Право, какія вы, маменька! вы не знаете, отвѣчалъ Вася.

— Да ты еще говоришь, что у него носъ крючкомъ, продолжалъ неустрашимый Петруша, видимо поощренный словами матери: —я и носа крючкомъ не боюсь.

— Правда, опять сказала мать: что жъ тутъ бояться?

— Чего жъ тутъ бояться? повторилъ за ней Петруша, обращаясь къ брату, а потомъ пояснилъ:—я, маменька, ничего не боюсь... Я и съ лошади ни разу не падалъ.

Старшій братъ былъ окончательно сбитъ смѣлыми доводами Петруши и только могъ сказать: «ну, вотъ посмотримъ».

А я въ это время смотрѣлъ, какъ купались мои будущіе товарищи. Странно: то что̀ я видѣлъ, нѣсколько успокоило меня и заставило даже сомнѣваться въ справедливости нерадостныхъ предсказаній брата Васи; мнѣ думалось, что видно не такъ ужасенъ Данило Степановичъ, или ученики умѣютъ такъ отлично плавать и такъ веселы. Пять или шесть мальчиковъ, доплывъ до средины Дона, уцѣпились за канатъ, перетянутый для парома; необычайной быстротой

воды ихъ всѣхъ опрокинуло на другую сторону каната, но они искусно удержались за него руками. По мѣрѣ приближенія парома канатъ выходилъ изъ воды, поднимался все выше, но шалуны продолжали висѣть въ воздухѣ и не думали объ опасности; ихъ подняло наконецъ аршина на два отъ воды, а они не выпускали изъ рукъ каната; паромъ бѣжалъ быстро, приближался къ нимъ, могъ наконецъ сбить ихъ въ воду, оторвать пальцы рукъ, а они хохочутъ, перебирая по канату руками и стараясь убѣжать отъ парома... Я стоялъ—не шевелился; эти подвиги казались мнѣ выше человѣческихъ; я проникся такимъ уваженіемъ къ училищу, воспитавшему этихъ, по моему мнѣнію, героевъ, что мнѣ стало совѣстно за свое невѣжество...

— Что! это все наши, сказалъ Вася, и лицо его сіяло.

Я чувствовалъ себя уничтоженнымъ... Одинъ Петруша не смутился.

— Ну, а я умѣю нырять лучше ихъ.. Я на самое высокое дерево влѣзу, говорилъ онъ скороговоркой, видимо задѣтый за живое; да я и за канатъ уцѣплюсь... Соловьиныхъ яичекъ никто не отыщетъ такъ, какъ я...

— Вотъ я васъ, пострѣлята! закричалъ паромщикъ на героевъ, и въ одно мгновеніе казачата юркнули въ воду подъ самымъ паромомъ, такъ что, казалось, они должны были погибнуть подъ налетѣвшими на нихъ лодками... Я чуть не умеръ отъ страха; даже Петруша, ничего небоявшійся, выразилъ испугъ и удивленіе. Казачки, бывшія на паромѣ, взвизгнули. Но въ этотъ самый моментъ, откуда ни возмись, еще четверо казачатъ—«наши» (какъ пояснилъ братъ Вася) быстро выскочили изъ средины досчаниковъ, на которыхъ былъ устроенъ паромъ, на мгновенье остановились на бортахъ, и, испугавъ своимъ появленіемъ казачекъ, исчезли подъ водой, какъ и первые... Нѣсколько секундъ никого не было видно; вода сгладилася; оставалась только полоса отъ парома... Но вотъ, далеко отъ каната, вынырнулъ одинъ, потомъ другой, третій и наконецъ показались всѣ на поверхности воды и поплыли за паромомъ, но уже догнать не могли.

Все видѣнное окончательно расположило меня въ пользу училища; только Петруша повидимому былъ чѣмъ-то не доволенъ... Онъ нашелъ соперниковъ...

— Какъ мнѣ хочется учиться, маменька, говорилъ я (ученье мнѣ уже казалось такимъ веселымъ).

— Ну что жъ, и хорошо.

— А мы, Вася, скоро пойдемъ купаться? спрашивалъ тихонько Петруша.

— Какъ только маменька уѣдетъ домой.

Когда нашъ экипажъ съѣзжалъ съ парома, нѣсколько казачатъ окружили брата Васю: «Слѣпченко пріѣхалъ! Слѣпченко пріѣхалъ!» кричали они: «а это твои братья?»

— Да... А что, Данило Степановичъ уѣхалъ?

Облачко печали набѣжало на веселыя лица товарищей брата.

— Нѣтъ, не уѣзжалъ... Онъ себѣ собаку купилъ, какая добрая! А знаешь, Слѣпченко, сегодня ужь онъ намъ задалъ дроби—вотъ трудно!

Васю немножко подернуло; зато Петруша не унывалъ.

— Вовсе не трудно, я знаю...

Всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ.

— Ну ужь, братъ, ты все хвалишься; дробей и я не знаю, сказалъ Вася: это изъ второй части арифметики, а ты и первой не знаешь.

— А что жъ, ты скажешь, что они хорошо плаваютъ? настаивалъ Петруша.

— Да ты такъ не умѣешь.

— Нѣтъ, умѣю! я плаваю лучше вашего Данила Степановича... я...

— Дѣти, садитесь, пора ѣхать, сказала мать. И мы поѣхали.

— Я съ ними подерусь, говорилъ Петруша, бросая недружелюбные взгляды къ Дону, который остался за нами.

— Ну ужь и не подерешься, замѣтилъ Вася.

— Нѣтъ, подерусь, непремѣнно подерусь...

— Перестань, Петруша, возразила мать:—ты все глупости говоришь.

Я какъ-то тупо помню, какое впечатлѣніе произвели на меня мои будущіе наставники, училище и вся, для меня совершенно новая, школьная обстановка. Кажется, что чувство разлуки съ матерью заглушало во мнѣ всѣ другія чувства; мнѣ думалось, что ужь такого другого горя не будетъ въ моей жизни, что для меня пропало уже все на свѣтѣ... Однимъ словомъ, разбита была жизнь, которая какъ ни была нѣжна, казалась мнѣ прекрасной, удовлетворяла моимъ внутреннимъ требованіямъ; всѣ дѣтскія радости, всѣ воспоминанія, все лучшее было связано съ той жизнью, которую у меня отняли, а взамѣнъ ея мнѣ, казалось, ничего не давали. Я горько плакалъ.

Нѣсколько разъ мать принуждена была возвращаться, чтобъ успокоить меня; но я просилъ только объ одномъ, чтобъ меня взяли домой. Если бы меня не останавливалъ стыдъ, я бы, можетъ быть, убѣжалъ вслѣдъ за матерью. Одинъ Петруша мало поддавался тоскѣ. На одной квартирѣ съ нами жили еще два мальчика, дѣти одного донского помѣщика, которые также воспитывались въ училищѣ. Петруша уже успѣлъ завести съ ними крупный разговоръ о преимуществахъ Медвѣдицы передъ Дономъ.

— Медвѣдица шире Дона, доказывалъ Петруша.

— Нѣтъ, Донъ шире, возражали противники.

— Нѣтъ, Медвѣдица! Донъ вашъ просто гадость, въ немъ нѣтъ сомовъ.

— Нѣтъ, есть сомы... Зачѣмъ же вы пріѣзжали на Донъ, когда Медвѣдица лучше?

— Зачѣмъ? зачѣмъ? Петруша не зналъ что̀ отвѣчать:—чтобъ побить васъ, вотъ зачѣмъ.

Странное впечатлѣніе произвело на меня самое зданіе училища. Въ концѣ станицы досчатымъ заборомъ обнесенъ довольно большой дворъ; на одномъ углу его помѣщается училище, каменный двухъэтажный домъ, нѣсколько ободранный, на другомъ—корпусъ присутственныхъ мѣстъ окружного управленія, ободранный нѣсколько больше и вдобавокъ испещренный чернильными пятнами, особенно подъ окнами;—видно было, что чернилъ тамъ изводится много; третій уголъ занятъ былъ деревяннымъ острогомъ, а четвертый уголъ или, собственно, свободная часть двора завалена кучами чернобыльника, растенія, употребляемаго тамъ, за недостаткомъ лѣса, для двухъ необходимыхъ жизненныхъ надобностей:

Первая: чернобыльникомъ топили—a) наше училище, b) присутственныя мѣста и c) острогъ.

Вторая надобность: чернобыльникомъ сѣкли—a) насъ учащихся, b) провинившихся по суду и c) арестантовъ.

Слѣдовательно, чернобыльникъ составлялъ нѣкоторымъ образомъ нравственное звено, связывавшее насъ—юное поколѣніе, съ провинившимися по суду и съ арестантами. Оттого чернобыльникъ играетъ не послѣднюю роль въ моихъ школьныхъ воспоминаніяхъ. Когда, въ неурочный часъ, казакъ подходилъ къ чернобыльнику и бралъ охапку его, мы, глядя въ окна, задавали себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ беретъ чернобыльникъ?

Одни говорили: смотрителю блины печь.

— Въ библіотекѣ печку топить, говорили другіе: — у смотрителя вчера были блины.

— Нѣтъ, говорили третьи, библіотеку уже истопили; а вѣрно кого-нибудь изъ насъ сѣчь.

— Да это не нашъ казакъ, а изъ сыскного начальства.

— Нѣтъ, изъ острога.

— Нѣтъ, изъ сыскного начальства!.. вотъ у него одна нога въ поршнѣ... смотрителева свинья у него одинъ сапогъ съѣла.

— Да, правда-бишь, съѣла, когда мы учили «бѣгство во Египетъ».

— Нѣтъ, тогда у насъ былъ урокъ изъ географіи: «о почвѣ и климатѣ...» еще тогда нашъ сторожъ крысу засѣкъ чернобыльникомъ, а кошку повѣсилъ за то, что она съ крысой изъ одной чашки ѣла лапшу.

— Да, помню, помню! лапша была смотрительская...

Иной наконецъ припоминалъ, какъ свинья, бѣгая по двору съ казеннымъ сапогомъ во рту, испугала часового у острога и какъ тотъ чуть не закололъ ее пикой; какъ потомъ смотритель бранилъ писарей сыскного начальства, что будто бы они научили его свинью воровать казенные сапоги, «а свинья была баба честная», говорилъ онъ.

Дѣйствительно, одна нога у солдата была въ сапогѣ, а другая въ башмакѣ, называемомъ поршнемъ, и мы положительно знали, что розги понесутся по той тропинкѣ, которая ведетъ къ сыскному начальству и по которой прежде любила ходить проворовавшаяся свинья; тамъ она стащила съ крыльца и сапогъ, сушившійся на солнышкѣ.

Въ памяти моей мелькаетъ воспоминаніе жаркаго августовскаго утра. Я сижу въ просторной комнатѣ, уставленной въ нѣсколько рядовъ длинными столами. Это приходскій классъ окружного училища и въ то же время публичная зала. Множество мальчиковъ сидятъ за этими столами и слушаютъ какое-то монотонное чтеніе. Помню, что это было въ воскресенье: мѣрно бьетъ колоколъ станичной церкви... Благовѣстъ къ обѣдни... только странно отдается въ ушахъ моихъ непривычный звонъ, къ которому я прислушивался съ дѣтства. На грязный полъ падаютъ яркія полосы свѣта... У окна, за маленькимъ столикомъ, сидитъ священникъ и — боже мой! — какую тоску наводитъ на меня его чтеніе, однообразныя повышенія и пониженія дре-

безжащаго голоска, хотя мысль моя далека отъ того, что читается и ни одно слово не остается у меня въ памяти... Какъ будто кажется мнѣ, что это собрались провожать мертвеца, хотя гроба нѣтъ въ комнатѣ, а лица мальчиковъ такія веселыя, беззаботныя... Вотъ глаза мои остановились на маятникѣ часовъ, висящихъ на стѣнѣ, и чудится мнѣ, что въ этотъ маятникъ перешла душа умершаго, котораго мы собрались хоронить, и будто стонетъ маятникъ... А звонъ колокола въ церкви все будто слышится тише и тише, звуки становятся тупѣе и уносятся далеко куда-то.... Все то же монотонное чтеніе, тотъ же разбитый голосокъ, заглушаемый иногда карканьемъ вороны надъ окошкомъ, гдѣ сидитъ священникъ... Какая тоска!.. Въ головѣ моей, одно за другимъ, пробѣгали воспоминанія дѣтства, сцены и картины самыя обыкновенныя, но почему-то ставшія для меня очень милыми; казалось, стоитъ только выглянуть въ окно, надъ которымъ каркала ворона, и я увижу гладкое, широкое озеро ярко-зеленый лѣсъ, синюю даль, двѣ одинокія осины у дороги... Потомъ видѣлось мнѣ, что въ жаркій полдень я иду узкою лѣсною тропою, путаюсь въ высокой травѣ, самъ пугаюсь, какъ иногда подъ ногой переломится сухая, перегнившая вѣтка давно-срубленнаго дерева, а надъ головой, въ густой, темной зелени, перекликаются иволги и мѣрно стучитъ желна въ рыхлую кору сухого вяза... А тамъ опять до моего слуха долетаютъ слова — «аминь, аминь, глаголю вамъ,» опять я слышу звонъ незнакомаго колокола, мѣрный стукъ маятника... Господи! какая тоска... Я заплакалъ — и мальчики съ веселыми лицами, кто съ улыбкой, кто съ живымъ любопытствомъ, обратились въ мою сторону.

Въ это время въ церкви раздался трезвонъ и мальчики поднялись, схватили фуражки; шумъ и суматоха начались въ рядахъ ихъ; маленькіе выбѣгали впередъ, становились попарно. Кто-то взялъ меня за руку и повелъ внизъ по лѣстницѣ; на улицѣ я уже очутился въ парѣ, въ рядахъ съ прочими учениками.

Это было мое первое появленіе въ училищѣ. Всякое воскресенье ученики, до начала благовѣста, должны были собираться въ училище и, выслушавъ изъ устъ законоучителя или одного изъ наставниковъ текстъ евангелія, которое должно было въ тотъ день читаться въ церкви, строились въ ряды и шли въ церковь, по правиламъ строгой дисциплины. Дисциплина однако нарушалась всегда около дома одной казачки, у которой былъ страшно задорный индѣйскій пѣтухъ,

всегда гулявшій по улицѣ: ученики имѣли обыкновеніе обижать его, раздражить самолюбіе и вывести изъ терпѣнія, непремѣнно стараясь пройдти такъ, чтобъ согнать его съ дороги. Пѣтухъ горячился, дулся и «обзывалъ шалуновъ дурными словами», какъ выражался нашъ сторожъ. Кто-нибудь изъ мальчиковъ успѣвалъ обыкновенно раздразнить пѣтуха заранѣе, проходя въ училище; оттого, когда воспитанники шли къ обѣднѣ, онъ уже былъ въ неспокойномъ расположеніи духа и оскорблялся малѣйшимъ намекомъ на его счетъ. Иногда бранилась и казачка; но на нее никто не обращалъ вниманія.

Тяжелы были для меня первые дни моей училищной жизни. Единственное чувство, которымъ постоянно сжималось мое маленькое сердце, былъ страхъ; видъ чернобыльника наводилъ на меня неизъяснимый ужасъ и отвращеніе; розга была первымъ предметомъ, который познакомилъ меня съ чувствомъ отвращенія, и это чувство осталось во мнѣ на цѣлую жизнь, хотя четыре года пребыванія въ училищѣ могли пріучить меня смотрѣть на пучки чернобыльника, какъ на необходимую принадлежность человѣческой жизни. Правда, впродолженіи четырехъ лѣтъ меня сѣкли всего два раза, но бичуемыхъ товарищей я видѣлъ каждый день. Была ли во мнѣ самомъ охота учиться, свойственная каждому ребенку любознательность, побуждало ли меня къ ученью одно тщеславіе, только я набросился на уроки какъ-то лихорадочно. Не думаю, чтобъ я началъ учиться изъ любознательности,— наставники вовсе не думали возбуждать ее въ своихъ ученикахъ: они ее сами повидимому не имѣли, когда учились. Скорѣе въ первое время меня заставила учиться трусость, а потомъ какое-нибудь другое, лучшее побужденіе. Только первымъ моимъ педагогомъ былъ страхъ; каждый день, послѣ классовъ, я испытывалъ такое болѣзненное сжиманіе сердца, воспоминаніе объ изломанныхъ пучкахъ чернобыльника наводило на меня такой трепетъ, нервы мои до того разстроивались, что послѣ обѣда я убѣгалъ изъ комнаты моей квартиры, забирался куда-то на задній дворъ, подъ крытую повѣть, гдѣ зимой содержался рабочій скотъ нашего хозяина—казака; и долго молился тамъ съ такими горькими слезами, такъ долго стоялъ на колѣняхъ, такъ горячо лепеталъ безсвязныя молитвы, которыя путались въ моемъ напуганномъ воображеніи, пока молитва или физическое утомленіе не сводили покой въ мою душу, и мнѣ становилось легче на сердцѣ. Я вѣрилъ тогда, что слезы не останутся безъ награды, что мои уроки будутъ приготовлены и что чернобыльникъ не коснется меня. И

я садился за книгу съ болѣе спокойнымъ сердцемъ, и уроки были выучиваемы, и чернобыльникъ переставалъ быть страшнымъ до вновь заданнаго урока, до новыхъ классовъ и новыхъ сценъ сѣченья. А эти сцены такъ часто возобновлялись...

Говорятъ, что встарину, когда производилось у насъ генеральное размежеваніе земель, землемѣры всегда брали съ собой на межу мальчиковъ изъ того села, къ которому прирѣзывалась земля, и ставя главные межевые знаки, жестоко сѣкли на этихъ пунктахъ находящихся съ ними ребятишекъ, чтобы, возмужавъ и состарѣвшись, они могли впослѣдствіи указать внукамъ и правнукамъ, гдѣ начало и конецъ межи; потому что мѣсто сѣченья оставалось въ памяти, на всю жизнь и, забывъ отъ старости все на свѣтѣ, они не могли забывать одного—гдѣ, дѣтьми, они были сѣчены. Этой методы держались и наставники нашего окружного училища. Правда, ни одинъ изъ нихъ не былъ жестокъ по природѣ; всѣ они большею частью были люди добрые; но окружающая среда развращала ихъ понятіе относительно обхожденія съ низшими, и они не могли стать выше уровня этой убійственной среды. Когда двое изъ учителей сходились вмѣстѣ, мы видѣли, что и они ласковы другъ съ другомъ, что и они умѣютъ шутить, смѣяться, какъ и прочіе люди, и мы не узнавали ихъ въ этой непривычной для насъ обстановкѣ. Но когда учитель становился лицомъ къ лицу съ одними учениками, передъ черной, исписанной мѣломъ доской или за чернымъ столикомъ, физіономія его измѣнялась, натянутое выраженіе власти замѣняло человѣческое выраженіе и видно было, что робко, робко стучало сердце у каждаго маленькаго подчиненнаго.

Даже страшный Данило Степановичъ былъ въ сущности добрый человѣкъ, пока не смотрѣлъ на себя какъ на начальника; мы знали, что онъ былъ очень ласковъ съ своей собакой.

Живо мнѣ помнится одинъ изъ первыхъ уроковъ арифметики. Какъ теперь гляжу на запуганныя лица мальчиковъ. Взоры всѣхъ безпрестанно перебѣгаютъ съ доски на раздраженнаго учителя, съ учителя на доску, испещренную цифрами, выведенными неровно, дрожащею рукой... Человѣкъ пять стоятъ уже у доски на колѣняхъ. Робко выходятъ изъ за скамеекъ новыя испуганныя лица, робко берутъ мѣлокъ, сквозь слезы произносятъ первыя таинственныя слова—«начинать счисленіе съ чиселъ наименьшаго наименованія»—и останавливаются, какъ приговоренные къ казни.

— То-есть? говоритъ какъ-то вопросительно учитель и протягиваетъ руку къ уху дрожащаго мальчика.

— То-есть, повторяетъ тотъ безсознательно—и умолкаетъ. Рука ментора хватаетъ его за ухо, раскачиваетъ виновнаго изъ стороны въ сторону и ставитъ на колѣни.

Изъ за скамейки отдѣляется новая маленькая фигура, подходитъ къ доскѣ, беретъ мѣлокъ и говоритъ сквозь слезы:

— Начинать счисленіе съ чиселъ наименьшаго наименованія, то-есть... и останавливается.

— То-есть? вновь повторяетъ менторъ вопросительно и тянется къ уху.

— То-есть, бормочетъ мальчикъ, захлебываясь отъ слезъ, и умолкаетъ. Рука наставника опять протягивается къ уху мальчика, раскачиваетъ его изъ стороны въ сторону и ставитъ на колѣни. И опять подходитъ къ доскѣ кто-нибудь изъ воспитанниковъ, и опять слышится всѣмъ извѣстная фраза — «начинать счисленіе съ чиселъ наименьшаго наименованія, то-есть»—и ни слова дальше. И снова звучитъ какой-то зловѣщей нотой изъ устъ ментора вопросительное «то-есть», и снова рука его тянется къ уху... ноги воспитанника подкашиваются и сами колѣни пригибаются къ полу. Но на этотъ разъ вопросительное «то-есть» замѣняется другимъ словомъ, отъ котораго мы всѣ вздрагиваемъ.

— Розогъ! кричитъ менторъ такимъ голосомъ, какъ будто вся комната наполнена убійцами, и онъ рѣшительными мѣрами долженъ предупредить новыя страшныя преступленія. Розги принесены и почти весь классъ пересѣченъ. Послѣ оказалось, что̀ означало ужасное «то-есть». Написавъ на доскѣ рядъ цифръ, воспитанники должны были произнести слѣдующія кабалистическія слова: «начинать счисленіе съ чиселъ наименьшаго наименованія, то-есть *съ единицъ*», и потомъ, стуча мѣломъ по каждой цифрѣ порознь, по порядку, отъ правой руки къ лѣвой, говорить: «единицы, десятки, сотни, тысячи», и т. д.—Всѣ мы знали это счисленіе, но не догадывались, что послѣ вопросительнаго «то-есть», выходившаго изъ устъ ментора, слѣдовало отвѣчать: «то есть—съ единицъ», хотя мы дѣйствительно начинали счисленіе съ единицъ, а не съ десятковъ. Малѣйшее отступленіе отъ формы наказывалось жестоко, точно такъ какъ на станичномъ смотру не прощали казаку, если у него ружье было не вычищено и шашка прицѣплена не къ лѣвому, а къ правому боку.

Дѣйствительно, формализмъ игралъ едва ли не главную роль во всемъ, что̀ касалось не только училищной дисциплины, но и способа преподаванія. Намъ даже не хотѣли дать понять, что можно недурно учиться и умѣть отвѣчать, не придерживаясь книжной фразы или тѣхъ именно словъ, какія стояли въ учебникѣ. Если иной изъ насъ и осмѣливался выражать свою мысль не по книжному, ему тотчасъ замѣчали: «Что жъ, ты думаешь быть умнѣй книги? Николаю Ивановичу Гречу слѣдовало бы у Максюткина поучиться, какъ писать — эко-право?» — И либералъ видѣлъ, что въ вѣдомости, противъ фамиліи Максюткина, въ квадратной клѣточкѣ проводилась тонкая черта сверху внизъ, нѣсколько наклонно.

Изъ за какой нибудь скамейки высовывался маленькій кулачокъ и отъ него отдѣлялся указательный палецъ, выразительно изображая то, что̀ писалось въ вѣдомости.

— Единица... одинъ! слышался шопотъ съ другой скамейки.

— Жезлъ Аароновъ, шептали еще гдѣ-то. И потомъ слышалось перелистываніе учебника и сдерживаемый шопотъ: «Для совокупленія въ одномъ слогѣ буквъ несочетаемыхъ, послѣдующая гласная измѣняется въ другую, ей соотвѣтствующую... ей соотвѣтствующую... Въ какую ей соотвѣтствующую, ты не знаешь, Петровъ?»

— Не знаю... а что значитъ такое—соотвѣтствующую?

— Я и самъ не знаю.

Но когда мы оставались одни въ классѣ, послѣ ненавистнаго урока изъ ариѳметики, грамматики или географіи, которая намъ казалась сухою и трудною до невѣроятности, и подходили къ развѣшаннымъ по стѣнамъ ландкартамъ, намъ казалось, что мы до мельчайшихъ подробностей знаемъ всѣ страны свѣта съ ихъ городами, жителями, природой, съ ихъ рѣками и горами, и наконецъ съ ихъ образомъ жизни и привычками.

— А что, господа, еслибъ за нами гнался Данило Степановичъ и намъ бы пришлось бѣжать, положимъ, въ Кандагаръ, да непремѣнно черезъ Москву, по какимъ бы городамъ мы проѣхали, и чѣмъ замѣчательны эти города? говорилъ кто-нибудь къ товарищамъ, закрывая собой ландкарту (мы очень любили такимъ образомъ путешествовать по ландкартѣ и въ дорогѣ припоминать все, что̀ знали о тѣхъ мѣстахъ, которыя приходилось проѣзжать, — и намъ весело было путешествовать, и не было конца дѣтскимъ фантазіямъ).

И тогда кто-нибудь начиналъ разсказывать длинный путь отъ нашей станицы до Кандагара чрезъ Москву.

— А тамъ на тебя нападутъ курды! восклицалъ кто-нибудь, когда смѣлый путешественникъ, благополучно проѣхавъ Россію и Азіятскую Турцію и забѣжавъ по пути на Араратъ взглянуть на ноевъ ковчегъ, о которомъ намъ говорили, что онъ до сихъ поръ стоитъ на горѣ, подъѣзжалъ уже къ развалинамъ Вавилона:—тебя курды убьютъ.

— А я поверну на Багдадъ.

— А это дальше.

— Такъ что жъ?

— Нѣтъ, Саша, лучше поѣзжай прямо: если Данило Степановичъ будетъ гнаться за тобой, его курды возьмутъ въ плѣнъ, говорилъ кто-нибудь изъ слушателей, и мы всѣ отъ души смѣялись этой счастливой выдумкѣ.

Въ такихъ путешествіяхъ мы прекрасно знакомились съ каждой мѣстностью, припоминали все слышанное и читанное въ книгахъ, которыя намъ иногда попадались подъ руки, но знанія наши умалялись, когда входилъ учитель и требовалъ отъ нашихъ отвѣтовъ какой-то строгой системы и казенныхъ выраженій. Эта строгая система повергала насъ въ уныніе; отвѣчая, мы только и думали, какъ бы не отступить отъ учебника, какъ бы соблюсти порядокъ и не сказать прежде то, что въ книгѣ стоитъ послѣ. Мы такъ часто слышали, что «пятница никогда не бываетъ прежде четверга» и что «хорунжій никогда не былъ старше эсаула», что считали крайнимъ незнаніемъ начать считать границы не съ сѣвера, а съ востока.

— Ну что жъ выйдетъ, если Гавриловъ станетъ сѣчь тебя съ праваго плеча?—И учитель ставилъ ликтора по правую руку наказываемаго. Надо замѣтить, что у насъ, наказывая, не клали на скамейку—это считалось унизительнымъ, это былъ «русскій способъ», а сѣкли стоячаго по плечамъ; оттого ликторъ всегда становился съ лѣвой стороны наказываемаго.

— Ну, вотъ, ничего и не выходитъ. Какъ же можно начинать границы съ востока? Другое дѣло, если Гавриловъ станетъ по лѣвую руку (и учитель ставилъ Гаврилова—ликтора слѣва), теперь что-нибудь выйдетъ.

Способы сѣченья въ училищѣ употреблялись различные; но преимущество отдавалось сѣченью чернобыльникомъ по спинѣ. Способъ этотъ отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ способовъ сѣченья,

принятыхъ въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и надо сказать къ чести донского сѣченья, что оно не впримѣръ благороднѣе сѣченья великороссійскаго. Донской способъ, какъ мы сейчасъ замѣтили, заключается въ томъ, что виновный наказывается чернобыльникомъ стоя, нѣсколько спустивъ съ плечь верхнюю одежду, тогда какъ великороссійскій способъ возмутителенъ. Другой способъ, менѣе употребительный, заключается въ томъ, что провинившагося бьютъ чернобыльникомъ по ладони. Способъ этотъ предпочитается въ извѣстныхъ случаяхъ и можетъ быть названъ спеціальнымъ; ладонь наказывается за дурной почеркъ въ чистописаніи и за плохіе успѣхи въ рисованіи. Думаютъ, что сѣченые пальцы лучше держатъ перо и карандашъ, бойчѣе ходятъ по бумагѣ и выводятъ болѣе прямыя и ровныя линіи. Объ этомъ предоставляемъ судить спеціалистамъ. Менѣе всего бьютъ по рукамъ линейкой изъ опасенія разбить ее. Битье линейкой и книгой по головѣ, щелканье по носу и по лбу, драньe за волосы и за уши, легкія заушенія и пощечины не входятъ въ кругъ офиціальныхъ наказаній, а предоставляются на волю наставника, которому впрочемъ остается еще обширное поле изобрѣтательности.

Не знаю, вполнѣ ли достигали цѣли подобныя поощренія или заохочиванія къ ученію: только наставникамъ казалось, что достигали. Кто былъ потрусливѣе и послабѣе нервами, тотъ учился изъ страха, за то крѣпкихъ духомъ и нервами, мальчиковъ съ характеромъ, упрямо нехотѣвшихъ учиться изъ подъ палки, или же бѣдно одаренныхъ отъ природы, — чернобыльникъ не исправлялъ. Въ училищѣ держался странный обычай называть этихъ мальчиковъ даже при посѣтителяхъ оскорбительнымъ именемъ; ихъ офиціальное названіе было *ослы*.

— Вотъ это хорошіе ученики, обыкновенно говаривалъ наставникъ каждому посѣтителю, рекомендуя лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанниковъ.

— Прекрасно, прекрасно, обыкновенно отвѣчалъ посѣтитель, обращаясь къ тѣмъ, которыхъ ему рекомендовали: учитесь... «Ученье свѣтъ и т. д.

— А вотъ это ослы, продолжалъ обыкновенно наставникъ, обращаясь въ другую сторону.

— Жаль, очень жаль, замѣчалъ на это посѣтитель, дѣлая при-

лично-укоряющую мину: вы печалите своихъ родителей и наставниковъ. Очень жаль.

Одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній оставило во мнѣ фронтовое ученье, можетъ быть потому, что по окончаніи вытягиванія ногъ «въ три пріема», намъ позволялось бѣгать и кричать сколько душѣ угодно. Маршировка считалась дѣломъ легкимъ, даже доставляла намъ удовольствіе, потому что производилась на площади, вдали отъ несносныхъ училищныхъ скамеекъ, притомъ мы не боялись приставленнаго къ намъ изъ учебнаго полка урядника, даже любили его, потому что онъ не смѣлъ обращаться съ нами грубо и только имѣлъ право помучить насъ ученьемъ въ три пріема. Это послѣднее ученье, какъ намъ казалось, производилось самымъ варварскимъ образомъ: заставивъ насъ приподнять одну ногу на четверть отъ земли, урядникъ подходилъ къ каждому воспитаннику и выравнивалъ поднятую ногу, вдавливалъ колѣнки, вытягивалъ носки, ровнялъ плечи, грудь, животъ, а всѣ прочіе должны были оставаться съ приподнятой ногой, и ждать окончанія операціи, ждать иногда до судорогъ; тогда урядникъ говорилъ «два!» и мы снова должны были приподнимать ногу, еще выше, еще съ большимъ трудомъ, и онъ снова начиналъ насъ выравнивать, вытягивать, и т. д. Только когда, по окончаніи ученья, урядникъ, построивъ насъ «лавой», въ линію, кричалъ: «сотня съ гикомъ,—крикомъ маршъ—маршъ!» мы поднимали страшный гикъ и крикъ, бѣжали вдоль по площади, тормошили казачатъ, попадавшихся намъ на пути, сбивали съ ногъ дряхлыхъ старухъ, воображая въ нихъ злѣйшаго непріятеля, котораго намъ впослѣдствіи доведется колоть пикой и рубить шашкой, взбирались на заборы, — и этого воинственнаго рвенія не могъ остановить въ насъ самъ урядникъ, который обыкновенно отходилъ въ сторону и, потирая въ самодовольствіи руки, говорилъ: «Ай донцы - молодцы! такъ ихъ нехристей», забывая, что между нехристями могли попадаться едва движущіяся старушонки. Только смотритель, если бывалъ на ученьи, останавливалъ наши патріотическіе порывы и кричалъ: Смирно, ребята! молитесь богу, побѣдили супостата»... И намъ казалось, что мы въ самомъ дѣлѣ побѣдили супостата.

Вообще шагистикой мы занимались усердно. Не менѣе усердно посѣщали мы училище утромъ въ воскресные дни. По выслушаніи евангелія изъ устъ законоучителя, воспитанники, какъ я замѣтилъ

выше, отправлялись въ церковь; въ церковной оградѣ мы останавливались по голосу наставника или урядника и ждали команды.

— Кивера на молитву! раздавался голосъ урядника и мы поднимали руки къ подбородку.

Надо замѣтить, что мы ходили не въ киверахъ, а въ простыхъ фуражкахъ безъ козырьковъ; слѣдовательно, выраженіе «кивера на молитву» было чистою мистификаціею. Но какъ кивера завязывались ремешкомъ у подбородка, а фуражки не имѣли этихъ ремешковъ, форма же требовала непремѣнно развязывать ремешки, то мы и должны были показывать видъ, что мы развязываемъ ихъ.

— Что это, бабушка, скажетъ бывало какая-нибудь дѣвочка казачкѣ-богомолкѣ, замѣтивъ нашу мистификацію: что это, бабушка, они руками дѣлаютъ?

— Развѣ не видишь, глупая, кивера развязываютъ.

— Да гдѣ жъ кивера? на нихъ фуражки...

— Ты, глупая, ничего не смыслишь: такъ надо...

Потомъ, по командѣ же, мы снимали фуражки и дѣлали видъ, что ставимъ кивера на лѣвую руку, какъ это дѣлаютъ настоящіе казаки. Потомъ входили въ церковь и впродолженіи обѣдни должны были наблюдать, чтобъ фуражки не падали на полъ; молиться было некогда, иначе форма не была бы соблюдена. Помню, что лѣвая рука очень уставала.

Недалеко отъ училища находился глубокій оврагъ, перерѣзывающій станицу на двѣ части. Оврагъ этотъ былъ нашимъ любимымъ мѣстомъ, куда мы бѣгали изъ классовъ во всякую свободную минуту. Да и сколько наслажденій представлялъ намъ этотъ дорогой въ нашихъ воспоминаніяхъ оврагъ. Весной мы лазили по его крутымъ, каменистымъ скатамъ для разоренья птичьихъ гнѣздъ; цѣлой ватагой отправлялись мы на поиски и проходили оврагъ изъ конца въ конецъ; одни изъ воспитанниковъ шли самымъ русломъ оврага, а другіе слѣдовали по горѣ и, при видѣ малѣйшаго намека на птичьи норы въ отвѣсныхъ стѣнахъ оврага, партія останавливалась и осматривала нору; если она была высоко, то смѣльчаки взбирались на верхъ по плечамъ болѣе сильныхъ товарищей и доставали добычу. Около этого оврага водилось множество тарантуловъ и сусликовъ, выливанье которыхъ изъ норъ составляло для насъ высочайшее наслажденіе. Но для того, чтобы можно было выливать тарантуловъ и сусликовъ, нужна была вода, а въ оврагѣ она протекала незначительнымъ ру-

чейкомъ. Для восполненія этого недостатка мы вырыли въ оврагѣ небольшіе бассейны для воды, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились родниковыя жилы. Отыскавъ нору тарантула или суслика, мы отряжали сейчасъ кого нибудь за водой: для этого командируемый снималъ съ себя сапоги и наполнялъ ихъ водой, и этою водой мы заставляли тарантула или суслика выходить на божій свѣтъ. Тарантуловъ мы обыкновенно мучили и убивали, раздраживъ до послѣдней крайности. Къ счастью ни одинъ изъ насъ не былъ укушенъ ни разу этимъ ядовитымъ насѣкомымъ. Зато съ сусликами мы обращались очень человѣколюбиво: приносили ихъ домой, кормили и лелѣяли до тѣхъ поръ, пока неблагодарное животное не уходило отъ насъ, перепортивъ предварительно всѣ корешки нашихъ книгъ и наши сапоги.

Данило Степановичъ всегда бывало по глазамъ замѣчалъ, когда мы возвращались изъ экспедиціи противъ сусликовъ, тарантуловъ и птичьихъ гнѣздъ,—и чѣмъ веселѣе было намъ въ оврагѣ, тѣмъ суровѣе становился Данило Степановичъ.

Однажды мы были такъ неблагоразумны, что принесли съ собой въ классъ молодого дрозда, пойманнаго въ оврагѣ. Мы сообразили, что, послѣ празднованія имянинъ у одного изъ своихъ пріятелей, Данило Степановичъ не будетъ въ училищѣ; но онъ пришелъ къ нашему неописанному ужасу. Урокъ былъ приготовленъ дурно, притомъ извлеченіе кубическихъ корней казалось намъ какимъ-то непостижимымъ дѣломъ. Въ одну изъ критическихъ минутъ, когда человѣкъ пять уже стояли на колѣняхъ, а шестой, постучавъ мѣломъ объ исписанную доску, и не зная что̀ сказать, остановился, въ классѣ воцарилась мертвая тишина, а Данило Степановичъ искалъ между нами новой жертвы—вдругъ глупый дроздъ, посаженный въ столъ и прикрытый фуражками, запищалъ, вырываясь изъ подъ фуражекъ... Изъ глазъ Данила Степановича, казалось намъ, сверкнули молніи... У меня сердце застучало такъ громко, что, казалось, и его біеніе услыхалъ Данило Степановичъ... Дроздъ опять запищалъ.

— Что это? спросилъ Данило Степановичъ такимъ голосомъ, что мы готовы были умереть отъ страху; но мы молчали.

Дроздъ опять запищалъ громче прежняго.

— А! сказалъ Данило Степановичъ—и участь виновныхъ была рѣшена.

Дрозда вынули изъ подъ фуражекъ и тѣхъ несчастныхъ, кому

принадлежали эти фуражки, жестоко высѣкли. Впечатлѣнія этого дня такъ врѣзались въ моей памяти, что до сихъ поръ воспоминаніе о кубическихъ корняхъ неразлучно связано съ воспоминаніемъ о молодомъ дроздѣ и о сценѣ наказанья.

Какъ бы то ни было, время, которое сильнѣе всего на свѣтѣ, отчасти помирило и меня съ окружающею средой. Да и къ чему человѣкъ не присмотрится? къ чему не привыкнетъ? Привыкаютъ и не къ тому, къ чему мнѣ, ребенку, приходилось привыкать. Правда, врожденное или благопріобрѣтенное человѣкомъ чувство справедливости говорило и въ ребенкѣ, что вотъ то и то не хорошо, то обидно, другое унизительно; но вѣдь дѣтскій умъ доходитъ до пониманія и и того что хорошо, и того что̀ гадко только при возможности ставить на одну доску и то и другое, доходитъ сравненіемъ и опытомъ, если не узнаетъ этого древа познанія отъ разумнаго вліянія другого лица, другой среды, которая научитъ его видѣть въ дурномъ дурное и хорошое въ хорошемъ. Между тѣмъ прежняя среда кладетъ на него печать своего вліянія и большого труда будетъ стоить потомъ реставрація внутренней гармоніи человѣка, нарушенной съ дѣтства вліяніемъ извращенной среды. Если то, что̀ я видѣлъ страннаго въ моей училищной жизни, не казалось мнѣ вполнѣ хорошимъ, то едва ли казалось положительно дикимъ; другого я не видалъ, а потому не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было внутреннемъ антагонизмѣ, о какой бы то ни было борьбѣ противъ того, что̀ естественно должно было вызывать борьбу и протестъ со стороны всего разумно-направленнаго. Притомъ же меня сначала полюбили за трусость, которая выражалась прилежаніемъ, и лично за себя мнѣ нечего было возмущаться; потомъ къ трусости прибавилось другое гаденькое качество — тщеславіе, нежеланіе попасть въ разрядъ «ословъ», а стремленіе быть записаннымъ на «красной доскѣ»,—и только къ концу моей училищной жизни въ сознаніе мое богъ вѣсть откуда запала маленькая искра лучшаго чувства, котораго я не стыжусь, но которое всетаки, можетъ быть, родилось изъ трусости и тщеславія: — это собственно желаніе знать что̀-нибудь. Но если смотрѣть на дѣло безпристрастно, то едва ли заслуживаютъ обвиненія всѣ эти Данилы Степановичи и Иваны Ивановичи за то, что они по своему понимали дѣло воспитанія, что ихъ ничто не научило понимать его по человѣчески: это то же что негодовать на великаго князя Ярослава зато, что онъ не знакомъ былъ съ кодексомъ Наполеона и положилъ за

урѣзаніе пальца шесть гривенъ, а за вытрепываньe у ближняго бороды или уса 12, за убійство же холопа и смерда только 5 гривенъ. Наше же училищное начальство говорило обыкновенно, строго наблюдая, чтобы воспитанники отдавали честь каждому штабъ и оберъ-офицеру: «не снялъ фуражки передъ хорунжимъ—двадцать лозановъ, передъ сотникомъ—полсотни, не отдалъ чести войсковому старшинѣ—вся сотня». Впрочемъ на дѣлѣ не существовало такой строгой таксаціи сѣченья за хорунжаго или за сотника; иной хорунжій обходился не дешевле генерала.

— Да, господа, говорилъ намъ всегда при этомъ сторожъ, инвалидъ-казачишка:—передъ начальствомъ гдѣ-гдѣ надо останавливаться, чтобъ успѣть прочесть три раза про себя молитву Іисусову, пока онъ поровняется.

— И ты всегда читаешь, Гавриловъ? спрашивали мы его.

— Какъ не читать? читаю, и аминь всегда говорю.

Даже Петруша, характеръ котораго казался мнѣ болѣе упругимъ, чѣмъ мой собственный, видимо акліматизировался въ окружающей насъ средѣ и мало по малу пріобрѣталъ воинственныя наклонности, такъ что когда намъ въ послѣднемъ классѣ задавали темы для сочиненій (помню одну тему: «Впечатлѣніе перваго боя съ черкесами»), Петруша написалъ столько ужасовъ, которые будто бы производилъ онъ собственной особой въ описываемой имъ битвѣ, что случившійся при чтеніи его кавказскаго письма посѣтитель немалаго ранга, принужденъ былъ замѣтить ему: «А въ какомъ чинѣ ты это пишешь?»

— Я... я... говорилъ запинаясь храбрый Петруша:—я эсаулъ... штабсъ-капитанъ.

— Ну это не эсаульскій слогъ и не штабсъ-капитанскій, возразилъ посѣтитель:—такія храбрости можетъ дѣлать только герой... Это слогъ графскій, платовскій, а ты такъ не смѣешь писать — молодъ.

При этомъ учитель объяснилъ намъ различіе слоговъ низшаго, средняго и высшаго: «Низшимъ, говорилъ онъ, можетъ писать всякій, начиная отъ простого казака до хорунжаго, среднимъ—отъ хорунжаго до генералъ-маіора, а высокій слогъ предназначенъ для лицъ высшаго положенія: высокимъ слогомъ могъ писать графъ Платовъ, генералъ Кутайсовъ, тоже можетъ употреблять этотъ слогъ наказный атаманъ... Впрочемъ, это правило не всегда соблюдается».

Однако учитель постарался успокоить этого просвѣщеннаго блюстителя россійскаго слога, сказавъ, что слогъ, которымъ написано сочиненіе Петруши, приличествуетъ ему, господину блюстителю.

— И то отчасти, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, только отчасти: до права писать возвышеннымъ слогомъ я не дослужилъ еще два мѣсяца—скоро буду представленъ, сказалъ самодовольно блюститель слога.

Послѣ того ни я, ни Петруша не смѣли писать высокимъ слогомъ, да едва ли когда и будемъ имѣть это право, ибо достиженіе видныхъ чиновъ трудно, а жизнь коротка.

Отрываясь отъ грустныхъ воспоминаній школьной жизни, которая была такъ бѣдна содержаніемъ и такъ обидно-мало давала пищи уму и развитію, я съ невольнымъ біеніемъ сердца останавливаюсь на тѣхъ воспоминаніяхъ, на тѣхъ впечатлѣніяхъ дѣтства, на тѣхъ моментахъ, которыми обставлена была вся внѣшняя и внутренняя жизнь моя, въ соприкосновеніи съ которыми выработывались хорошія и дурныя наклонности ребенка, мало по малу гранился его дѣтскій характеръ, обозначались черты и качества будущаго человѣка... Мое дѣтство представляло полную свободу саморазвитію, потому что оно протекало на полной безграничной волѣ. Впечатлительному дѣтскому сердцу былъ открытъ свободный притокъ и хорошаго и отвратительнаго вліянія среды и обстоятельствъ. Конечно, такая жизнь или окончательно портитъ и убиваетъ человѣка, или дастъ ему возможность выработаться самому, взять и усвоить хорошее и окончательно отвергнуть все негодное, отвернуться свободно, по собственной волѣ и выбору, отвернуться сознательно отъ того, отъ чего никогда не отвернется другой человѣкъ, вырощеный подъ другими условіями, человѣкъ, котораго въ дѣтствѣ тащили къ хорошему, безъ участія его собственнаго сознанія. Свободное развитіе дастъ возможность и свободнаго выбора въ жизни и убѣжденіяхъ: что я самъ выбралъ и усвоилъ, то уже всегда будетъ моимъ, потому что я умѣлъ самъ найдти его; а кому другіе дадутъ хорошее, у того также легко и возмутъ его другіе. Ребенкомъ я разумѣется не погружался въ этотъ міръ отвлеченностей, и не могъ болѣе или менѣе сознательно анализировать свою внутреннюю жизнь, однако какая-то

почти безсознательная упругость воли вела меня не той дорогой, на которую повидимому должно было толкать все окружающее.

— Кому не чѣмъ думать, такъ тотъ пусть и дѣлаетъ что велятъ другіе, говорилъ намъ бывало нашъ учитель Данило Степановичъ, когда мы рѣшали ариѳметическія задачи по своему, не такъ какъ значилось въ книгѣ.

И мнѣ казалась странною такая претензія Данила Степановича: «Отчего же, разсуждалъ я самъ съ собой, нельзя мнѣ думать, когда Данило Степановичъ думаетъ? Можетъ быть, я еще малъ? — Такъ когда же начинать думать?..» И я внутренно сомнѣвался въ справедливости словъ Данила Степановича и въ глубинѣ своей совѣсти—протестовалъ. Но тогда же мнѣ приходило на память раздѣленіе слога на возвышенный, средній и низкій, изъ которыхъ каждый могъ употребляться только сообразно чину пишущаго. Мнѣ припоминалась также принятая въ нашемъ училищѣ строгая градація сѣченья тоже по чинамъ. Вся сила моихъ логическихъ доводовъ падала передъ этими непоколебимыми истинами, все разбивалось объ эту стѣну;—а между тѣмъ воображеніе работало еще усиленнѣе, уносилось туда, гдѣ не было этихъ стѣснительныхъ рамокъ, этой скучной, подавляющей морали. И чѣмъ меньше пищи давала разсудку окружающая меня жизнь, чѣмъ безобразнѣе былъ этотъ внутренній міръ другихъ, куда силою тянули и насъ дѣтей, тѣмъ неудержимѣе фантазія рвалась за предѣлы этого тѣснаго міра... Ученье было такъ скучно, такъ рутинно; стѣны училища такія грязныя, черная доска глядѣла такъ непривѣтливо, а ряды цифръ, дробей десятичныхъ и простыхъ, треугольники, квадраты и ромбы, написанные на этой доскѣ, представлялись живыми свидѣтелями нашего дѣтскаго горя, нашихъ слезъ, скуки, стыда и незаслуженныхъ оскорбленій; — вотъ объ этотъ уголъ доски колотили головой Петю Макарова за приведеніе дробей къ одному знаменателю; а вотъ тамъ еще и теперь видны слѣды того треугольника, начерченнаго со злобой учителемъ, когда насъ всѣхъ пересѣкли за неумѣнье отличить гипотенузу отъ катетовъ... Въ это время въ окно влетѣла ласточка; крикъ удивленія невольно вырвался у кого-то изъ незнавшихъ различія гипотенузы и катетовъ,—и снова исторія, снова грозный крикъ и хлопанье чернобыльника, снова слезы... А за окномъ такъ хорошо, такой чудной зеленью одѣлся садъ Сенюткиныхъ, такъ и кажется, что пока насъ сѣкутъ, зеленая трава такъ и тянется къ солнцу изъ влажной, теплой земли на кладбищѣ и по окраинамъ буера-

ка, гдѣ слышится столько разнородныхъ птичьихъ голосовъ, гдѣ такъ смѣло, безъ насъ, изъ норы въ нору, перебѣгаютъ зеленыя ящерицы, такъ дерзко свистятъ суслики, точно догадываясь, что мы теперь не страшны для нихъ, что насъ сѣкутъ за гипотенузу.

И жарко молился я, возвратившись домой и случайно спасшись отъ общаго сѣченья, всѣмъ дѣтскимъ сердцемъ отдался я этой молитвѣ, чтобы только богъ вразумилъ меня насчетъ катетовъ и гипотенузы... Высоко залѣзъ я съ геометріей на повѣть, гдѣ лежала свѣжая, душистая, только-что скошенная трава, усердно учился я тамъ, вдали отъ всякаго соблазна, вдали отъ людей, а между тѣмъ ученье не шло, книга вывалилась изъ рукъ, глаза слѣдили за полетомъ коршуна, который спускался на сосѣдній дворъ... И сердце мое билось ускореннымъ біеніемъ, потому что я зналъ куда направляетъ свой полетъ этотъ гадкій коршунъ; я зналъ, что на сосѣднемъ дворѣ, маленькіе гусята щиплютъ зеленую травку, — и мнѣ было страшно за нихъ и досадно на коршуна... А тутъ около самой головы моей кружится пчела, и я знаю, что она сядетъ на тотъ цвѣтокъ, около котораго лежитъ моя геометрія... А вдали голубой Донъ, песчаная коса, зелень за Дономъ, еще дальше степь, лѣсъ... Ко мнѣ доносятся голоса пѣсни, что поютъ казаки подъ горой; я вижу рыбацкія лодки, вижу какъ старый казакъ вытаскиваетъ изъ воды свою сѣть, и мнѣ хочется знать много ли рыбы положитъ онъ въ свой каюкъ... И — боже мой! сколько голосовъ, сколько чудныхъ звуковъ отражаетъ эта прозрачная синева неба, сколько черныхъ точекъ мелькаетъ надо мной въ высотѣ, и точки эти плаваютъ, уменьшаются, исчезаютъ, — и за всѣми слѣдитъ мой глазъ, за всѣми рвется мое сердце... Столько жизни надо мной, въ воздухѣ, надъ водой,—и я живу этой общей жизнью, я сливаюсь съ нею, забываю, что я индивидуумъ, что я долженъ знать различіе катетовъ и гипотенузы...

Но вотъ мое лѣнивое ученье и мое невольное созерцаніе природы прерываются знакомыми голосами тамъ внизу на дворѣ:

— Послушай, Конинъ, раздается голосъ моего брата Петруши:— мы сегодня идемъ къ монастырю; хочешь съ нами?

— Хочу. А урокъ изъ геометріи приготовилъ?

— Да я ничего не понимаю. Вѣдь онъ ничего не растолковалъ?

— Ну, будетъ же намъ опять за эту гипотенузу.

— Все равно побьетъ за что нибудь, такъ ужь лучше сходимъ.

И я поддавался обаянью—уходить куда нибудь вдаль отъ станицы, бродить по лѣсу, по степи, карабкаться по оврагамъ; я забывалъ геометрію, быстро сходилъ съ повѣти и присоединялся къ общему кружку товарищей, гдѣ Петруша суетился и отдавалъ приказанія насчетъ экспедиціи.

— Ты, Синцовъ, возьми свою большую палку съ острымъ концомъ: тамъ есть въ одной норѣ змѣя, такъ ее надо выкопать.

— А перочинный большой ножикъ взять?

— Взять.

— А у тебя, Копинъ, спички есть?

— Есть. Я взялъ у своей няньки и табаку нюхательнаго: мы тамъ найдемъ ежа; вотъ какъ я ему дамъ табачку понюхать, такъ онъ начнетъ чихать.

— А ты не видѣлъ какъ суслики чихаютъ?

— Видѣлъ.

Мы выходили изъ станицы, чтобъ по окраинѣ горъ, тянущихся вдоль праваго берега Дона, идти къ монастырю, и едва проходили нѣсколько шаговъ, какъ передъ нашими глазами открывался Донъ, окаймленный по ту сторону невысокимъ и рѣдкимъ, но такимъ зеленымъ, такимъ красивымъ лѣсомъ. Изъ подъ горы доносятся къ намъ тоскливые звуки давно знакомой намъ пѣсни, и мы слышимъ что это не казацкая, не визгливая пѣсня, а пѣсня русскаго батрака, богъ вѣсть откуда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, притащившагося въ станицу съ котомкой за плечами, и бродившаго по дворамъ въ качествѣ работника; пѣсня, подъ голосъ которой всегда хотѣлось плакать (эту пѣсню я потомъ слышалъ въ Россіи, и всегда вспоминалъ одинокого батрака, надъ которымъ почти всѣ смѣялись въ станицѣ)... И чѣмъ дальше мы шли по горѣ, тѣмъ шире дѣлался горизонтъ зрѣнія, тѣмъ открытѣе становилась задонская степь, тѣмъ синѣе казалась синяя даль, а пѣсня батрака, стихая вдали, становилась тоскливѣе и тоскливѣе, точно плакалась она на горькую жизнь, на частыя слезы и безрадостную долю...

— И объ чемъ это все плачетъ русскій батракъ, спрашивалъ кто-то изъ насъ, оборачиваясь назадъ.

— Да развѣ онъ плачетъ?—это у нихъ, у русскихъ, ужь такія пѣсни.

И мы рѣшали, что у русскихъ ужь такія пѣсни страпныя, съ такими невеселыми голосами, — и какъ бы по аналогіи я вспоминалъ

слѣпыхъ нищихъ, которыхъ видѣлъ иногда на станичной ярмаркѣ и которые тоже всегда пѣли такъ невесело.

Тоскливые звуки пѣсни замирали наконецъ вдали и батракъ забывался, когда Петруша предлагалъ маленькой экспедиціи скатить въ Донъ одинъ изъ огромныхъ камней, торчавшихъ на краю горнаго обрыва.

— Давайте спустимъ въ Донъ вотъ этого черкеса, говорилъ онъ, вскакивая на одинъ изъ самыхъ большихъ плитняковъ, выдававшійся изъ земли и не падавшій съ обрыва потому только, что его поддерживали поросшіе вокругъ него корни разныхъ горныхъ растеній.

— Смотри, Слѣпченко, слетишь, кричалъ Конинъ больше изъ зависти, чѣмъ изъ страха за товарища, и самъ хотѣлъ карабкаться на то же опасное мѣсто.

— Не слечу, говорилъ Петруша, принимая самую геройскую позу: — вы всѣ трусы, а еще казаки... Вы такъ и въ Грузіи будете бояться ходить по горамъ за черкесами.

— Нѣтъ, не будемъ бояться, возражалъ Конинъ, и храбро приступалъ къ Петрушѣ.

Даже я, менѣе другихъ склонный къ геройству, потому что былъ и меньше другихъ и слабѣе, воспламенился храбростью и полѣзъ за Конинымъ, но въ эту минуту Петруша соскочилъ съ камня и онъ съ шумомъ покатился внизъ по горѣ... По пути онъ сбивалъ другіе камни, ломалъ попадавшіеся сухіе стволы боярышника, дѣлалъ иногда прыжки, когда на пути встрѣчалась какая-нибудь преграда, и наконецъ съ цѣлою массою камней, слѣдовавшихъ за нимъ, свалился въ Донъ... Мы были въ восторгѣ...

— Ахъ пострѣломъ бы васъ пострѣлило! раздался гдѣ-то надъ нами женскій голосъ, и мы увидѣли изъ за пыли, образовавшейся отъ обрушенныхъ камней, что по узкой тропинкѣ, зигзагами идущей отъ берега Дона на крутизну горы, старая казачка ведетъ на веревкѣ козу, которая забралась въ такія трущобы, что только съ помощью веревки могла выйдти на открытое мѣсто, а теперь упиралась, испуганная шумомъ падающихъ камней, и тащила казачку назадъ.

Мы громко хохотали и надъ своей выдумкой, и надъ усиліями казачки. Внизу виднѣлась рыбачья лодка и сидѣвшій въ ней казакъ-рыболовъ грозилъ намъ своимъ весломъ. Въ отвѣтъ ему мы скатили съ горы цѣлую кучу камней и отправились своей дорогой.

А по дорогѣ было такъ весело, такъ привѣтливо смотрѣла весен-

няя зелень, такъ много было значенья во всѣхъ звукахъ окружающей насъ природы, и хотя я не прислушивался къ нимъ, хотя собственно не поражало меня ни пѣнье птицъ, ни зелень травы и кустарника, ни синева неба и задонской дали, ни картина Дона въ отдѣльности, однако все это точно какимъ очарованіемъ дѣйствовало на душу и было такъ хорошо, такъ безотчетно хорошо и легко на сердцѣ. Я забѣгалъ далеко впередъ отъ товарищей и ложился гдѣ-нибудь въ траву подъ зеленымъ, кудрявымъ боярышникомъ, и слышалъ какъ сердце мое стучало отъ какого-то волненія и внутренней радости. Я слышу издали веселый смѣхъ Конина, слышу голосъ брата Петруши, который отыскалъ гдѣ-то змѣю и извѣщаетъ объ этомъ товарищей. Надо мной вьются и жужжатъ пчелы, въ травѣ слышится какой-то шелестъ, изъ-за Дона доносится гугнявое кукованье кукушки, а по временамъ въ оврагѣ раздается монотонное, усыпляющее постукиванье потатуйки... Что-то щелкнуло въ травѣ подъ боярышникомъ... Я поднялъ голову — ничего нѣтъ, все тихо... Потатуйка точно плачетъ, тоскуетъ о чемъ-то, и мнѣ самому становится не то грустно, не то весело, — а какъ будто плакать хочется... И вспоминаются мнѣ другія, болѣе раннія картины дѣтства. Я закрываю глаза, подложивъ руки подъ голову и безсознательно прислушиваюсь къ однообразному крику потатуйки... Вотъ задрожала верхушка боярышника, что-то пробѣжало по травѣ. Я открываю глаза — это легкій вѣтерокъ съ Дона пронесся по вершинамъ кустарника и задѣлъ листья боярышника. Все тихо, только небо кажется еще голубѣе... А потатуйка все стучитъ и плачетъ, и кукушка все гугнявитъ гдѣ-то въ чащѣ задонскаго лѣса... Господи какъ хорошо!...

«Сумма катетовъ больше гипотенузы», — богъ вѣсть откуда врывается въ мою голову эта фраза, и сердце сжимается какой-то болью, и очарованіе исчезаетъ. Предо мною встаетъ суровая фигура Данила Степановича, рисуется черная классная доска, вся исчерченная мѣломъ, на меня точно смотрятъ запуганныя лица товарищей; я слышу какъ бьется мое сердце; меня уже давитъ тоска, — хотя надо мной все то же голубое небо, вокругъ все та же чудная зелень, тѣ же птицы поютъ, что пѣли пять минутъ тому назадъ. Только уже исчезла гармонія цѣлаго; безобразная, глупая дѣйствительность, нелѣпое ученье, безтолковые и безсердечные учителя, — всѣ эти грубые образы и невеселыя картины ворвались силою въ чудный міръ моей фантазіи и дѣтскаго самосозерцанія — и все помяли, все пере-

путали. Смутно сознаю я, что одной природой жить нельзя, что дикая жизнь въ лѣсу, въ степи, среди зелени и гармоническихъ звуковъ природы — не призванье человѣка; что назначеніе его — трудъ, знаніе, развитіе, но боже мой! гдѣ же это развитіе, когда и познанія передаются намъ такъ тупо, система нашего образованія такъ скучна и тягостна. Въ томъ, что̀ должно было развивать, я не видѣлъ ничего привлекательнаго и разумно могущаго занять и умъ, и воображеніе; а въ лѣсу, въ степи, среди зелени занято было по возможности и то, и другое; по крайней мѣрѣ, гдѣ нибудь въ оврагѣ, на берегу Дона, на высокомъ деревѣ, куда мы взбирались въ качествѣ орловъ или разбойниковъ, надъ нами не тяготѣла рука наставника, насъ не тѣснила классная атмосфера, нашему развитію — положимъ физическому — не мѣшали глупыя выдумки глупыхъ людей. Да и богъ знаетъ что̀ больше портило насъ: дикая ли свобода, которою мы наслаждались подобно всякому живому, вольному существу, или разумное вмѣшательство людей коверкавшихъ насъ по своему, на свой изуродованный образецъ... Зато ужь и съ одной природой далеко не уйдешь, — и мы дѣйствительно не далеко ушли, хотя знали каждую былинку въ полѣ, отличали и понимали сердцемъ каждый звукъ въ природѣ, — и «говоръ древесныхъ листовъ» понимали и чувствовали «травъ прозябанье», и съ нами какъ съ Гёте, говорила хотя не морская, а рѣчная волна.

Къ тому мѣсту, гдѣ я лежалъ, стали собираться съ разныхъ сторонъ мои товарищи, и каждый говорилъ что сдѣлалъ, что видѣлъ, гдѣ былъ, и каждый хвалился своими трофеями; братъ Петруша открывалъ шествіе, поднимая на длинной палкѣ, вмѣсто знамени, убитую имъ сѣрую змѣю, аршина въ полтора длиною; Конинъ тащилъ за собой на веревочкѣ перевязанныхъ нитками сѣрыхъ и зеленыхъ ящерицъ, нѣсколько своръ, которые обязаны везти его перочинный ножичекъ; Баевъ тащилъ въ платкѣ ежа, намѣреваясь заставить его нюхать табакъ; кто несъ собранные по разнымъ гнѣздамъ птичьи яйца всѣхъ величинъ и цвѣтовъ, начиная отъ сорочьихъ и вороньихъ и кончая дроздовыми, сизоворонкиными и стрижевыми. Послѣ всѣхъ пришли братья Е-вы, жившіе съ нами на одной квартирѣ, и за ними тащился, повидимому въ мрачномъ расположеніи духа, Петръ Виденинъ.

— Что вы несете? кричалъ имъ братъ Петруша, завидѣвъ у нихъ въ рукахъ что-то завернутое въ большіе листья лопуха.

— Медъ.

— Какой медъ?

— Да медъ сладкій, какъ настоящій медъ.

— Да гдѣ же вы его взяли?

— Мы нашли цѣлое гнѣздо земляныхъ пчелъ и вырыли пчелъ.

— Да! вы вырыли, — вмѣшался обиженный Виденинъ, — вы только раздразнили пчелъ, и они меня вонъ какъ искусали.

Дѣйствительно бѣдный Виденинъ былъ искусанъ пчелами. Когда они отыскали гнѣздо и сказали Виденину, что тамъ медъ, онъ какъ одинъ изъ меньшихъ учениковъ въ нашей компаніи и еще не посвященный во всѣ тайны природы, бросился разрывать землю, ничѣмъ не защитивъ ни лица, ни рукъ, и хотя отрылъ гнѣздо, однако раздраженныя пчелы отомстили ему раззоренье ихъ жилья. Братъ Петруша на общемъ совѣтѣ положилъ: за храбрость и за раны дать Виденину меду больше всѣхъ, а Конинъ подарилъ ему пару связанныхъ ящерицъ, которые вскорѣ и бѣжали отъ него.

Потомъ мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ прибрежныя горы образуютъ склонъ къ Дону и гдѣ мы обыкновенно сходили съ горы чтобы купаться, бросать камни въ воду или дѣлать какіе нибудь другіе удивительные подвиги. Я снова бѣжалъ впередъ къ своему любимому мѣсту и всегда оставался тамъ долго-долго, раздумывая о грустномъ событіи, которое въ народномъ преданіи связано съ этимъ мѣстомъ. Почти на самомъ берегу Дона, у подошвы горы, стоитъ одинокая часовня. Она очень ветха и крестъ, поставленный на верхушкѣ, давно свалился на бокъ, и крыша ея давно зеленѣетъ отъ поросшаго мѣстами мха и нѣкоторыхъ ползучихъ растеній. Въ окошко, сдѣланное, помнится, на западной сторонѣ часовни; виднѣются наваленные кучею черепа человѣческіе и кости разныхъ величинъ и цвѣтовъ, бѣлыя и совершенно желтыя; мѣстами виднѣются клочки черной одежды, преимущественно грубой власяницы, какую обыкновенно носятъ монахи; между костями и черепами торчатъ клочки волосъ и сѣдыхъ и рыжихъ и совершенно черныхъ; видны кой-гдѣ остатки большихъ длинныхъ русыхъ косъ, повидимому нѣкогда роскошныхъ; когда косы эти еще спускались по живымъ плечамъ и когда черепа, теперь обнаженные, страшные, съ беззубыми челюстями, были еще покрыты живою кожею и подъ черепами этими жила мысль человѣческая, — а сердце, котораго и слѣдовъ теперь не осталось, еще билось, любило и страдало. Сквозь иные черепа, лежавшие ближе къ землѣ и смачиваемые иногда дождемъ, проростала мѣстами зеле-

ная травка. Страшны были именно тѣ черепа, которые изъ цѣлой кучи костей точно смотрѣли на васъ глубокими, черными, пустыми орбитами, гдѣ были нѣкогда глаза, можетъ быть красивые, живые какого бы ни было цвѣта, — и страшны были эти черепа именно тѣмъ, что случайно положенные между другими костями, они уложились такъ, будто выглядывали на свѣтъ божій... Страшно было именно то, что они напоминали о жизни, тогда какъ другіе черепа смотрѣли простыми бѣлыми костями.

Вотъ что говоритъ преданіе объ этой часовнѣ.

Нѣкогда на этомъ мѣстѣ, на самомъ берегу Дона, по склону и уступамъ горъ, крутыми обрывами спускающихся къ рѣкѣ, стоялъ женскій монастырь. Горы эти, какъ и многія изъ горъ, лежащихъ по правому берегу Волги, иногда осѣдаютъ; «осѣды» происходятъ оттого что, — подмываемыя съ одной стороны, у подошвы, упоромъ рѣчной воды, а съ другой разрыхляемыя, съ вершины, просачивающеюся снѣговою и дождевою водою, которая, образуя внутри горъ водяныя котловины и пробиваясь наружу родниками, ослабляетъ твердость почвы, — горы эти иногда падаютъ, «осѣдаютъ», т. е. наружные обрывы ихъ, такъ сказать, сползаютъ къ рѣкѣ и давятъ все, что попадается имъ у подошвы, и загораживаютъ часть рѣки, заваливая берегъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Когда на горѣ стоитъ жилье, то и жилье сползаетъ къ рѣкѣ и разрушается; когда жилье стоитъ подъ горой, то осѣдомъ земли или уноситъ его въ рѣку или окончательно сдавливаетъ и уничтожаетъ. Когда осѣды бываютъ медленны, то люди спасаются, а когда осѣды происходятъ мгновенно, особенно ночью, то гибнутъ иногда и люди.

Преданіе говоритъ, что въ одну ночь монастырь завалило горой, часть его сдвинулась въ Донъ и скрылась подъ водою, а другая, стоявшая по склону горы, засыпана землей. Обитатели монастыря или погибли подъ водой или задохлись подъ обрушившимися массами земли и камней. Сорокъ дней и сорокъ ночей слышенъ былъ изъ-подъ земли гулъ и стонъ человѣческій.

Но время проходило и Донъ своими волнами подмывалъ берегъ: изъ подъ земли являлись на свѣтъ божій остатки людей, — то черепъ съ уцѣлѣвшей сѣдой или черной косой, то клочки власяницы, то просто кости человѣческія. На этомъ мѣстѣ построили часовню и складывали въ нее кости и черепа, и косы, и власяницы. И смѣшались въ часовнѣ всѣ кости монастырскихъ обитателей: кости настоятель-

ницы смѣшались съ костями послѣдней монастырской служки, коса, украшавшая хорошенькое лицо, найдена съ черепомъ какой-нибудь безобразной старухи и брошена въ кучу съ прочими костями.

Новый монастырь выстроенъ былъ потомъ на другомъ мѣстѣ, хотя въ виду погибшаго, однако уже не на склонѣ горы, а въ долинѣ, образуемой уступами исчезающаго въ степи подонскаго горнаго хребта.

Каждую весну или донская вода, или ручьи снѣговой воды по глубокимъ водороинамъ стекающіе въ Донъ, вымывали изъ земли то черепъ или русую косу монахини, то ребра, то другія части человѣческихъ скелетовъ, и все это благочестивые прохожіе сбрасывали въ часовню, въ кучу:—при звукѣ-де страшной трубы архангела каждая косточка найдетъ свою парочку, никто не возьметъ чужой ноги и рыжая сестра Дарья не покорыствуется на русую косу сестры Марьи—всѣ разберутся...

Когда я подходилъ къ часовнѣ, изъ окошечка вылетѣлъ дроздъ, сѣлъ на покосившійся крестъ и сталъ чиликать, повертываясь изъ стороны въ сторону и потряхивая крылышками. Я догадался, что у него гдѣ-нибудь въ часовнѣ свито гнѣздо, и дѣйствительно, въ одномъ отверстіи, образуемомъ двумя сложенными вмѣстѣ полураздавленными черепами, виднѣлась сухая соломка, клочки полыни и всѣ признаки птичьяго жилья... Въ безжизненныхъ черепахъ — жизнь, семейное счастье дрозда, его пискливые дѣти...

Я долго смотрѣлъ на страшные черепа... Голоса товарищей слышались вдали—они заняты были своимъ дѣломъ; имъ было весело; вокругъ часовни, напротивъ, все было тихо, точно все, кромѣ дрозда, умерло здѣсь,—только Донъ тихо журчалъ у берега, обмывая попеременно всѣ камни, сунувшіеся съ горы во время ея печальнаго осѣда, когда погибъ монастырь... Мнѣ стало вдругъ страшно; мнѣ показалось, что одинъ глазъ у черепа, смотрѣвшаго прямо на меня, блеснулъ какъ живой?... Я чуть не вскрикнулъ отъ ужаса... Я сталъ всматриваться больше отъ страха, чѣмъ изъ желанія узнать истину,—изъ глазной орбиты одного черепа выглянула ящерица и спряталась.

— Ты что тутъ ворожишь? раздался за мною чей-то голосъ.

Замечтавшись, стоя у часовни, я не распознавалъ сначала, кто окликалъ меня; но, очнувшись отъ забытья, я увидѣлъ, что за мной стоитъ Конинъ.

— Ты что ворожишь?

— Такъ, смотрю, отвѣчалъ я.

— А я пришелъ поить своихъ лошадей.

И Конинъ въ два прыжка очутился у самой воды, вынулъ изъ фуражки двѣ тройки ящерицъ и сталъ ихъ тыкать головками въ воду.

— Пейте, мои кони,—устали, бѣдненькіе.

— Пусти ихъ, Конинъ, сказалъ я:—зачѣмъ мучить?

— Я ихъ не мучу.

— Подойди-ка сюда, Конинъ,—посмотри въ часовню: тамъ одинъ мертвецъ шевелитъ глазомъ и моргаетъ... У него глазъ свѣтится какъ у живаго.

— У котораго это?

— Вонъ у того, что около сѣдой косы.

Конинъ началъ всматриваться... Ящерица вдругъ высунула головку изъ одной глазной орбиты, потомъ юркнула назадъ въ черепъ, выглянула снова въ другое глазное отверстіе...

— Охъ, какъ страшно!..

Конинъ весь задрожалъ и пустился бѣжать... Я былъ радъ, что напугалъ одного изъ нашихъ первыхъ храбрецовъ, и сталъ надъ нимъ смѣяться. Когда подошли другіе товарищи, я имъ разсказалъ свою продѣлку съ Конинымъ и его подняли на смѣхъ. Петруша по обыкновенію храбрился больше всѣхъ и не давалъ Конину покоя.

— За чѣмъ же ты пѣшкомъ бѣжалъ, говорилъ онъ Конину, когда у тебя есть лошади? Гдѣ твои ящерицы?—что жъ ты на нихъ не ускакалъ?

— Ящерицы?

— Да, ты что жъ на нихъ не улизнулъ отъ мертвеца?

— Знаешь, Петруша, онъ ихъ поилъ водой, сказалъ я.

Коникъ погрозилъ мнѣ кулакомъ.

— Гдѣ жъ твои лошади? приставалъ Петруша.

Конинъ побѣжалъ къ водѣ и не нашелъ ящерицъ:—онѣ заползли куда-то подъ камни.

— Ушли.

Однако лица всѣхъ стали какъ-то печальны, задумчивы, когда мы собрались около часовни и стали заглядывать въ окошечко.

— Вотъ и всѣ мы будемъ такіе же, замѣтилъ Виденинъ, на котораго, послѣ похожденія съ земляными пчелами, напала меланхолія.

— Нѣтъ, ты не будешь такой, потому что ты не изъ нашего класса, возразилъ Петруша.

Всѣмъ показалось это остроумнымъ и всѣ засмѣялись. Прохоръ Баевъ, который былъ-таки порядочно тупъ, хотя и ловко ѣздилъ верхомъ, началъ разсуждать:

— Говорятъ, что на страшный судъ соберутся всѣ мертвецы: всѣ встанутъ изъ гробовъ; кого волкъ съѣлъ, того волкъ принесетъ на судъ и отдастъ, кого съѣла рыба—такъ рыба принесетъ...

— А если я тебя съѣмъ, такъ ты думаешь, что стану съ тобой таскаться, осадилъ его Петруша.

Но Прохоръ Баевъ не унывалъ. Онъ слѣпо вѣрилъ всему, что ему наговорили старухи-казачки. Да и мы всѣ вѣрили многому.

— Всякая косточка придетъ на судъ, продолжалъ онъ, тупо уставившись глазами на часовню.

— А кто жъ принесетъ палецъ нашего сторожа Гаврилова, что у него свинья откусила и съѣла? приставалъ Петруша:—вѣдь свинью потомъ съѣлъ самъ смотритель...

— Ну, смотритель и принесетъ, замѣтилъ Конинъ, къ которому возвратилось его прежнее расположеніе духа.

Грустью однако жъ вѣяло на меня отъ этого печальнаго мѣста и какъ ни впечатлительно дѣйствовало все окружающее, мнѣ стало такъ же тяжело, какъ легко и отрадно было съ часъ тому назадъ, когда я лежалъ на горѣ подъ развѣсистымъ кустомъ боярышника. Такъ и чудилось мнѣ, что страдаютъ, тоскуютъ и ноютъ эти наваленныя въ кучу кости, и страшнымъ казалось мнѣ это полное разрушеніе человѣка, обидна была эта насмѣшка надъ жизнью, когда, напротивъ, камни, раздавившіе монастырь и жившихъ въ немъ людей, покойно лежали по береговому склону и, казалось, долго еще будутъ лежать. Цѣлымъ оставался осколокъ посуды, разбитой какою-нибудь черничкою монастыря, а между тѣмъ рука, разбившая эту посуду, давно сгнила, и отъ всей чернички уцѣлѣли двѣ, три кости изъ позвоночнаго столба. На вершинѣ горы виднѣлась дикая яблоня, такая старая, кудреватая, видѣвшая, можетъ быть, разрушеніе монастыря и смерть монашенокъ, срывавшихъ съ нея дикіе, кислые яблоки... А эти дикіе, кислые яблоки и теперь качаются на зеленыхъ вѣтвяхъ стараго дерева, и каждую весну дерево будетъ вновь цвѣсти... На уступахъ горы, во время осѣда образовавшей земляныя терассы, зеленѣла трава...

Мнѣ хотѣлось плакать, потому что я былъ порядочный плакса.

— Отчего это у однихъ череповъ есть зубы, а у другихъ нѣтъ? спрашивалъ наивный Виденинъ.

— Оттого что тебя мало сѣкли, оборвалъ его Петруша. Виденина это озадачило. Онъ не ожидалъ такого быстраго оборота рѣчи.

— Оттого, говорилъ Прохоръ Баевъ наставительно,—что одни монахини были старушки, беззубыя, а другія—молодыя, съ зубами.

— Оттого, повторилъ снова Петруша, что вы оба безъ мозгу, хоть и молодые, а Конинъ и старый (Конинъ былъ дѣйствительно старше насъ), а тоже безъ мозгу.

Конинъ бросился за братомъ; но тотъ убѣжалъ на гору и кричалъ оттуда, вооружившись камнемъ.

— И придетъ Конинъ на тотъ свѣтъ, и спросятъ его: «куда ты дѣвалъ свой мозгъ? не свиньи ли съѣли?» А свиньи скажутъ:» нѣтъ, мы не ѣли его». И спросятъ: «Не рыбы ли съѣли?» А рыбы скажутъ: «нѣтъ, мы не ѣли—нечего было ѣсть».

Конинъ окончательно возмутился и поклялся отомстить брату во что бы то ни стало. Но Петруша зналъ слабыя стороны Конина и предложилъ ему отправиться «палить острова».

Палить острова составляло одно изъ любимѣйшихъ нашихъ занятій, и никто въ этомъ случаѣ не умѣлъ такъ распоряжаться, какъ Конинъ. Въ глубокихъ оврагахъ, образующихся отъ стока дождевой и снѣговой воды, по скатамъ придонскихъ горъ, особенно гдѣ сходились два оврага, нерѣдко попадались утесистыя возвышенія или скалы съ плоскими поросшими травою вершинами, въ видѣ отдѣльно стоящихъ островковъ. Съ большимъ трудомъ мы взбирались на эти возвышенія и считали себя защищенными отъ всего міра, потому что не легко было вскарабкаться на утесъ, когда земля постоянно обваливалась въ глубокій оврагъ и когда при всякомъ неловкомъ шагѣ можно было свернуться въ пропасть и сломить себѣ шею. Зато какъ весело было, когда мы взбирались на одно изъ самыхъ неприступныхъ возвышеній и располагались тамъ отдыхать. Отдыхъ обыкновенно кончался тѣмъ, что Конинъ добывалъ огня, разводилъ маленькій костеръ, на который мы бросали сухую траву и попадавшіяся намъ корки растеній. Костеръ разгорался, зажигалъ траву, росшую на возвышеніи, вѣтеръ раздувалъ огонь, который все больше и больше распространялся, проходя отъ одного конца острова до другого. Намъ, конечно, угрожала опасность, какъ героямъ Купера, когда

дикіе индѣйцы зажигали американскія степи, и мы спасались, подобно троянцамъ, покидая островокъ на произволъ пламени, которое и прекращалось, когда выгорала вся трава. Мы, разумѣется, взбирались на другой островокъ или на возвышенный край оврага, и оттуда любовались твореніемъ рукъ своихъ.

— Знаешь ли, Конинъ, какой тамъ есть островъ—чудо? и какая высокая трава!—вотъ зажечь бы, говорилъ Петруша, бросивъ камень съ горы, такъ что онъ скатился въ Донъ, утащивъ съ собой нѣсколько другихъ камней.

Конинъ стоялъ все еще въ угрожающемъ положеніи и молчалъ. Мы обступили недовольнаго и стали его уговаривать согласиться на предложеніе, въ которомъ было столько обаятельнаго.

— Конинъ, душечка, веди насъ... Мы нарвемъ тебѣ сухой травы сколько хочешь.

Сердце Конина смягчилось и, погрозивъ брату кулакомъ, съ словами «то-то же смотри!»—онъ повелъ насъ на гору, гордясь оказаннымъ ему предпочтеніемъ. Мы шли всѣ разомъ почти въ кучкѣ, только Прохоръ Баевъ и Виденинъ нѣсколько поотстали, и слышно было, что Баевъ, поучалъ Виденина. Искусанный пчелами, Виденинъ слушалъ его очень внимательно.

— Вотъ хоть и смѣются они надъ нами, говорилъ Баевъ, таинственно, а все жъ таки такъ будетъ, какъ я говорю. Ужь я это знаю.

— А развѣ въ вашемъ классѣ учатъ этому? спрашивалъ Виденинъ.

— Нѣтъ, этому не учатъ; а у насъ на хуторахъ говорятъ, что непремѣнно все такъ будетъ, какъ я сказалъ... Мнѣ сама бабушка говорила.

— А не говорила тебѣ бабушка, что ты глупая баба? вмѣшался вдругъ Петруша, который уже шелъ рядомъ съ Конинымъ, пріятельски, и слышалъ какъ Баевъ поучалъ Виденина.

Баевъ насупился и замолчалъ.

— А знаете ли, говорилъ Конинъ,—одинъ мертвецъ очень похожъ на Данила Степановича:—тотъ что въ углу лежитъ... Такъ, кажется, и хочетъ спросить: «а чему равенъ квадратъ гипотенузы?»

— А мнѣ кажется, что онъ хочетъ спросить: «а гдѣ розги?»

Подъ шумокъ, Баевъ опять что-то толковалъ Виденину и дѣлалъ выразительные жесты руками.

Но вотъ мы взобрались на возвышеніе, о которомъ говорилъ братъ Петруша. Передъ нами снова открылась великолѣпная картина, и вдали виднѣлся монастырь съ его бѣлой каменной оградой и церковными крестами. Грустное впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ человѣческихъ костей, исчезло; я легко поддавался пріятному впечатлѣнію природы.

Подвигъ мы все-таки совершили, — островъ сожгли какъ будто и дѣло сдѣлали.

Въ это время прозвучалъ колоколъ монастырской церкви, и горы въ разныхъ мѣстахъ откликнулись глухимъ эхомъ на ударъ колокола. Звонили къ вечернѣ. Что-то особенное шевелилось у меня всегда на сердцѣ, когда я слышалъ монастырскій звонъ, и что-то таинственное сказывалось мнѣ въ звукахъ этого колокола, хотя онъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ колоколовъ, которые я привыкъ слушать въ станицѣ. Въ самый монастырь я всегда входилъ съ чувствомъ особеннымъ, какой-то внутренней тревоги и болѣзненнаго сжиманія сердца, можетъ быть потому, что я никогда прежде не видалъ монастырей, а наслышался объ нихъ еще въ дѣтствѣ много таинственнаго, много такого, что волнуетъ, шевелитъ дѣтское воображеніе и подчасъ наводитъ страхъ своей таинственностію.

Братъ Петруша и Конинъ скомандовали отправляться въ монастырь къ вечернѣ — и экспедиція отправилась въ путь, не упуская однако случая освидѣтельствовать каждый попадающійся на дорогѣ кустъ—нѣтъ ли въ немъ гнѣзда—и каждую норку. Только обиженные Баевъ и Виденинъ шли поодаль, и первый напѣвалъ послѣднему все, что только удалось молодцу слышать на своемъ вѣку, у себя на хуторѣ и въ станицѣ, въ кругу старухъ-раскольницъ.

— А въ Москвѣ сорокъ-сороковъ церквей и какъ зазвонятъ во всѣ колокола на пасху, такъ дома падаютъ, ораторствовалъ онъ, благо нашелъ слушателя.

— А сколько это сорокъ-сороковъ? спрашивалъ Виденинъ.

— Столько, сколько земляныхъ пчелъ въ гнѣздѣ, откуда ты меду досталъ, вмѣшался Петруша, которому до всего было дѣло.

И Баевъ и Виденинъ не отвѣчали на это замѣчаніе, только первый продолжалъ: «Сорокъ-сороковъ значитъ тысяча шесть сотъ, — вотъ сколько... Сорокъ умножить на сорокъ — и выйдетъ тысяча шестьсотъ».

— Да въ Москвѣ есть царь-колоколъ, такой большой какъ наше

училище, продолжалъ онъ. Какъ его стали поднимать на колокольню, онъ не пошелъ; а когда его высѣкли кнутомъ—онъ пошелъ.

— Отчего жъ онъ пошелъ? спрашивалъ удивленный Виденинъ.

— Такъ и пошелъ—послушался.

— Вотъ когда колоколъ высѣкли, онъ пошелъ; а когда Данило Степановичъ выпоролъ Баева, онъ все-таки дальше не пошелъ, — снова вмѣшался неотвязчивый Петруша, который особенно преслѣдовалъ Баева.

Робко однако вошли мы въ монастырскія ворота, снявъ фуражки передъ образомъ; даже Петруша и Конинъ присмирѣли. Что же касается до меня, то я какъ-то съёжился и съ какимъ-то страхомъ ступалъ по подмосткамъ, ведущимъ къ церкви. Такъ тихо казалось въ монастырѣ,—точно кладбищемъ вѣяло со всѣхъ сторонъ, и мнѣ почему-то чудилось, что вотъ я увижу всѣхъ мертвецовъ задавленныхъ горою, что это они съ того свѣта переселились на новое мѣсто и что они вѣчно живутъ и вѣчно будутъ жить въ этомъ печальномъ уединеніи. А между тѣмъ, вокругъ, зелень дышала такъ свѣжестью, воробьи и ласточки такъ весело трещали и вились вокругъ церкви, и только воронъ мрачно каркалъ гдѣ-то высоко въ небѣ, пробираясь повидимому въ степь, на широкій просторъ. Странно мнѣ казалось видѣть здѣсь, въ монастырской оградѣ, суетливыхъ пчелъ и пестрыхъ веселыхъ бабочекъ, когда все повидимому напоминало о смерти, отъ всего вѣяло кладбищемъ. Жизнь какъ-будто явно, открыто становилась въ противорѣчіе со смертью, которая господствовала здѣсь надъ всѣмъ.—Мое сердце сжалось невыразимой болью и страхомъ; я готовъ былъ плакать,—такъ настроено было мое воображеніе, любившее на все налагать или слишкомъ мрачныя или слишкомъ яркія краски.

Еще съ большимъ чувствомъ страха я вошелъ въ церковный придѣлъ, гдѣ уже шла вечерняя служба, и первое, что всегда поражало меня при входѣ въ монастырскую церковь, это — лѣпное или рѣзное изображеніе Спасителя, помѣщавшееся въ темномъ простѣнкѣ у лѣваго клироса, какъ мнѣ помнится. Фигура Спасителя была сдѣлана во весь ростъ и, кажется, выражала тотъ моментъ, когда Христосъ, послѣ мученій, увѣнчанъ былъ терновымъ вѣнкомъ. Мнѣ казался онъ живымъ, потому что на лицѣ его изображалась глубокая скорбь и страданіе, изъ подъ колючихъ иголъ терна текла кровь по вискамъ и по всему лицу, и капли ея падали на одежду. Искусно

или нѣтъ было сдѣлано это изображеніе, но на меня оно производило страшное, потрясающее впечатлѣніе; это блѣдное, скорбное лицо, эти кроткіе, сухіе, безъ слезъ глаза, задумчиво опущенныя внизъ, блѣдныя исхудалыя руки, и кровь, которая, казалось мнѣ, еще струилась изъ подъ иголъ и только застывала на лицѣ—все было страшно впечатлительно. Фигура Христа поставлена была, помнится, въ углубленіи, за стекломъ, и мы думали, что это—Христосъ въ темницѣ, какъ мы и называли это изображеніе. Робко подходили мы къ этому образу, робко молились передъ нимъ, но больше всего казалось, что каждаго изъ насъ занимала какая-то мысль, что каждый изъ насъ задумывался здѣсь надъ чѣмъ-то. Мнѣ всегда было страшно тамъ, а все-таки глаза мои не могли оторваться отъ этого скорбнаго, глубоко-задумчиваго лица. Своеобразная служба, монотонное пѣніе, мрачныя фигуры монахинь довершали очарованіе и я всегда уходилъ изъ монастыря подъ грустнымъ и тягостнымъ впечатлѣніемъ. Даже Баевъ ничего не толковалъ въ церкви Виденину и у Конина по лицу скользила какая-то неотвязчивая мысль, повидимому непривычная для него и не мало его безпокоившая. Онъ видимо тосковалъ... Глазами онъ уже давалъ знать Петрушѣ, чтобы скорѣй уйдти отсюда; но тотъ также стоялъ задумчиво, опустивъ голову, и повидимому сознавалъ въ себѣ великаго, нераскаяннаго грѣшника... Тутъ, конечно, пришелъ всѣмъ въ голову и Данило Степановичъ, и наводящіе тоску классы, и гипотенуза, и чернобыльникъ, которымъ всѣхъ сѣкли, начиная отъ Баева до самыхъ развитыхъ личностей училища... Скверно жить на свѣтѣ...

Въ это время въ церкви произошло какое-то движеніе и глаза всѣхъ обратились къ тому мѣсту, гдѣ замѣчалось это движеніе. Въ церкви стоялъ покойникъ, котораго мы прежде не замѣтили. Мы подошли къ гробу... Старуха, лежавшая въ немъ, показалась мнѣ знакомою, но сколько я ни припоминалъ гдѣ видѣлъ это лицо, не могъ ничего припомнить. Мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе, потому что видъ мертвеца въ самомъ дѣлѣ не могъ не произвести тяжелаго впечатлѣнія. Лицо было худо до невозможности; кое-гдѣ торчали клочки сѣдыхъ волосъ, повидимому причесанныхъ, но выбившихся изъ-подъ какой-то странной повязки; на глазахъ у мертвой лежали мѣдные гроши. Но что особенно непріятно дѣйствовало, такъ это лѣвый глазъ, который не совсѣмъ закрылся и, казалось, смотрѣлъ на насъ изъ-подъ гроша. Мнѣ представилось, что мертвая старуха

своимъ мутнымъ, стекловиднымъ глазомъ съ любопытствомъ высматриваетъ изъ-подъ гроша и желаетъ знать, что дѣлается на этомъ свѣтѣ и что съ ней хотятъ дѣлать. Я же, казалось, весьма основательно думалъ, что она высматривала съ цѣлью, собственно посматривала или на меня или на Виденина и размышляла, кого бы лучше изъ насъ взять съ собой въ могилу. Виденину, кажется, пришла та же мысль, но онъ боялся обратиться къ Баеву за совѣтомъ. — Положеніе наше становилось изъ рукъ вонъ щекотливымъ; оно дѣлалось пыткой. Петруша сдѣлалъ знакъ Конину, что пора-дескать, мочи нѣтъ... Мы стали выходить, робко озираясь по сторонамъ...

— Вы бы, дѣточки, можетъ, простились съ покойницей, обратилась къ намъ старая монахиня.

— И-н-да... нѣтъ, бормоталъ храбрый Петруша:—мы сейчасъ, послѣ...

— Пойдемте скорѣе, шепталъ Конинъ, не менѣе храбро пробираясь къ выходу.

Виденинъ уцѣпился за Баева, который одинъ стоялъ, тупо уставившись на покойницу.

— Надо бы пятаками прикрыть глаза, тогда бы старуха не смотрѣла, сказалъ онъ потомъ наставительно, когда мы вышли изъ церкви.

— Тебѣ ротъ надо закрыть пятаками, чтобъ ты не говорилъ чепухи, сказалъ Петруша, къ которому воротилась его обыкновенная храбрость, когда онъ увидѣлъ на дворѣ, какъ дрались двѣ индѣйки, таская одна другую за чубъ, но такъ флегматически, какъ будто онѣ пробовали чей чубъ крѣпче.

— Глупая птица, сказалъ Конинъ, и сдѣлалъ обрасцовый козлиный прыжокъ.

На другой день мы, разумѣется, урока не знали и были почти всѣ высѣчены за гипотенузу, да и за катеты досталось не мало.

— Вотъ и ихъ высѣкли, говорилъ на другой день Баевъ Виденину, приглашая его идти купаться въ Дону.

— А тебя не сѣкли?

— Нѣтъ, сѣкли и меня, отвѣчалъ Баевъ стоически, какъ-будто желая выразить: «еще бы?—посмѣй не высѣчь»...

Странно, что послѣ нашихъ отдаленныхъ прогулокъ по окрестностямъ станицы, классное ученье казалось еще болѣе томительнымъ,—

хоть бы одно живое слово услышали мы впродолженіи цѣлаго дня, кромѣ казенныхъ фразъ изъ учебниковъ и спрашиванья уроковъ. А кажется такъ легко было занять нашу мысль, наше воображеніе: вѣдь занимали же Прохора Баева старухи своими розказнями и онъ зналъ столько нелѣпостей, что если бы нелѣпости какимъ-либо чудомъ превратились въ полезныя свѣденія о томъ, о чемъ намъ слѣдовало бы знать, то познанія Прохора Баева были бы не маловажныя для мальчика его лѣтъ. Да и всѣ мы слышали столько сказокъ, столько чепухи, что въ этомъ отношеніи могли состязаться съ Прохоромъ Баевымъ, а между тѣмъ мы не знали и не хотѣли ничего знать о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, потому только, что познанія эти передавались намъ варварски-сухимъ и безжизненнымъ способомъ и путь къ малѣйшему пріобрѣтенію знаній усыпанъ былъ чернобыльникомъ, уходранками, затрещинами, зуботычинами, волосодерганьемъ, носощелканьемъ и прочими педагогическими поощреніями. Сознавая всю глубину мудрости извѣстнаго изреченія о горечи корня ученія и о сладости его плодовъ, наша педагогія изъ кожи лѣзетъ, чтобы сдѣлать этотъ корень до того горькимъ, чтобъ никто изъ насъ не рѣшился даже и отвѣдать его, а отвѣдавъ, получилъ такой вкусъ, горечь котораго не могла бы быть заглушена и сладостью плодовъ. А сладости-то мы и вовсе не видѣли: самые плоды ученья были не вкуснѣе хины или квассіи. Притомъ насъ несчастныхъ пичкали одними этими отвратительными корнями, а плодовъ-то, если правду сказать, и сами наши наставники не нюхали и не понимали, каковъ таковъ этотъ плодъ ученія. Они слышали, что онъ сладокъ, да хотѣли чтобъ и мы имъ въ томъ повѣрили на слово, заставляя насъ отвѣдывать почаще чернобыльника. Насъ увѣряли также, что жизнь— лучшій учитель; а чего, боже мой! не представляла намъ эта жизнь. Само собою разумѣется, что и Данило Степановичъ, и смотритель, и сторожъ Гавриловъ, и чернобыльникъ составляли одну изъ главнѣйшихъ обстановокъ жизни, какъ и самая природа, съ которою мы находились въ такихъ интимныхъ отношеніяхъ, однако жизнь моя внѣ училища имѣла свою обстановку. Но объ ней и о тѣхъ личностяхъ, среди которыхъ мнѣ привелось жить и развиваться, я поговорю въ слѣдующей книжкѣ.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ЭННИ ЛЕХРОЭНЪ.

Шотландская легенда *)

«Кто мнѣ стройную ногу обуетъ теперь?
Кто перчатку по бѣлой рукѣ приберетъ
И надѣнетъ? Кто станъ мой кругомъ
Новымъ лондонскимъ поясомъ весь обовьетъ?

Кто серебрянымъ новенькимъ гребнемъ пройдетъ
Бѣлокурой моею косой?
Кто замѣнитъ отца для малютки, пока
Грегори не вернется домой?

«Энни! стройную ногу обуетъ отецъ,
Мать перчатку по бѣлой рукѣ приберетъ
И надѣнетъ; а станъ твой сестра
Новымъ лондонскимъ поясомъ весь обовьетъ.

Я серебрянымъ новенькимъ гребнемъ пройду
Бѣлокурой твоею косой;
Богъ замѣнитъ отца для малютки, пока
Грегори не вернется домой.

— «Охъ! Когда бы корабль — да корабль снарядить,
Да охочихъ людей подобрать, —
Полетѣла бъ къ милому на всѣхъ парусахъ,
Коль не въ мочь самому у меня побывать».

---

*) Стихотвореніе это, взятое изъ полнаго собранія шотландскихъ народныхъ пѣсенъ (The Ballades of Scotland, by Aytoun, 1858 г.), принадлежитъ къ числу немногихъ произведеній, сохранившихъ во всей простотѣ и точности духъ старой шотландской поэзіи.

Пр. пер.

И отецъ снарядилъ ей летучій корабль:
И несетъ его къ берегу тихо волна...
Энни на руки сына-малютку взяла,
И простилася съ отческимъ кровомъ она.

Вотъ и парусить по морю съ мѣсяцъ она,
Али мало-чѣмъ больше,—и вотъ
У жилья Грегори, противъ самыхъ воротъ,
Снаряженный корабль пристаетъ.

Ночь потемна была; вѣтеръ холоденъ былъ;
Милый Энни давно уже спалъ;
Да проснулся малютка у ней на рукахъ,
Началъ биться и крикомъ-кричалъ.

У воротъ, на замокъ запертыхъ,
Энни долго, какъ будто на спицахъ стоитъ...
Наконецъ вышла мачиха друга ея
И окликнула! «Кто-тамъ стучитъ?»

— «О! я, Энни Лехроэнъ, милáя твоя...
Прилетѣла къ тебѣ по волнамъ,
И малютку съ собой на рукахъ привезла:
Отвори поскорѣе же намъ».

— «Отойди, отойди ты, и сгинь-пропади!
Не къ добру ты стучишься у нашихъ воротъ:
Ты колдунья, ты—вѣдьма проклятая, ты...
Ты—исчадье нечистое водъ.—

— «Не колдунья, не вѣдьма проклятая я,
Не исчадье нечистое водъ,—
Я, я—Энни Лехроэнъ твоя:
Не держи же меня у воротъ».

— «Если Энни Лехроэнъ доподлинно ты,
Хоть тебѣ и не вѣрю ни въ чемъ,—
Разскажи мнѣ: какія мы рѣчи вели,
Какъ сидѣли съ тобою вдвоемъ?

— «О! да развѣ не помнишь ты, мой Грегори,
Какъ мы вмѣстѣ сидѣли съ тобой за столомъ,
Какъ тогда обмѣнялись салфетками мы?..
Вѣдь и дней-то немного промчалось потомъ»...

«И салфетка была у тебя хороша,
И на шеѣ пригодна была для стола;
Только лучше вѣдь кембрика крученый шелкъ
И моя-то шелковая лучше была.

— «И ужь будто не помнишь ты, мой Грегори?..
А не помнишь, такъ я разскажу,
Какъ съ тобой перстеньками мѣнялися мы,
Да ужь кстати и твой перстенекъ покажу...

«Твой хорошъ перстенекъ и казистъ —
Весь изъ краснаго золота, весь онъ литой,
Да вѣдь мой-то получше; въ моемъ перстенькѣ
Въ то же золото вправленъ алмазъ дорогой.

«Отодвинь же скорѣе, милой мой Грегори,
Отодвинь ты запоръ у воротъ:
Не отдвинешь — на холодѣ наше дитя
Скоченѣетъ совсѣмъ и умретъ».

— «Отойди, отойди ты, и сгинь - пропади:
Ко стыду ты у нашихъ воротъ!
Приглядѣлъ я другую милую себѣ,
А тебѣ — отъ воротъ — поворотъ».

— «Приглядѣлъ ты другую милую себѣ, —
Насмѣялся надъ клятвой святой, —
Такъ прощай же, обманщикъ лихой — Грегори.
Не видаться намъ больше съ тобой...»

О, какъ скоро, какъ скоро она
Къ кораблю добѣжала, а тамъ,
Добѣжавши, всю волю дала
Не устаннымъ, горючимъ слезамъ...

— »Золоченную мачту снимите скорѣй —
Деревянной простой мнѣ довольно: не стать
Съ золоченною мачтой по морю везти
Опостылую мужу супругу и мать».

Грегори пробудился отъ крѣпкаго сна
И сказалъ своей мачихѣ онъ:
Этой ночью все сердце въ конецъ сокрушилъ
Мнѣ недобрый пророческій сонъ.

«Мнѣ приснилось, что Энни Лехроэнъ моя,
Изъ цвѣтовъ ненаглядный цвѣтокъ,
На порогѣ стоитъ у моихъ у воротъ
И никто не впускаетъ ее за порогъ».

— »Это вѣдьма, — не Энни Лехроэнъ твоя
Замышляла глаза тебѣ сномъ отвести:
Постояла она у твоихъ у воротъ
Ну, а въ домъ не хотѣла войдти».

— «Перестань же ты, злостная женщина, лгать,
И умри лютой смертью за то, что ты зла:
Не хотѣла красавицы Энни впустить
И меня разбудить не могла».

Быстро, быстро съ постели онъ всталъ,
И стерпѣть ему было не въ мочь:
Побѣжалъ онъ на бѐрегъ, а Энни его
Отплываетъ отъ берега прочь.

— «Энни! Энни! Куда — ты, куда?»
Крикнулъ онъ изо всѣхъ своихъ силъ;
Только — ай! — чѣмъ онъ громче кричалъ,
Тѣмъ быстрѣе корабль уходилъ.

— «Энни! Энни! Куда ты, куда?
Перемолвись хоть словомъ со мной!
Только — ай! — чѣмъ онъ громче кричалъ,
Тѣмъ все выше вздымался прибой.

Вѣтеръ крѣпнетъ и море ревётъ,
И корабль закружило собой,
Какъ взглянулъ Грегори, анъ ужь Энни его
Унесло бѣлопѣнной волной.

Смотритъ онъ: и малютка у ней на рукахъ
Вмѣстѣ ихъ съ корабля унесло...
Поднялъ руки онъ къ верху и бросился вмигъ
Въ клокотавшее моря жерло.

Энни за косу русую крѣпко схватилъ
И примчалъ ее къ берегу онъ,
Да еще не доплылъ, а у ней каждый членъ
Смертнымъ холодомъ былъ следененъ.

Цѣловалъ, цѣловалъ онъ ей щеки сперва,
А потомъ пряди косъ золотыхъ,
И тоскливо онъ въ губы ее цѣловалъ,
Да дыханья-то не было въ нихъ.

Цѣлый день просидѣлъ онъ надъ Энни своей,
Такъ что солнце ужь сѣло и пала роса...
Тутъ послѣдній вздохъ сердце ему разорвалъ —
И умчалась душа въ небеса.

Л. Мей.

19 Сент. 1861 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА БЕКЛЯ.

(Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ съ англійскаго. Вып. I и II, издан. Н. Тиблена 1863 г.)

Рѣдко случается писателю такъ блистательно начать свою литературную дѣятельность, какъ началъ ее Бёкль. До появленія его «Исторіи англійской цивилизаціи имя автора было совершенно неизвѣстно; ни критика, ни публика не имѣли никакого понятія о той умственной силѣ, которая такъ долго работала въ тиши своего кабинета и которую Бёкль далъ почувствовать въ себѣ съ перваго же раза. Не только друзья, но и искренніе враги историка согласились въ томъ, что книга его—произведеніе сильнаго таланта и глубокихъ соображеній, какія только доступны отдѣльному уму современной эпохи. Но кромѣ таланта у Бёкля есть другое достоинство, которымъ не всегда можетъ похвалиться авторская дѣятельность нашего времени; онъ отличается добросовѣстнымъ изученіемъ своего предмета, уваженіемъ къ труду и если не полной, то довольно смѣлой независимостью отъ рутинныхъ мнѣній, съ которыми ему пришлось бороться. Правда, что обширная начитанность Бёкля, изумительная по своему разнообразію и неутомимой повѣркѣ статистическихъ и этнографическихъ фактовъ, не всегда говоритъ въ пользу его; впослѣдствіи мы увидимъ, что онъ часто ошибается въ выборѣ источниковъ, основывая на нихъ свои рѣзкіе выводы; переходя изъ одной сферы знанія въ другую, собирая все, что можетъ бросить свѣтъ на его

идею, подтвердить его взгляды, онъ часто не различаетъ прочныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ отъ негоднаго мусора, набросаннаго въ науку разными бездарностями; рядомъ съ геніальными людьми, авторитетомъ которыхъ онъ пользуется, въ его пестрыхъ цитатахъ встрѣчаются самыя горькія посредственности въ родѣ именъ Никольса или Капфига; у тѣхъ и у другихъ онъ беретъ необходимыя для него данныя съ одинаковымъ довѣріемъ. Такая неразборчивость ученаго суррогата вредитъ общему тону книги, обременяя ее совершенно излишними ссылками и закрывая отъ читателя подъ чужими мыслями собственную идею Бёкля. Все это впрочемъ объясняется не столько отсутствіемъ критическаго такта въ авторѣ, сколько громадностію задачи, которую онъ задумалъ разрѣшить въ «Исторіи англійской цивилизаціи». Дѣйствительно, задача Бёкля, какъ мы познакомимся съ нею ниже, такъ велика по своимъ внѣшнимъ размѣрамъ, и такъ нова по содержанію, такъ близко касается всѣхъ отраслей знанія, что для выполненія ея у него не было тѣхъ средствъ, какими должна располагать современная историческая наука. Поэтому для постройки своего зданія онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что мало-мальски подходило подъ его требованія. Чего не давали ему библіотеки и архивы, то дополнялъ онъ личными наблюденіями во время путешествій; онъ умеръ среди изысканій на востокѣ, оставивъ по себѣ едва начатый трудъ, который, при всѣхъ его недостаткахъ, останется въ числѣ лучшихъ оригинальныхъ произведеній настоящей эпохи.

Но оригинальность идеи какъ ни хороша въ теоріи, на практикѣ имѣетъ свои важныя неудобства; она ставитъ писателя въ оппозицію съ общепринятымъ направленіемъ мысли, съ тѣмъ золотымъ тельцомъ, которому обыкновенно поклоняется большинство; она вооружаетъ противъ него и тѣхъ, кто по слабости своихъ умственныхъ силъ не въ состояніи понять и сочувствовать ему, и особенно тѣхъ, кто не находитъ выгодъ раздѣлять новыхъ мнѣній оригинальнаго ума. Ненависть къ человѣческой мысли, при всей своей нелѣпости, была самою серьёзною ненавистью въ исторіи народныхъ движеній. Бёкль испыталъ это на себѣ. Онъ написалъ и издалъ свою книгу не въ Японіи, не въ папскомъ Римѣ, а въ Англіи, гдѣ терпимость идеи изъ мертваго текста закона перешла въ самую жизнь, и между тѣмъ англійская критика давно такъ безсовѣстно не относилась къ автору, какъ она отнеслась къ Бёклю. Пишущій эти стро-

ки жилъ въ Лондонѣ въ то время, когда первый томъ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» появился съ типографскаго станка. Какъ иностранецъ, отрѣзанный отъ живого общества, и не находя для себя лучшаго удовольствія, какъ прочитать умную книгу, я поспѣшилъ пріобрѣсти ее и съ необыкновеннымъ наслажденіемъ пробѣжалъ въ нѣсколько вечеровъ. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой книгой, было до такой степени полно, такъ хорошо шевельнуло мозгомъ, что я рѣшился провѣрить себя новымъ чтеніемъ; перечитавъ во второй разъ, я разочаровался во многихъ подробностяхъ, но главной идеѣ еще больше сталъ сочувствовать. Затѣмъ мнѣ было интересно знать, что скажетъ объ этомъ сочиненіи англійская журналистика, отъ вниманія которой не ускользаютъ ни травля собакъ, ни кулачный бой какихъ-нибудь двухъ здоровыхъ дураковъ; но журналы молчали, какъ будто произведеніе Бёкля не сдѣлало ни малѣйшаго слѣда въ текущей литературѣ, не вызвало ни одну голову на серьёзное размышленіе. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и если бы иностранная критика не указала на замѣчательныя стороны книги Бёкля, то въ Англіи могли убить ее полнѣйшимъ равнодушіемъ, какого нельзя ожидать даже въ отношеніи дюжиннаго издѣлія. Но прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и равнодушіе обратилось въ самыя наглыя нападенія на Бёкля. Его стали обвинять въ оскорбленіи патріотическаго чувства, какъ будто и этому британскому козлу онъ долженъ былъ принести жертву изъ своихъ убѣжденій; его заподозрили въ намѣренномъ искаженіи фактовъ и даже въ какомъ-то атеизмѣ, за который въ XVI вѣкѣ тѣ же клерикальные ханжи преспокойно свели бы его на костеръ. Словомъ, историкъ, поставившій себя внѣ всякой партіи, желавшій откровенно и честно высказать свое мнѣніе, возстановилъ противъ себя всѣ партіи. Однимъ не понравился его трезвый взглядъ на преданія и на ту незавидную роль, какую играло сословіе лордовъ въ историческомъ развитіи страны; другіе обидѣлись тѣмъ, что онъ представилъ Шотландію довольно тупоумной націей въ дѣлѣ религіозной вѣротерпимости и сравнилъ ее въ этомъ отношеніи съ Испаніей; наконецъ третьи готовы были призвать его къ суду за то, что онъ упрекнулъ Англиканскую церковь въ лицемѣріи и въ систематическомъ противодѣйствіи народному прогрессу. За капитальными обвиненіями явились мелкія придирки, и всякое насѣкомое, заползающее въ темную щель отъ свѣжаго воздуха и дневного свѣта, считало себя въ правѣ показаться наружу и укусить Бёкля.

Во всемъ этомъ впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго. Новая мысль, въ какой бы формѣ ее ни выражали, никогда не доставалась легко человѣчеству; но только враги ея ошибались насчетъ своего истиннаго характера, когда рѣшались преслѣдовать ее: на самомъ дѣлѣ они были не врагами, а самыми полезными друзьями ея....

Можно ли считать Бёкля историкомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обыкновенно привыкли понимать лучшихъ представителей этой науки? Можно ли сравнить его и поставить рядомъ съ такимъ умнымъ разскащикомъ, какъ Шлоссеръ, или съ такимъ художникомъ, какъ Маколэ? Лучшій отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ самъ авторъ «Исторіи Англійской цивилизаціи»:

«Во всѣхъ другихъ великихъ отрасляхъ изслѣдованія, говоритъ онъ, необходимость обобщенія допускается всѣми и дѣлаются благородныя усилія возвыситься надъ частными фактами съ цѣлію открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки такъ далеки отъ усвоенія себѣ этого воззрѣнія, что между ними преобладаетъ странное понятіе, будто ихъ дѣло только разказывать факты, по временамъ оживляя ихъ такими политическими и нравственными разсужденіями, какія имъ кажутся наиболѣе полезными. По такой теоріи любому писателю, который по лѣности мысли или по врожденной неспособности, не въ силахъ совладать съ высшими отраслями знанія, стоитъ только употребить нѣсколько лѣтъ на прочтеніе извѣстнаго числа книгъ и онъ сдѣлается историкомъ, и онъ въ состояніи будетъ написать исторію великаго народа, и сочиненіе его примется за авторитетъ по тому предмету, на изложеніе котораго оно будетъ имѣть притязаніе».

Изъ этого видно, что Бёкль требуетъ отъ историка не одной болѣе или менѣе удачной группировки фактовъ, не картинной галереи внѣшнихъ портретовъ или біографическихъ очерковъ, не художественной обстановки въ изображеніи минувшихъ событій, а философскаго синтеза, т. е. изученія тѣхъ общихъ законовъ, по которымъ совершалось развитіе отдѣльныхъ явленій человѣческой жизни. Съ точки зрѣнія Бёкля главная задача исторіи не въ томъ, чтобы *разсказать*, какъ жилъ и дѣйствовалъ тотъ или другой народъ, какіе были его подвиги и ошибки, какія добродѣтели и преступленія, а въ томъ, тобы найдти внутреннюю связь всѣхъ этихъ явленій и осмыслить

ихъ однимъ общимъ воззрѣніемъ. Такая попытка внести философскій синтезъ въ исторію вовсе не новая; мы встрѣчаемъ ее у древне-классическихъ историковъ, какъ напр, у Фукидида и Тацита; мы находимъ ее у Итальянскаго историка Вико, который сообщилъ этому методу самое точное значеніе, выразивъ его въ видѣ сжатыхъ результатовъ, открытыхъ имъ въ изученіи общечеловѣческаго развитія. Послѣ Вико рядъ такихъ историковъ не прерывался въ новѣйшей Европѣ, и XVIII вѣкъ даетъ намъ не мало образцовъ исторіи, обращенной въ философскую пропаганду. Слѣдовательно, относительно способа воззрѣнія на исторію, Бёкль не представляетъ намъ ничего новаго и только продолжаетъ ту работу, которую давно начали его предшественники. Но на этомъ и оканчивается его сходство съ прошлыми и настоящими представителями этой науки.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Бёкля, что доселѣ исторія въ рукахъ метафизической и художественной школы была пустой болтовней, не имѣющей ни серьезной цѣли, ни жизненнаго содержанія. Главная ошибка этихъ школъ состояла въ томъ, что онѣ отдѣляли человѣка отъ общаго состава природы и разсматривали государственную жизнь народовъ независимо отъ тѣхъ естественныхъ явленій, которыя имѣли неотразимое вліяніе на складъ ея. Поэтому въ оцѣнкѣ событій и характеровъ, въ разграниченіи эпохи и періодовъ, въ отысканіи связи между міровыми переворотами и разрозненными усиліями человѣческаго ума, у этихъ историковъ являлись произвольныя теоріи и самыя странныя натяжки. У однихъ все дѣлалось подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ, управлявшихъ судьбами человѣчества подобно тѣмъ замаскированнымъ проволокамъ, которыми фокусникъ приводитъ въ движеніе маріонетки; у другихъ, менѣе щедрыхъ на свои собственныя выдумки, тѣ же самыя явленія облекались въ форму болѣе или менѣе правдоподобной легенды и разсказывались для удовлетворенія празднаго любопытства читателей. Въ послѣднемъ выводѣ обѣ школы приходили къ отчаянному фатализму, гдѣ все оправдывалось самымъ безсмысленнымъ словомъ на человѣческомъ языкѣ — *случаемъ*. Вотъ отчего между прочимъ у этихъ разскащиковъ отдѣльныя личности выростали подъ перомъ ихъ до чудовищныхъ размѣровъ,—до всемірныхъ героевъ, богатырей и преобразователей; вмѣсто общаго хода происшествій, слагавшихся изъ цѣлаго ряда причинъ и послѣдствій, у нихъ дѣйствовала единичная воля, творившая все по своему усмотрѣнію и незнавшая границъ своимъ

силамъ. Нужно ли было пометить великую религiозную реформу въ воображенiи историка—возникалъ какой-нибудь чудесный образъ, въ родѣ Будды или Зороастра; нужно ли было объяснить политическое движенiе народа, виновникомъ его придумывался какой-нибудь необыкновенный человѣкъ, ворочавшiй людьми и государствами, какъ ураганъ вертитъ пескомъ и пылью. Все это было очень заманчиво для плохо-развитой фантазiи досужихъ слушателей, но во всемъ этомъ было очень мало правды. Гораздо логичнѣе и несравненно интереснѣе такихъ историковъ оказывались романисты и поэты; они пользовались тѣми же матерiалами, рисовали ту же мертвую жизнь, раскапывали тѣ же забытыя могилы и воспроизводили тѣхъ же людей, но стремились не къ исторической истинѣ, а хотѣли дѣйствовать на воображенiе читателей чисто-художественной обстановкой; и ужь конечно достигали своей цѣли съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ средневѣковые лѣтописцы. Признаемся, что такiя произведенiя, какъ Козьма Мининъ г. Островскаго и князь Серебряный графа Толстого имѣютъ для меня больше значенiя, чѣмъ историческiя характеристики Кайданова или Смарагдова. И Козьма Мининъ и князь Серебряный, по художественному достоинству своему, чисто-суздальской работы, во всей красѣ нашей родной вохры и московскаго рисунка, но все же они лучше того, что напримѣръ предлагаютъ намъ, подъ названiемъ исторiи Гг. Устряловы и Шульгины. «Но вѣдь читаются, скажутъ намъ, и тѣ и другiе, и читаются охотно». Совершенно справедливо; но у насъ читаются и «Приключенiя Англiйскаго принца Георга», да еще какъ читаются. Изъ этого однакожъ ровно ничего не слѣдуетъ для порядочной литературной критики.... Такимъ образомъ исторiя, отъ которой требуютъ самой положительной точности и вѣрнаго отраженiя минувшей жизни, никогда не удовлетворяла этимъ требованiямъ. Какъ наука, она не имѣетъ тѣхъ качествъ, какiя свойственны точному знанiю; какъ вымыслъ, она позволяетъ себѣ произвольно искажать факты и обезображивать физiономiю эпохъ и народовъ. Переходя изъ одной крайности въ другую, она дѣлалась у метафизиковъ сплетенiемъ ихъ собственныхъ идей, по которымъ они выкраивали историческiя событiя; у художниковъ и поэтовъ она обращалась въ карикатуру отжившихъ лицъ и характеровъ.

Противъ этого-то произвола вооружается Бёкль, желая съ одной стороны возвратить исторiи ея настоящiя права, а съ другой раздвинуть ея кругозоръ и найдти ей опору во всѣхъ отрасляхъ современ-

наго знанія. Для этого онъ разсматриваетъ человѣка не отдѣльно отъ окружающей его природы, не превозноситъ его въ заоблачную высоту, подобно нашимъ дряхлымъ моралистамъ, и не унижаетъ его до маріонетки фокусника, какъ это дѣлаютъ поборники предопредѣленія и случая.

«Какъ исторія занимается дѣйствіями людей, замѣчаетъ Бёкль, а дѣйствія эти ничто иное, какъ результатъ столкновенія между явленіями внѣшняго и внутренняго міра, то необходимо взвѣсить относительную важность этихъ явленій, узнать, до какой степени извѣстны ихъ законы и удостовѣриться, какими вспомогательными средствами, для будущихъ открытій, обладаютъ два главные класса ученыхъ: изслѣдователи человѣческаго духа и изслѣдователи природы».

Нѣтъ сомнѣнія, что задача, избранная Бёклемъ, не легка, и надо признаться, что онъ нерѣдко самъ падаетъ подъ тяжестію своего собственнаго труда. Можетъ быть черезъ сто или двѣсти лѣтъ человѣческій умъ найдетъ возможность съ успѣхомъ разрѣшить эту задачу, но теперь она рѣшительно превышаетъ силы самаго геніальнаго человѣка. Чтобы опредѣлить наши отношенія къ природѣ и степень ея вліянія на наши дѣйствія, на организацію общественныхъ учрежденій, чтобы указать ту роль, какую занимаетъ человѣкъ среди другихъ физическихъ силъ—это значитъ обнять однимъ взглядомъ все, что открыто наукой доселѣ и что она откроетъ впослѣдствіи. Конечно Бёкль далеко не исчерпываетъ своего предмета, на многихъ пунктахъ оказывается слабымъ, не довѣряющимъ самому себѣ и часто сбивается на тотъ же ложный путь, по которому шли прежніе историки, но самая попытка его заслуживаетъ полной похвалы; она даетъ руководящую нить, съ которой преемники его могутъ смѣло идти по указанной имъ дорогѣ и современемъ оказать дѣйствительныя услуги не только исторіи, но и другимъ человѣческимъ знаніямъ.

Изъ двухъ томовъ «Исторіи англійской цивилизаціи», на которыхъ прервано сочиненіе Бёкля, первый томъ имѣетъ особенную важность, а потому я остановлю на немъ главное вниманіе.

Въ этомъ томѣ проводится паралель между физическими и нравственными законами, подъ вліяніемъ которыхъ складывается общественная жизнь и характеръ отдѣльныхъ лицъ. Разбирая первый разрядъ законовъ, Бёкль старается подробно выслѣдить, какими явленіями сопровождается каждый изъ нихъ въ развитіи народной жизни, какія черты кладетъ природа, при извѣстныхъ условіяхъ, на каждое общество и къ чему она приводитъ его своимъ могущественнымъ влія-

ніемъ. Изъ физическихъ дѣятелей историкъ выбираетъ четыре главныя силы: *климатъ, пищу, почву* и *общій видъ природы.* Три первыя силы онъ соединяетъ въ одну общую категорію и разсматриваетъ въ послѣднемъ ихъ примѣненіи—въ накопленіи богатства.

«Хотя успѣхи знанія, говоритъ Бёкль, и содѣйствуютъ притоку богатства, но достовѣрно и то, что при самомъ зарожденіи общества, сперва должно накопиться богатство, а потомъ уже можетъ быть положено начало знанію. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ озабоченъ снискиваніемъ того, что необходимо для его существованія, не можетъ быть ни охоты, ни времени заниматься болѣе возвышенными предметами, не можетъ быть создана никакая наука, а возможна только развѣ попытка сберечь трудъ примѣненіемъ къ нему тѣхъ грубыхъ и несовершенныхъ орудій, какія въ состояніи изобрѣсть и самый невѣжественный народъ».

Такимъ образомъ матеріальное обезпеченіе народа, на первой ступени его общественной дѣятельности, составляетъ первый шагъ къ его умственному образованію. Въ накопленіи же богатствъ, по мнѣнію Бёкля, дѣйствуютъ чисто-мѣстныя условія страны—жаркій или холодный климатъ, скудная или плодородная почва; но эти условія не играютъ главной роли, и рано или поздно должны уступить труду и энергіи общества. Эти послѣдніе дѣятели современемъ становятся преобладающими двигателями народнаго благосостоянія. На какомъ бы пунктѣ земного шара, при какихъ бы естественныхъ условіяхъ человѣкъ ни началъ дѣйствовать, вездѣ и всегда ему суждено бороться съ окружающими его препятствіями; каждый вершокъ земли, которая его питаетъ и одѣваетъ, онъ долженъ брать съ бою; всякое новое удобство, пріобрѣтаемое имъ, требуетъ отъ него огромныхъ усилій; одну силу за другой онъ вырываетъ изъ рукъ природы, обращая враждебныя ихъ дѣйствія на пользу себѣ. Само собою разумѣется, что единственнымъ средствомъ для одержанія этихъ побѣдъ служитъ человѣку его *умъ.* Чѣмъ невѣжественнѣе и суевѣрнѣе народъ, тѣмъ онъ больше страдаетъ отъ тѣхъ же физическихъ законовъ, которые для образованной націи дѣлаются благодѣтельными средствами жизни. Тѣ же самые разливы рѣкъ, которые теперь на югѣ Америки покрываютъ поля и долины такимъ обильнымъ плодородіемъ, для дикихъ населеній были самыми разрушительными силами, которыя они не умѣли обратить въ свое добро. Почти съ математическою точностью можно вычислить, что общества грубыя и

варварскія вдвое больше теряютъ времени и труда и вдвое меньше имѣютъ вознагражденія за этотъ трудъ по сравненію съ народами, вышедшими изъ дикаго состоянія. Приписывая борьбѣ человѣка съ природой очень важное значеніе, Бёкль впадаетъ въ крайность или лучше сказать въ противорѣчіе, котораго всего менѣе можно было бы ожидать отъ его строгой логики. Онъ допускаетъ, что силы человѣка неограниченны. «У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, говоритъ онъ, для назначенія даже гадательнаго предѣла, на которомъ умъ человѣческій долженъ былъ бы остановиться». Слѣдовательно побѣды человѣка надъ природой могутъ простираться такъ далеко, какъ только можетъ вообразить самая смѣлая фантазія; иначе говоря, поле нашей дѣятельности такъ обширно, что въ настоящую эпоху человѣчество вѣроятно не предвидитъ и сотой доли тѣхъ открытій и изобрѣтеній, которыя предстоитъ ему совершить. Въ этомъ мы безусловно согласны съ Бёклемъ. Но отводя такія широкія границы силамъ человѣка, онъ въ то же время осуждаетъ ихъ на роковую неподвижность, на страшную смерть подъ тѣми географическими мѣстностями, гдѣ борьба людей съ природой оказывается безплодной и подавляется вліяніемъ внѣшняго міра. Такъ онъ вообще думаетъ о народахъ восточныхъ. Всѣ древнія цивилизаціи, по его мнѣнію, не могли совладать съ физическими препятствіями и потому пали. «Насколько мы можемъ судить по опыту прошедшихъ временъ, продолжаетъ Бёкль, можно сказать, что во всѣхъ не европейскихъ цивилизаціяхъ физическія преграды къ развитію оказались непреодолимыми, и что дѣйствительно ни одинъ народъ еще не преодолѣлъ ихъ». Но какъ же согласить первое мнѣніе Бёкля со вторымъ? Какимъ образомъ ничѣмъ неограниченная сила человѣческаго ума, живая и постоянно развивающаяся, могла подчиниться мертвымъ стихіямъ внѣшней природы и, не выдержавъ ихъ давленія, навсегда погибнуть? И почему лучшая изъ европейскихъ цивилизацій, древне-греческая, распустившаяся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ роскошной и пластической мѣстности, также быстро исчезла, какъ цивилизація Персіи или Египта? Положимъ, что на востокѣ плодоносныя почвы, слишкомъ щедрыя своими произведеніями, не возбудили въ человѣкѣ достаточно энергіи, *) а потрясающіе естественные феномены — въ родѣ

*) Чтобы передать читателю взглядъ Бекля во всей его подробности, мы приводимъ его здѣсь буквально: «Вознагражденіе за трудъ опредѣляется пло-

землетрясеній, вулканическихъ ударовъ и т. п., оковывали младенческій разсудокъ, и потому народонаселенія тропическихъ странъ, уставъ въ безсильной борьбѣ съ природой, замерли среди глубокаго застоя; но въ древней Греціи другія обстоятельства сопровождали развитіе человѣка: тамъ все подстрекало его къ дѣятельности—и море, и земля, правда богатая, но требовавшая хорошаго воздѣлыванія; тамъ не было ни грознаго вида природы, ни сильныхъ геологическихъ переворотовъ, которые бы могли запугать эллина и потрясти его мозговые нервы, и за всѣмъ тѣмъ нація безвозвратно погибла. Точно такую же паралель можно провести между другими народами и неопровержимо доказать, что на одной и той же мѣстности, и нерѣдко у одного и того же племени были различныя цивилизаціи, въ

дородіемъ почвы, самое же плодородіе почвы зависитъ частію отъ примѣси въ ней извѣстныхъ химическихъ составныхъ частей, частію отъ степени орошенія ея рѣками или другими естественными средствами, частію наконецъ отъ теплоты и влажности атмосферы.

Съ другой стороны, энергія и правильность въ самомъ трудѣ совершенно зависятъ отъ вліянія климата. Вліяніе это проявляется двумя различными путями. Во первыхъ, что составляетъ весьма важное обстоятельство, въ сильные жары люди бываютъ нерасположены и до извѣстной степени неспособны къ тѣмъ дѣятельнымъ занятіямъ, которымъ, въ болѣе умѣренномъ климатѣ, они предавались бы съ охотою. Другое же обстоятельство, менѣе обращавшее на себя вниманіе, но одинаково важное, заключается въ томъ, что климатъ дѣйствуетъ на трудъ не тѣмъ только, что разслабляетъ или укрѣпляетъ трудящагося, но и вліяніемъ своимъ на правильность образа жизни этого послѣдняго. Такъ мы находимъ, что ни одинъ народъ живущій на слишкомъ большой сѣверной широтѣ, никогда не имѣлъ того постояннаго, неослабнаго трудолюбія, которымъ отличаются жители умѣренныхъ поясовъ. Причина этого становится очевидна, когда мы припомнимъ, что въ болѣе сѣверныхъ странахъ суровость погоды, а въ извѣстныя времена года и отсутствіе свѣта, дѣлаетъ невозможнымъ для людей продолжать ихъ обычныя занятія внѣ домовъ. Это имѣетъ то послѣдствіе, что рабочіе классы, вынуждаемые, такимъ образомъ, пріостанавливать свои обычныя занятія, дѣлаются склоннѣе къ неправильному образу жизни; цѣпь ихъ дѣятельности какъ бы разрывается и они теряютъ ту скорость, которая неизбѣжно пріобрѣтается продолжительнымъ, непрерывнымъ упражненіемъ. Вотъ почему въ характерѣ такого народа замѣчается болѣе причудливости и своенравія; чѣмъ въ характерѣ народа, которому климатъ дозволяетъ правильное отправленіе обычныхъ занятій. И въ самомъ дѣлѣ, законъ этотъ такъ силенъ, что мы можемъ различать дѣйствіе его при самыхъ противоположныхъ обстоятельствахъ. Трудно представить себѣ большее различіе въ правленіи, законахъ, религіи и обычаяхъ, какъ существующее между Швеціею и Норвегіею, съ одной стороны, и Испаніею и Португаліею, съ другой. Между тѣмъ, эти четыре страны имѣютъ одно важное общее свойство. Во всѣхъ ихъ одинаково невоз-

одно время цвѣтущія, въ другое — самыя жалкія: исторія представляетъ намъ множество такихъ примѣровъ. Гдѣ находились древняя Финикія и Карфагенъ, на тѣхъ же самыхъ берегахъ, теперь прозябаютъ бѣдныя и угнетенныя племена. Почва и климатъ греческаго полуострова какъ были прежде, такъ остаются и теперь, или измѣнились очень мало, а между тѣмъ какая пропасть различія отдѣляетъ современника Перикла отъ нынѣшняго фанаріота и раба Турціи! Послѣ этого очевидно, что дальнѣйшіе выводы Бёкля, построенные на его шаткой теоріи, также не выдержатъ критики; а шаткость его теоріи зависитъ оттого, что онъ не взглянулъ посерьёзнѣе на соціальныя отношенія человѣка, или поставилъ ихъ на второмъ планѣ, тогда какъ они-то и разрѣшаютъ историческія судьбы народовъ.

можна непрерывная земледѣльческая дѣятельность. Въ двухъ южныхъ странахъ работы прерываются жаромъ, сухостью погоды и происходящимъ оттого состояніемъ почвы; въ двухъ же сѣверныхъ то же дѣйствіе производитъ суровость зимы и короткость дней. Вотъ почему эти четыре націи, при всемъ несходствѣ ихъ въ другихъ отношеніяхъ, одинаково отличаются слабостью и непостоянствомъ характера, представляя, въ этомъ отношеніи, разительную противоположность съ болѣе постояннымъ и правильнымъ образомъ жизни, преобладающимъ въ странахъ, гдѣ климатъ не такъ часто заставляетъ рабочіе классы прерывать ихъ занятія и налагаетъ на нихъ въ то же время необходимость болѣе постоянной, неослабной дѣятельности.

Вотъ главныя физическія причины, отъ которыхъ зависитъ производство богатства. Бываютъ безъ сомнѣнія и другія обстоятельства, дѣйствующія съ значительною силою и имѣющія, при болѣе развитомъ состояніи общества, такое же, а иногда и большее вліяніе, но это случается уже позднѣе. Разсматривая же исторію богатства на его первыхъ ступеняхъ, мы находимъ совершенную зависимость его отъ почвы и климата: почвою обусловливается вознагражденіе, получаемое за данный итогъ труда, а климатомъ энергія и постоянство самаго труда. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на прошедшее чтобы убѣдиться въ огромной важности этихъ двухъ физическихъ условій. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы какая нибудь страна цивилизовалась своими собственными средствами, безъ особенно благопріятнаго развитія въ ней одного изъ этихъ условій. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась тѣмъ обширнымъ пространствомъ, гдѣ плодородная наносная почва обезпечивала человѣку ту ступень богатства, безъ которой не можетъ начаться умственное развитіе. Эта большая полоса земли простирается, съ немногими перерывами, отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Къ сѣверу отъ этого огромнаго пояса тянется длинный рядъ безплодныхъ пространствъ, на которыхъ постоянно селились дикія, кочующія племена, всегда остававшіяся въ бѣдности, вслѣдствіе безплодія почвы, и не выходившія изъ своего нецивилизованнаго состоянія во все время пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ. До какой степени это зависѣло отъ причинъ физическихъ, видно изъ того факта, что тѣ же самыя мон-

Но намъ могутъ возразить, что авторъ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» разсматриваетъ общества въ первоначальную эпоху ихъ существованія, и только на такія общества допускаетъ всемогущее вліяніе природы. Согласимся, что это такъ; но во первыхъ почему же онъ подвелъ подъ общій итогъ своего принципа всѣ древнія цивилизаціи востока и, несмотря на молодость или старческое одряхленіе народовъ, произнесъ надъ ними одинъ неумолимый приговоръ смерти? Во вторыхъ, какъ бы ни была молода общественная организація, соціальный характеръ ея дѣлается гораздо важнѣе всякихъ внѣшнихъ вліяній. Человѣкъ, вступившій въ близкія и неизбѣжныя отношенія съ другими подобными ему людьми, постоянно подчиняется власти ихъ; его повседневные интересы, его дѣятельность и стремленія, вся

гольскія и татарскія орды основывали, въ разныя времена, великія монархіи въ Китаѣ, Индіи и Персіи и, во всѣхъ этихъ случаяхъ, достигали цивилизаціи, нисколько не уступавшей цивилизаціи самыхъ цвѣтущихъ изъ древнихъ государствъ. Въ плодородныхъ долинахъ южной Азіи природа доставляла всѣ матеріалы богатства, и тамъ-то варварскія племена впервые дошли до извѣстной степени образованности, создали національную литературу и установили національный образъ правленія, чего не могли сдѣлать на родинѣ. Точно также Арабы, въ своей странѣ, благодаря сухости ея почвы, всегда оставались глупымъ и необразованнымъ народомъ; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, невѣжество было плодомъ крайней бѣдности. Но въ VII столѣтіи они завоевали Персію, въ VIII—лучшую часть Испаніи. въ IX—Пунджабъ и наконецъ почти всю Индію. Едва утверждались они въ своихъ новыхъ осѣдлостяхъ, какъ въ характерѣ ихъ видимо происходила большая перемѣна. Они, которые, на своей родинѣ, были чуть-чуть не бродячими дикарями, теперь впервые получали возможность накоплять богатство и потому впервые начинали дѣлать нѣкоторые успѣхи въ искусствахъ, свойственныхъ цивилизаціи. Въ Аравіи они были просто племенемъ кочующихъ пастуховъ, въ новыхъ же осѣдлостяхъ своихъ дѣлались основателями могущественныхъ монархій, строили города, поддерживали школы, составляли библіотеки; слѣды ихъ могущества и теперь еще видны въ Кордовѣ, Багдадѣ и Дели. Точно такой же примѣръ представляетъ прилегающая съ сѣвера къ Аравіи и отдѣляемая отъ нея только узкимъ водянымъ пространствомъ Чермнаго Моря огромная песчаная равнина, которая, покрывая всю Африку, на одной широтѣ, простирается къ западу до самыхъ береговъ Атлантическаго Океана. Это громадное пространство есть, также какъ и Аравія, безплодная пустыня, поэтому и его жители, такъ же какъ и жители Аравіи, не были цивилизованы и не пріобрѣтали познаній, единственно потому, что не накопляли богатства. Но эта обширная пустыня, въ восточной части своей, орошается водами Нила, разлитіе котораго оставляетъ на пескѣ богатый наносный слой земли, дающей самое щедрое, можно сказать, изумительное вознагражденіе за трудъ. Вотъ почему въ мѣстности этой скоро накоплялось богатство, за нимъ быстро слѣдовало пріобрѣтеніе знанія, и эта узкая полоса

его жизнь ежеминутно приходитъ въ столкновеніе съ тѣми общественными условіями, которыя онъ создалъ себѣ. Въ отношеніи къ природѣ, гдѣ все дѣйствуетъ съ изумительною правильностію и постоянствомъ, онъ можетъ принять болѣе или менѣе вѣрныя средства для защиты себя; отъ поступковъ его здѣсь не требуется ни особенной дальновидности, ни напряженнаго вниманія, а въ отношеніи къ обществу, съ которымъ связано его существованіе, онъ долженъ употреблять всевозможныя мѣры, чтобы оградить себя отъ насилія и эксплуатаціи, отъ обмана и лицемѣрія; здѣсь ему приходится бороться съ такими же существами, какъ онъ самъ, надѣленными умомъ и способными видоизмѣнить свою житейскую тактику на тысячи разныхъ ладовъ. И если общественныя отношенія сложились дурно, ис-

---

земли сдѣлалась средоточіемъ египетской цивилизаціи, цивилизаціи, которая, даже за отнесеніемъ многаго на долю преувеличеній, все-таки представляетъ разительную противоположность съ варварствомъ другихъ народовъ Африки, такъ какъ изъ нихъ ни одинъ не могъ самъ выработать своего развитія или выйдти до нѣкоторой степени изъ невѣжества, на которое обрекала его бѣдность природы.

Эти соображенія ясно доказываютъ, что изъ двухъ коренныхъ причинъ цивилизаціи самое большое вліяніе, въ древнемъ мірѣ, имѣло плодородіе почвы. Въ европейской же цивилизаціи наибольшую силу дѣйствія обнаружила другая важная причина, а именно климатъ; и этотъ послѣдній имѣетъ, какъ мы видѣли, вліяніе частью на способность работника къ работѣ, частью же на правильность его образа жизни. Различие дѣйствія замѣчательно соотвѣтствовало различію причинъ. Хотя всякой цивилизаціи должно предшествовать накопленіе богатства, но дальнѣйшія послѣдствія накопленія не въ малой мѣрѣ зависятъ отъ условій, при которыхъ оно происходило. Въ Азіи и Африкѣ условіе составляла плодородная почва, дававшая щедрое вознагражденіе за трудъ; въ Европѣ — это былъ климатъ, благопріятствовавшій болѣе успѣшному труду. Въ первомъ случаѣ, результатъ зависитъ отъ отношенія между почвою и ея продуктомъ,—другими словами,—отъ простого дѣйствія одной части внѣшней природы на другую. Въ послѣднемъ же случаѣ, онъ зависитъ отъ отношенія между климатомъ и работникомъ, т. е. отъ дѣйствія внѣшней природы не на самое себя, а на человѣка. Изъ этихъ двухъ родовъ отношеній, первый, какъ менѣе сложный, менѣе подверженъ нарушенію и потому ранѣе возъимѣлъ дѣйствіе. Отсюда произошло, что на пути цивилизаціи первые шаги неоспоримо принадлежатъ самымъ плодороднымъ странамъ Азіи и Африки. Но несмотря на то, что цивилизація этихъ странъ была самою раннею, она далеко не была самою лучшею, ни самою прочною. Въ силу обстоятельствъ, которыя я вскорѣ объясню, единственный вполнѣ дѣятельный прогрессъ зависитъ не отъ благости природы, а отъ энергіи человѣка. Вотъ почему европейская цивилизація, которая, на своихъ первыхъ ступеняхъ, находилась въ зависимости отъ климата, обнаружила способность къ развитію, неслыханную въ цивилизаціяхъ, возникшихъ подъ вліяніемъ почвы.

кажены тѣми или другими историческими обстоятельствами, освободиться отъ нихъ гораздо труднѣе, чѣмъ отъ самой заразительной болѣзни, приносимой зловреднымъ воздухомъ и гніющими болотами. Но почему соціальное положеніе одного народа лучше, а другого хуже,— это такой вопросъ, для рѣшенія котораго надо объяснить и распутать безчисленное множество самыхъ крупныхъ и самыхъ мелкихъ явленій, изъ которыхъ логически развивалась общественная жизнь.

Необходимость этого соціальнаго воззрѣнія на исторію человѣчества чувствуетъ самъ Бёкль, и нерѣдко обращается къ нему, какъ къ единственному вѣрному источнику для пониманія и разъясненія своего предмета. Такъ, напримѣръ, сказавъ, что накопленіе богатства служитъ точкой отправленія всякой цивилизаціи, онъ коснулся и соціальной стороны вопроса—распредѣленія матеріальнаго благосостоянія между различными классами. Раздѣляя ихъ на два главные разряда—на работниковъ, которые производятъ и обезпечиваютъ своимъ трудомъ все общество, и на капиталистовъ, которые пользуются этимъ трудомъ и главными выгодами его, Бёкль останавливается на задѣльной платѣ. Съ пониженіемъ или повышеніемъ ея онъ соединяетъ пониженіе или повышеніе уровня общественнаго благосостоянія. На измѣненія же задѣльной платы имѣетъ непосредственное вліяніе прибыль или убыль самого народонаселенія. Я не стану входить въ критическую оцѣнку экономической теоріи Бёкля, заимствованной имъ у Мальтуса и Рикардо—теоріи, давно потерявшей всякій кредитъ, но кстати замѣчу здѣсь, что историкъ могъ бы посовѣтоваться съ болѣе новыми и состоятельными авторитетами по этому предмету.

Дѣло впрочемъ не въ экономическихъ соображеніяхъ Бёкля, а въ томъ выводѣ, къ которому онъ приходитъ. И такъ задѣльная плата, по мнѣнію его, стоитъ въ прямой зависимости отъ самаго народонаселенія; чѣмъ оно сильнѣе увеличивается, тѣмъ рынокъ труда дѣлается полнѣе, и слѣдовательно число рабочихъ рукъ превышаетъ запросъ на нихъ; предприниматель и капиталистъ, какъ представители ренты, стараются понизить задѣльную плату, и дѣйствительно понижаютъ ее пропорціонально притоку нуждающихся въ трудѣ. Но возрастаніе народонаселенія, въ свою очередь, зависитъ отъ изобилія и дешевизны пищи, потребляемой массами; чѣмъ ея больше и чѣмъ легче она пріобрѣтается, тѣмъ люди размножаются скорѣе; и въ самомъ дѣлѣ обиліе матеріальныхъ средствъ имѣетъ непосредственное вліяніе на возвышеніе цифры браковъ и рожденій, не говоря

уже о томъ, что улучшеніе самой породы въ физическомъ отношеніи также зависитъ отъ гигіеническихъ условій общества и въ особенности отъ годности тѣхъ продуктовъ, которыми оно питается. Такимъ образомъ пища составляетъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей народнаго застоя или развитія. Вліяніе ея на организмъ человѣка выражается въ двухъ существенныхъ проявленіяхъ: она снабжаетъ его той животной теплотой, которая необходима для поддержанія жизненнаго процесса и восполняетъ постоянную убыль въ тканяхъ нашего тѣла.

«Для каждой изъ этихъ двухъ цѣлей, продолжаетъ Бёкль, служитъ особая пища. Температура нашего тѣла поддерживается веществами, которыя не заключаютъ въ себѣ азота и называются безазотными; безпрестанная же убыль въ нашемъ организмѣ восполняется веществами, извѣстными подъ именемъ азотистыхъ. Въ первомъ случаѣ углеродъ безазотной пищи, соединяясь съ вдыхаемымъ нами кислородомъ, производитъ то внутреннее сгараніе, отъ котораго возобновляется наша животная теплота. Во второмъ же случаѣ азотная пища, вслѣдствіе малаго сродства азота съ кислородомъ, будучи предохранена отъ сгаранія, сохраняется и даетъ возможность удовлетворять своему назначенію, т. е. возстановлять ткани и восполнять потери, которымъ подвергается наше тѣло въ ежедневной жизни. Вотъ два главные разряда пищи, и если мы изслѣдуемъ законы, которыми опредѣляется ихъ отношеніе къ человѣку, то найдемъ, что въ обоихъ разрядахъ главнѣйшимъ дѣятелемъ является климатъ. Когда люди живутъ въ жаркой странѣ, то ихъ животная теплота поддерживается легче, чѣмъ поддерживалась бы въ холодной странѣ; поэтому они требуютъ менѣе безазотной пищи, единственное назначеніе которой—поддерживать до извѣстной степени температуру тѣла. Точно такъ же жители жаркихъ странъ требуютъ менѣе азотистой пищи, потому что тѣло ихъ вообще подвергается рѣже напряженіямъ, и потому убыль въ немъ тканей происходитъ медленнѣе. И такъ жители тропическихъ странъ, въ естественномъ, нормальномъ состояніи, потребляютъ менѣе пищи, чѣмъ жители странъ холодныхъ, а изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что при равенствѣ другихъ условій приращеніе народонаселенія будетъ быстрѣе въ жаркихъ климатахъ, чѣмъ въ холодныхъ».

На основаніи этихъ химическихъ соображеній Бёкль приводитъ читателя къ тому общему заключенію, что распредѣленіе богатства связано съ законами народонаселенія, а самое народонаселеніе зави-

ситъ отъ болѣе или менѣе достаточнаго запаса употребляемой пищи. Сверхъ того, самое свойство питательныхъ веществъ имѣетъ вліяніе на прибыль или убыль народа. По условіямъ климата и физіологическихъ данныхъ въ холодныхъ странахъ человѣкъ питается преимущественно животными веществами, какъ напримѣръ, населеніе полярныхъ странъ въ большомъ количествѣ истребляетъ китовый жиръ и сало; напротивъ, обитатели тропическихъ мѣстностей питаются преимущественно растительными продуктами,—плодами, рисомъ и другими подобными произведеніями земли. Но животная пища достается человѣку труднѣе, и потому она дороже, а между тѣмъ ея требуется много вслѣдствіе большой потери теплоты въ нашемъ организмѣ и сильной дѣятельности мускуловъ; напротивъ растительная пища, добываемая, такъ сказать, даромъ, безъ особенныхъ усилій съ нашей стороны, потребляется въ меньшемъ количествѣ, а удовлетворяетъ потребностямъ гораздо большаго числа людей. Поэтому средній запасъ питательныхъ матеріаловъ въ жаркихъ странахъ достигаетъ болѣе крупной цифры, чѣмъ въ странахъ холодныхъ. Слѣдовательно прибыль народонаселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и пониженіе задѣльной платы за трудъ, принадлежатъ въ обратной пропорціи тропическимъ климатамъ, а убыль народонаселенія и повышеніе задѣльной платы—полярнымъ. Послѣдній выводъ послѣ этого становится ясенъ; жители жаркихъ поясовъ, получая за свой трудъ меньшее вознагражденіе при меньшей энергіи самой дѣятельности, иначе говоря—распредѣляя свое богатство между членами общества неправильно, впадаютъ въ бѣдность, а бѣдность приводитъ къ рабству. Вотъ почему, между прочимъ, всѣ восточныя государства воздвигали свое картонное величіе на униженіи массъ, и лишивъ себя самой дѣятельной части народа для развитія своей истинной силы, скоро погибали. Къ такому результату приходитъ Бёкль относительно всего востока. Мы перескажемъ здѣсь его собственными словами то бѣдственное состояніе, въ которое погрузилась древняя Индія.

«Отъ особенностей климата и пищи произошло въ Индіи то неравномѣрное распредѣленіе богатства, которое всегда должно оказаться въ странахъ, гдѣ рынокъ труда всегда бываетъ переполненъ. Просматривая самыя раннія изъ сохранившихся свѣденій объ Индіи—свѣденіямъ этимъ отъ двухъ до трехъ тысячь лѣтъ,—мы находимъ слѣды порядка вещей, подобнаго существующему въ настоящее время; порядка, который, нѣтъ никакого сомнѣнія, всегда сущ-

ствовалъ, съ самаго того времени, какъ началось настоящее накопленіе богатства. Мы находимъ, что высшіе классы непомѣрно богаты, а низшіе жалко-бѣдны; что тѣ, чьимъ трудомъ производится богатство, получаютъ возможно меньшую долю его, остальная же часть поглощается паразитными классами, въ видѣ ренты или прибыли. А какъ богатство составляетъ послѣ ума самый постоянный источникъ силы, то понятно, что такое неравномѣрное распедѣленіе богатства сопровождалось столь же неравномѣрнымъ распредѣленіемъ общественнаго и политическаго вліянія. Неудивительно послѣ этого, что въ Индіи, съ самыхъ раннихъ временъ, къ какимъ восходятъ наши свѣденія о ней, огромное большинство народа, угнетеннаго жесточайшею бѣдностію и перебивающееся, такъ сказать, со дня на день, всегда оставалось въ состояніи безсмысленной апатіи, изнемогая подъ бременемъ безпрерывныхъ несчастій, пресмыкаясь въ гнусной покорности передъ сильнымъ и проявляя способность только къ тому, чтобы или самимъ быть рабами, или служить на войнѣ орудіемъ порабощенія другихъ. Значительной части индейскаго народа присвоено названіе *судрей*. О членахъ этой касты встрѣчаются любопытныя мелкія постановленія въ туземныхъ законахъ. Если членъ этого презрѣннаго класса осмѣливался стать на то же мѣсто, которое занимали высшія лица, то онъ подвергался изгнанію изъ отечества или какому-нибудь мучительному и позорному наказанію; если онъ непочтительно выражался о нихъ, то ему прижигали ротъ; если же дѣйствительно оскорблялъ ихъ, то разрѣзали языкъ; если онъ причинялъ безпокойство брамину, то его казнили смертью; если садился на одинъ коверъ съ браминомъ, то его изувѣчивали на всю жизнь; если движимый любознательностію, онъ прислушивался къ чтенію священныхъ книгъ, то ему вливали въ уши горячее масло; если же онъ заучивалъ ихъ наизустъ, то его убивали. За всякое преступленіе, совершенное имъ, онъ подвергался болѣе строгому наказанію, чѣмъ высшія лица; если его убивали, то отвѣтственность за это была та же, что и за убіеніе кошки, собаки или вороны. Если онъ выдавалъ дочь свою за мужъ за брамина, то никакое наказаніе на этомъ свѣтѣ не считалось для него достаточнымъ; поэтому объявлялось, что браминъ долженъ идти въ адъ за то, что потерпѣлъ оскверненіе отъ женщины, стоявшей неизмѣримо ниже его. Даже было опредѣлено, чтобы самое имя работника выражало презрѣніе,—такъ чтобы можно было прямо узнать, какое ему свойственно мѣсто. А на случай, если бъ

и этого оказалось недостаточно для поддержанія общественной подчиненности, издань былъ положительный законъ, воспрещавшій работнику накоплять богатство. Въ то же время другимъ постановленіемъ опредѣлялось, что судра, даже получивъ свободу отъ своего хозяина, на самомъ дѣлѣ продолжаетъ быть рабомъ, *ибо*, говоритъ законодатель, *кто можетъ вывести его изъ состоянія, свойственнаго его природѣ?*»

«И подлинно, кто бы могъ вывести его изъ этого состоянія? Я не представляю себѣ, гдѣ бы могла быть такая сила, которая нашла бы возможность совершить столь великое чудо. Въ Индіи рабство, низкое, вѣчное рабство было естественнымъ состояніемъ значительнаго большинства народа; на это состояніе онъ былъ обреченъ физическими законами, рѣшительно не допускавшими сопротивленія. И въ самомъ дѣлѣ сила этихъ законовъ такъ непреодолима, что вездѣ, гдѣ только проявлялось ихъ дѣйствіе, они держали производительные классы въ постоянномъ подчиненіи. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы въ какой-нибудь тропической странѣ, при значительномъ накопленіи богатства, народъ избѣгнулъ такой участи; нѣтъ примѣра, чтобы вслѣдствіе жаркаго климата, не оказалось избытка пищи, и вслѣдствіе избытка пищи—неравномѣрнаго распредѣленія сперва богатства, а за нимъ общественнаго и политическаго вліянія. Въ націяхъ, подчиненныхъ этимъ условіямъ, народъ не считался ничѣмъ; онъ не имѣлъ никакого голоса въ государственномъ управленіи, никакого контроля надъ богатствомъ, плодомъ его же труда. Единственнымъ дѣломъ его было работать, единственною обязанностію—повиноваться. Вотъ гдѣ начало того расположенія къ тихой, раболѣпной покорности, которое, какъ мы знаемъ изъ исторіи, было всегда отличительною чертою такихъ народовъ. То несомнѣнный фактъ, что лѣтописи этихъ народовъ не представляютъ намъ ни одной борьбы сословій, ни одного народнаго переворота. Въ этихъ богатыхъ и плодородныхъ странахъ много было перемѣнъ, но всѣ онѣ начинались сверху, а не снизу. Демократическаго элемента въ нихъ рѣшительно недоставало. Было множество войнъ царей и династическихъ войнъ, были перевороты въ правительствѣ, перевороты во дворцѣ, перевороты на тронѣ, но ихъ вовсе не было въ народѣ... Только съ зарожденіемъ цивилизаціи въ Европѣ стали дѣйствовать другіе законы, а слѣдовательно оказались и другіе результаты. Въ Европѣ былъ сдѣланъ первый шагъ къ уравненію правъ, впервые

обнаружилось стремленіе къ ограниченію той несоразмѣрности въ распредѣленіи богатства и вліянія, которыя составляли существенно слабую сторону величайшихъ изъ древнихъ государствъ».

Изъ приведеннаго выше очерка Бёкля ясно видно, что убійственный законъ Мальтуса, обрекающій человѣчество на самосъѣденіе, и принятый историкомъ для объясненія его теоріи, діаметрально противорѣчитъ мнѣнію самого же Бёкля—о неограниченномъ развитіи человѣческихъ силъ въ измѣненіи и переработкѣ природы. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ вслѣдствіе роковой необходимости поставленъ въ зависимость отъ риса и картофеля, на что же ему тогда энергія и умъ, которые даютъ ему неоспоримое превосходство надъ другими животными! Какъ ученіе Мальтуса, такъ и заимствованная у него теорія Бёкля рядомъ логическихъ наведеній привели бы насъ къ самому мрачному фатализму, въ которомъ нѣтъ болѣе границъ между пассивной покорностію и свободнымъ выборомъ, между жизнью и смертью. Но на самомъ дѣлѣ Бёкль не думаетъ такъ, какъ онъ самъ докажетъ это во второй части своей книги. Капитальная ошибка его анализа, блестящаго по своимъ подробностямъ, но фальшиваго въ примѣненіи его къ самому принципу, заключается въ томъ, что онъ упускаетъ изъ виду чисто-соціальныя отношенія людскихъ обществъ, а изъ нихъ слагается новая и чрезвычайно важная категорія обстоятельствъ, управляющихъ историческими судьбами народовъ. *Человѣкъ страдаетъ гораздо больше отъ подобнаго же ему человѣка, чѣмъ отъ природы* — этими нѣсколькими словами опредѣляется глубокій смыслъ падшихъ и возникающихъ цивилизацій, разсматриваемыхъ Бёклемъ съ строго-реальной точки зрѣнія. Смотря на это всемірное кладбище, гдѣ тысячи поколѣній смѣшали свои кости съ прахомъ, не насладившись ни жизнью, ни счастіемъ, становится грустно; но еще грустнѣе подумать, что эти люди и не могли разсчитывать на лучшую долю, еслибъ даже употребили всѣ усилія обезпечить ее себѣ, или, по крайней мѣрѣ, цѣной своихъ страданій и лишеній купить для будущихъ поколѣній менѣе тяжелое существованіе. Нѣтъ, говоритъ Мальтусъ и за нимъ повторяетъ Бёкль,—нѣтъ спасенія и надежды тѣмъ народамъ, которыхъ осудила сама природа на постепенное гніеніе. Вздоръ, господа фаталисты! (будете ли вы идеальные или реальные защитники этого жалкаго ученія, — для насъ это все равно); какъ ни безотрадно прошлое въ судьбахъ человѣчества, какъ ни печальна его похоронная процессія впродолженіи нѣсколькихъ вѣ-

ковъ, но будущее еще не потеряно для него; спѣшите сбросить съ корабля лишній грузъ и подгнившія мачты, и наше плаваніе сдѣлается быстрѣе, и пристань ближе, чѣмъ мы думаемъ, затертые между подводными камнями и мелями... Нѣтъ надобности увлекаться обманчивыми мечтами; но нѣтъ основанія и отчаяваться за силы человѣка. Бросьте его куда угодно—въ снѣжныя пустыни сѣвера или въ безводныя степи Африки, вездѣ онъ восторжествуетъ надъ природой, дайте ему только новую общественную жизнь, устроенную на раціональныхъ началахъ, безъ внутренней взаимной вражды и систематическаго людоѣдства, прикрытаго разными громкими фразами современнаго прогресса...

Но гдѣ же провести ту пограничную черту, за которой оканчивается всепоглощающее вліяніе внѣшняго міра и начинается самостоятельная умственная дѣятельность человѣка? Говоря проще, когда народъ выходитъ изъ подъ опеки окружающей его природы и становится полнымъ господиномъ ея? Бокль уклоняется отъ категорическаго рѣшенія этого вопроса, и ограничивается только одной общей оговоркой, что въ періоды *младенческаго возраста* народы сильнѣе подчиняются физическимъ законамъ, чѣмъ въ эпоху ихъ *возмужалости*. Но слова—младенчество и возмужалость, прилагаемыя къ извѣстному обществу, для насъ не имѣютъ никакого смысла, кромѣ пустой метафоры. Общество не то, что отдѣльное лицо; оно не можетъ ни молодѣть, ни старѣть; его жизни не назначено опредѣленнаго срока лѣтъ, послѣ котораго оно должно непремѣнно умерѣть; самыя условія его развитія совершенно не таковы, какъ у индивидуума: здѣсь все измѣряется единичной волей, единичнымъ умомъ, единичными цѣлями и средствами, а тамъ, въ силу притяженія всякаго массивнаго тѣла, отдѣльныя личности исчезаютъ въ общей жизни, и на дѣйствіяхъ ихъ отпечатлѣвается характеръ воли, ума, цѣлей и средствъ коллективныхъ. Позвольте объясниться примѣромъ: я вижу передъ собой, положимъ, море, котораго каждая волна, взятая порознь, состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ какихъ состоитъ все море; ея вкусъ, цвѣтъ, жидкость ничѣмъ не отличается отъ остальной массы воды; но развѣ отдѣльная волна управляется тѣми же законами, что и море? Развѣ сила и назначеніе ея одинаковы съ силой и назначеніемъ цѣлаго океана? Точно такое же различіе между единичнымъ лицомъ и обществомъ. Поэтому пора бы оставить историкамъ ихъ избитыя паралели, проводимыя между существованіемъ отдѣльнаго чело-

вѣка и цѣлаго народа. Потому же и сравненіе Бёкля между молодыми и дряхлыми обществами кажется намъ чистымъ произволомъ діалектическаго искусства. Къ обществу можно приложить только два главныя свойства: хорошо оно, или дурно? Въ первомъ случаѣ оно способно жить и дѣйствовать, а во второмъ оно обращается въ безполезнаго паразита, напрасно занимающаго мѣсто на земномъ шарѣ. Но когда оно бываетъ хорошо и когда—дурно? Бёкль отвѣчаетъ на это такъ: общество слагается хорошо, когда его почва, климатъ и пища благопріятствуютъ его органическому развитію. Никто не станетъ спорить, что эти физическіе дѣятели имѣютъ огромное вліяніе на складъ и характеръ каждаго народа, но ихъ роль оканчивается, когда вступаютъ въ свои права другіе болѣе сложные и высшіе дѣятели — законы соціальные. Конечно, разбирать и группировать ихъ подъ извѣстную теорію гораздо труднѣе, чѣмъ отдѣлываться простымъ сближеніемъ внѣшней природы и внутренней жизни человѣка, но безъ пониманія и анализа ихъ, современному историку ничего другого не остается, какъ положить перо и откровенно сказать: я ничего не знаю въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Мы отнюдь не смѣемъ сдѣлать этого упрека автору «Исторіи англійской цивилизаціи»; онъ не пренебрегаетъ и соціальными условіями историческихъ народовъ, но отводитъ этимъ условіямъ въ своей превосходной книгѣ, сравнительно съ другими вопросами, такое скромное мѣсто, что невольно изумляешься его равнодушію къ предмету первостепеннаго значенія; часто не знаешь, говоритъ ли Бёкль о развитіи отдѣльнаго человѣка или всего общества, рисуетъ ли онъ картину какой-нибудь одной мѣстности, или цѣлаго полушарія нашей планеты. Мнѣніе наше всего лучше подтверждается послѣдними соображеніями Бёкля о вліяніи физическихъ законовъ на развитіе человѣчества.

Послѣ климата, почвы и пищи, какъ мы сказали выше, Бёкль считаетъ общій видъ природы величайшимъ орудіемъ нашего умственнаго прогресса. «Виды природы, говоритъ онъ, могутъ быть раздѣлены на два разряда: къ первому мы относимъ тѣ, которые наиболѣе способны возбуждать *воображеніе*, а ко второму тѣ, которые обращаются къ *разсудку*, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. возбуждаютъ чисто логическую дѣятельность ума». Основываясь на этомъ различіи, Бёкль считаетъ тропическія страны враждебными развитію людей, потому что природа ихъ, возбуждая чувство страха

и удивленія, погружаетъ человѣка въ мистическое созерцаніе естественныхъ явленій: умъ робѣетъ передъ величіемъ и безусловно покоряется фантазіи; во всемъ, что онъ не понимаетъ и не можетъ объяснить себѣ физическими законами, ему представляется вмѣшательство сверхъ-естественной силы, которой онъ боится и передъ которой слѣпо благоговѣетъ. Въ такомъ состояніи народа сумма суевѣрій увеличивается и препятствуетъ распространенію знанія. А гдѣ нѣтъ его свѣта, тамъ темная ночь порождаетъ всевозможные призраки, которые воображеніе превращаетъ въ идоловъ, кумировъ и боговъ. Для подтвержденія своего вывода Бёкль сравниваетъ умственную дѣятельность Индіи съ проявленіями той же дѣятельности въ Греціи и находитъ ихъ радикально противоположными. «Въ Индіи, говоритъ онъ, всѣ окружающія человѣка явленія были направлены къ тому, чтобы внушить ему страхъ, а въ Греціи они внушали ему довѣріе. Въ Индіи человѣкъ былъ запуганъ, а въ Греціи онъ былъ ободряемъ. Въ Индіи препятствія всякаго рода были такъ многочисленны, такъ страшны и, повидимому, такъ необъяснимы, что всякаго рода затрудненія жизни могли быть разрѣшаемы только постояннымъ обращеніемъ къ непосредственному дѣйствію сверхъ-естественныхъ причинъ и такъ какъ эти причины выходятъ изъ области разсудка, то всѣ силы воображенія постоянно были заняты изученіемъ ихъ; само воображеніе было чрезмѣрно напряжено, такъ что дѣятельность его стала опасною; она стѣснила дѣятельность разсудка, и общее равновѣсіе умственныхъ силъ было нарушено. Въ Греціи противоположныя условія привели къ противоположнымъ результатамъ. Здѣсь природа менѣе страшила человѣка, менѣе вмѣшивалась въ дѣла его и была менѣе таинственна. Поэтому въ Греціи человѣческій умъ былъ менѣе напуганъ и суевѣренъ, онъ сталъ доискиваться до физическихъ причинъ явленій; развитіе естественныхъ наукъ сдѣлалось возможнымъ и человѣкъ, доходя постепенно до сознанія своей силы, приступилъ къ изслѣдованію всего окружающаго его съ такою смѣлостью, какой нельзя было бы ожидать въ тѣхъ странахъ, гдѣ давленіе природы нарушало его независимость и возбуждало въ немъ идеи, съ которыми дѣйствительное знаніе несовмѣстимо». Тѣ же черты различія отразились въ индійской и греческой литературахъ; въ первой преобладаютъ преувеличенія, колоссальные и грубые образы, отсутствіе пластической красоты и постоянная тенденція мысли къ таинственному и чудесному, напротивъ, въ эллинской поэзіи все дышетъ граціей и гар-

моніей, все принимаетъ самые естественные размѣры, начиная отъ боговъ и до обыкновенныхъ людей, во всемъ проглядываетъ стремленіе къ красотѣ и уваженіе къ ней возводится въ общій національный типъ.

Такимъ образомъ Бёкль обобщаетъ свою идею въ слѣдующемъ видѣ: всѣ восточныя цивилизаціи, пораженныя величіемъ и ужасомъ природы, приняли совершенно другое направленіе, чѣмъ цивилизаціи европейскія, развившіяся въ умѣренныхъ климатахъ. Въ первыхъ — умъ человѣка оказался безсильнымъ въ пониманіи естественныхъ явленій и запуталъ себя суевѣріями; во вторыхъ — онъ сбросилъ съ себя или, по крайней мѣрѣ, стремится сбросить вредное вліяніе воображенія и свободно освѣщаетъ передъ собой тотъ путь, которымъ идутъ народы къ лучшему своему положенію. Подробности анализа Бёкля, его сближенія и паралели, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, въ высшей степени мѣткія и для русской публики совершенно новыя; но основная идея грѣшитъ тѣмъ же натянутымъ обобщеніемъ, въ которомъ Бёкль упрекаетъ метафизическую школу. Дѣло въ томъ, что всякая напередъ придуманная система никуда не годится въ отношеніи общечеловѣческой жизни. Мѣрить однимъ аршиномъ нѣсколько различныхъ народностей, группировать ихъ подъ одну рубрику по прихоти своей теоріи — рѣшительно невозможно; а между тѣмъ Бёкль старается, во что бы то ни стало, поставить всѣ восточныя цивилизаціи подъ одинъ уровень и закопать ихъ, такъ сказать, въ одну могилу. Возраженій встрѣчается ему очень много; но онъ обходитъ ихъ искусно, хотя не всегда искренно. Согласимся, напримѣръ, съ тѣмъ, что возбужденіе человѣческой мысли происходитъ отъ непосредственнымъ толчковъ со стороны природы и опредѣляется законами, но почему же жители Сѣверной Америки, окруженные не менѣе грандіозными и поразительными естественными явленіями, чѣмъ обитатели малабарскихъ острововъ, выработали себѣ иную цивилизацію, какой мы не видимъ ни въ Франціи, ни въ Германіи? Почему Швейцарія, стиснутая въ самыхъ неблагопріятныхъ физическихъ границахъ, изрѣзанная страшными пропастями, ущеліями, горами и водопадами, гдѣ снѣжные обвалы доселѣ засыпаютъ жилища и людей, гдѣ грозы и землетрясенія такъ же гибельны, какъ и въ Испаніи, и за всѣмъ тѣмъ швейцарская цивилизація вовсе не походитъ на испанскую. Такихъ примѣровъ можно привести очень много, и всѣ они очевидно опровергаютъ крайніе выводы Бёкля. Съ другой стороны,

самыя лучшія общественныя организаціи принадлежали бы тѣмъ странамъ, гдѣ природа, подобно русской плоскости, не представляетъ ничего похожаго на ужасъ или величіе физическихъ феноменовъ, а между тѣмъ не богъ знаетъ какъ мы далеко ушли отъ сѣверной Африки или отъ древняго Индустана. Наконецъ, въ границахъ одной и той же народности почти постоянно встрѣчаются различныя мѣстности, которыя, по теоріи Бёкля, должны были бы дѣйствовать на людей различно — однихъ держать въ безвыходномъ суевѣріи а другихъ очень быстро развивать, но мы не знаемъ такихъ образчиковъ. Ясно, что между причинами и послѣдствіями, которыя Бёкль соединяетъ въ одинъ фокусъ, должно лежать множество другихъ обстоятельствъ, не принятыхъ имъ во вниманіе. Притомъ, какъ матеріалистъ, онъ не всегда послѣдователенъ. Внѣшняя обстановка природы получаетъ у него огромное значеніе, и физiологическіе законы природы, тѣсно связанные съ той же физической обстановкой, не имѣютъ никакого смысла. Если мое воображеніе подчиняется естественнымъ явленіямъ, то прежде всего цвѣтъ моей кожи, кровь, мускулы и вся нервная система должны зависѣть отъ мѣстныхъ условій, и—слѣдовательно различіе породъ имѣетъ свою историческую важность. Сюда относятся организмы языковъ, безчисленные оттѣнки нарѣчій, темпераменты и весь складъ умственныхъ способностей того или другого народа.

Въ настоящей статьѣ я пришелъ къ двумъ главнымъ заключеніямъ въ критической оцѣнкѣ книги Бёкля: во первыхъ ей недостаетъ полноты во взглядѣ на исторію человѣческихъ обществъ; между физическими и умственными усиліями народной жизни пропущены чисто соціальныя условія, самыя важныя по своимъ послѣдствіямъ. Во вторыхъ методъ обобщенія фактовъ доводитъ Бёкля до абсурда и представляетъ въ ложномъ свѣтѣ историческую физіономію народовъ.

Въ слѣдующей статьѣ я намѣренъ разобрать другую половину теоріи Бёкля — вліяніе нравственныхъ и умственныхъ законовъ на развитіе или отупѣніе человѣческихъ обществъ.

Григ. Благосвѣтловъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЛЮБОВЬ И НИГИЛИЗМЪ.

(По поводу комедіи г. Устрялова «Слово и дѣло» и драмы г. Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.)

Съ легкой руки г. Тургенева въ нашей литературѣ начали появляться такъ называемые нигилисты. Типъ этотъ—совершенно новое явленіе, мало знакомое обществу, такъ что оно было бы вправѣ усомнится въ дѣйствительномъ существованіи Базаровыхъ, если бы воспроизведеніе этой личности не принадлежало такому *заслуженному* литератору, какъ И. С. Тургеневъ. Благодаря авторитету его, общество повѣрило ему на слово въ томъ, что Базаровы дѣйствительно существуютъ, и та часть общества, которая, по своему нравственному складу, не могла отнестись симпатично къ новому явленію, съ желчью и злобой опрокинулась на него, опираясь на безусловномъ довѣріи къ автору; другіе, которые нашли въ характерѣ Базарова хорошія основанія и силу, способную двигать общество впередъ, напротивъ, отнеслись къ этой личности съ необыкновеннымъ сочувствіемъ, оправдывая внѣшними явленіями недостатки Базарова. Это сочувствіе съ одной стороны и антипатія съ другой доказываютъ несомнѣнность одного лишь факта, что общество сильно заинтересовано новымъ явленіемъ своей жизни и предчувствуетъ въ ней новое направленіе нашей умственной дѣятельности. Старые боги сходятъ съ своихъ пьедесталовъ и уступаютъ мѣсто другимъ богамъ... Общество еще не видитъ новыхъ боговъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всякимъ новымъ типомъ, какой только представитъ ей наша бѣдная литература.

Но что такое нигилизмъ и откуда онъ явился въ русской жизни? Вотъ вопросъ, о которомъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ. Сама русская жизнь не могла его выработать, потому что онъ въ

сущности есть плодъ глубокаго умственнаго процесса, подкрѣпленнаго выводами естествознанія, которое, какъ извѣстно, не процвѣтаетъ въ Россіи и никогда не процвѣтало. Литература наша такъ же молчала и молчитъ обо всемъ, что касается этого предмета. Нигилизмъ и реализмъ въ русской литературѣ и въ русской жизни пользуются такими же правами, какъ напримѣръ, встрѣчающіеся довольно часто на петербургскихъ улицахъ, два индивидуума, связанные веревочкой и сопровождаемые неумолимымъ стражемъ города въ какое-либо карцерообразное учрежденіе. А между тѣмъ г. Тургеневъ находитъ этотъ типъ уже воплощеннымъ въ жизнь, и рисуетъ его образъ. Но гдѣ же мы видимъ Базаровыхъ, и кто изъ насъ можетъ указать на нихъ въ дѣйствительной жизни? Двѣ или три черты, рисующія физіономію Базарова и разбросанныя въ нашей жизни, еще не составляютъ цѣльнаго типа. Пока у насъ сложились и сжились съ нами Печорины, Рудины, Кирсановы, съ которыми мы давно уже знакомы, а Базаровъ еще находится въ *эмбріонѣ*. Очевидно, г. Тургеневъ поспѣшилъ воспроизведеніемъ своего героя; онъ взялъ его не изъ русскаго общества, а привезъ изъ Германіи, откуда ему не въ первый разъ приходится брать свои художественные типы. Дѣйствительно, въ Германіи этотъ типъ имѣетъ свое законное основаніе; тамъ представляется имъ большинство лучшаго молодого поколѣнія; тамъ онъ связывается съ преобладающими идеями въ наукѣ, въ политикѣ и въ искусствѣ, а у насъ онъ пока остается привозной контрабандой. И за всѣмъ тѣмъ общество заинтересовано этимъ типомъ, можетъ быть, именно потому, что оно знаетъ его больше по наслышкѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Иначе нельзя было бы ничѣмъ объяснить, напримѣръ, того обстоятельства, что комедія въ родѣ поставленной въ заглавіи нашей статьи, обратила на себя нѣкоторое вниманіе публики. Совершенно такъ же были встрѣчены пьесы Львова, когда вопросъ о чиновникахъ живо интересовалъ общественное вниманіе. Если бы кто вздумалъ говорить о художественномъ значеніи пьесъ г. Львова, о его талантѣ,—это было бы болѣе чѣмъ странно; точно такъ же было бы странно говорить и о недостаткахъ пьесы г. Устрялова «Слово и дѣло»; она, какъ литературное произведеніе, ниже всякой критики; даже какъ *сентенція* не можетъ остановить на себѣ ничьего вниманія, по недостатку въ ней простого логическаго смысла; но такъ какъ автору вздумалось вытолкнуть на сцену нигилиста, и притомъ такого нигилиста, который опровергаетъ себя,

однимъ словомъ—самъ «отрицается отъ сатаны», и именно въ вопросѣ о любви, играющемъ самую видную роль въ жизни, — то мы не считаемъ лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на этотъ предметъ, гораздо болѣе, чѣмъ требуетъ того комедія г. Устрялова.

Вертяевъ, герой этой комедіи, съ приклееннымъ отъ автора ярлыкомъ—*нигилистъ*, пріѣзжаетъ изъ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ управлялъ мыловареннымъ заводомъ, въ Петербургъ, и является къ одному изъ своихъ университетскихъ товарищей, молодому чиновнику Лавинскому, котораго сочинилъ г. Устряловъ для контраста Вертяеву. Они садятся завтракать и оба говорятъ сущій вздоръ. Впрочемъ это и неудивительно: умные люди не выводятся въ комедіяхъ. Изъ этого разговора публика должна была узнать, что Вертяевъ — *нигилистъ*, а Лавинскій — *идеалистъ*. Разсуждая о женитьбѣ, Вертяевъ выражаетъ слѣдующій образъ мыслей:

«Ты знаешь мой взглядъ на жизнь: я вѣрю въ то, что знаю, признаю то, что вижу и уважаю то, что приноситъ пользу. До прочаго мнѣ нѣтъ дѣла. Всѣ эти идеалы да мечтанія, сладость и нѣга — не по моей части, во первыхъ потому, что это значитъ только тѣснить самого себя и играть кукольную комедію, а во вторыхъ, это бы и не пристало къ моей физіономіи... Я говорю, что чувство блажь, которую напускаютъ на себя люди отъ бездѣлья. Я понимаю, напримѣръ, что можно заниматься женщиной и даже любить ее, но опять-таки любить не въ смыслѣ любви, не такъ какъ вы понимаете, а любить какъ свое созданіе, какъ авторъ любитъ свое произведеніе, въ которомъ осуществилъ свои завѣтные планы или такъ называемые идеалы. Но такъ какъ женщина смотритъ почти исключительно на чувство, то мнѣ и становится смѣшно, когда я вижу людей, принимающихъ мелкую монету за слитокъ золота».

Потомъ Вертяевъ говоритъ, что онъ никогда не женится, потому что не надѣется встрѣтить женщины, которая отвѣчала бы его требованіямъ и которая могла бы понравиться ему. Возможности влюбиться, конечно, онъ также не допускаетъ, говоря, что влюбляются только школьники да институтки, что разсудокъ и чувство исключаютъ другъ друга, и что при нормальной дѣятельности ума, чувство не можетъ существовать.

Приведенное мѣсто изъ разговора Вертяева съ его товарищемъ вполнѣ объясняетъ характеръ героя; затѣмъ еще встрѣчаются фразы, изъ которыхъ видно, что Вертяевъ, какъ подобаетъ устряловскому нигилисту, недовѣрчивъ къ людямъ, не вѣритъ въ возможность, чтобы

кто нибудь могъ быть счастливымъ, что онъ не понимаетъ музыки, потому что не созданъ для подобныхъ впечатлѣній.

«Въ каждомъ человѣкѣ, говоритъ Вертяевъ, преобладаетъ или разсудокъ, или сердца, а тамъ, гдѣ разсудокъ полный господинъ, предаваться минутному впечатлѣнію—значитъ идти наперекоръ себѣ».

Вообще Вертяевъ резонеръ и часто противорѣчитъ себѣ на словахъ, хотя авторъ хотѣлъ, чтобы противорѣчіе это являлось только между *словомъ* и *дѣломъ*. Иногда онъ признаетъ за женщиной гораздо большее значеніе, чѣмъ сколько можно было ожидать вообще при его *принципахъ*. Чтобы дополнить нравственный характеръ Вертяева, приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ его разговора:

«Я думаю, нѣтъ женщины, которая не направляла бы любящаго ее человѣка на дѣятельность, не указывала бы ему всей святости честнаго, благороднаго труда,—труда, приносящаго не матеріальную выгоду, а невыразимое нравственное наслажденіе! Если же такой женщинѣ необходима подобная жертва, то, знаете, какъ она зовется?... Исполненіемъ долга».

За этой реторической тирадой слѣдуетъ разсказъ Вертяева о его воспитаніи. Видно, что за первыя побужденія къ просвѣщенію и труду онъ обязанъ литературѣ, и въ томъ числѣ сочиненіямъ Пушкина и Гоголя. И это также въ устахъ нигилиста отзывается какимъ-то сумбуромъ. Какъ образчикъ ума Вертяева приводимъ провозглашенный имъ тостъ у невѣсты Лавинскаго, когда тотъ только-что получилъ согласіе на свое предложеніе.

«Да здравствуетъ любовь! любовь, источникъ дѣятельности, возвышающая человѣка! любовь начало апатіи, повергающая ею въ ничтожество! Да здравствуетъ умъ! умъ въ геніѣ и бѣдномъ труженикѣ, умъ въ плутѣ и спекулянтѣ! Да здравствуетъ веселье! веселье бѣдняка, купившаго на послѣднія деньги дѣльную книгу, веселье честнаго семейства у домашняго очага! и да здравствуетъ веселье пустозвона, промотавшагося на наемныхъ рысакахъ и бьющаго стекла по трактирамъ!... Выпилъ бы я еще за одно здоровье, заканчиваетъ Вертяевъ, за здоровье правды,—я думаю ей теперь очень не здоровится, да только далеко она, сердечная, и не услышитъ меня!...»

У автора, въ скобкахъ, подлѣ этихъ строкъ образцоваго краснорѣчія, сказано: *всѣ молчатъ въ удивленіи*. Эту замѣтку для актеровъ дѣйствительно необходимо было сдѣлать, потому что безъ такого предупрежденія они могли бы расхохотаться.

Не желая болѣе удивляться сами и удивлять нашихъ читателей недостаткомъ умственнаго развитія героя новой комедіи, мы переходимъ къ важнѣйшему вопросу нигилизма, именно къ любви.

Подобно тому, какъ тургеневскому Базарову нравилось тѣло Одинцовой, и Вертяевъ, упорно доказывающій неумѣстность чувства любви, влюбился въ невѣсту своего друга, уже убитаго на дуэли, какъ и слѣдовало идеалисту; она тоже нѣчто въ родѣ маріонетки, готова была полюбить нигилиста; но, увы! пустой резонеръ и здѣсь остался резонеромъ, и притомъ крайнимъ идеалистомъ и дидактикомъ. Отказываясь отъ Наденьки, онъ говоритъ ей: «Что я такое? простой рабочій, труженикъ, у котораго есть силы, есть способность… и больше ничего. Вы не войдете въ мою сферу, Наденька! вы задохнетесь въ ней отъ суровой жизни! Вы не такъ воспитаны, вы привыкли къ иному образу жизни! Что вы будете дѣлать? Съ утра до поздней ночи вашъ мужъ будетъ работать, — работать не изъ за денегъ — нѣтъ! но потому, что безъ работы онъ умретъ, какъ рыба уснетъ безъ воды… Да и что я буду, если не стану трудиться! А вы? цѣлый день одна, перенесенная въ чуждый вамъ міръ… И вотъ настанетъ минута, когда незамѣтно подкрадется вамъ въ душу сожалѣніе! Сожалѣніе! есть ли что-нибудь ужаснѣе! А тогда все кончено, все пропало!» — Что же мнѣ остается? спрашиваетъ Наденька. «Сознаніе!.. сознаніе, говоритъ Вертяевъ, что вы дали мнѣ счастье, котораго ничто не можетъ сломить! Вы обновили меня, освѣтили, вдохнули мнѣ новую душу! Развѣ этого мало? Вы заставили меня испытать въ жизни то, что я никогда не испыталъ, чувство… святое, неугасаемое, вѣчно молодое, радостное чувство! Вы заставили меня жить и полюбить жизнь! Я васъ благословляю… Разстанемся… дайте мнѣ руку… ее жметъ рука честнаго человѣка!»

Если авторъ сочинилъ своего героя только для того, чтобы показать противорѣчіе жизни съ теоріей пустоголоваго школьника, то трудъ его не стоилъ хлопотъ, а тѣмъ менѣе постановки на сцену; если же онъ, увлекаясь примѣромъ Тургенева, хотѣлъ воспроизвести возникающій въ жизни новый типъ, то надобно было во первыхъ— самому подняться до уразумѣнія того, что онъ хотѣлъ повидимому порицать или представить несостоятельнымъ, и во вторыхъ—создать личность съ убѣжденіями, твердо сформированными, выражающими собой извѣстную идею. Видя у себя передъ глазами мальчика, непонимающаго того, что говоритъ, неимѣющаго даже достаточно логики и развитія, чтобы не противорѣчить самому себѣ, выражая свои воззрѣнія на окружающіе предметы, читатель вправѣ будетъ замѣтить автору его собственную несостоятельность въ пониманіи пред-

мета, о которомъ онъ взялся говорить. Отъ людей неразвитыхъ, слабоумныхъ, какъ Вертяевъ, можно ожидать всякаго противорѣчія между *словомъ* и *дѣломъ*, и это вовсе не представляетъ такого соціальнаго и нравственнаго интереса, чтобы можно было подобныя личности выставлять героями сценическихъ произведеній съ претензіей на серьезность ихъ содержанія.

Базаровъ искаженъ авторомъ съ цѣлью поразить не принципы его, а приложеніе ихъ къ жизни. Въ Вертяевѣ наоборотъ, мы видимъ какой-то сумбуръ въ его убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ. Чтобы показать несостоятельность этого сумбура и противорѣчіе его жизни, не стоило брать такую задачу для комедіи, потому что всякому и такъ ясно, что дѣйствительныя и разумныя требованія жизни всегда станутъ въ противорѣчіе съ невыработавшимися убѣжденіями человѣка, подобнаго Вертяеву, далекаго и отъ жизни, и отъ науки. Ничего нѣтъ страннаго, что такой человѣкъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, будетъ мѣнять свой образъ мыслей, какъ это сдѣлалъ Вертяевъ послѣ встрѣчи съ Наденькой, отрекаясь отъ прежнихъ убѣжденій, въ своей плоской и пошлой тирадѣ, которой оканчивается комедія:

«Когда вы встрѣтите, говоритъ онъ, такого человѣка, каковъ я былъ прежде, когда онъ на вашихъ глазахъ будетъ отвергать все, ломать всякое чувство, признавать только одинъ разсудокъ, жить однимъ умомъ, уважать одну видимую пользу, — не вѣрьте, Надежда Николаевна! Это только слово. Вы смотрите на дѣло! Не вѣрьте ему! онъ лжетъ! Онъ лжетъ противъ самого себя, неумышленно, невольно, съ убѣжденіемъ, но.... лжетъ! Пусть онъ говоритъ! пусть видитъ одну прозу въ жизни, пусть нѣтъ для него ничего святого, кромѣ пользы, ничего завѣтнаго, кромѣ опыта... Настанетъ минута, и онъ узнаетъ.... узнаетъ навѣрно, что есть въ жизни что-то другое, въ чемъ мы невластны, что неотразимо, что влечетъ насъ къ себѣ и побѣждаетъ.... Онъ узнаетъ и повѣритъ! Я говорю это по опыту, и дай богъ, чтобы всякой это испыталъ... тогда не будетъ фальшивыхъ убѣжденій!...»

Въ заключеніе комедіи Вертяевъ и Настенька разстались.

Такимъ образомъ, когда онъ говорилъ, что не можетъ любить, онъ полюбилъ; а когда уже сказалъ, что любитъ—призналъ за благо разстаться съ предметомъ любви. Во всемъ этомъ виденъ школьникъ безъ характера, безъ энергіи и даже съ испорченными инстинктами, несмотря на свою молодость.

Судя по тому, что авторъ комедіи является передъ публикой въ первый разъ, и что по его пріемамъ вообще въ немъ виденъ менѣе поэтъ и художникъ, чѣмъ дидактикъ, можно смѣло заключить, что

онъ писалъ свою комедію вовсе и не думая объ искусствѣ, а просто съ цѣлью *поразить* нигилизмъ и нигилистовъ. Мы не будемъ говорить о томъ, въ какой степени онъ достигъ своей цѣли, но считаемъ себя обязанными сказать собственно о пріемѣ, употребленномъ авторомъ для нанесенія удара. И. С. Тургеневъ изобразилъ своего героя умнымъ, съ сильнымъ характеромъ, и уже отъ себя сказалъ слово, опровергающее убѣжденія и принципы, во имя которыхъ жилъ Базаровъ; это было совершенно рыцарски; а г. Устряловъ, желая стать въ ряды анти-нигилистовъ, поступилъ совершенно иначе: онъ сочинилъ своего героя лишеннымъ всякаго содержанія, пустого фразера и на послѣдней страницѣ своей комедіи заставилъ его самого отречься отъ всѣхъ своихъ словъ, какъ бы доказывая, что онъ съ этой минуты дѣлается разумнѣе. Видѣть человѣка, который самъ себя бьетъ по щекамъ, весьма непріятно; къ нему теряется всякое уваженіе. Именно этого и хотѣлъ г. Устряловъ. Но въ какой степени позволителенъ подобный пріемъ, и нельзя ли его сравнить съ бросаніемъ камня изъ за угла,—это вопросъ, который мы предоставляемъ каждому разрѣшить по своему.

Общество заинтересовано нигилизмомъ, какъ мы уже и замѣтили выше; это фактъ, побуждающій насъ выдѣлить изъ общаго понятія о нигилизмѣ *любовь*, какъ предметъ наиболѣе доступный пониманію и чувству каждаго, и болѣе зависящій отъ индивидуальной воли, чѣмъ отъ общественныхъ условій, потому что, напримѣръ, *трудъ*, *энергія*, и т. п. зависятъ отъ общественныхъ условій, и никакой нигилистъ не можетъ быть въ этихъ отправленіяхъ настолько индивидуаленъ, сколько это возможно въ любви. Кромѣ того нигилизмъ относится по преимуществу къ молодому поколѣнію, а оно только и признается способнымъ къ любви; слѣдовательно вопросъ о томъ, можетъ ли любить нигилистъ, какъ любить, во имя какого принципа?—является въ высшей степени вопросомъ соціальнымъ и притомъ весьма важнымъ для молодого поколѣнія женскаго пола, еще не успѣвшаго ознакомиться ни съ нигилистами, которые встрѣчаются весьма рѣдко, ни съ сущностью самого нигилизма.

Изъ того, что Базарову нравилась Одинцова, а Вертяевъ влюбился въ Наденьку можно вывести заключеніе, что и нигилисты любятъ; но въ то же время никто не рѣшится предположить, чтобы изъ породы нигилистовъ могли являться новѣйшіе Ромео, Вертеры, и т. п.; предполагая извѣстную границу любви нигилистовъ, необходимо объ-

яснить и ея свойства и отличительныя качества. Но какъ любовь явилась гораздо прежде нигилизма и присуща всѣмъ вѣкамъ и народамъ, то необходимо сказать о ней нѣсколько словъ вообще. О любви было высказано столько различныхъ мнѣній и опредѣленій, и преимущественно людьми съ такимъ авторитетомъ, что наше мнѣніе, не имѣющее, какъ впрочемъ и слѣдуетъ, никакого авторитета, могло бы, пожалуй, сдѣлаться предметомъ сомнѣній и даже злыхъ насмѣшекъ институтокъ, только-что окончившихъ свои курсы; поэтому мы рѣшились выбрать мнѣніе чужое, мнѣніе возведенное въ перлъ метафизики—творцомъ его, нѣмецкимъ философомъ Шопенгауеромъ, весьма извѣстнымъ своимъ сочиненіемъ «Die Welt als Wille und Vorstellung», въ которомъ, между прочимъ, находится разсужденіе о любви, переведенное на всѣ европейскіе языки. Конечно, Шопенгауеръ не имѣлъ въ виду нигилистовъ, и потому все, что имъ говорится о любви, относится одинаково ко всѣмъ людямъ, не исключая даже католическихъ монаховъ.

Любовь изображали намъ всегда преимущественно поэты чувствомъ всесильнымъ, всепоглощающимъ, непреодолимымъ, и несдерживаемымъ никакими разсужденіями. Не только восторженныя пѣсни поэтовъ, но и уголовныя хроники доказываютъ, что любовь дѣйствительно такое чувство: убійствъ, самоубійствъ, отравленій и т. п., случается не мало каждогодно. Даже случаются формы убійствъ ничѣмъ необъяснимыя, напримѣръ: — бываетъ, что счастливые любовники убиваютъ другъ друга отъ избытка наслажденія. Поэзія, далекая отъ реальнаго опредѣленія трудно-объяснимыхъ предметовъ, называетъ любовь чувствомъ божественнымъ, небеснымъ и т. п.

Шопенгауеръ, какъ философъ, дѣлаетъ опредѣленіе, основанное на глубокомъ анализѣ жизненныхъ явленій, соглашаясь съ поэзіей лишь въ томъ, что любовь дѣйствительно чувство, стоящее выше всякихъ разсужденій и непокорное волѣ человѣка. Разумѣется, онъ разсуждаетъ не объ отдѣльныхъ явленіяхъ любви, большинство которыхъ бываетъ не болѣе какъ легкой склонностью, вполнѣ управляемой волей человѣка, а беретъ *натуру* чувства вообще.

Чувство любви, какъ бы ни было оно эфирно и невинно, по мнѣнію Шопенгауера, есть побужденіе родотворнаго инстинкта, дѣйствующаго въ людяхъ помимо ихъ сознанія. Инстинктъ этотъ есть элементъ и дѣйствующая причина *продолженія рода*; по отношенію

къ человѣку инстинктъ этотъ стоитъ наравнѣ съ *любовью къ жизни* и нераздѣленъ съ ней какъ причина и слѣдствіе.

Играя столь важную роль въ природѣ, любовь получаетъ и въ жизни человѣка столь же важное значеніе, вполнѣ соотвѣтствующее той энергіи, съ которой преслѣдуется человѣкомъ, какъ самая серьезная цѣль въ его жизни, какъ самая важная жизненная задача. Въ любви одного поколѣнія лежитъ начало и составъ будущаго, существованіе котораго зависитъ непосредственно отъ любовныхъ сближеній предшествовавшаго. Не только *существованіе* этихъ будущихъ существъ зависитъ отъ живущаго поколѣнія, но и *сущность* ихъ находится въ зависимости отъ того или другого выбора, который дѣлается индивидуумомъ, для удовлетворенія своего родотворнаго инстинкта. Различія и оттѣнки чувства любви зависятъ отъ соотвѣтствія физическихъ и нравственныхъ свойствъ между сближающимися мужчиной и женщиной. Уясненіе этого различія объяснитъ намъ и природу чувства.

Если такимъ образомъ любовныя отправленія живущаго поколѣнія суть какъ бы предчувствіе состава всѣхъ будущихъ, то слѣдовательно любовь и нельзя разсматривать какъ личное наслажденіе каждаго индивидуума; здѣсь воля отдѣльнаго человѣка превращается въ агенцію рода; поэтому воля эта достигаетъ до тѣхъ высшихъ проявленій силы и энергіи, которыя мы видимъ именно въ любви, и которыхъ примѣровъ не имѣемъ въ другихъ интересахъ жизни человѣка. Родотворное побужденіе, являющееся въ сознаніи человѣка въ видѣ желанія, есть проявленіе жизненной силы, но она является неопредѣленно, и каждый легко можетъ понять, что въ этомъ побужденіи нисколько не участвуетъ личная воля человѣка; когда же это побужденіе, этотъ инстинктъ направляются на ту или другую личность, т. е. инстинктъ мужчины—на женщину и наоборотъ, то жизненная сила или побужденіе, стоявшее внѣ индивидуальной воли, переходитъ въ личное сознаніе индивидуума, и оставаясь въ сущности субъективнымъ, становится какъ бы выраженіемъ нашихъ личныхъ восторговъ и наслажденій; но это не болѣе какъ обманъ сознанія. Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что конечная цѣль любви, какъ извѣстно, заключается вовсе не въ одномъ лишь достиженіи взаимности чувства, а въ физическомъ сближеніи съ любимымъ предметомъ. Процессъ этотъ влечетъ за собою возрожденіе новаго существа и часто предпочитается нравственному чувству любви. Слѣдовательно во всякомъ любовномъ сближеніи мы прежде всего видимъ цѣль и стрем-

ленie дать жизнь новому существу, природа котораго уже заранѣе опредѣлена въ насъ самихъ при первомъ же возрожденiи страстнаго желанiя. Да и съ точки зрѣнiя простого здраваго смысла, не разумнѣе ли опредѣлять значенiе любви великой цѣлью поддержанiя рода, чѣмъ давать ей смыслъ неопредѣленнаго чувства или простого эпикуреизма, существующаго для удовлетворенiя свободной индивидуальной прихоти человѣка. Въ нашей жизни мы не знаемъ ни одного изъ главныхъ процессовъ, которые существовали бы не какъ потребности природы; а процессъ любви есть самый совершеннѣйшiй изъ всѣхъ процессовъ; тѣмъ болѣе ему нельзя придавать значенiя, не соотвѣтствующаго его важности.

Возростающая страсть двухъ любящихъ индивидуумовъ выражаетъ собою жажду жизни новаго существа, уже явившагося въ идеѣ, стремящейся, какъ и всякая идея, къ воплощенiю въ жизнь. Стремленiе это служитъ выраженiемъ степени чувства любви. Чѣмъ болѣе мужчина и женщина способны удовлетворить обоюднымъ нуждамъ и потребностямъ, тѣмъ любовь ихъ сильнѣе; но высочайшая степень, до которой она можетъ достигать, равняется полной соотвѣтственности двухъ индивидуальностей. Каждая изъ нихъ ищетъ въ другой пополненiе того, чего въ ней самой недостаетъ.

Хотя встрѣчи между собою существъ, которыя вполнѣ бы соотвѣтствовали одинъ другому, и рѣдко возможны, но тѣмъ не менѣе всякiй индивидуумъ, сознавая возможность подобной встрѣчи, непремѣнно испытываетъ на себѣ потребность въ ней, и если находитъ, то ощущаетъ высшее наслажденiе. Условiя соотвѣтствiя одного другому заключаются въ томъ, чтобы въ одномъ индивидуумѣ были тѣ физическiя и нравственныя совершенства, которыхъ нѣтъ въ другомъ, или каждый изъ нихъ отличался бы недостатками совершенно противоположными, такъ чтобы общiе ихъ недостатки являлись нейтрализованными одни другими; напримѣръ: малорослый мужчина любитъ женщинъ большого роста; брюнету нравятся блондинки и наоборотъ и т. п. Эти условiя также служатъ для поддержанiя родового типа и красоты. Инстинктивное стремленiе къ красотѣ придаетъ ей въ любви весьма важное значенiе.

Животное и человѣкъ одинаково обязаны природой дѣйствовать для блага своего рода; это мы видимъ въ той прихотливой разборчивости и осторожности, съ которой человѣкъ дѣлаетъ выборъ для удовлетворенiя своей любовной потребности, и въ той заботливости, съ которой животное и насѣкомое отыскиваютъ себѣ удобное гнѣздо для своего потомства. Природа такъ устроила, что каждое существо дѣйствуетъ въ

интересахъ рода, съ помощью иллюзіи, которая внушаетъ ему убѣжденіе, что онъ дѣйствуетъ для собственнаго блага. Эта иллюзія и есть *инстинктъ* родопродолженія, служащій источникомъ любви. Доказательствомъ того, что любовь непосредственно зависитъ отъ этого инстинкта, служитъ также и тотъ фактъ, что въ мужчинѣ является естественнымъ непостоянство въ любви, а въ женщинѣ наоборотъ; мужчина охлаждается къ женщинѣ послѣ обладанія ею, а женщина напротивъ, чувствуетъ болѣе привязанности, и это вполнѣ объяснимо: мужчина чувствуетъ физическую возможность сдѣлаться виновникомъ жизни весьма многихъ новыхъ индивидуумовъ, хоть напримѣръ въ теченіе 9 мѣсяцевъ, а женщина въ этотъ періодъ времени можетъ произвести на свѣтъ только одинъ разъ. Слѣдовательно, исполняя волю природы, постоянно стремящейся къ поддержанію и продолженію рода, мужчина можетъ отдаваться очарованью многихъ женщинъ одной за другой, а женщина, достигнувъ цѣли, требуемой природой, ищетъ защиты и участія въ одномъ мужчинѣ, и именно въ томъ, кого выбралъ ея родотворный инстинктъ. Такимъ образомъ вѣрность въ любви мужчины является съ его стороны актомъ воли, условія, а въ женщинѣ она естественна.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій или, лучше сказать, законовъ, равно дѣйствующихъ и равно сильныхъ по отношенію къ людямъ всѣхъ возможныхъ убѣжденій, будутъ ли они нигилисты, реалисты, спиритуалисты и проч., совершаются сближенія, возникаютъ чувства, однимъ словомъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ законовъ природы слагается жизнь цѣлыхъ поколѣній, помимо всякаго антагонизма и борьбы, безпрерывно возникающихъ въ каждомъ человѣческомъ обществѣ во имя новыхъ идей и новыхъ стремленій. Между тѣмъ произведенія нашей литературы въ родѣ «Отцовъ и Дѣтей и «Слова и Дѣла» клевещутъ на цѣлое молодое поколѣніе русскаго общества, выставляя его столь исключительнымъ, что съ точки зрѣнія авторовъ этихъ произведеній, оно представляется какой-то соціальной язвой, какими-то общественными паразитами, непокоряющимися требованіямъ и законамъ природы. Ни въ какомъ другомъ обществѣ подобная клевета невозможна, и мы не знаемъ ни въ одной европейской литературѣ произведеній, которыя бы такъ уродовали современные типы; между тѣмъ типы, о которыхъ мы говоримъ, возникли вовсе не на нашей почвѣ, и завезены къ намъ какъ контрабанда. Молодое поколѣніе перестаетъ думать такъ, какъ думали предки; вмѣсто пустыхъ преданій оно ищетъ

объясненія вещей въ наукѣ; вмѣсто апатіи, лѣни и бездѣлья, оно вооружается энергіей и трудомъ; вмѣсто какихъ нибудь внѣшнихъ, постороннихъ внушеній объ исполненіи долга, обязанностей, оно развиваетъ въ себѣ самомъ чувство долга; вмѣсто химеръ оно признаетъ разумъ; отживающее барство со всѣми его аттрибутами оно замѣняетъ сознаніемъ въ себѣ самомъ и въ другихъ общечеловѣческихъ правъ и обязанностей, — и все это принято за нравственное уродство; не стройное, робкое начало общественнаго обновленія принято за радикальную испорченность; воплощеніе въ жизнь идеи разума и науки представлено чудовищемъ. «Въ нихъ нѣтъ сердца, они не могутъ любить!» доказываетъ старческая свѣтобоязнь, и благодаря довѣрчивости общества, несетъ во всѣ концы его свою пропаганду, подъ прикрытіемъ полинялаго геральдическаго щита съ мифическими изображеніями законности, преданій и святости стараго догма!

Но почему именно у нигилиста нѣтъ сердца и почему не можетъ любить общественный отщепенецъ—представитель новаго типа? это вопросъ, требующій нѣкотораго развитія. Онъ не удовольствуется грубымъ, нравственнымъ насиліемъ надъ женщиной, замѣняющимъ у насъ въ большинствѣ союзовъ, нравственное соотвѣтствіе; онъ не станетъ обманывать женщину сладкими рѣчами о *небесномъ* чувствѣ его любви; не будетъ расточаться въ клятвахъ, въ вѣрности и *любви до гроба*; не будетъ становиться на ходули и надѣвать личину для прикрытія своихъ недостатковъ, а поищетъ сближенія свободнаго, покажетъ себя именно такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. не продастъ себя изъ разсчета, не побоится ни трудовой жизни, ни обязанностей, которыя на себя захочетъ принять, исполнитъ все, за что возмется,—и если найдетъ женщину, отвѣчающую его требованіямъ, то полюбитъ ее гораздо сильнѣе и честнѣе, нежели всякій идеалистъ. Разумъ не портитъ чувства, а напротивъ, бережетъ его отъ разврата и растлѣнія. Человѣкъ съ реальнымъ взглядомъ на вещи способенъ оцѣнить всѣ наслажденія, которыя даетъ природа, и съумѣетъ ими воспользоваться никакъ не хуже того, кто ничего не понимаетъ. Слѣдовательно, по какому поводу реалистъ будетъ отвергать любовь, отказывать себѣ въ томъ наслажденіи, которое она даетъ всякому смертному? Сущность ея и причину, можетъ быть, онъ будетъ понимать иначе, нежели понимаетъ экзальтированная, ничего—незнающая и неспособная ничего понимать свѣтская барыня, считающая себя за ангела, слетѣвшаго съ небесъ; но чувствовать онъ есте-

ственно будетъ то же самое, что вложено и въ него всесильной природой. Въ томъ бѣда, что выборъ при подобныхъ убѣжденіяхъ труднѣе, нежели при рутинныхъ мечтательныхъ воззрѣніяхъ; но здѣсь уже виноватъ не тотъ, кто поставленъ въ необходимость быть разборчивымъ. Природная воспріимчивость женщины и тонкость ея умственнаго инстинкта ручаются за то, что новая струя жизни скоро коснется и круга воззрѣній русской женщины, воспитавшейся въ четырехъ стѣнахъ семейства, этой общественной цитадели, куда плохо проникаетъ все, что совершается за ея стѣнами. Тогда будетъ болѣе соотвѣтствія и гармоніи между новымъ поколѣніемъ мужчинъ и новымъ поколѣніемъ женщинъ. Безъ этого соотвѣтствія невозможно то обоюдное благополучіе, котораго требуетъ сама природа. Нельзя же предположить, чтобы изъ за рутиннаго убѣжденія юное поколѣніе женщинъ обратилось къ человѣческимъ развалинамъ за осуществленіемъ своихъ молодыхъ идеаловъ. Несмотря ни на какое предубѣжденіе, не трудно взвѣсить и оцѣнить жизненное значеніе возникающаго и отживающаго начала. Въ одномъ есть *активная* сила перерожденія, съ помощію отрицанія всего того, что составляетъ лишній балластъ; въ другомъ *пассивная* сила стойкости, объясняемая однимъ лишь инстинктомъ самохраненія. Съ одной стороны—*сила* и энергія, съ другой—старческая *немощь*, сопровождаемая всѣми недостатками слабости: хитростью, наклонностью къ обману, маккіавелизму, и проч.

Чтобы провести наиболѣе рѣзкую параллель между тѣмъ, что мы сказали и тѣмъ, что говоритъ сама русская жизнь, совершающая свое теченіе по торной привычной дорогѣ, мы пользуемся случаемъ передать содержаніе новой драмы А. Н. Островскаго, «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», поставленной на сцену здѣсь въ Петербургѣ, 23 января. Нашъ талантливый драматургъ проникъ въ самую коренную ячейку русской жизни—въ бытъ семейства, и благодаря своему таланту и тонкому изученію быта, поднимаетъ передъ нами послѣднюю кулису, показывая самыя интимныя житейскія отправленія, и ту едва замѣтную паутину, которой опутываются главныя и побочныя личности, составляющія волей или неволей среду семейства. Изъ этой ячейки исходитъ весь трагизмъ нашей жизни. Въ новомъ произведеніи Островскаго концентрированы въ высшей степени всѣ главные и активные ея элементы, такъ что представленіе драмы можно съ достовѣрностью принимать за представленіе самой дѣйствительной жизни.

Въ драмѣ г. Островскаго развертывается передъ нами скромная картина уѣзднаго городка; дѣйствіе происходитъ въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, въ средѣ людей, остающихся вѣрными своимъ бытовымъ преданіямъ и стоящихъ внѣ всякаго умственнаго движенія. На образованныхъ слояхъ русскаго общества болѣе или менѣе уже отразилась и отражается цивилизація и неразлучное съ ней движеніе идей, представляя во многомъ какую-то странную противоестественную смѣсь индивидуальнаго развитія человѣческой личности съ остатками патріархальнаго быта, представляющаго полное поглощеніе индивидуума семействомъ и обществомъ; но въ низшихъ слояхъ русскаго общества семейное начало свирѣпствуетъ во всей своей первобытности; особенно классъ торговый не только въ губерніяхъ и уѣздахъ, но даже и въ столицахъ, служитъ представителемъ азіятской неподвижности древне-русскаго обычая. Мы думаемъ, что эта исключительная черта и обратила на себя творческую дѣятельность Островскаго, въ произведеніяхъ котораго изображается преимущественно бытъ купечества разныхъ гильдій и разныхъ мѣстностей.

Содержаніе новой драмы Островскаго слѣдующее:

Молодой лавочникъ Красновъ женатъ на дочери отставного приказнаго, первой красавицѣ города. Онъ страстно любитъ ее, но она, подъ вліяніемъ убѣжденія, что мужъ ея не болѣе какъ мужикъ, не знаетъ благороднаго обхожденія и т. п., чувствуетъ къ нему отвращеніе, хотя въ сущности Красновъ имѣетъ въ себѣ всѣ нравственныя достоинства, какія только могли сформироваться при условіяхъ его жизни. Онъ молодъ, съ самымъ любящимъ сердцемъ, съ женой постоянно ласковъ, снисходителенъ, угодливъ, ни въ чемъ ее не стѣсняетъ и даже въ мысли не допускаетъ возможности бить жену за то, что она не всегда покорна, хотя родственники Краснова, закоренѣлые въ своихъ патріархальныхъ убѣжденіяхъ и оскорбленные женой Краснова, непризнающей надъ собой ихъ вліянія, наущаютъ его, чтобы онъ вступилъ въ свои права мужа, т. е. окончательно поработилъ бы жену. Здѣсь надо замѣтить, что причиной антипатіи жены къ мужу служитъ болѣе всего убѣжденіе ея въ своемъ сословномъ преимуществѣ. Она дочь уѣзднаго приказнаго, считающая себя *благородной* и потому *образованной*, а мужъ простой лавочникъ; вышла же она за него замужъ по крайней бѣдности, въ которой жила до замужства. Въ этомъ бракѣ и въ тѣхъ чисто-соціальныхъ причинахъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ совершился,

и которыя служатъ главной причиной разъединенія между женой и мужемъ, уже кроется начало драмы, разыгравшейся въ концѣ пьесы.

Проѣздомъ останавливается въ городѣ на нѣсколько дней молодой помѣщикъ Бабаевъ, у матери котораго часто бывали въ деревнѣ обѣ дочери приказнаго Жмигулина, и та, которая теперь жена Краснова, и другая—старая дѣва, сплетница и посредница изъ любви ко всѣмъ молодымъ мужчинамъ. Помѣщикъ Бабаевъ, находящійся на службѣ въ Петербургѣ, какъ водится, ловеласъ и любитель интрижекъ. Живя въ уѣздной гостиницѣ, онъ только о томъ и помышляетъ, какъ бы свести интрижку. Старая дѣва Жмигулина, какъ скоро узнала о пріѣздѣ Бабаева, тотчасъ же явилась къ нему, «чтобы показать въ городѣ, какіе у нея есть знакомые», и напомнить Бабаеву о себѣ и о своей сестрѣ Таничкѣ, которую Бабаевъ, когда бывалъ въ деревнѣ у матери, очень усердно ласкалъ. Понятно, что Бабаевъ пожелалъ тотчасъ увидѣть Таничку и возобновить съ ней, отъ скуки, свои прежнія отношенія. Онъ ласкаетъ ее, цѣлуетъ, обнимаетъ, говоритъ ей о своей любви; она, какъ женщина нѣсколько-романтическаго свойства, и дѣйствительно любящая Бабаева, отдается первымъ впечатлѣніямъ любви, предупреждая впрочемъ его, что кромѣ поцѣлуевъ онъ ничего отъ нея не дождется, потому что она замужемъ и должна быть вѣрной мужу. Таничка вообще слабохарактерна, находится подъ вліяніемъ своей сестры, вовсе нераздѣляющей ея понятій объ отношеніяхъ къ мужу, и съ помощію уговоровъ сестры, которая со всѣмъ усердіемъ выставляетъ преимущества Бабаева, какъ мужчины съ благороднымъ обращеніемъ и т. п., — измѣняетъ себѣ, уступая съ другой стороны и настойчивости Бабаева; причемъ онъ уговариваетъ Таничку вовсе разойдтись съ мужемъ и уѣхать съ нимъ въ деревню. Обольщеніе было слишкомъ велико для Танички, потому что она любила Бабаева, и вообще, какъ женщина молодая, съ свѣжими инстинктами, не находила въ своемъ умѣ никакого противорѣчія для исполненія предложенія Бабаева. Ей была невыносимо тяжела жизнь съ мужемъ, котораго она, почему бы то ни было, нисколько не любила, и свое замужство вообще считала ошибкой, въ которую вовлекла ее крайняя безъисходная бѣдность. Виной своего несчастія она ставила нужду, обстоятельства, и, естественно, какъ скоро видѣла возможность измѣнить эти обстоятельства, сознавала себя свободной располагать и своей жизнью, и своими чувствами. Она отдалась своему любовнику, ушла тихонько отъ мужа

и возвратилась домой поздно. По всему этому предшествовали слѣдующія сцены:

Таничка и ея сестра, ожидая посѣщенія Бабаева, приготовляюо-чай; является мужъ съ своими родственниками; Таничка и въ особенности ея сестра, естественно, недовольны этимъ посѣщеніемъ; родственники обижаются обращеніемъ Танички и оскорбляютъ ее въ присутствіи мужа намеками на ея отношенія къ Бабаеву; онъ горячо вступается за честь любимой жены и выгоняетъ отъ себя родственниковъ; но ревность и подозрѣніе запали въ сердце Краснова. Наконецъ приходитъ Бабаевъ; Красновъ встрѣчаетъ его сухо, такъ что тотъ вскорѣ уходитъ, успѣвъ шепнуть на ухо Таничкѣ, чтобы она пришла къ нему. Красновъ замѣтилъ этотъ шопотъ. Когда Таня отправляется къ Бабаеву, какъ къ старинному знакомому, мужъ колеблется, отпустить или не отпустить ее, и, не рѣшаясь прибѣгнуть къ своей власти надъ женою, право которой однако за собой признаетъ, отпускаетъ ее съ тѣмъ, чтобы она ровно чрезъ полчаса непремѣнно возвратилась домой. Ревность и сомнѣніе, естественно, разжигаютъ сердце мужа, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, что жена его не любитъ такъ, какъ онъ ее любитъ. Таничка, конечно, опаздываетъ къ великому прискорбію мужа, но это оканчивается едва замѣтнымъ неудовольствіемъ съ его стороны и скрываемой грустью. Ожидая, что ревность мужа можетъ усилиться, и чувствуя невольный страхъ, Таня желаетъ помириться съ мужемъ и совѣтуется объ этомъ съ своей сестрой. Та находитъ самымъ лучшимъ средствомъ обманывать мужа, т. е. увѣрять его въ томъ, что жена его любитъ и потому совѣтуетъ ей ласкать мужа, притворяться предъ нимъ, угождать ему. Слабохарактерная и неопытная Таня совѣтъ сестры приводитъ въ исполненіе. Мужъ, не замѣчая обмана, вѣритъ своему счастію, раскаявается въ своихъ подозрѣніяхъ и сомнѣніяхъ о поведеніи жены и ея любви къ нему, и насилу можетъ разстаться съ женой для того, чтобы идти куда-то въ городъ по дѣламъ, не долѣе какъ на одинъ часъ. Едва онъ ушелъ, какъ Таня ту же минуту отправилась къ Бабаеву и возвратилась домой послѣ мужа, который, когда вернулся домой, нашелъ тамъ своихъ родственниковъ, оскорбленныхъ когда-то Таней и собравшихся теперь уличить ее передъ мужемъ въ томъ, что она была сейчасъ у Бабаева, гдѣ ее видѣли нѣкоторые изъ нихъ и даже подсмотрѣли ея прощанье съ Бабаевымъ и подслушали ихъ разговоръ. Мужъ сначала ничему не вѣритъ, находясь подъ влія-

ніемъ предшествовавшей сцены, когда жена, назадъ тому часъ, такъ искренно и такъ нѣжно ласкала его и увѣряла въ своей любви, и потомъ онъ обращается къ ней съ вопросами; она во всемъ сознается, говоря ему, что она его никогда не любила и не можетъ любить, вышла за него замужъ по бѣдности, и теперь проситъ, чтобы онъ отпустилъ ее отъ себя, увѣряя, что имъ обоимъ будетъ лучше, если они разойдутся. Оскорбленное чувство любви, униженіе передъ родственниками и боязнь стыда, что теперь въ городѣ всѣ будутъ смѣяться, доводятъ Краснова до экстаза; но онъ все-таки не рѣшается ничего другого сдѣлать съ виновной женой, какъ отослать ее на кухню, превративъ изъ хозяйки въ работницу; и только потомъ, когда его чувства, подстрекаемыя родственниками, усилились до ожесточенія, до ярости, онъ убиваетъ Таню.

При всей своей гуманности и любви къ женѣ, Красновъ было убѣжденъ, что онъ полный ея властелинъ и повелитель. Готовя ей ту или другую карательную мѣру, онъ дѣйствовалъ по убѣжденію и, если не считалъ себя вправѣ убить ее, то, безъ сомнѣнія, находилъ вполнѣ справедливымъ замучить ее нравственными униженіями и оскорбленіями и, еслибы захотѣлось, то и побоями. По крайней мѣрѣ изъ словъ его видно, что онъ себя одного считалъ ея судьей.

Кромѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, о которыхъ мы упомянули, есть еще второстепенныя личности; но всѣ онѣ безъ различія суть образцы и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвы своихъ патріархальныхъ убѣжденій, привившихся къ нимъ не какъ нѣчто сознательное, а какъ обычай, какъ непреложный законъ, по которому сложилось и существуетъ все окружающее ихъ, вся среда, или лучше сказать, весь омутъ, въ которомъ они живутъ.

И петербургскій чиновникъ Бабаевъ дѣйствовалъ совершенно безсознательно, обольщая Танічку на нѣсколько дней своего пребыванія въ городѣ; руководилъ имъ не болѣе какъ мелкій развратъ и мелкій эгоизмъ. И сестра Танички подслуживалась Бабаеву тоже не болѣе какъ изъ чувства мелкаго тщеславія угодить петербургскому чиновнику и помѣщику, и въ то же время выразить свое *родовое*, сословное пренебреженіе къ купцу, къ мужику Бабаеву. И Афоня, болезненный мальчикъ, и зять Краснова, мучникъ Курицынъ, женатый на его сестрѣ, и жена его, т. е. сестра Краснова, всѣ они преслѣдовали Таню за то, что она не достаточно уважала мужнину родню и часто напоминала, что она благородная; всѣ эти люди дѣй-

ствовали не во имя какого-либо убѣжденія, а просто по своимъ личнымъ инстинктамъ, безъ всякой разумной и практической цѣли, безъ всякой пользы для себя, опираясь лишь на преданіе, льстившее ихъ мелкимъ страстишкамъ. Обычай требуетъ, чтобы мужъ внушалъ женѣ страхъ и уваженіе не только къ себѣ, но и ко всей своей роднѣ; особенно, если жена молодая, то она должна кланяться въ ноги всѣмъ родственникамъ мужа и старшимъ и младшимъ по возрасту, всѣмъ угождать, всѣмъ отдавать почтеніе безъ всякаго разбора ихъ нравственныхъ качествъ; а если она была бѣдная дѣвушка, то всякій изъ этихъ родственниковъ считаетъ себя вправѣ попрекнуть ей каждымъ кускомъ, напомнить о благодѣяніи, которое сдѣлалъ ей мужъ, женившись на ней. И во имя этого обычая гибнетъ жизнь, свобода и развитіе цѣлыхъ поколѣній. Все, что отрицаетъ эту суровую, безчеловѣчную закваску,—клеймится нигилизмомъ, злонамѣренностью, общественной язвой.

Но посмотримъ пристальнѣе, какимъ бы исходомъ окончилась только-что переданная нами драма, если бы главными дѣйствующими лицами ея были такъ называемые нигилисты. Мы вѣдь доказали уже, что и нигилисты, подобно людямъ всѣхъ убѣжденій, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ любви, указываемымъ природой; слѣдовательно и нигилистъ можетъ жениться, и такъ же можетъ сдѣлать ошибочный выборъ, обманувшись во взаимной любви женщины, или она можетъ разлюбить нигилиста во время замужства. Всѣ порицатели нигилизма согласны, что нигилисты во всемъ дѣйствуютъ по убѣжденію; слѣдовательно какіе бы то ни было порывы ярости, или безотчетныя антипатіи къ окружающимъ, немыслимы въ нигилистѣ. Если бы мужъ-нигилистъ замѣтилъ въ женѣ недостатокъ сочувствія къ нему, то, конечно, прибѣгнулъ бы къ нравственному вліянію, и если бы оно оказалось безуспѣшнымъ, никакихъ принудительныхъ мѣръ, а тѣмъ болѣе—мести, принято не было бы; никакая бѣдность не заставила бы нигилиста жениться изъ разсчета; надѣясь на свою способность къ труду и ограниченію своихъ потребностей, нигилистъ не можетъ бояться бѣдности; желаніе жены разойдтись съ мужемъ также ни въ какомъ случаѣ не встрѣтили бы препятствія со стороны нигилиста, и оба нашли бы себя, въ случаѣ несогласія, гораздо болѣе удовлетворенными и нравственно и фактически, нежели это бываетъ между людьми, дѣйствующими, подобно Краснову, подъ вліяніемъ патріархальнаго сознанія своихъ правъ. Объ убійствѣ или о чемъ нибудь

подобномъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Въ посторонней роли, въ родѣ родственниковъ Краснова, никакой нигилистъ не далъ бы себѣ ни малѣйшаго труда дѣйствовать во вредъ той или другой сторонѣ; можетъ быть онъ высказалъ бы свое мнѣніе о предметѣ, отрицающее понятіе Краснова о его правахъ надъ женою, но активнаго участія, повторяемъ, никакой умный нигилистъ принять былъ не въ состояніи.

Драма Островскаго, какъ и большая часть его произведеній, представляетъ собою полный идеалъ порядка, защищаемаго анти-нигилистами. Порядокъ этотъ существуетъ, и мы вправѣ отнестись къ нему какъ къ факту, со всей положительностію указаній на его темныя стороны, что мы отчасти уже и сдѣлали настоящей параллелью. Пусть кто укажетъ хоть сколько нибудь осязательно на свѣтлыя тороны этого порядка (можетъ быть, не замѣченныя нами) и мы будемъ очень рады видѣть новый аргументъ, требующій изученія и анализа. Идеалы нигилизма, если можно назвать идеалами тѣ или другія отдѣльныя цѣли и стремленія, еще не опредѣлились и опредѣлять ихъ теоретически можно только отрицательно, т. е. находить ихъ въ пораженіи того, что не оправдывается ни разумомъ, ни опытомъ жизни, ни осязательной пользой; положительное же качество новаго типа русской жизни, выводимаго въ послѣднее время въ литературѣ, покуда, заключается лишь въ отсутствіи *зла*, т. е. въ нежеланіи и даже неспособности къ нему, вслѣдствіе разумнаго убѣжденія, а не въ силу какихъ-либо безсознательныхъ инстинктовъ, руководящихъ обыкновенно людьми хотя и добрыми по природѣ, но дѣйствующими безсознательно.

Затѣмъ мы находимъ задачу настоящей нашей статьи исполненной, и считаемъ себя обязанными здѣсь кстати высказать наше мнѣніе о художественной сторонѣ новой драмы Островскаго. Она изображаетъ ту же среду, какъ и большая часть его произведеній; дѣйствующія лица и даже нѣкоторыя положенія въ новой драмѣ напоминаютъ лучшее изъ его произведеній «Грозу». Даже сюжетъ драмы однороденъ съ сюжетомъ «Грозы»; разница лишь та, что въ «Грозѣ» выставлены семейныя отношенія сына къ матери и вообще матери къ семейству; а въ новой драмѣ семейныя отношенія мужа и жены. Сюжетъ новой драмы мы находимъ серьезнѣе; выполнена она съ наибольшей концепціей, нежели «Гроза», гдѣ впрочемъ такъ широко захвачена нравственная и гражданская жизнь не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыхъ слоевъ общества, что едва представляется это

возможнымъ для сценическаго произведенія. Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ новой драмы созданы такъ ярко и такъ художественно-полно, что зритель проникается невольно самымъ живымъ впечатлѣніемъ; дѣйствіе драмы вполнѣ естественно, такъ что вы видите въ немъ логическую послѣдовательность самой жизни. Автору удались въ особенности тѣ сцены, гдѣ онъ передаетъ непритворное чувство любви все-таки простыхъ и способныхъ для всякаго естественнаго чувства героевъ его драмъ и комедій. Сцены эти свѣжи и художественно-вѣрны. «Гроза» имѣетъ передъ новой драмой то преимущество, что тамъ есть болѣе данныхъ для игры актеровъ и для сценическаго эффекта, который усиливаетъ впечатлѣніе художественнаго произведенія. Новая драма требуетъ отъ зрителя, чтобы онъ самъ вдумывался во внутреннее значеніе драматическаго дѣйствія, совершающагося передъ его глазами, и тогда уже онъ испытываетъ впечатлѣніе драмы, въ «Грозѣ» же само впечатлѣніе наводитъ, подсказываетъ мысль.

Драма оканчивается словами старика, дѣда Краснова; эта личность довольно нова. Старикъ, который въ молодости извѣдалъ жизнь и вдоль и поперекъ, теперь въ глубокой старости относится ко всей окружающей его жизни равнодушно, индиферентно; онъ занятъ постоянно религіознымъ созерцаніемъ и участіе его въ семейной размолвкѣ молодаго Краснова съ его женой миротворное; эта отжившая мумія какъ бы перестаетъ вѣрить въ обычай, во имя котораго еще живетъ все, что его окружаетъ, и когда Красновъ убилъ жену, этотъ старикъ одинъ разразился укоромъ на убійцу, сказавъ истину старую какъ міръ, но не дѣйствующую на убѣжденіе человѣка.

Эта послѣдняя сцена произвела на насъ сильное впечатлѣніе: человѣкъ убилъ, черезъ нѣсколько минутъ, конечно, будетъ горько въ этомъ раскаяваться; но онъ никогда и ни отъ кого еще не слышалъ слова убѣжденія, которое бы могло подѣйствовать на его разсудокъ, что онъ каралъ безъ *вины* и безъ *права*. И потомъ, ни гдѣ не скажутъ этому человѣку, что онъ не былъ вправѣ требовать отъ всякаго другого человѣка какого-либо отчета въ его чувствахъ; а безъ этого убѣжденія убійца никогда не получитъ полнаго раскаянія. Можетъ быть, шагая въ кандалахъ по торной владимірской дорогѣ, онъ самъ додумается до этого убѣжденія...

А. Г—ФОВЪ.

НА ВСЕ ОТОЗВАЛСЯ,

НИ ДО ЧЕГО НЕ ДОГОВОРИЛСЯ.

Стихи Всеволода Крестовскаго. Изданіе А. Озкрова. 2 тома Спб., 1862 года.

У каждаго поэта есть своя собственная физіономія. По отличительной характерности, по особымъ свойствамъ каждаго таланта, какъ бы онъ малъ или бѣденъ ни былъ, вы всегда можете отличить одного поэта отъ другого. По первому пріему мы узнаемъ Майковаа Полонскаго, Щербину, Фета' и многихъ другихъ. У каждаго изъ нихъ есть своя собственная складка, своя любимая нотка, которую они не скроютъ ни подъ какою маской. Но, отчего же, скажите пожалуйста, мы не можемъ сказать того же самаго о г. Вс. Крестовскомъ? Казалось бы, вѣдь можно бы было составить себѣ какое-нибудь опредѣленное понятіе о характерѣ его поэтическихъ произведеній? Г. Крестовскій уже не новичекъ въ литературѣ, не вчера только явился въ ней, а уже пишетъ свои статьи и печатаетъ ихъ въ журналахъ болѣе шести лѣтъ. Отчего же до сихъ поръ мы, да и вѣроятно никто не могъ уловить физіономію г. Вс. Крестовскаго, какъ поэта? Но з, этимъ неминуемо слѣдуетъ другой вопросъ: да есть ли у г. Крестовскаго какая нибудь *своя собственная* физіономія? Полное собраніе его стиховъ, поступившихъ недавно въ продажу, даетъ намъ случай теперь отвѣтить на это рѣшительно.

Просматривая два томика стихотвореній г. Вс. Крестовскаго, прежде всего поражаешься разнообразіемъ его дарованія. Чего только не писалъ онъ! Съ его пера слетали поэмы, повѣсти, разсказы, очерки, русскія сказки, еврейскія мелодіи, римскія элегіи, испанскіе мотивы, греческіе аккорды, весенція пѣсни и лирическія стихотворенія веселаго и грустнаго настроенія. Мы даже узнали изъ послѣдней полемики поэта съ г. Іероглифовымъ, что Вс. Крестовскій даже писаля *сатирическія* статьи для «Гудка», но статьи эти по искреннему признанію самого редактора были ничто иное, какъ однѣ журнальныя

пробки. Во всякомъ случаѣ изъ всего этого мы должны вывести заключеніе объ удивительномъ разнообразіи литературныхъ способностей г. Вс. Крестовскаго. Но — странное дѣло—при всемъ ихъ разнообразіи, мы все-таки не могли дать себѣ отчета: какой же именно поэтъ г. Крестовскій, и чѣмъ онъ отличается отъ другихъ поэтовъ? При тщательномъ, такъ сказать, изученіи его произведеній, мы никакъ не могли доискаться въ нихъ *самого*, настоящаго г. Вс. Крестовскаго. Онъ постоянно является въ нихъ, заслоняя себя какимъ-нибудь чужимъ образомъ. Въ звукахъ его пѣсень постоянно слышны звуки то меевскихъ пѣсень, то некрасовскихъ, то майковскихъ, то фетовскихъ, то огаревскихъ. Неопытное ухо на первый разъ легко можетъ быть обмануто этими звуками, и приметъ ихъ за что-то новое, *свое*, и эта способность совершенно не намѣренно обманывать себя и до извѣстной степени другихъ, по нашему мнѣнію есть самая замѣчательная и... единственная способность г. Крестовскаго. Онъ помимо своей собственной воли, безъ всякаго преднамѣреннаго желанія и усилія поетъ съ чужихъ голосовъ, съ чужого пѣнія, и поетъ часто, надо замѣтить, со страстью, съ вдохновеніемъ. Онъ наивно передразниваетъ другихъ, но передразнивая, увлекается въ то же время; въ немъ происходитъ процессъ творчества своего рода, а глаза разжигаются тѣмъ вдохновеніемъ, которое не ощущалъ въ себѣ никогда никакой Розенгеймъ въ мірѣ. Разумѣется къ такому искреннему передразниванью способны только люди съ извѣстной долей поэтическаго чутья или инстинкта, и мы нисколько не думаемъ отвергать поэтическихъ способностей г. Вс. Крестовскаго. Умѣнье *передразнивать* съ восторженностью серьёзнаго занятія — невозможно безъ таланта, безъ призванія.

И такъ, по нашему мнѣнію г. Крестовскій замѣчательный и оригинальный пародистъ нашего времени. Пародисты теперь не новость, но есть два разряда пародистовъ, между которыми огромная разница: одни *сознательные* пародисты, другіе *безсознательные*. Сознательный пародистъ — напишетъ съ какою-либо цѣлью пародію, ну и называетъ ее своимъ собственнымъ именемъ и никакого важнаго значенія не придаетъ ей, но не таковъ пародистъ безсознательный; мотивируя какого-нибудь извѣстнаго поэта, онъ въ полной увѣренности, что онъ *творитъ*, созидаетъ; онъ самъ того не замѣчаетъ, какъ лжетъ передъ самимъ собою и передъ своимъ читателемъ. Къ разряду-то такихъ безсознательныхъ пародистовъ мы причисляемъ г. Вс.

Крестовскаго. Надъ каждымъ произведеніемъ въ полномъ собраніи его стиховъ смѣло можно сдѣлать по отмѣткѣ: это изъ Мея, это изъ Некрасова, это изъ Фета, это изъ Майкова, а это попури изъ разныхъ поэтовъ. Не будь напримѣръ г. Крестовскій «безсознательнымъ пародистомъ», онъ свои переводы изъ Библіи просто бы назвалъ «переводами изъ Мея». Стоитъ только припомнить «Притчу пророка Нафана» Л. А. Мея, съ этимъ оригинальнымъ размѣромъ:

Въ вѣнцѣ и въ порфирѣ, и въ ризѣ виссонной,
Внезапно покинувъ чертогъ благовонный,
Гдѣ смирна курилась въ чертогахъ невольника,
Гдѣ яства дымились предъ сонмомъ застольниковъ
Взошелъ псалмопѣвецъ и царь,

чтобъ понять откуда у г. Крестовскаго явились эти библейскія пѣсни съ меевскими ложницами, легкотканными одеждами, съ тѣми же самыми размѣрами, встрѣчаемыя нами только у одного покойнаго автора «Псковитянки».

«Грѣшница», извѣстное стихотвореніе Полежаева, какъ видно, долго мучило г. Крестовскаго, и его дразнилъ этотъ строго - поэтическій образъ:

И говорятъ ему: «она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья».

Что жъ онъ сдѣлалъ? Онъ взялъ, да и написалъ пародію на полежаевскую грѣшницу:

И вотъ къ нему толпа людей
Во имя чести и закона,
Пришла съ толпой синедріона.... и т д.

Мотивъ полежаевскій былъ нѣсколько удержанъ въ пародіи, но... но и только.

Мелкія лирическія стихотворенія I тома всѣ состоятъ изъ самыхъ слабыхъ подражаній Некрасову, Фету, Полонскому, Майкову или же нѣсколькимъ поэтамъ разомъ въ одномъ и томъ же стихотвореніи. Фету В. Крестовскій откликается какъ-то чаще всѣхъ, забываясь часто

«*Надъ весенней страницею Фета*»!

А «хандра» В. Крестовскаго? Развѣ это не дѣтская варьяція на «монологи» Огарева, въ которой горячій пародистъ собственно не хандрилъ, а передразнивалъ хандру, и учился страданію. Все, что

въ страстныхъ, полныхъ отчаянія «монологахъ» захватываетъ душу жакимъ-то трепетомъ, то у г. В. Крестовскаго вызываетъ невольную улыбку. А вѣдь кажется мотивъ одинъ и тотъ же у обоихъ. Почему ъде мы понимаемъ эту лютую скорбь, эту безнадежность, которая вырываетъ изъ груди поэта «монолога» такія слова.

Скорѣй, скорѣй топи средь дикихъ волнъ разврата
И мысль, и сердце—ношу чувствъ и думъ;
Посмѣйся надо всѣмъ, что такъ казалось свято,
И смѣло жизнь растрать на пиръ и шумъ.

А вотъ когда г. В. Крестовскій старается впасть въ хандру—намъ кѣлается — извините — очень смѣшно.

Развратъ и скорбь!... опять, подъ бѣшеные звуки
Я твой, въ объятіяхъ продажной красоты! —
На пошлость новую отъ пошлости и скуки!..
Я твой!... Всю ночь разгулъ!. .

Воля ваша, но въ этой хандрѣ есть что-то юнкерское. По всему видно, что г. В. Крестовскій не только *не переживалъ* огаревской хандры и его монологовъ, но далеко еще не *дожилъ* до нихъ, да и дай богъ, чтобъ не доживалъ никогда.

Въ поэмахъ г. Крестовскаго пародія его принимаетъ уже смѣшанный характеръ; здѣсь и не разберешь: кого онъ пародируетъ. Когда вы перечтете его поэмы, то невольно подивитесь умѣнью автора въ одной и той же пьесѣ совмѣстить вмѣстѣ самыя разнообразные мотивы. Вы читаете и невольно припоминаете то строфы изъ лермонтовской «Мцыри», то нѣкоторыя страницы изъ романа «Униженные и оскорбленные», то «Бѣдную Лизу» Карамзина, то некрасовскіе стихи, — и все это при отсутствіи всякаго содержанія.

Есть, напримѣръ, у г. В. Крестовскаго поэма «Калика-перехожая», поэма полуфантастическая и въ то же время съ претензіей на народность. Вѣрный своей безсознательной привычкѣ все народовать, г. Крестовскій написалъ, т. е. варьировалъ нѣсколько народныхъ (!) сказокъ и пѣсень, но этотъ родъ пародіи ему рѣшительно никогда не удавался. Такъ передѣлавъ на свой ладъ прекрасную русскую пѣсню «Ванька-ключникъ» поэтъ съумѣлъ преобразить эту пѣсню въ какой-то испанскій мотивъ. «Каликѣ-перехожей» онъ тоже хотѣлъ придать народный характеръ, выражая народность тѣмъ, что слова изъ народныхъ пѣсень старался уломать въ такіе безобразные стихи:

Охъ, не одналь-то, не одна
Дорога во полѣ пролегала
Какъ сплошь-то ельничкомъ она
Дорога, частымъ (!) *заростала.*

Зато фантазіи потрачено на поэму много, хотя содержанія опять-таки въ ней никакого нѣтъ. У крестьянки-старухи взяли послѣдняго сына въ солдаты, и она послѣ долгихъ безплодныхъ ожиданій сына, отправилась искать его по Россіи, — вотъ и весь сюжетъ поэмы. Гдѣ бы тутъ, кажется, фантазіи разыграться, но она разыгралась сильно, въ ущербъ даже самой истинѣ. Вс. Крестовскій создалъ изъ своей «Калики-перехожей» какой-то странный, фантастическій образъ! Подобно «Вѣчному жиду» (въ романѣ Е. Сю), величественно совершающему по землѣ свое шествіе, носилась «Калика-перехожая» по Руси, по большимъ дорогамъ, по проселкамъ, отыскивая своего сына. Три года продолжались ея поиски и паренье надъ Русью, паренье (иначе не можемъ выразиться), такъ эффектно описанное поэтомъ.

Нога и стерта и боса;
Едва прикрыта грудь больная,
И вѣтеръ хлещетъ развѣвая
Ея сѣдыя волоса.

Ходитъ Калика-перехожая по русской землѣ, но не у людей распрашиваетъ она о своемъ сынѣ, а распрашиваетъ она о немъ «раскудрявую калину,»

И о лихой солдатской долѣ
Калина шепчетъ ей слова,

Распрашиваетъ она о сынѣ и у гусей, и у лебедей и у волчихи, которую почему-то называетъ «потемной ночи кумачихой», — но никто изъ нихъ не даетъ ей, разумѣется, нужнаго отвѣта. Заходитъ наконецъ она въ одно село, и, — случай ли ей помогъ, или г. Крестовскій, — находитъ своего сына, но какъ находитъ?

Глядитъ: народъ стоитъ гурьбой
И заглушаютъ барабаны
Какой-то долгій, дикій вой;
А вдоль шеренга фронтовая
Зеленой улицей стоитъ —
И что-то вѣтеръ разсѣкая
Въ морозномъ воздухѣ свиститъ.

Отчего это, право, бываетъ иногда, что вотъ иной человѣкъ и бла-

городныя мысли горячо высказываетъ и гуманный взглядъ на вещи заявляетъ, — а между тѣмъ его слова не трогаютъ васъ и вы слушаете его очень хладнокровно, а можетъ быть даже съ нѣкоторою язвительною улыбкой? Отчего это? Право не знаемъ, а съ такимъ хладнокровіемъ намъ случается часто слушать многихъ людей — и поэтовъ, и публицистовъ, и философовъ. Съ тѣмъ же самымъ равнодушіемъ читали мы и «Калику-перехожую», поэму, въ которой есть и нѣкоторый жаръ и благородство, и эффекту много: недостаетъ только бездѣлицы —искренности и правды.

Каждую изъ поэмъ г. Крестовскаго безъ сомнѣнія можно помѣстить на страницахъ любаго журнала, потому что во первыхъ въ нихъ есть хорошіе стихи, а во вторыхъ въ нихъ отражается блестящее умѣнье поэта усвоивать себѣ мотивы другихъ пѣвцовъ и изъ *чужаго* дѣлать что-то *свое* собственное. Какъ мы уже говорили, подобное перетвореніе возможно только при извѣстной способности и дарованіи, а всякое дарованіе заслуживаетъ вниманія со стороны журналистики.

Впечатлительная муза Вс. Крестовскаго, увлеченная пародіей, пародировала даже «Египетскія ночи» Пушкина въ поэмѣ «Фрина». Что передъ этою Фриной египетская царица Клеопатра, продающая свою ночь за цѣну жизни любовника! Для Фрины г. Крестовскаго такая любовная сдѣлка слишкомъ водевильна; она пошла дальше, придумавъ ужасное мщеніе своему любовнику Гипериду. — Онъ пляшетъ.

И взоры Фрины пылко блещутъ
Лезбійской страстію горя,
И подзывая Лезбіанку
Она ей лечь съ собой велитъ,
И всѣхъ на новую приманку
Коварно дразнитъ и манитъ.

Эта «новая приманка» смутила ея гостей, но Фрина, не боясь доносовъ и негодованія, предаваясь своей мести, даетъ странную клятву:

И я отнынѣ
Не протяну руки мущинѣ

Другую точно такую же даму, давшую клятву тоже не протягивать руки мущинѣ, поэтъ вывелъ въ своей «Затворницѣ», которая, сжигаемая страстью, поймала одну изъ своихъ подругъ —

И съ грудью грудь сплілась въ объятьяхъ жгучихъ —
И плескомъ струй

Былъ заглушенъ въ тѣни кустовъ пахучихъ
Нашъ поцѣлуй.

Нужно замѣтить, что у г. Крестовскаго есть любимый идеалъ женщины, которую онъ выводитъ и въ повѣстяхъ и стихотвореніяхъ. Эта женщина непремѣнно горитъ или лезбійскою страстью, или вообще бѣшенствомъ сладострастія; этотъ идеалъ женщины г. Крестовскаго по собственному его выраженію — «породы львиной самка». Въ своихъ «испанскихъ мотивахъ», которые столько же испанскіе, сколько японскіе и китайскіе, г. Вс. Крестовскій съ постояннымъ своимъ увлеченіемъ предается изображенію такихъ женщинъ. Его женщины хвастаются своимъ цинизмомъ, рисуются имъ: вотъ какъ говоритъ одна изъ нихъ:

Я въ развратѣ закоснѣломъ —
Лучезарная звѣзда,
Да за то жъ и грѣшнымъ тѣломъ
Не скуплюся никогда.
Разъ въ когтяхъ нужды злодѣйки
Стукнулъ нищій въ дверь мою;
Но сама я безъ копѣйки,
Голодаю да пою...
Проситъ въ пѣснѣ ради неба,
Говорю ему я: «братъ!
Нѣтъ ни денегъ, нѣтъ ни хлѣба
Въ этой роскоши палатъ.
Но въ замѣнъ грошей, да пищи
Есть лобзанье безъ ума,
Прелесть тѣла — хочешь, нищій,
Вмѣсто хлѣба — я сама»!...
И въ кипучее лобзанье
Я всю страсть свою слила —
И бѣднягѣ подаянье
Грѣшнымъ тѣломъ подала.

Какъ вамъ нравится эта чудовищная благотворительность, которую поэтъ хотѣлъ возвести на степень художественнаго образа? Но можетъ быть хоть здѣсь, въ изображеніи подобныхъ благотворительницъ, г. Крестовскій является самобытнымъ творцомъ? Увы, мы и тутъ только находимъ пародіи на произведенія одного древняго поэта, который стяжалъ въ Россіи своего рода славу своими рукописными стихотвореніями, которыя въ печати не появлялись. Г. Крестовскій пошелъ только дальше — онъ печаталъ подобные стихи.

Недавно одинъ рецензентъ, разбирая стихи г. Вс. Крестовскаго. замѣтилъ, что наши юмористическіе журналы какъ-будто щадили автора «испанскихъ мотивовъ» и почти никогда не пародировали его пѣсень. Причина этому очень проста. Во 1-хъ писать пародіи на пародіи нелѣпо, и г. Крестовскій всегда самъ доводилъ свои пѣсни до карикатуры; во 2-хъ пародія на такія сцены, напримѣръ. какъ испанка г. Крестовскаго, подающая нищему подаяніе «своимъ грѣшнымъ тѣломъ» просто невозможна. — Тутъ и своего собственнаго цинизма такъ много, что прибавьте еще одинъ лишній штрихъ и каррикатура можетъ только явиться въ рукописи, какъ произведенія того знаменитаго поэта, которому подражаетъ г. Крестовскій.

Въ одномъ изъ своихъ «лезбійскихъ стихотвореній» г. Крестовскій превзошелъ даже этого писателя по смѣлости образа: это геркулесовы столбы, дальше которыхъ идти уже нельзя.

Поэтъ или кто-то другой (вѣроятно испанецъ) лежитъ ночью на прибрежномъ пескѣ. Вдругъ волна пригоняетъ на берегъ голый трупъ красавицы. При видѣ усопшей, можетъ быть утонувшей женщины едва ли бы въ комъ заговорило сладострастіе, но въ жилахъ поэта или его героя льется испанская кровь: онъ запылалъ. —

И желаній безумныхъ тоска
Обуяла вдругъ сердце мое,
И скользила невольно рука
Вдоль по влажному тѣлу ея.

Но испанскую кровь и это не успокоило, какъ оказывается:

И приникъ я къ усопшей на грудь,
И лобзалъ я ее, и сжималъ,
И хотѣлъ въ нее душу вдохнуть,
И дыханьемъ уста согрѣвалъ.

Что это такое? Еще одинъ шагъ — да и нужно ли его дѣлать? — и г. Крестовскій дойдетъ до «Петербургской клубнички».

И такъ, чтеніе двухъ томовъ стихотвореній Вс. Крестовскаго привело насъ къ тому заключенію, что при отсутствіи всякой самобытности и оригинальности, г. Крестовскій замѣчателенъ какъ искренній. безсознательный пародистъ и... и любитель женщинъ съ «лезбійскими» страстями.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Два тома стиховъ Вс. Крестовскаго состоятъ изъ стихотвореній, которыя онъ началъ писать съ самой ранней юности: подъ многими пьесами стоитъ 1856 г., когда, сколько

намъ извѣстно, поэту было не болѣе *семнадцати лѣтъ*. Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ собраніе стиховъ Вс. Крестовскаго вошли даже такіе, которые были осуждаемы его педагогомъ, въ то время еще, когда поэтъ сидѣлъ на ученической скамейкѣ. Чѣмъ же объяснить такую небрежность поэта, въ первый еще разъ издающаго свои сочиненія? Вѣдь г. Крестовскій не сдѣлался для насъ пока библіографическою рѣдкостью, чтобъ мы дорожили каждымъ лоскуткомъ бумаги, каждой пѣсенкой, написанной имъ въ лѣта его юности!

ЗАБЫТЫЕ УГОЛКИ ПАРНАСА,

ПО ПОВОДУ ВЫХОДА ВЪ СВѢТЪ «ВЪ ГОСТЯХЪ И ДОМА» СТИХОТВОРЕНІЙ КН. ВЯЗЕМСКАГО.

(Письма и размышленія отставного маіора Михаила Бурбонова).

I.

Являясь въ первый разъ передъ лицомъ читающей публики съ своими письмами, я не безъ нѣкотораго удовольствія долженъ признаться, что вовсе не ощущаю той робости, которую испытываетъ каждый новичокъ въ литературномъ дѣлѣ. Въ полемикѣ, какъ и на войнѣ, робость невозможна, а маіоръ Михаилъ Бурбоновъ былъ всегда не изъ робкаго десятка. Неговоря уже объ этомъ личномъ свойствѣ моего характера, я подкрѣпляемъ еще другою увѣренностью, что въ своихъ письмахъ непремѣнно скажу *новое слово*, которое не признать могутъ только мои завистники и недоброжелатели. И такъ, имѣя

впереди это *новое слово*, за которымъ такъ безуспѣшно гоняются многіе журналисты, я, безъ всякихъ уклоненій во вкусѣ безсмѣннаго критика «Времени» А. Григорьева, прямо приступило къ дѣлу.

Предметъ, о которомъ я буду говорить, слишкомъ близокъ моему сердцу для того, чтобы я писалъ о немъ не безъ нѣкоторой горячности. Можетъ быть на первыхъ порахъ это покажется страннымъ и всякій задаетъ себѣ такой вопросъ: что̀ можетъ быть общаго между представителями русской поэзіи и какимъ то неизвѣстнымъ отставнымъ маіоромъ Бурбоновымъ? Но это только, говорю я, на первыхъ порахъ. Я блистательно постараюсь доказать то органическое родство, которое связываетъ два повидимому совершенно противоположныя понятія; я постараюсь показать, что только появленіе такого типа, какъ Михаилъ Бурбоновъ (я *типъ*, непремѣнно *типъ*, милостивые государи!) можетъ бросить яркій свѣтъ на одинъ изъ замѣчательныхъ элементовъ русской поэзіи, и ея выразителей, безъ которыхъ самый типъ Михаила Бурбонова былъ бы невозможенъ. Появленіе новаго собранія стихотвореній Кн. Вяземскаго даетъ мнѣ случай во первыхъ, познакомить читателя съ самимъ собою, а во вторыхъ, поговорить о нѣкоторыхъ поэтическихъ талантахъ, обходимыхъ не безъ причины критикой.

Каждый поклонникъ истинной поэзіи, искусства во имя самого искусства, давно уже не безъ грусти могъ замѣтить, что въ нашъ вѣкъ, который называютъ «вѣкомъ желѣзныхъ дорогъ, золотыхъ пріисковъ, финансовыхъ и промышленныхъ реформъ» и пр. и пр. лирической поэзіи приходится очень плохо. Гоненія, которымъ наравнѣ съ откупомъ, подвергались вдохновенные пѣвцы луны, «любезной природы», и женскихъ прелестей, не вызвали до сихъ поръ никакого протеста въ русской журналистикѣ. Неумолимые обличители, почему-то требовавшіе отъ поэта, чтобъ онъ былъ прежде всего *человѣкомъ* (а если онъ не хочетъ быть человѣкомъ?) былъ сыномъ своего времени, начали преслѣдовать тѣ дарованія, которые только для того и были созданы прородою, чтобъ воспѣвать ея красоту и величіе. Близорукіе гонители свободнаго творчества никакъ не хотѣли понять, что поэты пришли въ міръ

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,

но для занятій больше возвышенныхъ, аристократическихъ; что они только могутъ входить въ прямыя сношенія съ планетами, съ сти-

хіями, чуждаясь всякихъ общественныхъ интересовъ и насущныхъ вопросовъ дѣйствительности. Преслѣдователи всего этого сообразить не хотѣли — и началось избіеніе вдохновенныхъ младенцевъ («поэтъ — тотъ же младенецъ», говорятъ съ немалою гордостью многіе поклонники музы). Рѣзкій свистъ обличителей произвелъ грустныя послѣдствія: голоса русскаго парнаса начали мало по малу стихать и наконецъ почти совершенно стихли. Афанасій Фетъ, пѣсни котораго постоянно появлялись въ журналахъ, изъ поэта сдѣлался агрономомъ и вмѣсто сельскихъ мелодій занялся сельскимъ хозяйствомъ. Я. Полонскій отступился отъ своего «Свѣжаго преданія» и сталъ писать о верченіи столовъ; Н. Страховъ, дебютировавшій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» пѣснями «Къ кометѣ» и еще къ чему-то очень далекому, бросился къ самой неблагодарной, въ особенности для него, наукѣ — философіи; Н. Щербина замолчалъ совершенно и не писалъ своихъ греческихъ пѣсенъ даже въ то время, когда Греція, по милости послѣднихъ событій, вошла въ моду. Аполлонъ Майковъ, чтобъ поскорѣе заявить въ себѣ гражданское чувство, съ перепугу написалъ «Поля», написалъ ихъ *нарочно* и, разумѣется, никого не обманулъ этимъ: отъ его «Коляски» до «Полей»—скачекъ слишкомъ замѣтный; Всеволодъ Крестовскій, этотъ «пѣвецъ любви на всѣ манеры» и тотъ порывался заявить гражданство своей музы — и тоже неудачно. П. Кусковъ и Е. Зоринъ, писавшіе до тѣхъ поръ альбомные романсы, сдѣлались—и чѣмъ же? публицистами... Вотъ какихъ бѣдъ надѣлали ненавистники «безцѣльнаго» стихоплетства, преслѣдователи лунатизма въ поэзіи! Не вмѣшайся они не въ свое дѣло—и мы не видали бы этой кукольной комедіи переряжанья, этого умышленнаго маскарада, въ которомъ каждый заговорилъ не своимъ голосомъ.

Въ это-то смутное и тяжелое для поэтовъ время, кн. Вяземскому пришла въ голову несчастная мысль — праздновать золотую свадьбу своей полувѣковой музы, праздновать свой пятидесятилѣтній юбилей съ рѣчами и пѣснями Греча, Тютчева, гр. Соллогуба, Н. Щербины и В. Бенедиктова. По милости услужливыхъ друзей этотъ праздникъ былъ горькимъ днемъ для маститаго старца, который думалъ, вѣроятно, что литература съ особеннымъ участіемъ встрѣтитъ торжество поэта, который писалъ стихи въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. Но, увы! надежды его не оправдались. О кн. Вяземскомъ слѣпая и неблагодарная журналистика совершенно забыла; отнесла его къ давно —прошедшему и литературной его дѣятельности не давала никакого

значенія. А тутъ вдругъ юбилей! Исторія этого юбилея и его послѣдствія слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны, чтобъ припоминать ихъ снова. Обращусь прямо къ произведеніямъ этого писателя, о которомъ гр. Соллогубъ сказалъ на юбилеѣ:

Что въ наши скудные года
Онъ отуманеннаго неба
Теперь послѣдняя звѣзда.

Московскіе журналисты—друзья поэта уже давно грозили всѣмъ порицателямъ таланта «друга Пушкина» и «брата Карамзина» выходомъ въ свѣтъ его стихотвореній, грозили придавить ихъ титанической силой его разнообразнаго дарованія, метавшаго искры поэзіи въ продолженіе 50 лѣтъ. Наконецъ они исполнили свое обѣщаніе, и огромная торжественная реклама извѣстила публику о появленіи въ продажѣ собранія стихотвореній кн. П. Вяземскаго. Какъ и слѣдовало ожидать, журналисты прошли эту книгу общимъ молчаніемъ, показывая тѣмъ полное къ ней пренебреженіе. Прочтя нѣсколько разъ книгу кн. Вяземскаго «Въ гостяхъ и дома», книгу полученную мной отъ одного литератора съ надписью: «для упражненія въ стихотворствѣ Михаилу Бурбонову», я въ ту жъ минуту понялъ, что на мнѣ, на мнѣ одномъ лежитъ священная обязанность по заслугамъ оцѣнить произведенія никѣмъ не признаваемаго автора, что это мой роковой долгъ, моя первая задача. И принимаясь за свой трудъ, я воскликнулъ, обращаясь мысленно къ поэту:

Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ твои разскажетъ думы?
Одинъ Бурбоновъ — иль никто!..

II.

П. А. Вяземскій началъ писать съ 1808 года. Начиная съ этого самаго времени его стихотворенія появлялись въ «Россійскомъ музеумѣ», «Амфіонѣ», «Благонамѣренномъ», «Московскомъ Телеграфѣ», «Галатеѣ» и во множествѣ такихъ изданій, о которыхъ теперь имѣютъ понятіе только одни записные библіоманы. Въ позднѣйшее время, послѣ довольно долгой паузы, имя кн. Вяземскаго мы вновь увидѣли

на страницахъ «Русскаго Вѣстника». Быть неизмѣннымъ другомъ музы въ продолженіе пятидесяти лѣтъ — это уже самъ по себѣ подвигъ, достойный удивленія,

Достойный пряжки на землѣ
И славныхъ лавровъ на Парнасѣ.

Произведенія кн. Вяземскаго намъ должны быть дороги потому, что въ нихъ совершенно отражается поэтъ стараго времени, когда поэзіи предавались въ часы отдыха и досуга, въ свободное отъ службы и занятій время, когда поэзія не была сама по себѣ цѣлью для поэта, не была выраженіемъ какой-нибудь постоянно проводимой имъ идеи.

Не понимаю, какъ иной
Живетъ и мыслитъ въ то же время,

наивно, безъ всякой ироніи восклицаетъ кн. Вяземской въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Такое признаніе для меня особенно дорого; по моему мнѣнію мысль такъ же идетъ къ поэту, какъ избытокъ фантазіи и восторженности идетъ къ математику. Мыслить—значитъ повѣрять впечатлѣнія, анализировать ихъ, часто хладнокровно отрицать, а всѣ эти способности, сколько мнѣ извѣстно, убиваютъ всякое поэтическое чувство въ человѣкѣ. Только благодаря отсутствію такой способности П. Кусковъ, напр., могъ воспѣвать своихъ мухъ и пауковъ, и находить подобное занятіе для себя пріятнымъ. Признанія кн. Вяземскаго, въ которыхъ онъ откровенно высказывается, какъ поэтъ, извѣстнымъ образомъ понимающій свое назначеніе, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Только ими одними мы яснѣе уяснимъ себѣ вопросъ: для чего, съ какою цѣлью поэтъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ писалъ стихи всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и направленій, и была ли у него на самомъ дѣлѣ какая нибудь цѣль?

Чистосердечно признаваясь, что и «умъ праздный», и

Талантъ, который былъ мнѣ данъ для приращенья,
Оставилъ празднымъ я на жертву нерадѣнья,

поэтъ говоритъ, что преданный «поэтической праздности» и созерцательной лѣни», его «праздный умъ» съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что вокругъ него дѣлалось, что... но скажу лучше его собственными словами:

Міръ внѣшній, міръ разнообразный
Не существуетъ для меня:
Его явленій зритель праздный,

Не различаю тьмы отъ дня.
Мнѣ все одно: . . . .
Встаютъ ли села предо мною,
Святыни скорби и труда,
Или съ роскошной нищетою
Въ глазахъ пестрѣютъ города.
Мнѣ все одно: обратнымъ окомъ
Въ себя я тайно погруженъ,
И въ этомъ мірѣ одинокомъ
Я заперся со всѣхъ сторонъ.
Мнѣ любо это заточенье,
Я жизнью странной въ немъ живу:
Дѣйствительность въ немъ — сновидѣнье,
А сны—я вижу на яву.

Изъ этого признанія мы видимъ, во 1-хъ, что кн. Вяземскій признаетъ въ себѣ талантъ, который не рѣшаются совершенно отрицать даже враги его, а во 2-хъ, что онъ какъ поэтъ, не имѣетъ рѣшительно никакихъ убѣжденій, въ чемъ откровенно и сознается. Такимъ образомъ мы не имѣемъ теперь права разбирать, слѣдя за его произведеніями, справедливо или несправедливо отнесся онъ къ извѣстнымъ явленіямъ, къ извѣстнымъ фактамъ, но должны видѣть въ немъ только художника, который подъ вліяніемъ случайнаго впечатлѣнія или образа, его поразившаго, предается въ часы отдохновенія стихотворнымъ упражненіямъ. Мы еще успѣемъ поговорить о томъ—вслѣдствіе ли каприза фантазіи, или просто нѣкоторыхъ личныхъ соображеній, одинъ и тотъ же поэтъ могъ написать и «Нахимовъ, Бебутовъ—побѣды близнецы», и эпиграммы на Булгарина и Бѣлинскаго, и гимны и проклятія молодому поколѣнію. Объ этомъ послѣ: пока взглянемъ на поэта, какъ только на художника.

Я раскрываю книгу, начинаю читать, и на первой же страницѣ сказывается истинное вдохновеніе — этотъ поэтическій кукельванъ, способный одурить и вскружить самую крѣпкую голову. Посмотрите: вотъ стихотвореніе «Коляска». Коляска! Тема, какъ видите, сама по себѣ, будто бы незатѣйливая; казалось бы, гдѣ тутъ разыграться воображенію!.. Если бы мнѣ задали такую тему, то моя фантазія не пошла бы далѣе картины, представляющей коляску, въ которой ѣдетъ мой бывшій полковой командиръ, картину—

Какъ весь полкъ передъ нимъ, сбросивъ шапки съ головъ,
Разступается,

Какъ на каскѣ султанъ, словно пѣна валовъ,
Колыхается,
Какъ онъ самъ предъ полкомъ, проѣзжая безъ словъ,
Улыбается.

Да что я говорю о себѣ... Самъ А. Майковъ, въ своей «Коляскѣ» не пошелъ дальше меня, то есть хоть и пошелъ дальше, но уже совершенно въ другую сторону. Что же сдѣлалъ кн. Вяземскій изъ этого неблагодарнаго экипажа? Онъ самъ отправляется на прогулку въ коляскѣ, но только эта коляска не обыкновенная, а фантастическая, это пегазъ своего рода, метафора... Поэтъ, сбираясь въ свое фантастическое путешествіе, говоритъ:

Люблю по нивамъ, по горамъ,
За тридевять земель, какъ въ сказкѣ,
Летать за музой по слѣдамъ
Въ *стихоподатливой* коляскѣ.

И вотъ *стихоподатливый* экипажъ этотъ, о которомъ не слыхивалъ ни одинъ каретный мастеръ, заложенъ:

Несется легкая коляска
И съ ней легко несется умъ,
И вереницу свѣтлыхъ думъ
Мчитъ фантастическая пляска;
То *по открытому листу*
За *подписью воображенья*
Переношусь съ мечты въ мечту:
То *на ночлегъ размышленья*
Съ собой разсчитываюсь я;
Въ расходной книжкѣ бытія
Я убыль съ прибылью встрѣчаю,
Итогъ со страхомъ провѣряю
И контролирую себя.

Не безъ тайной зависти указываю я на эти смѣлые образы, какъ будто подслушанные поэтомъ у меня самого; то, что смутно, безсознательно и робко говорило нѣкогда во мнѣ самомъ, то смѣло и рѣзко выразилось поэтомъ, въ его стихоподатливой «Коляскѣ». Странная, необъяснимая случайность!

Средь своихъ стихотвореній
Самъ я воспѣвалъ —
То ночлеги размышленій,
То любви привалъ,

То мечты фуражировку
Въ цитадель невѣстъ,
То ума командировку,
То души арестъ.
Я любилъ не безъ причины
Книжку бытія...
Но, молчу,—изъ дисциплины,—
Такъ и быть, и я.

Но я долженъ при этомъ сознаться, что кромѣ тайной зависти, испытанной мною при чтеніи «Коляски» кн. Вяземскаго, я тутъ же великодушно понялъ, что только истинный поэтъ можетъ пробудить въ насъ самихъ тѣ чувства и тѣ образы, которые мы до тѣхъ поръ только неясно сознавали, не умѣя дать имъ полнаго очертанія, полной физіономіи.

Что, какъ не смѣлость дарованія, шепнуло поэту хоть такіе стихи:

Оглоблями воображенья
Я поворачивалъ домой.
или:
Что жъ ты море такъ бушуешь,
Словно шабашъ вѣдьмъ ночныхъ?
Про кого ты тамъ колдуешь,
Ночью въ чанѣ волнъ сѣдыхъ.

Только дерзкая рука истиннаго художника рискнетъ нарисовать удивительную картину, какъ посреди *междоусобно-бурныхъ* водъ

Качалась душа
По волнамъ, *чуть дыша*,

Какъ «*живой* обѣдъ на двухъ и четырехъ ногахъ», съ обѣденнаго стола перескочилъ къ поэту на кровать, гдѣ по его ногамъ,

Съ испуга, въ первобытномъ видѣ
Семейно жмется ветчина,

наконецъ картину, гдѣ ямщикъ *вспрыскиваетъ* лошадокъ *вдохновительнымъ кнутомъ*... Кому, какъ не поэту, спрашиваю я у всѣхъ, могли придти въ голову такія «вдохновенныя вспрыскиванья»? Впрочемъ, онъ самъ, вѣрный своей младенческой искренности, замѣчаетъ:

Чего не стерпитъ листъ бумаги
И рифма подъ моимъ перомъ?

Я къ этому прибавлю только отъ себя:

Поэтъ! твоя отвага
Лежитъ въ концѣ пера.

Повѣрь: всегда добра,
Какъ публика, бумага.

Хоть нѣсколько смѣшно:
«Воображенья дышло»!
Ей, право, все равно,
Что у поэта вышло.

И «вдохновитель-кнутъ»...
И «вспрыснутая» тройка...
Рисуй же свой этюдъ
Размашисто и бойко,

И знай: въ концѣ пера
Лежитъ твоя отвага.
Повѣрь мнѣ — и бумага,
И публика добра.

Какъ много ни сочувствую я представителямъ *юной* русской поэзіи, у которыхъ есть свои собственныя неоспоримыя достоинства, но все-таки долженъ сказать, что они еще не доросли до «оглобли вообраҗенія», до «качанія души», кн. Вяземскаго. Напрасно бы мы стали искать новой молодой силы, которая могла бы своимъ смѣлымъ своеобразіемъ соперничать съ авторомъ «вдохновительнаго» кнута—этотъ трудъ былъ бы безполезенъ. Только недавно смутная надежда оживила меня и какое-то предчувствіе, намекъ этой новой силы я силился угадать въ статьѣ одного, къ нечастію, неизвѣстнаго автора. Меня поразила передовая статья N 1 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, написанная съ тѣмъ изумительнымъ искусствомъ, которое умѣетъ весь смыслъ и главную идею статьи скрыть отъ читателя подъ умышленною таинственностью и туманностью. Въ ней какъ въ прихотливыхъ, мистическихъ узорахъ, каждый можетъ прочесть то, что ему хочется, и такимъ образомъ она всѣхъ удовлетворяетъ. Читаю эту статью, я какъ опытный въ этомъ дѣлѣ, за смысломъ собственно и не гонялся, и въ ней его не доискивался, зная очень хорошо, что авторы такихъ статей смысломъ часто весьма благоразумно пренебрегаютъ, — но меня поразило другое ея достоинство— это богатство фантазіи мистическаго автора, фантазіи, отъ которой не отказался бы самъ авторъ «стихоподатливой коляски». Онъ старается ввести своего читателя въ совершенно новый, еще неизвѣстный для

него міръ, въ тотъ міръ, гдѣ есть «*асамблеи идей*» и «*rendez-vous*» *представленій,* гдѣ «*на подкладкѣ публицистики* ростетъ величавый, многолѣтній *лѣсъ образцовыхъ произведеній* и цвѣтетъ разнообразная, красивая, но скоро-преходящая *травка журналистики*»...

Изъ этого отрывка мы должны замѣтить, что неизвѣстный авторъ обладаетъ тоже весьма замѣчательными «оглоблями воображенія» и подаетъ не малыя надежды въ будущемъ; въ немъ мы надѣемся встрѣтить достойнаго соперника мистическому критику, г. Анненкову.

III.

«Стремленіе унизить человѣка, принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ человѣческимъ стремленіямъ», говоритъ наилюбимѣйшій писатель мой, Н. Страховъ, изреченія котораго утѣшаютъ и подкрѣпляютъ меня во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. Такъ и въ этомъ случаѣ, прислушиваясь къ нападкамъ, которые сыпались на кн. Вяземскаго, я припомнилъ слова моего любезнаго философа — и они мнѣ въ истинномъ свѣтѣ показали все дѣло. Этой человѣческой слабости, этой страсти къ униженію своего ближняго, сильно подвержена русская журналистика: она не только не стѣснялась въ приговорахъ надъ долголѣтнею дѣятельностью кн. Вяземскаго, она рѣшалась даже замахиваться на И. Тургенева, *на самого* И. С. Тургенева!.. Сознавая всю безполезность защиты почтеннаго поэта противъ этой пропаганды новѣйшаго отрицанія, мнѣ остается только прямо указывать на лучшія стороны его блестящаго и остроумнаго таланта.

Со многими произведеніями кн. Вяземскаго въ моей жизни такъ связано много личныхъ хорошихъ воспоминаній, что я не безъ нѣкотораго волненія перечитывалъ теперь его книгу: «Въ гостяхъ и дома». Такъ, напримѣръ, когда я дошелъ до стихотворенія его, «Порученіе въ Ревель», то цѣлая страница изъ моего прошедшаго ожила въ моей памяти и я съ дрожаніемъ въ голосѣ перечелъ эти стихи:

Николай!
Какъ Олай
Заторчитъ предъ тобой,
Поклонись ты ему,
Изувѣченному
Въ поединкѣ съ грозой.

Николай!
Окликай
Старика за меня,
И сѣдому хрычу,
Лысачу-усачу,
Молви добраго дня.

Отъ души
Почеши
Мокрый усъ, то-то страсть!
И погладь, и похоль,
Какъ заморщится голь,
Какъ запѣнится пасть.

и т. д. Стихи эти малозначущіе для какого-нибудь нигилиста, который ихъ, пожалуй, еще назоветъ двусмысленными или вовсе даже безмысленными, имѣютъ для меня особое значеніе. Стихи эти были напечатаны въ 1833 году, въ альманахѣ «Альціона». Въ этомъ же году, т. е. ровно 30 лѣтъ назадъ, въ тотъ же самый день, какъ этотъ альманахъ попалъ мнѣ въ руки, я сдѣлался ротнымъ командиромъ. Въ жизни армейскаго офицера такой день — великій праздникъ, и у меня до сихъ поръ сберегается голубенькая книжка «Альціоны», гдѣ на поляхъ стихотворенія Вяземскаго, я, тогда же вдохновленный имъ, написалъ ротную пѣсню, которая начинается такъ:

Первый взводъ,
Шагъ впередъ!
Подтяните прикладъ.
Кто чихнулъ? я тебя!
Третій съ фланга—назадъ!.
Слушать — штыкъ на себя.
Взводъ второй!
Грудь горой.

Палецъ правой руки
Долженъ винтъ прижимать
Прямо!.. выше носки...
Головой не качать...

Другое стихотвореніе связано съ воспоминаніями еще болѣе для меня дорогими—связано съ исторіей моей первой и единственной любви.

«Да здравствуетъ княгиня Вѣра»
Какъ грустно вспомнятъ сей припѣвъ
Стамбулъ, Буюкдерѐ и Пера,
Осиротѣвъ.
При немъ и Скутари и Пера
И поэтическій Стамбулъ
Вамъ дѣлали, княгиня Вѣра,
На караулъ.

Вотъ начало этого стихотворенія, поразившаго меня смѣлымъ употребленіемъ одного изъ нашихъ военныхъ терминовъ. До тѣхъ поръ какая-то робость удерживала меня отъ желанія примѣнить къ своимъ пѣснямъ этотъ воинскій терминъ, но эти слова:

И поэтическій Стамбулъ
Вамъ дѣлали, княгиня Вѣра,
На караулъ,

разомъ открыли мнѣ глаза, и я до сихъ поръ храню свою элегію, посвященную воспоминанію моей первой любви. Я привожу эту элегію здѣсь, въ доказательство того, какое вліяніе имѣла муза князя Вяземскаго на развитіе моего таланта, таланта, который я, оставя въ сторонѣ всякую скромность, рѣшительно признаю за собой:

Когда въ любви однажды Полька
Клялася мнѣ,
Я эту ночь лишь вспомню только—
Вся кровь въ огнѣ.
Команды нѣжной чую звуки...
Глаза горятъ...
Мои опущенныя руки
По швамъ лежатъ,

Я помню садъ и вечеръ лѣта
Далекихъ мѣстъ,
Гдѣ посадила сердце это
Ты подъ арестъ.
— «О, я любви твоей достоинъ»,
Я дѣвѣ рёкъ,
И сдѣлалъ ей, какъ честный воинъ,
Подъ козырекъ.
Когда жъ коснулся къ губкамъ алымъ, —
Какой афронтъ! —
Какъ предъ бригаднымъ генераломъ
Я сталъ во фронтъ.
— «Я хороша?» ты мнѣ шептала:
«Я не стара»,
И небо самое кричало
Тебѣ: ура!

Всѣ свои стихотворенія я здѣсь привожу съ единственной цѣлью уяснить нагляднѣе тѣ красоты поэзіи князя Вяземскаго, которыя, можетъ быть, ускользнули бы иначе отъ вниманія читателя. Князь Вяземскій въ сжатой формѣ, въ нѣсколькихъ строкахъ, умѣетъ часто нарисовать такую картину, изъ которой г. Розенгеймъ написалъ бы цѣлую книжку сеансовъ и элегій,—и все бы до послѣдняго слова не договорился. Вотъ, напр., четыре строки на тему, не разъ тревожившую воображеніе многихъ поэтовъ:

На мосту народъ толпится
Жадно смотритъ въ небеса,
Гдѣ космато золотится
Дѣвы огненной коса.

Вы, разумѣется, догадываетесь, что въ образѣ этой дѣвы поэтъ представляетъ себѣ комету, и своимъ меткимъ уподобленіемъ невольно поражаетъ всякаго. Съ чѣмъ еще и можетъ сравнить истинный лирикъ хвостатую комету, какъ не съ косматою дѣвой?

Эта странная комета,
Эксцентричная звѣзда,
Въ чистыхъ помыслахъ поэта
Представляется всегда,
Не весталкою, не Евой
Съ цѣломудренной красой,
Но растрепанною дѣвой
Съ фосфорической косой.

Кн. Вяземскій, какъ художникъ, является повсюду, и я бы могъ выписать еще цѣлый десятокъ его стихотвореній, доказывающихъ это, но имѣя впереди оцѣнку болѣе важной стороны его литературной дѣятельности, я остановлюсь на этомъ; но однако не могу обойдти молчаніемъ кн. Вяземскаго—какъ юмориста. Этотъ простодушный, ясный, *московскій* юморъ отразился на многихъ его мелкихъ произведеніяхъ, и я хочу сказать нѣсколько словъ и объ этомъ свойствѣ поэта, для поученія многихъ современныхъ юмористовъ, которые не умѣютъ смѣяться *такъ*, безъ цѣли; смѣхъ ради самого смѣха имъ незнакомъ и они всегда рады поднять на смѣхъ и почтенныя сѣдины старости, и опытную мудрость, и практическій взглядъ на вещи и событія. Беззлобный тихій смѣхъ кн. Вяземскаго всегда спокоенъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (зато и случаи важные!) доходитъ до какой-то старческой, желчной раздражительности.

Только тотъ можетъ назвать себя истиннымъ юмористомъ, кто видитъ въ жизни однѣ ея свѣтлыя стороны, и не видитъ черныхъ, кто съ примирительной улыбкой встрѣчаетъ всѣ шероховатости жизни, во всѣхъ ея сферахъ и явленіяхъ. Какой же это юмористъ! скажете вы: надъ чѣмъ же онъ будетъ смѣяться послѣ того съ своимъ примирительнымъ взглядомъ? Вотъ въ томъ-то и задача юмориста, отвѣчаю я, и если вы не встрѣчали «стариковъ, по старому шутившихъ

Отмѣнно, тонко и остро,

то въ этомъ случаѣ я прямо ссылаюсь на юморъ кн. Вяземскаго. Надъ чѣмъ шутить? Да мало ли надъ чѣмъ можетъ подтрунить юмористическій писатель, не имѣя никакихъ претензій на обличенія людскихъ пороковъ и общественныхъ нелѣпостей. Смѣяться можно надъ дурными дорогами *вообще* въ Россіи, надъ сѣверной погодой, надъ тараканами постоялыхъ дворовъ, надъ ревнивыми мужьями, надъ прыщёмъ, который вскочилъ на носу какого нибудь титулярнаго совѣтника... да мало ли надъ чѣмъ, повторяю я, можно смѣяться, никого прямо не задѣвая...

Не могу при этомъ не обратиться къ современнымъ юмористамъ съ самымъ добрымъ совѣтомъ.

Юмористы! смѣйтесь всѣ вы
Только пусть вашъ стихъ,
Какъ улыбка юной дѣвы,
Будетъ чистъ и тихъ.

Будьте скромны, какъ овечка,
Смѣйтесь безъ тревогъ,
Но отъ желчнаго словечка
Сохрани васъ богъ!..

Безъ насмѣшки, безъ иголокъ,
Весело для всѣхъ,
Смѣйтесь такъ, чтобъ не былъ колокъ
Безобидный смѣхъ,
Чтобъ ребенокъ въ колыбели
Улыбнуться могъ...
Отъ иной гражданской цѣли
Сохрани насъ богъ...

Смѣйтесь... ну, хоть надъ природой,
Ей вѣдь нѣтъ вреда —
Надъ визитами, надъ модой,
Смѣйтесь господа;
Надъ ѣздой въ телѣгѣ тряской
Средь большихъ дорогъ,
Отъ знакомства съ свистоплaской
Сохрани васъ богъ!..

Пойте пѣснь о славномъ франтѣ,
О хапжѣ, хлыщѣ,
Только личностей не троньте.
Смѣйтесь—*вообще*...
И отъ каръ, отъ обличеній
Вдоль и поперегъ,
Отъ новѣйшихъ всѣхъ ученій
Сохрани васъ богъ!..

Тайной такого тихого, безобиднаго смѣха совершенно обладалъ князь Вяземскій въ лучшую пору своей дѣятельности, когда еще желчь личнаго раздраженія не мѣшала его творчеству, когда весь юморъ поэта употреблялся на то, чтобъ сказать какой нибудь легкій каламбуръ, когда онъ любилъ посмѣяться надъ глубокомысліемъ нѣмцевъ, остря на ихъ счетъ:

Нѣмецъ такъ глубокомысленъ
Что провалишься въ него,

или прославлять русскій морозъ, отъ котораго мерзнутъ французы. Его юморъ дальше этого не заходилъ и былъ постоянно вѣренъ себѣ въ этомъ. Прислушайтесь же къ добродушному смѣху поэта. Вотъ онъ ведетъ васъ на наши просёлки и спѣшитъ васъ увѣрить, чтобъ вы не думали,

что лежа какъ *на розахъ*
Родъ человѣческій всегда ѣзжалъ *въ дормезахъ,*

и думаетъ дать такой совѣтъ:

Нѣтъ, вызвалъ бы я васъ на русскіе проселки
Чтобъ о людскомъ житьѣ *прочистить ваши толки;*

а за тѣмъ свое остроуміе употребляетъ на характеристику этихъ проселковъ. Вообще нужно замѣтить, что наши дороги, ухабы, тряская ѣзда и уличная грязь—любимый мотивъ эпиграммъ кн. Вяземскаго: на это имъ было потрачено много игривости и ума. Вотъ она, его дорожная отмѣтка на его любимую тему.

Дорожная отмѣтка.

Дороги такія, — что ѣхать безбожно;
Трактиры такіе, — что все въ нихъ порожно;
Постели такія, — что спать невозможно.
Обѣды такіе, — что ѣшь осторожно,
Иль будетъ въ желудкѣ немного тревожно;
Все вина такія, — что вздумать такъ тошно;
А если отвѣдать — поступишь оплошно;
Все *виды* такіе, — что нечего *видѣть,*
Все люди такіе, — что грѣхъ ихъ обидѣть.

Особенно обращаю вниманіе читателя на этотъ родъ эпиграммъ князя Вяземскаго, которымъ онъ посвятилъ одну треть своей книги, т. е. (принимая въ разсчетъ его 50-ти-лѣтнюю дѣятельность) цѣлыхъ 17-ть лѣтъ своей жизни.

А какъ онъ милъ, когда онъ въ духѣ!..

невольно восклицаю я, останавливаясь на многихъ осторожныхъ мѣстахъ его добродушной эпиграммы. Посмотрите, что значитъ «шутить отмѣнно, тонко и умно». Укажу на двѣ на три блёстки — и этого достаточно. Нашъ поэтъ говоритъ о жидовской корчмѣ, гдѣ жидъ-поварёнокъ приносилъ ему супъ:

И въ мискѣ супъ принесъ мнѣ грязный поваренокъ,
Тотъ супъ былъ *пополамъ съ водою и грѣхомъ*,
И пара жирныхъ мухъ хоть и купалась въ немъ, —
Жиденекъ былъ бульонъ, что подалъ мнѣ *жиденокъ*!»

Жиденекъ и *жиденокъ*—развѣ это не остроумная игра словъ! Шутка его вездѣ граціозна и легка, какъ напр.

Пожалуй онъ и однороденъ.
Пожалуй, онъ же и двоякъ.
Съ перомъ въ рукѣ — онъ сумасброденъ,
Изустно — просто онъ дуракъ,

или вотъ:

Покажется она —
И разцвѣтаютъ души,
Заговоритъ она —
И просто вянутъ уши.

Поэтъ нашъ иногда непрочь и отъ обличенія, но не похожъ тутъ на современныхъ обличителей, готовыхъ вездѣ и всюду совать свой носъ. Кн. Вяземскій и обличителемъ остается вѣренъ своей художественной натурѣ и за предѣлы скромной, осторожной шутки не заходитъ.

Случилось однажды поэту заѣхать въ городъ Полтаву и онъ, вѣрный своей постоянной привычкѣ слѣдить за улучшеніемъ дорогъ и мостовой въ Россіи, прежде всего обратилъ свое вниманіе въ Полтавѣ на этотъ предметъ—и пришелъ въ неописанный ужасъ: вся Полтава по колѣно ходила въ грязи. Поэтъ вооружился эпиграммой. Будь на его мѣстѣ обличитель новѣйшаго времени, разумѣется, если бы нашелся такой, который принялъ бы очень близко къ сердцу подобный городской безпорядокъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ принялся бы за дѣло очень круто: всѣхъ полтавскихъ жителей поднялъ

бы на смѣхъ, мѣстную полицію непремѣнно задѣлъ, и прославляя Полтаву, непремѣнно бы воскликнулъ:

Что жъ казнить оплошность ту?
Тамъ не только грязь на улицахъ, —
Грязь — и въ жизни, и въ быту,

Но не такъ поступилъ старинный обличитель. Онъ началъ прямо съ гимна Полтавѣ, онъ припомнилъ при этомъ и Петра Великаго, и полтавскую битву, и орла двуглаваго и славу сѣвернаго колосса; передъ нимъ раскрылась чудная панорама этого города:

Городъ, русскимъ всѣмъ родной!
И преданья, и природа
Облекли его красой.
Опоясанный садами,
Какъ онъ свѣжъ и моложавъ!
Какъ увѣнчанъ онъ цвѣтами
И вѣнкомъ пахучихъ травъ.
Воздухъ сладостно-струистой
Благовоньемъ напоенъ;
Здѣсь съ акаціей душистой
Стройный тополь, темный кленъ
Разрослись красою чудной...

и т. д. и т. д. Отдавъ такимъ образомъ, какъ художникъ, «долгъ природѣ» прославивъ полтавское мѣстоположеніе, поэтъ замѣчаетъ:

Но и радость смотритъ горемъ:
И въ Аркадіи моей
Городъ смотритъ грязнымъ моремъ,
Какъ придетъ пора дождей.
. . . .
Пусть откроется подписка —
И Полтава спасена;
Ей не нужно обелиска,
Мостовая ей нужна.

Самый щекотливый изъ полтавскихъ жителей не можетъ принять этой шутки за обиду, а между тѣмъ, вопросъ, такъ сказать, поднятъ и дѣло художественнаго обличенія сдѣлано.

Примирительный характеръ музы кн. Вяземскаго мы можемъ за-

мѣтить даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ казалось бы никакое примиреніе невозможно. Тѣ темныя стороны русской жизни, которыя возбуждаютъ въ иныхъ—негодоваше, въ иныхъ—сожалѣніе, рождаютъ въ «младенческой душѣ поэта» порывы совершенно неожиданнаго восторга. Для примѣра поставимъ рядомъ съ кн. Вяземскимъ другого художника въ своемъ родѣ, г. Скарятина,—какая страшная разница въ взглядахъ! Лошадиныя свойства русскаго человѣка (вѣроятно всѣмъ теперь извѣстно знаменитое «ученіе о ржаніи» современнаго публициста) подняли бурю въ негодующей душѣ г. Скарятина, и тѣ же самыя свойства москвичей растрогали и умилили кн. Вяземскаго. Вспоминая о Москвѣ, поэтъ съ увлеченіемъ говоритъ:

Она, какъ будто за сто лѣтъ,
Живетъ себѣ на Моросейкѣ
И до Европы дѣла нѣтъ.
. . . .
Все это такъ — и *тѣмъ прекрасный!*
Разнообразье — красота.
. . . .
Нѣтъ обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общихъ формъ;
Что конь степной—здѣсь каждый малый,
Разнузданъ на подножный кормъ.

Какъ видите, что одного печалитъ, то другого веселитъ. Поэту въ московской жизни нравится именно то, что другіе называютъ ея недостатками. Безъ всякой ироніи,—замѣчу, что поэтическое дарованіе князя Вяземскаго чуждо всякой ироніи, — обращаясь къ той же Москвѣ, онъ даетъ ей такіе совѣты:

Москва! подъ оболочкой пестрой
Храни свой самородный бытъ!
Пусть Грибоѣдовъ шуткой острой
Тебя насмѣшливо язвитъ,
Ты не смущайся, не мѣняйся;
Вѣками вылитая въ мѣдь,
На Кремль свой опирайся
И чѣмъ была, тѣмъ будь и впредь.

Далѣе идутъ совѣты въ томъ же родѣ, и выписывать ихъ совершенно безполезно.

Такъ сладкогласно, такъ пріятно
Пѣлъ годы многіе поэтъ,
И тамъ, гдѣ всѣ мы видимъ пятна —
Онъ только видѣлъ блескъ и свѣтъ.

Это былъ самый свѣтлый періодъ дѣятельности князя Вяземскаго. Скоро наступилъ другой періодъ.

IV.

Такъ какъ новый періодъ литературной дѣятельности кн. Вяземскаго тѣсно связанъ съ цѣлымъ періодомъ русской литературы, связанъ съ исторіей новой литературной школы, — которую смѣло можно назвать школой *гражданскихъ* поэтовъ, въ главѣ которой стояли кн. Вяземскій, Борисъ Ѳедоровъ, Аполлонъ Майковъ, Иванъ Семерихинъ, Михаилъ Розенгеймъ и Петръ Татариновъ,—то прежде, нежели я перейду къ этому періоду, не могу пройдти молчаніемъ одной поры въ дѣятельности кн. Вяземскаго. Это было время, слѣдовавшее за его юбилеемъ, когда имъ была написана цѣлая серія стихотвореній, которыя въ полномъ собраніи его сочиненій стоятъ совершенно одинокою группою и своимъ мрачнымъ характеромъ рѣзко отличаются отъ всей книги, которая, по его признанію, была плодомъ свѣтлой «созерцательной лѣни» и «поэтической праздности». Его «замѣтки», изданныя имъ послѣ юбилея, мы не можемъ разбирать, какъ поэтическія произведенія, потому что на нихъ лежитъ печать болѣзненнаго состоянія души и ума поэта, озлобленнаго и оскорбленнаго новѣйшей прессой, которая не хотѣла признать въ немъ дѣйствительнаго статскаго поэта, ветерана отъ русскаго парнаса. Всѣ его «замѣтки» есть ни что иное, какъ черновой дневникъ писателя, дневникъ, вѣроятно, случайно явившійся въ печати. Въ этихъ «замѣткахъ» кн. Вяземскій изливалъ свою желчь на молодую литературу, его не признавшую. Въ неспокойномъ, страстномъ состояніи духа у кн. Вяземскаго вырывались такіе вдохновенныя слова, противъ молодаго поколѣнія:

Подъ злобой записной къ отличіямъ и роду
Желчь хворой зависти скрывается подъ часъ —
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, что выше насъ.
Есть древняя вражда: къ каретамъ пѣшехода,
Лѣнивой нищеты къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго къ законному суду.
Смѣшенъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь, (но прочь они)
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ, и знать, и все, что имъ сродни.

Какой гнѣвъ, какой ювеналовскій гнѣвъ! Хоть современные прогрессисты и говорятъ, что это гнѣвъ городничаго Сквозника-Дмухановскаго, потерявшаго надежду сдѣлаться зятемъ государственнаго человѣка, но... но моего чутья никто не обманетъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдилъ за авторомъ «стихоподатливой коляски», который, хоть и изъ личнаго раздраженія (что мнѣ до этого!) бичевалъ современныхъ гракховъ и тацитовъ журналистики, задѣлъ даже почему-то покойнаго Бѣлинскаго, творца «журнальной кутерьмы», Бѣлинскаго, котораго, какъ говоритъ онъ:

. . . . мы не читали
Когда всѣ знаемъ изъ чего,
Журналы толстые трещали
Отъ плодовитостей его.

Но какъ не увлекаюсь я смѣлостью «Замѣтокъ», но все же не отношу ихъ къ *«литературнымъ»* произведеніямъ князя Вяземскаго, и всякій добросовѣстный критикъ, по моему мнѣнію, изъ деликатности долженъ обходить ихъ молчаніемъ. Только одну пьеску въ «Замѣткахъ» я нахожу особенно удачною и остроумною, и не могу не указать на нее всѣмъ любителямъ остроумія особаго рода. Вотъ эта пьеска:

Съ тѣхъ поръ какъ упразднили будку,
Нашъ будочникъ попалъ въ журналъ,
Иль журналистъ нашъ не на шутку
Присяжнымъ будочникомъ сталъ,

Такъ или эдакъ, — какъ угодно,
Но дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Литература всенародно
Пустилась въ уличный дозоръ.

На площади ль случится драка?
Буянъ ли пьяный зашумитъ,
Иль безъ намордника собака
По переулку пробѣжитъ?

Воришка обличился ль въ кражѣ?
Иль заподозрѣнъ кто нибудь?
Отъ литераторовъ на стражѣ
Ничто не можетъ ускользнуть.

Случится ль праздновать поэту
Свой юбилей, — ихъ хоръ ужь радъ —
Они ему забаву эту
Навѣрно тутъ же отравятъ *)

За шумъ бывало такъ и знаютъ,
Народъ на *съѣзжую* ведутъ:
Теперь въ *журнальную* сажаютъ:
Тамъ имъ расправа, тамъ и судъ.

Я потому особенно обратилъ вниманіе на это стихотвореніе, что его диктовала поэту не одна только желчь, не одно раздраженіе: въ немъ сказывается искреннее чувство поэта-аристократа, постоянно считавшаго занятіе литературой только пріятнымъ развлеченіемъ, а не серьезнымъ дѣломъ, галантерейной игрушкой, которая должна только развлекать, тѣшить... Не должна ли послѣ этого возмущать поэта эта журналистика чернорабочихъ людей, а не бѣлоручекъ, которая не стѣсняясь печатно защищаетъ женщину отъ публичнаго оскорбленія, которая вмѣшивается въ насущные, будничные вопросы современнаго общества. Нѣтъ, здѣсь кн. Вяземскій искрененъ. Онъ-ли, который, бродя по берегу Москвы-рѣки, могъ только видѣть тѣнь *бѣдной Лизы*, гдѣ она

. . . . въ рѣчной потокъ
Кидаетъ ландышей пучекъ,

*) Этого куплета въ полномъ собраніи стихотвореній я не нашелъ, но въ рукописномъ сборникѣ стиховъ Вяземскаго, которыя ходятъ по рукамъ, куплетъ этотъ вписанъ.

онъ-ли, «князь и на парнасѣ», могъ безъ ужаса смотрѣть на такое растлѣніе литературныхъ нравовъ?...

V.

Обращусь теперь прямо къ крупному «явленію, пропущенному нашей критикой». Я совершенно вправѣ предполагать, что наша критика намѣренно обошла молчаніемъ цѣлый періодъ въ нашей литературѣ, періодъ, создавшій совершенно самобытную фалангу, особую школу поэтовъ, потратившихъ столько таланта, столько остроумія и патріотическаго вдохновенія... До сихъ поръ журналисты умышленно причисляли такихъ поэтовъ, какъ князь Вяземскій и Аполлонъ Майковъ къ непризнаваемой ими категоріи поэтовъ «искусства для искусства». Хотя этимъ они нисколько не роняли ихъ въ глазахъ всѣхъ поклонниковъ ихъ таланта, но зато все-таки грѣшили противъ правды. Оба эти писателя, оставаясь художниками, въ лучшую пору своей дѣятельности стали въ главѣ новой гражданской школы въ поэзіи, и увлекли за собой цѣлый легіонъ подражателей, а потому я считаю грѣхомъ, клеветою умалчивать объ этой замѣчательной литературной эпохѣ, которая относится къ 1854 году. Циклъ новыхъ поэтовъ съ гражданскимъ характеромъ, явившихся въ то время, подъ предводительствомъ автора «Клермонтскаго собора» и «стихоподатливой коляски» по удачному выраженію князя Вяземскаго:

Священный заключилъ союзъ:
Орла поэзіи двуглавой
Съ орломъ германскихъ древнихъ музъ.

Давно возмущаясь тѣмъ, что эта славная эпоха ни кѣмъ не оцѣнена по достоинству, я намѣревался въ скоромъ времени издать сборникъ, состоящій изъ произведеній поэтовъ-гражданъ. Вдругъ въ прошломъ мѣсяцѣ совершенно неожиданно для меня вышла въ свѣтъ небольшая книжка «Гражданскіе мотивы» въ стихотвореніяхъ современныхъ поэтовъ *подъ редакціею* (?) А. Пятковскаго. Когда я увидѣлъ эту книжку, я думалъ, что г. Пятковскій предвосхитилъ мою мысль, но все-таки отъ души порадовался его предпріятію. Но это была

только минутная ошибка съ моей стороны, и въ новомъ сборникѣ я не нашелъ того, чего искалъ. Въ «Гражданскихъ мотивахъ» я встрѣтилъ совершенно не тѣ имена, которыя думалъ встрѣтить тамъ, совсѣмъ не тотъ выборъ, который я ожидалъ. Именъ кн. Вяземскаго, Бориса Өедорова, Петра Татаринова я совсѣмъ не нашелъ въ «Гражданскихъ мотивахъ»; вмѣсто характерныхъ гражданскихъ боевыхъ пѣсень А. Майкова я встрѣтилъ тамъ одно изъ альбомныхъ его стихотвореній... Однимъ словомъ сборникъ г. Пятковскаго не удовлетворилъ моихъ ожиданій. Взглядъ публики на поэтовъ оставался тотъ же. Благомыслящая публика, слушая на публичныхъ литературныхъ вечерахъ, какъ А. Майковъ читалъ ей свои «Поля», печально качала головою, совершенно ошибочно предполагая, что и этотъ поэтъ попалъ въ кругъ современныхъ заносчивыхъ прогрессистовъ и обличителей. Никто не хотѣлъ внимательно вслушаться въ его «Поля», понять, что это вовсе не искреннее произведеніе его антологической музы, что «Поля» *сдѣланы*, придуманы авторомъ, что въ нихъ только выразилась невольная, почти вынужденная дань нашему безтолковому времени, которое заставляетъ даже художника плясать по своей дудкѣ.

Когда я въ первый разъ прочелъ «Поля», прививная ложь не обманула меня, и рядомъ съ этими блѣдными стихами мнѣ послышалась сильная по своему гражданскому чувству пѣсня поэта Аполлона Майкова, гдѣ онъ яркими красками рисуетъ тотъ идеалъ, къ которому онъ призванъ на служеніе. Онъ говоритъ:

Мой стихъ есть тотъ же мечъ...
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ.
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водительной звѣздой,
Тотъ гордый идеалъ, который окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все осязательнѣй и ярче тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

Мы не можемъ не узнать въ этомъ сильномъ голосѣ автора «Коляски». Этотъ голосъ былъ смѣлымъ вызовомъ поэта: на него откликнулись князь Вяземскій, а четыре года спустя — Михаилъ Розенгеймъ. Затѣмъ на вызовъ Майкова явилась цѣлая толпа подражателей, составившихъ собою новый періодъ, *майковскій періодъ*

русской гражданской поэзіи. Главная задача этой поэзіи была—прославленіе русской силы, русскаго боевого прогресса и громовое пораженіе сгнивающей «хитроугрозной» (по выраженію г. Майкова). Европы. Это новое литературное ополченіе открылъ авторъ «Коляски», громкимъ, мужественнымъ кликомъ:

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ,

и пусть эти лиры, продолжалъ онъ, докажутъ Европѣ, что

Жива еще въ Россіи
О христіанской Византіи
Великодушная мечта.

Всѣ поэты «майковскаго періода», воодушевленные однимъ и тѣмъ же благороднымъ чувствомъ, до такой степени спѣлись между собой. что всѣ ихъ произведенія, взятыя вмѣстѣ составляютъ нѣчто цѣлое, что-то въ родѣ русской «Иліады». Желая хоть сколько-нибудь познакомить читателя съ этимъ забытымъ уголкомъ русскаго парнаса, я пришелъ въ уныніе отъ мысли, что принужденъ буду дѣлать сухія выписки, которыя едва ли передадутъ вполнѣ то впечатлѣніе, на которое я разсчитывалъ. Но вдругъ новая мысль осѣнила меня и я рѣшился сдѣлать хоть слабый опытъ эпической поэмы совершенно въ новомъ родѣ, гдѣ на мою долю выпадаетъ только обязанность искусно сопоставить дѣйствующія лица, которыя всѣ будутъ состоять изъ читателей «майковскаго періода». Каждый изъ нихъ будетъ говорить только *свои собственныя слова,* къ которымъ я, по скромности и добросовѣстности историка, не рѣшусь прибавить ни *одного* своего слова. Для того, чтобъ меня не заподозрили въ намѣренномъ искаженіи чужихъ рѣчей и мыслей, я рѣшился сдѣлать рядъ ученыхъ примѣчаній и указаній источниковъ, по которымъ каждый можетъ узнать гдѣ и когда такой-то поэтъ высказалъ ту или эту мысль.

Такимъ образомъ, оградивъ себя отъ всякихъ нареканій и подозрѣній, я въ своемъ опытѣ эпической поэмы ввелъ только одно новое лице—это Михаила Бурбонова, на томъ основаніи, что считаю себя горячимъ приверженцемъ «майковской школы». Хороша или дурна моя поэма,—это совершенно не мое дѣло, — потому что каждое ея лицо говоритъ и отвѣчаетъ само за себя. Я же отвѣчаю въ этомъ случаѣ, не болѣе какъ режиссеръ пьесы. И такъ—вниманіе.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПОЛЧЕНЦЫ.

(опытъ эпической поэмы)

Дѣйствующія лица: А. Н. Майковъ, Михаилъ Бурбоновъ, К. Вяземскій, М. Розенгеймъ и поэты *майковскаго періода*, какъ-то: Петръ Татариновъ, Ив. Семерихинъ, К. Козловъ, В. Пресновъ и многіе другіе.

Дѣйствіе въ 1854 г. Сцена изображаетъ дикій пустынный видъ Невы, вдали видно море. Весь берегъ покрытъ поэтами «майковскаго періода».

ЯВЛЕНІЕ I.

А. Майковъ (является и раздаетъ каждому поэту по лирѣ) и М. Бурбоновъ.

М. Бурбоновъ.

Друзья! васъ будетъ слушать міръ!
Носите жъ съ гордостью центавры,
Изъ виршей склеенный мундиръ.

А. Майковъ (*пророческимъ голосомъ, ударяя по струнамъ*).

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ!

М. Бурбоновъ.

Пусть вдохновитъ васъ, о, витіи,
Простая мысль... мысль та... мысль та...

А. Майковъ (*перебивая его*).

О христіанской Византіи
Великодушная мечта!..
Пора! завѣса разорвалась!
Въ насъ сердце русское сказалось!
Мы прозрѣваемъ наконецъ
Въ самосознаніи народномъ; —
Намъ не въ Парижѣ сумасбродномъ,
Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ.

Бурбоновъ.

Еще бы! что намъ парижане!
Умнѣй ихъ жить теперь привыкъ
Любой татаринъ изъ Казани,
Иль изъ степей своихъ Калмыкъ.

Майковъ (*продолжая свою мысль*).

Въ Европѣ слишкомъ много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взрастила чадъ своихъ она;

Тамъ человѣка гордый геній
Зрѣлъ средь насильствъ и потрясеній.

БУРБОНОВЪ.

Да и созрѣлъ ли, полно, онъ?
Что ихъ Мишле, что ихъ Прудонъ?
Мы лучше ихъ видали виды.

МАЙКОВЪ.

Духъ партій злобу тамъ таитъ;
Всѣ живы старыя обиды;
Надъ каждымъ мрачной Немезиды
Тамъ мечъ кровавый тяготитъ. (*)

ПЕТРЪ ТАТАРИНОВЪ (*поетъ играя на лирѣ*).

Захотѣли англичане
Крымскихъ яблоковъ поѣсть,
Къ нимъ пристали французяне:
«Мы собьемъ-де съ русскихъ спѣсь
Будетъ наше Черно море,
Севастополь, Крымъ въ рукахъ» (1).

ЯВЛЕНІЕ II.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ и РАСПЛЮЕВЪ.

РАСПЛЮЕВЪ.

Англичане! хе, хе, хе! Ненавижу я, сударь, эту націю.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

Все, чѣмъ живо государство, —
Вѣра, вѣрность, правота, —
Все подъѣло тамъ коварство,
Злоба, зависть, нищета. (2)

РАСПЛЮЕВЪ.

Да! у нихъ вѣдь нѣтъ никакой нравственности: у нихъ, сударь, всякій человѣкъ обученъ боксу. Впрочемъ и извинить ихъ надо: вѣдь они потому такими и стали, что у нихъ тѣснота, духота, земли по аршину на брата не хватаетъ... (3)

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

Вотъ и лезутъ съ дуру драться,
Вотъ и злобятся на насъ. (4)

М. БУРБОНОВЪ (*Розенгейму*).

Хоть я далекъ отъ всякаго сближенья,
Но я поздравлю васъ на этотъ разъ:

(*) См. «1854 годъ» Стихотворенія А. Н. Майкова

[1]) Крымъ и англичане. Современная пѣсня П. Татаринова. Спб. 1854 г. [2]) Стихотворенія М. Розенгейма. 1858 г. стр. 14. [3]) Сватьба Кречинскаго. Современникъ. 1856 г. стр. 125. [4]) Стихотворенія М. Розенгейма. стр. 14.

Съ Mr Расплюевымъ у васъ
Одна и та же точка зрѣнья.
Что жъ? Вѣдь не скупъ на крайности нашъ вѣкъ,
Мы что ни шагъ — противорѣчья встрѣтимъ,
Притомъ же, наконецъ, замѣтимъ:
Расплюевъ—плутъ, но умный человѣкъ.

Кн. Вяземскій.

Заспѣсивился Турченокъ,
Онъ зафыркалъ, поднялъ носъ,
И реветъ: я не ребенокъ,
Я и самъ теперь подросъ.
Выросъ ты—чрезчуръ не бреди!
А къ чему жъ, скажи-ка намъ,
Взялъ къ себѣ ты въ няньки—леди,
Да французскую мадамъ?
Изъ за нихъ на насъ ты лезешь,
Кажешь кукишъ въ горячахъ,
И побѣды съ дуру грезишь,
На поляхъ и на моряхъ. (5)

М. Бурбоновъ (*Кн. Вяземскому*).

Князь, васъ-ли вижу я въ такой суровой ризѣ?
Вы ль, воспѣвавшіе «лакеевъ безъ сапогъ»?
Вы ль, плакавшіе такъ въ Москвѣ о «Бѣдной Лизѣ»,
Вы ль это, князь? О, кто бъ узнать васъ могъ!
Не старѣяся отъ лѣтъ, но только хорошѣя,
Что шлете съ музою въ станъ вашего врага?

Кн. Вяземскій.

Что не отвыкли мы турить Пашей по шеѣ,
Что не отвыкъ орелъ лунѣ сшибать рога. (6)

М. Бурбоновъ.

Ну-ка, други, пріударьте
Пѣсни майковскихъ временъ.

Неизвѣстный.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ,
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ...

М. Розенгеймъ.

Что ни будь: а супостаты,
Русскихъ вамъ не проглотить:
Нѣтъ подавитесь, ребята!
По горбамъ придется бить.
Тутъ вѣдь салпли ужь губы

---

[5]) «Къ ружью!» Стих. кн Вяземскаго. 1854. Спб. [6]) См. тамъ же.

Не такіе ѣдоки,
Да сломили на вѣкъ зубы:
Мы вѣдь жестки, Русаки! (8)

Князь Вяземскій.

И за то—помилуй Богъ!—
Какъ мы ихъ перевернули,
Какъ отъ маковки до ногъ
Шкуры вѣниками вздули! (9)

М. Бурбоновъ.

Право, нашей грозной оды
Пуще ядеръ и ножей
Испугаются народы...

М. Розенгеймъ, (*съ зубнымъ скрежетомъ.*)

Фабриканты мятежей!..
Провозвѣстники свободы! (10)

М. Майковъ.

Пускай Европа негодуетъ,
Пускай коварствуетъ и лжетъ:
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ немъ не убьетъ.

М. Бурбоновъ (*бросаясь къ нему на шею*).

Литературный нашъ атлётъ!
Меня привелъ ты въ восхищенье.

А. Майковъ.

О, Русь! ихъ купно поражай!
Однихъ мечемъ, другихъ сатирой,
И бранный мечъ съ правдивой лирой
Единымъ лавромъ обвивай?

(*Въ сильной восторженности, сбрасываетъ съ себя шляпу*)

И тѣнь пѣвца Екатерины:
На наше кликнетъ торжество:
— «Они все тѣ же исполины,
И помнятъ барда своего.» (11)

М. Бурбоновъ (*въ сторону*).

Онъ не боится ничего,
И, даже—эпиграммъ Щербины.

(*Слышно общее: «ура» и звонъ лиръ. На поэтовъ майковскаго періода сверху сыплется бриллiантовый дождь. Занавѣсъ опускается.*)

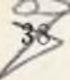
---

8) Стихотворенія М. Розенгейма. Спб. 1858 г. стр. 15. 9) «Къ ружью», стихотворенія князя Вяземскаго. Спб. 1854 г. 10) Стихотворенія М. Розенгейма. Спб. 1858 г. стр. 14. 11) 1854 годъ» Стихотворенія А. Н. Майкова. Спб. стран. 8.

Хотя границы моихъ журнальныхъ писемъ не дали мнѣ возможности шире раздвинуть рамы моей поэмы, но я все-таки думаю, что и изъ этого сжатаго очерка читатель можетъ ознакомиться съ серьезной, гражданской стороной литературной дѣятельности А. Майкова, кн. Вяземскаго и М. Розенгейма. Пусть узнаютъ всѣ, что два первые изъ этихъ поэтовъ не принадлежатъ къ числу тѣхъ безцвѣтныхъ лириковъ, которые только предаются «созерцательной цѣли» и безцѣльному вдохновенію. Вся поэзія «майковскаго періода» должна составить славную страницу въ исторіи русской литературы. Что же касается до г. Розенгейма, котораго у насъ тоже до сихъ поръ не оцѣнили по достоинствамъ, то я долгомъ своимъ считаю въ слѣдующемъ письмѣ по возможности отвергнуть ложное мнѣніе, составившееся у насъ объ этомъ почтенномъ поэтѣ.

VI

Ложь, которую однажды выдали за правду, часто долго гуляетъ по божьему міру за непреложную истину. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—какому-то шалуну вздумалось шутя назвать г. Розенгейма поэтомъ-обличителемъ, поэтомъ съ отрицательнымъ направленіемъ; шутку эту кое-гдѣ подхватили, многіе поняли ее въ буквальномъ смыслѣ, а потомъ понемногу у насъ наконецъ составилось мнѣніе, серьёзно признавшее г. Розенгейма обличителемъ. Шутка обратилась въ серьёзную клевету, оскорбительную для писателя, которому, вѣроятно, и въ голову никогда не приходило, что его причислятъ къ разряду поэтовъ «съ отрицательнымъ направленіемъ». Обидно, со стороны обидно за г. Розенгейма!.. Какъ поэта «майковскаго періода», я надѣюсь, что нѣсколько оправдалъ ужь г. Розенгейма въ глазахъ моихъ читателей, указавъ на его нѣкоторыя гражданскія тенденціи. Чтобъ окончательно разувѣрить всѣхъ обманутыхъ ложнымъ взглядомъ на дѣйствительность нашего стихотворца, я прибѣгну къ доводамъ, еще болѣе убѣдительнымъ. Не говоря ужь о томъ, что въ средѣ стихотворцевъ, г. Розенгеймъ занимаетъ ту ступень, послѣ которой неминуемо слѣдуетъ появленіе Михаила Бурбонова, относящагося враждебно ко всякому отрицанію,—мы должны прежде всего сослаться на собственную дѣятельность г. Розенгейма. Книжка его стихотвореній

есть въ этомъ случаѣ самый лучшій адвокатъ. Перечитывая эту книжку я не разъ отъ души смѣялся надъ тѣми близорукими господами, которые еще до сей поры считаютъ г. Розенгейма стихотворцемъ-обличителемъ. Да изъ чего же, милостивые государи, вы это взяли? Имѣетъ ли хоть какое-либо основаніе ваша клевета?

Пробѣжимъ хоть первыя строки изъ любого его стихотворенія.— Ну вотъ хоть пѣсня: «Природа».

Когда въ сердцѣ моемъ накипитъ, накипитъ
Столько горя, что больше не въ мочь,
На душѣ станетъ тяжко, что камень лежитъ,
И темно, что осенняя ночь,
Отъ общественной жизни тяжелыхъ оковъ,
Отъ холодности черствыхъ людей
Ухожу отдыхать подъ навѣсы лѣсовъ
Подышать на просторъ полей.

Теперь я дѣлаю вопросъ каждому: можно ли назвать обличителемъ того, кто пишетъ пѣсни «къ природѣ»? Обличитель ли тотъ, кто подъ навѣсами лѣсовъ спасаетъ себя отъ оковъ общественной жизни, не желая имѣть съ людьми никакого дѣла и мѣняетъ общество человѣка на общество волковъ и медвѣдей? Обличитель ли тотъ, спрашиваю я у васъ, благоразумные читатели?

А у г. Розенгейма такіе меланхолическіе порывы не случайное явленіе. Его постоянное желаніе — убѣжать отъ людей, и я жаей удивляюсь, какъ еще до сихъ поръ не привелъ въ исполненіе своего желанія. Въ другомъ своемъ стихотвореніи «Желаніе», онъ проситъ коня «умчать его» куда-нибудь,

Только дальше отъ людей!

заботы жизни его подавляютъ:

Я подавленъ жизнью этой
Мнѣ бъ хотѣлось отдохнуть.

тамъ, продолжаетъ стихотворецъ,

Гдѣ смолкаетъ все земное,
Спитъ сомнѣнія змѣя;
Гдѣ бъ насъ было только двое:
Богъ, да ты, душа моя.

Кто жъ теперь будетъ такъ ослѣпленъ, что заподозритъ въ отрицаніи душу, которая желаетъ съ богомъ бесѣдовать?

Въ слѣдующихъ словахъ г. Розенгеймъ, очень положительно высказываетъ свое отвращеніе къ нигилистамъ, къ отрицанію,—то отвращеніе, которое мы привыкли только встрѣчать на страницахъ ветхо-завѣтнаго журнала В. Н. Аскоченскаго: мы поднимаемъ, говоритъ онъ:

Всѣ завѣтныя чувства на смѣхъ,
И какъ камнемъ въ святыню швыряемъ
Свой сарказмъ мы во все и во всѣхъ!
Но напрасно хотимъ въ отрицаньи
Отыскать всѣмъ вопросамъ исходъ, —
Не уйдти намъ упадка сознанья!
Въ насъ какъ совѣсть оно вопіётъ!
И украденый плащъ скептицизма
Не идетъ къ намъ, не впору; подъ нимъ
Не укрыть намъ, увы! эгоизма
И тоски, непонятной самимъ.

Находя въ стихотвореніяхъ г. Розенгейма много такихъ мѣстъ, я даже пришелъ къ тому убѣжденію, что у него вѣроятно было прежде тайное предчувствіе, что его смѣшаютъ съ шайкою обличителей, и онъ, испугавшись такой клеветы, приложилъ особенное стараніе къ тому, чтобъ точнѣе выразить свое полное равнодушіе къ людямъ такой закалки.

Случалось ли, напримѣръ, кому-нибудь изъ насъ встрѣчать обличителей, которые бы писали посланія въ стихахъ? Разумѣется, нѣтъ,—г. Розенгеймъ сочинялъ такія посланія, и не только къ живымъ, но даже къ мертвымъ людямъ. Такъ, въ 1858 г., онъ написалъ свое посланіе къ Лермонтову, т. е. спустя *семнадцать* лѣтъ послѣ смерти автора «героя нашего времени». Что жъ! тутъ удивительнаго ничего нѣтъ: поэту всякія вольности и анахронизмы позволяются, но это посланіе замѣчательно не тѣмъ, оно интересно собственно по своему содержанію. Г. Розенгейму пришла геніальная мысль *распечь* поэта-покойника, за то отрицательное направленіе, котораго онъ держался въ жизни, и живой стихотворецъ распекъ мертваго самымъ положительнымъ образомъ. Уподобивъ Лермонтова—черепахѣ, (Лермонтовъ-черепаха! не смѣлое ли сравненіе?) г. Розенгеймъ гнѣвается на него за то, что будто бы онъ «клеветалъ на жизнь», чѣмъ и «оскорбилъ даръ прекрасный небесъ» *). Послѣ многихъ весьма дѣльныхъ совѣтовъ, за которые Лермонтовъ, если бы былъ живъ, былъ бы очень благодаренъ своему неожиданному наставнику, г. Розенгеймъ весьма поучительно замѣчаетъ:

*) См. стихотворенія М. Розенгейма 1858 г. стран. 132—133.

Безъ вѣры, Лермонтовъ, безплодно и призванье:
Ни пѣсень отъ души, ни искренней мольбы!
Да, страшно и тебя коснулось отрицанье,—
И духомъ ты упалъ въ виду святой борьбы.

Это-то лермонтовское отрицаніе оскорбило поэтическую душу Розенгейма и навело на мысль открыть загробную переписку съ поэтомъ.

Хорошія мысли всегда заразительны, и я, какъ самый искренній поклонникъ литературныхъ способностей г. Розенгейма, хочу сдѣлать подобный же опытъ загробной корреспонденціи и пишу посланіе... къ Шекспиру. Что жъ! отчего же не написать мнѣ къ Шекспиру посланія? Надѣюсь, что оно дойдетъ къ нему тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ доставлено къ Лермонтову стихотвореніе Михаила Розенгейма *.

ВИЛЬЯМУ ШЕКСПИРУ отъ МИХАИЛА БУРБОНОВА.

Любезный другъ Шекспиръ, талантливъ ты,—не споримъ,
Тебѣ соперниковъ не часто я встрѣчалъ,
Но все же, признаюсь, съ большимъ смотрю я горемъ
Какую ложную дорогу ты избралъ.

Ты слишкомъ гордъ, Шекспиръ, друзей забылъ совѣты:
Тебѣ бъ все древній міръ, старинныхъ хроникъ тьма,
Гдѣ лишь какіе-то Отелло, да Макбеты,
Иль датскій *принцъ*, спрыгнувшій вдругъ съ ума.

Дай лучше драму намъ, безъ всякихъ дальнихъ споровъ,
Военный бытъ рисуй, жизнь лагеря раскрой,
Гдѣ бъ на конѣ скакалъ великій панъ Суворовъ
И маніемъ руки за строемъ двигалъ строй.

Ты вмѣсто Дездемонъ, Корделій и Офелій,
Безъ деклараторскихъ ходулей и прикрасъ,
На сцену выведи Ефремовскихъ камелій —
Тогда, тогда, Шекспиръ, почтутъ тебя у насъ,

Я, уже выше упоминалъ, о взаимномъ сродствѣ, объ органической связи, которая существуетъ между поэтами «Майковскаго періода» а потому, вѣроятно никто не удивится, если въ розенгеймов-

*) Я могу только ошибаться въ одномъ: можетъ быть въ своемъ посланіи г. Розенгеймъ обращается не къ поэту М. Ю. Лермонтову, а къ книгопродавцу Лермантову (такъ какъ заглавныхъ буквъ передъ фамиліей послѣдняго въ стихотвореніи не выставлено), который, сколько я помню, тоже отчасти занимался литературой... полемической, и *отрицалъ* очень многія вещи въ жизни... Если это такъ, то я спѣшу извиниться предъ г. Розенгеймомъ за свое предположеніе о его *загробной* корреспонденціи.

ской рѣчи встрѣтитъ напр. отголосокъ музы кн. Вяземскаго. Вотъ хоть бы о демократахъ! Князь Вяземскій слово *демократъ* не можетъ слышать безъ нѣкоторой поэтической истерики; муза г. Розенгейма, по крѣпости нервовъ хотя и не подвержена истерическимъ припадкамъ, относится къ демократамъ съ тѣмъ же самымъ непріятнымъ чувствомъ. Сходство между поэтами въ этомъ случаѣ изумительно. Въ разныхъ углахъ Россіи, въ разное время они говорили точно въ одинъ голосъ, и каждая ихъ пѣсня, каждая мысль являлась съ одною общею пломбою «Майковскаго періода.» Для сравненія не могу опять не припомнить словъ кн. Вяземскаго:

Есть древняя вражда: къ каретамъ — пѣшехода,
Лѣнивой нищеты — къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго къ законному суду.
Смѣшонъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь (но прочь они),
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ, и знать, и все, что имъ сродни.

Когда, два года тому назадъ, эти стихи появились въ Русскомъ Вѣстникѣ—они были всѣми замѣчены, и не разъ повторены петербургскими журналами, а между тѣмъ никто не знаетъ, что еще прежде появленія ихъ въ Катковскомъ журналѣ, г. Розенгеймъ сказалъ почти слово въ слово то же самое:

Мѣра вамъ—судьбы превратности...
Такъ и ты, мой демократъ,
Ненавидишь также знатности —
Какъ лисица виноградъ!
Превосходство въ людяхъ всякое
Жметъ тебя, и вотъ въ сердцахъ,
Сталъ ты желчнымъ забіякою,
Сталъ бретёромъ на словахъ.
Даромъ съ мѣста ты не двинешься,
А гдѣ выгода зоветъ,
Какъ Протей вдругъ перекинешься;
Станешь ярый патріотъ.
Пользы нѣтъ,—и вотъ *на завтріе* (*!?*) (*)
Ты опять космополитъ,
Ubi bene, ibi patria —
Исповѣдуя, какъ жидъ.

---

*) *На завтріе?!..* Господи? что это такое?

Не изумительно ли это странное сходство череповъ двухъ поэтовъ, почти одними и тѣми же словами выражавшихъ одну и ту же мысль, и только одна разница въ дарованіяхъ оттѣняетъ нѣсколько одну пѣсню отъ другой. Какъ витязь одной и той же школы, я самъ могу сказать вслѣдъ за двумя пѣвцами:

Демократовъ съ давнихъ поръ,
Какъ мальчишекъ-вѣтрогоновъ,
Уважать не могъ маіоръ
Михаилъ Петровъ Бурбоновъ.
Униженію ихъ радъ
Онъ повсюду; — и за тѣмъ онъ,
Даже слово: *демократъ*
Произвелъ отъ слова: *демонъ*.

Такъ какъ, по моему рѣшительному мнѣнію, г. Михаилъ Розенгеймъ, и за нимъ Михаилъ Бурбоновъ изображаютъ собою послѣднихъ могикановъ изъ поэтовъ «Майковскаго періода», то я и окончу на этотъ разъ свои письма мудрыми изреченіями изъ сочиненій этихъ двухъ писателей, на которыхъ Аполлонъ Майковъ долженъ смотрѣть теперь съ особенною любовью:

ПОСЛѢДНІЙ ДУЭТЪ

Михаилъ Розенгеймъ.

Если дуренъ народъ; если падаетъ край,
Зло проникло въ него глубоко,
Легкомысленно въ томъ не тотчасъ обвиняй
Учрежденья, законы его.
Осторожно вглядись, обсуди, и тогда
Къ убѣжденью, быть можетъ, придешь,
Что въ народѣ самомъ затаилась бѣда,
Что законъ самъ собою хорошъ. (1)

Михаилъ Бурбоновъ.

Если выйдетъ мужикъ изъ дверей кабака
И его разшатаетъ травникъ,
Ты скажи, указавъ на него, мужика:
— «Утопаетъ въ развратѣ мужикъ.»
И тогда откупамъ сладко гимны запой:
«Журналистика наша слѣпа:
«Вѣдь въ народѣ самомъ затаился *запой*,
«Не виновны ни въ чемъ откупа.

Михаилъ Розенгеймъ.

Если золъ ты на свѣтъ, точно правду любя,

*) Стих. М. Розенгейма 1858 г. Спб.

То не тронь въ немъ порядка вещей,
Но исправь-ка сперва, мой почтенный, себя,
Отучи отъ неправды людей. (2)

Михаилъ Бурбоновъ.

Если ты по призванью совсѣмъ не поэтъ,
Но его только носишь ты санъ,
Не сердись на людей, что твой каждый куплетъ
Имъ ужаснѣй, чѣмъ самъ кукельванъ.

Михаилъ Розенгеймъ.

Если жидкость дурна, если скислось вино,
То куда ты его ни налей,
Только каждый сосудъ замараетъ оно,
Но не будетъ, не станетъ свѣтлѣй. (3)

Михаилъ Бурбоновъ.

Если ты благороденъ, какъ истинный Россъ—
Полицейскихъ ни въ чемъ не кори,
И по улицамъ невскимъ не жги папиросъ
И сигаръ никогда не кури.

Михаилъ Розенгеймъ.

Если сплавъ не хорошъ, если дуренъ металлъ,
То какой ни придай ему видъ,
Въ каждой формѣ, куда бъ отливать ты ни сталъ,
Онъ пороки свои сохранитъ. (4)

Михаилъ Бурбоновъ.

Если будешь журналъ издавать на Руси,
Хоть у насъ ихъ порядочный рой,—
По кварталамъ билеты вездѣ разноси
И при будкахъ подписку открой.

Михаилъ Розенгеймъ.

Вѣдь не случай одинъ правитъ мiромъ, о нѣтъ!
И застою не можетъ въ немъ быть,
И духъ вѣка подастъ въ свое время совѣтъ,
Какъ и что въ немъ должно измѣнить (5)

Михаилъ Бурбоновъ.

Если въ жизни *застой* обличитель найдетъ,
Ты на мѣстѣ минуты не стой,
Но пройдися по комнатѣ взадъ и впередъ,
И спроси его: гдѣ же застой?

Письма мои приведены къ концу и задача моя исполнена: я нашелъ Америку, я открылъ цѣлый перiодъ въ нашей литературѣ, который съ этого времени долженъ войдти въ ея исторiю подъ названiемъ «Майковскаго перiода»—неужели же мое открытiе не заслуга?

Михаилъ Бурбоновъ.

2) Стих. М. Розенгейма. 1858 г. Спб. 3) Тамъ же. 4) Тамъ же. 5) Тамъ же.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Говоря лирическимъ тономъ, мы начинаемъ писать нашу библіографическую хронику въ такое время, когда эта работа обѣщаетъ намъ обильную жатву. Упрекъ, дѣлавшійся до сихъ поръ русской литературѣ въ томъ, что всѣ произведенія ея укрываются подъ сѣнь журналовъ, и что литература книжная собственно не существуетъ,— этотъ упрекъ теперь оказывается, повидимому, недѣйствительнымъ. Типографскіе станки то и дѣло выпускаютъ на свѣтъ томы, томики и тетрадки, на всѣхъ улицахъ Петербурга, начиная отъ Невскаго проспекта до Офицерской; основываются книжные магазины, на поприщѣ издательской дѣятельности безпрерывно подвизаются новыя лица, — стало быть, не предстоитъ повидимому никакого сомнѣнія, что мы, опять-таки говоря лирическимъ слогомъ, не въ шутку шагаемъ впередъ.

Радоваться этому или нѣтъ? — Конечно, радоваться, если брать во вниманіе количество нашей умственной производительности, а не качество ея. Неизвѣстно почему, но всякій разъ, когда мы посмотримъ на нашу издательскую дѣятельность, намъ представляются картины въ родѣ слѣдующей: маленькій мальчикъ пускаетъ мыльные пузыри украдкой отъ своей маменьки, которая запретила ему дѣлать это; пузыри выходятъ весьма красивые, разноцвѣтные; мальчикъ тѣшится и убѣжденъ, что онъ дѣлаетъ самое серьёзное дѣло... Вдругъ является маменька и схватываетъ шалуна за ухо; шалунъ совершенно теряется и жалобно пищитъ: «мамаша, это не я дѣлалъ, это Ваня шалилъ, Ваню накажите»... А мыльные пузыри, покамѣстъ, какъ водится, разлетѣлись, оставивъ послѣ себя только непріятный запахъ мыла.

Соображая обстоятельства, при которыхъ совершается наше умственное развитіе, мы захотѣли провѣрить, что сдѣлала книжная литература, напримѣръ, въ прошедшемъ году, въ которомъ книгопечатные станки дѣйствовали съ особенною быстротой и энергіей. Для удовлетворенія нашему желанію мы обратились къ «Книжному Вѣстнику», и тщательно просмотрѣвъ его, дошли вотъ до какого результата: Въ 1862 г. издано до 1800 книгъ (въ числѣ этихъ книгъ показаны и такія *сочиненія*, какъ уставы акціонерныхъ обществъ, списки чиновъ разныхъ губерній, либретто оперъ и т. п.); количество, положимъ, не малое, но при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, мы не могли во всей этой грудѣ насчитать болѣе *двадцати трехъ истинно дѣльныхъ* книгъ. Остается, значитъ, тысяча семьсотъ семьдесятъ семь изданій; исключите изъ нихъ всѣ эти списки чиновниковъ, уставы разныхъ обществъ, «Травіаты» и «Силы судьбы» на русскомъ языкѣ, да выбросьте кромѣ того дрянь въ родѣ «Экзальтаціона и 9 музъ, сочиненіе коллежскаго совѣтника Афанасія Евдокимовича Анаевскаго», или «Инвалиднаго капитана и его писаря»,—или стихотвореній гг. Ключа, Агрипскаго и др., или, наконецъ, огромное количество разныхъ супружескихъ грамматикъ, оракуловъ любви, энциклопедическихъ словарей, сновидѣній, гигіенъ и физіологій брака, записокъ Риголъбоши и т. п.,—учините, говорю я, такой разсчетъ, и потомъ поразмыслите: ну отчего же приходить-то въ патріотическій восторгъ отъ этого печатнаго сумбура, распространяемаго по обширной землѣ русской? Не лучше ли пожалѣть эти человѣческія силы, растраченныя попусту на составленіе книжонокъ, которыхъ дѣйствительную пользу нельзя оправдать даже со стороны обклейки стѣнъ дешевою бумагой. *Двадцать три* хорошихъ книги на *тысячу семьсотъ* самой горькой посредственности—результатъ вовсе неутѣшительный!

Далѣе, сортируя вышедшія книги въ послѣднее время и оцѣнивая ихъ относительное достоинство, мы пришли еще къ одному важному соображенію: большая часть порядочныхъ книгъ—переводы съ иностранныхъ языковъ. Вы скажете, что и этому надо радоваться, что мы слишкомъ мало знакомы съ произведеніями европейской литературы, что такое знакомство разовьетъ нашъ умъ, наше изящное чувство, наше пониманіе, что сами мы еще не настолько развиты и образованы... Ну да, ну да; вотъ вы и договорились до того же самаго, что мы хотѣли сказать. Мы радуемся вмѣстѣ съ вами этому

началу знакомства съ иностранными литературами (хотя, правду сказать, стыдливо краснѣемъ при мысли, что это знакомство — въ серьёзномъ смыслѣ—началось у насъ только во второмъ тысячелѣтіи нашего существованія), мы желаемъ этому знакомству самаго большого развитія, мы вѣримъ, что оно — самое прочное основаніе для постройки *оригинальнаго* зданія, но мы, тѣмъ не менѣе правы, говоря, что собственно *наша* книжная литература еще покрикиваетъ въ пеленкахъ. Разительное доказательство этому представляетъ литература, такъ называемая, *народная*. Тутъ, очевидно, переводы уже не могутъ играть никакой роли, и до сочиненія книгъ, которыя могъ бы съ пользою читать нашъ *народъ* (объ участи котораго мы такъ суетливо хлопочемъ), намъ надо «собственнымъ умомъ дойдти». И что̀ же? бѣдность литературы въ этомъ отношеніи непроходимая, и конечно, если ужь суждено нашему народу развиться, такъ разовьется онъ не отъ чтенія этихъ книгъ. Впрочемъ, о книгахъ для народа мы еще поговоримъ когда-нибудь подробно, и тогда, къ сожалѣнію, встрѣтимся съ весьма грустными явленіями: встрѣтимся не только съ бѣдностью этой отрасли литературы, но и—скажемъ настоящее слово—съ *нечестностью* ея. Видно уже на роду намъ написано, чтобы каждое благое по принципу дѣло принимало у насъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, искусительно дѣйствующихъ на человѣческую натуру вообще и на русскую въ особенности, не совсѣмъ правильный оборотъ... Но, повторяемъ, объ этомъ когда-нибудь въ другое, болѣе удобное время...

Какъ бы то ни было, а фактъ, не подлежащій сомнѣнію — что число печатаемыхъ отдѣльно книгъ увеличивается у насъ съ каждымъ днемъ, и что число книжныхъ магазиновъ и публичныхъ библіотекъ возрастаетъ, далеко не пропорціонально нашему невѣжеству, но все же больше противъ прежняго. Неговоря уже о Петербургѣ, книжныя лавочки заводятся вездѣ, даже въ Тамбовѣ, гдѣ до сихъ поръ о нихъ не имѣли никакого понятія. Понастоящему, эти два обстоятельства должны бы служить доказательствомъ того, что въ насъ сильно пробудилась потребность къ чтенію; потребность, не дозволяющая намъ ограничиваться, какъ прежде, журналами и газетами, несмотря на то, что послѣднія сыпятся на насъ проливнымъ дождемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же предположить, что всѣ эти издатели, дающіе такую работу типографскимъ станкамъ, трудятся единственно «pour les beaux yeux» русской публики, безъ всякой надежды на воз-

награжденіе своихъ трудовъ и издержекъ; они, значитъ, разсчитываютъ на относительно-большое число покупателей, а чѣмъ больше это послѣднее, тѣмъ, очевидно, и долженъ быть выше уровень общественнаго образованія или, по крайней мѣрѣ, стремленія къ этому образованію. Такъ-то оно такъ, но не въ отношеніи книжнаго дѣла. Совершите, подобно намъ, прогулку по книжнымъ магазинамъ, соберите подробныя свѣденія и вы съ изумленіемъ узнаете, что увеличеніе числа книгъ еще мало доказываетъ увеличеніе читающей публики; вѣрнѣе можно думать, что здѣсь происходитъ то же самое передвиженіе, какое мы видимъ на посѣтителяхъ художественныхъ галерей и выставокъ; посѣтители каждый годъ — одни и тѣ же, но комнаты, въ которыхъ они останавливаются съ большой охотой, разнообразятся. По крайней мѣрѣ то вѣрно, что книжная торговля продолжаетъ оставаться одною изъ самыхъ непроизводительныхъ (мы говоримъ, конечно, по сравненію съ другими отраслями торговли); если какой нибудь книги, хотя бы самой дѣльной, продано въ продолженіе цѣлаго года до тысячи экземпляровъ, то это считается замѣтнымъ и даже завиднымъ успѣхомъ. Потомъ, вотъ еще одно обстоятельство, сильно подрывающее вѣру въ то, что мы жадно устремились къ самопросвѣщенію: книги дрянныя, носящія на себѣ самые очевидные признаки грубѣйшаго шарлатанства и полнѣйшаго невѣжества, раскупаются не впримѣръ лучше сочиненій дѣльныхъ и полезныхъ. Положимъ, что *habent sua fata libelli*; но у насъ-то ужь эти *fata* черезчуръ оригинальнаго свойства. Какъ, напримѣръ, согласить *увѣреніе*, что потребность чтенія все болѣе и болѣе развивается въ русскомъ обществѣ и *факты*, изъ которыхъ явствуетъ, что «Гигіена Брака» распродается лучше «Исторіи Гервинуса», «Карты Сведенборга» лучше «Сочиненій Маколэ», «Плутни Карточной Игры» успѣшнѣй «Исторіи Бёкля», «Оракулъ Любви» лучше «Физіологическихъ картинъ Бюхнера», «Супружеская Грамматика» лучше «Растенія Шлейдена» и т. д. и т. д. и т. д.? — А эти факты не подлежатъ никакому сомнѣнію: справьтесь въ любомъ книжномъ магазинѣ. Впрочемъ, и справляться особенно не за чѣмъ. Уже одно то, что количество книгъ пошлѣйшаго свойства сильно превосходитъ число книгъ дѣльныхъ, ясно доказываетъ на что именно падко большинство русской читающей публики. Въ самомъ дѣлѣ: если люди, издающіе исторію Гервинуса, Бёкля, и т. п. имѣютъ въ виду не только свой коммерческій интересъ, но и общую пользу, то нече-

го, кажется, увѣрять, что такіе господа, какъ московскій Глазуновъ, петербургскіе Стелловскій и Крашенинниковъ столько же думаютъ объ общей пользѣ, сколько аптекарь заботится о гигіеническомъ состояніи своего покупателя. Ясно, какъ день, что эти люди дальше личной спекуляціи соображать неспособны. Но если спекуляція, какъ бы она грязновата ни была, имѣетъ свой успѣхъ, значитъ она находитъ себѣ поддержку въ самомъ обществѣ, и дальнѣйшій выводъ, кажется, не труденъ. Стоитъ для этого хоть мелькомъ взглянуть въ каталоги книгъ англійскихъ и нѣмецкихъ; найдутся ли въ нихъ сочиненія, подобныя тѣмъ, которыя раскупаются на расхватъ русской публикой? А вѣдь никто не станетъ увѣрять, что въ Германіи и Англіи нѣтъ самыхъ отчаянныхъ аферистовъ. Отчего же они не спекулируютъ на умственное безобразіе, на нравственный идіотизмъ, на массу суевѣрія, невѣжества, ханжества и тому подобныхъ человѣческихъ слабостей. Да оттого, что они увѣрены, что если въ массѣ народа и есть люди, стоящіе на такой низкой степени развитія, то эти люди слишкомъ далеки отъ всякаго умственнаго движенія, то есть, проще говоря, ни читать, ни писать не умѣютъ, и для нихъ рѣшительно все равно, какія книги вылетаютъ на свѣтъ божій изъ типографій. А наши книжные аферисты хорошо знаютъ, что ихъ безобразныя изданія придутся по вкусу людямъ *грамотнымъ*. Да что книжная литература! Присмотритесь къ журналистикѣ. Какъ вы полагаете, хорошъ умственный уровень той публики, въ которой «Сынъ Отечества» расходится въ числѣ чуть ли не пятнадцати тысячь экземпляровъ? Или возьмите немножко повыше, хоть «Время», которое изъ всѣхъ силъ хлопочетъ о какомъ-то слитіи съ народомъ, и постоянно увѣряетъ, что таинственный элексиръ для этого слитія только ему и вѣдомъ, что оно совершенно постигло ту золотую середину, то примирительное начало, которое необходимо намъ, въ настоящее время. И вотъ съ высоты своей *серединной* теоріи тому же народу, о которомъ оно такъ сокрушается, предлагаются разныя пряныя вещи, въ родѣ философскихъ мечтаній г. Страхова, въ родѣ критической трескотни Аполлона Григорьева и въ видѣ такихъ умилительныхъ разсказовъ, которые, подобно гомеопатическимъ дозамъ опіума, пріятно дѣйствуютъ на лимфатичные темпераменты... Если взять все это отдѣльно, то не вышло бы ровно ничего; но если смѣшать все вмѣстѣ, и г. Страхова, и А. Григорьева, и уголовные процессы съ старымъ и давно забытымъ романомъ В.

Гюго (Notre Dame de Paris), то изъ этого уже выходитъ то, что на языкѣ нашего народа называется *смакомъ*. Разсчетъ достопочтенной редакціи очень вѣренъ; она понимаетъ, что въ извѣстныя эпохи народнаго вкуса махорка предпочитается гаванской сигарѣ, и что на извѣстной степени общественнаго состоянія шевелить воображеніемъ гораздо удобнѣе, чѣмъ дѣйствовать прямо на развитіе ума. А эти двѣ силы, какъ извѣстно, развиваются въ обратной пропорціи: чѣмъ выше становится умственная дѣятельность народа, тѣмъ сильнѣе подчиняется фантазія строгимъ требованіямъ разсудка. Вотъ почему такія книжки, какъ «Гигіена Брака» или «Искусство нажить себѣ богатство» еще долго будутъ занимать наше общество. Здѣсь есть полная солидарность между этой пряной литературой и прѣсной публикой; но хорошо ли, гг. издатели и редакторы, — поддерживать эту солидарность съ вашей стороны? Это другой вопросъ, надъ которымъ намъ не мѣшаетъ иногда поразмыслить.

Возвращаемся къ нашей книжной литературѣ. Не знаемъ, что будетъ съ нею во второмъ тысячелѣтіи, а покамѣстъ, бѣдность ея способна заставить краснѣть самаго нестыдливаго человѣка. Не хотите ли фактовъ? Мы употребимъ для этого сравнительный методъ. Шекспиръ переведенъ на всѣ европейскіе языки, у насъ появляются въ журналахъ (замѣтьте, только въ журналахъ) переводы нѣкоторыхъ трагедій, — но *полнаго собранія сочиненій* великаго писателя, въ отдѣльномъ изданіи, слѣдовательно въ такомъ видѣ, который доступенъ для большинства публики, — не существуетъ. Байрона тоже знаютъ всѣ европейскіе народы; мы знакомы съ нимъ почти что по слуху. Одинъ только Шиллеръ удостоился у насъ чести быть изданнымъ въ полномъ составѣ. Гёте, Данте, Торквато Тассо для насъ не существуютъ; а въ иностранныхъ литературахъ всѣ эти писатели живутъ въ нѣсколькихъ десяткахъ переводовъ. Мы выбрали только нѣсколько самыхъ крупныхъ примѣровъ; о болѣе мелкихъ мы уже не говоримъ. Тутъ наше невѣжество — иначе мы не умѣемъ выразиться — доходимъ до изумительно-высокой степени. Знакомство съ величайшими произведеніями человѣческаго ума составляетъ у насъ достояніе небольшого круга *избранныхъ*, знающихъ иностранные языки; но эти избранные или не имѣютъ матеріальныхъ средствъ для того, чтобы дѣлиться своими познаніями съ русскою публикой, т. е. издавать означенныя произведенія въ русскомъ переводѣ, или находятъ, что этого не зачѣмъ

дѣлать, такъ какъ русской публикѣ нравится совсѣмъ иное.... Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе....

Послѣ всего сказаннаго нами, читатели, пожалуй, подумаютъ, что мы не придаемъ никакого значенія нашей книжной литературѣ; что мы считаемъ ее дѣломъ лишнимъ; что мы, наконецъ, не вѣримъ въ развитость нашей публики, или вѣрнѣе, въ желаніе ея учиться самымъ серьёзнымъ образомъ. Думая такъ, читатели наши впадутъ въ заблужденіе. Такихъ *крайнихъ* убѣжденій мы не имѣемъ. *Возникновенію* нашей книжной литературы мы радуемся уже потому, что надо же хоть чему нибудь радоваться, — иначе ужь очень скучно будетъ жить на свѣтѣ; считать эту литературу дѣломъ лишнимъ—было бы совершеннымъ безуміемъ; что касается третьяго пункта, т. е. нашего желанія учиться, то тутъ мы не даемъ только мѣста лирическимъ порывамъ, и въ этомъ, надѣемся, никто не упрекнетъ насъ. Мы хотимъ только сказать, что книжная литература, какъ и все остальное, находится у насъ въ совершенномъ младенчествѣ и едва-едва начинаетъ ходить....

Чтобы утѣшить такъ называемыхъ *оптимистовъ*, мы даже признаемся имъ, что въ этихъ первыхъ шагахъ нашего младенца видимъ хорошіе задатки. Они заключаются по нашему мнѣнію во первыхъ въ томъ, что мы, понимая, что сами не умѣемъ еще *сочинять* хорошихъ книгъ, *переводимъ* таковыя; во вторыхъ въ томъ, что издательская дѣятельность устремилась главнымъ образомъ (мы говоримъ объ издателяхъ честныхъ и понимающихъ свое дѣло) на доставленіе публикѣ сочиненій изъ области естественныхъ наукъ и историческихъ. Даже въ дѣтской литературѣ естественныя науки начинаютъ играть очень замѣтную роль, — и вотъ этому-то обстоятельству ужь нельзя не радоваться отъ всей души. Цѣлый міръ нравственныхъ и умственныхъ предразсудковъ, обезобразившихъ душу русскаго человѣка и поддерживаемыхъ въ ней такими дѣятелями, каковъ г. Аскоченскій, (на котораго, сказать мимоходомъ, мы смотримъ отнюдь не съ юмористической стороны,—этотъ міръ душевнаго уродства и умственнаго идіотизма долженъ рано или поздно разрушиться именно вслѣдствіе тѣснаго знакомства съ естественными науками, т. е. съ *дѣйствительными* законами, на основаніи которыхъ движется вся жизнь природы, а слѣдовательно и человѣка. Вотъ почему каждый истинно-желающій добра русскому простому человѣку долженъ желать, чтобы этого простого человѣка учили

простымъ естественнымъ наукамъ.... Но на ряду съ предразсудками нравственными въ русскомъ человѣкѣ твердо стоятъ предразсудки гражданскіе; ясно, что могущественнымъ средствомъ къ излеченію отъ нихъ можетъ служить знакомство съ тѣми историческими произведеніями, въ которыхъ жизнь образованнаго человѣчества является въ стройной, поучительной картинѣ. Тѣ результаты, до которыхъ дошло это человѣчество путемъ тяжелыхъ испытаній и безпрерывно совершавшагося развитія, не могутъ не возбудить въ сердцѣ читателя желанія идти тѣмъ же путемъ. Мы твердо убѣждены, что тотъ, кто прочтетъ, напримѣръ, исторію девятнадцатаго столѣтія, написанную Гервинусомъ, почувствуетъ себя крѣпче въ гражданскомъ смыслѣ, лучше уяснитъ себѣ свои обязанности, и лучше пойметъ всѣ хорошія и дурныя стороны окружающей его жизни.

Вотъ почему мы искренно благодарны тѣмъ издателямъ, которые понимаютъ всю важность историческаго и естественно-научнаго образованья и добросовѣстно дѣлаютъ свое дѣло, не смущаясь холоднымъ пріемомъ, который русская читающая публика оказываетъ ихъ дѣятельности. Только хватитъ ли у нихъ средствъ трудиться въ ущербъ своему карману? На такой вопросъ многіе отвѣчали намъ: «подождите, наша страсть къ чтенію приметъ большіе размѣры, и издательской дѣятельности, повѣрьте, предстоитъ у насъ блестящая будущность». Что-жъ? подождемъ и повѣримъ...

Съ будущаго мѣсяца мы начнемъ представлять нашимъ читателямъ подробный обзоръ русской книжной дѣятельности. Взглядъ нашъ на эту дѣятельность опредѣлился уже этимъ введеніемъ. Руководясь имъ, мы будемъ имѣть въ виду не столько отдѣльныя явленія книжной литературы, сколько общій характеръ ея и, главное, отношеніе ея къ публикѣ и публики къ ней. Мы будемъ радоваться не тогда, когда число новыхъ дѣльныхъ книгъ будетъ достигать значительной степени, а тогда, когда факты будутъ удостовѣрять насъ, что появленіе этихъ книгъ вызвано насущною потребностью публики, доказывающей такую потребность хорошимъ потребленіемъ. Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что это потребленіе обусловливается не только умственнымъ развитіемъ, но и матеріальными средствами,—при чемъ приведутъ давно извѣстный и, къ сожалѣнію, весьма достовѣрный фактъ, что теперь ни у кого нѣтъ денегъ. Но во первыхъ, не всегда же, смѣемъ надѣяться, будетъ продолжаться такое безденежье; а во вторыхъ, это пустяки, что нѣтъ денегъ; вѣдь хватаетъ же ихъ на покупку «оракуловъ любви;» такъ

должно хватить и на исторію Бокля... И такъ для насъ будетъ важно не столько количество и качество новыхъ книгъ, сколько пріемъ, который онѣ встрѣтятъ въ публикѣ. Положимъ, что и теперь передъ нашими глазами порядочный (относительно) запасъ хорошихъ сочиненій. Передъ нами (мы дѣлаемъ этотъ перечень кстати, чтобы представить читателямъ картину нашей издательской дѣятельности за послѣднее время (исторія Англіи Бокля, этого писателя, внесшаго въ область исторіи совершенно новый, глубокій, философскій взглядъ; передъ нами Исторія девятнадцатаго столѣтія соч. Гервинуса, о которой мы уже упоминали и къ подробному отчету о которой мы еще вернемся; передъ нами Исторія Шлоссера, Физіологическія картины Бюхнера, Собраніе сочиненій Маколэ; Государственный строй Англіи Фишеля, Статистика Кольба, Исторія литературы Шерра, Міръ до сотворенія человѣка Циммермана, Растеніе и его жизнь Шлейдена, Исторія женщины Легуве, Начало міра Жуванселя; передъ нами, наконецъ, наши *родныя* сочиненія каковы: Сѣвернорусскія Народоправства, г. Костомарова, Лекціи по русской исторіи—его же, Земство и расколъ — Щапова, Наука и литература при Петрѣ—Пекарскаго, Сочиненія Мея, Сочиненія Добролюбова, нѣсколько сочиненій, относящихся къ раскольничьимъ дѣламъ и пр. и пр. Но, увы, мы все-таки не даемъ простора лирической радости, и если соглашаемся «ждать и вѣрить», то просимъ позволенія дѣлать это съ нѣкоторою долею сомнѣнія...

На этотъ разъ мы имѣемъ время и мѣсто поговорить объ Исторіи XIX вѣка Гервинуса, о новомъ романѣ г. Лажечникова и объ Исторіи литературы Шерра.

Исторія 19-го столѣтія Гервинуса стала извѣстною еще до появленія ея въ свѣтъ. Особыя обстоятельства побудили автора обнародовать свое введеніе въ исторію еще до изданія самой исторіи. Это введеніе немедленно было переведено на главные европейскіе языки *) и возбудило всеобщій интересъ. Эти особыя обстоятельства, о которыхъ мы только что упомянули, опредѣляются слѣдующими словами самого Гервинуса:

* Введеніе это еще не переведено на русскій языкъ.

«Нѣкоторые изъ моихъ друзей, которые читали это введеніе—говоритъ Гервинусъ—думали, что оно должно послужить къ тому, чтобы укрѣпить пошатнувшееся довѣріе человѣчества къ будущности, возстановить угасающую вѣру въ настоящее и образовать, наконецъ, убѣжище спасенія послѣ кораблекрушенія послѣднихъ годовъ. Такое мнѣніе, выраженное людьми, вполнѣ мною уважаемыми, вынудило меня, въ настоящемъ случаѣ, пожертвовать своею скромностью. Если настоящій трудъ хоть сколько нибудь соотвѣтствуетъ указанной цѣли, то и тогда, конечно, каждый день становится дорогъ. Привычка изучать исторію послѣднихъ годовъ, во-время лишила меня нѣкоторыхъ горячихъ надеждъ, волновавшихъ другихъ людей, и тѣмъ самымъ спасла отъ ошибочныхъ ожиданій; но она никогда не отнимала у меня утѣшенія и облегченія, которыя я желалъ бы передать и моимъ читателямъ. Правда, такое изученіе скоро заставляетъ насъ отказаться отъ надеждъ на быстрые политическіе разультаты; но оно же научаетъ насъ смотрѣть съ сожалѣніемъ на кажущіеся тріумфы и мимолетные успѣхи нѣкоторыхъ торжествующихъ функцій, и окончательно убѣждаетъ въ ложности предразсудка, что всемірныя событія слагаются по прихоти и капризу того или другого элемента. Въ самыхъ ничтожныхъ явленіяхъ современной исторіи мы привыкаемъ узнавать продукты вѣковыхъ движеній, и разбирать начертанія исторіи не по складамъ, а въ общей ихъ совокупности.

Кромѣ нѣкоторыхъ великихъ исходныхъ и остановочныхъ пунктовъ, служащихъ къ опредѣленію духа новѣйшей исторіи, читатель не найдетъ ничего новаго въ этихъ листахъ. Если изъ исторіи слѣдуетъ извлекать законы, то они должны опираться на общеизвѣстныя, принятыя и неопровержимыя начала; только факты такого свойства мы можемъ предложить нашимъ читателямъ въ возможно ясномъ изложеніи данной эпохи. Все, подлежащее здѣсь кругу наблюденія, необходимо и свободно вытекаетъ изъ самыхъ историческихъ событій и лишено всякаго систематическаго празднословія и софистическаго искусства. Реальные плоды, выражающіеся здѣсь въ типически-простыхъ законахъ, надѣемся, окажутся здравыми и неопровержимыми, а въ приводимыхъ наблюденіяхъ никто не откроетъ слѣдовъ поверхностной торопливости.»

Изъ этихъ немногихъ словъ ясно, какое громадное значеніе придавали въ Германіи труду Гервинуса и какая цѣль руководила авторомъ при его составленіи. Несмотря на все фаталистическое на-

правленіе его исторіи, она написана какъ бы въ доказательство несокрушимости и живучести одной вѣчной идеи, которая, въ силу необходимыхъ естественныхъ законовъ, всегда будетъ руководить историческими событіями и придавать имъ извѣстное направленіе. Эта идея—послѣдовательное развитіе человѣчества, котораго не въ силахъ остановить никакія реакціи, никакой внѣшній произволъ, никакія матеріальныя преграды, какъ бы сильны послѣднія ни были; потому что законы природы уничтожаютъ всякія искусственныя препятствія, сопротивленія, стремящіяся воспрепятствовать ихъ нормальному естественному росту. Эту идею доказываютъ у Гервинуса каждая историческая эпоха, каждый эпизодъ, каждая индивидуальная характеристика, хотя онъ разсматриваетъ всѣ явленія съ возможно строгою послѣдовательностью и вѣрностью, и смотритъ на нихъ, какъ на продукты цѣлыхъ предшествовавшихъ вѣковъ. Другими словами, Гервинусъ не натягиваетъ фактовъ согласно заранѣе поставленнымъ теоріямъ и воззрѣніямъ, не гнетъ ихъ въ дугу опредѣленнаго и извѣстнаго кругозора, а передаетъ ихъ только съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ, и глубокимъ пониманіемъ духа и смысла событій, признавая при этомъ одни только простые и естественные законы, необходимо и прямо вытекающіе изъ логики фактовъ и неопровержимыхъ доводовъ вѣковой истины. Правда, Гервинусъ не останавливается на историческихъ событіяхъ съ цѣлью подвести ихъ подъ категорію извѣстныхъ естественныхъ явленій и законовъ, не борется съ ошибками и заблужденіями человѣчества на пути его тяжелаго развитія, не предлагаетъ никакихъ новыхъ теорій взамѣнъ старыхъ, отжившихъ, несостоятельныхъ началъ, входящихъ въ основу политическаго устройства современныхъ обществъ, какъ это дѣлаетъ современная школа историковъ бёклевскаго цикла; но это именно одна изъ главныхъ заслугъ Гервинуса. Упомянувъ здѣсь о Бёклѣ и его подражателяхъ, нельзя не признать за ними той важной услуги, которую они указали исторіи, прикрѣпляя ее къ почвѣ, разсматривая историческія событія съ точки зрѣнія постоянныхъ, неизмѣнныхъ законовъ физической природы. Умъ человѣческій и вообще весь нравственный и духовный міръ развивается по тѣмъ же естественнымъ законамъ, какъ и физическій, факторы и силы котораго необходимо обусловливаютъ всякое нравственное движеніе. И съ этой точки зрѣнія эта школа далеко подвинула впередъ философію исторіи; но съ другой стороны, раздробляя факты историческихъ событій, докапы-

ваясь причинъ ихъ появленія въ самомъ зародышѣ, преслѣдуя каждое явленіе во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, впродолженіе иногда цѣлаго ряда вѣковъ, отыскивая во всемъ, очень часто, тайныя и сокрытыя силы и пружины природы, заправлявшія людскими дѣлами, группируя часто историческіе факты согласно требованіямъ заранѣе поставленныхъ нравственныхъ цѣлей, и преимущественно запечатлѣвая подобныя изслѣдованія болѣе или менѣе дидактическимъ характеромъ, школа эта необходимо должна была дѣйствовать въ ущербъ фактической и прагматической частямъ исторіи, которая такимъ образомъ уже слишкомъ обобщалась насчетъ отдѣльныхъ, частныхъ явленій, нерѣдко весьма драгоцѣнныхъ и характеристичныхъ. У Гервинуса же, (несмотря на фаталистическое направленіе его исторіи, направленіе далеко уступающее естественному методу Бёкля) философія исторіи неразрывно связана съ самыми историческими событіями, изъ которыхъ она вытекаетъ сама-собою, въ свободной логической послѣдовательности, безъ всякихъ натяжекъ и усилій со стороны автора, вслѣдствіе необходимой связи факта, какъ звена нераздѣльной цѣпи, съ общеисторическими явленіями. Обладая свѣтлымъ взглядомъ, обширнымъ умомъ и глубокимъ знаніемъ исторіи съ одной стороны, онъ, съ другой, соединяетъ въ себѣ честныя тенденціи съ строго-логическою послѣдовательностью и неподражаемою характеристикою. Мѣткая и свѣтлая характеристика Гервинуса не останавливается на однѣхъ только политическихъ функціяхъ историческихъ дѣятелей; она довольствуется ознакомленіемъ только съ ихъ политическою дѣятельностью, вліяніемъ на современныя имъ общества и отношеніями къ данной исторической эпохѣ; — она проникаетъ въ ихъ домашнія, семейныя частныя отношенія, знакомитъ насъ со всѣми условіями ихъ постепеннаго развитія, раскрываетъ намъ самыя мелочныя наклонности и привычки ихъ ежедневнаго быта и тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ они сложились. На каждомъ изъ такихъ дѣятелей мы видимъ отраженіе цѣлой исторической эпохи, потому что отъ зоркой наблюдательности Гервинуса не ускользаетъ ни одна изъ тѣхъ неуловимыхъ особенностей, которыя каждая историческая эпоха налагаетъ на современныхъ ей дѣятелей...

Но о характеристикѣ Гервинуса мы еще будемъ имѣть случай говорить. Теперь же скажемъ о законѣ, который Гервинусъ считаетъ условіемъ всякаго историческаго развитія. Здѣсь Гервинусъ признаетъ одну только вѣчную идею постояннаго и послѣдовательнаго раз-

витія—идею прогресса и одинъ историческій законъ, повторяющійся въ постоянномъ кругообращеніи въ исторіи человѣческаго развитія.

«Начиная отъ христіанской эры,—говоритъ онъ—исторія европейскихъ государствъ представляетъ совокупное цѣлое, совершенно тождественное съ историческимъ развитіемъ государствъ и колоній греческаго полуострова. Въ обоихъ историческихъ моментахъ обнаруживается во внутреннемъ развитіи государствъ одинаковый порядокъ и одинаковый законъ. Законъ этотъ, тотъ же самый, который мы замѣчаемъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, въ исторіи развитія всего человѣчества. Отъ деспотическаго государственнаго порядка востока до аристократическаго въ древности и среднихъ вѣкахъ, основаннаго на рабствѣ и крѣпостномъ правѣ, и отъ этого послѣдняго до настоящаго образа правленія, не достигшаго еще полнаго развитія,—мы замѣчаемъ правильный прогрессъ въ развитіи нравственной и гражданской свободы; отъ отдѣльныхъ личностей она переходитъ къ большему количеству людей и, наконецъ, становится достояніемъ каждаго. Но тамъ, гдѣ государства достигали болѣе или менѣе полнаго развитія, историческія явленія принимаютъ обратное направленіе—цивилизація, свобода и власть переходятъ отъ большинства къ меньшинству и, наконецъ, къ отдѣльнымъ лицамъ. Таковъ историческій ходъ каждаго отдѣльнаго государства, каждой части исторіи, каждаго полнаго цѣлаго».

Признавая такое явленіе вѣчнымъ историческимъ закономъ человѣческаго развитія, Гервинусъ допускаетъ однако, что характеръ отдѣльныхъ событій обусловливается человѣческою волею, которой предоставлено широкое поле дѣйствія. По его глубокому убѣжденію, свобода должна восторжествовать на западѣ. «Но—говоритъ историкъ—невозможно предвидѣть цѣною сколькихъ препятствій, реакцій и пораженій свобода одержитъ эту побѣду». Лишь бы была побѣда—прибавимъ мы,—а заплатить за нее можно какою угодно цѣною... Собственно исторія 19-го столѣтія Гервинуса начинается паденіемъ Наполеона и возстановленіемъ Бурбоновъ (отъ 1814 года); она еще не окончена и поэтому нельзя предвидѣть, на чемъ она остановится.

Въ русскомъ переводѣ до сихъ поръ вышли всего два выпуска, обнимающіе возстановленіе Бурбоновъ, вѣнскій конгрессъ и начало исторіи реакціи отъ 1815 до 1820 года, т. е. одну изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ эпохъ.

Наполеоновское владычество надъ Европою рушилось послѣ лейп-

цигскаго сраженія. Союзныя державы вскорѣ торжествовали окончательную побѣду надъ міровымъ геніемъ, въ быстрое время поработившимъ себѣ чуть ли не всю континентальную Европу. Союзники, вступая въ Парижъ, торжественно объявили, что они ведутъ войну не съ французскимъ народомъ, а только съ Наполеономъ. Послѣ этого слѣдовало ожидать, что за паденіемъ великой имперіи и императорской династіи, дальнѣйшее устройство правительственной системы во Франціи должно было совершиться согласно желаніямъ французской націи, согласно требованіямъ общественнаго мнѣнія. По крайней мѣрѣ, такой характеръ дали событіямъ дружественныя увѣренія великихъ державъ. Но, спрашивается, могло ли существовать правильное общественное мнѣніе, послѣ всѣхъ переворотовъ, совершившихся во Франціи въ короткое время и раздробившихъ французское общество на многочисленныя политическія партіи самыхъ крайнихъ и противоположныхъ стремленій и направленій. Да врядъ ли сами союзныя державы имѣли относительно Франціи какую-нибудь опредѣленную цѣль. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой борьбѣ колеблющихся интересовъ, наполеоновскихъ, бурбоновскихъ и общеевропейскихъ, трудно было согласовать разнорѣчивые интересы французскихъ политическихъ партій съ неменѣе разнорѣчивыми стремленіями союзныхъ державъ. По ходу событій слѣдовало ожидать, что союзныя державы ухватятся за воцареніе Бурбоновъ, но различные интересы союзныхъ державъ, нерасположеніе къ нимъ Александра и Меттерниха сдѣлали это труднымъ. Эта борьба и столкновеніе столь разнородныхъ элементовъ и стремленій составляетъ главный предметъ перваго выпуска исторіи 19 столѣтія; паденіе Наполеона, выступленіе на сцену исторіи Бурбоновъ отчасти разсѣянныхъ, забитыхъ и презираемыхъ, отчасти задавленныхъ и уничтоженныхъ наполеоновскою тираніею, общее нерасположеніе къ дѣлу Бурбоновъ какъ внутри Франціи, такъ и со стороны союзныхъ державъ, отсутствіе общественнаго мнѣнія въ народѣ, интриги, несогласія и нерѣшительность людей, призванныхъ содѣйствовать водворенію порядка,—все это воскресаетъ и является въ самыхъ живыхъ, почти осязаемыхъ формахъ на страницахъ Гервинуса.

Во второмъ выпускѣ, кромѣ вѣнскаго конгресса, какъ мы уже сказали, находится начало изображенія реакціи 1815—1820 годовъ. Здѣсь Гервинусъ останавливается на рубежѣ двухъ столѣтій и старается опредѣлить ихъ характеръ и различіе.

Самыми характеристическими и ясными чертами опредѣляетъ онъ здѣсь прежде всего характеръ исторіи XIX столѣтія, говоритъ о борьбѣ противъ направленій, господствовавшихъ въ прежнее время и, признавая, что великая реакція первыхъ годовъ нашего столѣтія не была исключительно дѣломъ чистаго произвола и насилія, но кромѣ того «въ европейскомъ обществѣ, даже въ самой Франціи, въ литературѣ, въ умственной и нравственной области, независимой или имѣющей возможность быть независимою, существовало совершенно свободное движеніе противъ тѣхъ же революціонныхъ принциповъ,» — Гервинусъ, не приступая еще къ исторіи самой реакціи, исходившей отъ правительства, посвѣщаетъ нѣсколько превосходныхъ страницъ изображенію «этихъ антиреволюціонныхъ движеній въ умственной области». Этимъ и заканчивается второй выпускъ исторіи Гервинуса въ русскомъ переводѣ.

Въ бѣгломъ нашемъ очеркѣ мы старались только опредѣлить общій характеръ этой исторіи и кратко указать на содержаніе тѣхъ выпусковъ, которые сдѣлались достояніемъ русской книжной литературы; надѣемся, что никто не станетъ требовать большаго отъ библіографической хроники, обязанной на немногихъ страницахъ дать читателю отчетъ о нѣсколькихъ новыхъ книгахъ. Подробный разборъ такой книги, какова исторія Гервинуса, долженъ составить предметъ обширной критической статьи.

Мы окончили съ Гервинусомъ и переходимъ къ сочиненію другого писателя, тоже, если хотите, знаменитаго, если не въ Европѣ, то въ Россіи, и если не теперь, то въ былое время. Этотъ писатель— г. Лажечниковъ, тотъ самый, который нѣкогда волновалъ наши сердца «Ледянымъ домомъ», «Послѣднимъ Новикомъ», «Басурманомъ». Мы не съ насмѣшкой назвали г. Лажечникова знаменитымъ писателемъ, и надо сказать правду, извѣстность его была заслуженная, если принять во вниманіе тѣ обстоятельства или, вѣрнѣе, то положеніе, въ которомъ находилась русская литература въ то время, когда г. Лажечниковъ писалъ свои первые романы. Ихъ читали на расхватъ; мало того: лучшіе критики, даже Бѣлинскій, признавали его весьма даровитымъ романистомъ. Но, увы! мы незнаемъ почти ни одного русскаго литературнаго дарованія, которое оставалось бы дарованіемъ до конца своей дѣятельности, если эта послѣдняя продолжалась до глубокой старости. Особенность нашихъ романистовъ состоитъ въ томъ, что чѣмъ болѣе неумолимое время налагаетъ руку на ихъ физическіе

годы, тѣмъ сильнѣе колеблетъ оно ихъ литературную способность. Легкость ли этого таланта тому причиною, окружающая ли писателя среда, недостатокъ ли глубокаго міросозерцанія—мы рѣшать не станемъ; но неоспоримо, что явленіе указанное нами—фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Этотъ, такъ сказать хронологическій упадокъ дарованія проявляется въ нашихъ писателяхъ преимущественно тѣмъ, что они какъ-то отрѣшаются отъ современной жизни, замыкаются въ міръ своихъ прежнихъ понятій и вкусовъ, и часто продолжаютъ жить въ Аркадіи въ то время, когда счастливыя идиллическія времена давно прошли. Въ произведеніи русскаго романиста, продолжающаго писать до глубокой старости, почти всегда отражается литературная эпоха его *прошедшей* дѣятельности, и немного лѣтъ нужно для того, чтобы такой романистъ сдѣлался ни чѣмъ инымъ, какъ достояніемъ *исторіи* русской литературы, въ которой онъ нѣкогда подвизался съ честью и даже со славой. Поклонники теоріи искусства для искусства скажутъ, конечно, что истинно-художественное произведеніе можетъ не имѣть никакого отношенія ко времени, въ которое оно создано, и все-таки оставаться истинно-художественнымъ. Но, во первыхъ, теорію искусства для искусства нельзя допускать иначе, какъ съ огромными ограниченіями, а во вторыхъ, ни въ одномъ произведеніи русскихъ писателей (мы все-таки говоримъ о тѣхъ, которые не прекращали своей дѣятельности до глубокой старости) мы не видимъ того истинно-художественнаго характера, который выкупалъ бы собою полное отсутствіе отношенія къ современной жизни. Такое отношеніе мы считаемъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы произведеніе имѣло жизнь и значеніе; но изъ этихъ словъ мы покорнѣйше просимъ читателя не заключать, что въ насъ найдетъ онъ горячаго поклонника такъ называемой обличительной литературы. Отражать въ произведеніи все движеніе современнаго человѣчества, отражать духъ и понятія своего времени и обличать злоупотребленія, какого бы они рода и размѣра ни были—двѣ вещи совершенно разныя; первое есть законъ общій, обязательный для писателей всѣхъ народовъ; второе есть явленіе чисто русское, временное, вызванное обстоятельствами, и потому долженствующее со временемъ, когда эти обстоятельства измѣнятся, перейдти въ область преданія.

Г. Лажечниковъ какъ нельзя лучше оправдываетъ наши слова о литературной недолговѣчности русскихъ писателей. Мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста опредѣлять значеніе г. Лажечникова въ исторіи

русской литературы; но неоспоримо, что значеніе онъ имѣлъ и въ первыхъ произведеніяхъ обнаруживалъ несомнѣнное дарованіе. Правда, въ романахъ г. Лажечникова никогда не отражалась современная имъ эпоха; но этого и нельзя было требовать, такъ какъ этотъ писатель явился романистомъ историческимъ; притомъ-же романы его отличались многими эстетическими достоинствами. Но послѣ долгаго молчанія, г. Лажечниковъ оставилъ тотъ родъ, въ которомъ онъ упражнялся и *захотѣлъ* такъ сказать окупуться въ жизнь современнаго общества. Тутъ-то и обнаружилась вся его несостоятельность. Мы сказали, что онъ *захотѣлъ*. Дѣйствительно, въ новомъ произведеніи его (о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить) какъ будто видно, что отношеніе автора къ современной жизни вытекло не изъ глубокаго сознанія необходимости этого отношенія, не изъ непосредственнаго влеченія къ ней; г. Лажечниковъ какъ будто захотѣлъ *подладиться* къ публикѣ и сказать ей: «вотъ видите, я писатель, не оставшійся позади вашего движенія, знающій, какіе интересы близки вашему сердцу, сочувствующій имъ и т. д.» Очень можетъ быть, что такіе разсчеты и не руководили авторомъ «Басурмана», но, по крайней мѣрѣ, чтеніе новаго романа его наводитъ на эту мысль.

Романъ этотъ называется: «Немного лѣтъ назадъ». По содержанію, это заглавіе вѣрно; по литературному же характеру его онъ смѣло можетъ быть названъ: «Много лѣтъ назадъ». Да, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ г. Лажечниковъ сдѣлался писателемъ— и онъ самъ, кажется, не замѣтилъ этого. Иначе онъ понялъ бы, что недостаточно взять темою для своего произведенія два, три событія изъ современной жизни для того, чтобы все это произведеніе отразило въ себѣ духъ и характеръ современнаго общества; онъ понялъ-бы, что между тѣмъ временемъ, когда жадно читаешь его романы, и нынѣшнимъ—огромная разница; наконецъ, онъ понялъ бы—да проститъ намъ почтенный литературный ветеранъ эти слова—что пора его литературной дѣятельности безвозвратно минула.

Eheu, fugaces labuntur anni,

говоритъ Горацій, а на русскихъ писателей, какъ мы уже замѣтили, эти *anni* дѣйствуютъ какъ-то особенно гибельно. Въ романѣ г. Лажечникова вы найдете намеки на всевозможные *современные вопросы*, интересующіе русское общество: тутъ вопросъ и о сословныхъ пред-

разсудкахъ, и о необходимости давать народу образованіе, и о положеніи женщины въ крестьянской семьѣ, и объ освобожденіи крестьянъ, и даже о взяткахъ. Стало быть, г. Лажечниковъ смахиваетъ даже въ нѣкоторомъ родѣ на обличительнаго писателя. И все-таки, читая его романъ, чувствуешь, что читаешь нѣчто очень старое, одѣтое въ новый кафтанъ, нѣчто археологическое,—чувствуешь, что видишь предъ собой монету Нумы Помпилія, на которой стерли древнюю подпись, замѣнивъ ее словами: «15 копѣекъ серебромъ». Отчего же это? Ахъ! оттого, что въ романѣ нѣтъ *жизни*; оттого что все это отношеніе къ дѣйствительности какое-то искусственное, натянутое; оттого, наконецъ, что авторъ живетъ старыми воспоминаніями и простодушно убаюкивается ими, не замѣчая, что все измѣнилось вокругъ него...

Г. Лажечниковъ назвалъ свой романъ: «Немного лѣтъ назадъ». Прочтя такое заглавіе, вы въ правѣ ожидать, что авторъ покажетъ вамъ картину современнаго общества за нѣсколько лѣтъ тому назадъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя черты этого общества. Ни чуть не бывало. Г. Лажечниковъ беретъ частный случай, происшедшій въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, приклеиваетъ къ нему разныя эпизодическія подробности, въ которыхъ очевидно бьетъ на современность, изукрашиваетъ свое произведеніе нравственными сентенціями, достойными блестѣть въ лучшихъ прописяхъ—и думаетъ, въ простотѣ сердца, что сочинилъ романъ съ соціальнымъ характеромъ, характеромъ, безъ котораго ни одно литературное произведеніе не можетъ въ настоящее время получить серьезнаго значенія. Г. Лажечниковъ какъ будто силится придать своему роману *оппозиціонный* характеръ, и оппозиція его вездѣ является съ какимъ-то ребячески или, скорѣе, старчески - простодушнымъ характеромъ; г. Лажечниковъ силится возставать противъ такихъ вещей, противъ которыхъ ужь и возставать нечего; г. Лажечниковъ, наконецъ, такъ полонъ воспоминаніями любезной его старины, что не допускаетъ обыкновенныхъ, повѣствовательныхъ пріемовъ, усвоеныхъ новою литературою. Романъ его — смѣсь сценъ, написанныхъ крайне блѣдно и щеголяющихъ общими мѣстами, и нравственныхъ сентенцій, пахнущихъ глубокою древностью. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, героиня его романа произноситъ слова: «маленькій ребенокъ сосалъ грудь у матери»;—авторъ считаетъ необходимымъ прибавить къ этому слѣдующее замѣчаніе: «предчувствую, что если дѣвушка - пуританка читаетъ

вслухъ мой разсказъ, не только при постороннихъ, но даже въ домашней семьѣ, какъ скоро дойдетъ до словъ: «сосалъ грудь», смѣшается на этихъ словахъ; если же при чтеніи находится мать или русская гувернантка, то посмотритъ вопросительно на ту или другую, а та или другая скажетъ: «можешь пропустить это мѣсто». Да, таково наше женское воспитаніе. Оно пріучаетъ дѣвицъ къ ложному стыду, къ *игрѣ въ невинность.* Не говорю о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ ложный стыдъ доведенъ до крайности. Я видѣлъ, какъ вышедшія изъ этихъ заведеній, даже воспитательницы, краснѣли до бѣлка глазъ, когда при нихъ говорили, что женщина беременна, отворачивались, когда мать кормила свое дитя грудью... и т. д.» Чѣмъ бы, кажется, не угодилъ тутъ г. Лажечниковъ читателю? Помилуйте, онъ является защитникомъ женской эмансипаціи — чего же лучше? А между тѣмъ, не чудится ли вамъ, что передъ вами стоитъ добродушный, почтенный старичокъ, какъ будто говорящій вамъ: «вотъ видите, и мы понимаемъ ваши современныя требованія, и мы сочувствуемъ имъ?» Изъ всѣхъ недостатковъ нынѣшняго женскаго воспитанія Лажечниковъ только и выбралъ тотъ, что дѣвушки краснѣютъ при словѣ *беременность;* — о томъ, какъ подобная тирада къ мѣсту въ романѣ, мы ужь не говоримъ. — Въ другомъ мѣстѣ, г. Лажечниковъ весьма серьёзно доказываетъ *новую* мысль, что «богатство конечно не есть достоинство; честность, въ борьбѣ съ бѣдностью, выходящая побѣдительницей изъ этой борьбы, возвышаетъ болѣе личность человѣка, нежели честность того, которому стóитъ только пожелать, чтобы имѣть». — Потомъ, au beau milieu романа встрѣчаемъ мы вдругъ умилительную сентенцію такого рода: «семейныя узы такъ благодѣтельны для нравственности молодого человѣка, если имъ служатъ звеньями просвѣщенная любовь родителей и гуманная, честная ихъ жизнь».

Повторяемъ, такихъ сентенцій въ романѣ множество. Но положимъ, что онѣ не болѣе какъ скучны. А вотъ не угодно ли вамъ послушать, какъ г. Лажечниковъ, пишущій романъ въ 1862 году, смотритъ на иныя вещи? Его героиня, которою онъ занимается съ особенною любовью, учитъ въ деревнѣ крестьянскихъ дѣвочекъ, — и вотъ какъ одна изъ ея ученицъ, слѣдуя ея внушеніямъ, разсуждаетъ о евреяхъ: «Еврей, жидъ—не христіанинъ, противной намъ вѣры; есть и другіе люди на свѣтѣ, еще другой вѣры, хуже, покланяются болванамъ, да все-таки они намъ ближніе, потому что люди,

человѣки. Они не виноваты, что родились *въ своей худой вѣрѣ*, да ей обучены. *Жалѣть надо, что они не христіане,* а проклинать ихъ, ругать, думать, что они все равно, что собаки, грѣшно».

Очевидно, что г. Лажечниковъ самъ держится такого воззрѣнія и самъ чувствуетъ такую же жалость, потому что черезъ двѣ строки прибавляетъ, что эти и подобные отвѣты «доказывали ихъ умственную и нравственную развитость».

Все это частности, скажутъ намъ. Частности-то онѣ частности, но въ нихъ хорошо рисуется цѣлое романа. А ужь если хотите знать, что такое это цѣлое, такъ вотъ вамъ оно въ нѣсколькихъ словахъ: все дѣло въ томъ, что русскій купецъ, человѣкъ образованный, началъ жить на широкую ногу и разорился, чему еще способствовали плутни его прикащика. Канва не новая, да и узоры, которые вышилъ на ней г. Лажечниковъ, тоже крайне не новые; анекдотическія подробности, эпизодическія вставки, сентенціи, въ родѣ приведенныхъ нами—вотъ и вся сущность этихъ узоровъ. Скука непроходимая; самъ авторъ, какъ будто предчувствуя, что онъ нагонитъ ее, простодушно оправдывается тѣмъ, что онъ старъ;—«капитанъ корабля — красиво говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ — на которомъ мы странствуемъ, уже старъ, и вы извините его, если онъ, привыкнувъ къ точному исполненію своего долга, останавливалъ васъ иногда у береговъ, мимо которыхъ вамъ хотѣлось скорѣе пройдти, знакомилъ васъ съ жителями этихъ мѣстъ и т. д.» И г. Лажечниковъ совершенно правъ: онъ ужь черезчуръ ревностный служака и черезчуръ старый капитанъ: въ такихъ случаяхъ лучше всего подавать въ отставку. Возвращаемся къ *цѣлому* романа. У разоряющагося купца есть сынъ, тоже, натурально, купецъ. Молодой человѣкъ разъ поѣхалъ въ дворянскій клубъ, откуда его вывели со скандаломъ; — это у г. Лажечникова по части сословныхъ предразсудковъ. Юноша, которому авторъ видимо сочувствуетъ, для того, чтобы разрушить *перегородку*, отдѣляющую его отъ общества, поступаетъ въ университетъ и потомъ въ военную службу, — какъ будто безъ этой послѣдней онъ не могъ обойдтись. Вотъ вамъ и цѣлое романа. Но это только главная канва; самое же содержаніе такъ обильно, что мы не станемъ его разсказывать читателю, чтобы не нагнать скуки. Повторяемъ, весь романъ ис-

полненъ всевозможныхъ современныхъ *задачекъ*, но на каждой страницѣ видно, что «капитанъ» ужъ очень старъ. Эта старость сказывается даже въ робости, съ которою авторъ относится ко многимъ предметамъ; разсказываетъ онъ, напримѣръ, о взяткахъ, которыя бралъ одинъ губернаторъ и правитель его канцеляріи и спѣшитъ оговориться, что все это—дѣла давно минувшихъ дней, забывая, что дѣйствіе его разсказа относится къ пятидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія; говоритъ онъ о дурномъ состояніи сиротскихъ домовъ въ Россіи, и спѣшитъ замѣтить, что онъ «имѣетъ въ виду только провинціальные сиротскіе дома, а не учрежденія подобнаго рода въ столицахъ, истинно благодѣтельныя, прекрасно устроенныя и содержимыя». И т. д. и т. д.

Мы останавливаемся на подробностяхъ, потому что романъ г. Лажечникова весь состоитъ изъ подробностей, большею частію между собою не связанныхъ. Припомните все, что мы сказали о мелодраматизмѣ,—и вы поймете, почему мы отъ души совѣтуемъ почтенному г. Лажечникову довольствоваться своею прежнею, заслуженной славой и предоставить *третировать* современные вопросы другимъ повѣствователямъ. Намъ очень жаль, что мы не имѣемъ времени останавливаться на всѣхъ этихъ подробностяхъ, а то мы увѣрены, что насмѣшили бы читателя. Чего, напримѣръ, стоитъ хоть такая подробность: мальчикъ, сынъ купца — герой романа, учится географіи у учителя-француза, родомъ маркиза. Учитель хотѣлъ начать съ Франціи. «Ученикъ (мы разсказываемъ словами г. Лажечникова) проситъ, чтобъ онъ началъ съ Россіи. Прежде всего мнѣ нужно знать свое отечество, — говорилъ Володя. Маркизъ все держался за Францію; Володя не отступалъ. Маркизъ поставилъ его на колѣни; наказанный мальчикъ твердилъ одно и то же. Учителю запрещено было отцомъ и матерью употреблять всякаго рода тѣлесныя наказанія. Внѣ себя, онъ схватилъ пистолетъ, висѣвшій у него надъ кроватью и грозилъ застрѣлить непокорнаго ученика. — Стрѣляйте, сказалъ Володя, я съ Франціи начинать не буду!» — Это прелестно!

Мы разстаемся съ г. Лажечниковымъ и снова отъ души совѣтуемъ ему оставить литературную дѣятельность. Что же дѣлать! не онъ тому виною, такова ужъ, какъ мы замѣтили, судьба русскихъ писателей...

Есть еще одна новая книга, на которой мы считаемъ не лишнимъ остановиться. Это «Всеобщая исторія литературы» сочиненная Шерромъ и переведенная на русскій языкъ подъ редакціею г. Пыпина (покамѣстъ вышелъ только 1-й выпускъ). Книгу эту мы рекомендуемъ не столько читающей, сколько учащейся публикѣ,—понимая подъ послѣднею не только воспитанниковъ учебныхъ заведеній и вообще обучающееся юношество, но и всѣхъ тѣхъ, которые рѣшительно не знакомы съ тѣмъ, что произвели до сихъ поръ иностранныя литературы. А такихъ незнакомыхъ у насъ, какъ извѣстно, несчетное множество. Людямъ, знающимъ по крайней мѣрѣ о знаменитыхъ иностранныхъ произведеніяхъ, Шерръ не скажетъ ничего новаго. Зато непосвященные найдутъ въ его сочиненіи хорошій учебникъ, въ которомъ полнота фактовъ соединена съ свѣтлымъ взглядомъ на литературу вообще и на писателей въ частности. На первомъ планѣ Шерръ ставитъ литературу *народную*, понимая подъ нею не только массу произведеній, написанныхъ исключительно для народа, но вообще всякую литературу, въ основѣ которой лежитъ *идея отечества.* Этой идеѣ Шерръ, конечно, не придаетъ квасного патріотическаго смысла; изъ того, какъ онъ смотритъ на произведенія отдѣльныхъ писателей видно, что эту идею онъ принимаетъ въ самомъ обширномъ и самомъ благородномъ значеніи. Всѣ произведенія, выражающія собою смѣлую оппозицію мрачнымъ сторонамъ общественной и гражданской жизни, вызываютъ его полное сочувствіе; въ то же время онъ является врагомъ всякой ложной сантиментальности, всякой приторной идеализаціи. Характеристики Шерра иногда таковы, что могли бы занять мѣсто и не въ учебникѣ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ о литературѣ при Людовикѣ XIV:

«То, что приготовлялось въ эпоху Франциска I, приведено было въ исполненіе вѣкомъ Людовика XIV. Бурбоны завершили дѣло Валуа. Изъ феодальнаго государства сдѣлалось самодержавное королевство, изъ послѣдняго явился утонченный деспотизмъ, который выказалъ свой оскорбительный принципъ извѣстными словами Людовика XIV: L'état c'est moi (государство, это — я!), — принципъ, которому далъ свое благословеніе и знаменитый защитникъ римско-католическаго православія — Боссюэтъ, тотъ самый архіепископъ въ Мо (Meauz,) который въ своемъ Discours sur l'histoire universelle сдѣлалъ попытку построить систему всемірной исторіи въ смыслѣ теократіи, абсолютизма и деспотіи. Народныя воспоминанія стерлись, народная сила была сломана или истощена; постоянное войско, звѣрство полиціи

и система высасыванія денегъ, образованная подъ именемъ Финансоваго хозяйства, были правительственными средствами этого королевства, выкапывавшаго съ безумною ревностью эту пропасть, въ которую оно должно было упасть въ концѣ 18 столѣтія. Никогда французскій народъ не былъ въ такомъ угнетеніи, какъ тогда, когда придворный блескъ «великаго» Людовика сіялъ надъ Европой, и ничѣмъ поэзія не была такъ унижена, какъ лестью, которую разсыпала она этому безстыдному и безчестному деспоту и его развратному правнуку, Людовику XV. Разъединеніе между народомъ и литературой явилось во всей своей рѣзкости; послѣдняя совершенно превратилась въ чужое оранжерейное растеніе, криво привитое къ классической древности и удобренное грѣховною тиною двора. Поэты писали не для народа, а для версальскаго кружка, и Людовикъ XIV былъ не только ихъ Меценатомъ, но и Аполлономъ, раздавалъ вѣнки и пенсіи, и поэты льстили ему за это на всѣ лады раболѣпства. Поэзія стала окончательно дѣломъ ума; ея сухость и бѣдность были ошибочно приняты за благородную простоту грековъ; литература рабски слѣдовала узкимъ и ограниченнымъ правиламъ древнихъ, и изъ нихъ извлекли теорію, практическія послѣдствія которой были столько же безвкусны и нелѣпы, какъ фигура Людовика XIV, являвшагося публично въ качествѣ бога музъ въ своемъ длинномъ парикѣ и въ башмакахъ съ красными каблуками. Всего болѣе требовались правильность и гладкость; вся литература сдѣлалась форменною и условною. Дворъ былъ Парнассомъ и основанная кардиналомъ Ришелье въ 1635 году французская академія (Academie Française) присуждала безсмертіе или осужденіе. Заслуги французской академіи, относительно грамматической и стилистической обработки и опредѣленія французскаго языка, достойны конечно уваженія; что же касается другихъ трудовъ ея, то предметомъ ихъ та ученость, которая стала основаніемъ французской литературы и поставила закономъ рабское подражаніе древнимъ формамъ и мелочное соблюденіе извлеченныхъ оттуда законовъ вкуса, которые считались conditio sine qua non поэтическаго значенія и классической поэзіи. Поэтому французскій классицизмъ есть произведеніе учености, подобно литературѣ александрійскихъ грековъ; при всемъ уваженіи къ отличнымъ талантамъ, этой литературы, нельзя не сказать, что здѣсь былъ источникъ ихъ пренебреженія и неуваженія къ естественности, ихъ натянутости, ихъ холоднаго пафоса, ихъ чисто реторическаго одушевленія, которое никогда или уже весьма рѣдко имѣло достаточно силы и смѣлости, чтобы превозмочь деревянный оплотъ условнаго приличія.»

Что касается до содержанія перваго выпуска, то онъ заключаетъ въ себѣ исторію литературы Китая, Индіи, Евреевъ, Аравіи, Персіи, Турціи, Греціи и Рима, Франціи и Италіи — отъ самаго начала до нашего времени. Изложеніе не идетъ паралельно; закончивъ исторію литературы одного государства, Шерръ переходитъ къ другому. Повторяемъ, для людей, незнакомыхъ съ иностранными литературами,

сочиненіе Шерра, какъ учебникъ (мы судимъ по 1-му выпуску), очень удобно. Оно можетъ принести пользу и въ томъ отношеніи, что характеристиками отдѣльныхъ писателей можетъ пріохотить читателя къ ближайшему ознакомленію съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ послѣднихъ.

Изданіе этой книги принадлежитъ г. Баксту, тому самому, который издаетъ исторію Гервинуса.

ПОЛИТИКА.

Друзья прогресса другъ другу вѣсть подаютъ.—Ихъ солидарность. I. **Внѣшняя политика Франціи**.—Итальянскій вопросъ.—Характеристика Друэнъ де-Люи, потомка знаменитаго Игнатія Лойолы. — Его сладкогласныя ноты.—Намѣренія французскаго правительства устроить по-своему американскія государства.—Франція изъ человѣколюбія готова помогать плантаторамъ.—Миръ на словахъ и война на дѣлѣ.—Мексиканская экспедиція.—Во что обходится французамъ ихъ жажда славы.—Бѣдственное ихъ положеніе за Океаномъ.—Прокламаціи генерала Форе. — Походъ противъ африканскихъ негровъ. II. **Внутреннія дѣла**.—Борьба за франкмасонское общество.—Направленіе французской литературы, принимаемое вслѣдствіе законовъ о прессѣ.—Графъ Кастелланъ—генералъ 2-го декабря. — Новый парижскій архіепископъ.—Бѣдность рабочихъ классовъ въ провинціяхъ.—Частная благотворительность, и духовенство—противъ нея. III. **Юридическая хроника**.—Процессъ по вопросу: могутъ ли женщины быть наборщиками въ типографіяхъ? Такъ называемый процессъ **пятидесяти**.—Процессъ мнимой отцеубійцы, г-жи Дуэзъ. IV. **Клерикальныя извѣстія**.—Раздача индульгенцій и іезуитская пропаганда...

Здравствуйте, читатели «Русскаго Слова»! Давно мнѣ, безвѣстному хроникеру, имѣвшему честь передавать вамъ событія этого міра, не приходилось бесѣдовать съ вами. Восемь мѣсяцевъ моего молчанія, конечно, не пропали даромъ; они дали мнѣ возможность отойдти въ сторону отъ общаго движенія и спокойно наблюдать за тѣмъ, что кругомъ меня происходило. Запасъ моихъ наблюденій послужилъ мнѣ въ пользу, и я намѣренъ на этотъ разъ поговорить съ вами о многомъ.

Грустно смотрится на ходъ современныхъ происшествій, но унывать нечего. Друзья прогресса не одиноки, какъ, быть можетъ, представляется имъ въ минуту печали. Они составляютъ одну обширную семью, разсѣянную по земному шару; всѣ они стремятся къ одной цѣли: къ освобожденію раба и невольника, къ водворенію свободы совѣсти, къ распространенію просвѣщенія, къ уничтоженію бѣдности,

словомъ—къ осуществленію правды и справедливости. Эта цѣль руководитъ ихъ во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, въ Германіи и Венгріи. Она же вдохновляетъ тѣхъ, которые въ Америкѣ проливаютъ свою кровь въ пользу угнетенныхъ негровъ. Всѣ люди—и бѣлые, и желтые, и черные — члены одной и той же семьи, человѣчества. Никогда эта истина не сознавалась такъ ясно, какъ теперь. Лѣтъ двадцать тому назадъ говорили: всякій за себя, богъ за всѣхъ! Теперь патріоты уже болѣе не враги другихъ націй: итальянецъ, французъ, англичанинъ, испанецъ забываютъ свою взаимную ненависть. Только изрѣдка какой-нибудь жалкій клерикалъ, подъ личиной демагога, проповѣдуетъ войну одного народа противъ другого. Благодаря болѣе здоровой нравственной гигіенѣ, теперь быстро исчезаютъ мизогаллія, англофагія и другія гнилыя болѣзни, истреблявшія людей, такъ же, какъ проказа и антоновъ огонь.

Лѣтъ четыреста назадъ, юная героиня, Іоанна д'Аркъ, воскликнула: «освободивъ нашу любезную Францію, мы пойдемъ крестовымъ походомъ въ Германію для освобожденія церкви отъ гнусной ереси гусситовъ!» — «O sancta simplicitas!» отвѣтилъ бы Іоаннъ Гуссъ, еслибъ услышалъ слова бѣдной дѣвы орлеанской. Въ настоящее время человѣкъ, наиболѣе любимый нашимъ поколѣніемъ, Гарибальди. И мексиканецъ, и житель Черногоріи, и венгерскій пастухъ, и греческій морякъ,—всѣ смотрятъ на него, какъ на своего согражданина, подобно сициліянцамъ, генуэзцамъ, флорентинцамъ и римлянинамъ. Работникъ парижскій и негръ бофортскаго архипелага — всѣ знаютъ его и любятъ.

Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Не доказываетъ ли оно, что Іоанна д'Аркъ не понимала идеи человѣчества, которая теперь сдѣлалась священною. Благодаря этой идеѣ, мы теперь видимъ братьевъ тамъ, гдѣ прежде, вслѣдствіе разныхъ предразсудковъ, видѣли однихъ еретиковъ.

Тысячу миль отъ насъ, по ту сторону океана, союзники сѣвера сражаются съ конфедератами юга, а здѣсь, въ Европѣ,—въ англійскомъ Ланкаширѣ и во французской Нормандіи, — вслѣдствіе этого свирѣпствуетъ голодъ. Причина этой войны—невольничество.—Намъ говорили что тамъ бьютъ раба; что въ Виргиніи покупаются женщины, подобно животнымъ, для разведенія приплода, который потомъ отправляется на рынки Миссисипи; что на берегахъ Конго цѣлые корабли нагружаются людьми, какъ сельдями, и что эти не-

счастные затворники гибнутъ въ своей пловучей темницѣ отъ голода, духоты, ранъ, болѣзней и отчаянія. «Все это дѣлалось, говорятъ, для нашего же удовольствія, чтобы доставить намъ возможность имѣть дешевое бѣлье, наряжать нашихъ дочерей въ индійскія ткани и употреблять въ кофе тростниковый сахаръ, вмѣсто свекловичнаго».

Кладя руку на сердце, нельзя не сознаться, что всѣ мы знали объ этомъ; мы знали, что для каждаго куска мусселина продавалась работница съ аукціона, что каждый боченокъ сахара добывался цѣною человѣческой жизни. И что же? Всѣ мы, люди прогресса, разсуждали такъ: «Мы тутъ ничего не можемъ сдѣлать; мы не въ силахъ уничтожить этой несправедливости. Воспользуемся же ею. Будемъ покупать хлопчатую бумагу, и пусть тамъ, за океаномъ, бьютъ несчастнаго раба, будемъ ѣсть сахаръ, и пусть тамъ, вдали отъ насъ, продаютъ въ неволю дѣвушекъ и дѣтей!

Теперь, намъ извѣстно, пять сотъ тысячь англичанъ и триста тысячь французовъ погружены въ крайнюю нищету, благодаря участію ихъ же соотечественниковъ въ злодѣйствахъ дагомейскаго короля, продающаго своихъ негритянскихъ подданныхъ, и въ преступномъ промыслѣ всѣхъ торговцевъ невольниками. Вотъ почему восемь сотъ тысячь европейскихъ пролетаріевъ теперь страдаютъ отъ голода, холода и болѣзней; почему прекратилась европейская мануфактурная промышленность, и почему купцы подвергаются банкрутству.—По этой же причинѣ теперь, по ту сторону океана, полтора милльона людей рѣжутъ другъ друга на сушѣ и на водѣ, въ долинахъ и на горахъ!

Человѣческая *солидарность*—слово новаго изобрѣтенія; оно даже не пріобрѣло права гражданства въ большей части нашихъ диксіонеровъ. А между тѣмъ смыслъ и значеніе его существовали давно. Кто теперь не понимаетъ этой истины? Мы счастливы вслѣдствіе счастія другихъ, и страдаемъ отъ бѣдствія міра. Если гдѣ совершаются преступленія, быть можетъ, мы объ нихъ ничего не узнаемъ, но такъ или иначе они отразятся и на насъ. Если гдѣ грабятъ или убиваютъ народъ, быть можетъ, мы и не въ состояніи воспрепятствовать этому злодѣйству, но такъ или иначе намъ придется поплатиться за насиліе, совершенное нашими братьями, людьми, противъ нашихъ же братьевъ, такихъ же людей!

И такъ, всѣ мы отвѣтственны за добро и за зло, совершаемыя нашими современниками.

Юридическое убіеніе Іисуса Христа, совершенное Синедріономъ,

впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ искупалось и до сихъ поръ искупается всѣмъ еврейскимъ народомъ. Лангедокъ и Провансъ все еще расплачиваются за истребленіе альбигойцевъ. Испанія все еще носитъ на своемъ челѣ печать инквизиціи, а на совѣсти Франціи тяжкимъ бременемъ лежатъ воспоминанія объ ужасахъ варфоломеевской ночи и объ истребленіи протестантовъ драгунами Людовика XIV. Преступленія одного дня оставляютъ слѣды по себѣ на цѣлые вѣка. Послѣдствія ихъ обнаруживаются въ видѣ смутныхъ угрызеній совѣсти, въ видѣ неудавшагося прогресса или остановленнаго развитія.

Думаете ли вы, что Юлій Кесарь умеръ? Тотъ, кто перешелъ Рубиконъ, внушилъ также событія 18-го брюмера, вторженіе въ Испанію, походъ въ Россію, декабрьское Coup d'Etat и экспедицію въ Мексику. — Думаете ли вы, что Тиверій умеръ? Гомеръ не переставалъ пѣть, а Платонъ философствовать. Сократъ все еще повторяетъ: «познай самого себя». Все еще Діогенъ отгоняетъ отъ себя докучливаго Александра, царя Македонскаго, съ презрѣніемъ говоря: «посторонись отъ моего солнца!» Эпиктетъ не переставалъ внушать намъ мудрость, чистую и глубокую, какъ небесная лазурь. Стоики все еще служатъ для насъ великими образцами мужественныхъ добродѣтелей. Дедалъ попрежнему пилитъ изобрѣтенною имъ пилой. Все еще Фаустъ и Гуттенбергъ занимаются книгопечатаніемъ. — Еслибъ никогда не существовало ни Эпиктета, ни стоиковъ, въ нашемъ нравственномъ развитіи теперь былъ бы какой-то недостатокъ. Съ другой стороны, еслибъ языческая древность не отступилась отъ освобожденія невольниковъ, наши предки были бы счастливѣе, и вы также и всѣ мы, и это счастіе отчасти переходило бы къ нашимъ дѣтямъ и далѣе, изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного поколѣнія къ другому.

И такъ, въ заключеніе замѣтимъ, что солидарность — названіе новое для явленія, нисколько не новаго. Моралисты и теологи вѣковъ прошедшихъ, также согласны съ этимъ. «Мы наслѣдовали, говорятъ они, всѣ преступленія и всѣ грѣхи нашихъ праотцевъ, мы вкусили запрещеннаго плода въ одно время съ Адамомъ и Евой, и находились въ шкурѣ Каина, когда онъ убивалъ несчастнаго Авеля. Послѣ того мы совершили множество другихъ грѣховъ, и вотъ почему теперь мы страдаемъ и умираемъ!»

Какъ ни рѣзко такое ученіе, мы однакожь не беремся его опровергнуть. Но мы можемъ его дополнить новымъ открытіемъ, если

только это дѣйствительно открытіе: «мы наслѣдуемъ не только зло, но также *добро*. Мы были бы задавлены цѣлой лавиной бѣдствій, еслибъ наслѣдовали одни преступленія и грѣхи нашихъ предковъ, и еслибъ отъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переходили къ намъ любовь къ правдѣ, справедливости. Безъ всякаго сомнѣнія, находящійся надъ нами воздушный столбъ раздавилъ бы насъ своею громадною тяжестью, еслибъ ему не противодѣйствовалъ своею эластичностью нашъ внутренній воздухъ.

Но если бъ даже не было солидарности ни во времени, ни въ пространствѣ, еслибъ даже не существовало нѣжной любви, ни коллективной симпатіи, все-таки для каждаго оставался бы еще долгъ, суровый, непреклонный долгъ.

Какую картину счастія и добродѣтели представило бы наше общество гражданское, политическое и нравственное, еслибъ оно походило на тѣ собранія артистовъ, искусныхъ и въ то же время увлекающихся любовью къ своему дѣлу, гдѣ каждый съ воодушевленіемъ разыгрываетъ на своемъ инструментѣ то прелестную пастушескую арію, то героическую симфонію.

Многіе изъ друзей прогресса осуждены трудиться посреди холодной скуки и мрачнаго уединенія. Эти труженики похожи на рудокопа, дѣлающаго подземную галерею. То молоткомъ, то коломъ, то порохомъ прокладываетъ онъ себѣ дорогу и, разбивая твердый камень, преслѣдуетъ тонкую жилу золотой руды. Онъ трудится, неутомимо задумчивый и мрачный; его маленькая лампа дрожитъ въ сумеркахъ; вокругъ него шевелятся фантастическія, гротескныя формы, жалкія иллюзіи, созданія ночи и неизвѣстности. Онѣ ползутъ по его дорогѣ, скользятъ подъ обломками камней, увиваются вдоль стѣнъ, и съ высоты потолковъ готовы броситься на несчастнаго труженика.

Безъ сомнѣнія, человѣкъ, трудящійся такимъ образомъ, одинокій, но сильный, печальный, но чуждый зависти, неутомимый и безстрастный, неизвѣстный ни другимъ, ни, быть можетъ, самому себѣ,— такой человѣкъ болѣе великъ, чѣмъ несчастливъ. Но можно ли назвать одинокимъ того, кто живетъ вмѣстѣ съ совѣстью и справедливостью, правотою и истиною. Эти благородныя спутницы могутъ замѣнить для него счастье, и похвалу и симпатію современниковъ. Онѣ выше всѣхъ благъ міра сего, существовали еще до него и будутъ существовать, когда онъ уже исчезнетъ.

Если истина вѣчна, то что же сказать о человѣкѣ, воплощающемъ въ себѣ истину?

I.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ.

«Необходимо, чтобы римскій вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ, потому что онъ смущаетъ умы не въ одной Италіи; повсюду онъ производитъ тотъ же самый нравственный безпорядокъ, оттого что касается предметовъ самыхъ близкихъ сердцу человѣка: вѣры религіозной и вѣры политической». Такъ писалъ 20 мая 1862 г. императоръ Людовикъ Наполеонъ III Бонапарте своему посланнику при римскомъ дворѣ. — «Долгъ государственныхъ людей, продолжалъ онъ,—изыскивать средства къ примиренію двухъ дѣлъ, которыя представляются непримиримыми только съ точки зрѣнія страстей».

— Какое же средство должно быть употреблено для «достиженія такой вожделѣнной цѣли?»

— Самое простое. Надо устроить такъ, чтобъ Италія отказалась отъ Рима, отъ своего историческаго и географическаго центра, и чтобы папа поставилъ на вѣсы, на которыхъ онъ собираетъ доходъ св. Петра, оскорбленіе, которое нанесъ ему Пьемонтъ, отнявъ у него при Кастельфидардо Мархію и Умбрію. Сверхъ того, надо, чтобы св. престолъ, столь непоколебимый, сдѣлалъ уступку новому духу времени, надо, чтобы этотъ престолъ, столь непогрѣшимый, согласился преобразоваться!»

Таково знаменитое рѣшеніе, которое императоръ Наполеонъ III, гг. Тувенель, де-ла-Валеттъ, Ла-Героньеръ, Витье, Полинъ Лимейронъ, Грангильо и Компанія не перестаютъ поочередно проповѣдывать папѣ и Италіи, Италіи и папѣ и всей Европѣ. Это рѣшеніе—такъ по крайней мѣрѣ заставляетъ насъ понятливость и умъ его авторовъ — не было изложено ясно.

Переведенное съ дипломатическаго языка на простой, оно вотъ что говоритъ папѣ и Италіи: «Вы спорите между собою за Римъ, какъ два тяжущіеся спорятъ за устрицу. Судья присуждаетъ себѣ устрицу, я присуждаю себѣ Римъ. Вѣрный принципу невмѣшательства, я вмѣшиваюсь для того, чтобъ воспрепятствовать вмѣшательству австрійцевъ и особенно итальянцевъ. Что хорошо взять, то не дурно и удержать. Всякое другое объясненіе ничто иное, какъ фраза, годная развѣ для того, чтобъ потѣшать довѣрчивость г. Урбана

Ратацци... Нѣтъ лучшаго права на владѣніе, какъ право побѣды, потому что оно принадлежитъ сильнѣйшему. Я не выпускаю Рима, потому что взялъ его.

Тогда вещи высказываются очень ясно, особенно теперь, когда Италія почти обезоружена паденіемъ Гарибальди. До тѣхъ поръ, пока революція, соединенная съ итальянскимъ королевствомъ, казалась страшною, Виктора-Эммануила подстрекали развязаться съ своимъ опаснымъ союзникомъ: ему давали замѣтить, что консервативная Европа удовлетворится этимъ блестящимъ доказательствомъ доброй воли и въ награду отдастъ ему Римъ. Вслѣдствіе этого, когда онъ, объявивъ Гарибальди внѣ закона и спустивъ на него Чіальдини, Паллавичино и Ла-Мармора, потребовалъ обѣщанную награду, потребовалъ цѣну крови, пролитой при Аспромонте, ему отвѣчали: «Вы, значитъ, не поняли басни о львѣ, влюбленномъ въ пастушку, о львѣ, котораго опекунъ его возлюбленной убѣдилъ позволить срѣзать себѣ когти!

Политика, которой императорскій кабинетъ держался въ отношеніи къ кабинету туринскому наканунѣ Аспромонте, такъ круто и рѣшительно повернула въ другую сторону на другой день послѣ нея, что Тувенель и Бенедетти, слишкомъ обязавшіеся своимъ прежнимъ поведеніемъ, были отставлены и замѣнены г. Друэнъ-де-Люи. Первая отличительная черта этого дипломата владѣть нѣсколькими милльонами, полученными имъ отъ отца, генеральнаго сборщика податей. Вторая, въ юности Друэнъ-де-Люи отлично учился, такъ что во время отставки отъ должности сенатора, потребованной имъ съ такимъ шумомъ и блескомъ, онъ не постыдился намекнуть на свои школьные успѣхи, воспоминаніе о которыхъ, повидимому, все еще занимало его.— Г. Друэнъ-де-Люи прилагаетъ свои познанія въ реторикѣ даже къ сочиненію депешь: онъ отлично владѣетъ самымъ правильнымъ языкомъ и хорошо сочиняетъ—тронныя рѣчи; онъ подтасовываетъ мысли, рѣшаетъ и разглагольствуетъ; онъ даетъ образцы слога, полезные для будущихъ секретарей посольства; когда читаешь его произведенія, кажется, что слышишь, какъ онъ говоритъ и самъ себя съ наслажденіемъ слушаетъ. Покойный князь Коуницъ не былъ такъ доволенъ своей собственной особой, какъ г. Друэнъ-де-Люи—господиномъ Друэнъ-де-Люи. Словомъ, это человѣкъ, котораго дарованія достаетъ на самыя посредственныя вещи и притомъ съ большими претензіями.

И такъ это лице сдѣлалось теперь у современныхъ народовъ пред-

ставителемъ Франціи, или вѣрнѣе, Людовика Наполеона III Бонапарте, или еще вѣрнѣе, самого г. Друэнъ-де-Люи. Онъ исполняетъ эту должность къ великому удовольствію духовенства, льстящаго, расточающаго ласки и курящаго правительству, которое оно поносило не болѣе какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Будущимъ лѣтомъ оно будетъ поносить его вдвое больше.

И такъ въ этомъ вопросѣ занятія французскими войсками столицы италіянскаго королевства, не играютъ роли ни справедливость, ни раціональная политика; тутъ главное дѣло въ одномъ — именно, въ доброй волѣ императора Людовика Наполеона Бонапарте.

—

Послѣ того, какъ столь искусная честность секретаря Сьюарда разрушила надежды, поданныя дѣломъ *Трента* и сдѣлала невозможнымъ всякое вооруженное вмѣшательство въ пользу юга, правительства Франціи и Англіи поняли, что надо измѣнить тактику для того, чтобы успѣть въ окончательномъ униженіи свободныхъ Штатовъ, и съ торжествомъ утвердить аристократическій принципъ въ Новомъ Свѣтѣ.

Въ Англіи, странѣ конституціонной, возбужденіе, посредствомъ рѣчей, ненависти противъ сѣверныхъ республиканцевъ и удивленія къ плантаторамъ, принимаютъ на себя ораторы и даже люди, пользующіеся большимъ нравственнымъ авторитетомъ. Гг. Гладстонъ, Линдлей и др. объѣзжаютъ государство, прославляя новую націю, которую Джеферсонъ Девисъ и компанія съумѣли создать измѣною и ложными клятвами. Франція не такъ счастлива, чтобы имѣть возможность располагать великими людьми для подобныхъ дѣлъ; оттого она и предпочитаетъ улаживать все семейнымъ образомъ. Тутъ г. Слидель тайно отправляется въ Компьенъ и расписываетъ самыми пріятными красками патріархальный образъ жизни рабовладѣльцевъ. Тутъ г. Тувенель посылаетъ въ Вашингтонъ серіи депешъ, изготовленныхъ со всевозможною граціею и наполненныхъ нѣжными подслащеніями. Тутъ г. Мерсье ѣдетъ въ Ришмонъ для того, чтобы «посѣтить больныхъ и утѣшить скорбящихъ». А въ это же самое время для общественнаго мнѣнія работаютъ *Patrie* и *Constitutionnel*, да сверхъ того *La France* г. Виконта де-ла-Героньера и *Nation* г. Гранье-де-Кассаньяка. И органы французской журналистики надрывались отъ своего визжанья, а по другую сторону пролива вторили имъ басовыми голосами *Times*, *Herald* и tutti quanti.

Долго все дѣло ограничивалось этимъ. Но когда г. Друэнъ-де-Люи въ

свою очередь усѣлся въ большомъ министерскомъ креслѣ, то и ему, какъ другу папы, слѣдовало же дать полную волю своей симпатіи къ рабовладѣльцамъ. Совершенно спокойное по отношенію къ Италіи въ настоящую минуту, но тѣмъ болѣе полное опасеній за будущее, французское правительство, имѣя уже затрудненія въ Мексикѣ, серьезно подумало взвалить на себя еще американскую путаницу. Вслѣдствіе этого, нашъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ обратился къ французскимъ посланникамъ въ Лондонѣ и С.-Петербургѣ съ циркулярами, въ которыхъ изложилъ планъ совмѣстнаго посредничества въ дѣлѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Но приступая къ сочиненію этой депеши, нашъ дипломатъ прежде пересмотрѣлъ свои ученическія тетради упражненій въ слогѣ, снова прочелъ нѣсколько переводовъ идиллій Ѳеокрита и пробѣжалъ Дафниса и Хлою. Стиль его просто сочился елеемъ, сливочнымъ масломъ и молокомъ. Любовь къ страждущему человѣчеству, желаніе остановить потоки крови, благочестивое желаніе примирить враждующихъ братьевъ и достигнуть сначала простого перемирія, которое обратилось бы современемъ въ прочный миръ со всѣми его послѣдствіями: возстановленіемъ международныхъ торговыхъ сношеній и пріязни, возобновленіемъ промышленности и милаго земледѣлія—вотъ что проповѣдывалъ добродѣтельный г. Друэнъ-де-Люи, въ своей сливочной и медоточивой рѣчи.

Къ несчастію, Франція помнила, что когда наши войска заняли Римъ въ 1849 г., то и объ этомъ занятіи возвѣщали миролюбивыя рѣчи и увѣренія въ вѣчной дружбѣ. Судя по нимъ, мы занимали эту позицію только для того, чтобы охранять свободу римлянъ, которымъ грозили австрійцы, шедшіе на Анкону. Эти увѣренія высказывались, повторялись и даже подтверждались *клятвой* на трибунѣ и въ коммисіяхъ законодательнаго собранія. Спросите объ этомъ г. Лессепса, нашего бывшаго посланника въ Римѣ! — Извѣстно, что сталось съ этими обѣщаніями, извѣстно, какъ охранили мы римскую свободу, какъ охраняемъ ее и какъ еще будемъ охранять!

Кабинетъ лондонскій тоже могъ помнить, что, годъ тому назадъ, мексиканской экспедиціи также предшествовали quasi-евангелическіе манифесты. Наши соотечественники — говорилось въ то время — были оскорблены и ограблены, и мы имѣемъ въ виду только воздвигнуть передъ Вера-Круцомъ непобѣдимое французское знамя, одинъ видъ котораго заставитъ мексиканцевъ спрятаться. Дѣйствительно, Англія и Испанія приняли участіе въ филантропическомъ дѣлѣ; но

и остановились на соледадской конвенціи. Послѣ этого онѣ поспѣшили вернуться домой, предоставивъ своему великодушному союзнику одному дѣйствовать.

Для внушенія федералистамъ желанія примириться съ конфедератами юга странно было прибѣгать къ такому средству, каково приглашеніе трехъ могущественнѣйшихъ флотовъ міра къ вооруженной демонстраціи въ Нью-Іоркской гавани.

Несмотря на то, что французскій кабинетъ предвидѣлъ отказъ на это приглашеніе, онъ принялъ его съ дурно скрытою досадой. Особенно газета *La France*, этотъ фланкеръ Наполеоновской политики, формально обвинила Англію въ томъ, что она не имѣетъ никакой вѣрности.

Предложенія вмѣшательства были сдѣланы Англіи и Россіи въ то время, когда эти государства находились подъ впечатлѣніемъ печальнаго исхода потомакской компаніи для сѣверныхъ войскъ. Когда въ Парижѣ узнали, что вторая экспедиція противъ Ричмонда не удалась и что Бэрнсъ-Сайдъ долженъ былъ отступить при Фридрихсбургѣ, императоръ Наполеонъ снова нашелъ, что приспѣло благопріятное время, и поручилъ своему посланнику Мерсье предложить двумъ воюющимъ сторонамъ уже не перемиріе, очевидно слишкомъ благопріятное для юга, но переговоры, которые происходили бы въ то время, когда враги продолжали бы драться. Императоръ утверждалъ, что такой же способъ былъ употребленъ во время тридцатилѣтней войны. Это совершенно справедливо, но вѣдь и война продолжалась тридцать лѣтъ! Трудно въ одно и то же время серьезнымъ образомъ вести миръ и войну. Впрочемъ, это предложеніе было сдѣлано только съ тою цѣлью, чтобы оно было отвергнуто и чтобы, такимъ образомъ, вся отвратительная сторона отказа пала на долю сѣвера. Потому что сѣверъ не можетъ, да и не хочетъ требовать ничего иного, кромѣ полной покорности, отъ бунтовщиковъ, которые, въ свою очередь, желаютъ вступить въ переговоры не иначе, какъ на условіи полной независимости. Сѣверные Штаты знаютъ, на сколько можно вѣрить искренности сдѣланныхъ имъ предложеній. Они хорошо помнятъ, (мы говоримъ уже только о происшествіяхъ нынѣшняго года) какъ официальный Мониторъ французской имперіи клеймилъ поведеніе федеральнаго правительства, когда оно затопило въ Чарльсъ-тоунѣ суда, нагруженныя камнемъ. По словамъ Монитера, этотъ дикій поступокъ долженъ былъ переполнить негодованіемъ

сердца всѣхъ образованныхъ людей. Всѣ *офиціозныя* газеты не замедлили воспользоваться замѣчаніемъ газеты *офиціальной* и разразились филиппиками противъ кроваваго поступка, совершеннаго уашингтонскимъ правительствомъ.

А то, что южные корсары находятъ пріютъ въ портахъ французскихъ колоній, не встрѣтило ни слова порицанія со стороны людей, предложившихъ на парижскомъ конгрессѣ уничтоженіе корсарства!

Если бы у кабинета Бѣлаго Дома сохранились еще нѣкоторыя сомнѣнія въ безпристрастіи посредника, предложившаго свои услуги двумъ враждующимъ сторонамъ, то эти сомнѣнія были бы скоро разрушены письмомъ императора къ генералу Форэ, главнокомандующему въ мексиканской арміи,—письмомъ, которое было съ большимъ эффектомъ обнародовано въ *Желтой Книгѣ* — собраніи дипломатическихъ актовъ, представляемыхъ законодательному корпусу, и въ которомъ говорится, что цѣль экспедиціи — воспрепятствовать преобладанію Соединенныхъ Штатовъ въ мексиканскомъ заливѣ.

Въ этой борьбѣ на смерть между рабовладѣльцами и ихъ врагами нѣтъ мѣста для великихъ гуманныхъ демонстрацій въ родѣ тѣхъ, которыя нѣкогда предшествовали экспедиціямъ римской и мексиканской. Если Франція хочетъ обнажить свой мощный мечь на пользу торговцевъ неграми, пусть она прямо скажетъ это; пусть ея панцырныя суда тащутъ за собою корабли съ невольниками, пусть они бомбардируютъ Нью-Іоркъ, но пусть же насъ избавятъ отъ всякихъ филантропическихъ разглагольствованій противъ федералистовъ, воюющихъ съ хлопкомъ.

Отъ политики Франціи въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ мы натурально переходимъ къ мексиканскимъ дѣламъ. Припомнимъ главные факты.

Послѣ сороколѣтней племенной войны, мексиканскія партіи начали наконецъ воевать между собою за принципы. Между партіею клерикальной и конституціонной завязалась борьба на смерть. Въ 1857 г., послѣ унизительныхъ диктаторствъ вѣроломнаго Санта-Анна, уже готовы были провозгласить конституцію, когда всѣ мины, подготовленныя клерикалами, были взорваны разомъ. Президентъ Комонфортъ, умѣренный до нерѣшительности, вздумалъ произвести coup d'état надъ обѣими крайними партіями и прогнать своего сотоварища,

вице-президента Хуареца, непоколебимаго конституціониста; въ этомъ намѣреніи онъ руководствовался цѣлью—представить въ болѣе умѣренномъ свѣтѣ строгости, которыя онъ замышлялъ противъ клерикаловъ. Исполненіе своего плана онъ поручилъ генералу Феликсу Зулоага, который продалъ тайну духовенству и обратилъ заговоръ противъ самого Комонфорта. Приведя свои войска въ Мексику, онъ составилъ *pronunciamento*, программа котораго осталась подъ именемъ «Плана Такубайи» лозунгомъ реакціи. Но неспособность Зулоаги была слишкомъ очевидна, вслѣдствіе чего въ помощь ему былъ данъ молодой Мирамонъ. Тогда республика оказалась съ четырьмя президентами: Хуарецомъ, президентомъ по закону, въ качествѣ главы Сената, Комонфортомъ, павшимъ въ силу своего coup d'état, Мирамономъ и Зулоагой, президентами вслѣдствіе насилія и измѣны.

При этихъ послѣднихъ, остававшихся сначала побѣдоносными, лишніе налоги, вынужденные займы, притѣсненія начали повторяться чаще, чѣмъ когда-либо. Мексику наводнили бумаги и ассигнаціи, лишенныя всякой цѣнности. Г. Джеккеръ началъ спекулировать на большую ногу облигаціями coup d'état и пріобрѣлъ въ замѣнъ 3,725 тысячь франковъ звонкой монеты номинальную сумму въ 75 милльоновъ, которую впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ передалъ Гг. Морни и К°. Несмотря на все это, Мирамону все-таки недоставало денегъ. Тогда-то разъ ночью онъ влѣзъ въ кассу великобританскаго консула и утащилъ оттуда 3,300 т. франковъ.

Когда реакціонерная партія пала жертвою его насилій и произвола, Хуарецъ, законный президентъ, снова взялъ въ свои руки бразды правленія. Этою минутой воспользовались Испанія, Франція и Англія для того, чтобы потребовать у президента отчета въ милльонахъ, похищенныхъ узурпаторами. Слѣдуя той же системѣ, Сѣверные Штаты сильно обвиняются во всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ южанами.

Англія требовала сущихъ пустяковъ, всего 300 милльоновъ; Франція желала получить 60 милльоновъ, собственно для себя и 75—для швейцарца Джеккера, (который скоро послѣ того былъ сдѣланъ французскимъ гражданиномъ помимо всѣхъ законныхъ формальностей). Испанія готова была довольствоваться десятками двумя милльоновъ, но зато предъявляла неисчислимыя требованія извиненій. Итогъ притязаній составлялъ 400 или 450 милльоновъ — въ точности не опредѣляли сколько именно—но державы требовали полнаго платежа

суммы *maximum*, причемъ обязывались возвратить потомъ излишекъ, если бы таковой оказался.

Между тѣмъ бѣдная Мексика, совершенно истощенная своими продолжительными гражданскими войнами, не имѣла мѣднаго гроша изъ этой громадной суммы; таможня, самый чистый источникъ доходовъ, была уже и безъ этого на четвертую часть заложена англійскимъ кредиторамъ. Хуарецъ велъ переговоры, требовалъ, умолялъ во имя справедливости, права и здраваго смысла. Никто не хотѣлъ слушать его. Было рѣшено, что три державы пошлютъ свои войска для произведенія *моральной демонстраціи*, которая побудитъ наконецъ Мексику сдѣлать или, скорѣе, обѣщать невозможное.

Надо сознаться: кредиторы бѣдной Мексики не были такъ нелѣпы, какъ они выказывали себя. Посредствомъ «моральной демонстраціи», которую должны были совершить ихъ флоты, они дѣлали призывъ къ реакціонерной партіи, долженствовавшей снова поднять знамя гражданской войны. Мирамонъ обѣщалъ легкія побѣды императору Наполеону, отецъ Миранда обѣщалъ то же самое Испаніи, а Англія нравственно присоединялась къ экспедиціи, требуя только, чтобъ ее не вынуждали прибѣгнуть къ пушечнымъ выстрѣламъ. Менѣе можетъ быть, чѣмъ двѣ союзницы ея, она хотѣла раздавить маленькую республику; но зато она была совершенно неумолима въ вопросѣ финансовомъ и неотступно требовала полнаго платежа.

Такимъ образомъ роль Англіи опредѣлилась очень ясно; но Франція и Испанія тщательно окружали мракомъ свои намѣренія. Конечно, не было сомнѣнія въ томъ, что вмѣшивались онѣ для возстановленія монархическаго принципа,—но въ чью пользу? Тюильрійскій кабинетъ выставлялъ на видъ Максимиліана, эрцгерцога австрійскаго—вѣроятно потому, что онъ былъ невозможенъ. Виды этого кабинета были такъ же обширны, какъ и неопредѣленны. «Вы отправляетесь — говорилъ императоръ Наполеонъ генералу Лорансецу — для совершенія самаго великаго дѣла моего царствованія!» Предстояло протянуть побѣдоносную руку мятежникамъ юга, опрокинуть великую республику Сѣверныхъ Штатовъ, сокрушить всѣ маленькія союзныя республики экватора, Перу, Хили, Новой Гренады и др., завладѣть никарагуаскимъ перешейкомъ и, наконецъ, послужить чертою соединенія между двумя большими невольничьими государствами: Бразиліей на югѣ и имперіей Джефферсона Девиса на сѣверѣ.

Планъ мадридскаго кабинета явился въ болѣе ясномъ свѣтѣ и казался довольно практическимъ. До тѣхъ поръ, испанцевъ ненавидѣли либералы и клерикалы. Но побуждаемые необходимостью, эти послѣдніе предложили окончательное примиреніе «своимъ добрымъ друзьямъ—врагамъ». Въ замѣнъ войска, они предлагали королевѣ Изабеллѣ корону Монтезумы.

У ея католическаго величества выборъ уже былъ сдѣланъ. Она сильно покровительствовала своему кузену, инфанту дону Себастіану, который, образумившись пораженіемъ при Ла-Рошитѣ и внезапною, необъяснимою смертью графа Монтемолино и всего его семейства, смирился и изъявилъ готовность стать въ отношенія вассала. Эта покорность послѣдняго представителя картизма освобождала Изабеллу II отъ обязанности помнить свои конституціонныя обязательства и позволила ей, въ замѣнъ того, сдѣлаться наслѣдницей абсолютизма. Конечно, приношеніе божественнаго права не было скуднымъ подаркомъ. Изабелла не неблагодарная женщина, что бы тамъ ни говорили Олозага, Эспартеро и вся испанская нація. И такъ, Изабелла женила своего кузена, дала ему приданое.

Однакожъ, несмотря на успѣхъ своего вѣроломства въ отношеніи къ республикѣ Сан-Доминго, Испанія не осмѣливалась слишкомъ явно отвѣчать на предложенія мексиканскихъ клерикаловъ. Но когда она увидѣла, что императоръ Бонапарте кинулся на это дѣло и что Англія издалека слѣдовала за нимъ, тогда ею овладѣлъ духъ корыстолюбія. Чуть только лондонская конвенція была подписана, Испанія бросилась впередъ, сгарая желаніемъ прежде другихъ завладѣть добычей. По приказанію Серрано, изъ Гаванны устремилось испанское войско, превосходившее то число, которое допускалось трактатомъ; войско это тотчасъ же овладѣло, во имя испанской королевы, Вера-Круцомъ. Такимъ образомъ, лондонская конвенція уже теперь была нарушена. Явился Примъ графъ Ресскій, герцогъ Тешуанскій, первый полководецъ Испаніи. Онъ уже принялъ на себя титулъ «вице короля Мексики». Во имя кого? Инфанта дона Себастьяна? Себя самого?—Этотъ вопросъ никогда не былъ разъясненъ, какъ слѣдуетъ.

Но явились также въ свою очередь и французы, имѣвшіе совершенно другіе виды. Прежде всего, они вознегодовали на побѣдоносные пріемы своихъ союзниковъ. Зуавы сняли благородное знамя всѣхъ Испаній, развѣвавшееся на самой высокой башнѣ Вера-Круца и замѣнили его своимъ. Они вывели солдатъ Прима изъ тѣхъ казармъ,

которыя были почище другихъ, и поселились въ нихъ сами. Это повлекло къ горькой зависти, къ сильной ненависти.

Въ то же время Мексикѣ предъявляли ультиматумъ, составленный въ общихъ терминахъ и подписанный тремя державами, изъ которыхъ каждая прислала еще сверхъ того особенную ноту. Хуарецъ отвѣчалъ вѣжливо и отправилъ уполномоченныхъ для переговоровъ со всѣми союзниками вмѣстѣ и съ каждымъ изъ нихъ поодиночкѣ. Кромѣ того, такъ какъ войска гибли отъ смертоноснаго климата Вера-Круца, то онъ великодушно согласился исполнить желаніе державъ, состоявшее въ томъ, чтобы позволить экспедиціонному корпусу занять квартиры во внутренности горной страны, по ту сторону проходовъ. — Генералы обязались честнымъ словомъ и подписями — снова перейдти черезъ горныя ущелья, если миръ не будетъ заключенъ.

Когда начали разбирать требованія, предъявленныя каждою изъ державъ, — Англія и Испанія признали притязанія Франціи *непомѣрными*. Дюбуа де Салиньи, представитель Людовика Наполеона, объявилъ, что онъ имѣетъ приказаніе заставить принять ихъ, и объяснилъ, что онъ ведетъ переговоры только для того, чтобы дать новымъ войскамъ время подоспѣть. Тогда сэръ Чарльзъ Уайкъ (Wyke) и Примъ протестовали противъ такого безчестнаго поступка и объявили, что они не будутъ соучастниками его; затѣмъ, они откланялись мексиканскимъ уполномоченнымъ и поспѣшили домой. Испанскія войска собрались въ обратное плаваніе еще быстрѣе, чѣмъ высадились. За неимѣніемъ судовъ національныхъ, Примъ нагрузилъ своими воинами корабли англійскіе. Да и пора было сдѣлать это: кромѣ погибшихъ отъ болѣзней, 900 солдатъ изъ четырехтысячнаго корпуса уже дезертировали въ мексиканскій лагерь и Примъ сознавался впослѣдствіи, что если бы онъ обождалъ еще пятнадцать дней, вся армія его разошлась бы и это единственно изъ ненависти къ своимъ союзникамъ французамъ.

Такимъ образомъ г. Лорансецъ остался одинъ. Онъ овладѣвалъ Мексикой, онъ освобождался отъ обязанности дѣлиться съ товарищами. Ну, и что̀ же? конечно, первымъ дѣломъ его было очистить Оризабу и снова перейдти черезъ горныя ущелья, согласно данному честному слову? — Полноте! Нашъ французскій воинъ, воспитанный въ новой школѣ этихъ coups d'état стоитъ выше такихъ предразсудковъ. Мало того: какъ ловкій человѣкъ, онъ вздумалъ смѣло двинуться впередъ чтобы воспользоваться остолбенѣніемъ, въ которое

поведенie его повергло его противниковъ, съ изумленiемъ замѣтившихъ, что простой смыслъ трактата не достаточно охраняетъ дороги и проходы.

Такимъ образомъ случилось, что отрядъ алжирской кавалерiи, замѣтивъ толпу солдатъ, шедшихъ подъ мексиканскимъ знаменемъ, бросился на нихъ со всею «*furia francese*». Эти бѣдняки, думавшie, что они живутъ во время полнаго мира, или полагавшie, что французскiя войска снова перешли на ту сторону горныхъ проходовъ; были изрублены, обращены въ бѣгство и разсѣяны по всевозможнымъ направленiямъ. На дорогѣ не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ обозныхъ телегъ, да кареты, заключавшей въ себѣ графиню Примъ, которой мексиканскiй генералъ оказалъ любезность, давши почетный конвой. — Эта драка была представлена во Францiи какъ блестящее дѣло, достойнымъ образомъ открывшее кампанiю.

Но, несмотря на все свое желанie, г. Лорансецъ подвигался медленно съ своимъ войскомъ, которое, проходя по незнакомой странѣ, должно было вести съ собою всѣ припасы. Поэтому генералъ не могъ взять Пуэблу, но встрѣтилъ мексиканцевъ, которые ждали его, расположившись въ своемъ маленькомъ гваделупскомъ укрѣпленiи. Лорансецъ немедленно отдаетъ приказъ снять ихъ, онъ мчитъ на нихъ своихъ зуавовъ, мчитъ егерей, мчитъ волтижеровъ, мчитъ всѣхъ своихъ непобѣдимыхъ воиновъ, и послѣ каждаго нападенiя непобѣдимые возвращаются съ осколками штыковъ въ тѣлѣ. Чортъ возьми, они отступили! отступили, оставивъ двѣ пушки, всѣ свои ранцы, несчетное количество крестовъ и медалей въ память итальянской и крымской войнъ, блестящихъ теперь на груди храбрыхъ воиновъ Заррагозы.

— Какой позоръ для маджентской армiи! Пораженie! какой позоръ для побѣдителей австрiйцевъ? Пораженie! Пораженie!

Печально возвратилось войско назадъ и укрѣпилось въ Оризабѣ. Къ нему присоединился скоро измѣнникъ Маркецъ съ 4.000 человѣкъ. Рыбакъ рыбака видитъ издалека. Заррагоза бросился преслѣдовать ихъ, но накакунѣ битвы французы напали въ Боррего на мексиканскую дивизiю въ то время, когда она спала. Ночью они отмстили за пораженie, которое потерпѣли днемъ. Заррагоза удалился въ свою очередь, а армiя Лорансеца, томимая лихорадками, кровавымъ поносомъ, скукою, стыдомъ и настоящимъ голодомъ, начала ожидать подкрѣпленiй изъ Францiи.

Вѣсть о проигранной битвѣ одни встрѣтили улыбкой удовольствія, другіе суровыми взглядами. Съ той и другой стороны повторяли названія *Байленской капитуляціи*, первой въ этой гнусной испанской войнѣ, первой въ ряду бѣдствій, изъ которыхъ послѣднимъ было ватерлоское дѣло.

— Отчего изъ всѣхъ мексиканскихъ генераловъ, убійца Оккампо, Маркесъ, одинъ присоединился къ непріятелю? Отчего, исключая отца Миранды и извѣстнаго Альмонте, ни одинъ почетный туземецъ не дѣйствовалъ съобща съ арміею, пришедшею для того, чтобы низвергнуть республику?—Когда французы пришли къ Пуэблѣ, городу клерикальному по преимуществу, они думали, что ихъ звали и ждали туда; они уже видѣли передъ собою прекрасныхъ мексиканокъ, свивающихъ для нихъ вѣнки изъ розъ. Понятна поэтому досада, съ которою они замѣтили, что городъ полонъ баррикадами, что между домами существуетъ сообщеніе для облегченія средствъ къ защитѣ и что, вмѣсто мексиканокъ съ букетами на груди, ихъ встрѣчаютъ здоровые ребята съ крайне суровыми лицами, кинжаломъ на боку и заряженными ружьями на плечахъ.

Что же сдѣлалось съ реакціонерною партіей, которая съ такою яростью призывала нашествіе иноплеменныхъ?

— Клерикалы звали къ себѣ испанцевъ, а не французовъ. Клерикалы видѣли въ испанцахъ настоящихъ солдатъ папы, но они питали сомнительное довѣріе къ союзнику Виктора Эммануила, къ Людовик. Наполеону, съ которымъ, даже въ эту минуту, его собственное духовенство вело такую отчаянную войну.

Итакъ, когда испанцы ушли, клерикалы возвратились въ ризницу. Ихъ сужденіе было какъ нельзя болѣе логично. Вотъ оно:

«Во первыхъ, намъ не нравится императоръ Бонапарте, а тѣмъ менѣе его солдаты. Эти французы, что бы ни говорили и ни дѣлали, всегда являются атеистами, либералами и революціонерами.

«Во вторыхъ, имераторъ Бонапарте будетъ или побѣдителемъ, или побѣжденнымъ.

«Если онъ останется побѣдителемъ, то долженъ будетъ искать опоры у насъ, и ему дорого придется заплатить за наши услуги, такъ какъ мы ихъ даромъ не уступимъ.

«Если онъ будетъ побѣжденъ, то мы по крайней мѣрѣ не будемъ компрометированы. Напротивъ, мы выставимъ свое прекрасное пове-

деніе передъ національною партіею, которая должна быть намъ благодарна».

Посылая Форея съ новой арміей въ Мексику, императоръ Людовикъ Наполеонъ сказалъ: «Прошу васъ объ одномъ. Одержите одну только побѣду, но чтобъ она была кровавая!»

Вслѣдствіе этого Форей высадился въ Вера-Круцѣ съ карманомъ, наполненнымъ прокламаціями. Вотъ какъ онъ говорилъ мексиканцамъ:

«Я слышалъ, что вы намъ не довѣряете, что вы мало имѣете къ намъ симпатіи, что вы питаете къ намъ враждебныя чувства... Развѣ мы враги, которые пришли съ тѣмъ, чтобы лишить васъ независимости?

«Покушаться на вашу независимость!.. Нѣтъ, не думайте этого. Мы пришли съ тѣмъ, чтобъ смотрѣть, какое вы желаете имѣть правительство... Франція сдѣлаетъ изъ мексиканцевъ *націю свободную*, идущую по пути прогресса (во главѣ котораго, какъ вамъ извѣстно, находится наша родина),—націю, которой правительство пользуется тѣмъ довѣріемъ, какое должно существовать между образованными народами такъ же, какъ между частными лицами.

«Франція посылаетъ вамъ армію... Она хочетъ помочь вамъ сдѣлаться народомъ богатымъ! могущественнымъ!! свободнымъ!!! Она вамъ поможетъ избрать правительство честное и благородное. Тогда финансы государства послужатъ къ содержанію арміи, къ покрытію страны сѣтью путей сообщенія, какъ въ Европѣ, къ исправленію дорогъ, мостовъ, памятниковъ, къ улучшенію городовъ, которые плохо освѣщены и плохо вымощены!

«Только подъ сѣнью французскаго знамени мексиканцы могутъ достигнуть этихъ результатовъ. Пусть вспомнятъ они прекрасныя слова императора: «Вездѣ, гдѣ развѣвается это знамя, оно служитъ представителемъ порядка и цивилизаціи!»

Размышленія, безъ сомнѣнія, могли бы уничтожить впечатлѣніе, какое эти документы должны произвести въ умѣ читателя. Чувство стыда запрещаетъ намъ привести для контраста съ прозою господина Форея прокламаціи Зарагозы, объявленія Хуареса и манифестъ мексиканскаго конгресса.

Мы знаемъ, на какой сторонѣ право; было бы неприлично дѣлать теперь заключенія, на какой сторонѣ будетъ окончательный успѣхъ. Замѣтимъ только, что мы все еще имѣемъ однѣ прокламаціи Форея

отъ 22 октября и 3 ноября; намъ говорятъ о маршахъ, контрмаршахъ и, само собою разумѣется, о блистательныхъ успѣхахъ французской арміи, но что еще ничего рѣшительнаго не происходило. — По извѣстіямъ официальныхъ журналовъ, мы имѣемъ въ Мексикѣ 25,000 солдатъ; но, по тѣмъ же журналамъ, отправлено туда 42,000 человѣкъ. Итакъ, 17,000 французовъ уже погибло. Вездѣ, говорятъ, смертность ужасная. На кораблѣ, прозванномъ *le Forfait*, не осталось въ живыхъ ни одного офицера, начиная съ капитана до мичмана. Всѣ они погибли. А знаете ли, какъ наши солдаты прозвали вера-круцкое кладбище, гдѣ огромными массами лежатъ ихъ товарищи? «Это, говорятъ они, *садъ акклиматизаціи французской арміи*».

Что касается денегъ, то объ нихъ почти совѣстно говорить, упомянувъ о накопившемся позорѣ и о томъ, сколько жизней погублено ни за что. Фульдъ признается, что расходъ на экспедицію въ одномъ 1862 году простирался до 83 милліоновъ. Въ банкѣ говорятъ о 200 милльонахъ, уже израсходованныхъ на этотъ предметъ одною звонкой монетой. Въ военномъ коммисаріатѣ одинъ начальникъ бюро, повѣрявшій счеты, воскликнулъ съ радостью: «Это война, однакожъ, стоила намъ не болѣе 300 миллъоновъ!»

Помните ли вы его превосходительство, министра Бильо, который годъ уже тому назадъ, вынимая часы изъ кармана, обратился къ собравшемуся законодательному корпусу съ словами: «Въ этотъ именно часъ наша храбрая армія подступаетъ къ стѣнамъ Мексики!»

Носится слухъ, что французское правительство намѣрено овладѣть Нигромъ, чтобъ мало по малу превратить сѣверовосточную часть Африки во французскую страну. Говорятъ, что это предпріятіе ввѣрено капитану Маньяну, тому самому, который извѣстенъ неудачнымъ исполненіемъ одного политическаго порученія на Дунаѣ. Обязанный доставить оружіе недовольнымъ, Маньянъ далъ потопить свои корабли и завладѣть грузомъ.—На этотъ разъ ему ввѣрятъ десять пароходовъ и въ томъ числѣ три, сидящихъ въ водѣ очень мелко, на которыхъ онъ долженъ подняться вверхъ по рѣкѣ до Томбукту, съ тѣмъ, чтобъ познакомить туземцевъ съ громомъ французскихъ пушекъ.—Повидимому, хотятъ основать въ странѣ негровъ новую великую Францію и воздвигнуть цивилизацію въ Сахарѣ.—Любопытно слушать несчастныхъ, которые назначены въ эту экспедицію: Мы идемъ оружіемъ распространять христіанство, говорятъ они; насъ

провожаютъ монахи св. Доминика; они вооружены евангеліемъ и требникомъ, а мы ружьями и штыками, которыми воспользуемся, какъ слѣдуетъ; мы познакомимъ несчастныхъ дикарей съ европейской промышленностью, доставляя имъ французскія произведенія и одни только французскія. Притомъ въ этой экспедиціи будутъ участвовать одни французы и не будетъ ни одного иностранца. Вотъ-то позавидуютъ англичане!

Одно только жаль: англичане уже нѣсколько лѣтъ на Нигрѣ и торгуютъ тамъ очень просто, не угощая негровъ ядрами и не навязывая своимъ покупателямъ душеспасительную протекцію монаховъ-доминиканцевъ. Ужь не воображаетъ ли капитанъ Маньянъ, что, привезя на своихъ корабляхъ французскія произведенія, и притомъ одни только французскія, онъ тѣмъ самымъ заставитъ англичанъ удалиться? Чего добраго, онъ на это способенъ!

Мы сдѣлали новое пріобрѣтеніе: намъ досталась Даппская долина. Президентъ швейцарскаго союза и министръ Франціи наконецъ подписали договоръ, по которому намъ уступается территорія въ семь километровъ длины и въ два километра ширины. Этимъ договоромъ окончательно прекращается длинный рядъ споровъ и несогласій, начавшихся еще въ 1815 году.

Вотъ маленькое приключеніе, въ нѣкоторомъ родѣ назидательное, ясно показывающее нравственные результаты присоединенія Ниццы.

Въ императорскомъ театрѣ, въ Ниццѣ, давали пьесу *Un Ballo in Maschera*. Въ этой пьесѣ одинъ изъ актеровъ восклицаетъ: Viva Italia! Этотъ крикъ вызвалъ съ одной стороны громъ рукоплесканій, а съ другой—шумъ свистковъ. Обѣ стороны горячились и наконецъ положили собраться снова въ слѣдующемъ представленіи той же пьесы.

Итальянцы и французы явились по условію. Всѣ судебные авторитеты присутствовали на новомъ представленіи, а также префектъ, императорскій прокуроръ и всѣ полицейскіе коммисары. При пассажѣ: viva Italia! снова раздались рукоплесканія и свистки. Потребовали повторенія этого пассажа. Тогда на авансцену выходитъ актеръ и отъ имени начальства объявляетъ, что если публика еще разъ потребуетъ повторенія, то зала будетъ очищена силой. Пьеса давалась послѣ того еще нѣсколько разъ; театръ при этомъ всегда былъ полонъ и всегда раздавались все тѣ же рукоплесканія, а свистки мало по малу должны были замолкнуть.

—

II.

ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА ФРАНЦІИ.

Борьба между великимъ магистромъ французскаго франкмасонскаго нбщества, принцемъ Іоахимомъ Мюратомъ, желавшимъ сохранить свое иваніе, и принцемъ Жеромомъ Наполеономъ, который старался занять его мѣсто, наконецъ кончилась. Принцъ Наполеонъ, избранный огромнымъ большинствомъ голосовъ, долженъ былъ оставить эту должность по приказанію императора. Его замѣнилъ маршалъ Маньянъ, который декретомъ 11 января 1862 года былъ назначенъ великимъ магистромъ, вопреки постановленіямъ ордена.

При самомъ вступленіи своемъ въ это званіе, маршалъ Маньянъ приказалъ присоединить шотландскія ложи къ великой ложѣ Франціи. Онъ грозилъ принудить ихъ къ тому силой. Дѣйствительно, 22 мая вышелъ приказъ, подписанный маршаломъ. Вотъ извлеченіе изъ этого документа:

«Мы постановили и постановляемъ:

Статья I. Массонское общество, извѣстное подъ названіемъ *Верховный совѣтъ Мисраима,* и всѣ прочія, подъ какимъ бы титуломъ они ни существовали, распускаются».

Отчаянное сопротивленіе со стороны шотландскихъ ложъ. Великій магистръ ихъ, академикъ Вьенне, написалъ энергическое возраженіе противъ такой насильственной мѣры. Сабля должна была уступить перу, и по волѣ императора рѣшеніе этого дѣла отложено до смерти г. Вьенне, старика.

Декретъ, помѣщенный въ Монитерѣ, назначаетъ генерала Кузена-Монтобана товарищемъ герцога Малакова. Кузенъ получаетъ титулъ графа Па-ли-као, титулъ, съ которымъ соединяется ежегодный доходъ въ 50,000 франковъ. Такое постановленіе государственный совѣтъ находитъ весьма справедливымъ; но—странное дѣло—законодательное собраніе, увлеченное краснорѣчіемъ г. Жувнеля, отказывается подтвердить этотъ декретъ, несмотря на сердитое письмо императора, гдѣ, между прочимъ, сказано, что однѣ *развращенныя націи* торгуются въ дѣлѣ благодарности. Озадаченная Франція ожидала внезапнаго появленія грозы на голубомъ небѣ имперіи, но вдругъ самъ императоръ отказывается отъ своего декрета и отъ назначенія 50,000 франковъ дохода, предоставляя Монтобану только новый титулъ псевдо-

китайскаго графа и военную добычу, вывезенную генераломъ изъ ограбленнаго имъ Лѣтняго замка.

Третье лицо, возведенное въ аристократы первой руки, есть графъ Морни, котораго императоръ объявилъ герцогомъ (кого или чего? неизвѣстно), въ знакъ благодарности за смѣлое содѣйствіе въ дѣлѣ 2-го декабря.

Что касается несчастнаго Жувнеля, то онъ, по всей вѣроятности, получитъ должное наказаніе за свою неумѣстную выходку. Теперь уже отмѣнено рѣшеніе, по которому онъ былъ избранъ въ члены законодательнаго собранія. Если на предстоящихъ выборахъ его объявятъ депутатомъ, то, конечно, въ этомъ виновато будетъ не правительство.

Въ мартѣ возникли сильныя распри въ сенатѣ: на одной сторонѣ находились г. Пьетри и принцъ Наполеонъ, а на другой — маркизъ де-ла-Рошъ-Жакленъ, бывшій въ 1848 году членомъ распайлевскаго клуба, и г. Сегюръ—д'Агессо ex-anti-бонапартистъ и ex-anti-легитимистъ. Принцъ Наполеонъ рѣзко отозвался о семействѣ орлеанскомъ, и вслѣдствіе того герцогъ Омальскій вызвалъ его на дуэль, по три дня тщетно ожидалъ своего противника въ Антверпенѣ.

Тогда онъ напечаталъ, въ отвѣтъ на рѣчь принца, *Письмо объ исторіи Франціи.* Эта брошюра, написанная искусною и смѣлою рукой, съ жадностью читалась публикой, которая при этомъ замѣтила, что представитель орлеанской фамиліи обнаруживаетъ симпатіи къ папѣ и къ героямъ Кастельфидардо.

Замѣчательно, что теперь (въ январѣ 1863 года) этотъ самый герцогъ Омальскій, извѣстный какъ страстный библіоманъ и даже отличающійся своею эрудиціей, печатаетъ въ Парижѣ исторію семейства Конде, произведеніе чисто литературное. Взбаломученная полиція ночью захватила всѣ книги, относящіяся къ этому сочиненію. Но она должна была ихъ возвратить, вслѣдствіе письма, написаннаго къ г. Фіоленъ де Персиньи, въ которомъ герцогъ Омальскій грозитъ пожертвовать послѣднимъ су своего громаднаго богатства, съ тѣмъ, чтобы добиться справедливости и *найдти судей во Франціи.* Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи пожертвовать 92,000 франковъ за картину Энгра, *la Stratonice,* тотъ смѣло можетъ разсчитывать найдти во Франціи правдивыхъ судей.

Литература французская теперь подчинена весьма строгимъ законамъ, изданнымъ, какъ увѣряетъ законодатель, единственно съ цѣлью воспрепятствовать распространенію зловредныхъ сочиненій; но къ этой категоріи болѣе или менѣе можетъ быть отнесена почти всякая публикація. Такимъ образомъ кандидаты законодательнаго собранія, или муниципальнаго и генеральнаго совѣтовъ, конкурирующіе съ кандидатами, которые избраны правительствомъ, должны остерегаться всякаго жандарма, когда вынимаютъ изъ кармана и раздаютъ избирателямъ свои избирательные списки. Недавно *несчастный Мирссъ* осужденъ былъ къ заключенію и къ денежному штрафу за то, что роздалъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ записку, представленную имъ въ судъ для своего оправданія.

Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ — безпрестанныя жалобы въ продолженіе цѣлаго года на такъ называемую Commission de Colportage. Эта коммисія отказывается прикладывать клеймо къ такимъ книгамъ, которыя сама же признаетъ «превосходными по слогу и вполнѣ нравственными по содержанію». Зато она безъ всякаго разбора клеймитъ какія бы то ни было сочиненія, если только авторы ихъ не заподозрѣны въ либерализмѣ. Такимъ образомъ, наши села, по одобренію духовенства и нашихъ литературныхъ оцѣнщиковъ, наполнились брошюрами, въ которыхъ безсмысліе не есть еще главный недостатокъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, не самыхъ безнравственныхъ, но самыхъ пошлыхъ, чтобы показать, какое воспитаніе наши официальные воспитатели даютъ народу, который считается самымъ просвѣщеннымъ въ свѣтѣ и которому говорили Вольтеръ и Руссо. Сюда относятся: Письма, найденныя на святой гробницѣ; чудеса св. Доната, патрона, защищающаго отъ бурь, молній, грома и всякой непогоды; истинная исторія св. Криптолины, св. Кукуфа и св. Кунигунды. Есть у насъ еще молитва противъ глазной болѣзни; молитва для отклоненія тучь, которую съ этой цѣлью нужно повторять три раза, такъ какъ она имѣетъ троякое значеніе. Кто ее будетъ читать самъ, или заставитъ читать другого, разъ въ день, тотъ не сгоритъ въ огнѣ, не потонетъ въ водѣ и не погибнетъ въ сраженіи; онъ будетъ всегда одерживать побѣду надъ врагами и защищенъ отъ всякихъ нападеній.

Въ апрѣлѣ, г. Гранъ-Жако прославилъ себя на долго неопровержимою логикой, съ какою онъ изложилъ теорію правительства въ

дѣлѣ выборовъ, въ странѣ, служащей прототипомъ свободныхъ избирателей и всеобщей подачи голосовъ. Вотъ что онъ говоритъ:

«Когда правительство назначило мнѣ руководить общественною «совѣстью всѣхъ ввѣренныхъ моему попеченію гражданъ, оно вмѣстѣ «съ тѣмъ поручило мнѣ исполнять приказанія моего префекта. Я «слѣдую этимъ приказаніямъ. Въ дѣлахъ, касающихся управленія «департаментомъ, префектъ, конечно непогрѣшителенъ, потому именно, «что онъ префектъ, такъ же какъ и я непогрѣшителенъ въ своей «коммунѣ, которою я управляю, въ качествѣ мэра. Въ дѣлахъ, ка-«сающихся общей политики, префектъ также не можетъ ошибаться, «такъ какъ онъ дѣйствуетъ по предписаніямъ министра, который, въ «свою очередь, получаетъ приказанія отъ императора.

«Поэтому, кандидатъ, который представляется вопреки кандидату, «имѣющемуся отъ правительства, дѣйствуетъ противъ самого импе-«ратора, который есть единственное отвѣтственное лицо во всемъ. «Кто вотируетъ противъ кандидата, рекомендуемаго правительствомъ, «тотъ вселяетъ въ странѣ безпорядокъ, возбуждаетъ людей къ мя-«тежу, къ неповиновенію властямъ и самому императору, отъ котораго «происходитъ вся администрація».

Обнародованіе закона объ измѣненіи рентъ, изобрѣтеннаго г. Фульдомъ.

Немедленными послѣдствіями этого закона были: для благотворительныхъ заведеній, взятіе изъ кассы ихъ 22 милльоновъ вкладовъ, а для заведеній, зависящихъ отъ административныхъ коммисій и владѣющихъ недвижимыми рентами,—чистая потеря въ 45 милльоновъ.

Отдаленныя послѣдствія заключаются въ томъ, что эта мѣра сдѣлаетъ навсегда невозможною уплату общественнаго долга, котораго номинальный капиталъ вдругъ увеличился въ два милльона. До сихъ поръ еще неизвѣстно съ точностью, сколько эта мѣра доставила денегъ казнѣ. Сомнѣваются, чтобъ отъ этого правительство выиграло столько же, сколько потеряла страна.

Въ сентябрѣ умеръ Викторъ Елизабетъ Бонифасъ, графъ Кастелланъ, одинъ изъ пяти или шести военныхъ начальниковъ, командующихъ во Франціи. Онъ имѣлъ большой крестъ св. Фердинанда, былъ кавалеромъ Пія IX, королевскаго и военнаго ордена св. Бенедикта Авизскаго и вообще всякихъ орденовъ. Начальство надъ четвертымъ армейскимъ

корпусомъ, которое ему поручено было во время приготовленій къ государственному перевороту 2-го декабря, одно изъ самыхъ значительныхъ. Ему подчинены шесть военныхъ дивизій, двадцать три департамента и Ліонъ, второй городъ во Франціи и одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Этому баловню судьбы и первая имперія, и реставрація, и іюльская монархія, и вторая имперія одинаково расточали свои милости.

Вступивъ въ армію въ качествѣ простого солдата въ 1804 году, онъ уже въ 1813-мъ сдѣлался маіоромъ перваго полка почетной гвардіи. Правда, онъ былъ богатъ и съ материнской стороны происходилъ отъ Рогана Шабо де Жарнака. Онъ называлъ себя графомъ. Послѣ паденія Наполеона, онъ поспѣшилъ предложить свои услуги законному королю, который и произвелъ его въ полковники. Получивъ начальство надъ гусарскимъ полкомъ королевской гвардіи, онъ совершилъ военную прогулку въ Трокадеро, подлѣ герцога ангулемскаго, а потомъ въ 1830 году походъ въ Бельгію, подлѣ герцога Орлеанскаго, который въ 1833 году произвелъ его въ генералъ-лейтенанты, а въ 1837-мъ сдѣлалъ пэромъ Франціи. Въ 1847 году онъ получилъ большой крестъ почетнаго легіона.

Республика 1848 года, не имѣя средствъ сдѣлать что нибудь въ его пользу, уволила его отъ службы. Это обстоятельство возвысило его въ глазахъ принца президента, который въ 1849 году сдѣлалъ его начальникомъ ліонской дивизіи. 2-го декабря 1852 года графъ Кастелланъ произведенъ былъ въ маршалы Франціи, вмѣстѣ съ знаменитыми воинами, Маньяномъ и Лерви де Сентъ Арно.

Онъ былъ забавный оригиналъ, фатъ, всегда надушенный и расфранченный. Онъ считалъ себя красавцемъ и отъявленнымъ кутилой прелестной эпохи Рококо-Помпадуръ. Но главное его тщеславіе заключалось въ томъ, чтобъ быть великимъ военнымъ человѣкомъ. Онъ дѣйствительно отличался любовью къ формѣ и дисциплинѣ, и подъ маршальскимъ мундиромъ скрывалъ капральскую душу. Посмотрѣли бы вы, какія великолѣпныя эволюціи онъ заставлялъ совершать своихъ солдатъ на марсовомъ полѣ, какъ онъ крутилъ свои сѣдые усы, помышляя о своихъ славныхъ воинскихъ подвигахъ. Дѣйствительно, онъ держалъ въ почтительномъ смиреніи ліонскихъ демагоговъ, эту безоружную толпу, уже связанную полиціею. Въ ожиданіи случая произвести какое нибудь Coup d'Etat, или усмирить какой нибудь мятежъ, онъ мысленно совершалъ стратегическія чудеса. Еслибъ

завистливая судьба послала ему достойныхъ враговъ, съ какимъ бы онъ успѣхомъ крошилъ и англичанъ, и австрійцевъ! Съ своею блестящею кавалеріею онъ торжественно разъѣзжалъ по плацу и заставлялъ свою артиллерію брать великолѣпныя стратегическія позиціи. Иногда онъ всю ліонскую армію, въ 30 или 40 тысячъ человѣкъ, выгонялъ на нескошенные луга и на покрытыя хлѣбомъ поля. Потомъ, конечно, военному министерству приходилось дорого платить поселянамъ за убытки, понесенные ими вслѣдствіе геніальныхъ выходокъ генерала.

Графъ Кастелланъ былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ военныхъ людей правительства 2-го декабря; но онъ происходилъ отъ такой знатной фамиліи, что не могъ быть искреннымъ приверженцемъ имперіи. Потомку Рогана Жарнака неприлично быть бонапартистомъ, подобно какому-нибудь честолюбивому и вульгарному су-префекту. Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день, когда еще никто не вѣрилъ въ прочность власти Наполеона, вдругъ, вслѣдствіе распространившагося слуха о смутахъ въ Парижѣ, почтенный диктаторъ ліонской дивизіи созвалъ свой штабъ и торжественно провозгласилъ «Генриха, пятаго по имени, божіею милостію королемъ Франціи и Наварры»! Положеніе офицеровъ при этомъ было весьма щекотливо. Очевидно, маршалъ потерялъ голову, но имъ не хотѣлось лишиться своихъ головъ. Въ маленькомъ комитетѣ провозглашеніе это было принято, но потомъ всякій старался устранить себя, какъ могъ. Наконецъ, телеграмма, прибывшая изъ Тюльери, успокоила сердца. Въ депешѣ замѣчалось маршалу, что Coups d'Etat совершаются не такъ-то легко, какъ извѣстно ему самому, но что, впрочемъ, правительство сохраняетъ къ нему свое прежнее довѣріе.

Графъ Кастелланъ писалъ мемоары, по примѣру покойнаго герцога Сенъ-Симона. Подобно всякому государственному лицу, берущему на себя трудъ писать, онъ готовъ былъ низойдти на степень великаго писателя. Онъ безспорно отличался ловкостью въ изложеніи, мѣткостью въ словахъ и изящнымъ слогомъ. За недостаткомъ вульгарныхъ побѣдъ, онъ представилъ намъ исторію своихъ любовныхъ походовъ. Здѣсь онъ описываетъ какъ дѣвы Венеры, наперерывъ другъ передъ другомъ, кокетничали съ обольстительнымъ сыномъ Марса. Такъ какъ судьба отказала ему въ кровавомъ вѣнкѣ сраженій, то онъ украсилъ свое чело зелеными лаврами Пафоса и розами Цитеры. Этотъ побѣдитель женскихъ сердецъ описываетъ такимъ образомъ свои собственныя удачныя похожденія и неудачи

своихъ друзей въ дѣлѣ волокитства, подъ характеристическимъ титуломъ *Bagatelles de mon temps.* Это сочиненіе повидимому должно служить продолженіемъ другого, извѣстнаго подъ названіемъ *Petits Mémoires d'un Abbé de qualité.* Надо полагать, что маршалъ владѣлъ огромнымъ запасомъ анекдотовъ; его рукописныя бумаги заключаются въ 60 или 70 картонахъ, составляя такимъ образомъ цѣлую библіотеку. Эти рукописи онъ завѣщалъ графинѣ Боленкуръ, бывшей вдовѣ маркиза де Контадесъ, предоставляя ей полное право издать въ свѣтъ свою пикантную болтовню.

Мѣсто его занялъ маршалъ Канроберъ, тотъ самый Канроберъ, который не взялъ Севастополя. Канроберъ, похожій наружностью на гасконскаго парикмахера и не отличающійся знатностью происхожденія, представлялъ довольно жалкую фигуру подлѣ графа де Кастелланъ. Впрочемъ, какъ знать, если онъ отличается гасконскою наружностью, то, быть можетъ, будетъ имѣть и гасконское счастье. Говорятъ, что онъ ухаживаетъ за партіею легитимистовъ. Во всякомъ случаѣ, онъ серьёзно изучаетъ великосвѣтскія манеры, съ которыми уже познакомился на столько, на сколько знаетъ ихъ танцовальный учитель, берущій по два луидора за урокъ. Любители автографовъ могли видѣть нѣкоторыя изъ его записокъ, гдѣ проглядываетъ претензія на свѣтскую любезность и гдѣ, между прочимъ, онъ увѣряетъ, что «цѣлуетъ руки самой прелестной изъ маркизъ». Не есть ли это самая утонченная любезность, господинъ маршалъ?

Но еще болѣе достойна замѣчанія рѣчь, произнесенная его превосходительствомъ судьямъ, которые представлялись ему, когда онъ занялъ свою настоящую должность. «Вы представляете *право*, сказалъ имъ маршалъ, а я представляю *силу. Сила освящаетъ право,* (sic)».

— Вы видите, шуточно замѣчаетъ корреспондентъ одного журнала, его превосходительство, маршалъ Канроберъ, заслуживаетъ довѣрія Ліонцевъ, которымъ онъ и пользуется вполнѣ.

Новый парижскій архіепископъ, говорятъ, принадлежитъ къ англиканской церкви. Онъ прежде не чуждъ былъ либерализма, пускался въ литературу и терся въ хорошихъ обществахъ. Онъ работалъ для книгопродавцевъ, извлекалъ разсказы изъ библіи и помѣщалъ ихъ въ салонныхъ альбомахъ; передавалъ исторіи Леи и Ревекки, Агари

и Сары языкомъ, достойнымъ модныхъ кипсековъ. Въ то же время онъ посѣщалъ мансарды, гдѣ писали Вашеро и другіе демократы, и искалъ ходатайства этихъ людей передъ нѣкоторыми вліятельными лицами. Въ послѣдствіи онъ отличился въ походѣ, предпринятомъ парижскимъ архіепископомъ Сибуромъ противъ Вельо. Теперь уже монсеньоръ не пойдетъ войною противъ Вельо; онъ не будетъ болѣе покровительствуемъ своимъ экс-другомъ Вашеро. Монсеньоръ сдѣлался могущественнымъ политическимъ лицомъ, однимъ изъ великихъ міра сего. На немъ преимущественно лежитъ обязанность примирить церковь съ государствомъ, средневѣковое папство съ цивилизаціею XIX вѣка. Посмотримъ, что тутъ сдѣлаетъ монсеньоръ.

«Положеніе страны вообще удовлетворительно».

Этими словами начинается отчетъ о состояніи имперіи, отчетъ, который былъ представленъ императору, сенату и законодательному корпусу. Кто бы подумалъ, послѣ чтенія этой официальной фразы, что мы находимся въ кризисѣ финансовомъ и промышленномъ, и что наши провинціи, Нормандія, Лотарингія и Эльзасъ осаждаются голодомъ. Кто бы подумалъ послѣ этого, что въ одномъ только департаментѣ около 300,000 работниковъ посреди глубокой зимы лишены всякихъ средствъ къ существованію!

Въ селеніяхъ встрѣчаются полунагія дѣти, просящія у поселянъ немного супу и картофеля. Иногда эти малютки должны идти такъ далеко, что возвращаются къ роднымъ уже на другой день. Въ домахъ несчастныхъ топятъ только сухими листьями. Нѣтъ тамъ ни постелей, ни бѣлья, ни платьевъ. Счастливъ тотъ, кто иногда ѣстъ хлѣбъ, а такихъ счастливцевъ немного. Прочіе стараются утолить голодъ лепешкой изъ отрубей, воды и нѣсколькихъ травъ.

«Положеніе имперіи удовлетворительно», а между тѣмъ миллионы людей гибнутъ въ безвѣстности отъ невозможной борьбы, которой даже не предвидится конецъ. Есть женщины, которыя плачутъ, дѣти, которыя жмутся другъ къ другу на гнилой соломѣ и стараются посредствомъ сна спастись отъ голода. Есть и такія, которыя ищутъ спасенія въ смерти.

Замѣтьте, что въ Англіи уже болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ раздался крикъ безпокойства; открылась подписка въ пользу ланкаширскихъ фабричныхъ работниковъ и болѣе тридцати миллионовъ уже

собрано для вспомоществованія несчастнымъ. — Но во Франціи не дозволялось говорить о бѣдствіяхъ рабочаго класса, чтобы не возбудить всеобщаго безпокойства. Благодаря такой осторожности, зло увеличивалось все болѣе и болѣе. Просили позволенія выставить кружки въ пользу бѣдныхъ въ публичныхъ мѣстахъ и особенно въ театрахъ. Но правительство запретило. Тогда администрація западной желѣзной дороги рѣшилась выставить такія кружки на своихъ станціяхъ, не испрашивая на то разрѣшенія, и хорошо сдѣлала. Парижскіе студенты юридическаго факультета, желая открыть въ пользу бѣдныхъ какъ можно болѣе значительную подписку, хотѣли прибить объявленіе о томъ на стѣнахъ факультетскаго зданія, но деканъ запретилъ такую мѣру вслѣдствіе приказаній полиціи. Одинъ депутатъ законодательнаго корпуса, Эмиль Оливье просилъ позволенія сдѣлать публичное собраніе, съ единственною цѣлью составить подписку въ пользу работниковъ, не имѣющихъ работы. Но префектъ полиціи запретилъ осуществленіе и этой мысли.

Духовенство, опасавшееся, что эти сборы могутъ повредить сборамъ, дѣлаемымъ въ пользу церкви, старалось всѣми силами противодѣйствовать движенію общественной благотворительности. Между тѣмъ все-таки мѣстами составилась подписка въ пользу бѣдныхъ рабочихъ и теперь собрано немногимъ болѣе двухъ милльоновъ. Правительство, съ своей стороны, обѣщалось употребить на этотъ предметъ пять милльоновъ изъ своего бюджета. Кромѣ того, оно сдѣлало строгій выговоръ одному журналисту, который замѣтилъ, что сотня милльоновъ, израсходованныхъ на пушки и ружья для мексиканской экспедиціи, безъ сомнѣнія, могли бы получить лучшее назначеніе въ пользу французовъ, страдающихъ отъ голода.

III.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Г. Памаръ, кандидатъ правительства въ законодательномъ корпусѣ, былъ поддержанъ г. префектомъ Авиньона больше съ усердіемъ, чѣмъ съ честностью. Съ своей стороны будущій депутатъ счелъ умнымъ дѣломъ—украсить себя званіемъ корреспондента академіи, предоставленнымъ лѣтъ сорокъ тому назадъ отцу его, покойнику г. Памару.

Академики были слишкомъ разсудительны для того, чтобы вступиться, но редакторы *«Charivari»*, *«Gazette de France»* и *«Courirer du Dimanche»*, не обладавшіе такимъ благоразуміемъ, были принуждены къ уплатѣ нѣсколькихъ тысячь фр. штрафу, которые судъ назначилъ 15 января какъ вознагражденіе г. Памару за ущербъ, нанесенный его чести.

Казнь Дюмолара, убійцы служанокъ.

Двери мазасской тюрьмы открываются для *«бѣднаго Миреса»*. Только-что онъ вышелъ на улицу, какъ восклицаетъ: «Развѣ я не стою 50 миллioновъ!»

Немедленно послѣ этого, нашъ финансистъ захотѣлъ выказать себя какимъ-нибудь блистательнымъ дѣломъ. Онъ рѣшился произвести чудовищную операцію въ Турціи, которая должна была обогатить его и вѣрныхъ его акціонеровъ и даже поправить финансы султана. Для этого онъ попросилъ публику снабдить его многими крупными милльонами, подъ залогъ его личной честности. Милльоны начали сбѣгаться толпою.

Неизвѣстно почему, правительство косо взглянуло на этого дѣлового человѣка, несмотря на то, что само оно только-что выдало ему юридическое и торжественное свидѣтельство въ честности; агенты правительства выгнали изъ залы Герца акціонеровъ, сошедшихся въ общее собраніе. Изгнанники были недовольны, они дерзнули даже протестовать, и крики: «да здравствуетъ Миресъ!» потрясли слухъ полиціи.—«Нѣтъ, господа — поспѣшилъ воскликнуть бывшій распорядитель *кассы желѣзныхъ дорогъ*, вскочивъ на столбикъ, служившій ему трибуной — нѣтъ, господа, кричите да здравствуетъ императоръ!

Многіе милльоны, истрачивающіеся ежедневно, не такъ радуютъ насъ, какъ это удивительное выраженіе самообольщенія и наивности.

Въ Парижѣ—процессъ работниковъ типографіи г. Дюпона. Этотъ послѣдній принялъ отъ членовъ іезуитской пропаганды заказъ на печатаніе по дешевымъ цѣнамъ разныхъ книгъ; въ основаніи такой спекуляціи лежало намѣреніе замѣнить наборщиковъ-мужчинъ женщинами, которыя брались работать за самую низкую цѣну.

До сихъ поръ во Франціи не было наборщицъ изъ женщинъ. Наборщики, не хотѣвшіе допустить уменьшенія своей задѣльной платы, оставили всѣ безъ исключенія типографію г. Дюпона.

Въ теоріи они проиграли дѣло, потому что судъ призналъ ихъ виновными въ совмѣстномъ дѣйствіи противъ хозяина; но на практикѣ

выиграли, потому что женщины продолжали оставаться исключенными изъ мастерскихъ.

Въ публикѣ по этому случаю возникли живые споры. Одни осуждали типографщиковъ за то, что эти послѣдніе мѣшали женщинамъ заработывать хлѣбъ тѣмъ же ремесломъ, которое кормило ихъ самихъ. Другіе же находили, что такъ какъ типографское дѣло составляетъ монополію, сосредоточенную въ рукахъ нѣсколькихъ промышленниковъ, то нельзя оставлять работниковъ на произволъ ихъ хозяевъ, и что, такъ какъ не существуетъ всеобщей свободы, то на монополію нельзя отвѣчать иначе, какъ монополіей въ обратномъ смыслѣ и одному злу надо противупоставлять другое...

27 іюня, виконтъ де Барремъ, уличенный въ напечатаніи, раздачѣ и продажѣ брошюры подъ заглавіемъ «*De libertate*», былъ приговоренъ къ шестидневному заключенію въ тюрьму, уплатѣ ста франковъ штрафу и издержекъ.

Отъ 5 до 29 іюля—процессъ такъ называемый пятидесяти, или процессъ Міо, Греппо, Васселя, Башлэ и товарищей. Дѣло это было затѣяно уже давно. Полиція хотѣла схватить всѣхъ предводителей республиканской партіи и особенно всѣхъ дѣйствующихъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Призвавъ къ себѣ на помощь нѣкоего Башле, бывшаго нѣкогда республиканцемъ, котораго хорошо знала его партія, и выдававшаго себя за довѣреннаго человѣка Мадзини и Ледрю-Роллена, полиція доказала свою ловкость тѣмъ, что выбрала глухого, настоящаго глухого, для выпытыванія тайнъ у недовольныхъ. Этотъ агентъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что недугъ заставлялъ его принимать особенныя предосторожности, привлекалъ въ свою квартиру многихъ и заставлялъ ихъ говорить достаточно громко для того, чтобы агенты, скрывавшіеся за деревянною стѣною, могли слышать разговоръ. Но, несмотря на ловкость рыбаковъ, не много рыбъ попалось въ сѣти. Дѣло это было тѣмъ интереснѣе, что все оно основывалось исключительно на доносѣ подкупленнаго полиціею шпіона, свидѣтельство котораго, юридически, не можетъ быть допущено по причинамъ легко объяснимымъ. Но показанія, слишкомъ подозрительныя для правосудія гражданскаго, были признаны достаточными правосудіемъ политическимъ.

Прибавимъ, что Греппо, котораго даже судъ призналъ невиннымъ,

потерялъ состоянie и здоровье вслѣдствie предварительнаго секретнаго заключенiя въ тюрьмѣ въ продолженie нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

---

27 августа присужденъ къ наказанiю г. Сирванъ за изданie брошюры подъ заглавieмъ «Возвратимся къ евангелiю» (Revenons à l'Evangile).

Рѣдкiй уголовный процессъ возбудилъ въ публикѣ такое волненie, какъ процессъ г-жи Дуазъ.

Эта женщина объявила, что она убила своего отца, тогда какъ это было рѣшительно несправедливо. Ей предстояло быть обезглавленной на площади и пойдти на казнь подъ черною вуалью—и она все-таки упорствовала въ своемъ заявленiи. Она сообщила подробности этого мнимаго преступленiя. Она сообщила ихъ не только слѣдственному судьѣ, но и тому земноводному существу—узницѣ, тюремщицѣ и шпiону въ одно и то же время—которое называется *prévote*. Признанie свое она повторила въ полной аудiенцiи. Что же сдѣлали съ нею для того, чтобъ довести ее до этого.

Ее подвергнули не пыткѣ, но предварительному тюремному заключенiю *подъ секретомъ*,—заключенiю, которое одинъ знаменитый сановникъ называлъ родомъ пытки, неминуемо сокрушающимъ самую твердую бодрость.

Бѣдную женщину, которая въ это время была беременна, заперли въ узкую комнатку, имѣвшую немного болѣе двухъ метровъ въ вышину, ширину и длину; воздухъ и свѣтъ входили въ эту каморку сквозь отверзтie величиною въ кирпичъ, дверь ея выходила въ дурноосвѣщенный корридоръ, всю мебель составляли грязная и вонючая лохань и тюфякъ, который днемъ убирался; не было даже скамейки, на которой можно бы было сѣсть! Всѣ увѣренiя несчастной въ невинности, всѣ объясненiя ея, всѣ клятвы оставались тщетными. — Сознайтесь! кричалъ слѣдственный судья.—Сознайтесь! кричалъ генеральный прокуроръ.—Сознайтесь! кричалъ тюремщикъ.—Сознайтесь! кричалъ шпiонъ, или вы навсегда останетесь въ этой черной дырѣ! Допросы были обращены въ угрозы, на бѣдную женщину надѣвали рубашку сумасшедшихъ (camisole de force), страдалица гасла съ каждымъ днемъ, она чувствовала, что дитя, которое она носила, умирало. Внѣ себя, въ отчаянiи, она сдѣлала попытку къ самоубiйству; это было сочтено новымъ доказательствомъ ея преступленiя.

Тогда она рѣшилась объявить себя виновной, чтобы ее осудили на смерть, ей хотѣлось только спасти прежде свое дитя и мужа, также сидѣвшаго въ тюрьмѣ. Ее вывели изъ тюрьмы, перевели въ другое отдѣленіе, но было слишкомъ поздно: она родила мертваго ребенка.

Въ тѣ минуты, когда ее оставили въ покоѣ и не допрашивали, она сидѣла неподвижно, какъ статуя, устремивъ глаза въ землю и скрестивъ руки на груди. Если бы кто взглянулъ въ это время на ея безстрастныя черты, принялъ бы ее за мученицу, изваянную изъ камня. Но чуть только къ ней обращались съ вопросомъ, она порывисто вставала, приходила въ волненіе, а глаза ея принимали странное, дикое, и даже гнѣвное выраженіе. Въ этомъ опять видѣли доказательство ея виновности.

Однакожъ, слишкомъ чувствительные *жюри* не приговорили ее къ смертной казни, какъ того требовалъ суровый генеральный прокуроръ. Жюри нашли въ преступленіи отцеубійства смягчающія обстоятельства и были такъ добры, что присудили ее только къ вѣчной каторжной работѣ.

Въ это время были случайно пойманы двое убійцъ; сознаваясь въ разныхъ своихъ преступленіяхъ, они, между прочимъ, признались, что умертвили и отца Розаліи. Что касается до его дочери, осужденной на каторгу, то они не знали ее и никогда въ глаза не видѣли.

Пришлось суду отмѣнять свой первый приговоръ. По крайней мѣрѣ, наши юристы выразили ли сожалѣніе въ томъ, что они ошиблись и осудили невинную жертву? Ни чуть не бывало. Господинъ генеральный прокуроръ снова произнесъ весьма суровую и весьма цвѣтистую рѣчь, въ которой старался прежде всего доказать, что убитый отецъ Розаліи былъ, во время своей жизни, очень непріятнымъ человѣкомъ. Изъ этого натурально слѣдовало, что дочь ненавидѣла его и было еще натуральнѣе, что она могла возымѣть мысль о его убійствѣ. И такъ—заключилъ онъ—Розалія была отцеубійцею по намѣренію. И такъ, она была виновна въ *зародышѣ преступленія* (грубый намекъ на беременность несчастной женщины!).

Эта послѣдняя черта юридическаго краснорѣчія и тонкости возмутила французскую публику и во всѣхъ мѣстахъ Франціи начали собирать подписку въ пользу этой жертвы секретнаго тюремнаго заключенія. Бѣдной женщинѣ дали нѣсколько тысячь франковъ, но дитя ея осталось мертвымъ.

Times не замедлилъ сдѣлать свои замѣчанія по поводу этого случая

IV

КЛЕРИКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Партія клерикаловъ сдѣлала необыкновенные успѣхи на поприщѣ своей пастырской пропаганды, достойные временъ Іоанны д'Аркъ.

Циркулярнымъ письмомъ отъ 13 марта, тулузскій архіепископъ, Florian Desprêtz, объявляетъ полную индульгенцію всѣмъ, кто приметъ участіе въ юбилеѣ, который долженъ былъ праздноваться 18 мая всенародною процессіею въ честь убіенія гугенотовъ тулузскими католиками во время религіозныхъ войнъ. Министръ исповѣданій запретилъ это торжество, и архіепископъ считаетъ себя оскорбленнымъ.

Такъ какъ гора не идетъ къ Магомету, то Магометъ пойдетъ къ горѣ. Если миряне предпочитаютъ сидѣть въ шинкахъ за бутылкою пива и съ трубкою въ рукахъ, вмѣсто того, чтобъ посѣщать капеллы, то духовенство, съ своей стороны, заботящееся о благѣ своей паствы, готово устроить капеллы въ шинкахъ. Въ Лиллѣ, напримѣръ, подлѣ домовъ, посвященныхъ разнымъ святымъ, іезуиты основали кафе, во имя Лойолы. Въ этомъ кафе насчитываютъ болѣе шестидесяти билліардовъ. По вечерамъ тамъ играютъ, поютъ, курятъ и молятся дѣвѣ Маріи. Въ бель-этажѣ устроена зала для спектакля и тамъ же находится капелла, посвященная св. Игнатію. Кружки, ложки и бутылки отмѣчены клеймомъ іезуитскаго ордена. Павелъ и Августинъ, что̀ бы вы подумали о такомъ неокатолицизмѣ! А вы древніе мученики, подвергавшіеся смерти за свои вѣрованія въ колизеѣ и на площадяхъ, что̀ бы вы сказали объ этомъ благочестіи, возбуждаемомъ билліардами!

Извѣстно, что во Франціи духовенство устроиваетъ безчисленное множество лотерей для постройки капеллъ, базиликъ, для служенія молебновъ и т. п. Главные выигрыши простираются отъ 50 до 100 тысячь франковъ, прочіе заключаются въ отслуженіи обѣдень и молебновъ или въ отпущеніи грѣховъ. Послѣдніе выпадаютъ на долю всякаго взявшаго билетъ, и которому не удалось получить большого выигрыша.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ лотерей, на которую разрѣшеніе испрашивалось въ этомъ году у министра внутреннихъ дѣлъ, есть лотерея шарруская. Задача состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ выпуска лотерейныхъ билетовъ собрать капиталъ въ 500,000 франковъ, изъ которыхъ въ видѣ выигрышей уступлено будетъ публикѣ сумма въ 125,000. Остальныя 375,000 франковъ назначаются для благотворительнаго предпріятія.

Это предпріятіе заключается въ постройкѣ часовни въ Шарру, въ департаментѣ Віенны. Древнее аббатство Шарру, говорятъ, основано было въ 783 году Карломъ Великимъ. Этотъ императоръ даровалъ ему и деньги, и земли, и разные доходы, и мощи.

Берите же билеты, господа, берите билеты, mesdames! Вы можете выиграть 100,000 франковъ за одинъ франкъ и получить индульгенціи даромъ!

Годъ тому назадъ, Гиберъ, архіепископъ турскій, открылъ въ какомъ-то подземельѣ гробницу св. Мартина, или лучше сказать, мѣсто, гдѣ, какъ полагаютъ, прежде лежалъ этотъ святой. Архіепископъ составилъ проектъ выстроить на этомъ мѣстѣ соборную церковь. Съ этой цѣлью предполагалось уничтожить одну улицу, сломать одинъ кварталъ. Предпріятіе это должно было обойдтись въ три или четыре милліона, но за то сколько слѣдовало ожидать благословеній и сколько отпущеній грѣховъ!

Муниципальный совѣтъ одобрилъ этотъ проектъ. Надо замѣтить, что въ Турѣ общественные сборы совершаются легко. Турень всегда была страною богатою. Ни днемъ, ни ночью вы не встрѣтите тамъ нищаго; школы не имѣютъ недостатка въ учащихся; а общественная вспомогательная касса всегда наполнена до края. Поэтому за одобреніе проекта архіепископа Гибера муниципальному совѣту обѣщанъ былъ милльончикъ.

Замѣчено, что судебные списки 1861 года и первой трети 1862-го наполнены процессами духовныхъ лицъ, обвиненныхъ частію въ захватѣ наслѣдства, частію въ похищеніи малолѣтнихъ, частію въ насиліяхъ и покушеніяхъ на стыдливость взрослыхъ и дѣтей. Послѣ пораженія Гарибальди нѣтъ болѣе рѣчи объ этихъ постыдныхъ процес-

сахъ; только изрѣдка приводится въ наши суды какой-нибудь алчный священникъ или какой-нибудь развратный монахъ.

Откуда такая внезапная перемѣна?

Мы не рѣшаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Префектъ савойскій запретилъ въ своемъ маленькомъ государствѣ продавать простымъ сельскимъ жителямъ переводы библіи; довольно съ нихъ и латинскихъ!

Жакъ Лефренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Общественная самодѣятельность среди бездѣятельности; отчего у насъ нѣтъ людей способныхъ?—оттого что мы—*народъ будущаго*. — Замѣтка изъ исторіи нашего законодательства. — Начало постоянныхъ законодательныхъ работъ. — Ихъ результаты. — Лиризмъ нашей эпохи. — Центральность и частныя попытки. — Совѣщательность съ обществомъ по законодательной части.—Запросы чиновникамъ.—Посторонніе проекты. — Литература.—Разрѣшеніе главныхъ вопросовъ.—Проекты для преобразованія судебной части.—Способъ ихъ составленія.—Элементы иностраннаго законодательства.—Практическая сторона дѣла.—Историческія записки. — Собраніе государственной канцеляріи и юристовъ. — Особая коммисія и ея обращеніе къ частнымъ лицамъ.—О раздѣленіи имперіи на судебные округи.—Руководительныя свѣденія по этой части. — Значеніе статистики и отчетовъ. — Могущія быть ошибки при развитіи «Основныхъ Положеній».—О совпадаемости административнаго раздѣленія имперіи съ судебнымъ.—Встрѣчающіяся при этомъ неудобства. — Судопроизводство должно требовать наименьшихъ денежныхъ издержекъ.

Начиная новый годъ, котораго судьба еще темна для насъ, намъ не мѣшало бы обратиться къ своему прошлому и откровенно спросить себя: что же мы сдѣлали путнаго въ своей жизни? Какъ воспользовались данными намъ силами и на что годное употребили ихъ? Земля наша, какъ это извѣстно со временъ Рюрика, широка и обильна; людей у насъ много; дѣла подъ руками бездна; мы нуждаемся во всемъ, и въ умственномъ образованіи, и въ матеріальныхъ удобствахъ; намъ необходимы и пути сообщенія, и агрономическое знаніе; намъ нужны деньги и промышленная дѣятельность, правда въ судахъ и честность въ общественныхъ предпріятіяхъ; мы тяготимся семейнымъ деспотизмомъ и страдаемъ мѣстною болѣзнію самодурства; слѣдовательно намъ есть что дѣлать и передѣлывать; у насъ достало бы и рукъ и головъ для успѣшной работы. Но что

же мы дѣйствительно сдѣлали за прошлый годъ для своего благосостоянія? Гдѣ плоды того честнаго и умнаго народнаго труда, котораго итогъ можно было бы выразить не прѣсной патріотической фразой, а положительной цифрой? Пусть каждый изъ насъ по совѣсти скажетъ—что хорошаго онъ внесъ въ общую сумму нашихъ умственныхъ и матеріальныхъ пріобрѣтеній? На что мы можемъ указать съ справедливою гордостію и сознаніемъ своего національнаго генія? Англичанинъ покажетъ на огромный результатъ его дѣятельности по таблицамъ всемірной выставки и увѣритъ насъ, что онъ трудолюбивъ и богатъ. Нѣмецъ представитъ намъ множество земледѣльческихъ улучшеній и флегматически отвѣтитъ: поля и виноградники мои превосходно воздѣланы, семейство сыто и одѣто, въ обществѣ нѣтъ ни отвратительнаго пьянства, ни наглаго воровства. Даже французъ можетъ похвалиться нѣкоторыми предпріятіями внѣшней промышленности и внутренней торговли. Но что же мы,—мы, какъ общество и народъ, сдѣлали путнаго среди нашей невыносимой трескотни словъ о прогрессѣ и среди безплодныхъ криковъ о нашихъ какихъ-то исполинскихъ силахъ? Гдѣ же дѣло-то, настоящее, серьезное дѣло? Прежде покажите его, а потомъ уже и упрекайте насъ въ крайности отрицанія и въ желаніи забѣгать слишкомъ впередъ. Многіе привыкли возлагать всѣ свои надежды на литературу, считая ее единственной отдушиной, чрезъ которую проходитъ внутренній жаръ нашихъ жизненныхъ силъ и порывовъ. Но чѣмъ же она занималась въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ? Бѣдная, жалкая литература! Сами же писатели, въ родѣ Аскоченскаго, Павлова и Каткова, едва не отправили тебя на съѣзжую вмѣстѣ съ сумасшедшими поджигателями разнаго торговаго хлама. Литература, съ которой соединяются наши лучшія воспоминанія, унизилась до сплетни и доноса, и гдѣ полиція вела себя прилично, тамъ журналистика клеветала и занималась поимкой и преслѣдованіемъ разныхъ воришекъ. «Забвенія, дайте полнаго забвенія прошлаго,» должны повторить въ одинъ голосъ господа литераторы, не потерявшіе память о своихъ подвигахъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «Современной Лѣтописи», «Русскомъ Вѣстникѣ» и tutti quanti. Конечно, мы забываемъ все по своему полнѣйшему равнодушію къ себѣ же самимъ, но едвали можно забыть тѣ минуты, которыя мы пережили отъ нашей лѣтней журналистики за прошлый годъ.

Ну, а дальше чѣмъ мы особеннымъ отличились? Ужъ не акціонерными ли обществами, или сельско-хозяйственными выставками? Ужъ не самодѣятельностію ли среди полной бездѣятельности? Ужъ не успѣхами ли грамотности и гражданской доблести? «Но что же мы будемъ дѣлать, когда у насъ нѣтъ способныхъ людей для осуществленія начинаемыхъ реформъ», говорятъ наши наивные прогрессисты. Людей даровитыхъ и рыцарски-честныхъ—у насъ мало, да мы вообще и не очень любимъ ихъ; но откуда же взять ихъ? Они не ростутъ, какъ рѣпа и капуста на огородахъ; ихъ не воспитаешь статьями Громеки или Страхова и циркулярными посланіями такихъ ораторовъ, какъ Тертій Филиповъ или Леонтьевъ? Способныхъ и честныхъ людей подготовляетъ самая жизнь, обставленная такими соціальными условіями, которыя содѣйствовали бы ихъ свободному развитію; а мы что же дѣлаемъ для этого? Пописываемъ разныя книжки, стишки и повѣсти, и думаемъ, что вотъ ими-то мы и понадѣлаемъ тьму тьмущую геніальныхъ людей. Будьте увѣрены, что явятся и люди, и дѣятельность; та же тощая почва откроетъ свои сокровища, та же жизнь взглянетъ на насъ бодрѣе, принесетъ намъ не вражду и уныніе, а миръ и счастіе, если только мы будемъ меньше надѣяться на судьбу, а возьмемся за дѣло какъ слѣдуетъ порядочному обществу. Вѣдь мы не даромъ же считаемъ за собой тысячу лѣтъ quasi - историческаго существованія! Но мы — «народъ будущаго», распѣваютъ на разные лады наши умилительные оптимисты, и тѣмъ несказанно услаждаютъ свое крошечное самолюбіе. Конечно мы народъ будущаго. И малосольнымъ огурцамъ нельзя отказать въ будущемъ, если принять во вниманіе, что изъ малосольныхъ они современемъ дѣлаются совершенно солеными. Да кто же изъ дѣловыхъ людей, изъ людей любящихъ и уважающихъ себя, занимается будущимъ насчетъ своего настоящаго? Кто считаетъ яицы, не купивъ себѣ курицы? Положимъ, что наше будущее станетъ превыше облакъ небесныхъ, но какая же намъ-то изъ того польза? Да и то надо замѣтить, что хорошее будущее вытекаетъ изъ недурнаго прошлаго и настоящаго. Одно поколѣніе передаетъ свой трудъ другому; а это продолжаетъ его, и въ свою очередь завѣщаетъ дальнѣйшему преемнику. Но что же мы-то оставимъ грядущимъ временамъ и нашимъ дѣтямъ? Развѣ водопроводную башню и замѣчательныя лѣтописи нашего винного откупа! Нѣтъ, —

господа оптимисты, перестанемъ услаждать себя разными надеждами, а обратимся къ тому, что имѣемъ въ настоящемъ. Только нищіе и бѣдняки мечтаютъ о предстоящемъ богатствѣ . . . .

И такъ поговоримъ на этотъ разъ о судебныхъ преобразованіяхъ, составляющихъ одну изъ самыхъ насущныхъ потребностей нашей общественной жизни.

Не вдаваясь въ обзоръ отдаленной исторіи нашего законодательства, замѣтимъ, что постоянная и сосредоточенная разработка какъ общихъ, такъ и частныхъ вопросовъ по нашему законодательству началась съ учрежденія Второго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи; до той же поры занятія этою едва ли не самою важнѣйшею государственною потребностію имѣли характеръ только временныхъ трудовъ; потому что составленіе общихъ и частныхъ узаконеній поручалось до упомянутой поры разнымъ законодательнымъ коммиссіямъ, постоянно смѣнявшимъ одна другую.

Первымъ результатомъ трудовъ втораго отдѣленія было, какъ извѣстно, уложеніе о наказаніяхъ, дѣйствующее съ 1845 года. Между тѣмъ еще въ 1843 году второе отдѣленіе потребовало черезъ министерство юстиціи замѣчанія отъ всѣхъ губернскихъ прокуроровъ и отъ всѣхъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ на дѣйствующіе законы гражданскаго права и судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, а также приступило къ составленію сборника рѣшеній со времени изданія свода законовъ.

Добавимъ къ этому, что еще и прежде 1845 года, предпринимались общія улучшенія, а слѣдовательно и преобразованія, по нашему уголовному судопроизводству. Но первоначальные приступы къ этому труду убѣждали тогдашнихъ дѣятелей по этой части, что отдѣльное исполненіе подобнаго труда едва ли было возможно и даже едва ли было удобно прежде преобразованія нашего уголовнаго права и смягченія необходимой строгости уголовнаго законодательства, перешедшаго къ намъ въ наслѣдіе отъ времени, все болѣе и болѣе расходившагося въ понятіяхъ и обычаяхъ съ позднѣйшей эпохой. Отживали свое время понятія и обычаи, отживало вмѣстѣ съ ними свою пору и уголовное законодательство.

Еще въ 1848 году второе отдѣленіе обработало вчернѣ первоначальный проектъ устава уголовнаго судопроизводства.

Факты же какъ мы полагаемъ не должны быть потеряны изъ виду какъ будущими историками нашего законодательства, такъ и тѣми изъ современныхъ нашихъ публицистовъ, которые, въ лирическомъ восторгѣ отъ современнаго прогресса Россіи приписываютъ все одной настоящей порѣ, не зная или забывая, о томъ, что можетъ представить въ настоящемъ свѣтѣ многія изъ совершающихся у насъ преобразованій.

Какъ ни бѣдно было наше общество выдвинувшимися впередъ отдѣльными дѣятелями и мыслителями, какъ ни ничтожны во многихъ случаяхъ напрягавшіяся въ раздробъ его силы, тѣмъ не менѣе однако время отъ времени вѣяло изъ него многимъ хорошимъ на разныя условія нашего быта, не исключая и юридическаго. И въ былое время случалось, что прежде чѣмъ разныя центральныя администраціи вникали въ положеніе многихъ административныхъ распорядковъ и въ особенности юридическихъ вопросовъ, неудобства и тѣхъ и другихъ чувствовались на мѣстѣ и тамъ старались по мѣрѣ силъ устранить ихъ, такъ что въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко частное мнѣніе забѣгало впередъ сравнительно съ центральною администраціею. Безъ всякаго сомнѣнія въ дѣлахъ министерствъ и главныхъ управленій найдется и за прежнее время не мало возбужденныхъ на мѣстѣ вопросовъ, быть можетъ и оставшихся безотвѣтными, но тѣмъ не менѣе представляемыхъ на благоусмотрѣніе разныхъ учрежденій. Всматриваясь такимъ образомъ въ дѣло безпристрастно, было бы несправедливо отнести все къ одной только извѣстной эпохѣ; подготовители юридическихъ преобразованій и улучшеній были всегда въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ разныхъ сферахъ и въ разное время. Изъ притока отдѣльныхъ умственныхъ силъ, правда крѣпко-сдержанныхъ, образовывались постепенно будущіе матеріалы, а въ отдѣльныхъ заявленіяхъ обрисовывались общія потребности реформъ и нововведеній. Короче какъ бы мы высоко ни ставили одну центральную производительность, все же она, уже по этому недостатку потребныхъ ей извнѣ матеріаловъ и по своей уединенности, должна была бы часто прекращать свою дѣятельность и останавливаться въ недоумѣніи, если бы она не поддерживалась указаніями извнѣ. Такимъ образомъ, приписывая все одному Петербургу, мы впадали бы, какъ кажется, въ большую ошибку. Какъ, по видимому, ни слаба офиціально-умственная жизнь нашихъ провинцій, во всякомъ случаѣ послѣднія своими отголосками

принесли много полезныхъ вкладовъ въ наши законодательныя хартіи, конечно, не безъ примѣси разныхъ неподходимостей подъ складъ правильнаго смысла.

Разовьемъ нашу мысль.

Выше мы указали на запросы, сдѣланные отъ втораго отдѣленія провинціальнымъ прокурорамъ и предсѣдателямъ. Какимъ же однако образомъ лица эти могли составить общій взглядъ на предложенные имъ запросы, если къ нимъ обратились какъ къ людямъ практическимъ. Естественно, что при разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ вообще, а тѣмъ болѣе вопросовъ по части уголовной, въ которой обычаи и понятія народа имѣютъ такое неоспоримо громадное значеніе, спрошенные чиновники, если только они были люди не лишенные здраваго смысла, должны были непремѣнно опереться на понятія, обычаи и даже отчасти на теоретическія воззрѣнія тѣхъ, до кого касаются эти законы. Слѣдовательно, если мы при подобномъ ходѣ юридическихъ работъ видимъ уклоненія нашего законодательства отъ многихъ непримѣнимыхъ началъ и ошибочныхъ частностей, то едва ли не вѣрнѣе будетъ отнести все это къ тому, что до составлявшихъ общіе законодательные проекты дошолъ отголосокъ понятій, господствовавшихъ въ томъ или другомъ слоѣ нашего общества, и что понятія эти были взвѣшаны съ должнымъ вниманіемъ.

Но говоря о такихъ счастливыхъ случайностяхъ, надобно однако замѣтить, что вообще послѣ уложенія составленнаго при участіи земскаго собора, наши законодательныя работы имѣли характеръ отрѣшенности отъ совѣщательности и носили на себѣ отпечатокъ и всѣ недостатки одиночной работы, идущей очень часто въ разрѣзъ общественнымъ понятіямъ и нуждамъ. Правда мы видѣли, что по вопросамъ законодательнымъ требовалась въ 1843 году замѣчанія отъ служащихъ юристовъ, но на эти замѣчанія не обратили должнаго вниманія и они остались безъ всякаго вліянія на законодательство. Очень естественно, что спрашиваемое чиновничество, даже при предполагаемомъ въ немъ юридическомъ тактѣ не могло по многимъ причинамъ дать откровенныхъ, а слѣдовательно и справедливыхъ отзывовъ. Одни изъ служащихъ въ отмѣнѣ старыхъ узаконеній видѣли поворотъ судебной части съ издавно-протоптанной дороги; они боялись, что при новомъ порядкѣ ихъ самихъ чего добраго не признаютъ способными къ занимаемымъ ими должностямъ и

замѣнятъ ихъ людьми, воспитанными на новый ладъ. Но боязнь составляла и составляетъ постоянно неотъемлемое свойство людей рутинныхъ, свыкшихся съ извѣстнымъ порядкомъ дѣлъ.

Кромѣ того отозваться съ прямотою о неумѣстности того и другаго учрежденія мѣшала спрошеннымъ чиновникамъ офиціальная *добросовѣстность*. Не всякій, обсѣдѣвшійся на мѣстѣ председатель или прокуроръ могъ рѣшиться заговорить о непримѣняемости или несообразности существующихъ законовъ, когда изъ подъ рукъ того или другаго, въ теченіи долгаго времени, выходили дѣла, рѣшаемыя по обычному юридическому смыслу. Такая отвага въ отрицаніи прошедшаго должна была безъ всякаго сомнѣнія казаться многимъ несообразностію и отступничествомъ отъ всей прежней служебной дѣятельности.

Второй способъ большаго развитія нашихъ законодательныхъ вопросовъ состоялъ въ разрѣшеніи доставлять проэкты по извѣстнымъ отраслямъ нѣкоторыхъ управленій надлежащимъ вѣдомствамъ. Конечно такое обращеніе къ лицамъ посторонпимъ, болѣе независимымъ въ изложеніи своихъ мнѣній и несвязанныхъ личными интересами съ законодательнымъ или административнымъ порядкомъ, могъ бы доставлять центральному законодательному учрежденію такіе матеріалы, которые обезпечивали бы практическое примѣненіе трудовъ этого учрежденія; но и въ подобной разработкѣ законодательныхъ вопросовъ неизбѣжно должно встрѣчаться одно весьма важное неудобство, — а именно односторонность выводовъ изъ различныхъ заявленій и слишкомъ натянутый ихъ подводъ подъ одинъ общій взглядъ на всю систему администраціи и юридиксціи. Кромѣ того, многіе, по самолюбію, какъ кажется довольно извинительному, не желаютъ отдавать свои труды въ чужое распоряженіе, необусловленное даже возможностію защищать ихъ отъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы противъ нихъ. Такимъ образомъ и подобная совѣщательность съ общественнымъ мнѣніемъ по законодательнымъ вопросамъ не можетъ принести большой пользы.

Наконецъ, возможность обсуждать нѣкоторыя законодательныя предположнеія въ печати должно до нѣкоторой степени всего успѣшнѣе сближать послѣднія съ дѣйствительными потребностями жизни; но при этомъ разрозненность статей препятствуетъ во многихъ случаяхъ полной и отчетливой обработкѣ юридическихъ вопросовъ.

Возвращаясь къ прошедшему, скажемъ, что въ 1849 году Второе отдѣленіе собственной канцеляріи Его Величества признано необходимымъ разрѣшить прежое всего вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли составить полный проэктъ судопроизводства гражданскаго или же ограничиться нѣкоторыми частными исправленіями.

Графъ Блудовъ, главноуправлявшій въ то время этимъ отдѣленіемъ, представилъ по этому вопросу свои соображенія императору Николаю I, который приказалъ, чтобы, не ограничиваясь отдѣльными исправленіями нѣкоторыхъ правилъ судопроизводства гражданскаго, составить полный проэктъ новаго устава.

Для примѣненія и разрѣшенія этого же самаго вопроса относительно уголовнаго законодательства былъ учрежденъ въ 1850 году особый комитетъ, который призналъ, что всякое частное измѣненіе законовъ уголовнаго судопроизводства не только неудобно, но и не возможно.

Послѣ такого разрѣшенія главныхъ вопросовъ Второе Отдѣленіе приступило къ разработкѣ всѣхъ проэктовъ, относящихся до преобразованія судебной части и вносило ихъ по мѣрѣ изготовленія въ государственный совѣтъ. Цѣлый рядъ этихъ проэктовъ, въ общей ихъ совокупности, служитъ основаніемъ настоящихъ предположеній о преобразованіи судебной части. Такимъ образомъ въ государственный совѣтъ съ 1857 года и по настоящее время внесены были слѣдующіе проэкты, относящіеся до преобразованія у насъ судебной части:

I. *По гражданскому судопроизводству.*

1) Проэктъ устава гражданскаго судопроизводства;

2) О производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ.

3) О производствѣ взысканій по безпорнымъ актамъ объ обязательствахъ.

4) О производствѣ гражданскихъ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ.

5) О примирительномъ разбирательствѣ.

6) О судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ.

7) Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ.
8) О судебныхъ издержкахъ.

II. По уголовному судопроизводству.

9) Проэктъ устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ.
10) О производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ въ судахъ мировыхъ.
11) Объ издержкахъ при производствѣ дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ.
12) Объ особыхъ родахъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ.

III. По судопроизводству.

13) Проэктъ положенія о судопроизводствѣ.
14) Положенія о присяжныхъ, стряпчихъ или повѣренныхъ.

Кромѣ того Второе Отдѣленіе приступило къ составленію проэктовъ 1) о нотаріальной части и 2) о несостоятельности лицъ торговаго званія и о гражданскихъ коммиссіяхъ.

Мы не можемъ сказать, въ какомъ размѣрѣ и какимъ образомъ вводились во всѣ эти проекты какъ главныя основанія, такъ и нѣкоторыя частности изъ коренного нашего быта, и въ какой мѣрѣ проэкты эти сближаются съ западнымъ законодательствомъ, представляющимъ для насъ такъ много образцовъ, хотя и выработанныхъ относительно насъ на чужой почвѣ.

Впрочемъ мы думаемъ, что такая пересадка чужого на родную нашу землю,—пересадка примѣнимая, на сколько это возможно къ нашимъ понятіямъ и отчасти даже къ юридическимъ нашимъ обычаямъ, не можетъ отнимать истиннаго достоинства у теперешнихъ юридическихъ нововведеній въ основной ихъ сущности. Въ области законодательства установилось уже много такихъ общихъ теоретическихъ началъ, общую пользу которыхъ доказала наука; для введенія этихъ началъ въ наше законодательство нужны были конечно указанія образованныхъ юристовъ, и мы думаемъ что въ настоящее время не могъ встрѣтиться въ средѣ нашего столичнаго и даже отчасти провинціальнаго чиновничества недостатокъ въ подобныхъ людяхъ, такъ что

теоретическая часть новыхъ законоположеній могла быть разработана съ полнымъ успѣхомъ.

Совсѣмъ другія требованія представляетъ разработка этого дѣла съ фактической точки зрѣнія; для удовлетворенія этихъ требованій были разосланы печатные экземпляры проекта къ лицамъ, знакомымъ съ этимъ дѣломъ по своимъ занятіямъ. Вслѣдствіе этого, было получено много практическихъ замѣчаній, и составленные изъ нихъ своды были напечатаны и разосланы ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта.

Съ этого времени въ государственномъ совѣтѣ принятъ такой же порядокъ для разсмотрѣнія всѣхъ дополнительныхъ проектовъ Втораго Отдѣленія, относившихся до преобразованія судебной части. Всѣ они черезъ министерство юстиціи разсылались къ опытнымъ юристамъ и изъ доставленныхъ послѣдними замѣчаній составлялись своды, которые и предлагались къ разсмотрѣнію соединеннымъ департаментамъ, вмѣстѣ съ проектами.

Въ 1860 году соединенные департаменты государственнаго совѣта приступили какъ къ обсужденію дополнительныхъ проектовъ Втораго Отдѣленія, такъ и къ разсмотрѣнію всѣхъ замѣчаній, доставленныхъ на проектъ судопроизводства гражданскаго, а также и на другіе проекты. Однако, по случаю разсмотрѣнія проектовъ объ улучшеніи Земской полиціи и объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей и потомъ по случаю разсмотрѣнія положеній по крестьянскому дѣлу, работы эти были пріостановлены, и за тѣмъ же возобновились опять въ мартѣ 1861 года.

Между тѣмъ, по высочайшей волѣ, государственная канцелярія, при участіи вызванныхъ ею юристовъ, составила историческую записку объ основныхъ началахъ судопроизводства и судоустройства гражданскаго и уголовнаго. Матеріалы для этой записки были извлечены канцеляріею изъ проектовъ, составленныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ собственной канцеляріи его величества.

Кромѣ того, предсѣдательствующимъ въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, княземъ Гагаринымъ признано было необходимымъ, чтобы при составленіи свода изъ упомянутыхъ началъ, были въ общихъ чертахъ изложены собственныя соображенія государственной канцеляріи, а также и соображенія прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ законодательства, несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время на-

укою и опытомъ европейскихъ государствъ и по которымъ должна быть преобразована судебная часть въ Россіи.

Вслѣдствіе этого, государственною канцеляріею, при участіи вызванныхъ по высочайшему повелѣнію юристовъ, составлены соображенія, изложенныя въ особыхъ запискахъ: 1) объ основныхъ началахъ гражданскаго судопроизводства; 2) объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства; 3) объ основныхъ началахъ судоустройства 4) объ особыхъ родахъ уголовнаго судопроизводства; 5) о переводныхъ штатахъ существующаго нынѣ судебнаго порядка по порядку новому; 6) о числѣ и штатахъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Дѣло это во всей его подробности разсматривалось въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ въ теченіе апрѣля, мая, іюня и іюля мѣсяцевъ 1862 года. Работѣ этой было посвящено шестнадцать засѣданій.

Между тѣмъ, для составленія подробныхъ уставовъ по судопроизводству и судоустройству гражданскому и уголовному, учреждена при государственной канцеляріи особая коммиссія; коммиссія эта съ своей стороны сочла нужнымъ обратиться къ лицамъ, которыя, какъ можно предполагать, по своимъ занятіямъ болѣе или менѣе знакомы съ этимъ дѣломъ, съ приглашеніемъ доставить свои соображенія относительно развитія «Основныхъ Положеній».

Прежде мы имѣли уже случай замѣтить объ удобствахъ и нѣкоторыхъ невыгодахъ такой обработки законодательныхъ вопросовъ; слѣдовательно говорить здѣсь объ этомъ же предметѣ было бы лишнимъ.

При вопросѣ объ устройствѣ нашихъ судовъ, нѣкоторые изъ занимающихся этимъ вопросомъ придаютъ, повидимому, особенную, и, какъ мы полагаемъ, едва ли не излишнюю важность разработкѣ статистическихъ свѣденій о настоящемъ состояніи судебной части въ Россіи. Пожалуй, что съ перваго взгляда можетъ показаться несомнѣннымъ, что при вопросѣ о раздѣленіи имперіи на судебные округи статистическія свѣденія должны имѣть огромное значеніе; но это далеко-несправедливо, по двумъ причинамъ: во первыхъ тѣ, которые знаютъ всю шаткость и всю неполноту статистическихъ свѣденій всевозможныхъ родовъ, собиравшихся у насъ донынѣ, легко поймутъ, какъ далека будетъ отъ истины приблизительность, основанная на этихъ свѣденіяхъ. Во вторыхъ, здѣсь упускается изъ виду еще одно весьма важное обстоятельство, подтверждающее, по нашему мнѣнію, всю необходимость подобныхъ свѣденій, а именно: какъ бы ни

вѣрна была наша общая статистика и какъ ни были точны статистическія свѣдѣнія по юридической части, находящіяся въ отчетахъ министерства юстиціи, все же они вообще не могутъ служить руководительными данными для примѣненія сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ къ устройству судебной части на новыхъ основаніяхъ. Строя органы новой юрисдикціи на соображеніи указаній за прежнее время, можно, какъ нельзя болѣе, отдалиться отъ дѣйствительной потребности. Высоко цѣня вообще выгоды науки и еще болѣе ихъ практическое примѣненіе къ разнымъ государственнымъ учрежденіямъ, мы однако въ настоящемъ случаѣ не только отвергаемъ ихъ пользу, но и видимъ даже въ такой работѣ прямую дорогу къ ошибкамъ, такъ что въ виду всѣхъ несообразностей мы подобной обработкѣ дѣла предпочитаемъ глубоко-обдуманныя теоретическія соображенія.

Объяснимъ мысль нашу на первый разъ только двумя общими положеніями, хотя мы можемъ представить ихъ гораздо болѣе, не говоря уже о томъ, что каждое изъ нихъ весьма легко развивается во множествѣ различныхъ частностей.

Какая, спросимъ мы, одна изъ главныхъ цѣлей новаго судебнаго порядка?—Конечно скажутъ—преобразованіе, реформа, измѣненіе прежняго теченія судебныхъ дѣлъ. Согласны, если эти измѣненія не останутся одной только поверхностной формальностію, то они должны войти въ практическую, обыденную жизнь народа и отозваться, если такъ выразиться, на степени его участія въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ степень этого народнаго участія будетъ опредѣляться—во первыхъ числомъ обращеній къ судамъ новой системы, и во вторыхъ, числомъ лицъ, вѣдавшихся въ этихъ судахъ. Первое число должно опредѣлиться числомъ дѣлъ, жалобъ, апеляцій и т. д., второе—числомъ лицъ, вызванныхъ вообще къ суду, а также обвиненныхъ или оправданныхъ имъ. Но упомянутыя числа, при старомъ и при новомъ порядкѣ, едва ли будутъ имѣть между собою какую нибудь тождественность.

Далѣе извѣстно, что въ настоящее время съ одной стороны недовѣріе общества, въ особенности же низшихъ его слоевъ къ родной юрисдикціи задерживаетъ весьма много случаевъ возникновенія исковыхъ и тяжебныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что законодательныя наши реформы, въ числѣ своихъ основныхъ стремленій, имѣютъ также и стремленіе внушить народу довѣріе ко всѣмъ возникающимъ у насъ судебнымъ учрежденіямъ. Слѣ-

довательно, если рѣшеніе самаго важнаго вопроса касательно раздѣленія имперіи на судебные округи, при новомъ юридическомъ порядкѣ, будетъ произведено на основаніи статистическихъ данныхъ о приливѣ дѣлъ въ судебныя мѣста при настоящемъ порядкѣ, то это приведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что судебныхъ дѣлъ въ обоихъ данныхъ случаяхъ будетъ мало; потому что если судебная реформа наша будетъ удачна, то она конечно увеличитъ довѣріе населенія къ суду, и слѣдовательно умножитъ и случаи по обращенію къ судилищамъ, такъ что настоящая форма этихъ свѣденій не послужитъ никакою основою для соображеній.

Наконецъ добавимъ къ этому, что изъ дѣлъ по личнымъ и имущественнымъ интересамъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, образуется особый, весьма значительный притокъ исковъ и тяжбъ, которые, конечно, до такой степени нарушатъ нынѣшнюю общую цифру дѣлъ, поступающихъ въ судебныя учрежденія, что цифра эта не будетъ вовсе служить основаніемъ для какихъ-либо соображеній.

Что же касается численности тѣхъ лицъ, которыя будутъ имѣть дѣла въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, как подсудимые, то численность ихъ будетъ зависѣть отъ совершенно новыхъ условій; такъ, напримѣръ, уже одно ослабленіе нашей исконной прикосновенности къ дѣлу, столь сильно развитой при настоящей юрисдикціи, дастъ числовымъ свѣденіямъ въ нашей юридической статистикѣ совершенно другіе, значительно уменьшенные размѣры.

Намъ кажется также, что при осуществленіи основныхъ положеній можно впасть во многія существенныя ошибки, если территоріальное распредѣленіе судебныхъ округовъ сдѣлать совпадающимъ съ губернскими и уѣздными подраздѣленіями имперіи въ административномъ отношеніи. Послѣднее распредѣленіе, и въ отношеніи разстоянія центральныхъ пунктовъ отъ крайнихъ точекъ губернскихъ и уѣздныхъ территорій, и въ отношеніи густоты или неплотности населенія, представляетъ нынѣ, въ большей части случаевъ, множество неудобствъ, для устраненія которыхъ и было бы лучше всего воспользоваться моментомъ отдѣленія судебной власти отъ административной. Мы не знаемъ до какой степени будетъ обращено на это

обстоятельство вниманіе тѣхъ лицъ, которыя отзовутся на приглашеніе коммисіи, но полагаемъ что несовпадаемость разграниченія имперіи и въ юридическомъ, и въ административномъ отношеніи, покажется для многихъ изъ нихъ дѣломъ слишкомъ очевиднымъ, и что сообразно съ мѣстными условіями будутъ предложены болѣе удобные территоріальные распорядки.

Вотъ эти-то, т. е. мѣстныя, соображенія, основанныя на значеніи особыхъ условій каждой мѣстности, и должны, какъ кажется, послужить главною основою для распредѣленія имперіи на судебные округи и послужить съ большею пользою, чѣмъ общія статистическія данныя и свѣденія, почерпнутыя изъ нынѣшнихъ отчетовъ министерства, а также имѣющаяся уже въ виду, совсѣмъ готовая, уѣздная и губернская централизація. Сообразно съ самостоятельнымъ распредѣленіемъ имперіи въ судебномъ отношеніи, должно будетъ опредѣляться и число судовъ и судей, а также и суммы на содержаніе и тѣхъ, и другихъ. Обращеніе же за рѣшеніемъ къ этимъ вопросамъ, къ дѣламъ земскаго сбора за прошлое и настоящее время, а также къ росписямъ различныхъ казначействъ едва ли составитъ прочные матеріалы для общихъ и частныхъ соображеній по этимъ предметамъ.

Переходя затѣмъ собственно къ вопросу о территоріальномъ распредѣленіи судебныхъ учрежденій, скажемъ, что въ 45 губерніяхъ, кромѣ сибирскихъ, въ которыхъ введена будетъ судебная реформа, заключается 438 уѣздовъ. Въ каждой губерніи были слѣдующія судебныя учрежденія: палата гражданская, палата уголовная и совѣстный судъ (послѣдній былъ только въ половинѣ общаго числа губерній. Затѣмъ въ каждомъ уѣздѣ находится уѣздный судъ и магистратъ. Сюда также можно отнести полицейскія управленія и земскій судъ, которымъ принадлежитъ нынѣ право суда надъ лицами низшихъ сословій. Въ силу же предстоящихъ преобразованій всѣ эти судебныя учрежденія отчасти инстанціонныя, отчасти сословныя должны будутъ слиться въ одинъ окружной судъ, который замѣнитъ собою судъ уѣздный, магистратъ и судебное вѣдомство полицій. Такъ какъ предполагается устроить одинъ окружной судъ на три уѣзда, то при этомъ вопросъ о припискѣ округовъ къ тому или другому городу получаетъ особенное значеніе и по тѣмъ причинамъ, о которыхъ мы говорили прежде; здѣсь надобно имѣть въ виду не одно стародавнее распредѣленіе земли по

уѣздамъ, но и тѣ удобства, которыя могутъ представиться вслѣдствіе несовпаденій распредѣленія судебныхъ округовъ съ уѣздами.

Правда, что такая самостоятельность распредѣленія судебныхъ округовъ представитъ болѣе заботы, нежели простая, съ малыми исключеніями, приписка трехъ смежныхъ уѣздовъ къ одному городу, представляющему самый центральный пунктъ; но зато однажды, введенное раздѣленіе имперіи въ судебномъ отношеніи на самостоятельныхъ основаніяхъ представитъ много такихъ удобствъ, которыя не будутъ существовать при строгомъ сохраненіи настоящаго административнаго раздѣленія имперіи.

Особенное вниманіе должно обращать на себя и распредѣленіе участковъ мировыхъ судей. Опытъ показалъ, что, при образованіи посредническихъ участковъ, топографическія условія принимались въ слабое соображеніе. Неравномѣрность посредническихъ участковъ и нецентральность пунктовъ, назначенныхъ для пребыванія мировыхъ посредниковъ и для съѣздовъ послѣднихъ, весьма часто вредили въ иныхъ мѣстностяхъ успѣшному развитію посреднической дѣятельности.

Перейдемъ теперь къ внѣшнему устройству новой судебной системы. Въ каждой губерніи, вмѣсто палатъ уголовной и гражданской, будетъ одна судебная палата; есть предположеніе, чтобы для 2, 3 и даже для 4 губерній имѣть одну только общую судебную палату. Въ какой степени могутъ осуществиться всѣ эти предположенія насчетъ сокращенія числа палатъ—рѣшить трудно, если только принять въ соображеніе невыгодность топографическаго положенія большей части нашихъ губернскихъ городовъ, кромѣ ближайшихъ къ Москвѣ, и далеко еще не устроившіяся у насъ пути сообщенія. Правда, что предположенія эти основываются на принятіи въ разсчетъ содѣйствія по дѣламъ судебнымъ со стороны мировыхъ учрежденій, которыя, какъ извѣстно, будутъ рѣшать безаппеляціонно иски на сумму весьма-значительную, именно до 500 рублей, и опредѣлять безаппеляціонно взысканія за проступки, наказанія за которыя не превышаютъ дневнаго ареста, такъ что вслѣдствіе этой довольно обширной безаппеляціонности приливъ дѣлъ въ окружные суды не будетъ, какъ предполагаютъ слишкомъ значителенъ и слѣдовательно для большинства жителей не будетъ встрѣчаться частой надобности въ судебной палатѣ.

О справедливости или несправедливости этого соображенія мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь добавимъ вообще, что едва ли подобное соображеніе можетъ быть принято въ заблаговременный разсчетъ, такъ какъ значительное возникновеніе дѣлъ болѣе важныхъ, нежели дѣла, подлежащія свѣдѣнію мировой юстиціи, можетъ происходить само по себѣ и минуя вовсе мировыя учрежденія; не говоря уже о томъ, что всегда, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, будетъ встрѣчаться въ мировой юстиціи множество такихъ дѣлъ, по которымъ самый вопросъ о правѣ на аппеляцію будетъ предметомъ спорнымъ, неяснымъ.

Такимъ образомъ, самая малая численность новыхъ судебныхъ учрежденій въ имперіи можетъ дойдти до слѣдующихъ цифръ, а именно: судебныхъ палатъ будетъ 12, окружныхъ судовъ (полагая 1 на 3 уѣзда) 180, кромѣ того будетъ судебныхъ слѣдователей (они же и члены окружныхъ судовъ) 1090 и такое же число мировыхъ судей, конечно, за исключеніемъ почетныхъ. Затѣмъ, если предположить въ каждомъ окружномъ судѣ 1-го предсѣдателя, и 3-хъ совѣтниковъ (кромѣ судебныхъ слѣдователей) 2-хъ секретарей, 4-хъ судебныхъ приставовъ (исполнителей судебныхъ рѣшеній), а въ каждой палатѣ 1-го старшаго предсѣдателя, 1-го предсѣдателя, 10-ть совѣтниковъ, 3 секретаря, 4 судебныхъ приставовъ, то получится всего 1090 мировыхъ судей, 1090 судебныхъ слѣдователей, 720 членовъ окружныхъ судовъ, 360 секретарей и 720 судебныхъ приставовъ въ окружныхъ судахъ, 144 члена палатъ, 36 секретарей и 48 судебныхъ приставовъ въ палатахъ.

Разсчетъ этотъ, съ которымъ можно согласиться только приблизительно, оговоривъ притомъ малочисленность секретарей въ палатахъ и мировыхъ судей, мы заимствовали изъ газеты «Народное Богатство». Какова бы ни была новизна созидающихся у насъ судебныхъ учрежденій, но все же на первое время дѣлопроизводительная ихъ закваска останется прежняя, а именно: дѣла главнымъ образомъ все-таки будутъ ворочаться въ рукахъ секретарей. Большинство губернскихъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ доказываетъ довольно наглядно всю важность не столько присутственной, сколько канцелярской работы, и потому при всемъ нежеланіи поддерживать канцелярскій элементъ, а не коллегіальный, невозможно будетъ осла-

бить канцелярскія силы, которыя между тѣмъ будутъ всегда вялы безъ достаточнаго числа секретарей. Что же касается числа мировыхъ судей, то замѣтимъ, что въ 1-мъ нумерѣ газеты «Вѣстникъ Мировыхъ Учрежденій», прежній «Мировой Посредникъ» помѣщена численная таблица о лицахъ, служащихъ въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ этой таблицы видно, что общее число мировыхъ посредниковъ простирается до 1726, и что въ помощь имъ находится 1803 кандидата. Разница, какъ видно, весьма значительная между дѣйствительнымъ числомъ мировыхъ посредниковъ и предполагаемымъ числомъ мировыхъ судей. Конечно, въ виду этой значительной разницы, могутъ пожалуй замѣтить, что дѣятельность мировыхъ судей будетъ подкрѣпляться дѣятельностію ихъ почетныхъ сочленниковъ, и что кромѣ того мировые посредники имѣли потому только такой обширный кругъ занятій, что на ихъ обязанности лежала повѣрка и даже составленіе уставныхъ грамотъ, отъ чего будутъ освобождены мировые судьи. Противъ такого замѣчанія можно однако возразить, во первыхъ, что число почетныхъ и притомъ дѣловыхъ, а не номинальныхъ мировыхъ судей, едва ли возрастетъ когда-нибудь до такой цифры, которую представляетъ разница между дѣйствительнымъ числомъ мировыхъ посредниковъ и будущимъ числомъ мировыхъ судей и самостоятельной цифрой кандидатовъ, и во-вторыхъ, что хотя дѣйствительно къ моменту учрежденія мировой юстиціи и окончатся уже введенія уставныхъ грамотъ, но споры о точномъ соблюденіи условій вошедшихъ въ эти грамоты, а также возникающіе оттуда судебные иски и тяжбы, особенно при широкой суммѣ исковъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, доходящіе до 500 рублей, представятъ все-таки у мировыхъ судей такой приливъ занятій, который можетъ далеко перевѣсить хлопоты мировыхъ посредниковъ по уставнымъ грамотатамъ, не говоря уже объ обязательномъ разборѣ у мировыхъ судей лицъ всѣхъ званій, тогда какъ дѣятельность мировыхъ посредниковъ представляла въ этомъ отношеніи значительное ограниченіе.

Но довольствуясь даже и тѣмъ разсчетомъ, который сдѣланъ въ газетѣ «Народное Богатство», мы посмотримъ къ какимъ результатамъ приведетъ онъ по вопросу объ устройствѣ матеріальной части въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Упомянутая газета говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«При самомъ удовлетворительномъ содержаніи, т. е. мировому судьѣ отъ 1700 до 2000 рублей (кромѣ канцеляріи и разъѣздовъ), судебному слѣдователю: отъ 1500 рублей (смотря по мѣстности, гдѣ жизнь дешевле или дороже), предсѣдателю окружного суда отъ 3000 до 3500 р., совѣтнику 1500—2000 р., секретарю 900—1300, судебному приставу 400—800, старшему предсѣдателю палаты 6000—6500, предсѣдателю 5500—6000, совѣтнику 4000—4500, секретарю 1500—2000, судебному приставу 800—1000, получимъ слѣдующія цифры: 1) на мировую юстицію, (включая и канцелярскія расходы) 2,452,000 руб. 2) на судебныхъ слѣдователей (также съ присоединеніемъ канцелярскихъ расходовъ и разъѣздовъ) 1,907,000 руб.) 3) на окружные суды (также съ канцеляріями) 3,158,000 руб., 4) на судебныя палаты, 1,105,500 руб. 5) Далѣе, пособіе отъ казны нотаріусамъ губернскимъ и уѣзднымъ, полагая первыхъ 45, послѣднихъ 234 (1, на 2 уѣзда) 180,300 р., губернскому 800,—1000 уѣздному 400—800 руб.). Полагая въ верховномъ кассаціонномъ судѣ 2-хъ предсѣдателей и 20 членовъ съ жалованьемъ: членамъ — по 8000 руб., предсѣдателю 9000, старшему предсѣдателю 10,000 руб., получимъ на кассаціонный судъ съ канцеляріей 240,000 руб. 6) Полагая при каждомъ окружномъ судѣ 1-го прокурора съ жалованьемъ 3000 — 3500 рублей и отъ 2 до 3 товарищей прокуроровъ съ жалованьемъ 1200—1500 рублей, т. е. первому равное съ предсѣдателемъ, второму равное съ судебнымъ слѣдователемъ; областному прокурору—5,500—6000, товарищу его 3500—4000 руб. старшему оберъ-прокурору кассаціоннаго суда 8000, другому оберъ-прокурору 7000, семи оберъ-прокурорамъ каждому по 4,000, 14 ихъ помощникамъ по 2,500 руб., получимъ всего на прокурорскій надзоръ (180 окружныхъ прокуроровъ, 468 ихъ товарищей, 12 областныхъ прокуроровъ, 12 товарищей, 2 оберъ-прокурора, 7 оберъ-секретерой, 14 ихъ помощниковъ) 1,660,000 р., считая въ томъ числѣ и канцелярію. Такимъ образомъ весь годовой расходъ на юстицію, будетъ составлять 10,650,000 руб. Въ настоящее же время отпускается на судебныя учрежденія 45 губерній, всего 4,667,342 руб., и кромѣ того на мировыхъ посредниковъ 4,080,000 рублей.

Въ виду этихъ данныхъ можно придти къ тому заключенію, что въ настоящее время на юстицію расходуется ежегодно 8,747,000 руб. и что, слѣдовательно, приведеніе въ исполненіе всей судебной реформы потребуетъ лишнихъ два милльона рублей ежегодно. Безусловные

оптимисты могутъ пожалуй радоваться вслѣдствіе этой дешевизны самой идеи новыхъ учрежденій и ея дешевому осуществленію.

Если принять въ соображеніе, что государственные доходы, вмѣстѣ съ денежными и натуральными земскими повинностями, простираются до 500 милльоновъ въ годъ, то расходъ лишнихъ двухъ милльоновъ, конечно, не можетъ быть особенно замѣтенъ. При всемъ томъ не слѣдуетъ забывать, что всякая судебная реформа вовсе не имѣетъ въ виду увеличивать бюджета, а напротивъ того—прямая цѣль ея заключается въ томъ, чтобы упростить механизмъ судоустройства и сократить, повозможности, издержки на содержаніе судопроизводителей уменьшеніемъ ихъ числа. Вотъ почему мы считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что газета «Народное Богатство» дѣлаетъ большую ошибку, увѣряя насъ, что предстоящій годовой расходъ на юстицію долженъ быть болѣе прежняго. Каждый легко пойметъ, что министерство просвѣщенія, напримѣръ, можетъ требовать увеличенія своихъ расходовъ для устройства новыхъ учебныхъ заведеній и на прибавку жалованья учителямъ... Но предполагать, что судебная реформа не можетъ обойдтись безъ новыхъ матеріальныхъ пожертвованій со стороны народа, въ интересахъ котораго ее думаютъ ввести,—значитъ вовсе не понимать цѣли самаго судоустройства. Всякая цѣль, конечно, предполагаетъ средства для достиженія. Теперь спрашивается, что нужно для того, чтобы судопроизводство достигло своей цѣли и оправдало ожиданія общества? Нужно ли для этого увеличивать судебныя издержки, или, напротивъ того, уменьшать ихъ, постоянно стремясь къ идеалу—неподкупной, безплатной справедливости? На этотъ вопросъ каждый, разумѣется, отвѣтитъ по совѣсти, что въ дѣлѣ суда и справедливости—взяточничество, подкупъ и вообще матеріальный разсчетъ считаются самыми гнусными, непростительными преступленіями. Подкупной судья вездѣ и всегда ставился наряду съ воромъ и разбойникомъ. Напротивъ того — судья добросовѣстный, любитъ правду для правды и дорожитъ своего честью. Вотъ почему, поступая по совѣсти, судья не требуетъ платы за свой трудъ и не можетъ требовать ее, потому что справедливостью и честью торговать нельзя. Справедливость — это законъ нашей общественной жизни, наше общее неотчуждаемое право, наша непремѣнная обязанность.

Мы всѣ обязаны поступать другъ съ другомъ по справедливости,

и каждый изъ насъ, въ то же время, имѣетъ право ее требовать отъ другихъ. Поэтому никто изъ насъ не можетъ ни покупать, ни продавать правды. Судья не купецъ, и судопроизводство не торговля. Купецъ не продаетъ своего товара даромъ, и онъ вправѣ; но въ правѣ ли судья требовать, или даже ожидать платы отъ истца, который проситъ его разобрать дѣло по совѣсти и обсудить по справедливости?! Какъ назвать такого судью, который станетъ смотрѣть на свою обязанность, какъ на ремесло, съ точки зрѣнія матеріальныхъ разсчетовъ?!

О КАЗАЧЕСТВѢ.

(Замѣтка по поводу статьи Есаула: »О преобразованіяхъ въ казачьихъ войскахъ», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ, за августъ 1862 года).

Духъ времени наконецъ коснулся и казачьихъ войскъ. Назадъ тому два года въ нихъ устроены особенные комитеты, съ цѣлію—пересмотрѣть ихъ законодательства и представить свои соображенія правительству о преобразованіяхъ, которыя предположено ввести сообразно съ современными потребностями.

Всѣ комитеты выразили желаніе, чтобы члены общества, печатно или записками къ нимъ, высказали свои мнѣнія о необходимыхъ реформахъ. Вслѣдствіе этого появились статьи «О преобразованіяхъ въ казачьихъ войскахъ». Прежде чѣмъ выскажемъ свое мнѣніе объ этихъ статьяхъ, посмотримъ, что такое казачество, и какое оно имѣетъ вліяніе на семью, торговлю, промышленность и проч. *).

Казачествомъ называется общество, гдѣ каждый взрослый мужчина отъ 20-лѣтняго возраста, если онъ не колѣка, обязанъ служить въ военной службѣ 22 года, да 3 года внутри войска, исправляя гарнизонную службу, а въ случаѣ войны—до глубокой старости и совершенной неспособности. Вся земля, которую занимаютъ казаки, считается общественной собственностью, кромѣ помѣщичьей, составляющей полную личную собственность, съ тѣмъ однакожъ ограниченіемъ, что помѣщики не имѣютъ права продавать своей земли иногороднимъ.

---

*) Авторъ этой статьи принадлежитъ къ войску Донскому, и потому всѣ факты, приводимые имъ, преимущественно касаются этого войска.

Земля раздѣляется на станичную и войсковую. Къ каждой станицѣ прирѣзано земли по 30 десятинъ на человѣка, съ запасомъ для будущаго поколѣнія. Казаки пользуются землею, не платя ни подушной, ни поземельной подати, но зато снаряжаются на службу на свой счетъ. Остальная земля—войсковая. Изъ нея выдѣляются пожизненные участки чиновникамъ. Казакъ не можетъ выйдти изъ войска. Иногородній не можетъ поступить въ общину казаковъ и не имѣетъ права пріобрѣтать въ немъ недвижимой собственности.

Большая половина взрослаго мужского населенія казаковъ, отвлекаемая служебными обязанностями, постоянно находится внѣ дома. Женщинъ остается почти вдвое болѣе, чѣмъ мужчинъ. Тѣ и другіе мало развиты, плохо понимаютъ свои семейныя отношенія и не могутъ управлять собою. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого положенія, къ сожалѣнію, служитъ развратъ. Кто бывалъ въ нашихъ станицахъ, тотъ знаетъ, до какой степени онъ развитъ; съ него сняты самые обыкновенные благовидные покровы, которыми онъ маскируется въ общежитіи. При возвращеніи казаковъ со службы приходится видѣть слѣдующую картину: казаки подходятъ къ станицѣ всѣ вмѣстѣ, въ полной парадной формѣ, выстроенные въ 2 или 3 шеренги; передъ шеренгами 2—3 урядника, одинъ изъ нихъ держитъ хоругвь или образъ (при возвращеніи со службы считается долгомъ принести что нибудь для церкви; обыкновенно приносятъ хоругвь, какъ болѣе дешевую вещь); въ станицѣ ихъ ожидаетъ толпа: здѣсь и атаманъ съ насѣкою, знакомъ своего достоинства, и старикъ съ хоругвью, взятою изъ церкви, и родные, и большая половина станичниковъ: (наканунѣ всегда дается знать о времени вступленія). Вотъ станичники ближе и ближе, раздались выстрѣлы, и они подъѣхали къ толпѣ. Верхи хоругвей обводятся одна около другой три раза,—это здорованье, и тогда сходятъ съ лошадей повидаться съ родными. Тутъ-то наблюдатель увидитъ многихъ женщинъ, повалившихся въ ноги пріѣхавшимъ. Это ихъ жены, согрѣшившія въ отсутствіи. И немного бываетъ мужей, которымъ не пришлось бы, по возвращеніи, увидѣть своихъ женъ у ногъ.

Женѣ, разумѣется, непріятно встрѣтить супруга съ 2-мя или 3-мя дѣтьми, прижитыми во время его отлучки, и вотъ она ищетъ средства— какъ-бы избавиться отъ родовъ. Въ каждой станицѣ есть много знахарей и знахарокъ, которыхъ спеціальность состоитъ въ наговариваніи, нашептываніи отъ родовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ владѣютъ

дѣйствительными средствами для уничтоженія плода и употребляютъ ихъ въ дѣло. Есть ворожеи, которыя даютъ невинныя вещи съ нашептываньемъ, и подъ этимъ предлогомъ обираютъ своихъ паціентокъ. Послѣ родовъ также употребляютъ разныя средства, чтобы отдѣлаться отъ рожденнаго, но это не всегда проходитъ безнаказанно. Прыганье съ возовъ, скатыванье съ стоговъ сѣна и другія подобныя самоистязанія въ ходу.

Положеніе казачьей женщины въ высшей степени тяжело. До 16 лѣтъ она нянька и работница въ домѣ отца; 16—17 лѣтъ она выходитъ за мужъ, по разсчету родителей, часто не зная въ глаза своего жениха. Не успѣетъ она свыкнуться съ мужемъ, какъ онъ отправляется на службу, и она остается въ чужой семьѣ, часто съ малымъ ребенкомъ, а то и двумя; на ея долю падаютъ тяжелыя работы: она коситъ, молотитъ, кладетъ сѣно въ стоги. Если мужъ плохо исполняетъ супружескія обязанности, это не ставится ему въ укоръ. Въ обществѣ онъ ничего не теряетъ, ему позволяется даже хвастаться побѣдами своего волокитства; жена не смѣетъ ему ничего замѣтить, потому что онъ глава дома. Но если падаетъ женщина, общество осуждаетъ ее, хотя впрочемъ безъ негодованія, но за-то отъ мужа ей иногда приходится переносить страшныя истязанія, и никто не защититъ ее. Мужъ, по понятію народа, воленъ съ женою дѣлать все, что хочетъ, распоряжаться ею, какъ домашнею утварью; многіе оправдали бы его даже въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ лишилъ ее жизни. Каждый казакъ, по возвращеніи со службы, если жена въ отсутствіи его была невѣрна, какъ бы ни былъ добръ, считаетъ своею обязанностью *поучить* жену, хотя онъ самъ и не безгрѣшенъ. Поученіе это совершается въ первую ночь свиданія ихъ. Надолго послѣ остаются знаки этого супружескаго наставленія. Но иногда однимъ разомъ не оканчивается, а тянется все время, пока мужъ дома; каждый день, при каждомъ удобномъ случаѣ посылаются пинки и толчки; а когда такой мужъ пьянъ—бѣда, одно спасеніе—бѣгство.

Въ нашихъ судахъ то и дѣло производятся дѣла объ убійствахъ женъ; вытравленіе плода, изнасилованіе невѣстки или даже дочери— такія вещи, съ которыми мы сжились, свыклись. На нихъ сквозь пальцы смотритъ общество.

Но если мы не можемъ похвалиться удобствами нашего домашняго быта, то наше общинное положеніе также незавидно.

Торговля у насъ прозябаетъ въ полудикомъ состоянiи. Чтобы была торговля — нуженъ капиталъ и свобода. Ни того, ни другого нѣтъ у казаковъ. Правда, въ Войскѣ Донскомъ устроено торговое общество, состоящее изъ 750 человѣкъ *), члены котораго избавлены отъ службы. Въ него можетъ поступать всякiй казакъ, имѣющiй 1,500 р. сер., и желающiй заниматься какимъ-нибудь промысломъ, съ платежомъ въ военный капиталъ 57 р. 15 к., да на содержанiе коммерческаго суда и другiе расходы всего до 100 р. Дѣти казаковъ торговаго общества не избавлены отъ службы; каждый изъ нихъ долженъ платить за себя. Значитъ, если у казака 5 взрослыхъ сыновей, то придется заплатить 500 р. Нужно имѣть большой капиталъ, а не 1,500 р., чтобы барышами покрыть этотъ расходъ и прiобрѣсти на содержанiе семейства. А потому это общество далеко не полно. Въ него поступаютъ казаки Черкасска, Елисаветовской, Аксайской и Старочеркасской станицъ. Въ III и IV округахъ почти нѣтъ торговыхъ казаковъ. Всѣ торговые обороты въ рукахъ иногороднихъ; а какъ здѣсь запрещается прiобрѣтать недвижимую собственность, то почти всѣ торгующiе бѣдняки, кулаки, которые являются сюда, чтобы зашибить копѣйку, и по прошествiи нѣсколькихъ лѣтъ, разжившись, улизнуть во свояси. Торговля идетъ по большей части, кромѣ городовъ и нѣкоторыхъ низовыхъ станицъ, мѣновая. Казакъ, особенно верховой, бережетъ копѣйку; онъ удерживается отъ прiобрѣтенiя самыхъ необходимыхъ вещей, если нужно платить деньги. Горшки, корыты и другiя вещи покупаются на хлѣбъ. За горшокъ порядочной величины, стоющiй 15 к., отсыпаютъ 2 — 3 горшка пшеницы на 70 к., на 1 р., а иногда и болѣе. Деньги нужны казаку на обмундированiе при отправленiи на службу, а продать хлѣбъ не всегда возможно. Недостанетъ на обмундированiе, придется сбывать скотъ за полъ, и даже четверть цѣны. До послѣдняго времени у насъ въ IV округѣ не было покупателей на хлѣбъ — наше главное произведенiе. Только 5—6 лѣтъ началась ссыпка хлѣба въ нѣкоторыхъ станицахъ по Хопру. Весною на баркахъ отправляютъ хлѣбъ въ Ростовъ. Около станицъ гумна были завалены скирдами для удовольствiя мышей. И казаки сжились съ тою мыслью, что хлѣбъ продавать не слѣдуетъ; верховые смѣются надъ низовыми за то,

*) Даже, кажется года 3, 4 назадъ, число торговыхъ казаковъ увеличено до 1,000, но это не измѣняетъ дѣла.

что у тѣхъ нѣтъ десятковъ *зданій* на гумнахъ, называютъ ихъ нищими. Въ прошломъ году мнѣ пришлось быть въ одной станицѣ IV округа не на Хопрѣ. Здѣсь я видѣлъ на гумнахъ много хлѣба, и поэтому заговорилъ съ старикомъ. На вопросъ мой, почему они не молотятъ хлѣбъ, старикъ отвѣчалъ, что у него амбаръ полонъ хлѣба, дѣвать некуда; а другіе — богъ знаетъ отчего не молотятъ. Амбаръ полонъ — сказалъ я, слѣдовательно есть на черный день, ну а остальное слѣдуетъ смолотить для продажи, чѣмъ кормить мышей, которыя, надо замѣтить, плодятся здѣсь стадами; отъ продажи хлѣба, продолжалъ я, у тебя будутъ деньги, а на нихъ все можно сдѣлать. — Что я, нищій что ли, обиженнымъ голосомъ отвѣчалъ мой собесѣдникъ, что буду продавать хлѣбъ; у меня, слава богу, есть и на себѣ и подъ собою. У меня сынъ, надо женить; продай я хлѣбъ, никто за него не выдастъ дочери за мужъ. — И стоитъ хлѣбъ, гніетъ, ѣдятъ его мыши. А въ домахъ грязь; свиньи, телята, поросята и ягнята вмѣстѣ съ людьми проводятъ зиму, и трудно сказать, кто изъ нихъ опрятнѣе — животное или человѣкъ. Въ окружныхъ станицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ говядина продается отъ 5 — 10 и по 15 коп. за фунтъ, часто дороже, чѣмъ въ ту же пору въ Москвѣ, тогда какъ главный предметъ нашей торговли—скотъ.

Казакъ, какъ я уже сказалъ, бережетъ копѣйку; при неразвитости торговли она достается ему трудно. Зимою, при 20—25 градусахъ мороза, за 30 или 50 верстъ онъ везетъ возъ бурьяну или дровъ въ окружную станицу или городъ, чтобы продать за 50 коп., и при особенной удачѣ, за 1 р. Но вотъ вы ѣдете на почтовыхъ весною или зимою — грязь страшная. Вы сдѣлали половину станціи, вамъ предстоитъ переправа черезъ рѣку, и на другой сторонѣ, на полугорѣ, станица. Вы переправились; лошади устали и не могутъ везти въ гору. Вы отправляете ямщика, чтобы онъ разыскалъ пару быковъ и обѣщаете ему заплатить. Проходитъ полчаса, часъ, ямщикъ возвращается безъ людей и быковъ, и говоритъ, что никто не хочетъ везти. Вы идете сами на поискъ, упрашиваете, предлагаете деньги, чтобы только не стоять. И вы будете счастливы, если найдете охотника вывезти васъ на гору, а то придется ждать день два до благопріятнаго случая. То же самое случается при наймѣ квартиры, при проѣздѣ. Хлѣба, курицу совсѣмъ не продадутъ, или запросятъ страшную цѣну. Недалекость казака въ коммерческихъ сообра-

женіяхъ доходитъ до поразительной тупости. Пріѣхалъ онъ, напримѣръ, за 50 верстъ въ окружную станицу съ арбузами, которые продалъ за 1 руб. Вамъ нужно отправить какія-нибудь вещи въ ту станицу, и вы предлагаете ему свезти ихъ на своемъ порожнемъ возу. Онъ проситъ съ васъ по рублю съ пуда. Вы говорите ему, что онъ ѣхалъ съ арбузами, которые стоятъ труда, изъ дому, и продалъ ихъ за 1 руб., а теперь ему приходится ѣхать домой порожнемъ, и потому не мѣшаетъ заработать что-нибудь за доставку вещей, и если онъ возьметъ по 10 к. съ пуда, то не будетъ въ убыткѣ. На это онъ отвѣтитъ вамъ: «по рублику, коли угодно, свеземъ», и поѣдетъ порожнякомъ. Что заставляетъ такъ дѣйствовать? Непониманіе торговыхъ интересовъ, невѣжество и какое-то упорное самодурство, объясняемое въ неразвитомъ человѣкѣ избыткомъ дикой воли...

По Войску Донскому проходитъ одна изъ самыхъ большихъ рѣкъ Россіи со всѣми притоками; земля у него богатая, съ каменнымъ углемъ съ одной стороны Дона, и съ соляными озерами, съ другой. Климатъ теплый: слѣдовательно есть всѣ условія для развитія промышленности. И у насъ нѣтъ ни одной фабрики, ни одного завода, кромѣ впрочемъ винокуренныхъ и пивоваренныхъ — неудовлетворяющихъ потребностямъ жителей. Почва такъ хороша, что не требуетъ удобренія; во многихъ мѣстахъ еще дѣвственная. Главное занятіе жителей — хлѣбопашество. Населеніе слишкомъ мало, и изъ него большая половина взрослыхъ мужчинъ на службѣ; остаются женщины, дѣти да старики, которые не много успѣваютъ обработывать. Денегъ нѣтъ, знанія тоже; а потому для вспахиванія употребляются плуги, запрягаемые 4 и 5 парами воловъ; хлѣбъ скашивается косою, молотится цѣпомъ или скотомъ, вѣется руками. При посѣвахъ не разбираютъ, на какой почвѣ что выгоднѣе посѣять. И такъ дѣло ведется вездѣ. И производительность превосходнѣйшихъ земель не даетъ и сотой доли того богатства, какое извлекли бы изъ нея образованіе и правильный трудъ человѣка.

Скотоводство, особенно разведеніе лошадей, составляло прежде главное занятіе казаковъ; это было до нарѣзанія юртовыхъ земель, когда казаки свободно пользовались землею, кому сколько нужно. Теперь эта отрасль промышленности пала, и скотъ разводится, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, сколько его нужно для земледѣлія. Лѣтомъ и зимою онъ содержится подъ открытымъ небомъ, а потому постоянно мельчаетъ, и въ послѣдніе годы усилились его

падежи. Для прекращенія падежей ничего не предпринимается; ветеринаровъ въ округахъ нѣтъ, да едва ли что̀ и сдѣлаютъ ветеринары, если жители не будутъ болѣе развиты, и не запасутся лучшими матеріальными средствами.

Въ станицахъ Цимлянской, Расборской, Кочетовской, Бисергильской и нѣкоторыхъ другихъ, даютъ средства къ жизни жителямъ, между прочимъ, виноградарство и винодѣліе. Виноградъ растетъ довольно хорошаго качества, но отъ неумѣнья ли, или отъ небрежности, а можетъ быть, и отъ недостатка времени и рукъ, черезъ четыре или пять зимъ на половину, а иногда и болѣе, вымерзаетъ. Вино приготовляется допотопнымъ способомъ: снятый виноградъ ссыпаютъ въ бочки и толкутъ; черезъ нѣсколько дней, когда оно перебродитъ, его пересыпаютъ въ четыреугольные ящики длиною сажени въ $1\,^1/_2$, шириною аршина въ 2, вышиною въ $1\,^1/_2$; внизу, на днѣ ящика, находится помостъ—весь на круглыхъ дырахъ; онъ утвержденъ на поперечныхъ перекладинахъ вершка въ 2 толщиною; въ перекладинахъ сдѣланы отверзтія; въ самомъ ящикѣ тоже отверзтіе; внизу, въ одномъ изъ боковъ, ящикъ насыпается до половины виноградомъ, и въ него влѣзаютъ обыкновенно два рабочихъ; ноги ихъ обмыты и обмотаны до верху новымъ полотномъ. Поднимается плясъ въ ящикѣ,— это бываетъ въ концѣ сентября мѣсяца, бываетъ иногда довольно холодно, ноги непремѣнно промачиваются, и не всегда этотъ плясъ проходитъ безнаказанно для рабочихъ. Жидкость черезъ отверзтіе въ помостѣ проходитъ на дно, и черезъ него въ особый сосудъ. Эта жидкость грязно-бураго или грязно-краснаго цвѣта сливается въ бочку и оставляется недѣли на 2—на $2\,^1/_2$. Въ это время всѣ остатки—дрожжи, какъ называютъ винодѣлы, отдѣляются на верхъ, а вино очистившееся остается внизу. Дѣлается отверзтіе, выпускается вино, и потомъ поступаетъ въ продажу. Вино, которое назначается въ разливку по бутылкамъ, очищается; часто въ него вливаютъ спиртъ, сиропъ, и потомъ уже разливаютъ по бутылкамъ, и въ томъ же году продаютъ. Вино чѣмъ дольше стоитъ въ погребѣ, тѣмъ дѣлается лучше, но нѣтъ капиталистовъ, которые бы могли сберегать его, и потому наши вина-однолѣтки, не имѣютъ ни крѣпкости, ни букета, свойственнаго виноградным винамъ Франціи или Испаніи. Такъ же идутъ и рыбныя ловли, и разработки каменнаго угля, и соляная промышленность. Вездѣ недостатокъ капиталовъ, рабочихъ рукъ и знанія дѣла.

Ремесленниковъ почти нѣтъ изъ казаковъ, потому что быть ремесленникомъ опасно,—можно попасть въ батарею, гвардію, атаманскій полкъ (составъ ихъ постоянный), и сдѣлаться вѣчнымъ работникомъ разныхъ командировъ. Для поощренія ремеслъ устроена такъ называемая сотня мастеровыхъ. Поступающіе въ нее избавляются отъ полевой службы. Зачисленіе въ нее зависитъ отъ окружныхъ дежурствъ. Люди, неумѣющіе взять въ руки шила, иголки, незнающіе хорошо устройства печи, зачисляются въ портные, сапожники, печники и пр. Разумѣется, тутъ не безъ грѣха. Занимаются мастерствами у насъ мѣщане, крестьяне, — все отпѣтый народъ. Берутъ страшныя цѣны, дѣлаютъ все до крайности дурно, неуклюже. Пару сапогъ приходится дожидаться по 3—4 мѣсяца; шуба, заказанная въ августѣ, поспѣваетъ въ декабрѣ. Я не говорю о Черкасскѣ; тамъ есть хорошіе и опытные мастеровые, хотя берутъ очень и очень недешево. И тамъ они почти всѣ или изъ иногороднихъ, или изъ крестьянъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ объ образованіи Войска Донского. Каждый казакъ обязанъ службою; служба опредѣляетъ положеніе его въ обществѣ. Чтобы изъ казака сдѣлаться урядникомъ, нужно быть грамотнымъ, чтобы получить офицерскій чинъ, нуженъ аттестатъ, особенно въ послѣднее время. Прежде бывало, что полуграмотные люди, за отличіе на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ, производились въ оберъ-офицерскіе чины. Случалось, что атаманъ едва умѣлъ читать и писать, былъ человѣкъ бѣдный, и, не смотря на то, добивался до чина генерала отъ кавалеріи и должности начальника края единственно за личную храбрость. Теперь не то, за храбрость даютъ Георгія 4-хъ степеней; а офицерскій чинъ очень важная вещь: онъ избавляетъ отъ тѣлеснаго наказанія, даетъ право на лучшее содержаніе на службѣ, на двѣсти десятинъ земли — пожизненный участокъ и спасаетъ отъ притѣсненій разныхъ чиновниковъ. Естественно, что казаки и личные дворяне, при малѣйшей возможности, стараются учить своихъ дѣтей. Я не могу представить вѣрныхъ цифръ объ учащихся (наше училищное начальство не печатаетъ отчетовъ), но могу навѣрное предположить, что въ настоящее время въ разныхъ университетахъ воспитываются до 70 казаковъ и въ новочеркасской гимназіи человѣкъ до 600 мальчиковъ. Въ Войскѣ Донскомъ 8 окружныхъ училищъ, постоянно открываются приходскія училища въ станицахъ. Есть много частныхъ школъ, содержимыхъ на счетъ жителей въ станицахъ и

хуторахъ, а особенно раскольническихъ. Въ послѣднее время духовенство тоже открываетъ школы, и такихъ учрежденій по офиціальнымъ отчетамъ много. Я знаю впрочемъ дьякона въ У. станицѣ, который полтора года доноситъ начальству о состояніи будто бы устроеннаго имъ училища, выставляетъ число и успѣхи учениковъ и пр., хотя у него до сихъ поръ не было ни одного ученика, и на заведеніе школы нѣтъ ни желанія, ни умѣнья; но начальство приказываетъ быть школѣ, и она основывается въ воображеніи дьякона, котораго современемъ наградятъ за усердіе и ревность... Дѣтей своихъ учатъ казаки, чиновники, да бѣдные дворяне; послѣдніе стараются помѣщать своихъ дѣтей въ военно-учебныя заведенія на казенный счетъ. Богатые дворяне рѣдко отдаютъ своихъ сыновей въ гимназіи, а посылать въ университетъ — нѣтъ ни малѣйшей надобности. Они учатъ ихъ дома кой-чему, немножко грамматикѣ, ариѳметикѣ и исторіи, французскому языку, и иногда игрѣ на фортепіано; и если отдаютъ въ гимназіи, то года на 3, 4, потомъ посылаютъ въ гвардію, атаманскій или учебный полкъ; черезъ 2 года они получаютъ офицерскій чинъ, который открываетъ дальнѣйшую карьеру, помимо уже всякаго образованія. Зачѣмъ, при такихъ условіяхъ, учиться? До 22 лѣтъ придется пробыть въ университетѣ, истратиться, и это ничего не прибавитъ къ службѣ, пожалуй еще не понравится начальству, которое не всегда долюбливаетъ ученыхъ... Впрочемъ, въ послѣдніе годы духъ времени дѣйствуетъ и на нашихъ дворянъ-аристократовъ; есть и между ними такіе, которые поступаютъ и въ гимназіи и даже въ университеты. Но исключенія еще не составляютъ правила.

При такомъ низкомъ уровнѣ общаго образованія въ Войскѣ Донскомъ народнымъ суевѣріямъ—полное раздолье. Вѣрованія въ домовыхъ, вѣдьмъ, въ оборотней и тому подобную нелѣпость составляютъ стихійную принадлежность нашего населенія. Я убѣжденъ, что многіе изъ нашихъ такъ называемыхъ аристократовъ казачества, серьёзно думаютъ, что земля стоитъ на 3-хъ китахъ, и въ нашептываніи какой-нибудь старой пройдохи заключается дѣйствительная цѣлительная сила.

Не считаю нужнымъ говорить о художественномъ развитіи казачьяго общества; читатель самъ пойметъ, что быть казакомъ и художникомъ такъ же трудно, какъ медвѣдю сдѣлаться оперныъ пѣвцомъ.

Изъ всего, что я сказалъ выше, можно видѣть, что современное

состоянiе казачества не благопрiятствуетъ умственному развитiю и матерiальному благосостоянiю края. Влiянiе этого средневѣкового военнаго братства противорѣчитъ духу нашего времени и оказывается во многихъ отношенiяхъ вреднымъ. Какъ учрежденiе, вызванное нуждами дикаго общественнаго положенiя народа, оно отжило свой вѣкъ; а какъ исключительная военная сила — оно становится въ разрѣзъ съ гражданскими требованiями той страны, съ которой его соединила историческая судьба. Поэтому мнѣ кажется, что всякiя полумѣры, предпринимаемыя нашимъ начальствомъ для преобразованiя казачьяго общества, останутся тщетными попытками поправить дѣло въ самомъ его источникѣ. Изъ казака сдѣлать гражданина невозможно, потому что гражданину необходимъ свободный выборъ дѣятельности, болѣе или менѣе свободная общественная жизнь, а казакъ еще въ колыбели предназначенъ одинъ разъ и навсегда опредѣленному положенiю. Внѣ службы онъ остается вреднымъ... Если казачество нужно государству на границахъ, то оно совершенно непужно обществу Земли Донской, и потому преобразованiе его должно рано или поздно совершиться на самыхъ широкихъ основанiяхъ.

Но насъ спросятъ: желаетъ ли народъ преобразованiя? тяготится ли онъ настоящимъ своимъ положенiемъ? Можно утвердительно отвѣчать, что народъ тяготится, хотя многiе утверждаютъ противное.

Представимъ себѣ казачью семью, состоящую изъ отца 50 лѣтъ, уже отставного, матери 48 лѣтъ, двухъ женатыхъ сыновей—одному 30 лѣтъ, другому 25; у перваго—3 сына и 2 дочери; старшему сыну 11 лѣтъ, у 2-го 2 дочери и 1 сынъ; 2-й вдовъ. Всѣ они дома живутъ ни бѣдно, ни богато:—ѣдятъ что̀ есть, скота штукъ 20 рогатаго, 50 овецъ, 5 рабочихъ лошадей и деньженокъ рублей 100. Пришла весна, а съ нею и *очередь* одному изъ сыновей. Надо купить строевую лошадь, обмундироваться; вооруженiе, положимъ, у него есть. На лошадь рублей 40, на обмундировку 40, да на дорогу нужно дать хоть 5 руб., всего 85 р., и работникъ оставляетъ домъ; дѣти остаются безъ отца. Черезъ годъ долженъ выбраться другой; нужны опять и лошадь, и обмундированiе, и вооруженiе. Положимъ, что наши работники прiобрѣли въ прошломъ году 100 р. въ запасъ, что̀ чрезвычайно трудно, при такой семьѣ и при нашей торговлѣ. Всѣ деньги уходятъ на обмундировку. Семья остается на рукахъ одного старика и 2 женщинъ. Лѣтомъ трудно управиться имъ въ полѣ: нужно запастись сѣномъ для скота, убрать хлѣбъ.

Продаются 3 коровы, выручается рублей 45 или 50, и нанимается работникъ. Кое-какъ заготовлено сѣно, прибранъ хлѣбъ. Пришла зима. Старикъ простудился и захворалъ. Присмотръ за больнымъ старикомъ, за дѣтьми, за скотомъ, возка сѣна и всѣ домашнія хлопоты падаютъ на 2 женщинъ. Дѣти не накормлены, не напоены, не обмыты, скотъ тоже; дѣти и скотъ начали болѣть. До весны пришлось схоронить 2 дѣтей; — потребовались расходы; скотъ тоже переболѣлъ и на половину перепалъ; другая половина худа и негодится для работы. Къ возвращенію сыновей хозяйство упадаетъ до самаго плачевнаго состоянія. Возвратившись, они продаютъ строевыхъ лошадей; на вырученныя и *принесенныя со службы* деньги пріобрѣтаютъ рабочій скотъ, устроиваютъ кое-какъ хозяйство; работаютъ до кроваваго пота и вотъ наконецъ поправились. Опять *очередь* и опять разстройство въ хозяйствѣ. Подобное состояніе нельзя не чувствовать тяжелымъ. Трудъ и силы человѣка пропадаютъ даромъ. Дѣти не чувствуютъ особенной симпатіи къ отцамъ; они выростаютъ безъ нихъ. Я взялъ семью довольно обезпеченную и состоящую изъ 3 мужчинъ, изъ которыхъ одинъ постоянно дома, а каково положеніе семьи бѣдной, которая состоитъ изъ одной матери и пяти дѣтей, малъ-мала меньше, по уходѣ мужа на службу?

Казаки чувствуютъ всю тяжесть постоянной военной службы, и употребляютъ всѣ мѣры, чтобы избавиться отъ нея. Каждый казакъ обязанъ службою, но разумѣется, люди, лишенные умственной способности, калѣки, имѣющіе хроническія серьёзныя болѣзни, избавляются отъ нея. Каждый годъ, для розыска такихъ неспособныхъ къ службѣ, осенью бываетъ освидѣтельствованіе. Съ этой цѣлію, чтобы узнать состояніе обмундированія и вооруженія — хотя обыкновенно ничего не узнаютъ, —бываетъ сборъ очередныхъ казаковъ въ трехъ, четырехъ мѣстахъ округа. Освидѣтельствованіе производится въ присутствіи окружного генерала, 2-хъ адъютантовъ дежурства и 3-хъ медиковъ. Часто въ это время наказный атаманъ объѣзжаетъ край и бываетъ на слѣдствіяхъ. Казаки разными средствами производятъ блѣдность и худобу, злокачественныя сыпи, или притворяются глухонѣмыми и проч., и все это для того, чтобы избавиться отъ очереди. Богатые люди платятъ большія деньги, чтобъ за ними была признана какая-нибудь болѣзнь, въ родѣ аневризма, разстройства легкихъ и пр., что даетъ имъ возможность выходить въ отставку. По рѣкѣ Медвѣдицѣ въ станицахъ живутъ раскольники.

Говорятъ, эти станицы лѣтъ за 20 отличались богатствомъ своихъ жителей. Раскольники особенно не любятъ военной службы; кромѣ другихъ неудобствъ и потерь, имъ нужно брить бороду, быть въ обществѣ трубкокуровъ и пр.—и вотъ они откупаются отъ медиковъ. Послѣдніе считаютъ этотъ край золотымъ дномъ. Они прописывали по большей части такія болѣзни, по которымъ нельзя было выйдти въ отставку, — развѣ платилось ужъ слишкомъ много, и давалось только льготы на годъ; и каждую осень они вновь подвергались освидѣтельствованію и платежу. И теперь эти станицы такъ же бѣдны, какъ и другія.

И за всѣмъ тѣмъ казаки такъ сжились съ своимъ тяжелымъ положеніемъ, что не желаютъ преобразованій; они боятся, чтобы ихъ не обратили въ податное состояніе, но главное, они боятся, чтобы у нихъ не отняли юртовой земли; а у нихъ составилось убѣжденіе, что съ преобразованіемъ и земля будетъ отнята.

Въ нынѣшнемъ году, лѣтомъ, мнѣ пришлось проѣхать по всему Войску Донскому, побывать въ разныхъ станицахъ. Въ это время ходили между казаками, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, разныя сплетни. Между прочимъ носился слухъ, что всѣхъ безъ исключенія казаковъ прогонятъ на Кавказъ да на Амуръ, а на казацкихъ земляхъ поселятъ мужиковъ. Изъ разговоровъ съ казаками, я убѣдился, что нѣкоторые изъ нихъ готовы платить за землю, лишь бы подать была не велика, и отбывать рекрутство, съ тѣмъ, чтобы вся юртовая земля оставалась въ ихъ владѣніи.

Чиновничество наше и дворянство—огромное большинство—желаютъ, чтобы казачество оставалось въ прежнемъ положеніи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ и казаки, воспитывались въ старыхъ понятіяхъ казачества, свыклись, или не знаютъ быта и нуждъ казаковъ, и стоятъ горой за свои древнія права. Есть люди образованные, достойные уваженія, но, какъ только дѣло касается вопроса о казачествѣ, они возстаютъ противъ самыхъ простыхъ и ясныхъ, какъ солнце, идей. Недавно редакція «Донскихъ Вѣдомостей» напечатала статью помѣщика А. Мелихова, въ которой онъ доказываетъ, что нужно дозволить помѣщикамъ продавать землю иногороднимъ. По положенію 19 февраля, крестьянамъ дано право продавать кому угодно надѣлы, которые они пріобрѣтутъ отъ помѣщика въ собственность. Отчего бы и помѣщикамъ не дать этого права? Положимъ я имѣю 1000 десятинъ земли и нуждаюсь въ деньгахъ. Я хочу часть земли про-

дать, чтобы на вырученныя деньги имѣть возможность нанимать рабочихъ, пріобрѣтать земледѣльческія орудія и получше обработать другую часть моей земли. Въ Землѣ Донской я не нахожу ни помѣщиковъ, ни купцовъ, желающихъ купить мою землю, или они даютъ мнѣ 10 руб. за десятину, а тамбовскій купецъ предлагаетъ 40. Кажется, отчего бы не позволить мнѣ продать моей земли тамбовскому купцу? Я выигралъ бы тѣмъ, что выгоднѣе продалъ, а купецъ воспользовался бы своимъ пріобрѣтеніемъ и приложилъ бы къ нему хорошій трудъ. — Нѣтъ, говорятъ патріоты-казаки, — нельзя; казачество пострадаетъ, и право собственности нарушится. Редакція подъ статьею дѣлаетъ замѣчаніе, что она не сочувствуетъ г. Мелихову, но печатаетъ его замѣтку для того, чтобы узнать, есть ли ей сочувствующіе.

Другіе стоятъ за казачество изъ своекорыстныхъ цѣлей изъ желанія погрѣть руки въ чужихъ карманахъ. Этотъ классъ людей вообще не любитъ никакихъ нововведеній, какъ закромныя мыши не любятъ дневного свѣта.

Теперь перейдемъ къ статьѣ «О преобразованіяхъ въ казачьихъ войскахъ» г. Есаула, которою и вызвана наша настоящая замѣтка. Г. Есаулъ предлагаетъ сдѣлать слѣдующія преобразованія въ казачьихъ войскахъ. Юртовыя земли станицъ оставить въ общемъ владѣніи станичныхъ жителей; войсковыя же земли раздѣлить на участки большей и меньшей величины, и продать въ частную собственность казакамъ и иногороднимъ. Пріобрѣтатели земли должны платить постоянную поземельную подать. Казаки, поселившіеся на купленной землѣ, исключаются изъ казачьяго сословія; имъ же дозволяется пріобрѣтать земли и безъ выхода изъ казачьяго сословія; въ такомъ случаѣ они имѣютъ право пользованія въ юртовой землѣ. Всѣ поселившіеся на собственной землѣ пользуются правами свободныхъ сословій въ Россіи и имѣютъ особое управленіе. Срокъ службы для казаковъ г. Есаулъ предлагаетъ назначить 25-лѣтній, съ тѣмъ, чтобы не требовались поголовные наряды; предлагаютъ сдѣлать нѣкоторыя преобразованія въ управленіи, въ сборѣ и нарядѣ полковъ, и ввести гласный судъ. Такимъ образомъ въ казачьихъ земляхъ образуется два сословія, — гражданское податное и казаки. Г. Есаулъ увѣренъ, что немногіе изъ казаковъ, «*по преданію, по привычкѣ и по природнымъ наклонностямъ къ военному ремеслу*, пріобрѣтутъ земли и перейдутъ въ податное сословіе. Казачья служба выиграетъ, потому

что будетъ предоставленъ выборъ служить, и не служить. Для поддержанія же казацкаго духа онъ предлагаетъ принимать въ казаки охотниковъ, искателей приключеній изъ другихъ сословій, только впрочемъ въ такихъ случаяхъ, когда въ своихъ будетъ оказываться недостатокъ. Онъ говоритъ, что въ такихъ пришельцахъ больше «казацкаго огня, больше пламенной ревности, чѣмъ въ устарѣвшихъ подвижникахъ. Рядомъ съ казаками разовьется гражданское земледѣльческое населеніе, которое подвинетъ впередъ торговлю и пр. Если изъ казаковъ будетъ слишкомъ много желающихъ на собственную землю — переходъ совершенно свободенъ,—то значитъ казачество анахронизмъ, и нужно будетъ уровнять права сословій». Но объ этомъ, говоритъ г. Есаулъ, онъ упомянулъ мимоходомъ; онъ увѣренъ, что этого никогда не случится, оттого, что казачество «*живое общество*», что «*въ немъ есть здоровая сердцевина*»

Мы совершенно согласны съ г. Есауломъ, что немногіе изъ казаковъ перейдутъ на собственную землю; но это случится, какъ онъ самъ говоритъ, по силѣ преданія и привычки; а это вовсе не значитъ, что казачество живое общество и должно существовать въ настоящемъ своемъ видѣ еще нѣсколько сотъ лѣтъ. Чтобы перейдти въ свободное сословіе, нужно, по предложенію г. Есаула, оставить станичную землю, которую казаки считаютъ своей собственностью, утвержденною царскими грамотами, на которой жили ихъ отцы и дѣды, на которой они родились; продать недвижимую собственность, и тогда-то перейдти на войсковую землю, за которую слѣдуетъ платить (а гдѣ денегъ-то взять?) и которая часто довольно отдалена. Много нужно, чтобы перейдти въ свободное сословіе. Разумѣется, перейдутъ только нѣкоторые богатые казаки, которые и теперь разными способами умѣютъ избавиться отъ службы, а большинство будетъ оставаться казаками, какъ ни тяжело это для нихъ. А г. Есаулъ дѣлаетъ заключеніе, что въ казачествѣ есть здоровая сердцевина, что оно живо. Пришлое населеніе изъ иногороднихъ, которое прибудетъ непремѣнно (у насъ и теперь помѣщичьи имѣнія и пожизненные участки въ Хоперскомъ и другихъ округахъ снимаются иногородними), пользуясь свободой, разбогатѣетъ, разовьетъ промышленность, торговлю, и все больше и больше будетъ завладѣвать землями. Г. Есаулъ думаетъ, что казачество не станетъ косо смотрѣть на это: «тупая, безотчетная нетерпимость касты, нетерпимость худшая изъ всѣхъ, потому что она уединяетъ сословіе и погружаетъ его въ болотный застой», которая вѣроятно, по

мнѣнію г. Есаула, не можетъ принадлежать казачеству. Казачество теперь замкнуто, отдѣлено отъ другихъ сословій, и какъ всегда бываетъ, оно считаетъ себя выше другихъ равныхъ ему сословій Россіи, выше несравненно нѣмцевъ, французовъ; оно страдаетъ; положеніе его тяжело; причину своего тяжелаго положенія оно ищетъ не въ себѣ самомъ, а въ другихъ. Если привести въ исполненіе пресловутый проектъ г. Есаула, оно, какъ я уже сказалъ, не можетъ перейдти въ свободное состояніе, и потому еще больше уединится, запрется въ себя и возненавидитъ своихъ сосѣдей, а не сольется съ ними, не полюбитъ ихъ братскою любовью, какъ думаетъ г. Есаулъ. Положеніе казачества сдѣлается гораздо болѣе тягостнымъ, и, по своимъ послѣдствіямъ, гораздо болѣе вреднымъ, чѣмъ прежде. Многія изъ угодій его отойдутъ къ новому поселенію, и богатые люди выйдутъ изъ казачьяго сословія.

Г. Есаулъ смотритъ на казака, какъ на воина; человѣкъ, гражданинъ, отъ его взгляда ускользаютъ, а потому онъ ничего и не говоритъ о внутреннемъ бытѣ казаковъ, о томъ, что, составляетъ ихъ здоровую сердцевину. Разглагольствуя о сформированіи полковъ по общинной системѣ, онъ говоритъ, что она «освобождаетъ казака отъ всякихъ командирскихъ вліяній въ домашнемъ быту, начиная отъ полкового командира до приказнаго, и ставитъ военнослужащаго человѣка въ чистое положеніе гражданина». Мы знаемъ одинъ примѣръ и беремъ его изъ живого опыта. Въ М. станицѣ IV округа, которая передъ другими отличается болѣе свободнымъ духомъ, въ прошломъ году былъ выбранъ станичный атаманъ. Общество вовсе не желало этого атамана. Написано было прошеніе начальнику края, что атаманъ выбранъ незаконно, и что общество его не принимаетъ. Прошеніе подписано многими станичниками. Предписано произвести новые выборы. Сдѣланъ былъ сборъ. Для наблюденія за соблюденіемъ закона о выборахъ явились окружной генералъ и сыскной начальникъ;— и все таки выбранъ былъ атаманъ, котораго общество не желало. Сомнѣваемся, чтобы выборъ этотъ совершился по доброй волѣ членовъ общества.

Дальше г. Есаулъ говоритъ, что юртовыя станичныя земли нужно оставить въ общемъ пользованіи для того, чтобы «охранить ихъ отъ всякаго дробленія и *вмѣстѣ служить преградою къ развитію въ станицахъ гражданскаго элемента въ ущербъ служивому*». Мы не знаемъ, общинное пользованіе землею останавливаетъ ли въ са-

момъ дѣлѣ развитіе гражданскаго элемента, но по этой фразѣ ясно видны стремленія г. Есаула. Мы же убѣждены, что плохіе граждане не могутъ быть защитниками своей земли. Препятствовать развитію гражданскаго элемента—значитъ заботиться объ устройствѣ общества искателей приключеній.

При такомъ взглядѣ на казаковъ, при желаніи остановить развитіе гражданской жизни, нечего ожидать, чтобы мѣры, предлагаемыя г. Есауломъ, повели къ развитію просвѣщенія, промышленности, торговли и благосостоянія края. Онъ объ этомъ и не думаетъ; ему нужны лихіе наѣздники, казаки, какими они были въ старину....

Скажемъ теперь отъ себя нѣсколько словъ, какія преобразованія въ казачьихъ войскахъ дѣйствительно чувствуются и могутъ быть полезны обширному Донскому краю. За эти преобразованія стоятъ лучшіе изъ казаковъ. По нашему мнѣнію, станичныя юртовыя земли должны быть отданы въ собственность станичныхъ жителей, и предоставлено имъ право оставить ихъ въ общемъ владѣніи, или раздѣлить на паи, которые и должны сдѣлаться частной собственностью каждаго. На землю, на каждую десятину, должна быть наложена подать, разумѣется, сначала небольшая, а потомъ, съ развитіемъ промышленности и торговли, подать эта можетъ быть постепенно увеличиваема, пока не сравнится съ поземельною податью въ другихъ мѣстахъ Россіи. За исправное доставленіе податей отвѣчаетъ все станичное общество. Высшее наше дворянство на людей, которые имъ пріобрѣтены покупкою безъ земли, или просто припискою, получило изъ войсковой земли надѣлы, которые и сдѣлались его собственностью; низшее дворянство и чиновничество также имѣетъ право на полученіе въ собственность земли, вмѣсто нынѣшнихъ пожизненныхъ участковъ. Дворяне и чиновники, такъ же какъ и казаки, должны платить поземельную подать. По удовлетвореніи всѣхъ, оставшаяся земля можетъ быть отдана и казакамъ, и иногороднимъ, деньги же, вырученныя за нее, должны быть употреблены на улучшеніе быта казаковъ: устройство дорогъ, школъ и пр. Внутреннее управленіе, судъ, полиція должны быть въ войскѣ устроены такъ, какъ и во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Наконецъ, имя казаковъ можетъ быть оставлено за казаками. Такое преобразованіе края дастъ свободу жителямъ приниматься за что имъ угодно; населеніе увеличится; войско перестанетъ быть отдѣленнымъ; разовьется промышленность и торговля, и государство отъ этого выиграетъ.

Каждый казакъ теперь служитъ; съ преобразованіемъ казачества, для отбыванія военной повинности, можно ввести систему, которая принята вездѣ на западѣ. Пусть каждый здоровый мужчина 20-ти лѣтъ поступаетъ на службу, служитъ 2, 3 даже 4 года, и потомъ навсегда возвращается въ свою семью. Впрочемъ, считая отъ 20-ти лѣтняго возраста, въ теченіе 25 лѣтъ, въ случаѣ если бы государство имѣло нужду въ военныхъ людяхъ, каждый обязанъ являться на службу. По окончаніи обязательнаго срока службы, желающіе могли бы оставаться на службѣ съ увеличеннымъ окладомъ жалованья. Обмундированіе и оружіе должны быть казенныя. Снаряженіе на службу теперь разоряетъ хозяйство. При такомъ порядкѣ—выиграли бы и общество, и государство. Въ военное время государство имѣло бы большую и хорошо обученную массу воиновъ. Члены общества не отрывались бы отъ него и отъ семьи на всю жизнь; они, здоровые и молодые, возвращались бы въ семьи. При своихъ путешествіяхъ имъ пришлось бы многое увидѣть, столкнуться съ людьми болѣе ихъ развитыми,—это помогло бы и ихъ образованію. Многіе до окончанія службы не женились бы; болѣе опытные, они вступали бы въ бракъ и не разставались бы съ своими семействами. Семья бы улучшилась.

Замѣтка наша была кончена, какъ мы получили NN 46 и 47 Донскихъ Вѣдомостей, въ которыхъ помѣщена статья В. Себрякова по поводу статьи г. Есаула: О преобразованіи въ казачьихъ войскахъ». Мы считаемъ нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ. Г. В. Себряковъ—защитникъ казачества. Посмотримъ, что онъ особенно хорошаго находитъ въ немъ. Онъ говоритъ: «свобода до сихъ поръ проглядываетъ въ жизни казаковъ». О какой это свободѣ говоритъ господинъ Себряковъ? развѣ о той, что дѣти воспитываются безъ всякаго присмотра, или о томъ, что чувство законности имъ чуждо. Онъ самъ же далѣе говоритъ: «военная дисциплина ограничиваетъ ее... Но эта дисциплина тяготитъ надъ казакомъ только во время военной службы». 25 лѣтъ каждый обязанъ служить!!.. Нельзя же, чтобы безусловное повиновеніе во все это время въ каждомъ не оставило по себѣ впечатлѣнія. На практикѣ видно это впечатлѣніе и въ общественной, и въ семейной жизни. Униженіе передъ всѣми, власть имѣющими, и давленіе низшихъ себѣ. Въ семействахъ казаковъ деспотизмъ и самодурство царствуютъ болѣе, чѣмъ въ другой какой-нибудь мѣстности Россіи. Думаемъ, что, кромѣ невѣжества, тутъ

имѣетъ вліяніе и казачество. Далѣе г. Себряковъ указываетъ на выборное начало: «Выборное начало сохранилось относительно войсковыхъ, окружныхъ и станичныхъ управленій и судовъ». Да развѣ только въ Войскѣ Донскомъ существуетъ выборное начало. Правда, у насъ оно шире развито, нежели вообще въ Россіи: каждый дворянинъ имѣетъ право подавать голосъ; должностей по выборамъ тоже больше. Но казачество и здѣсь производитъ свое вліяніе: вотъ засѣдатель—онъ прежде былъ въ Польшѣ и на Кавказѣ, и теперь дѣлается слѣдователемъ *) и блюстителемъ благочинія и благоустройства; а вотъ стряпчій—онъ рядомъ 8 лѣтъ былъ въ Польшѣ, служилъ въ канцеляріи походнаго атамана. При такой подготовкѣ къ гражданской службѣ—немного они принесутъ пользы обществу. Наше дворянство на каждыхъ выборахъ выбираетъ все новыхъ и новыхъ лицъ (рѣдко у насъ служатъ 2, 3 трехлѣтія рядомъ, особенно въ должностяхъ сыскныхъ начальниковъ и засѣдателей сыскныхъ начальствъ), ищетъ лучшихъ дѣятелей—и не находитъ. Каждый выбранный имѣетъ прежде всего въ виду поправку собственныхъ обстоятельствъ. Но извѣстно, что правительство обратило на этотъ вопросъ вниманіе, и, вѣроятно, выборное начало будетъ развито въ Россіи; не только дворяне, но и представители отъ другихъ сословій получатъ право подачи голоса на выборахъ. «Станичный сборъ, въ которомъ участвуютъ всѣ взрослые граждане станицы, изъятъ, какъ дворянское собраніе, изъ подъ вліянія администраціи». Да такъ ли это? Для наблюденія за исполненіемъ закона о выборахъ бываютъ каждый разъ на станичномъ сборѣ: окружной генералъ, сыскной начальникъ и окружной стряпчій. Сколько намъ извѣстно, присутствіе ихъ не остается безъ вліянія. Въ Хоперскомъ округѣ были вездѣ станичные атаманы изъ казаковъ; начальству это не нравилось, и вотъ на послѣднихъ выборахъ назначены офицеры. Не думаемъ, чтобы это случилось безъ вліянія администраціи. Станичные приговоры, по которымъ требуется сдѣлать ничтожный расходъ для поправки моста и пр., представляются на утвержденіе сыскного начальства. «Равенство проявляется во всей жизни общества: оно ясно на станичномъ сборѣ, гдѣ генералъ и простой казакъ имѣютъ равный голосъ». Гдѣ это равенство замѣтилъ г. Себряковъ? Приказный у насъ уже чинъ, урядникъ уже большая сила; а изъ нашихъ богатыхъ помѣщиковъ нѣкоторые просто

*) Нужно замѣтить, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ судебныхъ слѣдователей. Это тоже результатъ казачества.

требуютъ себѣ слѣпого почитанія. Вступить въ кругъ нашихъ аристократовъ въ Черкасскѣ бѣдному человѣку, хотя бы онъ отличался образованіемъ, честною и полезною дѣятельностью, нѣтъ никакой возможности. «Частое выслуживаніе простыхъ казаковъ въ офицерскіе чины, казалось, должно бы было породить зависть съ одной стороны и пренебреженіе съ другой», говоритъ г. Себряковъ. А развѣ ихъ нѣтъ? развѣ наше высшее общество принимаетъ въ себя изъ казаковъ и бѣдныхъ дворянъ чиновниковъ, даже получившихъ университетское образованіе, да если они еще бѣдны, то развѣ не пренебрегаетъ ими. Мало, чтобы личности ограждены были отъ обидъ закономъ; нужно, чтобъ въ обществѣ было развито уваженіе къ человѣческой личности, къ чужой собственности; нужны гласный и публичный судъ и свобода. Далѣе г. Себряковъ, обращаясь къ г. Есаулу, говоритъ: «Видно, что г. Есаулъ не встрѣчалъ станицъ въ послѣднюю войну, двигавшихся на враговъ поголовно: павловскіе слуги шли рядомъ съ пятнадцатилѣтними внуками—однѣ женщины и дѣти оставались дома, и кое-какъ управлялись съ брошеннымъ хозяйствомъ». На какой же выводъ хочетъ навести г. Себряковъ этими словами? Была война—войны всегда дорого обходятся обществу—шли 60-лѣтніе старики и 15-лѣтніе дѣти. Развѣ это доказываетъ, что казачество имѣетъ право на существованіе? что оно хорошо? что подобный порядокъ нужно поддерживать и въ мирное время? «Видно, что онъ (г. Есаулъ) не знаетъ станичную жизнь: совѣтую вамъ, г. Есаулъ, побывать въ любой станицѣ, въ праздничный день, посмотрѣть на игры молодыхъ казаковъ, да послушать разсказы стариковъ о Парижѣ, Турціи, Персіи, Италіи, Венгріи, о нашихъ славныхъ полководцахъ, уважавшихъ военную дѣятельность казаковъ болѣе васъ....» Мы нѣсколько лѣтъ живемъ въ разныхъ станицахъ и присмотрѣлись къ жизни казаковъ вообще, и въ праздничный день. Мальчишки—отъ 7 до 15 лѣтъ, зимою, послѣ обѣда, (въ 10 часовъ поутру) собираются гдѣ-нибудь въ серединѣ станицы, и начинаются кулачки, они продолжаются до самаго вечера; вечеромъ присоединяются и взрослые и даже старики. На другой день у многихъ болятъ бока, подъ глазами фонари, а у нѣкоторыхъ не оказывается половины бороды. Лѣтомъ—мальчишки ходятъ купаться, въ лѣсу разоряютъ галчатъ, сорокъ, витютеней, ихъ яйца и гнѣзда, и пр. И это вездѣ. Взрослое поколѣніе, послѣ обѣда, соснувши, принимается за чарку. (У насъ при новой системѣ продажи водки, на 2800 душъ въ станицѣ приходятся 25 кабаковъ, и

всѣ они поддерживаются; значитъ есть довольно потребителей. Потребляется водки не постоянно по чаркѣ для возбужденія силъ—казакъ совсѣмъ не пьетъ во время полевыхъ работъ—а по праздникамъ, пьютъ до безчувствія, до «безобразія лица». Да и что жъ имъ больше дѣлать: работать — грѣхъ, грамоту не многіе знаютъ. Приходитъ пріятель, братъ, дочь съ зятемъ и принимаются за чарку.

Замѣчанія г. Себрякова о правѣ собственности казаковъ на землю совершенно справедливы. Мы совершенно согласны съ нимъ, что противозаконно выгонять станичныхъ жителей изъ ихъ станицъ и отнимать у нихъ право пользованія замлею, если они пожелаютъ перейдти въ свободное сословіе, какъ предлагаетъ г. Есаулъ. Но мы думаемъ, что по надѣлѣ всѣхъ войсковыхъ жителей землею, остающуюся часть благоразумно продать, съ тѣмъ чтобы деньги употреблены были на улучшеніе быта войсковыхъ жителей. Увеличится народонаселеніе, увеличится промышленность и богатство края. Запрещая продажу земли, которую сами казаки не въ состояніи обработывать, значитъ походить на собаку на сѣнѣ, которая и сама не ѣстъ, и другимъ не даетъ.

Заключеніе статьи г. Себрякова произвело на насъ непріятное впечатлѣніе. Онъ говоритъ: «Въ заключеніе замѣчу, что Новочеркасскій комитетъ приглашалъ сообщить ему мнѣнія *только своихъ гражданъ;* поэтому вы, г. Есаулъ, *скрывающій свое имя*, напрасно навязываетесь съ своею бюрократической комбинаціей». Отчего же только свои граждане могутъ высказывать мнѣнія о казачествѣ. Отчего иногороднимъ, долго жившимъ въ Войскѣ Донскомъ, изучившимъ край, не позволить бы, не просить бы ихъ, высказывать свои мнѣнія? — имъ со стороны виднѣе наши недостатки. Извѣстно, что въ своемъ глазу бревно не замѣчается, а въ чужомъ замѣчается и спичка. Чѣмъ больше выскажется мнѣній, тѣмъ лучше выяснится вопросъ о казачествѣ. Даже дурное мнѣніе принесетъ свою пользу, оно вызоветъ хорошія. Не будь статьи г. Есаула, можетъ быть и статьѣ г. В. Себрякова никогда бы не явиться на свѣтъ божій. Дай богъ, чтобы больше явилось мнѣній о казачествѣ, и чтобы на нихъ было обращено вниманіе.

Казакъ А. К. Т . . . въ.

10 декабря 1862 года.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Не всякая *благонамѣренность — благонамѣренна,* афоризмъ, подсказанный мнѣ опытомъ. — Сходство судьбы Темнаго человѣка съ участью короля Оттона. — Новый годъ и новое тысячелѣтіе. — Взглядъ назадъ на движеніе русскаго прогресса. — Гимнъ тысячелѣтію. — Ясные признаки нашего десятивѣковаго существованія. — Мѣсяцесловъ на 1863 годъ и его скептицизмъ. — Мертваго человѣка можно ли считать живымъ? — Греческій вопросъ на изнанку. — Образчики нигилизма во вкусѣ героя Мижуева. — Сѣверная Пчела и ея *внутренніе* собственные корреспонденты.—Эпилогъ къ роману «Отцы и Дѣти». — Кому помогли петербургскіе пожары? — Примѣръ наивной довѣрчивости.—Невозможный слухъ о «Занозѣ», мною блистательно опровергаемый. — Что новаго въ Петербургѣ? — Воспоминаніе о лѣтнихъ мѣсяцахъ и о посѣщеніи Петербурга Японскимъ посольствомъ. — Желчная эпиграмма, непопавшая въ цѣль. — Мода давить людей на улицѣ рысаками. — Петербургскіе танцовальные вечера и увеселенія. — *Пусть по ночамъ до денницы*—колыбельная пѣсня. — Безнравственность Петербурга и строгость Московскихъ нравовъ. — *Мужскіе* кадрили и танцы безъ женщинъ.—Нашествіе ежедневныхъ газетъ и мой новогодній сонъ.—Литературные слухи. — Въ театрѣ: на сценѣ и за кулисами.—Театральный комитетъ и его заслуги и услуги.—Легатовскіе драматурги и пѣшія и конныя представленія Александринскаго театра. — Драматическіе жеребцы и ихъ первый дебютъ.—Мои театральные стансы.—Гамлетъ на русской сценѣ въ новомъ переводѣ М. Загуляева.—Нѣчто о шалостяхъ «россійскаго общества любителей садоводства» —Пѣсня *«о полиціи въ сердцѣ»,* посвящ. Н. Ф. Павлову.—Опытъ безцеремоннаго обращенія съ наукой.—Вѣсти изъ г. Симбирска. — Градоправитель *«Городка»* и нѣкоторыя его соображенія.—Борисоглѣбскій почтмейстеръ, какъ жертва суровой гласности.

Наконецъ то я вновь могу начать свои бесѣды съ моими читателями!.. Наконецъ-то!.. Легко ли было такъ долго молчать? При живомъ темпераментѣ и при постоянной привычкѣ болтливости обѣтъ молчанія былъ для меня тяжелыми веригами. Я впалъ въ уныніе, но — признаюсь—

не вдругъ. Я не вдругъ потерялъ надежду на возможность бесѣдовать съ читателемъ. Развѣ, думалъ я, мало на матушкѣ-Руси журналовъ съ благороднымъ направленіемъ: не одинъ, такъ другой. Мнѣ казалось (о моя юность, о моя свѣжесть!) что не нужно особенной гибкости и эластичности въ убѣжденіяхъ, чтобъ сдѣлаться сотрудникомъ какого-нибудь органа. Тутъ то я и ошибся жестоко. Странствованія по разнымъ редакціямъ привели меня къ горькому разочарованію. Каждый благонамѣренный органъ требовалъ отъ меня *своей собственной* благонамѣренности. Напримѣръ, «Русскій Вѣстникъ» разрѣшалъ мнѣ писать на его страницахъ только объ уничтоженіи русской народной общины введеніемъ англійскаго ценза, да о какомъ-то Self-government'ѣ; гуманная редакція «Времени» требовала отъ меня непремѣнно, чтобъ я писалъ только о любви къ русскому народу, хоть бы даже вовсе не любилъ его; «Сѣверная Пчела» предлагала мнѣ составленіе статистическихъ таблицъ о пожарахъ въ Россіи, — однимъ словомъ, вездѣ посягали на свободу моей мысли и производительности. Одинъ редакторъ — да проститъ его небо! — желая сдѣлать мнѣ нѣкоторую уступку, — уговаривалъ меня даже написать для него фельетонъ *въ стихахъ* о финансовомъ кризисѣ въ Европѣ. Я наконецъ, опомнился, и какъ король Оттонъ, покоряясь своей участи, сталъ терпѣливо ждать февраля мѣсяца.

Рубиконъ, наконецъ, перейденъ.

Новый годъ! Новое тысячелѣтіе!.. Отъ однихъ этихъ словъ великолѣпные гимны, великолѣпныя рифмы начинаютъ уже меня преслѣдовать, но... но я удержусь пока отъ этихъ гимновъ и рифмъ, припомнивъ что на мнѣ лежитъ священная обязанность сдѣлать хоть легкій обзоръ всѣхъ событій и явленій, промелькнувшихъ передъ нами въ теченіе послѣднихъ девяти мѣсяцевъ. Не безъ слѣдовъ прошли они для насъ.

Наступилъ новый годъ, наступило другое тысячелѣтіе.

Передъ глазами Европы выросла новая пирамида—новгородскій памятникъ десятивѣковому гиганту: передъ глазами Европы — я начинаю говорить съ національнымъ жаромъ — передъ лицомъ Европы, этой Леди Макбетъ, появилась тысячелѣтняя красавица — дѣвственная Офелія.

Винный откупъ рухнулъ въ могилу.

Съ мая мѣсяца прошлаго года утекло много воды въ Невѣ, безъ всякаго посредства трубъ «общества водопроводовъ».

Профессоръ Менщиковъ написалъ и напечаталъ *греческое* стихотво-

реніе (размѣромъ гекзаметра) по случаю празднованія тысячелѣтія въ Россіи.

Кандидатура на греческій престолъ и смуты въ редакціи «Русскаго Міра» и «Гудка» одинаково захватили все общественное вниманіе Европы и Малой Азіи.

Редакція журнала «Время» открыло на своихъ страницахъ великое rendez-vous журналистики съ русскимъ простымъ народомъ.

Кукельванъ рѣшительно выгнанный изъ пива, проявился въ произведеніяхъ разныхъ современныхъ публицистовъ.

Въ лѣтописяхъ русской исторіи первый день второго тысячелѣтія Россіи будетъ называться: призваніе Льва Камбека въ Новгородѣ въ 1862 г.

Въ этотъ же достопамятный день въ одномъ уголкѣ Россіи былъ предложенъ тостъ «за здоровье тысячелѣтія«.

Гарибальди получилъ рану въ битвѣ при Аспромонте, а г. Катковъ поссорился съ Н. Ф. Павловымъ изъ за интересовъ казны.

Японское посольство посѣтило берега Невы и, плѣненное нашимъ прогрессомъ, увезло его съ собою въ свое отечество.

У извѣстнаго литератора, живущаго въ троицкомъ переулкѣ были похищены въ томъ году какія-то замѣчательныя раскольничьи книги и рукописи.

Открыты поѣзды Московско-Нижегородской желѣзной дороги.

Явилось 13 ежедневныхъ газетъ. Раздался «Голосъ» А. Краевскаго и пр. и пр. и пр. Если бы я сталъ дѣлать подробный перечень всѣмъ тѣмъ явленіямъ, которыя прошли передъ нами въ этотъ короткій промежутокъ времени, то мнѣ пришлось бы исписать цѣлую гору бумаги, но всѣ эти явленія исчезаютъ предъ торжественнымъ событіемъ нашего тысячелѣтняго юбилея.

Тысяча лѣтъ!... Неужели?
Вѣрить иль нѣтъ?
Точно ль прожить мы успѣли
Тысячу лѣтъ?
Хоть и не вѣрится какъ-то —
Взглянешь назадъ:
Факты, и факты, и факты
Вѣрить велятъ.
Прочь недовѣрія мина!
Надписи слѣдъ,

Всюду на лбу славянина:
«Тысяча лѣтъ»!

* * *

Тысячелѣтія опытъ,
Смерть откуповъ,
Дѣвочки-гласности шепотъ
Ясный безъ словъ.
Грамотность волей-неволей
Входитъ въ почетъ,
Близкій конецъ монополіи
Чуетъ народъ.
Взяточникъ стонетъ и плачетъ, —
Выходу нѣтъ, —
— Сколько жъ мы прожили! —«Значитъ —
Тысячу лѣтъ»!

* * *

Пресса казнитъ понемножку
Всякое зло,
Къ сердцу народа дорожку
«Время» нашло...
Рѣчи ихъ Сивцева-вражка
Жгутъ безъ огня...
Нищихъ московскихъ поблажка
«Съ голоса Дня».
Корни Валентинъ въ Петроградѣ...
Тучи газетъ...
Кто жъ не повѣритъ, что сзади
Тысяча лѣтъ?...

Кто жъ не повѣритъ изъ васъ этому, милостивые государи и милостивыя государыни? Однихъ этихъ главныхъ признаковъ довольно для полнаго убѣжденія въ нашемъ десятивѣковомъ историческомъ существованіи. Внѣшняя же моложавость никого не должна смущать. Россія, какъ сохранившаяся красавица, моложава на лицо; она въ этомъ случаѣ—и только въ этомъ, оговариваюсь,—похожа на Манонъ Леско, которая 80 лѣтъ еще поражала своей красотой и свѣжестью.

Но позвольте, вѣдь я только шучу; вѣдь не могу же я серьёзно предположить, чтобъ въ Россіи нашелся бъ хоть одинъ такой вольнодумецъ, который сомнѣвался бы въ томъ, въ чемъ никто не сомнѣвается. Ужь какъ, кажется, недовѣрчивъ нашъ русскій «мѣсяцесловъ», составляемый Академіею наукъ, которую я подозрѣваю въ скептицизмѣ,—

да и тотъ русскаго тысячелѣтія не отвергаетъ. А вѣдь этотъ же самый мѣсяцесловъ не признаетъ иногда такихъ вещей и событій, въ которыхъ даже не сомнѣвается самый отъявленный отрицатель. Загляните напр. въ календарь 1863 года и убѣдитесь въ этомъ.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ, напр. всѣмъ извѣстно, что профессора Беккерса давно нѣтъ въ живыхъ и даже скелетъ его, по завѣщанію, отданъ въ медико-хирургическую академію, но календарь это отрицаетъ и извѣщаетъ, что покойнаго профессора можно видѣть въ больницѣ въ такіе-то дни и такіе-то часы.

Другой примѣръ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ телеграммы и газетные корреспонденты во всѣ уголки міра разнесли извѣстіе о греческихъ дѣлахъ и объ отъѣздѣ короля Оттона изъ Афинъ, но мѣсяцесловъ нашъ и въ этомъ сомнѣвается и рѣшительно объявляетъ о благополучномъ пребываніи Оттона въ Греціи. Вотъ такъ нигилизмъ!.. Именно не знаешь, гдѣ что найдешь... Замѣчу при этомъ, что слово «нигилизмъ» я употребляю здѣсь не въ томъ прямомъ смыслѣ, какъ у насъ его теперь понимаютъ. Я говорю о томъ нигилизмѣ, которому былъ подверженъ во всемъ сомнѣвавшійся зять гоголевскаго Ноздрева—Мижуевъ, который по своему, былъ тоже нигилистомъ

Но по моему ужь лучше упорная стойкость Мижуева, нежели слѣпая довѣрчивость... ну, хоть бы Сѣверной Пчелы. Эта газета, имѣя вѣроятно, какъ за границей, такъ и въ самой Россіи своихъ *собственныхъ* корреспондентовъ въ продолженіе всего лѣта съ неутомимостью Коробочки сбирала отвсюду всѣ нелѣпые толки и народныя сплетни и предавала ихъ тисненію. Многіе такіе же довѣрчивые люди читали и вѣрили этимъ слухамъ, особенно въ провинціяхъ, гдѣ каждый новый, да еще печатный слухъ, какъ бы онъ безсмысленъ ни былъ принимается съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ. Скандалъ такой, изображенный «Сѣверной Пчелой» пришелся нѣкоторымъ органамъ очень по сердцу и они пустились въ перегонку другъ передъ другомъ угощать русскую публику разными «вѣстями и слухами». Литературный лѣтній походъ, въ главѣ котораго стояла «Сѣверная Пчела», сдѣлался такимъ образомъ поясняющимъ эпилогомъ къ роману Тургенева «Отцы и дѣти». Доволенъ ли былъ И. С. Тургеневъ этимъ эпилогомъ—неизвѣстно, только извѣстно одно, что «Сѣверной Пчелѣ» со стороны временнаго возвышенія подписки

«Пожаръ способствовалъ не мало къ украшенью».

Ну, и то славу богу.

Но бываютъ примѣры довѣрчивости болѣе наивной, болѣе безкорыстной. Извѣстно всѣмъ что сплетня,—это выработывающееся общественное мнѣніе, какъ шутя говоритъ одинъ мой пріятель,—будетъ существовать въ народѣ до тѣхъ поръ, пока въ немъ будутъ люди съ большимъ запасомъ свободнаго времени и фантазіи. Вѣдь не будь послѣднихъ—кто бы вѣрилъ имъ, кто бы увлекался ихъ поэзіей? Но досужихъ людей пока еще у насъ много, а потому и всякая сплетня, выражаясь ученымъ языкомъ журнала «Время», найдетъ для себя почву. Вольно же вѣдь вѣрить всему! Представьте себѣ, напр., что какой-нибудь шутникъ вздумалъ меня увѣрять, что въ Россіи до сихъ поръ существуютъ взяточники, или напр. что подписка на газету г. Розенгейма «Занозу» принимается при каждомъ кварталѣ. И вотъ если бы я такой штукѣ повѣрилъ и прямо бы бухнулъ въ своемъ дневникѣ: вотъ, дескать, что, любезные читатели, у насъ еще взятки берутъ до сихъ поръ, а . Розенгеймъ при кварталахъ подписку открылъ на «Занозу»,—что бы тогда подумали вы обо мнѣ, любезные читатели, что бы сказалъ самъ г. Розенгеймъ, «Занозу» котораго я ставлю даже не ниже самого покойнаго «Весельчака»?..

Мнѣ и во снѣ, и въ сладкой грезѣ,
И вставъ отъ сна,
Молва такая о «Занозѣ»
Была бъ смѣшна.
И если бъ даже Держиморда
Сказалъ мнѣ: «да»!
Я отвернулся бъ тотчасъ гордо
И... отъ стыда.
Нѣтъ, тотъ, чьи пѣсни обличали
Всю Русь пять лѣтъ,
Тотъ не откроетъ при кварталѣ
Подписки!... нѣтъ!...

Но вотъ въ числѣ разныхъ слуховъ недавно пронесся одинъ: о перенесеніи столицы изъ Петербурга въ другой пунктъ Россіи. Слухъ, хоть и нелѣпый, но во всякомъ случаѣ затѣйливый. Досужаго человѣка онъ наведетъ на весьма игривыя предположенія о томъ, что сдѣлалось бы съ Петербургомъ въ этомъ случаѣ, хорошо или дурно стало бы его жителямъ, подешевѣли ли бы или нѣтъ квартиры и пр. и пр. Но какъ ни игривъ былъ этотъ слухъ, онъ все-таки не имѣлъ никакого основанія.—Нашелся же однако одинъ литературный органъ, и именно «Народное Богатство», которое повѣрило ему и посвятило цѣлую передовую статью этому вопросу. Вотъ Мижуева поневолѣ и вспомнишь..

Что новаго въ Петербургѣ? Въ послѣдній разъ я прогуливался съ читателемъ по его улицамъ еще въ маѣ мѣсяцѣ — въ ожиданіи хорошаго лѣта. Но лѣта мы не дождались, какъ извѣстно, и прямо съ весны перешагнули въ осень. Но къ такимъ климатическимъ прыжкамъ Петербургу не привыкать стать. Не могли привыкнуть къ нему только, какъ я думаю, наши лѣтніе гости японцы, у которыхъ солнце совершенно иного приготовленія. Японцы уѣхали, недовольные нашей природой, но въ восторгѣ отъ русскаго прогресса.

Что еще случилось въ лѣтніе мѣсяцы? Да кромѣ стульевъ, поставленныхъ на Невскомъ проспектѣ, никакихъ болѣе важныхъ перемѣнъ не было. Притомъ же и это нововведеніе не пошло въ прокъ, и стулья постояли, постояли на улицѣ и скоро опять исчезли. Придетъ ли въ самомъ дѣлѣ кому нибудь охота, стуча ногами отъ холода сидѣть на проспектѣ, любуясь подвигами нашихъ рысаковъ, которые очень искусно давятъ людей на улицѣ. Это развлеченіе теперь самое *модное* въ нашей гуманной столицѣ. Всякій почти день мы можемъ наслаждаться такимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ на многолюдныхъ улицахъ города. Почти каждый нумеръ газеты сообщаетъ намъ пріятныя вѣсти, то о каретѣ, раздавившей прохожаго, то о женщинѣ пришибленной до полу-смерти подъ ногами лошадей.

Кромѣ новостей театра, къ которымъ мы еще перейдемъ, намъ нельзя пройдти молчаніемъ танцовальныхъ вечеровъ и танцклассовъ, открывшихся въ Петербургѣ въ очень большомъ количествѣ. Въ двадцати уголкахъ Петербурга каждый вечеръ гремитъ музыка и мелькаютъ пары танцующихъ канканеровъ и канканерекъ. Для охотниковъ до морали эти балы — тема превосходная: объ общественномъ развращеніи, объ испорченности нравовъ можно по этому поводу написать цѣлое сочиненіе. Иванъ Аксаковъ, впрочемъ, уже отозвался на эти петербургскіе увеселенія съ приличнымъ жаромъ и негодованіемъ. Вѣдь какъ хотити — а соблазнительный случай поговорить объ общественной нравственности! Я самъ чуть до этого не увлекся, но подумалъ и написалъ слѣдующіе стихи:

Пусть по ногамъ до денницы
Прыгаетъ вся молодежъ,
Все населенье столицы!
Что-жъ!
Пусть веселится, кто можетъ!
Пусть процвѣтаетъ танцклассъ!

Что-жъ такъ гнѣвитъ и тревожитъ
Насъ?
Нуженъ ли спросъ: «для чего ты
Пляшешь столица?» Отвѣтъ:
—Значитъ на сердцѣ заботы
Нѣтъ.
Пляшутъ!.. Кого же осудимъ?
Судъ здѣсь безсмысленъ и нѣмъ: -
— Значитъ ужъ весело людямъ —
Всѣмъ.
Юность кружится. Ни слова!
Можно ль кого обвинять!
Гдѣ жъ ей занятья другого
Ждать?
Если же старость сѣдая
Пляшетъ подъ склонъ своихъ дней,
Значитъ душа молодая
Въ ней.
Значитъ, мы дѣти Европы,
Значитъ, характеръ нашъ живъ,
Значитъ, у насъ мизантропы —
Мифъ.
Прыгаемъ мы до разсвѣта, —
Думаемъ мало за то,
Кто жъ не похвалитъ за это?
Кто?
Мысль лишь задвижется — строги
Къ ней мы всегда, здѣсь и тамъ,
Только развязаны ноги
Намъ.
Пусть же всю ночь до денницы
Гонитъ забавами грусть
Все населенье столицы!
Пусть!

И такъ, этотъ безнравственный Петербургъ веселится, танцуетъ по танцклассамъ цѣлыя ночи на пролетъ, приводя въ негодованіе старушку Москву, которая напрасно ставитъ себя въ примѣръ вѣтренной невской столицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какая разница! Въ Петербургѣ двадцать пять танцовальныхъ пріютовъ каждый день открываютъ свои залы для любителей и любительницъ свободнаго веселья. Петербургъ, этотъ городъ безъ предразсудковъ, городъ, въ которомъ выросла и возмужала похотливая муза Всев. Крестовскаго и развился талантъ г. Фокина,

откровенно и открыто предается веселости. Нетакова Москва. Воспитанная въ иныхъ нравахъ, не создавшая ни одного поэта съ лесбосскими страстями, она отплевывалась, какъ отъ дьявольскаго навожденія, при одномъ только имени шпицъ-баловъ. Позволяя себѣ только однѣ уединенныя, келейныя шалости, Москва въ открытыя шалости не пускалась и гнушалась ими, вмѣстѣ съ Ив. Аксаковымъ. Хоть Петербургская зараза не миновала, наконецъ, и Москвы — но здѣсь то и оказалась громадная разница между двумя городами. Въ Москвѣ открылось только *два* танцкласса, которые однако не имѣютъ ничего общаго съ петербургскими. Довольно того сказать, что на этихъ вечерахъ *не бываетъ дамъ*, и мужчины, за неимѣніемъ женщинъ, составляютъ мужскія пары и кадрили. Цѣломудренныя москвитянки не рѣшаются заглядывать на эти *окаянныя* гульбища. Судя по этимъ фактамъ, словно и убѣждаемся въ чистотѣ московскихъ нравовъ. Да такъ ли это только?...

Къ новому году публика, задавленная со всѣхъ сторонъ объявленіями разныхъ размѣровъ и величинъ, ждала отъ журналистики много сюрпризовъ. За ними дѣло не стало. Едва проглянуло новогоднее солнце, какъ по городу забѣгали почтальоны и разнощики газетъ. За дверями квартиръ съ утра загремѣли колокольчики — и вотъ поочередно одни за другими на насъ обрушились ежедневныя и еженедѣльныя изданія. Голова начинала кружиться. Передовыя статьи «Голоса» и «Петербургскихъ Вѣдомостей», стихотворенія разнощиковъ афишъ и стихи «Занозы», объявленія объ устрицахъ и прокламаціи г. Ѳ. Стелловскаго — все это вскружитъ хоть какую голову. Я тоже потерялся; прошло нѣсколько дней послѣ новаго года, но звонки не переставали звенѣть надъ самымъ моимъ ухомъ; газеты врывались въ мой кабинетъ, какъ-то сами собою развертывались и, впечатлѣніе, за впечатлѣніемъ, ложились на мою память, довели до болѣзненнаго растройства мое воображеніе. Я не спалъ — а видѣлъ какіе-то сны на яву, видѣлъ знакомые образы, быстро смѣнявшіеся одинъ за другимъ. То мнѣ казалось, что одинъ изъ нумеровъ «Голоса» тихо сползалъ съ моихъ колѣнъ, постепенно начипалъ измѣнять свой видъ и вдругъ принималъ на себя образъ А. А. Краевскаго; то я будто слышалъ тутъ, рядомъ, за дверьми своей квартиры плавную рѣчь Павла Анненкова, который, гладя по головкѣ гг. Помяловскаго и Успенскаго, давалъ имъ роди-

тельскія наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ писать повѣсти; то вдругъ изъ за печки слышалось пріятное ржаніе, и ко мнѣ прямо въ карманъ пробирался N «Русскаго Листка»: хочу его читать — но вмѣсто текста вездѣ на каждой строчкѣ попадается только одна фамилія: Скарятинъ, Скарятинъ, Скарятинъ... Я начинаю уже сердиться, какъ вдругъ передо мной выростаетъ фигура городового, который непремѣнно заставляетъ меня проглотить листъ «Занозы», — но мгновенье — и передо мной стоитъ уже не городовой, а Всев. Крестовскій, а на рукахъ его лежитъ въ обморокѣ испанка... Безобразный, ужасный кошмаръ давилъ меня, и только скомкавъ всѣ газеты вмѣстѣ и спрятавъ ихъ подъ замокъ, я началъ приходить понемногу въ себя.

Но новости журналистики однако не удовлетворили меня: это были все новости политическія, общественныя, промышленныя, а я жаждалъ новостей чисто-литературныхъ. Ихъ давно нигдѣ не появлялось. Всѣ журналы только давали одни обѣщанія. — Писемскій пишетъ новый романъ. Это отлично, но это все въ будущемъ. — Тургеневъ оканчиваетъ новый романъ: «Довольно!» А. Майковъ написалъ или вѣрнѣе *продолжалъ* поэму: «Три смерти». Превосходно, но это тоже еще впереди, а что же въ настоящемъ? Въ настоящемъ пока ничего. Кромѣ повѣсти *«Калоши счастія»* въ «Сѣверной Пчелѣ», нѣтъ никакихъ новыхъ литературныхъ произведеній.

Вся надежда на выходъ толстыхъ январскихъ журналовъ и на тѣхъ писателей, въ услугахъ которыхъ журналисты нуждаются только въ январѣ мѣсяцѣ каждаго года, а потомъ всѣ остальные одинадцать мѣсяцевъ не обращаютъ на нихъ никакого вниманія...

Въ ожиданіи новостей литературныхъ обратимся къ театру. Неужели и тамъ такая же бѣдность новостей? Неужели репертуаръ его не обогатился въ продолженіе прошлаго года новыми произведеніями? Думая такъ, мы очень ошибемся. Заглянемъ прежде всего на русскую сцену, за ея кулисы, и посмотримъ, что тамъ дѣлалось.

Прежде всего насъ должно пріятно изумить извѣстіе, что въ продолженіе прошлаго года въ театральный комитетъ поступило *пятьсотъ* новыхъ пьесъ.

Пятьсотъ пьесъ въ одинъ годъ! — да вѣдь это просто европейская роскошь? воскликните вы, въ восторгѣ потирая руки.

— И такъ, продолжаемъ, довѣрчивый слушатель: въ прошломъ году на русской сценѣ появилось 500 новыхъ пьесъ?

— Вы ошибаетесь: изъ нихъ мы не видали ни одной.

— Какъ это?

— Очень просто: всѣ эти пьесы не были одобрены театральнымъ комитетомъ, который имѣетъ на искусство свою особую точку зрѣнія— *легатовскій* взглядъ на театральныя представленія. Съ такимъ взглядомъ критика его неумолима. Всѣ пьесы безъ *легатовскаго* направленія были имъ постоянно отвергаемы. Говорятъ даже—не выдаю за вѣрное — кому-то вздумалось, въ видѣ опыта, представить въ комитетъ одну изъ драмъ Шекспира. Неизвѣстный, увѣренный, что комитетъ со *всѣми* произведеніями Шекспира не знакомъ, придѣлалъ къ драмѣ только другое названіе. Опытъ совершенно удался, и рукопись была удостоена надписи: «возвратить автору».

Но не спѣшите гнѣваться, милостивые государи, не увлекайтесь примѣромъ тѣхъ азартныхъ журналистовъ, такъ скоро поторопившихся обвинить глубокомысленный театральный комитетъ. Оцѣнимъ же по достоинству и безпристрастно услуги, оказанныя имъ нашей публикѣ.

Начнемъ хоть съ того, что входныя цѣны Александринскаго театра доведены теперь до возможной дешевизны. Если вы любите, чтобъ въ театрѣ вамъ не давили ногъ и желаете ближе слышать, какъ наши артисты, не зная своихъ ролей, глазами своими умоляютъ суфлера о помощи, выберите билетъ въ первый рядъ кресслъ—и это вамъ будетъ стоить только 1 р. 50 к.

Неужели это не заслуга?

Что же касается до того, что театральный комитетъ такъ свирѣпо бракуетъ всѣ новыя пьесы, къ нему представляемыя, то и на это есть самыя законныя причины. Къ чему комитетъ будетъ хлопотать о разнообразіи своего репертуара, когда онъ и безъ того разнообразенъ, когда онъ своими собственными *домашними* средствами можетъ надѣлять публику какими угодно представленіями: пѣшими или конными. У театра есть свои собственные, *казенные* водевилисты, и драматурги: стоитъ только кличъ кликнуть — и

Глядь — водевильчикъ слѣпятъ:
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ.

Зачѣмъ, напр. искать водевилей, когда есть водевили П. С. Өедорова, Григорьева 1, Каратыгина. А понравилась переводная драма — домашній переводчикъ переведетъ «Демона», г. Леонидовъ надѣнетъ на

себя красный дьявольскій плащъ—и дѣло съ концомъ. Наконецъ, если нужно сочинить *оригинальную* драму или комедію — то у театра есть свой собственный драматургъ г. Дьяченко — который каждую недѣлю можетъ сшивать по пьесѣ, какой угодно величины и какого угодно содержанія. Нужно ли давать дорогу новымъ талантамъ! Положимъ Шекспиръ — изрядный писатель, Островскій и Гоголь—тоже не безъ дарованія, но вѣдь они уже не новость, могутъ и прискучить, по мнѣнію театральныхъ жрецовъ, а вотъ Дьяченко — сила новая, «легатовская» сила, которая самые желѣзные нервы съумѣетъ разшевелить.

Развѣ этихъ причинъ недостаточно для того, чтобъ сценическій кукельванъ г. Дьяченко публика вкушала чуть ли не каждый день.

Но если наконецъ «пѣшія» представленія г. Дьяченко немножко наскучать, то вы можете любоваться «конными» представленіями на подмосткахъ Александринскаго театра, его новой лошадиной труппой въ рамѣ «Новгородцы въ Ревелѣ». Это ли не развлеченіе? Что жъ! если у лошадей П. С. Ѳедоровъ открылъ драматическій талантъ, то отчего же и имъ не испытать своихъ силъ!

Нашлись однако зоилы, которые съ злобою напали на нашъ театръ за то, что на немъ рѣдко играютъ пьесы Островскаго и Гоголя, а твореньями г. Дьяченко, да «Новгородцами» угощаютъ публику почти ежедневно. Да вѣдь кто же виноватъ, что публика предпочитаетъ послѣднихъ первымъ?

Тутъ собственно виновныхъ нѣтъ;
Кто виноватъ — еще никто не взвѣсилъ:
Иль театральный комитетъ,
Иль публика александринскихъ креселъ?

Во всякомъ случаѣ, рѣшить трудно—на чьей сторонѣ преимущество. Но, за то усердіе все превозмогаетъ, и исполнители *конныхъ* и *пѣшихъ* представленій Александринскаго театра на своихъ плечахъ вынесутъ хоть какую угодно драму или комедію. Именъ многихъ изъ этихъ артистовъ я не могу произносить безъ нѣкотораго душевнаго волненія.

Когда я видѣлъ, какъ «Торцова»
Игралъ Бурдинъ, — сквозь шумъ и гулъ:
«Великолѣпно, образцово!!!
Я восклицалъ — ломая стулъ.

Когда я былъ въ тоскѣ и горѣ,
Чѣмъ горе разгонялъ я? чѣмъ?
Я шелъ смотрѣть, какъ въ «Ревизорѣ»
Играешь ты, Максимовъ М.

Когда пасхальныхъ балагановъ
Нигдѣ не строили пока —
Любилъ смотрѣть я, какъ Степановъ
Ломался въ «Жизни игрока»

Свою чувствительность не выдавъ
Еще нигдѣ, я весь дрожалъ,
Когда громовый Леонидовъ
Намъ «Ермака» изображалъ.

Когда, порой, я брови хмурилъ, —
Я шелъ смотрѣть — и хохоталъ, —
Какъ Марковецкій каламбурилъ
И роль свою перевиралъ.

Я увлекался очень скоро,
Не кстати хлопалъ, хлопалъ зря,
Когда Григорьева актёра
Встрѣчалъ въ хламидѣ короля

Я зрѣлъ Самойлова въ «Гамлетѣ»
И наслажденіе вкусилъ,
И все шепталъ въ минуты эти:
Онъ намъ Шекспира объяснилъ.

Шемаевъ!... Нильскій!.., Нѣтъ, завѣсу
Я опущу, сказавъ одно:
Они и слабенькую пьесу
Сыграютъ живо и умно

Театральными новостями мы во всякомъ случаѣ не совсѣмъ бѣдны. Новый балетъ Сен-Леона «Сирота Теолинда», «Сила Судьбы» новая опера Верди, великолѣпно обставленная, «Наташа» русская опера Вильбуа—развѣ все это не новости? На русской сценѣ, кромѣ пьесъ, о которыхъ говорено выше, появились «Слово и дѣло» комедія Устрялова, «Бояринъ Матвѣевъ» драма съ *трескомъ*, «Мастеровой» драма Погосскаго; на дняхъ въ бенефисъ Снѣтковой 3 й (которая, кстати сказать, покидаетъ сцену) будетъ дана новая комедія Чернышева: «Зачастую»—чего жъ вамъ больше? Наконецъ, въ бенефисъ Самойлова данъ

былъ недавно *Гамлетъ* съ новой обстановкой, и въ новомъ переводѣ М. Загуляева.

Появленіе «Гамлета» на русской сценѣ—явленіе не обыденное, и потому о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Но прежде чѣмъ говорить о Самойловѣ въ этой ролѣ — два слова о новомъ переводѣ Гамлета.

До сихъ поръ на русской сценѣ мы видѣли «Гамлета» въ переводѣ Полевого. Сравнивая этотъ переводъ съ переводомъ М. Загуляева, мы находимъ, что трудъ послѣдняго гораздо добросовѣстнѣе и вѣрнѣе, несмотря на его деревянные, ужасные стихи. Но, странное дѣло! отчего *передѣланный* «Гамлетъ» Полевого больше приближалъ насъ къ Шекспиру, чѣмъ точный, почти подстрочный переводъ г. Загуляева, который утомитъ, измучаетъ васъ, вызоветъ въ васъ чувство благодарности къ усердному переводчику, но съ Гамлетомъ все-таки не познакомитъ? Отвѣтъ простой: эта общая участь всѣхъ подстрочныхъ переводовъ. Въ передѣлкѣ Полевого мы видимъ даровитаго писателя, который понималъ Шекспира; въ переводѣ же г. Загуляева видѣнъ труженикъ, понимающій англійскій языкъ, но не самого Шекспира. Трудъ г. Загуляева почтененъ и занимаетъ почетное мѣсто въ «Драматическомъ Сборникѣ» 1862 года, гдѣ былъ и помѣщенъ; но чтобъ послушать загуляевскаго Гамлета на сценѣ съ помощію русскихъ актеровъ, это какъ вамъ угодно—подвигъ громадный. Въ продолженіе *пяти* часовъ слушать стихи Загуляева — можетъ только терпѣливая деликатная русская публика. Но вѣдь и со стороны г. Загуляева тоже былъ подвигъ своего рода: иначе мы не умѣемъ назвать смѣлости человѣка, который безъ искорки дарованія, съ запасомъ одного усердія, рѣшается переводить одну изъ колоссальныхъ драмъ Шекспира. Но что значитъ въ этомъ случаѣ усердіе безъ дарованія? Полевой имѣлъ напр. дерзость вставить въ своего Гамлета, извѣстную фразу:

За человѣка страшно!...

Но отъ этой дерзкой вставки талантливаго писателя не отказался бы самъ Шекспиръ; эта дерзкая фраза, сдѣлавшись поговоркой, гораздо болѣе знакомитъ насъ съ Шекспиромъ, чѣмъ всѣ подстрочно переведенные монологи г. Загуляева.

Чѣмъ же такъ плѣнилъ г. Загуляевъ театральныхъ эстетиковъ! Ужъ если наконецъ они хотѣли имѣть новый переводъ «Гамлета»,

го взяли бы переводъ г. Кронеберга, переводчика, сколько извѣстно, очень даровитаго.

И вотъ въ загуляевскомъ «Гамлетѣ» передъ публикой явился г. Самойловъ!.. Какъ даровитый, образованный и умный артистъ, г. Самойловъ такъ же рѣзко отдѣляется отъ большинства русскихъ актеровъ, какъ Гамлетъ отъ какихъ нибудь Розенкранцевъ и Гильденштерновъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что роль самаго «Гамлета» была ему по силамъ. Съ нѣкотораго времени г. Самойловъ началъ появлятся въ разныхъ роляхъ Шекспера—то въ «Лирѣ» то въ «Шейлокѣ» и наконецъ теперь въ «Гамлетѣ».

Что же сказать о *его* «Гамлетѣ»? Мы не видали игры «Мочалова» а имѣемъ о ней понятіе только по страстной, вдохновенной статьѣ Бѣлинскаго; но мы видѣли въ «Гамлетѣ» Каратыгина и Максимова. Первый игралъ *красиво*, второй конвульсивно, и оба безобразно, думая только объ одномъ эффектѣ. Избѣгая всякаго ломанья и рутиннаго трагическаго фиглярства, г. Самойловъ бросился въ другую крайность и поставилъ себѣ задачей сыграть «Гамлета» — *просто* и сыгралъ его уже *черезъ чуръ просто*. Передъ нами явился умный артистъ котораго просили *прочесть* роль Гамлета—и онъ прочелъ умно, съ пониманіемъ, но это было только одно чтеніе, а не *игра*. Жару, страсти, увлеченія, вдохновенія въ чтеніи Самойлова не было, и всѣ сильныя мѣста драмы, которыя потрясаютъ даже въ чтеніи, прошли на сценѣ незамѣтно и холодно. Говорятъ, послѣ игры Мочалова въ «Гамлетѣ» слушатель дѣлался боленъ и какъ сумасшедшій выбѣгалъ изъ театра; игра Каратыгина хоть обманывала искусственнымъ жаромъ и производила впечатлѣніе, но прослушавъ Самойлова зритель очень покойно уѣдетъ домой, вынеся изъ театра только одну досаду на г. Загуляева, по милости котораго онъ просидѣлъ чуть не до утра на одномъ мѣстѣ, дожидаясь, когда же это, наконецъ убьютъ короля.

Вялому ходу пьесы еще много способствовала вся живая обстановка ея. За исключеніемъ Снѣтковой 3-й, которая очень мило сыграла сумасшедшую дѣвушку (хотя нисколько не передала намъ шекспировой Офеліи), всѣ дѣйствующія лица Гамлета ходили по сценѣ какъ автоматы, не принимая никакого участія въ пьесѣ. Горацio (г. Степановъ) который, по словамъ Гамлета, есть «олицетвореніе неистощимой и ясной веселости», не показалъ никакого признака живого характера и походилъ болѣе на грибоѣдовскаго Молчалина. А. Григорьевъ 1 въ королевской мантіи? Какъ хорошъ!... Покойный Толченовъ—и тотъ былъ

сноснѣе; а на короля вѣдь тоже мало походилъ. Кого ни возьми—всѣ изъ рукъ вонъ плохи За то, нельзя не порадоваться за новую декораціонную обстановку «Гамлета»: съ этой стороны драма была обставлена превосходно.

И такъ, «Гамлетъ» не удался на русской сценѣ. Кто въ этомъ виноватъ? Можетъ г. Загуляевъ, можетъ быть и г. Самойловъ, а всего вѣрнѣе—оба виноваты. Такъ вольно же одному переводить Шекспира, а другому браться за Шекспировскія роли.

Если скандалы есть несомнѣнныя признаки общественнаго движенія, то мы рѣшительно бѣжимъ впередъ, впередъ, и есть надежда, раньше срока добѣжимъ до второго тысячелѣтія. Скандалъ отравилъ воздухъ и началъ заявлять себя тамъ, гдѣ никакъ не ожидаешь его встрѣтить. Есть, напр., въ Москвѣ одно ученое общество, «россійское общество любителей садоводства» Казалось бы какіе тутъ скандалы могутъ быть? собрались все люди ученые, смирные, толкуютъ себѣ о садоводствѣ, о разныхъ овощахъ и о породахъ крыжевника. Вѣдь не парламентъ какой—нибудь! Но гдѣ не ищешь, тамъ и найдешь. Изъ любознательности заглянемъ теперь на экстраординарное засѣданіе этого общества любителей садоводства и посмотримъ что тамъ происходитъ. Засѣданіе это, открытое 21 января, началось чтеніемъ проекта отчета о дѣятельности общества за прошлый годъ. Проектъ вызвалъ весьма серьезные споры о томъ, что число членовъ общества должно быть показано только по числу платящихъ членскій взносъ, а не по общему числу всѣхъ платящихъ и не платящихъ.

Какъ видите—вопросъ очень серьезный. Но, погодите, то ли еще будетъ! Рѣшеніе этого вопроса было рѣшено оставить до слѣдующаго засѣданія. (Гдѣ жъ тутъ въ одно засѣданіе все сообразить!).

Затѣмъ начинается чтеніе доклада коммиссіи, которой поручено было составить уставъ «ученаго отдѣленія» общества. Одинъ изъ членовъ И. Я. Ковалевскій прочелъ тутъ же «свой» проэктъ устава ученаго отдѣленія, который разнился отъ перваго только тѣмъ, что въ немъ слово: «отдѣленіе» было замѣнено словомъ: «коммисія».

Но «любители садоводства» не могли оцѣнить замѣчательнаго нововведенія г. Ковалевскаго: они были обижены самой идеей такого проекта, который какъ бы раздѣляетъ общество на «ученыхъ» и неученыхъ. Поднялся шумъ и крики неудовольствія.

—Что это такое? Что за раздѣленіе общества! Кого тутъ называютъ учеными и неучеными.

Такое оскорбленіе надолго возбудило умы. Подъ вліяніемъ этой обиды, нѣкто г. Головинъ спѣшилъ обличить директора ученаго отдѣленія г. Грелля въ невѣжествѣ. Обличеніе это состояло въ томъ, что будто бы директоръ, въ статьѣ своей въ «Журналѣ Садоводства», невѣрно употребилъ латиское названіе смородины.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ выше невѣжества—не знать названія смородины по латынѣ! Читатель! Если вы не умѣете это слово перевести на языкъ Тацита, то знаете ли вы какъ васъ за это назовутъ любители садоводства?... Лучше не спрашивайте!..

Вдругъ совершенно неожиданно открывается, что директоръ правъ, а обличитель самъ не знаетъ латинскаго языка!.. (Браво!)

Между тѣмъ шумъ и споры не умолкали, такъ что рѣшеніе вопроса объ ученомъ отдѣленіи *тоже* было отложено до слѣдующаго засѣданія.

Когда волненіе понемногу улеглось, одинъ изъ членовъ, г. Романовъ, замѣтилъ что г. Грелль немножко иначе выразилъ задачу, предложенную имъ въ одномъ изъ протоколовъ прежнихъ засѣданій, задачу, за которую г. Греллемъ назначена премія въ 100 р.

Г. Грелль отвѣтилъ на это, что такъ какъ онъ хозяинъ преміи, то считаетъ себя въ правѣ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ задачѣ; тѣмъ болѣе, что премія назначена за овощи, а время посѣва еще не пришло.

Такой отвѣтъ вдругъ почему-то обидѣлъ одного изъ членовъ, г. Риттера, и онъ закричалъ: Вы, м. г., обманщикъ; это безчестно!..

— Вы не можете быть въ этомъ дѣлѣ судьей, вѣжливо замѣтилъ ему на это г. Грелль, потому что какъ новый членъ, вы даже не присутствовали въ томъ засѣданіи, когда назначалась премія.

— Хоть я и новый членъ, но не хочу, чтобъ меня обманывали! настаивалъ г. Риттеръ, и негодующая его рѣчь полилась потокомъ. Множество голосовъ поддержали его и шумъ поднялся снова.

Когда и эта буря наконецъ затихла, то приступили къ главной задачѣ собранія—къ балотировкѣ. П. Г. Рюминъ, котораго хотѣли балотировать, напуганный такими сценами, просилъ уволить его отъ такой чести, но просьбы не были убѣдительны, и балотировка окончилась въ его пользу.

Г. Рюминъ закончилъ засѣданіе благодарностью за предпочтеніе, ему

оказанное, и желаніемъ, чтобъ нѣкоторые члены на слѣдующихъ засѣданіяхъ вели себя благообразнѣе и поприличнѣе.

Изъ всего этого можно вывести слѣдующее нравоученіе. Смертный если ты любишь цвѣты и овощи, то и продолжай ихъ любить, но въ «россійское общество любителей садоводства» членомъ не поступай ни подъ какимъ видомъ. Ergo!..

Если же вы себѣ зададите при этомъ вопросъ: отчего подобные случаи у насъ не рѣдки и случаются очень часто и въ ученыхъ и въ неученыхъ обществахъ, то на это есть уже готовый отвѣтъ остроумнаго русскаго писателя Н. Ф. Павлова: оттого, говоритъ онъ: «что въ собственномъ сердцѣ и умѣ человѣка нѣтъ внутренней полиціи»... Этотъ отвѣтъ непремѣнно долженъ навести каждаго изъ насъ на многія размышленія, послѣ которыхъ мы наконецъ всѣ придемъ къ полному согласію съ московскимъ мыслителемъ.

Вдохновленный новою мыслью Н. Ф. Павлова, я не могу не воскликнуть:

От увлеченій, ошибокъ горячаго вѣка,
Только *полиція въ сердцѣ* спасетъ человѣка.

Только тогда уцѣлѣетъ его идеалъ,
Если въ душѣ онъ откроетъ безсмѣнный кварталъ.

Мысль, напримѣръ, разшалится въ тебѣ не на шутку —
Тотчасъ ее посади ты въ моральную будку.

Въ голову ль вдругъ западетъ неприличная блажь —
Пусть усмиритъ ее сердца недремлющій стражъ.

Кровь закипитъ, забуянитъ въ тебѣ черезъ мѣру.
Съ ней, не стѣсняясь, прими полицейскую мѣру.

Стань обличителемъ собственной злобы и лжи
И на веревочкѣ умъ твой строптивый держи.

Знайте жъ россійскіе люди, и старцы, и дѣти:
Только съ *полиціей въ сердцѣ* есть счастье на свѣтѣ.

Говоря выше о московскомъ ученомъ обществѣ, которое, къ несчастію, не имѣетъ въ сердцѣ подобнаго «исправительнаго заведенія», мнѣ теперь пріятно будетъ указать на другое ученое общество, котораго члены слѣдуютъ принципу Н. Ф. Павлова.

Есть гдѣ-то въ Россіи одинъ губернскій городъ,—Кумысинскъ, положимъ,—гдѣ существуетъ женское училище. Недавно совѣтъ этого училища открывалъ свое ученое засѣданіе, въ присутствіи родителей и родственниковъ дѣвицъ. Толковали, разумѣется, все о матерьяхъ важныхъ, какъ-то: о необходимости образованія для женщинъ, о нравственности, о педагогикѣ, и пр. и пр.

Наконецъ одному изъ членовъ педагогическаго совѣта вздумалось отличиться, что называется, на славу.

Торжественно вставъ съ своего мѣста, Наукинъ предложилъ совѣту, имѣя въ виду сохраненіе чистоты дѣвичьихъ нравовъ, въ программѣ курса сдѣлать такое измѣненіе: выбросить совершенно изъ зоологіи— физіологію животныхъ, а изъ ботаники—физіологію растеній.

Къ чести директора и учителей гимназіи слѣдуетъ прибавить, что они возстали противъ такого нелѣпаго посягательства на науку; но большинство присутствовавшихъ на совѣтѣ взяло сторону остроумнаго ученаго, рѣшивъ этотъ вопросъ предоставить разсмотрѣнію высшаго педагогическаго совѣта.

Можемъ ли мы теперь сказать, что у насъ нѣтъ людей, имѣющихъ въ сердцѣ и умѣ полицію?.. Какъ видите, такое мнѣніе было бы несправедливо!..

Въ глубинѣ нашей провинціальной Россіи до сихъ поръ еще существуетъ множество патріархальныхъ обычаевъ, съ нарушеніемъ которыхъ связано нарушеніе цѣлой гармоніи провинціальнаго идиллическаго быта. Къ числу такихъ обычаевъ, крѣпкихъ по своей давности и неоящихся никакого прогресса въ мірѣ, принадлежитъ слѣдующій старинный обычай. Въ каждомъ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, гдѣ всегда есть одна или двѣ аптеки, между жителями города и аптекарями существуетъ съ давнихъ поръ соглашеніе такого рода: обыватель, пользуясь въ продолженіе года медикаментами одной изъ аптекъ, въ концѣ года ждетъ отъ аптекаря какой нибудь осязательной благодарности. «Законность» осязательной благодарности» признаютъ сами аптекаря — и по сведенію своихъ годовыхъ счетовъ, начинаютъ дѣлать сюрпризы своимъ постояннымъ паціентамъ. И вотъ, въ день новаго года каждый провинціалъ получаетъ изъ аптеки поздравительное письмо съ *приложеніемъ*. Качество и количество приложенія зависитъ отъ того, сколько было проглочено каждымъ паціентомъ въ продолженіе года разныхъ микстуръ

и рвотныхъ, сколько истреблено порошковъ, пилюль и пластырей. Самый прожорливый изъ годовыхъ пользователей получаетъ такимъ образомъ огромную связку, состоящую изъ духовъ, помады и изъ разныхъ косметическихъ и туалетныхъ принадлежностей. Каждый подобный подарокъ изображаетъ собою слѣдующую формулу: «Другъ любезный, ты стоишь награды за то, что былъ часто боленъ, чего тебѣ отъ души желаю и на слѣдующій годъ». Такъ какъ большею частію, провинціалы народъ немнительный, то эти «приложенія», это аптекарское memento-mori они принимаютъ всегда, какъ очень обыкновенную дань уваженія къ ихъ человѣческимъ недугамъ и немощамъ...

Казалось бы, что обычай этотъ повсюду «сталъ ногою твердой» и не боится никакихъ преслѣдованій, но

У насъ бѣды себѣ на каждый часъ готовь!..

Бѣда пришла съ той стороны, откуда ее никакъ нельзя было ожидать—изъ самыхъ аптекъ. Недавно въ Симбирскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ было напечатано письмо двухъ аптекарей, которые, указывая на незаконность «вкравшагося мало по малу обычая къ новому году дѣлать изъ аптекъ разнымъ лицамъ подарки», пишутъ: «поэтому мы, нижеподписавшіеся, прекращаемъ въ нашихъ аптекахъ этотъ обычай, *прося въ томъ извиненія у нашихъ знакомыхъ*. Содержатели аптекъ *Отто Маттиссонъ* и *Федоръ Рунне*.

Наступило 1 января—и всѣ добрые знакомые двухъ аптекарей (а имъ знакомъ весь городъ) остались безъ подарковъ!!..

Что если подобное оскорбленіе древняго обычая распространится повсюду?

Приходитъ новый годъ,
И каждый человѣкъ,
Обычной дани ждетъ —
Подарковъ изъ аптекъ.
Но дани — нѣтъ, какъ нѣтъ,
Прошелъ условный срокъ,
И только изъ газетъ
Читаетъ «Городокъ»:
«Сославшись на законъ,
Не вѣрны старинѣ:
Аптекарь Маттиссонъ
Съ аптекаремъ Рунне».
И проситъ «Городокъ»:

— Хоть ты бъ имъ на всегда
Анаоему изрёкъ
Евгеній–Борода»!

Съ своей стороны я былъ удивленъ тѣмъ, что такое смѣлое объявленіе появилось на столбцахъ губернскихъ вѣдомостей. Не всѣ губернскія вѣдомости рѣшились бы заявить *новое* слово гг. симбирскихъ аптекарей. Вотъ хоть бы городъ *приволжскъ* и его градоправитель!.. Извѣстился этотъ градоправитель, что въ контору мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей поступило для напечатанія объявленіи о выходѣ въ свѣтъ одного иллюстрированнаго юмористическаго изданія, продающагося въ Петербургѣ.

Появленіе такого библіографическаго извѣстія въ газетѣ не должно бы, повидимому, наводить на какія-нибудь особенныя размышленія и соображенія; но градоправитель именно любилъ предаваться соображеніямъ тамъ, гдѣ этого вовсе не требовалось.

Соображалъ онъ такимъ образомъ:

— Юмористическое изданіе! хмъ!.. значитъ на смѣхъ кого-нибудь поднимаютъ! Я хоть по своему сану смѣха вовсе не заслуживаю, но эти молокососы новѣйшіе способны и меня осмѣять, даже можетъ быть какимъ-нибудь неприличнымъ словомъ назовутъ. Если же такое изданіе попадетъ въ наши края, то ко мнѣ всякое уваженіе въ здѣшнемъ обществѣ пропадетъ изъ за какой-нибудь карикатуры... Нѣтъ, надо принять свои мѣры!..

Мѣры эти выразились въ строгомъ приказаніи—объявленія о выходѣ юмористическаго изданія въ мѣстной газетѣ ни подъ какимъ видомъ не помѣщать.

Сказано-сдѣлано, и въ губернскихъ вѣдомостяхъ града Приволжска такого объявленія никто не читалъ. Градоправитель не сообразилъ только одного,—самаго главнаго,—что въ Петербургѣ издается тринадцать ежедневныхъ газетъ, изъ которыхъ хоть одна предастъ его и занесетъ въ Приволжскъ то же самое роковое объявленіе.

Вотъ гдѣ нужно было соображеніе для приволжскаго гонителя юмористическихъ изданій!.. Много горя вообще приносятъ въ провинціи эти столичныя газеты. Желалъ бы я напр. знать какого мнѣнія Борисоглѣбскій почтмейстеръ—ну хоть, о «Московскихъ Вѣдомостяхъ»? Вѣдь не услужи ему эта газета—и никто бы на Руси не узналъ, какія дѣла творитъ онъ, а теперь узнали мы любопытную о немъ но-

вость. Борисоглѣбскій почтмейстеръ блюдетъ такія мудрыя правила: каждый, получающій изъ его конторы частную корреспонденцію, можетъ взять отъ него письмо только за *извѣстную плату,* а кто не хочетъ платить—тотъ и письма не получитъ. Что же? Значитъ *правило* такое! Кто же будетъ сомнѣваться теперь, что Борисоглѣбскій почтмейстеръ—*человѣкъ безъ правилъ*?..

Провинціальныхъ курьезныхъ новостей на этотъ разъ у меня больше нѣтъ никакихъ.

—Почему же нѣтъ?

—Потому, во 1-хъ, что провинціи наши, въ новомъ тысячелѣтіи вступя на дорогу истиннаго прогресса, ни какимъ прежнимъ шалостямъ и безобразіямъ больше не причастны; а во 2-хъ, потому что мои провинціальные корреспонденты предаются лѣни и молчанію. Вините ихъ, а не меня.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1863 ГОДУ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ

БИБЛІОТЕКИ,

ИЗДАВАЕМОЙ А. П. ОЗЕРОВЫМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. К. ГРИНЕВСКАГО.

—

Назначеніе эотго изданія—распространять свѣдѣнія, необходимыя для тѣхъ изъ нашихъ землевладѣльцевъ, которые намѣрены вступить на путь улучшеній и раціональнаго хозяйства. Съ этой цѣлью въ составъ С. Х. Библіотеки будутъ входить, кромѣ капитальныхъ сочиненій иностранной сельско-хозяйственной литературы по всѣмъ отраслямъ ея дѣятельности, по временамъ и оригинальныя статьи русскихъ авторовъ.

Втеченіи года кромѣ рисунковъ, выйдетъ всего до 300 печ. листовъ, по олной книжкѣ въ мѣсяцъ.

Сельско-хозяйственная Библіотека составитъ къ концу года рядъ отдѣльныхъ сочиненій, въ которыхъ какъ практическій земледѣлецъ, такъ и студентъ, изучающій хозяйство по профессорскимъ лекціямъ, найдутъ необходимыя для себя свѣдѣнія.

Въ составъ первыхъ 12 томовъ С. Х. Библіотеки войдутъ 1) *полные курсы о сельскомъ хозяйствѣ*, пользующіеся европейской извѣстностью; 2) *Отдѣльныя, спеціальныя руководства*, заимствованныя изъ разныхъ европейскихъ литературъ, какъ-то: полеводство, скотоводство, огородничество, садоводство, шелководство, винодѣліе, пчеловодство, сельско-хозяйственныя механика и архитектура, правила таксаціи поземельныхъ угодій, хозяйственное счетоводство, дренажъ и проч. 3) Замѣчательнѣйшіе *способы перехода* отъ трехпольной къ раціональнымъ системамъ полеводства. 4) *прикладныя науки*, преимущественно *химія* и *технологія*. 5) Статьи о сельскомъ хозяйствѣ *русскихъ писателей*, посвященныя въ особенности практическимъ совѣтамъ по хозяйственной администраціи, указаніямъ и оцѣнкѣ замѣчательнѣйшихъ сочиненій по сельскому хозяйству, выходящихъ на русскомъ языкѣ и 6) *Объявленія* для сельскихъ хозяевъ, какъ-то: прейсъ-ку-

ранты земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, съ указаніемъ на выгоднѣйшие способы ихъ полученія и проч.

Въ первую книжку вошли между прочимъ слѣдующія сочиненія.

Руководство къ сельскому хозяйству, соч. проф. Бирнбаума. Пер. съ нѣмецкаго (Введеніе и начало первой части).

Описаніе различныхъ способовъ удобренія земли, соч., Фуке.

Объ устройствѣ безбарщиннаго хозяйства, соч. Куровскаго. Пер. съ польскаго.

Монографія *крахмала,* его свойствъ и различныхъ способовъ добыванія сост. по Муспрату (съ англійскаго).

Подписка на С. Х. Библіотеку принимается въ книжномъ магазинѣ Озерова и К°, въ Офицерской, въ д. Форша. Цѣна за годовое изданіе (12 томовъ) 15 руб; съ пересылкой 17 р. Отдѣльно каждый томъ продается по 1 р. 50 к. съ пересылкой 2 р.

Годовые подписчики могутъ пользоваться разсрочкой, внося половину всей цѣны и треть.

Въ томъ же магазинѣ имѣется для продажи большой выборъ сельскохозяйственныхъ сочиненій и брошюръ.

Тамъ же принимается подписка на всѣ журналы и газеты и продаются всѣ, изданныя на русскомъ языкѣ книги.

Поступили въ продажу вновь изданныя книги.

Объ устройствѣ безбарщиннаго хозяйства соч. Куровскаго. Пер. съ польскаго. Ц. 85 коп. съ пер. за 1 фунтъ.

Монографія крахмала, его свойствъ и различныхъ способовъ добыванія. Сост. по Муспрату (съ англійскаго). Съ 4 таблицами рисунковъ. Ц. 50 коп.

МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ.

Сѣверорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада: Новгородъ, Псковъ и Вятка. Соч. Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два тома, Спб. 1863 г. ц. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 50 коп.

Графы Никита и Петръ Панинъ. Опытъ разработки новѣйшей русской Исторіи по неизданнымъ источникамъ. Соч. П. С. Лебедева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. ц 1 р. съ пер. 1 р. 25 коп.

Чтенія изъ русской Исторіи (съ исхода XVII в.) П. Щебальскаго. Выпускъ IV-й (Царствованіе Екатерины I-й.—Петра II-го.—Анны Іоанновны.—Іоанна III и Елизаветы Петровны). Спб. 1863 г. ц. 75 коп. съ пер. 1 р. также I, II и III выпуски ц. по 50 коп. съ пер. по 75 коп. за выпускъ.

Семейство Монсовъ (1688—1724). Очеркъ изъ Русской Исторіи, М. Семевскаго. Спб. 1862 г. ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 60 к.

Домашній бытъ русскихъ царей. Томъ 1-й съ портретомъ В. К. Василья Іоанновича, IX видами и планами дворца въ селѣ Коломенскомъ и Сольвычегодскихъ старинныхъ хоромъ Строгоновыхъ М. 1863 г. ц. 3 р. съ пер. 3 р. 75 коп.

Дѣло Патріарха Никона. Историческое изслѣдованіе, съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. Н. Субботина. М. 1862 г. ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

Земство и расколъ. Соч. А. Щапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Выпускъ 1-й. Спб. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи (1740—1742 г.). перев. рукописныхъ депешъ французскаго посла въ Петербургѣ, съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскаго; Томъ въ 660 стр. Спб. 1862 г. ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 50 к.

Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе П. Пекарскаго. Два большихъ тома. Спб. 1863 г. ц. 7 р. съ пер. 8 р. 50 к.

Толковый Словарь живого великорусскаго языка В. Даля. Выпускъ V. Въ 1862 г. ц. 1 р. 50 к. Тоже первые VI выпусковъ ц. по 1 р. съ пер. по 1 р. 50 к. за выпускъ.

Историческіе Очерки русской Народной Словесности и Искусства. Соч. Ѳ. И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Великолѣпное изданіе на веленевой гласированной бумагѣ съ 212 рисунками, съ древнихъ рукописей. Спб. 1861 г. ц. 7 р. съ пер. 8 р. 50 к.

Повѣсти Кохановской. Два тома. Въ 1863 г. ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

Борьба Греціи за независимость. Эпизодъ изъ Исторіи первой половины XIX вѣка. Соч. Е. Ѳеоктистова (отъ начала войны за независимость, до низверженія съ престола Оттона І-го) Спб. 1863 г. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Обзоръ современныхъ конституцій. Часть І-я (Швейцарская, французская, германская, шведская, норвежская, датская, финляндская и польская). Спб. 1862 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к. Часть ІІ-я (Англійская и Сѣверо-Американскихъ штатовъ). Ц. 60 коп. съ пер. 90 коп.

Государственный строй Англіи. Соч. Э. Фишеля. Спб. 1862 г. ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 25 коп.

Всемірная исторія Шлоссера. Томъ VII-й. Спб. 1863 г. ц. 1 р 50 к. съ пер. 2 р. тоже первые шесть томовъ ц. по 1 р. 50 к. съ пер. по 2 р. за томъ.

Сочиненія Маколея томъ І-й ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 коп. Томы II. III. IV. VI и VII-й (V-й еще не изданъ) ц. по 1 р. 50 к. съ пер. по 2 руб. за томъ.

Исторія XIX вѣка, отъ временъ Вѣнскаго конгресса. Гервинуса, перев. М. Антоновича. Два выпуска. Спб. 1862 г. ц. по 75 коп. съ пер. по 1 руб. за выпускъ.

Очерки Англіи. Леона Фоше. Спб. 1863 г. ц. 2 р. съ пер. 2 р. 75 к.

Исторія войны 1813 года за независимость Германіи. Сост. по Высочайшему повелѣнію М. Богдановичемъ. Два большихъ тома съ картами и планами. Спб. 1863 г. ц. 7 р. 50 к. съ пер. 10 руб.

Исторія отечественной войны 1812 года. Сост. М. Богдановичемъ. Четыре большихъ тома съ картами и планами. Спб. 1861 г. ц. 10 р. съ пер. 13 руб.

Всеобщая исторія литературы Шера. перев. А. Пыпина. Томъ въ 50 печатныхъ листовъ, (1-й выпускъ выдается, а 2 выпускъ послѣ). Спб. 1863 г. ц. за полное изданіе 3 р. съ пер. 3 р. 75 коп.

Исторія французской литературы Юліана Шмидта. Два тома, болѣе 50 печатныхъ листовъ (1-й выпускъ выдается, а на остальные 4 выпуска выдается билетъ). Спб. 1863 г. ц. за оба тома 4 руб. съ пер. 5 руб.

объ изданіи журнала

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1863 ГОДУ.

Трехлѣтнее изданіе «Книжнаго Вѣстника» убѣдило насъ, что онъ сдѣлался необходимостью для образованныхъ людей вполнѣ ознакомившихся съ цѣлью и направленіемъ журнала. Въ настоящее время, когда выходитъ такъ много книгъ и журналовъ, подобный органъ необходимъ. Онъ заявляетъ о всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгахъ и брошюрахъ, и вообще о замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературѣ и книжной торговлѣ; сообщаетъ краткій, точный и безпристрастный отзывъ не только о русскихъ, но и иностранныхъ книгахъ; передаетъ вѣрный смыслъ, духъ и направленіе журнальныхъ статей, обращающихъ на себя, въ какомъ нибудь отношеніи, особое вниманіе. Такимъ образомъ «Книжный Вѣстникъ» избавляетъ отъ труда слѣдить за всѣми журналами и объявленіями о книгахъ, и даетъ возможность читать статьи и пріобрѣтать книги только дѣйствительно замѣчательныя.

Участвовать, преимущественно, въ составленіи *рецензій* о книгахъ и въ *выборѣ замѣчательныхъ журнальныхъ статей*, съ изложеніемъ сущности ихъ, надѣемся, будутъ тѣ же лица, которыя приняли это на себя и въ настоящемъ году; а именно: *Д. В. Аверкіевъ, В. П. Безобразовъ, Ю. М. Богушевичъ, А. П. Вишняковъ, Г. Н. Геннади, Я. О. Ивановскій, Н. С. Лѣсковъ, О. В. Мильчевскій, В. И. Межовъ, П. А. Мулловъ, А. П. Пятковскій, А. К. Руммель, Ю. И. Симашко, Н. Г. Славинскій, С. П. Славутинскій, Ф. Г. Толль, О. Н. Шилль, I. Т.* и *В. Шишкины, П. К. Щебальскій* и другіе. Наши постоянныя усилія будутъ клониться къ тому, чтобы довести журналъ до той степени значенія и полноты, которой желаютъ сочувствующіе нашему изданію.

Покорнѣйше просимъ гг. издателей, въ видахъ обоюдной пользы, присылать свои изданія *немедленно* по выходѣ въ редакцію, чтобы дѣлать о нихъ своевременныя заявленія. Мы съ своей стороны, кромѣ заявленія, готовы выполнять всѣ справедливыя требованія. Вообще редакція предлагаетъ посредничество между покупателями, книгопродавцами и издателями.

исторіи нашего законодательства. — Начало постоянныхъ законодательныхъ работъ. — Ихъ результаты. — Лиризмъ нашей эпохи. — Централность и частныя попытки. — Совѣщательность съ обществомъ по законодательной части. — Запросы чиновникамъ. — Посторонніе проекты. — Литература. — Разрѣшеніе главныхъ вопросовъ. — Проекты для преобразованія судебной части. — Способъ ихъ составленія. — Элементы иностраннаго законодательства. — Практическая сторона дѣла. — Историческія записки. — Собраніе государственной канцеляріи и юристовъ. — Особая коммисія и ея обращеніе къ частнымъ лицамъ. — О раздѣленіи имперіи на судебные округи. — Руководительныя свѣденія по этой части. — Значеніе статистики и отчетовъ. — Могущія быть ошибки при развитіи «Основныхъ Положеній». — О совпадаемости административнаго раздѣленія имперіи съ судебнымъ. — Встрѣчающіяся при этомъ неудобства. — Судопроизводство должно требовать наименьшихъ денежныхъ издержекъ.

О казачествѣ. — Казакъ А. К. т...въ.

Дневникъ темнаго человѣка.

Не всякая *благонамѣренность* — *благонамѣренна,* афоризмъ, подсказанный мнѣ опытомъ. — Сходство судьбы Темнаго человѣка съ участью короля Оттона. — Новый годъ и новое тысячелѣтіе. — Взглядъ назадъ на движеніе русскаго прогресса. — Гимнъ тысячелѣтію. — Ясные признаки нашего десятивѣковаго существованія. — Мѣсяцесловъ на 1863 годъ и его скептицизмъ. — Мертваго человѣка можно ли считать живымъ? — Греческій вопросъ на изнанку. — Образчики нигилизма во вкусѣ героя Мижуева. — Сѣверная Пчела и ея *внутренніе* собственные корреспонденты. — Эпилогъ къ роману «Отцы и Дѣти». — Кому помогли петербургскіе пожары? — Примѣръ наивной довѣрчивости. — Невозможный слухъ о «Занозѣ», мною блистательно опровергаемый. — Что новаго въ Петербургѣ? — Воспоминаніе о лѣтнихъ мѣсяцахъ и о посѣщеніи Петербурга Японскимъ посольствомъ. — Желчная эпиграмма, непопавшая въ цѣль. — Мода давить людей на улицѣ рысаками. — Петербургскіе танцовальные вечера и увеселенія. — *Пусть по ночамъ до денницы* — колыбельная пѣсня. — Безнравственность Петербурга и строгость Московскихъ нравовъ. — *Мужскіе* кадрили и танцы безъ женщинъ. — Нашествіе ежедневныхъ газетъ и мой новогодній сонъ. — Литературные слухи. — Въ театрѣ: на сценѣ и за кулисами. — Театральный комитетъ и его заслуги и услуги. — Легатовскіе драматурги и пѣшія и конныя представленія Александринскаго театра. — Драматическіе жеребцы и ихъ первый дебютъ. — Мои театральные стансы. — Гамлетъ на русской сценѣ въ новомъ переводѣ М. Загуляева. — Нѣчто о шалостяхъ «россійскаго общества любителей садоводства» — Пѣсня *«о полиціи въ сердцѣ»,* посвящ. Н. Ф. Павлову. — Опытъ безцеремоннаго обращенія съ наукой. — Вѣсти изъ г. Симбирска. — Градоправитель *«Городка»* и нѣкоторыя его соображенія. — Борисоглѣбскій почтмейстеръ, какъ жертва суровой гласности.

РУССКОЕ СЛОВО

въ 1863 году

будетъ выходить каждый мѣсяцъ, книжками отъ 25 до 30 листовъ.

цѣна за годовое изданіе:

Безъ пересылки	12 р. 50 к.
Съ пересылкой и доставкой	14 » — »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова», въ Колокольной улицѣ, въ домѣ Миллера, N 3, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова» и въ книжныхъ магазинахъ (въ С.-Петербургѣ—А. Н. Серно-Соловьевича) и (въ Москвѣ—А. Ф. Черенина), продаются слѣдующія изданія графа Г. А. Кушелева-Безбородко:

Сочиненія А. Островскаго, Спб. 1859 г. въ 2 т. 3 р; съ пересылкой 3 р. 75 к.

Сочиненія А. Майкова, Спб. 1858 г. въ 2 т. 2 р.; съ пересылкою 2 р. 75 к.

Сочиненія Л. Мея, Спб. 1862 г. 2 т. (3-й скоро выйдетъ изъ печати) — цѣна всѣмъ тремъ томамъ 3 р; съ пересылкой 4 р 50 к.

Сочиненія И. Панаева. Спб. 1863 г. 4 т. 3 р; съ пересылкой 4 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы М. Л. Михайлова: Спб. 1862 г. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Памятники старинной русской литературы, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 3 р., а съ пересылкой 3 р. 75 к.

Рисунки Боклевскаго, представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, въ 6 выпускахъ.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio). Цѣна каждому — 1 р. безъ пересылки, съ перес. 1 р. 50 к. а за всѣ 6 выпусковъ 5 р. безъ перес 6 р 50 к., съ перес.

Для подписчиковъ Русскаго Слова на помянутыя сочиненія дѣлается въ Редакціи уступка 20 проц. съ продажной цѣны.

Гг. иногородніе благоволятъ адресоваться съ своими требованіями въ Главную Контору Русскаго Слова, въ С.-Петербургъ.

Печатано краской съ завода И. И. Беггрова.